

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Рафикова Вероника Айдаровна

**РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В ГЕРМАНИИ И США
В ПЕРИОД 1930-1940-Х ГГ.**

Научная специальность 5.3.1. Общая психология, психология личности,
история психологии

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Научный руководитель:

доктор психологических наук,

профессор СПбГУ

Ирина Анатольевна Мироненко

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА: ДЕТЕРМИНАНТЫ И АСПЕКТЫ	20
1.1. Социально-культурные факторы детерминации развития психологической науки	21
1.2. Политические факторы детерминации психологии: проблема науки и власти	31
1.3. Научное сообщество как субъект исторического процесса	49
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	63
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	67
2.1. Теоретико-методологические основания историко-психологического исследования.....	67
2.2. Процедура изучения развития психологической науки в Германии и США в 1930-1940-х годах	70
ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕМЕЦКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА.....	77
3.1. Предпосылки и условия развития психологии в предвоенный и военный период.....	77
3.1.1. Состояние немецкой и американской психологии к началу 1930-х гг.	77
3.1.2. Экономическая и социально-политическая ситуация 1930-1940-х гг.	99
3.2. Институционализация психологии в Германии и США в 1930-1940-е гг.....	105
3.2.1. Психология в Германии: отношения с властными структурами и социальный заказ.....	106
3.2.2. Социальный заказ и отношения с властными структурами в развитии психологии в США.....	124
3.3. Развитие профессионального сообщества Германии и США в 1930-1940-е гг.....	137
3.3.1. Немецкое психологическое сообщество после прихода к власти национал-социалистической партии	141
3.3.2. Структура и динамика развития американского профессионального сообщества психологов	149
3.4. Судьба сложившихся психологических направлений и возникновение новых направлений исследований	172
ВЫВОДЫ ПО 3 ГЛАВЕ	183

ГЛАВА 4. «ПОЛИТИЧЕСКАЯ» ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ 1930-1940-Х ГГ.: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.....	191
4.1. Репрезентация истории зарубежной науки в отечественной историографии	191
4.2. Политическая история психологии 1930–1940-х гг. в зарубежной историографии	207
4.3. «Американизация» историографии мировой психологии в послевоенный период	219
ВЫВОДЫ ПО 4 ГЛАВЕ	233
ВЫВОДЫ.....	236
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	244
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	247
Приложение А. Таблица 9 – Основные монографии и учебники по истории психологии (за 1945-1990 гг.).....	302
Приложение Б. Таблица 10 – Работы послевоенного периода, в которых содержится репрезентация периода 1930-1940 гг.	305
Приложение В. Фрагмент статьи Б.М. Теплова «Бунт звериного инстинкта против человеческого разума»	318
Приложение Г. Список членов секции промышленной и организационной психологии Американской ассоциации прикладной психологии (с 1939 г.)	319
Приложение Д. Список исследователей, сотрудничавших с Управлением военной информации	321

ВВЕДЕНИЕ

История развития психологической науки на протяжении 20 века включает ряд переломных моментов: это касается как кризисов, обусловленных имманентными факторами развития науки, так и кризисов, которые стали результатом общих социально-культурных потрясений. Наука как социальный институт зависима от происходящих в обществе социально-культурных трансформаций: для всех стран, где происходило становление психологии как самостоятельной научной отрасли, дисциплины и профессии характерны перемены в связи со сменой политических режимов и экономическими кризисами, мобилизации ресурсов научного сообщества в периоды мировых войн и т.д. Одним из наиболее показательных в этом отношении периодов в истории отечественной и зарубежной психологии является период 1930-1940-х гг.: на это время приходится множество «точек перелома» для психологического сообщества, таких как необходимость осмысления накопленного опыта в связи с предшествующим активным развитием школ и подходов, начавшимся еще в конце 19 века; формирование научного сообщества психологов как субъекта, способного (и должного?) отвечать на запросы общественной практики, которые особенно обостряются во времена общественных потрясений, таких как «Великая депрессия» и Вторая мировая война, усиление тенденций сращивания научного и политического и актуализация проблемы «науки и власти».

Развитие психологии в период 1930-1940-х гг., особенно – период Второй мировой войны – является предметом интереса многих как отечественных, так и зарубежных исследователей: в научной литературе представлен ряд масштабных исторических исследований, посвященных изучению разработок ученых разных стран в это время (Benetka, 1992; Geuter, 1979, 1980a, 1980b, 1983, 1984a, 1984b, Herrmann, 1976; Jarauscha, 1986; Kozulin, 1984; Schönplflug, 2012, 2017, 2020; Wieser, 2021; Wieser, Benetka, 2022; Барабанщиков, 1985; Кольцова, Олейник, 2006, 2016, 2018; Кузьминов, 2020;

Стоюхина, 2018). Существует несколько совместных исследований этого периода российских и зарубежных авторов (Gilgen, Gilgen, Koltsova, Oleinik, 1997), однако по-прежнему в недостаточной степени разработанной в литературе остается проблема представления целостной картины развития направлений психологической науки в период 1930-1940-х гг., которая одновременно отражала бы схожие и отличные тенденции трансформации психологии в разных странах в зависимости от социально-культурных факторов их детерминации.

Центральным событием периода 1930-1940-х гг. в истории мировой психологии является смещение «центра» психологической науки из Германии, которая считается родиной психологии как научной отрасли, в США (Ярошевский, 1996; Марцинковская, 2004). Это означало не только изменение географии психологии, миграцию ученых из Германии в США и рост статуса американских учебных центров и публикационных площадок относительно немецких и в целом европейских. Со смещением «центра» в США изменился характер западного мейнстрима психологии, на смену так называемой немецкой традиции, с присущими ей целостностью подхода к изучению предмета, вниманию к индивидуальным случаям, развитой методологии качественных исследований, пришла так называемая американская традиция, в русле которой типично широкое использование статистических моделей, практикоориентированность и прикладная направленность исследований (Toomela, 2007; Valsiner, 2012). Ведущее положение американской традиции в мировой науке никем не подвергалось сомнению до последних десятилетий XX века (Danziger, 1994; Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018; Мироненко, 2019).

Германия и США до начала 1930-х гг. являлись ведущими центрами развития зарубежной психологии, и именно в период 1930-1940-х гг. произошли важные изменения в характере связей научного сообщества этих стран, которые существенно повлияли на развитие всей мировой науки XX века. Однако на сегодняшний день в литературе представлено ограниченное

количество исследований, содержащих сопоставительный анализ событий в этих двух странах. В области историко-психологических исследований преобладают работы, фокусированные на отдельных странах, периодах, направлениях, аспектах, персоналиях. Узко определенный предмет таких работ обеспечивает им глубину и содержательность. Однако, не подвергая сомнению важность такого рода исследований, мы видим необходимость в обращении к историческим процессам, не ограниченным узкими географическими рамками, но относящимся к движению мировой науки как целостного организма, которым она является.

В качестве оснований для анализа развития психологии в двух странах в разнообразии научных школ и практических направлений нами были выделены социально-политические процессы, детерминирующие развитие происходящих в психологической науке изменений в указанный период и особенности процесса институционализации психологии в двух странах в этот период.

Процесс институционализации¹ научного сообщества включает в себя два аспекта: а) взаимодействие научного психологического сообщества с «внешними» социальными институтами (государством, рынком и гражданским обществом, прежде всего) и б) активность сообщества, проявляемая «внутри», в рамках процессов самоорганизации сообщества.

Важной особенностью в исследовании таких переломных моментов в развитии науки, как период 1930-1940-х гг., является то, как они представлены в историографических источниках: переломные моменты истории всегда вызывают множество споров среди исследователей и научных школ, в результате чего один и тот же период представляется разными, иногда конкурирующими точками зрения. История психологии как область

---

¹«Институционализация – это:

1. Образование стабильных образцов соц. взаимодействия, основанного на формализованных правилах, законах, обычаях и ритуалах. И. делает возможным прогнозирование соц. поведения в определенных соц. ролях (таких, как роль родителей, служащего, священника и т. п.). 2. Правовое и организационное закрепление сложившихся в обществе форм поведения, отношений и т. д. 3. Образование института (Энциклопедия социологии, 2009).

междисциплинарного исследования активно развивается в последние десятилетия и, согласно тенденциям исторической науки в целом, сегодня в этой области наблюдается повышенный интерес к социальной истории (Долгова, 2019). В отношении обсуждаемого периода на сегодняшний день сформировалось несколько устойчивых точек зрения, среди которых есть как такие, которые почти не вызывают споров в научном сообществе (например, о «смещении интеллектуального центра из Европы в Америку» после Второй мировой войны), так и дискуссионные, представленные порой противоречащими друг другу оценками (проблема профессионализации немецкой психологии в период национал-социализма, проблема преемственности основ научно-практических направлений до и после начала Второй мировой войны, влияние фактора идеологизации науки и «социального заказа» и др.). Каждая из таких точек зрения сложилась в силу тех или иных условий, таких как социально-политическая ситуация, состояние научного сообщества, раскрытие ранее неизвестных исторических фактов и др. и требует особого внимания в рамках историко-психологического исследования, так как является результатом и проявлением социально-культурной детерминации развития науки в целом.

Объект исследования: развитие психологии в Германии и США в период 1930-1940-х гг.

Предмет исследования: процессы институционализации психологии в Германии и США в 1930-1940-х гг.

Цель исследования: выявить особенности и сопоставить процессы институционализации психологии в Германии и США в период 1930-1940-х гг.

Достижение поставленной цели подразумевает последовательное решение ряда **задач:**

- 1) Сформировать базу источников историко-психологического исследования;

2) Определить особенности внутринаучной и внеаучной детерминации (прежде всего, социально-культурной и социально-политической детерминации) развития психологии в Германии и в США в 1930х-1940х годах;

3) Охарактеризовать и сопоставить особенности развития психологии в Германии и США в 1930-1940-х гг., представить в единой рамке институционализации процессы развития различных направлений в двух странах;

4) Выявить, исследовать и сопоставить различные точки зрения в отношении развития науки в период 1930-1940-х гг.

В качестве **методологической основы** исследования выступили конкретно-научные принципы историко-психологического исследования: принцип периодизации и преемственности в развитии психологического знания (Б.Г. Ананьев, Е.А. Будилова, П.Я. Гальперин, А.Н. Ждан, Б.М. Теплов, М.Г. Ярошевский, Д. Шульц и С.Э. Шульц и др.), принцип единства логического и исторического (Е.А. Будилова), принцип единства коллективного и индивидуального творчества в развитии психологического познания (В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник и др.), а также представления об историографическом анализе как части историко-психологического исследования (В.А. Кольцова, С.А. Богданчиков, И.С. Алексеенко).

В части применения этих принципов в ситуации современного развития гуманитарной науки, на смену гносеологическому монизму приходят принципы методологического либерализма (А.В. Юревич), коммуникативной методологии (В.А. Мазилев), методологической дополненности (Н.Л. Смирнова), познавательного плюрализма (И.Д. Ковальченко), утверждающие необходимость синтеза многообразных философско-теоретических подходов и методов, установления взаимопонимания между различными научными направлениями. Одним из методологических ориентиров нашего исследования является разработанная В.А. Кольцовой концепция методологических основ истории психологии, реализующая стратегию

комплексного многоуровневого исследования, объяснения и интерпретации изучаемых явлений, в основе которой лежит положение об определяющей роли онтологической природы предмета и объекта науки в отношении вопроса о методе: «Объект истории психологии, являясь идеальным по своей природе, не может быть, подобно материальным явлениям, подвергнут физическому препарированию, аналитическому расчленению; возможности исследователя ограничиваются лишь мысленным абстрагированием, анализом и осмыслением тех или иных его сторон и свойств, **воссозданием картины развития психологического знания**» (Кольцова, 2008, с. 328). Историко-психологическое исследование с необходимостью является исследованием историографическим, основанным на источниках, из которых мы черпаем информацию о прошлом: «Следствием этого является спорность и дискуссионность многих высказываемых положений, существование в историографии множества альтернативных, порой диаметрально противоположных картин прошлого психологической науки и ее современного состояния, противоречивость в оценках ее достижений, места и роли тех или иных научных школ, течений и направлений психологии, вклада различных ученых в ее становление и развитие» (Там же, с. 323-324).

Источниковую базу исследования составили следующие документы:

- Обзорные историографические работы 1930–2021 гг. на русском, английском и немецком языках, представляющие состояние советской, немецкой и американской психологии изучаемого периода и содержащие свидетельства об основных характеристиках социальной детерминации развития научно-практических течений;
- Биографические статьи о ведущих представителях научно-практических течений;
- Материалы из Фонда Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова;
- Продукты научной деятельности ведущих представителей научно-практических течений на русском, английском и немецком языках:

сборники научных трудов, публикации в периодических изданиях, материалы научных съездов и конференций, переводные издания, научные рецензии, докторские диссертации, работы монографического и учебно-методического характера.

Научная **новизна** исследования заключается в том, что:

- В рамках историко-психологического исследования расширены и дополнены представления о развитии психологии в США и Германии в период 1930-1940 гг. и в целом об этом периоде в развитии мировой психологии. Выполнен и включен в работу анализ исторических источников на немецком и английском языке, которые ранее не были представлены в русскоязычном дискурсе;
- Расширены и дополнены представления о процессах «смещения центра научной психологии» из Германии в США и о взаимосвязях и взаимовлиянии немецкой и американской психологии в указанный период;
- Впервые выполнен сопоставительный анализ развития психологии в двух странах на основе рамки проявлений институционализации, рассматриваемой в контексте двух ее аспектов: «внутренней» организации и саморегуляции профессионального сообщества и «внешних» процессов взаимодействия сообщества с социальными институтами (государством, рынком и гражданским обществом);
- Впервые представления российских исследователей о коллективной субъектности профессионального сообщества в контексте социально-политической детерминации применены в качестве основы для сопоставительного анализа развития психологии в указанный период в двух странах;
- Расширены и дополнены представления о проявлениях коллективной субъектности профессионального сообщества (А.Л. Журавлев, О.А. Артемьева), описаны формы и стратегии проявления субъектности в исследуемый период;

- Расширены и дополнены представления об изменениях в изложении истории психологии в связи с ее «американизацией» вследствие смещения научного «мейнстрима» психологии из Европы в США в послевоенный период;
- Впервые были исследованы, проанализированы и сопоставлены особенности репрезентации психологии периода 1930-1940-х гг. в англоязычной, немецкоязычной и русскоязычной научной литературе, определены и сопоставлены ключевые конкурирующие и взаимодополняющие точки зрения в историографии.

Гипотезы исследования:

1) Применение субъектно-деятельностного подхода и анализ научного сообщества как коллективного субъекта деятельности позволит расширить и дополнить представления о механизмах и формах влияния социально-политических факторов в сравнительном анализе развития психологии в странах с различными формами государственного устройства и идеологии.

2) Применение рамки характеристик институционализации психологии позволит выявить общие и специфические закономерности развития международного профессионального сообщества в Германии и США в 1930-1940-х гг., определить внутри- и вненаучные детерминанты и аспекты смещения центра психологии из Германии в США.

Теоретическая значимость работы

Расширены и дополнены представления о внутри- и вненаучной детерминации развития зарубежной психологической науки в период 1930-1940-х гг. и процессах институционализации в исследуемый период. Представлены новые данные о развитии немецкой психологии периода национал-социализма и американской психологии, предпосылках, общих и различных тенденциях развития. Проведенный сопоставительный анализ процессов профессионализации в двух странах является важным в отношении недостаточной представленности исследований об общих тенденциях и

закономерностях развития зарубежной психологии в странах Европы и Америки, в то время как уже к середине 20 века между США и Германией были сформированы тесные связи. В работе представлен сопоставительный анализ особенностей развития психологии в Германии и США в исторически значимый период динамических изменений «ландшафта» мировой психологической науки, перемещения «центра» психологической мысли между двумя странами, из Европы в Америку.

Проанализированы факторы детерминации развития психологической теории и практики - внутринаучные, политические и экономические в двух странах. На материале истории психологии США и Германии периода 1930-1940-х гг. применены основы концепции институционализации науки для анализа истории развития психологии в разнообразии ее направлений через выделение двух аспектов в процессах развития: взаимодействия с государственными структурами и субъектной активности профессионального сообщества, и впервые на основе этой теоретической рамки проведен сопоставительный анализ. В результате проведенной работы впервые представлен сопоставительный анализ процессов институционализации в двух странах.

Расширены и дополнены представления о коллективной субъектности профессионального сообщества, описаны формы и стратегии иницирующей активности профессионального сообщества в самоорганизации и во взаимодействии с государством.

Выявлены и проанализированы особенности изменения точек зрения на период 1930-1940-х гг. в обзорных исторических работах российских, американских и немецких исследователей военного, послевоенного периода и современного периода, в том числе ранее не описанное в русскоязычном дискурсе явление «американизации» послевоенной историографии.

Возможности практического использования

Апробированный на эмпирическом материале методологический и методический аппарат может быть использован для изучения развития

научных дисциплин гуманитарного и естественнонаучного характера. Представляется возможным использование полученных знаний о закономерностях социальной обусловленности развития научно-практических течений отечественной и зарубежной психологии при разработке государственных программ стимулирования фундаментальных и прикладных психологических исследований, а также при разработке образовательных программ для студентов-психологов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Применение системного и комплексного подходов в междисциплинарных исследованиях развития теории, методологии и практики психологической науки, которые неразрывно связаны с жизнью науки как социального института, требует расширенного учета влияния экономического и политического факторов. Традиционный взгляд на проблему науки и власти в терминах субъективных категорий «лояльности – напряженности» представляется необходимым дополнить более объективным вектором «включенность – дистанцирование», в области как идеологических, так и практических задач.

2. Разработанный в российской психологии субъектный подход, представления о коллективной субъектности, ее признаках, проявлениях и уровнях (М.Г. Ярошевский, А.Л. Журавлев, О.А. Артемьева и др.), может служить рамкой сравнительного исследования развития научного сообщества во всем многообразии процессов его самоорганизации и отношений с ключевыми социальными институтами (государство, рынок, гражданское общество).

3. Представление процессов институционализации психологии в Германии и США в двух аспектах, включая: а) процессы взаимодействия профессионального сообщества в системе внешних социальных институтов, прежде всего, с государством, рынком и гражданским обществом; б) процессы самоорганизации внутри психологического сообщества, с особым вниманием к тем процессам, в которых с особой очевидностью проявляется

инициирующая активность самого психологического профессионального сообщества как коллективного субъекта деятельности, - позволяет осуществить сопоставительный анализ процессов развития психологии в двух странах.

4. В отличие от США, где в рассматриваемый период интересы рынка (в первую очередь, крупного капитала) и государства были тесно связаны и, таким образом, поддержка рынка оказывалась в то же время и идеологическим запросом государства, в контексте «политической истории» (А.В. Петровский) немецкой психологии времен национал-социализма диктат государства определял ход институционализации психологии как во «внешнем» взаимодействии с социальными институтами, так и в части форм самоорганизации внутри научного сообщества. В период существования национал-социалистического государства немецкое профессиональное сообщество выработало специфический тип стратегий, демонстрирующих высокую включенность науки в повестку власти в сфере: а) практической полезности разработок, чем занимались, в основном, психологи, занятые в структурах Вермахта (благодаря привлечению психологов к работе в государственных военных структурах психология в Германии впервые получила обширную и структурно оформленную сферу практической деятельности за пределами высших учебных заведений и существенно укрепила свой статус); б) представления о психологии как о науке, которая по своему содержанию, вопросам и результатам исследований отвечает национал-социалистической идеологии (так, в психологии детства и образования стали развиваться ценностные аспекты и парадигма «воспитания нового человека»).

5. В профессиональном сообществе США и Германии проявлялись различные аспекты и признаки субъектности. Становление профессионального сообщества психологов как коллективного субъекта в Германии происходило иначе, чем в США: коллективный субъект, прежде всего, непосредственно взаимодействовал с государством, участвуя в

создании системы профессиональной аттестации. В США становление коллективной субъектности психологического сообщества проявилось как самоорганизация сообщества психологов, прежде всего, в форме создания профессиональных организаций (создание Общества психологического изучения социальных проблем, Американской ассоциации прикладной психологии, Психометрического общества: во время Второй мировой войны – создание Национального совета женщин-психологов).

6. Применение субъектного подхода позволило выделить в развитии немецкой психологии несколько переломных точек, разделяющих специфические периоды в развитии профессионального сообщества: 1) 1929-1933 г. – изменение состава и структуры психологического сообщества и необходимость формирования самоидентификации в связи с политическими изменениями начала 1930-х гг. (в результате принятия ряда законов в отношении людей еврейского происхождения и отъезда ученых из страны изменился состав психологического сообщества (изменение состава правления Немецкого психологического общества в 1929 и 1931 г.; кадровые перестановки в университетах); 2) 1933-1945 гг. – укрепление профессионального сообщества вокруг появившейся возможности «легитимизации» профессии психолога (участие в инициативах по внедрению закона о профессиональных экзаменах, статусе психолога в военных структурах); 3) 1945-1950 гг. – необходимость переориентации и перестройки самоидентификации (саморефлексии) сообщества в новых социально-политических условиях, что потребовало поиска новых форм взаимодействия с социумом, включая не только государство, но также рынок и гражданское общество, и самоорганизации, формирования новой самоидентификации.

7. Ситуация необходимости адаптироваться к идеологии национал-социализма, полностью отвергнутой в послевоенном мировом развитии, нанесла непоправимый урон немецкой психологии, несмотря на определенный успех в решении практических задач в военной отрасли, так, что в последствии немецкая психология утратила статус особенного,

целостного, самобытного направления в мировой науке. Так, в учебниках по истории психологии Германия представлена только как родина психологической науки и научной школы гештальт-психологии, а развитие немецкой психологии в послевоенный период не представлено. Успех американской психологии и ее доминирование в мировой науке в послевоенный период обусловлены не только тем, что она развивалась в ситуации, когда запросы государственной идеологии и рынка выступали в тесной связи и единстве, но и, прежде всего, тем, что американская психология ответила на зарождающийся запрос гражданского общества, которое стало главным актором послевоенного мирового развития.

8. В историографии имеются существенные различия в том, как представлен ход истории психологической науки, значимость происходящих событий и ценность вклада тех или иных направлений и авторов, в зависимости от конкретных социально-культурных и политических условий и ситуации внутри научного сообщества, где создавались историографические источники. Так, в российском научном дискурсе военного периода немецкая психология периода национал-социализма связывалась, в основном, с колоссальными потерями для немецкой науки, а также попытками оставшихся в Германии психологов «угодить» существующему режиму. В современной же немецкой историографии ключевой и дискуссионной проблемой остается интерпретация институционализации в период национал-социализма (форсированная профессионализация vs потери для немецкой психологии).

Достоверность результатов обеспечивается комплексной теоретической проработкой проблемы исследования, достаточным объемом исторических источников.

Апробация результатов исследования

Основные положения и результаты исследования были представлены на Международной научной конференции «Ананьевские чтения — 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.)»

(Санкт-Петербург, 2020, 2021, 2022), Международной научно-практической конференции молодых ученых «Психология XXI века: методология психологической науки и практики» (Санкт-Петербург, 2020), XVI Всероссийской Парыгинской научно-практической конференции (с международным участием) «Проблемы социальной психологии и социальной работы» (Санкт-Петербург, 2021), Втором Международном Конгрессе Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо», (Санкт-Петербург, 2020), Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Проблемы теории и практики современной психологии» (Иркутск, 2021, 2022), Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2021» (Москва, 2021), Ежегодной Международной конференции общества «European society for the history of the human sciences» (Берлин, 2021, 2022), Всероссийской конференции «История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее» (VII Московские встречи по истории психологии) (Москва, 2021, 2022), 32м Международном психологическом конгрессе (Прага, 2021) 54й Ежегодной конференции общества «Cheiron» (International Society for the History of Behavioral and Social Sciences), (2022), Всероссийском психологическом форуме (Съезд российского психологического общества) (Екатеринбург 2022).

По итогам работы было опубликовано 10 научных статей, из которых: 2 в журналах, индексируемых в базах Scopus/Web of Science и 7 опубликовано в журналах, рекомендованных ВАК (К-1), из числа которых 1 в журнале, индексируемом в базе Scopus, и 3 в журналах, рекомендованных ВАК по специальности, по которой защищается диссертант:

1. Mironenko, I. A., Rafikova V.A. Concerning the history of comparative psychology in Russia / I. A. Mironenko, V. A. Rafikova // Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. – 2020. – Vol. 10. – No. 1. – P. 61-72. – DOI 10.21638/spbu16.2020.105.

2. Рафикова В.А., Мироненко И.А. Актуальные тенденции методологии истории психологии в свете философско-методологических проблем историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2021. – Т. 11. – № 4. – С. 312-325.
3. Рафикова В.А. Применение исторической психологии в историко-психологических исследованиях на примере периода Второй мировой войны // Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее. Сер. «Методология, история и теория психологии» Москва, 2020. – С. 106-119.
4. Mironenko I.A., Proskuriakova E., Rafikova V.A., Kozlova Y., Simonovich A., Proshina A., Danina E. Walking in St. Petersburg-Vienna Walks Continued / I. A. Mironenko, E. Proskuriakova, V. Rafikova [et al.] // Human Arenas. – 2020. – Vol. 3. – No. 2. – P. 190-213. – DOI 10.1007/s42087-019-00076-8
5. Рафикова В.А. Социально-политические факторы развития психологической науки в СССР и США перед Второй мировой войной: сравнительный анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2021. – Том 6. – № 2 (22). – С. 244-270. DOI: 10.38098/ipran.sep_2021_22_2_10
6. Рафикова В.А., Мироненко И.А. Развитие социальной психологии в США в период Второй мировой войны и судьба российской школы социальной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2021. – Т. 6. – № 3 (23). – С. 246-271.
7. Rafikova V.A., Mironenko I.A. Pavlov in Russian contemporary Psychological discourse // One Dog Is Enough: Ivan P. Pavlov's Contributions to Idiographic Science / Editor(s): S. Salvatore, J. Valsiner. Charlotte, NC: Information Age Publishers, 2022 (глава в коллективной монографии). P. 105-128.

8. Рафикова В.А., Мироненко И.А. «Политическая история» психологии детства в Германии периода национал-социализма // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 4. – С. 352–375. DOI 10.35231/18186653_2022_4_352
9. Рафикова В.А. Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2023. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 243-269.
10. Мироненко И.А., Рафикова В.А. Институционализация психологии в Германии и США в 1930х-1940х годах: сопоставительный анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 158-180.

Подготовка диссертации осуществлялась в рамках работы по следующим грантам РФФИ:

1. № 20-313-90004: «Развитие российской и зарубежной психологии личности в период тысяча девятьсот тридцатых - тысяча девятьсот сороковых годов: сравнительный анализ»
2. № 20-013-00260: «Национальные и локальные школы психологии в контексте глобальных социально-культурных трендов: проблемы и перспективы».

Структура диссертации: диссертация состоит из введения, четырех глав, выводов, заключения, списка литературы из 590 источников (из них 230 на английском языке, 131 – на немецком, 229 – на русском), 5 приложений. В работе представлено 12 таблиц. Общий объем диссертации – 322 страницы, из них приложений – 18 страниц.

ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА: ДЕТЕРМИНАНТЫ И АСПЕКТЫ

Проблема взаимосвязи развития науки как научного познания и функционирования науки как социального института является актуальной со времени возникновения самой науки и в самом широком смысле восходит еще к трудам древним философам, которые пытались осмыслить процесс познания как таковой. С одной стороны, стремление ученых, философов и вообще любых акторов познавательного процесса описать собственную деятельность продиктовано не только исследовательским интересом, но и желанием оптимизировать свой труд, сделать его более продуктивным. С другой стороны, вся история науки как общественного института показывает, насколько тесно эта область связана с социальными, политическими, культурными и другими условиями; следовательно, работа ученого сама по себе является продуктом пересечения особенностей культурно-исторической эпохи. Как отмечает В.А. Лекторский, с точки зрения такого подхода «сам индивидуальный субъект познания возникает лишь постольку, поскольку он включается в определенную объективную систему отношений к другим субъектам и «овладевает социальными способами деятельности. Иными словами, процесс познания возможен только при том условии, когда в нем используются эталоны, которые имеют социально-культурный характер...» (Лекторский, 1980, с. 58). Так, знание о факторах и механизмах детерминации процесса познания и функционирования науки как системы общественных отношений является важнейшим аспектом изучения интеллектуальной истории, в частности – истории той или иной научной сферы и научного сообщества.

1.1. Социально-культурные факторы детерминации развития психологической науки

Особое значение в контексте периода 1930-1940-х гг. в развитии психологии имеет социально-культурная детерминация: как писал М.Г. Ярошевский, который выделял социальные, логические (когнитивные) и личностно-психологические аспекты анализа науки, на уровне изучения социальных факторов можно проследить, как выстраиваются связи между индивидом и обществом, «посылающим свои экономические, политические, идеологические и другие запросы науке» (Основы теоретической психологии... , 1998, с. 31).

Проблема обусловленности того или иного предмета исследовательского интереса факторами окружающей среды (политическими, экономическими, экологическими и др.) чрезвычайно сложна в первую очередь потому, что изучаемый феномен всегда является неотъемлемой частью этой среды; невозможно с точностью проследить вклад каждого из факторов влияния, так как и их отделение от изучаемого явления всегда весьма условно. Более того, анализ социальной обусловленности тех или иных феноменов в истории науки происходит ретроспективно, без возможности постановки эксперимента и более всего усугубляется, когда речь идет о таких условных и арбитрарных явлениях, как наука.

Тем не менее, при всей сложности задачи исследователи не отказываются от попыток изучения социальной детерминации явления. Ведь названные выше причины, которые, с одной стороны, представляют собой большую методологическую проблему для исследователя, с другой стороны делают изучение факторов, детерминирующих науку, необходимым, поскольку наука – это продукт общественной жизни, и исследовать ее развитие в отрыве от «естественной среды» ее обитания было бы просто нецелесообразно. Науковеды, философы и методологи науки, пытаясь исследовать генезис науки в первую очередь как общественного явления в широком смысле или,

пользуясь терминами Дж. Холтона (Холтон, 1981), как трансляцию относительно устойчивых структур – «тем», которые, вновь возникая в силу исторического развития, влекут за собой перестройку тематического, предметного поля науки, в своих теоретических построениях так или иначе опираются на культурно-исторические основания науки.

Возрастание внимания к контексту, к условиям, позволившим тому или иному явлению существовать в доступном наблюдателю виде, прослеживается во многих областях гуманитарного знания: как писал один из ведущих российских философов и историков науки В.П. Зубов, «...история науки в наши дни не только прочно стала на ноги как специфическая отрасль исторического познания, но подошла вплотную к решению больших задач синтетического характера. Она не ограничивается простой регистрацией открытий, или чисто биографическим подходом при изучении их. Она не довольствуется и чисто логическим анализом связей между теориями и концепциями разных исторических эпох. Каждое явление истории науки рассматривается в неразрывной связи с условиями, его породившими, сделавшими возможным само открытие и его практическое применение. Все большее внимание уделяется связи между развитием отдельных научных дисциплин» (Зубов, 2006, с. 458).

В качестве одного из важнейших компонентов системы оснований науки принято выделять философские основания, которые, в свою очередь, неизбежно связаны с актуальной для конкретного общества картиной мира (Степин, 2015). Как пишет В.С. Степин, «развитие философских оснований выступает необходимой предпосылкой экспансии науки на иные предметные области» (Там же, с. 337) и являются тем звеном, которое не только принадлежит внутренней структуре науки, но и определяет ее связь с культурой.

Проблема связи философских оснований с эволюцией научных открытий восходит к трудам одного из первых историков и философов науки А. Койре: «... история научной мысли учит нас ... что: а) научная мысль

никогда не была полностью отделена от философской мысли; б) великие научные революции всегда определялись катастрофой или изменением философских концепций» (Койре, 1985, с. 14). Говоря о развитии «естественных» наук (что, по нашему мнению, вполне справедливо и для наук гуманитарных) он добавляет, что научная мысль никогда не развивалась в вакууме; «... это развитие всегда происходило в рамках определенных идей, фундаментальных принципов, наделенных аксиоматической очевидностью, которые, как правило, считались принадлежащими собственно философии» (Там же, с. 15).

Истории развития науки как социального явления большое внимание уделяется не только в работах философов и историков науки, но и в трудах социологов и социальных психологов. Так, например, отечественные авторы отмечают, что социально-психологический подход к проблеме познания вообще, в том числе - научного - предполагает обращение и к проблеме его социальной обусловленности, что ведет к неизбежному факту признания социального происхождения процесса познания: «... при познании явлений социального мира всегда дан социальный контекст – реальная социальная ситуация, в которой живет и действует человек. Важнейшее условие адекватного знания в данном случае – соотношение между содержанием знания, изменениями в нем и изменениями в мире. Акцент на эту сторону вопроса был сделан именно в социальной психологии» (Андреева, 2000, с. 52). И, далее: «Средством выработки... разделяемых представлений, значений является коммуникация. Социальное познание, возникая в ходе взаимодействия, предполагает обязательный коммуникативный процесс, т.е. процесс постоянного обмена информацией» (Там же, с. 54). Таким образом, можно отметить, что ключевая роль в процессе возникновения и развития познания при данном подходе отводится коммуникации и социальному взаимодействию.

Для психологической науки проблема социальной детерминации ее развития является одной из важнейших: в силу специфики изучаемого

предмета, который так или иначе касается исследования человека во всем многообразии его проявлений в окружающей среде, появление тех или иных идей, поворотных точек в ракурсе исследования психологов неразрывно связано с трансформациями, происходящими в обществе. Как пишет американский исследователь, историк психологии Т. Лихи, «... наука представляет собой общественный институт, обладающий определенными потребностями и задачами, в пределах более крупного общества, а ученые – это люди, социализированные в данной культуре и жаждущие успеха в определенном социальном окружении», – пишет автор (Лихи, 2003, с. 72). В работе других исследователей истории психологии также справедливо отмечается, что «психология развивается не в вакууме; она – часть большой культуры и поэтому подвержена не только внутренним влияниям, но и внешним, которые также формируют ее характер и направления. Понимание истории психологии предполагает рассмотрение контекста, в котором эта наука зародилась и развивалась, то есть идей, в разное время господствовавших в науке (*Zeitgeist*, или интеллектуальный «дух времени»), а также социальных, экономических и политических сил...» (Шульц, Шульц, 1998, с. 25-26).

Проблеме социальной обусловленности научного знания несколько в другом ключе посвящен ряд работ американского социального психолога К. Джерджена (Gergen, 1973, 1994, 1997). Основываясь на положении К. Бека, который рассматривал науку как коммуникативную систему, в которой научные теории являются способами декодирования изначально нейтральных сообщений, получаемых ученым от объекта своего исследования (для психолога им почти всегда является его испытуемый), с одной стороны, и способами передачи сведений и результатов своих исследований другим участникам научного сообщества и членам общества в целом, с другой (от успешности этого декодирования, то есть от «стройности», простоты и непротиворечивости научной теории, зависит то, насколько ее результаты будут полезны для широкого круга людей) (Bask, 1963), он поднимает вопрос

о двойной обусловленности декодирования. Так, в отличие от естественных наук, где состояние объекта исследования неизменно в разные периоды времени, специфика социальных наук такова, что знание об описанном явлении уже само по себе изменяет эти явления; таким образом, процесс научного описания феномена фактически никогда не может быть конечным - распространение психологических знаний изменяет паттерны поведения, на которых основаны эти знания.

Одной из наиболее перспективных областей знания в свете изучения проблем социальной детерминации науки представляется социальная психология науки, основы которой, в частности, были заложены и российскими исследователями. Так, проблема развития процесса познания и его зависимости от различных детерминант наиболее полно раскрывается в работах отечественного ученого и крупнейшего историка психологии М.Г. Ярошевского. Предложенная им классификация факторов развития науки, включающая личностный, внутринаучный (когнитивный) и социальный аспекты изучения науки, до сих пор используется в науковедении и философии науки (Основы теоретической психологии... , 1998, с. 25-97). Так, социальную детерминацию науки как социального феномена можно определить как зависимость научной деятельности и ее результатов от социального влияния на микросоциум и личность ученого. При этом, однако, М.Г. Ярошевский отмечает, что необходимо избегать отождествления научно-социального и социального аспектов анализа науки: «... научно-социальное не следует смешивать с социальным в широком смысле слова. Если первое лишь один из аспектов науки как подсистемы, то второе означает общую социально-историческую детерминацию всех аспектов развития этой подсистемы, стало быть, не только научно-социального (форм и процессов общения ученых, научных организаций и т.д.), но и – не в меньшей степени – предметно-логического и личностно-психологического» (Ярошевский, 1974а, с. 38). Логические аспекты развития науки отражены в тех инвариантных динамических структурах, которые определяют и регулируют работу мысли

исследователя, а личностные аспекты, в свою очередь, включают в себя специфичную для отдельного исследователя творческую активность, результаты которой влияют на развитие научного знания.

Однако уровень социальных факторов развития науки также, в свою очередь, представляется многоаспектным: так, например, в работе А.В. Юревича (Юревич, 2001) проблема социальной детерминации науки развивается в контексте выделения микро- и макроциума. Первый уровень развития науки отражает включенность личности в малые группы, то, как она выстраивает отношения на межличностном уровне, в то время как макроуровень описывает более глобальные сети социума, в которые внедрен исследователь. Помимо выделения уровней макро- и микросоциума, А.В. Юревич предлагает свою концепцию, развивающую представления о детерминации науки и научного знания: так, в качестве аспектов социально-психологической детерминации он называет следующие:

- Внутриличностный;
- Личностный;
- Уровень малой группы,
- Уровень организации,
- Уровень научного сообщества;
- Уровень общества.

Каждый из выделенных уровней А.В. Юревич подробно раскрывает через несколько аспектов, составляющих единую систему социально-психологической детерминации науки. Так, внутриличностный уровень детерминации представлен следующими элементами: внутриличностное знание (своего рода «интуиции» ученого, его накопленные знания); формы репрезентации этого знания (характерные для того или иного ученого способы мышления, способы представления знания – метафоры, образы и др.); внутриличностная организация процесса познания, виды «инсайта»; индивидуальная «натуральная логика», аккумулирующая опыт построения

логических связей; особенности внутриличностной интериоризации социальных отношений.

При анализе науки как системы, детерминированной сочетанием определенных факторов-продуктов общественных отношений, исследователи часто обращаются к системному и комплексному подходам. Суть комплексного подхода в контексте науковедения, с точки зрения В.А. Кольцовой, «... состоит в исследовании рассматриваемого явления как многоаспектного, в выделении и изучении различных его сторон посредством использования содержательно-понятийных и организационно-методических возможностей комплекса научных дисциплин, т.е. реализации междисциплинарной стратегии» (Кольцова, 2004, с. 26). Системный же подход заключается в исследовании изучаемого феномена в его целостности, во всем многообразии отношений между составляющими его элементами (Кузьмин, 1982).

Несмотря на возрастающую в академическом дискурсе тенденцию к междисциплинарности, которой характеризуется современный этап развития науки, специфика каждой из областей гуманитарного знания диктует необходимость исследования особенностей влияния социальных, культурных, политических и других факторов именно в контексте конкретной научной сферы. Каждая из областей науки представлена отдельным, относительно обособленным научным сообществом, системой институтов, кафедр и лабораторий, что накладывает определенную специфику на эволюцию знания внутри каждого из научных направлений. Понимание этого факта сподвигло философов и историков науки обратиться к особенностям детерминации тех или иных областей знания: так, например, важным шагом в развитии проблематики социально-психологической детерминации психологической науки была серия работ В.А. Кольцовой. Ей была предложена многоуровневая система детерминации психологического познания с точки зрения системного подхода. Так, психологическое познание рассматривается как сложно

организованный процесс становления и развития знаний о психической реальности, который характеризуется следующими особенностями:

- «• многоаспектностью (логико-предметный, социально-исторический, персоналистический, процессуально-динамический аспекты);
- многомерностью (измеряется и оценивается по продуктам познавательной деятельности и событиям научной жизни; по вкладу отдельного ученого, научных коллективов, школ, регионов, сторонников того или иного подхода в развитие психологической мысли; по характеру исторической преемственности и изменчивости развития психологической мысли и способам ее концептуализации; по соотношению исследуемого исторического этапа психологического познания с предшествующими периодами, с психологической мыслью своего времени, с современной системой знания, с перспективами будущего развития психологии; по познавательному, практическому и нравственно-духовному эффекту, уровню использования историко-психологических знаний в психологической теории и практике; по характеру их включенности в когнитивные и коммуникативные структуры науки);
- многоуровневостью (включает в себя научное и вненаучное познание, дифференцирующееся, в свою очередь, на житейские психологические представления, психологическое знание, развивающиеся в русле искусства, мифологии и религии);
- системной детерминацией (обусловленностью совокупностью факторов — внутринаучных, социально-культурных, субъектно-личностных, предпосылок — предшествующим состоянием знания, уровнем психологической культуры общества и условий — ситуативных и субъективных, определяющих динамику и направление развития знания);
- включенностью в более широкие структуры: в системы психологического знания и науки в целом, в культуру и общественную жизнь с ее многообразными подсистемами (идеологическими, социальными, политическими, экономическими)» (Кольцова, 2004, с. 10).

В «Интеллектуальной истории психологии» Д. Робинсон пишет, что психология является одной из областей научного знания, наиболее чувствительных к общественно-политическим метаморфозам: автор связывает это с неизбежным для всех, особенно гуманитарных, наук о человеке, социальным контекстом основных научных представлений (Robinson, 1995). Особенно актуальной проблема связи развития научного знания с социально-политическими факторами становится в свете изучения практических направлений психологии: как пишет британский историк науки Р. Смит (Смит, 2008) практика является одним из определяющих факторов, влияющих на облик той или иной научной отрасли, убедительно доказывая это на примере зависимости траектории развития американской психологии от запроса, который был сформирован американским правительством и обществом в целом в сфере образования, адаптационной политики в отношении мигрантов и поиска новых способов повышения производительности труда на крупных предприятиях, в следствие чего, в частности, требовались новые эффективные методики управления персоналом. В свете проблемы роли научного сообщества как коллективного субъекта научного знания в советской психологии социально-психологические факторы исследуются О.А. Артемьевой (Артемьева, 2012, 2015). Она подчеркивает, что «социальность» является не внешним фактором развития науки, а имманентной характеристикой научного познания. Однако более подробно феномен научного сообщества как субъекта развития науки будет рассмотрен нами в следующем пункте.

В попытках проанализировать детерминированность науки как целостного явления или отдельных научных теорий исследователи все чаще останавливаются на выделении отдельных факторов, например, экономического, культурного, политического, географического и других. Хотя демаркация их весьма условна, она имеет смысл, как минимум, во избежание методологической путаницы при изучении разных пластов деятельности человеческих сообществ. Так, например, целесообразно выделять в качестве

фактора, детерминирующего развитие науки экономической, что делают Д.П. Шульц и С.Э. Шульц, исследуя историю современной психологии и обращая внимание на рост расходов на психологические исследования в США. На необходимость учета политико-экономической ситуации в изучении развития психологической науки указывает и Д. Мескилл: популярность исследований характера и формирование целого направления, объединяющего исследования как внутренних детерминант личности, так и ее проявлений во внешней среде, в Германии 1920-х годов автор связывает с ростом потребности крупных компаний в высококвалифицированных работниках, обладающих не столько определенными узкопрофессиональными навыками, сколько такими качествами как ответственность, обучаемость, трудолюбие (Meskill, 2004).

Некоторые авторы указывают и на географическую детерминацию научного знания, которая, в свою очередь, неразрывно связана с социальными условиями той или иной местности. Важность географического фактора при более детальном рассмотрении линии развития такой науки как психология невозможно проигнорировать: ряд авторов отмечает, что во многих гуманитарных и социальных науках обсуждение того или иного открытия часто связывается с местом открытия той или иной идеи или работы круга ученых, которые ее разрабатывали – например, «Венский кружок», «Австрийская школа» и т.д. (Kalampalikis, Delovee, Petard, 2006). Однако особый интерес в свете распространения подхода «социальной истории» представляет изучение политических факторов развития науки и, в частности, психологии.

Таким образом, проблема социально-культурной детерминации науки и различных форм познания в более широком смысле является актуальной для многих областей знания – философии, истории, социологии, социальной психологии. Несмотря на то, что проблема поиска факторов детерминации социального феномена, которым является наука, является достаточно сложной (так как она сама является частью среды и ее сложно отделить от других факторов общественных отношений), современными исследователями

активно разрабатывается методологический аппарат этой проблемы. Важная роль в исследовании факторов детерминации научного знания принадлежит отечественным психологам: так, ими были предложены концепции об уровнях социально-культурной и социально-психологической детерминации, о структуре научного знания, особенностях процесса познания и других аспектах проблемы детерминации науки. Сегодня на конкретном историческом материале проводятся исследования связи науки с отдельными аспектами общественных отношений – социальным, культурным, политическим, экономическим и др. Однако одним из важнейших и все чаще привлекающих внимание исследователей аспектов общественного устройства, обуславливающих развитие научного знания и науки как социального института является фактор политической детерминации: как отечественная, так и зарубежная психологическая наука представляет интерес с точки зрения зависимости ее трансформаций от значимых политических событий, точек «перелома», и способов взаимодействия с политическими институтами. Именно этому аспекту детерминации науки будет посвящен следующий параграф нашей работы.

1.2. Политические факторы детерминации психологии: проблема науки и власти

Рассуждая о характере влияния общественных изменений на возникновение научных идей, невозможно обойти стороной такой важнейший и неоднозначный фактор как политические трансформации, происходящие как на международной арене, так и в локальных сообществах. С одной стороны, политические изменения как фактор детерминации подразумевают изучение сразу нескольких неразрывно связанных между собой областей, таких как экономика, география и др. С другой стороны – это по-прежнему довольно специфичный пласт жизни человеческих сообществ, который требует особого подхода к изучению и который не сводится к набору экономических мер

конкретного государства или ряду законодательных актов его правительства. Сложность изучения влияния политического фактора на развитие науки в широком смысле заключается, в первую очередь, в отсутствии строгой логики и последовательности между философскими основаниями той или иной идеологии, декларируемыми целями, курсом правительства и реальными политическими действиями, а часто и их противоречивости. Тем не менее, попытки исследования влияния политического фактора в развитии научного знания часто оказываются весьма продуктивными – подобный ракурс рассмотрения позволяет многое понять о специфике функционирования системы отношений между политикой конкретного государства и наукой, в частности, через такое явление как социальный заказ.

Одной из первых на политический фактор детерминации психологии как науки обратила внимание Е.А. Будилова – еще в 1970-х годах она писала о периоде становления «новой психологии» в связи с теоретическими дискуссиями, которые были показателем борьбы «против остатков буржуазной и реформистской идеологии и с внутривнутрипартийной борьбой против оппозиционных групп» (Будилова, 1972, с. 24). Однако более активно осмысление роли политического и идеологического влияния в развитии науки происходило уже после глобального перелома – смены политического режима в 1990-х годах. Так, название сборника, вышедшего в начале 1990-х годов «Репрессированная наука» (по выражению М.Г. Ярошевского) носит уже более критический и оценочный характер (Репрессированная наука... , 1991, 1994).

Монография «Идеология и наука» коллектива российских историков и философов науки под руководством А.А. Касьяна, вышедшая в конце 2000 годов, - одна из попыток не только под эгидой основной темы – связи науки и политики – объединить разрозненные сведения о дискуссиях середины 20 века в самых разных областях знания, таких как философия, биология, физика, математика, языкознание и другие, но и проанализировать основные предубеждения и стереотипы, сложившиеся в академической среде в постперестроечный период в отношении того, в каких все же отношениях

находились государственная идеология и советская наука, и можно ли их вообще охарактеризовать так однозначно. Монография интересна также тем, что один из ее разделов посвящен физиологии высшей нервной деятельности и психологии. В одноименной главе авторами рассматривается период преимущественно середины 20 века и во многом связывается со знаменитым для мира психологии, биологии и науки вообще событием – «Павловской сессией» 1950 года и последовавшим за ним ужесточением условий существования российской психологической науки: «Начиная с 1947 года, в отечественной истории прошло пятилетие, характеризующее пристальным вниманием советского руководства к науке. Создается впечатление, что эта кампания была смотрам научного потенциала страны, задачи которого состояли в выявлении эффективных научных направлений, очищении от западных влияний и выработке оптимальных форм взаимодействия науки и власти, науки и практики» (Идеология и наука..., 2008, с. 143).

В последние 20-30 лет сфера интересов историков психологии расширяется: исследователи все чаще обращают внимание не только на периоды, которые в массовом сознании стойко ассоциируются с явными формами сращивания научного и политического (например, уже упомянутые последствия «Павловской сессии» или фактическое уничтожение педологии и психотехники в 1930-х годах в связи с постановлением «О педологических извращениях в системе Наркомпросов»), но и на весь период развития психологии в его связи с общественно-политической ситуацией. Так, С.А. Богданчиков активно исследует такой период в развитии советской психологии как 1920-е годы, развеивая многие сложившиеся стереотипы, в частности, в отношении идеологически мотивированной отставки Г.И. Челпанова (Богданчиков, 1998, 2011, 2015); также внимание исследователей привлекает история психологии периода Второй мировой войны (Барабанщиков, 1985; Кольцова, Олейник, 2005, 2006, 2016, 2018); в последнее время историки психологии чаще обращаются к изучению дореволюционных течений

психологии, в том числе – развития экспериментального метода в российской науке и т.д. (Кольцова, Олейник, 2016, 2017а, 2017б).

Периодизация развития российской психологии в отечественной историографии

Так, на сегодняшний день в историографии российской психологии существует достаточно полное представление об основных этапах развития психологической науки, хотя вопрос об основаниях для выделения тех или иных периодов всегда является дискуссионным. В частности, ведущим методологом и историком психологии В.А. Кольцовой предложена периодизация основных переломных моментов истории советской психологии 1) 1917 г. – середина 1941 г.; 2) середина 1941-1945 гг.; 3) 1946-1962 гг.; 4) 1963-1991 г.; 5) 1992- настоящее время (Кольцова, 2008).

Данная периодизация – пример отражения зависимости «истории психологии от практических и идеологических задач, определяемых обществом» (Артемьева, 2012, с. 39). Так, первый этап характеризуется развитием советской психологии в условиях политических трансформаций, выражающихся, в первую очередь, в сложных отношениях между идеологическим курсом правительства и находящейся в поисках своих методологических оснований психологической науки, которая была вынуждена адаптироваться в ситуации последствий революции 1917 года, а также в годы «Великого перелома» - после 1929 года. В числе характеристик психологии этого периода В.А. Кольцова называет также ориентацию на практические проблемы, изолированность советской психологии от мирового мейнстрима, фактическое уничтожение целых направлений, таких как религиозно-философская психология, психоанализ и в целом разрыв связей с дореволюционными течениями психологии. Второй этап развития психологии приходится на годы участия Советского Союза во Второй мировой войне и характеризуется единством теории, эксперимента и практики, усилением междисциплинарных связей, ослаблением контроля со стороны государства. Этому этапу в истории развития советской психологической науки посвящены

отдельные труды В.А. Кольцовой, многие – в соавторстве с Ю.Н. Олейником (Кольцова, Олейник, 2006; 2016; 2018). Этап после окончания войны, включающий 1946-1962 годы, В.А. Кольцова связывает со временем, когда, несмотря на усиление тоталитарных тенденций и идеологического давления на науку, психология смогла отстоять свой статус как автономной отрасли научного знания. Следующий период до перелома 1990-х годов характеризуется относительной стабильностью и укреплением связей психологии со смежными науками, а последний этап, длящийся и сегодня, это время поиска новых основ в связи с отсутствием методологического единства, которое было в советской психологии, дискуссий, плюрализма мнений и рефлексии в отношении связей с зарубежной психологией.

В подобном подходе к исследованию периодов развития психологической науки видится тесная связь с основными общественными потрясениями – так, один из выделенных периодов по временным рамкам практически соответствует периоду участия СССР во Второй мировой войне, последний этап соответствует времени смены политического режима и т.д.

Интересно, однако, что довоенный период в интерпретации В.А. Кольцовой включает в себя довольно длительный этап, начинающийся еще с революции, и включает в себя довольно неоднородную историю становления психологической науки в Советском Союзе; более подробную периодизацию развития психологии в начале 20 века предлагает О.В. Синева: дореволюционный перелом характеризуется автором как период появления тенденций к институционализации психологических течений, который завершается в 1920 году; далее автором выделяется десятилетие в истории развития отечественной психологии, в которое происходит активная институционализация и методологическое самоопределение психологической науки (1921-1930 гг.); следующий этап связывается с тенденциями деинституционализации советской психологии и завершается в 1936 году, а с 1937 по 1950-е годы характеризуются периодом ее латентного развития (Синева, 2017). Так, периодизация развития научно-практических течений,

предложенная О.В. Синевой, уже в меньшей степени привязана к датам основных политических событий (в частности, в силу того, что в фокусе внимания исследователя – более короткий отрезок времени), однако выделение этапов, безусловно, неизбежно следует из последствий общественно-политических трансформаций.

Отдельного внимания заслуживает интерпретация этапов развития отечественной психологии, предложенная О.А. Артемьевой: исследовательница рассматривает российскую психологическую науку через призму становления коллективного субъекта и связывает ее развитие с событиями «социальной истории». Так, О.А. Артемьевой выделяются наиболее важные события, повлиявшие на развитие психологии, как на уровне общества (революция 1905-1907 гг., Первая Мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война (1918-1921 гг.), период НЭПа (1921-1928 гг.), убийство Кирова (1934 г.), годы «большого террора» и «ежовщина» (1936-1938 гг.) и Великая Отечественная война), так и на уровне научного сообщества (высылка научной интеллигенции в начале 1920-х гг., реактологическая дискуссия (1930 г.), постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» 1936 г.) (Артемьева, 2012).

На основе этих значимых социально-политических и внутринаучных процессов О.А. Артемьева выделяет следующие периоды развития основных направлений и течений отечественной психологии начала 20 века:

1. 1901-1904 гг. – этот период связывается со становлением российской психологии, поиском ее методологических основ, формированием психологии как автономной научной дисциплины;

2. 1905-1917 – на этот период приходятся революционные и военные годы; общественные трансформации напрямую повлияли на содержание психологических исследований; происходит распространение психологических взглядов, активное развитие научной деятельности и международного сотрудничества, основание крупнейших институтов и лабораторий в России;

3. 1918-1920 – рост государственной поддержки психологии при новой власти;
4. 1921-1928 – период «новой экономической политики» и активное развитие прикладных областей психологии – педологии и психотехники;
5. 1929–1-я половина 1936 гг. – период после «года великого перелома», победа И.В. Сталина во внутрипартийной борьбе, определение новых ориентиров развития советской науки, преследование отдельных деятелей науки;
6. 2 половина 1936–1 половина 1941 гг. – ужесточение массовых репрессий; прерывание развития прикладных областей знания, переориентация психологов с практики на теорию;
7. 2 половина 1941–1 половина 1945 гг. - годы Великой Отечественной войны, мобилизация сил научного сообщества для борьбы с врагом, рост психологических исследований, «единство теории, эксперимента и практики» (В.А. Кольцова), переход к междисциплинарности;
8. 2 половина 1945 – 1950 гг. – послевоенное восстановление всех сфер жизни общества; усиление идеологического контроля, складывание предпосылок для борьбы с «космополитизмом».

Политическая история психологии

Одним из ведущих российских исследователей, занимающихся проблемой политической и социальной истории психологии, является А.В. Петровский. В последние годы жизни, после издания весьма внушительного количества работ, посвященных проблемам истории, теории, методологии психологии, автор несколько смещает акценты и разрабатывает новые концептуальные подходы к анализу развития психологии как области научного знания, предлагая, в частности, концепцию политической истории психологии. С помощью этой концепции А.В. Петровский анализирует не только движение психологической мысли в России в целом, но и исследует историю отдельных ее направлений, которые в контексте отечественной истории имеют весьма специфичную судьбу, показывающую непосредственную связь с политической

историей России – педологию и психотехнику. Труд «Психология и время», который был последней работой А.В. Петровского перед его кончиной, интересен не только с точки зрения предложенной концепции, но и с точки зрения материала, автор которого фактически являлся очевидцем и участником многих описываемых в книге событий. Конъюнктурное, бюрократическое, идеологическое давление на ученых-психологов, оказываемое властями в различные периоды российской истории, фундаментальные трансформации 1990-х годов, повлекшие за собой парадигмальный поворот психологии и ее фактическое «переоткрытие» как необходимой обществу, весьма востребованной практической деятельности показаны здесь не просто как фактологический материал, но и проанализированы со стороны человека, который принимал непосредственное участие в представленных событиях. Вместе с тем, однако, предлагая обратить внимание на политический аспект истории психологии, А.В. Петровский замечает, что подобная оптика подходит только для государств тоталитарного и посттоталитарного типа, например, для Советского Союза или национал-социалистической Германии (Петровский, 2007).

Интерес ученых к исследованию политических факторов развития психологии представляется закономерным еще и в силу того, что время общемировых глобальных политических трансформаций, вызванное возникновением крупнейших проектов общественного устройства, таких как социализм, национализм, различных форм либерализма, формированием принципиально новых политических идеологий и попыток внедрения их в жизнь пришлось на конец 19 и весь 20 век, что совпало со временем оформления психологии как самостоятельной научной отрасли, как минимум, выразившемся в первых попытках ее институционализации (появление отдельных лабораторий, внедрение курсов психологии в университетах и т.д.). Психология как относительно новая область научного знания, нуждающаяся в поддержке, и как отрасль, предмет изучения которой связан с особенностями проявлений человеческой психики в процессе постоянного взаимодействия с

обществом, не могла не стать, как и философия, инструментом в попытках заинтересованных лиц обосновать фундамент собственных действий в поле политического. В связи с этим в работах многих исследователей по истории науки проводится параллель между развитием как всей психологии, так и некоторых ее отраслей и общественными трансформациями, происходящими в отдельных государствах. Так, А.М. Эткинд связывает кризис только начавшейся формироваться в начале 20 века психоаналитической традиции в России с политическими неудачами Л.Д. Троцкого (Эткинд, 1993). Борьба И.В. Сталина с «троцкистской пропагандой» также связывается с угасанием психоаналитического направления в России и другим исследователем - В.М. Лейбиным (Лейбин, 1991). Основания для искоренения идей психоанализа из психологической науки видятся автору не только в непосредственных личных связях все еще представляющего опасность политического оппонента И.В. Сталина с ведущими теоретиками и практиками этого направления психологии; сама сущность психоаналитического учения (по крайней мере, в том виде, в котором ее интерпретировали представители власти того времени) виделась как противоречащая коммунистическим идеалам (в свете чего довольно примечательно выглядит тот факт, что в Европе примерно в это же время сформировалось и было весьма популярно учение фрейд-марксизма).

Систему факторов, повлиявших на судьбу психоаналитического движения в России, изучал также Д.С. Рождественский. Однако в качестве основной причины краха психоанализа в России в конце 1920-х годов автор называет в первую очередь его неспособность интегрироваться в сложившуюся культурную и научную традицию, его оторванность от экспериментальных исследований, а связь судьбы психоанализа только со сталинскими репрессиями, которую часто отмечают зарубежные коллеги-исследователи истории психоаналитического движения в России, считает скорее грубым обобщением (Рождественский, 2002).

Психоанализ в целом является уникальным феноменом в том смысле, что это одно из течений в психологической науке, весьма чувствительных к

культурным, политическим и иным общественным изменениям. Сама сущность психоаналитического течения заключается в изучении психики человека как структуры, постоянно пребывающей в связи с общественными требованиями и трансформирующейся под их влиянием; более того, глубокое исследование культурных особенностей человеческих сообществ, в частности, мифов, составляют основу идей ведущих теоретиков психоаналитического направления, таких как К.Г. Юнг.

Ярким примером, иллюстрирующим связь теорий, описывающих общественные отношения, с идеями в отношении функционирования психики человека, являются работы одного из учеников З. Фрейда – В. Райха. Райх, в отличие от других последователей Фрейда, с которыми у него возникли разногласия в тех или иных теоретических вопросах, в частности, касающихся проблемы изучения сексуальности, продолжил линию своего наставника, уделяя большое внимание компоненту либидо и, более того, обратил внимание на колоссальную важность детской и подростковой сексуальности в развитии личности. Один из американских исследователей пишет об этом так: «Представляется, что катализатором исследования отношений между сексом и политикой стало признание того факта, что подавление родителями естественно развивающейся сексуальности у их детей имеет эффект закрепления в структуре характера индивидуалистского, авторитарного и репрессивного принципа, на котором основано классовое общество. Другими словами, Райх видел, что патриархальная авторитарная структура семьи и ее табу на детскую сексуальность были чрезвычайно эффективным идеологическим оружием, которое служило для увековечения и усиления на бессознательном уровне» (MacBean, 1972, с. 3).

История психоанализа в России, как и многих других направлений психологической науки, представляет большой интерес как материал для исследования научного сообщества в рамках определенных политических условий. Именно поэтому советский период развития российской науки привлекает внимание и зарубежных исследователей: этот период развития

психологии, закономерно, интересен зарубежным коллегам своей уникальностью в отношении условий развития научного знания в тоталитарном государстве.

Так, проблеме идеологического давления, феномену социального заказа в науке посвящена работа А. Козулина (Kozulin, 1984). Основная идея его исследования заключается в том, что одним из основополагающих мотивов советской психологии было стремление помочь построить новое общество и создать «нового советского человека»: при этом стремление к утопическому идеалу часто приводило как к желаемым результатам, так и к трагическим ошибкам. На примере взлетов и падений в судьбе ведущих советских ученых, таких как А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия, и на примере судьбы таких деятелей, как П.П. Блонский, он показывает, как исследователям приходилось корректировать свою теоретическую позицию в соответствии с превратностями решений коммунистической партии.

Мы видим необходимость представить эволюцию философских взглядов на феномен политического как основы научной деятельности, а также обратиться к взглядам исследователей на проблему наиболее «благоприятных» условий для развития научного знания.

Проблема совместимости науки и политического устройства

Проблему органичного сосуществования науки и политического устройства развернуто обозначил еще в середине 20 века социолог и философ науки Р. Мертон: «... исследование этоса современной науки — не более чем ограниченное введение в более масштабную проблему: проблему сравнительного изучения институциональной структуры науки. Хотя подробные монографии, в которых собран необходимый сравнительный материал, малочисленны и разрозненны, они дают некоторую основу для принятия предварительного допущения, что «наука получает возможность для развития в демократическом порядке, интегрированном с этосом науки в единое целое». Это не значит, что занятия наукой ограничиваются одними только демократиями. В определенной степени поддержку науке оказывали

самые разные социальные структуры. Достаточно вспомнить, что *Accademia del Cimento* пользовалась поддержкой двух Медичи, что Карл II заслуживает исторического внимания своим согласием на учреждение Лондонского Королевского Общества и поддержкой Гринвичской обсерватории, что *Académie des Sciences* была учреждена под покровительством Людовика XIV (по совету Кольбера), что Фридрих I, поддавшись уговорам Лейбница, взял на содержание Берлинскую Академию и что Санкт-Петербургская Академия наук была учреждена Петром Великим ... Но такие исторические факты отнюдь не предполагают случайной связи между наукой и социальной структурой. Есть еще один вопрос — о пропорциональном соотношении научных достижений и научного потенциала. Наука развивается, разумеется, в разных социальных структурах, но какая из них предоставляет институциональный контекст для наибольшей полноты ее развития?» (Мертон, 2006, с. 769).

Поставленный философом вопрос интересует исследователей и сегодня: в работах современных историков науки (и историков психологии в том числе) встречаются попытки проследить, как в форме рассуждений, так и с привлечением некоторых формальных показателей, какой политический режим и тип политического устройства общества в наибольшей степени способствует благоприятному развитию научного знания.

Вполне обоснованным представляется положение о том, что высказывания мыслителей – философов и историков науки - в отношении наиболее «плодотворной почвы» для развития научного знания тесно связаны с господствующими для их эпохи представлениями об условном «успехе» этих типов политического устройства. В качестве примера приведем несколько высказываний мыслителей разных эпох. Так, в середине 19 века Алексис де Токвиль в своем знаменитом трактате «Демократия в Америке» пишет следующее: «Будущее покажет, способна ли эта столь редкая и плодотворная страсть [к науке] с такой же легкостью рождаться и развиваться в условиях демократии, как и во времена аристократического правления. Что касается лично меня, то я верю в это с трудом» (Токвиль, 1992, с. 342). При этом почти

столетие спустя, врач и крупнейший историк медицины Г. Э. Сигерист напишет следующее: «невозможно установить простую причинную связь между демократией и наукой и утверждать, что демократическое общество одно только способно дать необходимую почву для развития науки. И вместе с тем не может быть простой случайностью, что наука достигала своего расцвета именно в демократические эпохи» (Sigerist, 1938, с. 291).

Проблема политической детерминации науки коснулась и профессионального психологического дискурса. Как наука, наиболее «чувствительная» к общественным вызовам, а также обладающая большим потенциалом для извлечения из результатов ее исследований «инструментов управления» обществом, психология не могла не оказаться вне контекста проблемы взаимодействия научного и политического. Безусловно, с момента своего появления в Европе во второй половине 19 века психология развивалась практически при всех политических системах, существовавших в различных частях мира – в демократиях Западной Европы и Северной Америки, в нацистской Германии, а также в бывшем Советском Союзе. Так, не вызывает сомнений, что психология может существовать и существует при различных правительствах, но остается вопрос, «совместима» ли она с каким-либо из них, есть ли какой-то политический режим, который является наиболее «благоприятной почвой» для процветания этой науки.

Так, вопросом «совместимости» психологии и той или иной политической системы задается Н. Роуз: в некоторых из своих работ он развивает идею о том, что психологическая наука особенно совместима с тем, что он называет «либеральной демократией». Основываясь на идеях М. Фуко, Н. Роуз полагает, что либеральным демократиям Запада чуждо прямое, неприкрытое осуществление политической власти и, соответственно, применение чрезмерно прямолинейных инструментов воздействия (например, таких, как принудительные меры), из-за чего для осуществления воли правительства к населению приходится применять более косвенные способы управления. А в современных либеральных демократиях то, что Роуз называет

«психологическими дисциплинами» — психологией, психиатрией и психоанализом, — играет важную роль в «управлении душой» [в этом контексте нам кажется более подходящим перевести это как «управление умами» - прим. авт.] (Rose, 1999).

В одной из своих работ Н. Роуз называет три основные формы связи между психологией и либерально-демократическими формами правления: рациональность, конфиденциальность и автономия. Так, он пишет: «... во-первых, в либерально-демократических обществах осуществление власти над гражданами становится легитимным в той мере, в какой оно претендует на рациональное основание ... Во-вторых, либерально-демократическая проблематика управления зависит от создания «частных» пространств вне формальных рамок полномочий публичной власти ... В-третьих, либерально-демократическая проблематика управления автономизируется: они стремятся управлять путем создания своего рода регулируемой автономии для социальных акторов. Современное либеральное «я» «обязано быть свободным», истолковывать все аспекты своей жизни как результат выбора, сделанного из множества вариантов» (Rose, 1996, с. 99-100).

Хотя в основном Роуз рассуждает о либерально-демократических обществах Запада, он также затрагивает и бывшие социалистические страны Востока: «... похоже, что по мере того, как аппарат партии и план демонтируются, рождаются другие формы власти, другие способы формирования и направления выбора этих недавно освобожденных людей ... Возможно, мы обнаружим, что переход к рыночной экономике и политическому плюрализму потребует, как его необходимое следствие, не только импорта материальных технологий либеральной демократии, но и их человеческих технологий — инженеров человеческой души, которые являются другой стороной того, что мы стали называть свободой» (Там же, с. 100).

Эти заявления Н. Роуза, однако, закономерно вызвали критику в академическом сообществе. Так, например, Э. Брок выразил возражение, что, во-первых, положения Роуза просто не соответствуют действительности —

история психологии показывает, что эта дисциплина прекрасно процветала в ГДР (Brock, 1991). Во-вторых, ссылаясь на К. Данцигера, Э. Брок отмечает, что установленная Роузом связь – это классическая проблема корреляции: если все примеры взяты из разряда случаев, в которых два признака совпадают, то никогда нельзя быть уверенным, что между ними действительно существует прямая связь и что их связь не вызвана каким-то скрытым, неисследованным фактором. Какой бы понятной ни казалась связь между психологическими практиками и определенными формами социальной регуляции, всегда существует вероятность того, что эта связь является просто случайным результатом их общей зависимости от обстоятельств, ускользнувших от пристального внимания.

Из рассуждений Э. Брока следует вывод, что тот факт, что большинство психологов мира живут при либерально-демократических режимах, не может говорить о том, что между психологией и либеральной демократией существует какая-то значимая связь. «Точно так же я мог бы отметить, - пишет Э. Брок, - что большинство психологов мира живут в умеренном климате. Это будет включать Северную Америку, Европу и Японию. В Южном полушарии меньше психологов, но это можно объяснить тем, что на континентах Южного полушария умеренные зоны гораздо меньше. Однако вовсе не случайно, что в странах южного полушария с умеренным климатом, таких как Аргентина, Южная Африка и Австралия, психологов больше, чем в странах с тропическим климатом на севере. Как и в случае с теорией либеральной демократии, я могу с радостью признать, что в этих странах существует определенная психология, но это не меняет основного факта, что большинство психологов мира живут в зонах с умеренным климатом. Я не хочу серьезно утверждать, что умеренный климат способствует распространению психологии, несмотря на сильную связь между ними. Я просто хочу показать, как работает аргумент. Можно возразить, что связь между психологией и либеральной демократией более правдоподобна, чем связь между психологией и умеренным климатом, и это несомненно верно. Возможно, более убедительный способ подвергнуть

сомнению это утверждение — рассмотреть ситуации, в которых психология и либеральная демократия не сосуществуют. Есть много стран с либерально-демократическими системами правления, где психология не существует в какой-либо значительной степени. Одними из таких являются Индия, Турция, Филиппины, Южная Корея и Япония» (Internationalizing..., 2006, с. 155).

Так, на сегодняшний день не существует убедительных оснований утверждать, что те или иные политические или социальные условия гарантируют развитие и распространение психологической науки, как и то, что какие-то из них несопоставимы с психологией. В качестве возможной причины, приведшей Роуза к развиваемой им идеям о наличии связи между политическим режимом и степенью распространенности психологической науки, Э. Брок приводит предположение, что психология часто ассоциируется с той констелляцией верований, которую принято называть «современностью»: «... здесь я имею в виду веру в ценность экономического развития, индустриализации, рациональности, науки и техники. Там, где существуют эти убеждения, вероятно появление «современной» психологии, независимо от того, является ли правительство либерально-демократическим» (Internationalizing... , 2006, с. 159).

На наш взгляд, положение о либеральных системах как наиболее благоприятном фундаменте для развития психологического знания могло возникнуть так же в силу ставшей уже традиционной для историков психологии проблемы - проблемы западно-европейской гегемонии в сфере научных достижений. Современные историки психологии задаются вопросом о процветании науки при том или ином политическом устройстве еще и в несколько другом ключе – в контексте вопроса об американской гегемонии в производстве научного знания. Интересно, что в этом смысле центральный вопрос, поставленный еще в 19 веке – о взаимосвязи науки и демократии и существовании последней как необходимого условия для благоприятного развития научного знания – перекликается с актуальными вопросами, которые ставят исследователи сегодня, так как фактически современная Америка чаще

всего приводится в качестве примера реализации демократического типа устройства общества в странах первого мира. На протяжении многих десятилетий историки психологии интересовались, в основном, Северо-Западной Европой и Северной Америкой. Работа упомянутого выше Н. Роуза также в значительной степени сосредоточена на Великобритании и Соединенных Штатах.

Так, в монографии, посвященной состоянию современной психологической науки (в первую очередь в контексте тенденций глобализации), поднимается проблема доминирования Соединенных Штатов Америки на поле производства этого знания. Авторы монографии отмечают, что процент тех людей, которые, занимаясь этой дисциплиной, живут и работают в Соединенных Штатах, стремительно сокращается, и поэтому в современных реалиях становится невозможно игнорировать разработки в области психологии за пределами США (*Internationalizing the History of Psychology... , 2006*).

Э. Брок, критикуя американскую монополию на производство психологического знания, пишет, что правила включения/исключения того или иного труда в мировую историю психологии можно сформулировать так: «Правило № 1: Если ваша работа не оказала серьезного влияния на американскую психологию, какой бы влиятельной она ни была в другом месте, она не считается ... Правило № 2: Если ваша работа оказала большое влияние на американскую психологию, даже если ее влияние было ограниченным или отсутствовало в других местах, это важная часть истории психологии ... Правило №3: Азии, Африки, Латинской Америки и Океании не существует» (Там же, с. 3-4).

На сегодняшний день существует достаточно большое количество литературы, посвященной проблеме гегемонии США в науке; в частности, большую популярность набирает критическая литература о взаимосвязи между колониальной экспансией и наукой (Storey, 1996). Одна из линий такой критики раскрывается в работах Ф. Могхаддама, который утверждает, что

«психологическая наука и история, рассказанная об этой науке, служили как внешнему, так и внутреннему колониализму, поддерживая межгрупповое неравенство власти как в международном, так и в национальном контекстах» (Moghaddam, Lee, 1990, с.165). Развивая проблему так называемого научного колониализма, Ф. Могхаддам пользуется рыночной терминологией, говоря об «экспорте» научного знания от гегемонов индустрии к странам Третьего мира: «... Точно так же, как McDonald's и Pizza Hut были экспортированы в остальной мир, так же была экспортирована и западная психология (Там же, с. 169).

Так, психолог замечает, что на международном уровне большая часть психологии, доминирующей в большинстве африканских, азиатских и латиноамериканских обществ, отражает потребности и ценности западных держав (Moghaddam, 1990). На национальном уровне эта психология импортируется через прозападные элиты Третьего мира, и импортированная психология в значительной степени остается внутри современного сектора и служит элите, а не большинству населения, живущего в традиционном секторе экономики и общества (Moghaddam, Taylor, 1985; 1986). Причины подобной гегемонии автор видит в двух тенденциях, превалирующих на протяжении всей истории психологии 20 века: доминировании причинных моделей над нормативным и настойчивым стремлением к универсализации психологии (Moghaddam, 2002). Первая тенденция, обозначенная автором, базируется на рассмотрении психологии через призму естественных наук и положении о том, что человеческие мысли и действия причинно детерминированы факторами, которые одинаковы для всего человечества, а не под влиянием культурных условий, которые могут существенно различаться в обществах; в определенный момент она получила большое развитие из-за стремления выстроить психологию по образу естественных наук и в дальнейшем отразилась на специфике американской психологии.

На наш взгляд, одной из важнейших причин современного состояния психологической науки в Европе и США являются последствия Второй

мировой войны. Известно, что многие ученые были вынуждены мигрировать в Америку в связи с политическими обстоятельствами; более того, несмотря на самобытность традиции американской психологии, многие ученые испытали влияние европейских коллег еще в начале 20 века, когда проходили стажировку в лаборатории В. Вундта. Период до Второй мировой войны является важным этапом в развитии психологии, который повлиял на облик всей современной науки. Именно поэтому мы считаем важным проследить предпосылки становления основных направлений психологии в политическом и социальном аспекте в 1930-х гг. и ее становление в военное время.

1.3. Научное сообщество как субъект исторического процесса

Важнейшим этапом исследования проблемы детерминации научного знания представляется поиск сущностных оснований понятия науки в целом. Определение того, что подразумевается под наукой вообще, как соотносятся понятия научное знание, научные институты и какие детерминанты являются двигателем их развития, неизбежно приводит исследователей к ключевому фактору, без которого невозможно существование науки как социального института - научному сообществу. Это подчеркивается во многих современных подходах к определению науки: «...наука как социальный институт представляет собой сферу упорядоченных отношений между людьми на основе устойчивой организации их деятельности, а такая упорядоченность и организованность осуществляется путем нормативно-ценностного регулирования межличностных взаимодействий» (Трошихин, Гуков, Филенко, 2014, с. 104).

Проблема поиска факторов, детерминирующих тот или иной путь развития науки, в частности, проблема «науки и власти», является лейтмотивом исследований, посвященных советской психологии: при этом закономерно, что многие из таких исследований описывают советскую науку как «репрессированную» науку, таким образом представляя ее как нечто

обезличенное, бессубъектное и абстрактное. Однако в одной из последних масштабных работ, посвященных исследованию советского научного сообщества, выдвигается несколько иное предположение: «...Отношения власти и отдельных ученых (особенно занимающих лидирующие позиции в иерархии) были индивидуализированы, определялись их местом и позициями в научном сообществе в большей степени и политической лояльностью – в меньшей. Исследование показало, что в исследуемый период научное сообщество не демонстрировало идеологической (коммунистической) однородности. Степень влияния идеологического фактора на прохождение учеными ступеней академической карьеры и их положение в научной иерархии была не так значительна, как это традиционно оценивалось в историографии» (Долгова, 2019, С. 18). На наш взгляд, это актуализирует необходимость обращения к исследованию научного сообщества как совокупности реальных людей во всем многообразии их отношений с властью, а также продуктов деятельности этих людей в контексте взаимодействия с другими социальными институтами, а не как абстрактной «науки». Отечественный исследователь Г. Юдин считает, что задача философов науки «... должна состоять в том, чтобы, используя как путеводную нить идею о том, что наука невозможна без научного сообщества, разъяснить *modus operandi* научного сообщества. В данном случае это, разумеется, означает не исследование его социальной структуры, но выявление того, каким образом оно задает способ бытия науки» (Юдин, 2010, с. 68). Д. Бен-Дэвид отмечает, что роль научного сообщества и в науке как социальном институте, и в культуре в целом неизбежно сопряжена с общественным запросом, что требует его изучения в связи с рядом социальных, политических и культурных детерминант, что особенно важно в свете нашего исследования (Бен-Дэвид, 2014). Так, в данном разделе нами будут проанализированы основные подходы к описанию феномена научного сообщества и близких ему понятий, таких как «коллективный субъект», «групповой субъект», «субъект инновационной деятельности» и обоснована роль научного сообщества как ведущего фактора развития науки.

Само понятие «научное сообщество» может быть использовано в нескольких контекстах, однако в самом общем смысле оно сводится к способу самоопределения некоторой общности людей, так или иначе относящих себя к производству научного знания. Представляется интересным, однако, что это понятие вошло в академический дискурс не так давно: так, схожее по смыслу понятие «мыслительного коллектива» было предложено Л. Флеком в середине 20 века, который одним из первых обратил внимание на то, что этот феномен не сводится к простой общности людей. Он писал, что каждый из членов такого «мыслительного коллектива», как минимум, наделен некоторым стилем мышления, «... который почти всегда оказывает абсолютно принудительное воздействие на его мышление, вопреки которому ничего нельзя даже помыслить» (Флек, 1999, с. 66). Так, научное сообщество, в конечном счете, всегда представлено совокупностью реальных людей, однако не ограничивается ими.

Однако среди исследователей, чьи работы были посвящены проблемам философии науки и научному сообществу, в частности, более известными в академической среде являются М. Поланьи и Р. Мертона, которые практически одновременно использовали термин «научное сообщество» в своих трудах. Так, в работах Р. Мертона наибольшее развитие получила проблема этоса науки. Р. Мертон рассматривал науку с нескольких позиций:

1. Как набор методов, с помощью которых удостоверяется знание,
2. Как накопленный запас знания, явившийся результатом применения этих методов;
3. Как «набор культурных ценностей и нравов, руководящих теми деятельностями, которые называются научными» (Мертон, 2006, с. 768);
4. Как комбинацию вышеперечисленных составляющих.

Раздел «Наука и общество» своего фундаментального труда «Социальная теория и социальная структура» Р. Мертон посвящает исследованию науки и научного сообщества с позиций третьего подхода. Автор начинает свой анализ с того, что обращает внимание на те предпосылки,

которые привели к необходимости самоопределения научного сообщества как отдельного автономного субъекта: «Институт, подвергшийся нападению, должен заново оценить свои основания, переформулировать свои цели, найти свое рациональное оправдание. Кризис призывает к самооценке» - пишет Р. Мертон, добавляя в примечаниях к написанному: «...С тех пор, как это было написано в 1942 году, стало очевидно, что шок, вызванный атомным взрывом над Хиросимой, привел уже гораздо большее число ученых к осознанию социальных последствий своей научной работы» (Там же, с. 767). Однако помимо проблемы социальной ответственности ученых за результаты своей деятельности, существовал еще ряд оснований, которые послужили толчком к осмыслению научным сообществом себя как субъекта общественной жизни: нарастающие к 1940-м гг. негласные требования к научному сообществу и ожидания от него, апогеем которого стало сращивание научного и политического (о чем речь пойдет в последующих разделах), что наиболее отчетливо было видно на примере индустриальных стран, которые пытались поставить науку на службу государству, особенно - в период Второй мировой войны (Hollinger, 1990). Проблема неразрывности этоса и интеллектуальной деятельности не является новой: внимание к морально-этическому компоненту как неотъемлемой характеристики научного сообщества прослеживается еще в работах Х. Ортега-и-Гассета. Поднимая проблему миссии университета, он обратил внимание на ответственность представителей интеллектуальных коллективов (Ортега-и-Гассет, 2005).

По Р. Мертону, однако, научное сообщество является в первую очередь некоторой организационной структурой, которая обеспечивает оптимальное развитие науки и способна сама себя регулировать. Как отмечает Г. Юдин, «...для Мертона решающее значение приобрел вопрос о социальных условиях, обеспечивающих автономию научного сообщества, ведь такие условия должны, с его точки зрения, максимально благоприятствовать развитию науки. И хотя проблема автономии науки наиболее подробно обсуждалась Мертоном в ранних работах [7, с. 754-757], предпринятый им в дальнейшем анализ

ценностной и мотивационной структуры науки имел смысл лишь в связи с общим представлением о месте науки в обществе» (Юдин, 2010, с. 66).

В своих работах «Self-government of science» (Polanyi, 1951) и «The Republic of Science: its political and economic theory» (Polanyi, 1962) М. Поланьи приходит к выводу о необходимости сепарации науки от политики, придания ей большей автономии и выстраивания механизмов саморегулирования за счет кооперации членов научного сообщества. Как и Р. Мертон, М. Поланьи, хоть и говорит о самостоятельности научного сообщества и необходимости его деидеологизации, не ставит под сомнение вопрос о том, что наука должна приносить пользу обществу: он лишь отмечает, что регуляции и государственный контроль закрепощают ученого как свободного творца, в сущности, поддерживая тот же взгляд на научное сообщество как инструмент достижения общественного блага. Как справедливо отмечают отечественные исследователи, «...в самом деле, для Поланьи требование от науки практической пользы является в значительной мере бесспорным: утверждение, что недопустимо заставлять науку преследовать внешние для нее цели, неразрывно связано с уверенностью в том, что именно отсутствие принуждения в конечном счете и приводит к наиболее общественно полезным результатам» (Юдин, 2010, с. 64).

Апогеем развития этой точки зрения стали дискуссии о социальной роли науки в обществе: так, в июле 1953 года в Гамбурге прошел Международный Конгресс «Наука и свобода», в котором приняло участие более 100 ученых из 19 стран. Для подготовки конгресса был организован специальный комитет за культурную свободу под руководством уже упомянутого профессора М. Поланьи и доктора А. Вайсберга, австрийского физика, на тот момент проживавшего в Англии. Об этом событии подробно писал американский социолог Э. Шилз: «Темой Конгресса была «Наука и свобода». Он был призван привлечь внимание всего мира к ущербу, нанесенному науке тоталитаризмом. Но участники Конференции мудро стремились использовать критику притеснения науки, чтобы внести свой вклад в прояснение нашей собственной

оценки свободы науки и условий ее поддержания. Целью тех, кто организовал Конференцию, было не только осудить притеснения и деформацию науки в Советском Союзе, но и заставить Западных ученых задуматься над тем, что влечет за собой требование свободы для поиска истины» (Shils, 1954, с. 151).

В основе программы лежала негласная повестка дня, направленная на всестороннее рассмотрение:

- а) структура автономного научного сообщества;
- б) институциональные предпосылки научной свободы, особенно в отношении способа финансовой поддержки университетов и исследований;
- в) методологические предпосылки свободы в науке, т.е. концепция науки, лежащая в основе нашего требования свободы научной деятельности;
- г) мировоззренческие (политические и моральные) основания требований свободы в науке.

Результаты работы конгресса, как заключает Э. Шилз, показывают, что участники достигли консенсуса в понимании необходимости признания интеллектуальной свободы и, в частности, концепции автономного научного сообщества как ценности. «Было достигнуто общее согласие в том, что традиция науки состоит не только в предположениях и текущих гипотезах и ее кодифицированных процедурах – профессиональный дух ученого рассматривался как жизненно важный элемент, одновременно жесткий и хрупкий, без которого научная работа не может продолжаться» (Там же, с. 154).

Однако привнесение понятия научного сообщества в философский и социологический дискурс получило развитие и в другом взгляде на природу научного сообщества: проблематизация этого дискурса это не только способ поставить вопрос роли науки в обществе, социальной ответственности за результаты своей деятельности; иное прочтение научного сообщества заключается в том, что «мыслительный коллектив» или сообщество ученых является единственным фактором, которое вообще удостоверяет реальность науки и научного знания. Научное сообщество является горизонтом научного исследования, условием его существования: такой взгляд на научное

сообщество восходит к работам Г. Пирса, который, хотя и не использовал этот термин, рассматривал сообщество ученых как надындивидуальную реальность (Пирс, 2000). Эту линию рассуждений о научном сообществе раскрывает в своей работе Г. Юдин, который видит в работе М. Поланьи «Республика ученых» отсылку к идее «*Respublica literaria*», восходящей еще к древности: «... бытие ученым определяется в первую очередь ориентацией на некоторую надындивидуальную реальность. Этой реальностью сегодня является научное сообщество. Именно оно выполняет функцию настоящего трансисторического субъекта познания, который находится в поиске истины, — ему соразмерна «бесконечность» как временной интервал, который необходим для достижения истины. Что же касается индивидуального научного работника, то его деятельность оправдывается и определяется тем простым фактом, что он принадлежит к научному сообществу, т. е. входит в субстрат этого сообщества» (Юдин, 2010, с. 59).

Подобный взгляд позволяет говорить о научном сообществе не просто как субъекте в смысле его наделенности ответственностью как одного из акторов цепи «общество-государство-наука», но и как о необходимом условии существования науки вообще, как о ее рамке. В связи с этим представляется важным проанализировать подходы к проблеме субъектности научного сообщества и субъектности вообще.

Проблему автономности науки, ее сущностных характеристик в контексте роли научного сообщества в развитии научного знания представляется возможным охарактеризовать как проблему «субъектности» научного сообщества: субъектный подход в целом сегодня является перспективным подходом к изучению социальных феноменов и, как отмечают исследователи, «...на современном научном этапе характеризуется расширением и конкретизацией представлений об особенностях и закономерностях организации и функционирования коллективного субъекта» (Артемьева, 2015, с. 100).

В работах современных авторов прямо подчеркивается субъектность научного сообщества как агента производства знания: «Научное сообщество выступает субъектом научной деятельности, на основе которой формируется наука как социальный институт» (Денисов, Денисова, 2007а, с. 30). Также научное сообщество определяется как «самоорганизующееся, автономное объединение ученых, выступающее субъектом научной деятельности» (Денисов, Денисова, 2007б, с. 39). Обращение к проблеме роли коллективных субъектов в развитии науки можно отметить еще в работах науковедов, психологов науки Д. Пельца и Ф. Эндрюса: «современная наука в силу ряда обстоятельств во все большей степени становится групповой в том смысле, что уже не отдельные ученые, а их коллективы (малые группы) выступают в качестве своеобразных субъектов творчества» (Пельц, Эндрюс, 1973, с. 8). Важность выделения в качестве субъекта именно научного сообщества, а не отдельного ученого, от результатов труда которого, на первый взгляд, и зависит производство нового знания, обосновывается следующим образом:

1. Работа по приращению новых знаний фактически всегда носит коллективный характер (любой исследователь аффилирован с той или иной лабораторией, научно-исследовательским институтом, учебным заведением, где он, находясь в сообществе коллег, или вузе, где он, общаясь с коллегами, обменивается опытом, идеями, знаниями). В современных реалиях исследователь вынужден быть связанным с теми или иными формальными институциями (не только для того, чтобы иметь все необходимое для занятий научной деятельностью, но и для того, чтобы иметь возможность публиковать результаты своего труда). По справедливому замечанию авторов, «... время ученых-одиночек, работающих в домашних лабораториях-мастерских, безвозвратно ушло» (Там же, с. 30).

2. Исследователь не может быть оторван от результатов научной деятельности своих предшественников (даже если он разрабатывает принципиально новую тему, он всегда ограничен рамками определенного дискурса, который был сформирован в результате работы многих поколений

ученых и философов предыдущими). В этом смысле каждый новый научный продукт можно считать результатом работы тысяч исследователей, косвенно имеющих к нему отношение.

3. Каждый ученый вынужден опираться на ряд норм и правил, которые сложились до него: само понимание того, что такое наука и научный метод, особенности этоса науки – все это является результатом деятельности многих поколений ученых и особенностей развития общества вообще.

4. Знание как конечный продукт деятельности научных агентов, которое предлагается социуму как нечто ценное само по себе, либо в форме какой-либо технологии, инновации, инструмента вырабатывается только в результате работы нескольких участников масштабного и длительного процесса по разработке, оформлению и внедрению этого знания. Один ученый не способен предложить обществу результат своего труда или внедрить его: часто ему требуется несколько других лиц даже для того чтобы результаты его труда вообще стали доступны некоторому кругу лиц (в форме публикации в научном издании).

Ключевую роль при исследовании научного сообщества как субъекта науки является понятие «коллективного субъекта» или «группового субъекта». Основы исследования коллективов в России были заложены еще В.М. Бехтеревым в концепции коллективной рефлексологии. Основываясь на постулате о том, что развитие личности невозможно без влияния коллектива (Бехтерев, 1994), в качестве задачи коллективной рефлексологии ученый выделял поиск общих закономерностей развития коллективов. Коллектив рассматривается В.М. Бехтеревым «как нечто целое, как «собирательная личность», имеющая свою индивидуальность, зависящую от особенностей составляющих ее лиц» (Там же, с. 6). В качестве системообразующего признака коллектива он выделял, в первую очередь, общность интересов и задач людей, составляющих коллектив; им также дается характеристика разных социальных групп, и предлагается их классификация, основанием которой являются уровень организованности группы, направление

активности, степень общности интересов составляющих ее членов. Так, на основе этих показателей, В.М. Бехтерев выделяет организованные и неорганизованные коллективы, а также коллективы, различающиеся по уровню сплоченности (Там же). Корни современного использования понятий «коллективного субъекта», «группового субъекта», «сообщества как субъекта» (которые, на наш взгляд, с разными оговорками чаще используются в академической литературе как синонимичные) восходят к попыткам применения субъектного подхода к изучению коллектива, некоторые из которых мы предлагаем рассмотреть далее.

Основания субъектного подхода в его применении к феномену научного коллектива можно проследить в работах М.Г. Ярошевского, который теоретизировал понятие «субъект научного познания». В соответствии с концепцией М.Г. Ярошевского, научную деятельность предлагается рассматривать как систему трех составляющих ее аспектов: предметно-логического, научно-социального и личностно-психологического: «... предметно-логический аспект науки репрезентирует содержательные формы организации процесса исследования как особой интеллектуальной активности. Научно-социальный аспект выражен в зависимости динамики указанных форм от макро- и микросоциальных факторов творчества. В личностно-психологическом аспекте выступает неповторимый синтез когнитивного (познавательного) и социального, обусловленный особенностями индивидуального развития ученого, онтогенезом его творчества, стиля мышления, уровня притязаний» (Ярошевский, 1981, с. 129).

Научное сообщество в этом смысле представляется как уровень субъекта познания наряду с другими, такими как общество, научно-социальный круг, микросоциум, личность ученого (Ярошевский, 1979б). Научное сообщество как субъект отличается общностью языка, правилами по отношению к изучаемым объектам и индивидам, которые его составляют. М.Г. Ярошевский подчеркивает, что индивидуальный субъект определяется, в первую очередь, общностью, к которой относится: научные коллективы (некоторые из которых

можно считать научными школами) выполняли «... великую миссию хранителя и транслятора социального опыта. Отдельный мыслитель – порождение этой общности. Она его конституирует, а не он в качестве независимой единицы соединяется с другими для ее организации» (Там же, с. 70).

Проблема связи личности и социума как важнейших из факторов развития научного знания развивается в работах другого отечественного ученого – В.П. Карцева, который опирается на концепцию М.Г. Ярошевского. Так, среди уровней субъекта научного труда В.П. Карцев предлагает выделять общество, научное сообщество, «микросоциум» ученого и личность ученого (Карцев, 1984). Автор разграничивает области изучения социальной детерминации научного познания: область социально-психологического исследования, за которой закрепляет микросоциум ученого; область социологии – научное сообщество; и область философии – общество.

Проблема научного коллектива в рамках субъектного подхода получила развитие и в трудах современных исследователей. Ряд работ, выполненных в такой оптике, принадлежит академику А.Л. Журавлеву.

В контексте нашей темы важными являются представления А.Л. Журавлева и Т.П. Емельяновой о возможностях исследования больших социальных групп как субъектов (Журавлев, Емельянова, 2009): они выделяют факторы, обуславливающие изменения в уровне субъектности групп (общественно-политический строй, котором существует группа); актуальную общественную ситуацию; наличие традиции совместных действий и стойкой коллективной памяти о них; наличие системы взглядов и ценностей, внедренных в групповое сознание.

Также А.Л. Журавлевым были выделены субъектные качества больших социальных групп:

- Социальная инициативность и активность;
- Социальная ответственность;
- Высокая степень самоорганизации и самоуправления;

- Развитое гражданское сознание и самосознание;
- Относительная автономность и самодостаточность;
- Открытость для внутригруппового и межгруппового взаимодействия (Там же, 2009).

На основе описанных признаков автор также предлагает выделять типологию коллективных субъектов, однако в данном случае он отказывается от такого подхода типологизации, где каждый признак соответствует определенному типу: это невозможно, поскольку все свойства коллективного субъекта взаимосвязаны и наличие одного из них предполагает наличие другого. Так, автор выделяет следующие типы коллективного субъекта: «...первый тип коллективного субъекта, основанный на взаимосвязанности, характеризуется одним ведущим признаком (первым); второй – основанный на совместной активности – характеризуется двумя признаками (и первым, и вторым); третий – предполагает выраженность всех трех признаков одновременно (в том случае, если речь идет о естественных группах)» (Там же, с. 77).

Также автор выделяет несколько уровней субъектности коллектива.

1) уровень потенциальной субъектности (субъектность как взаимосвязанность и взаимозависимость совокупности индивидов), основанный на элементарных формах взаимосвязанности;

2) уровень собственно субъектности или реальной субъектности (субъектность как совместная активность);

3) уровень рефлексивной субъектности или развитой субъектности.

Понятие «группового субъекта» было развито также в работе К.М. Гайдар (Гайдар, 2012). Исследовательница отмечает, что «групповой субъект – это сложнейшая социальная система; его свойства не являются, во-первых, рядоположенными, во-вторых, однопорядковыми» (Там же, с. 461). Для анализа понятия группового субъекта автор предлагает выделять следующие уровни:

- **Философско-психологический.** На этом уровне выделяется ряд отличительных характеристик, которые раскрывают его сущность, качества, например, активность, социальность, самодеятельность.
- **Конкретно-психологический.** Этот уровень «...требует его изучения как социальной системы, а значит, выделения и характеристики его системных свойств» (Там же, с. 458). Среди таких свойств автор выделяет целостность, структуру, иерархичность, способность к самоорганизации и саморазвитию.
- **Дифференциально-психологический.** Этот уровень предполагает выделение таких свойств, которые раскрывают качественную определенность группового субъекта в конкретной сфере жизнедеятельности. Автор отмечает, что «...группа реализует свою субъектность в сферах совместной деятельности, общения, взаимоотношений, поведения, познания, самопознания и т. д. Изучение группы как субъекта на дифференциально-психологическом уровне допускает, что, являясь таковой в одной сфере активности, она может одновременно не проявить свою субъектность в какой-либо другой» (Там же, 2012, с. 460).

Понятие «коллективный субъект деятельности» развивается в работах О.А. Артемьевой, которая, исследовав на обширном историческом материале становление психологического сообщества как субъекта науки, предложила уровневую субъектную концепцию социально-психологической детерминации психологии как становления и развития коллективного субъекта научной деятельности. В частности, исследовательница выделила стадии предусубъектности, становящегося и развитого коллективного субъекта научной деятельности. Для каждой из стадий становления коллективного субъекта предлагается выделять следующие критерии:

1. На стадии предусубъектности сообщество характеризуется целостностью как взаимосвязанностью и взаимозависимостью его членов, а также тем, что деятельность коллектива имеет общественную значимость;

2. Коллектив как «становящийся субъект» отличается предметностью и иерархичностью;

3. Сообщество как развитый субъект характеризуется рефлексивностью, способностью к самоорганизации и саморазвитию.

Применив данную уровневую концепцию к становлению советского научного психологического сообщества, автор делает вывод, что на стадии предсубъектности сообщество отечественных психологов находилось дважды: «... в дореволюционный период развития внутрироссийской и международной научной коммуникации и в послереволюционный период дискуссий о возможностях построения марксистской психологии» (Артёмьева, 2015, с. 101). Стадия становящегося коллективного субъекта, по мнению автора, была достигнута в 1930-х гг. благодаря внедрению планомерной научной политики, а стадия развитого субъекта - в 1940-е гг., что в дальнейшем позволило психологическому сообществу, несмотря на репрессии в отношении ведущих ученых-представителей педологии и психотехники, отстаивать свой статус во время «Павловской сессии»: «...психологическое сообщество проявило себя как ответственный субъект научной деятельности, способный не только к успешному решению общественно значимых задач, но и преобразованию социальной ситуации развития науки» - пишет О.А. Артёмьева (Там же, с. 101-102).

Заслуживает внимания и несколько иной взгляд на научное сообщество: отечественные исследователи предлагают рассматривать его как «субъект инновационных процессов» (Каменский, Черкашин, Самойлова, 2011). Предпосылкой взгляда на участников общественной жизни в первую очередь как на агентов изменений является положение о том, что нынешняя стадия развития общества (именуемая информационным обществом) отличается от предыдущей (индустриальной) отношением к инновационным процессам. По мнению авторов, фундаментом развития информационного общества является «... не только применение отдельных изобретений и инженерных решений, но и формирование инновационной среды» (Там же, с. 76).

Таким образом, можно сделать вывод, что феномен научного сообщества сегодня является важной частью рефлексии историков и философов науки. С одной стороны, не теряет актуальности поднятый философами и социологами в середине 20 века вопрос об этосе науки и вытекающий из него фокус исследования научного сообщества как автономного образования, с его границами, зоной ответственности и проблемой места и роли в системе других общественных институтов. Однако, с другой стороны, «субъектность» научного сообщества не подразумевает его «однородности»: научное сообщество всегда представлено совокупностью реальных людей как носителей разных социально-культурных и мировоззренческих ценностей и карьерных траекторий; на наш взгляд, это необходимо принимать во внимание при исследовании проблемы «науки и власти», которая в современном академическом дискурсе часто сводится к дихотомии «взаимодействия/конфронтации», а на уровне карьерной траектории отдельных ученых описывается в терминах «лояльности/сопротивления» «режиму». Так, многообразие феномена научного сообщества необходимо принимать во внимание даже на самом широком уровне обобщения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Проведенный анализ литературы позволяет сформулировать ряд общих выводов:

1. История развития научного познания, теории, методологии и практики науки, взаимосвязана с жизнью науки как социального института и обусловлена сложной совокупностью факторов, среди которых внутринаучные, социально-культурные, субъектно-личностные, а также экономические, географические и другие, что обуславливает применение в современных историко-научных исследованиях системного и комплексного подходов, проведение междисциплинарных исследований.

2. В современной истории психологии особое внимание привлекают место и значение в развитии психологии экономического и политического факторов, влияние на развитие психологии не только государства, что традиционно было в фокусе историко-психологических исследований, но и рынка, и гражданского общества. В анализе ситуации исторического развития психологии необходимо учитывать все аспекты, принимая во внимание, что интересы государства, рынка и гражданского общества могут представлять в различных соотношениях, дополняя друг друга или противореча друг другу.

3. Периоды методологических переломов в психологической науке, угасание или развитие новых направлений исследований, часто совпадают с периодами политических и экономических потрясений, меняющих жизнь науки как социального института. Предложенные в литературе варианты периодизации развития психологии (периодизации В.А. Кольцовой, О.А. Артемьевой, О.В. Синевой и др.), основываются в основном на моментах политических трансформаций.

4. Одним из важнейших для изучения социально-культурной детерминации развития науки является политический фактор. Важной в этом отношении представляется концепция «политической истории психологии» А.В. Петровского, в соответствии с которой особую роль в развитии психологической науки в странах с тоталитарным режимом играет диктат государства. Сложность изучения влияния политики на развитие науки заключается, в первую очередь, в отсутствии строгой связи и последовательности между философскими основаниями той или иной идеологии, декларируемыми целями, курсом правительства и реальными политическими действиями, а часто и их противоречивости.

5. Наука как общественный институт представлена совокупностью реальных людей во всем многообразии их отношений с другими социальными институтами, в том числе – и властными структурами. В связи с этим Традиционный в прошлом взгляд на проблему науки и власти в терминах «лояльности – конфронтации», который широко представлен в научной

литературе, сегодня представляется односторонним и недостаточно отражающим все многообразие отношений между научным сообществом и государством и обществом. Необходимо дополнить вектор рассмотрения «лояльность – конфронтация» вектором «включенность – дистанцирование» науки с повесткой власти в области а) идеологических и б) практических задач, и по каждому из блоков задач оценивать дифференцировано.

6. В историко-научном дискурсе выделяется проблема совместимости науки и политического устройства. В работах современных историков науки (и историков психологии в том числе) рассматривается вопрос о том, какой политический режим и тип политического устройства общества в наибольшей степени способствует благоприятному развитию научного знания. В работах зарубежных историков психологии подчеркивается связь между психологией и либерально-демократическими формами правления. Можно полагать, что положение о либеральных системах как наиболее благоприятном фундаменте для развития психологического знания возникло в контексте доминирующего в зарубежном историко-психологическом дискурсе представления об американской гегемонии в производстве научного психологического знания.

7. Актуальными темами в современных историко-научных работах являются исследования самой природы научного сообщества и попытки осмысления роли научного сообщества в системе общественных отношений, проблемы его автономии и ответственности. В российской психологии в исследованиях научного сообщества применяется субъектный подход (М.Г. Ярошевский, А.Л. Журавлев, О.А. Артемьева, К.М. Гайдар, Е.Г. Каменский и др.).

8. А.Л. Журавлев выделяет для коллективного субъекта (каким является научное сообщество) типы и признаки, по которым группа может характеризоваться как субъект, а также уровни субъектности – потенциальной, реальной и рефлексивной, и соответствующие типы коллективных субъектов. Важное место в системе признаков субъектности занимает саморефлексия сообщества и способность к совместным действиям.

9. В работах О.А. Артемьевой концепция «коллективного субъекта деятельности» используется и развивается применительно к собственно научному сообществу. Ею предложена классификация уровней его рассмотрения, от научных групп до научного сообщества в целом, определены механизмы социально-психологической детерминации развития науки и уточнена система признаков и критериев субъектности коллективов в сфере науки. О.А. Артемьева определяет профессиональное сообщество как развитый субъект исходя из критерия обладания рефлексивностью и способностью сообщества к самоорганизации и саморазвитию.

10. В соответствии с концепцией институционализации науки, в развитии психологии выделяются: а) процессы взаимодействия профессионального сообщества в системе внешних социальных институтов, прежде всего, с государством, рынком и гражданским обществом - институционализация психологии как оформление статуса и роли психологов в обществе; б) процессы, происходящие внутри психологического сообщества, в которых с особой очевидностью проявляется иницилирующая активность самого психологического профессионального сообщества, как коллективного субъекта деятельности.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Теоретико-методологические основания историко-психологического исследования

Совокупность философско-методологических позиций, составляющих основу настоящего исследования и представленных нами в первой главе, диктует необходимость более пристального рассмотрения такого аспекта исторического знания о развитии психологической науки как его представленность в историографических источниках. Исходя из понимания текста как фактически единственного доступного исторического «факта» (подробнее об этом будет сказано в пункте 2.3), важной частью исследования специфики развития науки как социального института является изучение репрезентации этого аспекта в научных трудах философов, историков и психологов (Рафикова, Мироненко, 2021б; Рафикова, 2023).

Как и любой период в истории, не только истории науки, период развития психологической науки во время Второй мировой войны в работах современных историков науки и историков психологии не оценивается однозначно. На сегодняшний день существует несколько конкурирующих точек зрения, претендующих на целостное описание механизмов развития психологии в странах, являющихся основными агентами интеллектуальной жизни конца 19-начала 20 века, а также предлагающих свой взгляд на различные факторы, повлиявшие на изменение ландшафта в психологическом научном сообществе середины 20 века. На наш взгляд, на сегодняшний день назрела необходимость не только в осмыслении накопившихся знаний в отношении достижений психологов разных стран в период 1930-1940 гг., но и в рефлексии над тем, какие факторы детерминировали появление столь разных

точек зрения на интерпретацию этого наследия в послевоенных историографических источниках.

Одна из первых попыток комплексного теоретического обоснования историографического исследования в психологии принадлежит В.А. Кольцовой. В своем фундаментальном труде «История психологии: проблемы методологии» она пишет, что историографию можно понимать в широком и узком смысле: в первом случае историография подразумевает анализ источников, отражающих историю разработки какой-то проблемы или отрасли знания, или анализ трудов, выполненных в некоторой области знания, ограниченных определенным историческим периодом. В более узком смысле «...понимание историографии предполагает ограничение историографического исследования собственно историко-психологическими трудами. При такой трактовке историография выступает как история изучения историко-психологического знания. Применительно к психологии это проявляется следующим образом: объект историографии перемещается с работ по психологии, в целом, на труды, посвященные историческому анализу развития психологии, и под историографией понимается изучение динамики развития историко-психологического знания» (Кольцова, 2008, с. 221). Так, в качестве рабочего определения в нашем исследовании будет использоваться определение И.С. Алексеенко, которая в том числе на основе подхода В.А. Кольцовой сегодня разрабатывает методологический аппарат историографии истории психологии: «...отрасль психологической науки, объектом которой является само историко-психологическое знание в его становлении и развитии, а задачами – анализ, обобщение, систематизация и оценка различных подходов, теорий, идей, накопленных в области истории психологии как на современном этапе ее развития, так и в исторической ретроспективе» (Алексеенко, 2016, с. 19).

Опираясь на теоретические разработки В.А. Кольцовой, И.С. Алексеенко выделяет следующие «задачи историографического исследования истории психологии:

1. Выявление общего состояния, закономерностей, этапов и направлений развития историко-научных исследований в длительной исторической ретроспективе или в определенный период времени;
2. Описание проблемного поля историко-психологических исследований и определение направлений их дальнейшей разработки;
3. Рассмотрение теоретико-методологических основ и особенностей концептуальных подходов в трудах историков психологии;
4. Раскрытие связи историко-психологического знания с социально-культурными тенденциями и общественно-историческими условиями, с «психологической культурой» общества;
5. Определение вклада истории психологии в развитие общепсихологического знания, в мировоззрение и систему научных ценностей профессионального психологического сообщества, в общекультурные процессы» (Алексеенко, 2011, с. 237).

Стремление к целостному, всестороннему изучению социальных феноменов, в том числе таких как развитие науки в исторической перспективе, требует от исследователя привлечения целого ряда исследовательских инструментов. Объект нашего исследования — развитие психологической науки в период 1930-1940-х гг. — рассматривается в первую очередь как динамичный процесс в его зависимости от факторов окружающей среды, ведь, как справедливо отмечает В.А. Кольцова, «... историческое исследование исключает изолированное изучение какого-либо явления как противоречащее природе исследуемой им реальности — человека и общества в системе их сложных и многогранных отношений с миром» (Кольцова, 2008, с. 427). Именно поэтому мы считаем необходимым исследовать не только основные события этого периода и их детерминацию, но и представить те сложившиеся к сегодняшнему дню описывающие его точки зрения в историко-психологических работах, которые, в свою очередь, на протяжении всего существования историографии психологии также подвергались существенным изменениям. Так, для этих целей в нашем исследовании были

использованы возможности критического дискус-анализа, содержание которого будет описано в этом параграфе.

2.2. Процедура изучения развития психологической науки в Германии и США в 1930-1940-х годах

Первым шагом нашего исследования стало формирование источниковой базы. Источниковую базу нашего исследования составили следующие документы:

- Обзорные историографические работы 1930–2021 гг., представляющие состояние советской, немецкой и американской психологии изучаемого периода и содержащие свидетельства об основных характеристиках социальной детерминации развития научно-практических течений;
- Биографические статьи о ведущих представителях научно-практических течений;
- Материалы из Фонда Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова);
- Продукты научной деятельности ведущих представителей научно-практических течений на русском, английском и немецком языках: сборники научных трудов, публикации в периодических изданиях, материалы научных съездов и конференций, переводные издания, научные рецензии, докторские диссертации, работы монографического и учебно- методического характера.

Основанием нашего исследования является анализ источников, относящихся непосредственно к периоду 1930-1940х годов и послевоенные публикации, содержащие репрезентации развития психологии в данный период.

Поиск источников производился с помощью нескольких баз данных и итогового «ручного» отбора. Нами был выполнен анализ публикаций на разных языках (английском, немецком и русском) с последующим

сопоставлением. В соответствии с описанной нами во 2 главе концепцией историографического источника, были выделены следующие критерии поиска релевантных источников:

1. Написан психологом, историком, историком психологии или историком науки;
2. Содержит репрезентацию искомого периода (1930-1940 гг.) или опубликован в период 1930-1940 гг.

Для поиска работ на русском языке нами использовалась база данных Google Scholar. Поиск осуществлялся по следующим ключевым словам: «Вторая Мировая Война», «Великая Отечественная война» (этот запрос был добавлен, поскольку предварительный анализ литературы по истории советской психологии показал, что это название также достаточно часто упоминается в связи с указанным периодом), «1930», «1940» (По запросу «Вторая Мировая Война, OR Великая Отечественная война OR 1930 OR 1940 "История психологии"»); в результате было найдено 467 источника. Поскольку поиск по указанным выражениям в некоторых случаях давал нерелевантные результаты, следующим этапом был ручной отбор источников на предмет соответствия заданным критериям.

Для поиска работ немецких авторов нами использовалась база данных PubPsych (<https://www.pubpsych.de>). Система включает поиск по таким базам данных как PSYINDEX, PASCAL, ISOC-Psicología, MEDLINE, PsychOpen, PsychData и др.). Мы посчитали эту базу данных соответствующей нашим исследовательским целям, поскольку она представляет собой поисковый портал для международных психологических публикаций международных баз данных с европейской ориентацией, в частности предоставляет возможность поиска работ именно немецких авторов (написанных как на немецком, так и на английском языке).

Предварительный обзор немецкоязычной литературы по истории психологии позволил сделать вывод, что период 1930-1940-х гг. в истории немецкой психологии часто называют «психологией периода национал-

социализма» (даже если этот период не заявлен в названии работы, слово «национал-социализм» часто упоминается в статьях в качестве синонима к периоду правления А. Гитлера и периода Второй мировой войны в частности), поэтому, помимо позиций, включающих упоминание дат и слов «Вторая мировая война», нами также осуществлялся поиск по запросу «национал-социализм». Так, запрос включал в себя следующие позиции: *Geschichte der psychologie AND Nationalsozialismus OR 1933 OR 1945 OR Zweiter Weltkrieg*. Так как база данных PubPsych ограничена определенной спецификой, поиск показал существенно меньше количество работ (203).

Для поиска работ на английском языке использовалась база данных PsycARTICLES. Так как это самая обширная база данных из выбранных, необходимо было указать более точные критерии для поиска источников; так запрос включал следующие параметры: «*second world war or wwii or world war ii or world war 1939-1945 or world war 2 or world war two AND history of psychology*»; период: 1946-2022 г. После ограничения поиска по источникам (научные журналы, книги, обзоры и документы конференций) поиск дал 2602 результата, а после ограничения по теме «*psychology*» - 57. Дальнейший поиск осуществлялся вручную, поскольку также не все позиции оказались релевантны нашему запросу. Послевоенные публикации о периоде 1930-х–1940х гг. представлены в таблице 10, помещенной в приложение Б.

Мы отдельно рассмотрели послевоенные работы, в которых авторами явились ученые двух и более стран (Германия, США, Россия). Проведенный сопоставительный анализ показал, что совместные исследования немецких и американских ученых (в частности, посвященные периоду Второй мировой войны) представлены в большей степени, чем работы российских исследователей с зарубежными коллегами (в таблице 10 они отмечены желтым цветом). Следует отметить, что совместные исследования не всегда носят компаративный характер: в частности, работы американского историка М. Эша и немецкого историка У. Гойтера (Ash, Geuter, 1985, 2010a, 2010b) посвящены истории только немецкой психологии в этот период). Фактически

единственным примером компаративного исследования, посвященного периоду 1930-1940-х гг., которое вместе с этим было выполнено учеными из разных стран, является совместная работа российских и американских историков психологии «Soviet and American Psychology during World War II» (Gilgen, Gilgen, Koltsova, Oleinik, 1997). Это исследование является важным шагом на пути к международной коммуникации в этом направлении. Основной тезис этой работы заключается в том, что, несмотря на различия между американской и советской психологией в период, предшествовавший войне, они «функционировали более или менее одинаково в аналогичных условиях кризиса» (Там же, с. 2). Этот тезис следует из предположения авторов о том, что идеологическое давление, которому подвергалась наука в Советском Союзе в предвоенное время, было ослаблено (и даже фактически снято) в период всеобщей мобилизации. В результате, по утверждению авторов, психология в СССР военного периода базировалась на «здоровом смысле», ориентировалась на запросы военного времени и практические потребности обороны, а не на идеологические требования. В качестве общих черт советской и американской психологии авторы выделяют общий подъем психологической науки, увеличение доли прикладных исследований и внедрение новых организационных форм функционирования психологии. Идеологической составляющей американской психологической науки, однако, уделяется гораздо меньше внимания; также авторы признают, что тезис «все области психологических исследований были усилены войной» (Там же, с. 188), который был справедлив в контексте психологической науки Соединенных Штатов, требует более глубокого изучения в русле советской психологии.

Традиция компаративных историко-психологических исследований по-прежнему развита недостаточно: на это влияют как проблемы, связанные с международным взаимодействием ученых-историков (языковой барьер, трудности с доступом к информационным ресурсам других стран, политическая ситуация), так и другие факторы, такие как недостаточное

количество накопленного исторического материала для сравнения, сложности в его интерпретации и др. (Mironenko, Proskuriakova, Rafikova et.al., 2020).

Сравнительные исследования в истории психологии сегодня в основном ограничиваются поиском общих закономерностей развития тех или иных научных направлений в разных странах. Однако в недостаточной степени изученным остается взаимное влияние школ и подходов, развивающихся в разных странах в довоенный и военный период, таких как педагогическая психология, социальная психология, проблемы психологического отбора и психотехники, а также философские, методологические предпосылки становления этих областей психологической науки и их связь с идеологической составляющей политических режимов разных стран (Рафикова, 2020).

Основным методом нашего исследования мы избрали критический дискурс-анализ (Van Dijk, 2001).

В отличие от более традиционного метода контент-анализа, дискурс анализ заключается не в подсчете упоминаний отдельных единиц (понятий) в текстах, а в качественном анализе контекста обсуждения ключевых тем дискурса. Наш выбор метода обусловлен большим объемом анализируемых текстов и тем, что тексты эти написаны не только на русском языке, но и на английском языке и также написаны в разное время представителями различных школ и направлений. Используемая процедура дискурс -анализа заключалась в разбиении текстов на фрагменты, соответствующие ключевым темам дискурса. Эти ключевые темы отчасти намечались предварительно, в соответствии с принятой рамкой анализа, а отчасти выявлялись уже в процессе самого анализа текстов.

Таким образом, единицы наблюдения представлены не как совокупность количественных показателей представленности тех или иных единиц в тексте (как в традиционном количественном контент-анализе), а через качественные характеристики в тесной связи с контекстом, в котором представлены эти единицы.

В результате проведенного анализа мы выделили ряд концептуальных фрагментов («тем»):

- Прежде всего, в качестве таких «тем» выступают отдельные Временные отрезки внутри нашего периода:
  - к началу 1930 гг;
  - довоенный период (1930-1939 гг.);
  - военный период (1939-1945 гг.);
  - послевоенный период (1945-);
- Важными «темами», выделяемыми в нашем анализе, стали
  - Германия,
  - США;
- Избранная рамка исследования предполагала выделение в качестве тем характеристик Институционализации и проявлений активности профессионального сообщества:
  - внутри сообщества - профессиональные организации, инициативы отдельных психологов;
  - внешняя активность сообщества по отношению к другим социальным институтам (прежде всего, государство, рынок, гражданское общество).
- В процессе работы с текстами в нашем исследовании были выделены темы, относящиеся к развитию отдельных отраслей психологии:
  - психология детства и образования,
  - психология труда,
  - военная психология,
  - социальная психология
  - клиническая и медицинская психология. Эта часть дискурса нами не рассматривалась в рамках настоящего исследования, так как в этой части дискурс существенно пересекается с иным,

медицинским, учесть последний оказалось невозможным в рамках нашей работы в силу естественных ограничений объема.

- В процессе работы выделились как отдельные темы научные традиции:
  - немецкая,
  - американская.

Процедура критического дискурс-анализа подразумевает выделение (при необходимости) более конкретных кодов – «ключей» для концептуальных тем. Так, тема «Американская традиция» представлена следующими ключами: статистические модели, количественные методы, бихевиористский подход; «Немецкая традиция»: экспериментальная психология, качественный подход, гештальт-психология, описательные модели.

На основании проведенного исследования в главе 3 представлен анализ развития психологии в Германии и США в рассматриваемый период.

В главе 4 дополнительно представлен анализ выявленных особенностей репрезентации данного этапа в развитии психологии в историографических источниках разного времени и разных школ.

ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕМЕЦКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

3.1. Предпосылки и условия развития психологии в предвоенный и военный период.

3.1.1. Состояние немецкой и американской психологии к началу 1930-х гг.

Предпосылки развития психологии в 1930х- 1940х годах были заложены в том состоянии, в котором наука подошла к началу этого периода. Рассмотрим последовательно эти предпосылки в области институционализации психологии, развития теории и методологии и практических применений.

Развитие психологии как самостоятельной науки сегодня прочно ассоциируется с Германией: датой ее основания считается открытие В. Вундтом первой кафедры психологии в Лейпцигском университете в 1875 г. В 1896 году О. Кюльпе (1862-1915), один из бывших лаборантов В. Вундта в Лейпциге, основал новую лабораторию в Вюрцбурге. Вскоре Кюльпе окружил себя рядом молодых психологов, так называемой Вюрцбургской школой, в частности Н. Ахом (1871-1946), К. Бюлером (1879-1963), Э. Дюрром (1878-1913), К. Марбе (1869-1953) и Г. Дж. Уоттом (1879-1925). Однако затруднительное положение Германии после Первой мировой войны несколько приостановило рост психологии как академической дисциплины, что, впрочем, не влияло на активное развитие исследовательской деятельности. Философ М. Куш так описывает сложившуюся ситуацию в научной и студенческой жизни: «... Чувства беспомощности, бессилия и пессимизма усиливались в силу тех бедственных условий жизни, в которых оказалось академическое сообщество времен Веймарской республики. Накопления унесла инфляция, большинство университетских преподавателей жили в бедности, поездки стали непозволительной роскошью, и даже у библиотек не

было средств на покупку самых необходимых учебников и журналов. В 1923 году, на пике инфляции, университет Фрайбурга уволил 35 процентов преподавательского состава. В то же самое время, однако, необычайно возросло число студентов. Количество студентов в немецких университетах увеличилось с 61 000 в 1914 году до 72 000 в 1918 году, и до 112 000 в 1923 году. Совершенно очевидно, что студенты страдали даже в большей мере, чем их преподаватели, тогда как перспективы их дальнейшей карьеры были и того хуже. Понятие «академический пролетариат» было не только широко распространенным, но и адекватно описывало ситуацию данного периода» (Куш, 2004, с 179).

При этом в первые десятилетия XX века в Америке институциональное развитие психологии, напротив, происходило опережающими темпами (Greenwood, 2009; Rice, 2000): американская интеллектуальная элита, подхватив новое многообещающее направление исследований, активно налаживала зарубежные связи и перенимала опыт немецких ученых. Однако бурный рост психологической науки в США в конце XIX начале XX вв. обязан не только заинтересованностью исследователей в развитии новой отрасли. В первую очередь он связан с колоссальными дотациями крупных капиталистов в эту сферу. Один из зарубежных историков науки пишет, что некоторые из крупнейших американских университетов, основанных в конце XIX в., фактически были порождением американского бизнеса, а возникающие социальные научные дисциплины были «в нездоровой степени порождениями американского капитализма» (Greenwood, 2009, с. 353 – цит. по: Manicas, 1987). Так, Корнельский университет был основан в 1865 г. в результате завещания Эзры Корнелла (1807-1874) – бизнесмена, который настаивал на жестком контроле всех административных вопросов в университете (Greenwood, 2009). А Эндрю Д. Уайт (1832-1918), первый президент Корнельского университета, был сторонником светского, научного подхода (которые в то время в противовес религиозному влиянию почти отождествлялись между собой) к образованию. Он выступал категорически против влияния религии на

образование и, в частности, университеты и в 1896 г. даже опубликовал книгу под названием «История войны науки с теологией в христианском мире» (White, 1896). Уайт ввел новую учебную программу «гуманитарных наук», которая больше не ограничивалась «классическими» и фундаментальными дисциплинами того времени, но и включала в себя естественные и социальные науки (включая психологию), литературу, искусство и историю.

Одним из тех, кто наиболее активно способствовал росту институционализации психологии в США, был Ч. Элиот (1834-1926), назначенный президентом Гарварда в 1869 г. Не отвергая достоинств базового классического образования, он также осознавал необходимость внедрения тех академических специальностей, которые отвечали бы требованиям активно развивающегося индустриального общества. Он расширил учебный план и внедрил очень новаторскую для своего времени идею системы элективов в противовес старой и более ригидной системы обязательных курсов. Осознавая тот факт, что академический рынок становился все более конкурентоспособным, Элиот увеличил зарплаты преподавателей и поощрял различные нововведения в учебной программе: так, в нее был введен знаменитый курс У. Джеймса по физиологической психологии, а также принимались меры для увеличения числа учащихся, которые влекли за собой и необходимость расширения финансирования (O'Donnell, 1985).

Уже упомянутая академическая конкуренция, которая развернулась в конце 19 в., обрела глобальные масштабы в том числе и в результате основания Университета Джона Хопкинса в 1876 г. по завещанию финансиста из Балтимора Дж. Хопкинса. По желанию бизнесменов-попечителей Дэниел Коит Гилман (1831-1908), первый президент Хопкинса, буквально с нуля создал национальный центр исследований и послевузовского образования, ориентированный на научную деятельность и пропагандирующий светские идеалы. Гилман привлек преподавателей в новый университет, введя более легкую учебную нагрузку и щедрую финансовую поддержку исследований, а также нововведения в виде привлечения аспирантов через стипендии (в этом

же университете в 1884 г. Г. Стэнли Холл (1844-1924) создаст первую докторскую программу по психологии в Америке). Так, университеты были вынуждены конкурировать между собой, постоянно обновляя и пересматривая свои учебные программы, тем самым создавая «предпосылки для развития американской психологии как исследовательской науки и академической профессии» (O'Donnell, 1985, с. 115).

В результате к 1892 г. в США уже к концу XIX в. была сформирована широкая сеть профессиональных организаций и академических журналов: к 1904г. там насчитывалось 49 лабораторий, 169 членов Американской психологической ассоциации и 62 учреждения, предлагающих три или более курсов по психологии. Активный рост психологии в США объясняется несколькими причинами: пока начинающим психологам в Германии и Британии приходилось соперничать с довольно скептически настроенными философами (которые неохотно были готовы делить сферы своего влияния с молодой наукой) и консервативной администрацией, американская интеллектуальная элита в целом приветствовала развитие такой новой бурно развивающейся отрасли, как психология, так как в тот период она ассоциировалась в первую очередь с экспериментальной работой, дающей вполне конкретные практические результаты, которые можно было применить, в первую очередь, в бизнес-сфере. Это закономерно привлекло внимание прагматично ориентированных крупных капиталистов (класс которых формировался в начале XX в. в связи с бурным экономическим и промышленным ростом в США), которые оказывали психологическим лабораториям и университетским кафедрам щедрую материальную поддержку.

Таким образом, в первой трети 20 века, как в Германии, так и в США и во всем мире были сделаны важные шаги на пути к институционализации психологии как науки, практики и академической дисциплины; не самую последнюю роль в этом процессе сыграла способность новой активно развивающейся области отвечать общественным запросам: помимо интереса

крупных капиталистов к новой активно развивающейся отрасли, для повышения авторитета психологической науки в первой половине 20 века важным фактором стало развитие разработок в области психологического тестирования и их применение в военной отрасли уже в период Первой мировой войны (о чем подробнее будет сказано далее). В период 1930-1940х гг. способность психологической науки и практики отвечать общественным запросам стала не только фактором, который привел к повышению ее авторитета, но и сыграл роль в ее профессионализации и институционализации. Описать эти процессы на основе данных о статусе психолога, изменениях на уровне законодательных актов, а также трансформациях в профессиональных сообществах является одной из основных задач нашей работы.

Важным явлением в развитии теории, методологии и практики психологии, стал так называемый холистический поворот. Середина 1920-х гг. во многих странах ознаменовалась отказом многих прикладных и теоретических психологов от элементаристского подхода и переходом к целостному изучению личности, а также появлению в поле исследовательского интереса понятия «характера». Однако, по мнению современных исследователей, нигде поворот к характеру не был таким внезапным и основательным, как в Германии (Meskill, 2004). Одним из наиболее влиятельных и известных русскоязычной аудитории направлений в этом отношении (и одним из немногих, которое, при этом, не порывало с экспериментальными методами) была гештальтпсихология. Однако такой поворот отразился как на образовании принципиально новых областей знания (таких как характерология), так и как на множестве новых подходов в уже существующих отраслях (в частности, психотехнике).

Сегодня среди историков психологии не существует консенсуса в отношении попыток объяснения подобных трансформаций в немецкой науке. В ряде работ были предложены самые разные объяснения происхождения и природы «характерологического поворота» в немецкой, в частности, и

прикладной психологии. В масштабной работе, посвященной анализу социальных и культурных условий развития немецкой психологической мысли, Ф. Рингер утверждал, что растущий интерес к характерологии можно представить как своего рода «защитную реакцию» гуманистически ориентированных ученых (представителей классической «geisteswissenschaftliche» науки, многие из которых негативно оценивали распад Германской Империи и переход к Республике и в целом настороженно относились к новому политическому курсу), которые выступали против ослабления вертикали государственной власти, отстаивали ценности иерархического устройства и усиление geisteswissenschaftliche в противовес набиравшим популярность американским веяниям, заключавшимся в политике «массовизации», форсированному развитию промышленности, развитию капиталистического общества и технологических инноваций (Ringer, 1969).

С другой стороны, такие исследователи как З. Йегер и И. Штейбле, ведущие представители неомарксистской критической школы психологии, которая получила известность в Германии в 1970-х годах, предложили рассматривать эти трансформации в немецкой науке как напрямую связанные с экономическими факторами. Характерология, по их мнению, выступила необходимым компенсаторным механизмом, способом сглаживания проблем, которые обнажились после форсированной индустриализации: так, в свое время психотехника (как профессиональный отбор) помогла немецкой промышленности подобрать наиболее квалифицированных рабочих для восстановления немецкой экономики после Первой мировой войны. Работа, выстроенная по принципу «конвейера», механическая деятельность привела к выгоранию работников и появлению проблемы, которая в парадигме марксизма является центральной – проблемы «отчуждения от труда»: тогда появилась необходимость в изучении психологического аспекта рабочего процесса, чтобы повысить эффективность деятельности рабочих, что привело к холистическому повороту (Jaeger, Staeuble, 1981).

Схожей позиции придерживается и немецкий исследователь Х. Хильдебрандт: поддержав общий тезис З. Йегера и И. Штейбле о компенсаторной природе характерологической психологии, он также выдвинул гипотезу, что спрос на практически применимые знания в ряде областей — педагогике, юриспруденции, психиатрии, бизнесе — не только привел к новым формам прикладной психологии, но и заставил саму теоретическую психологию, которая в своем первоначальном облике игнорировала вопросы сложного мышления, мотивации и поведения, сдвинуться в этом направлении, обратиться к вопросам, которые требовали более целостного подхода (даже если иногда это происходило ценой отказа от экспериментальных методов (Hildebrandt, 1989).

Так, гипотеза о росте психотехнического тестирования базовых способностей в сочетании с усиленной механизацией и характерологическим поворотом в качестве последующей стратегии устранения возникающего отчуждения, казалась удовлетворительной. Тем не менее, как писал У. Гойтер, исследовавший проблему профессионализации психологической науки в Германии, что связь характерологии с «реальными экономическими и социальными событиями в Германии... еще не исследована» (Geuter, 1992, с. 85-89).

В объяснении холистического поворота можно выделить и другое направление – культурный подход. Так, большой интерес в этом отношении представляет работа Э. Хэррингтон «Зачарованная наука: холизм в немецкой культуре от Вильгельма II до Гитлера». По мнению автора, корни роста популярности холистических теорий не только в психологии, но и в естественных науках частично лежат, во-первых, в научных открытиях о живых развивающихся системах, а во-вторых, что более важно, в широко распространившемся к 1920-м гг. недовольстве «бездушной» механистической философией. Этим можно объяснить как рост различных холистических концепций, так и появление гештальтпсихологии. Более того, по мнению автора, к концу 1920-х годов характерология стала особенно удобна для

объяснения различного рода теорий и расовых различиях, о чем мы поговорим далее (Harrington, 1999).

В своей работе «Гештальтпсихология в немецкой культуре» М.Г. Эш пишет, что в 1920-е гг. «...возникло множество альтернативных психологий для решения проблем современной молодежи, сексуальности, характера или диагностики личности» (Ash, 1995, с. 204), подчеркивая, что центральную роль в таком многообразии играл поиск практической значимости. Наконец, Г. Эш предлагает различать два периода немецкой истории психологии, предполагая, что только после Второй мировой войны, благодаря «профессионализации общества», акцент в психологии сместился с вопросов субъективности на «технологические манипуляции и контроль».

В отличие от многих работ по истории психологии, в которых подчеркивается важность культурного или политического контекста, работа Д. Мескилла объясняет поворот к характерологии, проблемам личности и мотивации с точки зрения политической программы укрепления национальной безопасности и эволюционирующих производственных стратегий немецкой промышленности. Центральный тезис Д. Мескилла заключается в том, что главную роль в появлении новых подходов в вопросах профессионального отбора сыграл поворот немецкой промышленности к гибкому высококачественному производству, который, в свою очередь, произошел из-за экономических процессов в массовом производстве 1920-х гг. в Америке. В 1924-1925 года среди немецких промышленных и профсоюзных лидеров, посетивших завод Форда в Хайленд-Парке и другие места массового производства, развернулась дискуссия: с одной стороны, немецкой промышленности явно пришлось бы перенять некоторые американские технологические и организационные инновации. С другой стороны, учитывая совершенно иные исходные условия (меньший рынок, меньшее количество природных ресурсов, специфика организации рабочей силы, послевоенная ситуация), промышленность Германии должна была следовать своим собственным курсом. Так, знакомство с практикой массового производства

дешевых товаров в Америке стимулировало немецкую промышленность с середины 1920-х годов занять нишу гибкого производителя товаров более высокого качества. Влияние новой немецкой производственной стратегии на психологию профессионального отбора, по мнению Мескилла, было колоссальным. Фактически, основными важными характеристиками квалифицированного рабочего «нового типа» теперь стали его автономия и самообладание: он должен был уметь работать без надзора, самостоятельно решать непредвиденные технические проблемы и придерживаться высоких стандартов качества в своей работе при отсутствии внешнего давления. Поскольку для компаний — и, следовательно, для Бюро по трудоустройству — теперь стало важно различать такие качества характера среди потенциальных кандидатов, обращение психологов, сотрудничавших с Бюро труда, к характерологии стало закономерным шагом в этом направлении (Meskill, 2004).

Очевидно, важную роль во всех перечисленных выше факторах играла и послевоенная ситуация: после Первой мировой войны, которая принесла миллионы убитых и раненых, а также после заключения крайне невыгодного для Германии мирного договора, лишившего страну важных территорий и природных ресурсов и наложившего финансовое бремя на десятилетия вперед, представителей самых разных политических партий объединило осознание важного момента: сохранение немецкой нации зависит от сохранения ее единственного оставшегося ресурса – человеческого капитала. Это привело к созданию концепции «*Menschenoekonomie*» («человеческая экономика», «экономика человеческих ресурсов»), которая получила поддержку влиятельных слоев населения (в частности, профсоюзов), или, по крайней мере, не встретила их большого сопротивления (здесь речь идет уже скорее о работодателях). Так, в 1920-х гг. была запущена правительственная программа, включающая создание различных государственных органов для централизованного контроля над рынком труда, о которой также писал Д. Мескилл. Более того, наличие большого количества неквалифицированных работников влияло на повышение показателей текучести кадров в начале и

середине 1920-х годов, что было экономически нецелесообразно для условий, в которых работало большинство предприятий и требовало пересмотра принципов организации производства и нового подхода к оценке работников. В это же время появляется такая специальность как психолог на промышленном предприятии (Плавинская, 2011).

Так, изменения в экономике Германии после Первой мировой войны привели к сдвигу в подходе к профессиональному отбору на предприятиях: для эффективного работника стали более важны определенные качества характера, что обусловило холистический поворот в этой области. Это сыграло важную роль в период развития сотрудничества психологического отбора при военных структурах Германии в 1930-1940-е гг. после прихода к власти А. Гитлера и изменения военной политики.

Одной из важных практических сфер, были задействованы психологи, была сфера образования и воспитания.

Одним из инструментов «легитимного», институционализированного влияния политических элит на широкие слои населения всегда являлся институт образования. В контексте проблем внутренней и внешней политики того или иного государства современные авторы называют его важнейшим механизмом реализации политики «мягкой силы» наряду с достижениями культуры, искусства и науки (Торкунов, 2012).

Институциональные предпосылки формирования исследовательского интереса к проблемам детства в отдельное научное направление в Германии сложились к концу 19 века – так, в 1896 году в Йене (Германия) впервые стал издаваться журнал «Die Kinderfehinkle», а в 1899 году там же была образована Всеобщая немецкая ассоциация детских исследований («Allgemeiner deutscher Verein für Kinderforschung»). Также в 1899 году в Берлине была создана Ассоциация детской психологии («Verein für Kinderpsychologie»), и подведомственный ей Журнал педагогической психологии «Zeitschrift für Pädagogische Psychologie», который впоследствии окажет значительное влияние на развитие немецкой педагогической психологии. Так, накануне

Первой мировой войны инфраструктура для экспериментальных исследований детей и молодежи в Германии была относительно хорошо развита по сравнению с большинством других европейских стран (Dudek, 1990). По свидетельствам немецких исследователей того периода, к 1912 году насчитывалось не менее 25 журналов, 8 монографий и 37 различных учреждений и ассоциаций в области, которую в общем виде можно было охарактеризовать как «Исследования детства» («Jugendkunde») (Lipmann, Stern, 1912). Согласно более поздним исследованиям, в период 1880-1914 гг. было создано 21 периодическое издание и 29 ассоциаций в этой же области (Herrmann, 1976). В таблице 1 представлены основные аспекты развития педагогической психологии в немецкой и американской традиции

Таблица 1 - Развитие педагогической психологии в США и Германии конца 19-начала 20 в.

	Германия	США
Основные представители	В. А. Лей (1862-1926) Э. Мойман (1862-1915); М. Фришейзен-Келер (1878-1923) А. Фишер (1880-1937) А. Рикель (1897-1967) О. Тумлирц (1890-1957) Ш. Бюлер (1893-1974) З. Бернфельд (1892-1953) Э. Шпрангер (1882-1963) У. Штерн (1971-1938) А. Фрейд (1895-1982) Г. Рот (1906-1983)	Дж. М. Райс (1857-1934) Э.Л. Торндайк (1874-1949) Л.М. Терман (1877-1956) К.Л. Халл (1884-1952) Д. Дьюи (1859-1952) К. Левин (1890-1947) Б. С. Блум (1913-1999) Р.У. Тайлер (1902-1994) Дж. С. Брунер (1915-2016) Р.М. Ганье (1916-2002) Э. Дж. Боулби (1907-1990)
Основные периодические издания	«Die Kinderfehinkle» (1886) Журнал педагогической психологии «Zeitschrift für Pädagogische Psychologie» (1899) Журнал экспериментальной педагогики «Die Experimentelle Pädagogik» (1905) Журнал педагогической психологии и Журнал экспериментальной педагогики объединены в новый журнал педагогической психологии и экспериментальной педагогики (Zeitschrift für pädagogische Psychologie und experimentelle Pädagogik) (1911)	The Pedagogical Seminary (1891), в 1924 переименован в The Pedagogical Seminary and Journal of Genetic Psychology; The Journal of Educational Psychology (1910); Review of Educational Research (1931)

Продолжение таблицы 1.

	Германия	США
Основные профессиональные организации и институты	<p>Лейпцигская ассоциация учителей (1846);</p> <p>Немецкая ассоциация учителей (Der Deutsche Lehrerverein) (1871);</p> <p>Всеобщая немецкая ассоциация детских исследований («Allgemeiner deutscher Verein für Kinderforschung») (1899);</p> <p>Ассоциация детской психологии («Verein für Kinderpsychologie») (1899), Берлин;</p> <p>Институт экспериментальной педагогики и психологии в Лейпцигской ассоциации учителей (1906);</p> <p>Педагогико-психологический институт, Мюнхен (1910);</p> <p>Педагогико-психологическая лаборатория в Национальной академии учителей (1913);</p> <p>Институт изучения молодежи, Гамбург (1913);</p> <p>Венский психологический институт (1922) (служил институтом повышения квалификации народных и гражданских школьных учителей);</p> <p>Педагогический институт города Вены (1923);</p> <p>Закрит Экспериментальный институт педагогики и психологии в Лейпциге, вместо него основан Педагогико-психологический институт (октябрь 1933);</p> <p>Немецкая ассоциация учителей преобразована в Национал-социалистическую ассоциацию учителей (Der Nationalsozialistische Lehrerbund) (1933)</p>	<p>Первая постоянная кафедра в области образования «Профессура философии и образования» в Государственном университете Айовы (1873)</p> <p>Департамент науки и искусства преподавания в Мичиганском университете (1879)</p> <p>Факультет педагогики в Вашингтонском университете (1881)</p> <p>Факультеты в Северной Каролине и Университете Джона Хопкинса (1884)</p> <p>Факультет педагогики Университета Индианы, курс педагогической психологии под названием «прикладная психология» (1886)</p> <p>Педагогический колледж Колумбии (1888)</p> <p>В Университете Миннесоты был проведен курс «Развитие сознания ребенка» (1893)</p> <p>Курс «Педагогическая психология» в Стэнфорде в 1897 году (1897)</p> <p>Собственная школа образования в Чикагском университете (1900)</p> <p>Создание в Университете Небраски педагогического колледжа с перечнем факультетов, включая «Психологию образования» (1901-1902) (в 1922 – «Кафедра педагогической психологии и измерений»)</p> <p>Американская ассоциация образовательных исследований (1916)</p> <p>Психология образования добавлена в качестве одного из 18 подразделений Американской психологической ассоциации (1944)</p>

Исследования раннего формирования личности испытывали большое влияние наиболее значимой, мейнстримной традиции немецкой психологии того времени – экспериментальной психологии. Так, в 1905 году был основан журнал «Die Experimentelle Pädagogik», что положило начало формированию целого направления экспериментальной педагогики, основу которой заложили В. А. Лай (1862-1926) и Э. Мойман (1862-1915) (бывший ассистент В. Вундта) (при этом в 1911 году Э. Мойман публиковался и в «Zeitschrift für Pädagogische Psychologie», что говорит о том, что линии развития традиционной детской психологии и экспериментальной педагогики в Германии пересекались уже до Первой мировой войны). Это взаимное влияние позже привело к масштабному методологическому конфликту в педагогической психологии.

В рамках «чистой» академической педагогики и педагогической психологии традиционно предпочтение отдавалось так называемой герменевтической традиции в подходах к исследованию проблем детства (так называемой «geisteswissenschaft»), которая развивалась в тесной связи с философией. После Первой мировой войны своеобразное противостояние двух традиций – экспериментальной педагогики и педагогико-герменевтического направления приобрело новые формы: в связи с поражением в войне Германия была практически полностью изолирована от международной коммуникации: все больше исследователей в области психологии детства погружались в педагогическую традицию, которая проявлялась в «отходе от Naturwissenschaft» и все большем «погружении в метафизику» (Dolch, 1968, с. 6). Кроме того, в 1915 году экспериментальная школа в Германии потеряла своего самого важного сторонника, Э. Мойманна (он скончался в 1915 г. в Гамбурге (Probst, 1989)); По некоторым более поздним оценкам, контакт с международными – в первую очередь, американскими – исследователями, которые занимались разработками в области эмпирических образовательных исследований, был восстановлен только в 1960-х годах (Roth, 1962).

Одним из противников экспериментального направления выступил М. Фришейзен-Келер (1878-1923). В своей работе 1918 г. философ и теоретик педагогической психологии заявил, что реальные образовательные проблемы выходят далеко за рамки тех возможностей, которые предлагает экспериментальный подход. Эксперимент как «творение естественнонаучного духа» пытался «поддерживать видимость естественнонаучной точности там, где требования к основам естественных знаний были уже давно забыты» (Frischeisen-Köhler, 1918, с. 139). В этом смысле более эвристичными для исследования проблем обучения были бы гуманитарные (в классическом понимании) науки.

Схожий взгляд на природу педагогической психологии как научной области высказывал немецкий педагог и психолог А. Фишер (1880-1937). По мнению А. Фишера, педагогика как сама по себе, так и в отношении декларируемых ей целей, имеет философскую природу, и эмпирические методы исследования могут применяться в ней только в тесной связи с их философскими основаниями (Fischer, 1911).

Доминирующий в немецкой психологии взгляд на будущее этой отрасли был отражен в программной статье А. Фишера, опубликованной в 1917 году в уже упомянутом Журнале педагогической психологии: педагогическая психология по А. Фишеру не должна безусловно «работать» на всех реальных случаях, а также заниматься разработкой методик, которые были бы применимы абсолютно ко всем практическим случаям; она должна отражать всю совокупность знаний о многообразии процесса становления личности, главной ее особенностью должна стать ее «проницательность» («*verstehen*») (Fischer, 1917). Так, фактически, роль педагогической психологии по А. Фишеру сводилась к анализу психологического аспекта педагогики: это видно на примере тем, которые исследователь предлагал рассматривать в качестве основного предмета внимания этой области, например разработка «психологии пространства» (как ребенок воспринимает пространство дома, школы, класса и т.д.), «психологии времени» (как ребенок проводит время в

школе, на уроках, в разные времена года, например, на каникулах), «психологии сообщества» (как ребенок чувствует себя в группе сверстников, в каком-то молодежном объединении, в коллективе летнего лагеря и т.д.).

Тем не менее, достижения в области экспериментальной психологии оказали большое влияние на педагогическую психологию в межвоенный период. После реабилитации бывшего соредктора Э. Мойманна В.А. Лая в 1924 году (Дераере, 1989) спектр тем в Журнале педагогической психологии несколько расширился; также стали возможны более разносторонние дискуссии в отношении природы самого предмета педагогической психологии. Так, значимой вехой в развитии дискуссий об основаниях педагогической психологии является статья А. Кисслинга (преподавателя одной из педагогических академий во Франкфурте), опубликованная в 1929 г.: он писал, что в настоящее время в психологии существует пять направлений исследований (многие из которых на тот момент уже оформились как вполне самостоятельные психологические школы), каждое из которых может быть полезно для психолого-педагогических исследований, и в тоже время, указывает на то или иное ограничение экспериментального подхода (Kießling, 1929). Среди них – 1) гештальт-направление; 2) биологическое направление; 3) течение, которое автор называет «werttendenz» (от нем. «wert» - ценность, соответственно, «werttendenz» можно перевести как «аксиологический», «культурный» поворот, культурная психология); 4) «Deutungstendenz» (аналогом которого в русском языке является герменевтическая традиция); 5) индивидуальная психология.

Также одним из первых, кто обратил внимание на важность новых тенденций в психолого-педагогических исследованиях с теоретической точки зрения, был Г. Дойхлер (Deuchler, 1926). По его мнению, необходимо разделять педагогическую психологию на психологию воспитания (Psychologie der Erziehung) и психологию образования (Psychologie der Erziehung). В этом смысле концепт образования как такового («Bildungskonzept»), понимается как «осуществление бытия, формирование

бытия и наполнение психологической личности»; поэтому следует рассматривать его как «идеальную идею», а не подходить к нему «эмпирически». Схожих взглядов придерживался и А. Рикель с его «Психологией отношений» («ideelle Einstellung») и Ю. Вагнер, который также хотел создать в педагогической психологии пространство для психологии воспитания («Bildungsgeist») (Riekel, 1925; Wagner, 1928).

Более широко распространенной с точки зрения приверженцев и влияния на академический дискурс была персоналистически направленная область науки о детстве («Jugendkunde») У. Штерна, разработанная им в Гамбурге (Stern, 1927; Dudek, 1990). Эта область исследования зародилась как попытка преодолеть двойственность между «интерпретативной» психологией («geisteswissenschaftliche») и объяснительной психологией («naturwissenschaftliche»): У. Штерн критически относился как к классической гуманитарной ветви психологии, сводящей к минимуму исследовательский компонент, так и к популярной тогда психоаналитической теории.

У. Штерн пытался подкрепить свою концепцию психологию детства и юношеского возраста многочисленными эмпирическими исследованиями в области интеллекта и таланта и тем самым заложил основу дифференциальной психологии. Важно отметить, что эту область науки он рассматривал как важнейшее звено «vaterländische Menschenökonomie» (отечественной человеческой экономики). Так, в 1916 г. У. Штерн писал, что каждая человеческая способность, которую человек приносит вместе с собой в этот мир, какой бы малой она ни была, несет в себе некоторое обязательство перед другими членами общества; каждый человек обязан развивать эту свою способность и наилучшим образом использовать ее для «общих целей». Духовное национальное достояние всегда опирается на способности каждого, кто разделяет общность нации; каждый член общества несет «обязательство раскопать это сокровище и сделать его плодотворным для прогресса национальной жизни» (Stern 1916, с. 282; цит. по: Heßdörfer, с. 128). В этом отношении он с некоторым восхищением смотрел на американцев, которые,

благодаря своей прагматичной философии жизни, с которой он познакомился во время учебной поездки в 1909 году, постоянно преуспевали в адаптации к требованиям западной культуры.

Еще один взгляд на то, какой должна стать педагогическая психология был предложен Венской школой под руководством Ш. Бюлер (1893-1974) (Bühler, 1975). Хотя эта австрийская исследовательница находилась под влиянием идей бихевиоризма, она разработала «психологию взросления», которая по своей сути явно была реакцией на физиологически-естественнонаучную традицию (хотя и не полностью отрицала ее). Центральной для ее теории была концепция биологического созревания, которое протекает в соответствии с имманентными и специфичными для пола паттернами и на основе которых можно выделить ряд определенных психологических фаз, которые личность проходит в процессе жизни. Можно сказать, что частично ее концепция описания стадий человеческой жизни опиралась на идеи С. Холла (1844-1924), тем более что эмпирическую основу этой концепции составляли дневники детей и юношества.

Идея фаз взросления и развития также встречается в так называемой «характерологической психологии» О. Тумлирца, который понимал развитие как «завоевание» внутреннего мира путем построения собственной системы ценностей индивида, успешно интегрирующей одновременно внутренние побуждения и объективные ценности внешнего мира. Педагогическая психология, по О. Тумлирцу, была междисциплинарной наукой, находящейся на стыке психологии и педагогики, и главной ее целью должно было стать выявление индивидуальных различий между детьми, а также особенностей отношений между ребенком и взрослым; таким образом, во многих отношениях эта область зависела от характерологии, психоанализа и «индивидуальной психологии» (Tumlirz, 1930). Также предпринимались попытки создания науки о детстве как полностью «geisteswissenschaftliche»: психоанализ как основу психологических и социологических исследований детства и юношества стал основой концепции Э. Бернфельда (1892-1953)

(Bernfeld, 1929, 1934; Tenorth, 1992), а в концепции «Психологии подросткового возраста» («Psychologie des Jugendalters») Э. Шпрангера (1982-1963), выступавшей теоретической и методологической альтернативой экспериментальной психологии, задумал развитие детей и подростков как социальное созревание, как «врастание» в объективный и нормативный дух исторически определенного культурного периода (Spranger, 1934).

Таким образом, вслед за А. Кнауэром, который в своей работе 1934 года систематизировал основные достижения в области педагогической психологии за предыдущие десятилетия, можно сделать вывод, что педагогическая психология в Германии стала менее практикоориентированной и более теоретической (Кнауер, 1934). Фактически, классическая герменевтическая традиция педагогики и психологии отстояла свой статус, оттеснив традицию экспериментальных исследований; более того, она во многом усилила свой нормативный, этический компонент: предполагалось, что такой холистический подход к педагогической психологии в первую очередь как «психологии педагогики» приведет к целостному пониманию развития ребенка и его становления как будущей личности (Рафикова, Мироненко, 2022).

К 1930-м гг. с одной стороны, сформировались теоретические основы для педагогической психологии как отдельной, автономной области психологии, которая выделилась из междисциплинарной области исследований о детстве и юношестве. В то же время на протяжении своего становления с конца 19 века по 1930-е гг. в немецкой педагогической психологии произошли некоторые методологические сдвиги: к началу 1930-х гг. она стала менее практикоориентированной и более теоретической; все больше исследователей в области психологии детства погружались в педагогическую традицию, которая проявлялась в «отходе от Naturwissenschaft» и все большем «погружении в метафизику». Эволюция педагогической психологии, тем не менее, проходила достаточно неоднородно и в других странах, являвшихся в конце 19-начале 20 века ведущими

интеллектуальными центрами в области психологии; во многом история становления этой области за пределами европейского мира показала свою специфику, которая отражает как историю развития всей отрасли, так и влияние определенных социально-культурных факторов. Так, исследования в сфере психологии обучения и образования в США, также как и в Германии, зарекомендовали себя как перспективные еще в конце 19 века; начало «child study» было положено С. Холлом, который в 1880-х годах учился в Германии (в частности, под руководством В. Вундта). В 1888 году, после окончания программы профессуры в психологии и образовании в Университете Джона Хопкинса в Балтиморе, он стал президентом недавно основанного Университета Кларка в штате Массачусетс. Почти сразу после своего назначения он основал институт детской психологии, который позже также занялся изучением экспериментальной дидактики (Tanner, 1910), а в 1891 году - журнал «Педагогическая семинария» («The Pedagogical Seminary»), который в 1924 г. был переименован в «Педагогическую семинарию и Журнал генетической психологии» («The Pedagogical Seminary and Journal of Genetic Psychology»). Интересно, что в исторической литературе с именем С. Холла часто связывается начало становления педологии как научного направления вообще (в частности, например, в советской историографии (Носкова, 2021)).

Говоря о философско-методологических предпосылках педагогической психологии, которые в немецкой традиции проявились в двух направлениях, стоит сказать, что американская психология (не только психология детства и юношества) прочно ассоциируется с традицией эмпирической (хотя и не в том смысле, в котором она подразумевалась в немецком дискурсе – в Германии под «эмпирическими» исследованиями имелись в виду в первую очередь экспериментальные исследования). Так, в американской психологии и образовании эмпирическая традиция прочно укрепилась уже к концу 19 века, и в конце 20 столетия она привела к появлению первых форм «объективных» научных исследований в психологии (Travers, 1983). Дж. М. Райс (1857-1934) из Филадельфии, например, исследовал, хотя и с помощью очень

элементарных тестов, успехи школьников в правописании, арифметике и изучении языка на выборке, состоящей из более чем 100000 учеников (Rice, 1913). Влияние Райса признавал и Э.Л. Торндайк (1874-1949) – один из наиболее знаменитых психологов-бихевиористов, основавший теорию обучения, которой позже суждено было стать предметом больших дискуссий.

Основываясь на своих экспериментах с животными в Педагогическом колледже Колумбийского университета в Нью-Йорке, он разработал «теорию коннекционистского обучения», которую позже экстраполировал на область когнитивной деятельности человека. Он рассматривал процесс «научения» как связь между ситуацией и реакцией, сила которой оценивается вероятностью возникновения реакции на стимул. Связь, которая существовала между ситуацией и реакцией, по его мнению, может быть усилена упражнениями (закон упражнений) и аффектом, который производит реакция (закон аффекта) (Rock, 1939).

В своей книге «Психология образования», которая была впервые опубликована в 1903 году, Э.Л. Торндайк стремился, помимо прочего, применить общие психологические идеи к сфере воспитания и обучения (Thorndike, 1905). Можно сказать, что, наряду с другими работами (Thorndike, 1904) эта книга положила начало особому стилю исследований, который продолжал доминировать во всей международной педагогической психологии вплоть до окончания Второй мировой войны. В США работы представителей этой «школы мысли», в основном, печатались в Журнале педагогической психологии («The Journal of Educational Psychology»), который был основан в 1910 году.

Фактически, педагогическая психология для Э.Л. Торндайка и сторонников его теории сводилась к прикладной психологии; сам он характеризовал эту область как «знание человеческой природы, которое психология предлагает изучающим теорию образования» (Thorndike, 1913, с. 1). В сущности, педагогика при таком подходе была просто одной из сфер применения знаний, полученных с помощью научных психологических

исследований. В частности, они могли быть применены в следующих аспектах: во-первых, общие знания о психологическом функционировании человека – его инстинктах, привычках, памяти, внимании, интересах, интеллекте и т.д., – которые должны были быть вписаны в рамки образования; во-вторых, более конкретные знания о чувствах, мыслях и поведении ребенка на различных этапах его развития; в-третьих, по мнению Э.Л. Торндайка, из психологии можно получить более конкретные знания для обучения детей отдельным предметам, а также для используемых методов обучения; в-четвертых, в дальнейшем необходимо разработать своего рода «динамическую» психологию, в которой могли бы появиться законы и закономерности, применимые также к обучению и преподаванию в школах.

Методологически Э.Л. Торндайк стоял на позициях, которую разделяли наиболее радикальное крыло бихевиористов того времени: следуя парадигме классического позитивизма конца девятнадцатого века, Э.Л. Торндайк испытывал большое уважение к «точным» наукам. Это подтверждается не только его пристрастием к «фактам» (Thorndike, 1906), но и его верой в большие возможности применения количественных методов в психологии. Он твердо отстаивал позицию о том, что «объективные» измерения в рамках гуманитарных наук не только возможны, но и необходимы (Thorndike, 1918). Более того, как писал ученый, применение измерительных методов в психологии не обязательно должно вступать в противоречие с экзистенциальным характером человеческого существования. Как пишет Э.Л. Торндайк, матери, которые взвешивают своих детей, тем самым не любят их меньше, и развитие количественных методов в ботанике также не привело к тому, что человечество стало относиться к цветам с меньшей любовью, чем раньше (Thorndike, 1922).

Таким образом, вовлечение психологии в образование в американской традиции происходило прежде всего на уровне внедрения различного рода измерительных инструментов, а также применения результатов психологических исследований в сферу воспитания и обучения. Вслед за

экспериментальной традицией, которая была основана в Германии уже упомянутым ранее Э. Мойманном, и которую позже пытались развивать его последователи, Э.Л. Торндайк изначально считал, что определение целей образования выходит за рамки научного метода. Вопрос ценностей, норм, идеалов науки, словом, ее этического компонента, по его мнению, должны быть предметом интереса философов, религиозных и политических лидеров, но не ученых. При этом, однако, личное мировоззрение Э.Л. Торндайка, включало безоговорочную веру в науку как основу социального прогресса. Э.Л. Торндайк рассматривал науку как «панацею от всех бед человеческого общества» (Clifford, 1962, с. 4), подразумевая, что наука должна быть прикладной (в том смысле, что ее достижения должны использоваться с целью управления жизнью общества). Несмотря на кажущуюся противоречивость позиции в отношении идеологического компонента науки, мировоззрение Э.Л. Торндайка, в конечном счете, не выходило за рамки его личных взглядов (в отличие от, например, У. Штерна): по крайней мере, декларативно нормативный, этический компонент не привносился им непосредственно в научную работу и процесс научного исследования.

Доминирование подхода к обучению, предлагаемого радикальными бихевиористами, однако, просуществовало и в США недолго: к концу 1920-началу 1930-х гг. в академическом сообществе все чаще стала звучать критика количественных подходов и теоретических основ ассоцианизма, коннекционизма и бихевиоризма. Одним из первых психологов, который уже в середине двадцатых годов поставил под сомнение сложившийся (хотя, конечно, во многом относительный) консенсус в отношении применимости модели «стимул-реакция», был Х. Г. Халфиш (1894-1962). В своей работе «Аспекты психологии Торндайка», опубликованной в 1926 году, он заявил, что то, к чему на самом деле сводится образование, выходит за рамки коннекционизма и, в конечном счете, любой модели поведения (Hullfish, 1926). Также Х.Г. Халфиш заявил, что поведение и высшие когнитивные процессы человека нельзя ставить на один уровень с механическими привычками,

которые были выявлены в ходе экспериментальных исследований с животными.

Так, в первой трети 20 века происходило активное становление американской и немецкой традиций в педагогической психологии. Педагогическая психология в США находилась в тесной связи с теорией научения; немецкая постепенно трансформировалась от экспериментальной к «гуманитарной», а также становилась предметом осмысления психологов в контексте государственной политики.

3.1.2. Экономическая и социально-политическая ситуация 1930-1940-х гг.

Начало 1930-х гг. ознаменовалось периодом тяжелых потрясений для многих стран – в 1929 г. началась «Великая депрессия», экономический кризис, затронувший многие сферы жизни американского и европейского общества.

Наиболее важными и оказавшими влияние на развитие общественной жизни и науки как социального института в начале 1930-х гг. оказались социальные последствия кризиса, такие как сильный рост безработицы и массовые недовольства, а также политические перестановки, повлекшие за собой серьезные изменения в обществе (в 1930 г. И.В. Сталин становится фактическим руководителем СССР; в 1933 г. в США к власти приходит Ф. Рузвельт, в 1933 г. - А. Гитлер в Германии). Смена политического руководства во всех странах сопровождается серьезными трансформациями в обществе – так, Ф. Рузвельт объявляет своей основной политической задачей выход из экономического кризиса и в течение первых двух своих президентских сроков (после 1933 г. и после 1936 г.), так или иначе варьируя свою политику, не отклоняется от него: сначала Рузвельт вводит «банковскую» реформу и ряд реформ в сфере промышленности (закон о создании Федеральной чрезвычайной администрации помощи голодным и безработным; закон о рефинансировании фермерской задолженности; закон о восстановлении сельского хозяйства; закон о восстановлении промышленности), а после

переориентации на социальную сферу в середине 1930-х гг. принимает закон о гарантиях в системе трудовых отношений, а также ряд мер для создания системы профсоюзов и системы социального страхования – выплат пособий по безработице, по старости. Приход к власти Национал-социалистической рабочей партии во главе с А. Гитлером также знаменует переход к новой эпохе для Германии: помимо ряда принятых правительством мер по восстановлению экономики после затронувшей страну Великой депрессии, важное значение для немецкого общества имел принятый в 1933 г. закон о восстановлении профессиональной гражданской службы, или «Закон о профессиональных гражданских служащих» – запрет людям еврейского происхождения занимать государственные должности, что повлекло за собой увольнение, в том числе, и многих ученых.

Начало 1930-х гг. знаменуется массовыми недовольствами и в СССР: взятый в конце 1920-х гг. курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию приводит к массовому голоду и глубокому экономическому кризису. Помимо перестройки экономики и попыток решить проблему продовольственного голода и других социальных проблем середина 1930-х характеризуется усилением политических преследований и периодом «Большого террора». В то же время после прихода к власти национал-социалистов происходит обострение международной напряженности: А. Гитлер выходит из Лиги наций и отказывается от участия в Женевской конвенции по разоружению; происходит активная милитаризация не только в Германии, но и позже - в СССР, США и других странах Европы. В таблице 2 представлены наиболее значимые социально-политические события и преобразования в этот период (в том числе для сопоставления мы включили сюда и СССР).

Таблица 2 – Основные социально-политические события довоенного периода

Период	Германия	США	СССР
До 1929	1924-1929 гг. – «золотые двадцатые», относительный рост экономики и благосостояния после поражения в Первой мировой войне и необходимости выплаты репараций	Сильный рост экономики и массового производства, улучшение покупательской способности населения и общего благосостояния	1927 г. – Англо-советский конфликт, угроза войны с Великобританией; результат – наращивание обороноспособности страны Курс на коллективизацию
1929-1932	Мировой экономический кризис; сильный рост безработицы; забастовки и протесты	1932 г. – протест ветеранов («Армия солдатской надбавки»); расстрел голодного марша в Детройте; Массовая безработица	Курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию; Масштабные народные недовольства; Массовый голод; Договор с Польшей о ненападении
1933-1938	1933 г. – Приход к власти Национал-социалистической рабочей партии во главе с А. Гитлером; 1933 г. – Выход из Лиги наций, отказ от участия в Женевской конвенции по разоружению; активная милитаризация страны; 1934 г. – Подписание с Польшей Декларации о неприменении силы; 1936 г. – Сближение с Италией, занятие демилитаризованной по итогам Первой мировой войны зоны; 1936 г. – Заключение с Японией	1933 г. – Приход к власти Ф. Рузвельта, начало «нового курса» (принятие ряда мер по выходу из экономического кризиса); 1935 г. – Сдвиг политики Рузвельта от экономических реформ в сторону социальной сферы; принятие «закона Вагнера» (закона о гарантиях в системе трудовых отношений); развитие базы для создания системы профсоюзов; развитие системы социального страхования – выплат пособий по безработице, по старости;	15 сентября 1934 г. – вступление в Лигу Наций 1937 г. – Начало «Большого террора» - периода самых масштабных политических репрессий

Продолжение таблицы 2.

Период	Германия	США	СССР
	Антикоминтерновского пакта; 1938 г. – Декларация о ненападении с Великобританией («Мюнхенский сговор»)	1936 г. – Победа Рузвельта на президентских выборах, продолжение политического курса; 1938 г. – Закон о справедливых условиях труда — американский законодательный акт, принятый Конгрессом США в период «Нового курса» (установление права на минимальную заработную плату и введение понятия «сверхурочных выплат»)	

Так, для США и Германии начало 1930-х гг. было связано с масштабной общественной перестройкой: перед пришедшими к власти в начале десятилетия правительствами обеих стран стояла необходимость не просто выхода из экономического кризиса, но и снижения социальной напряженности, в том числе с помощью внедрения системы защиты прав рабочих. В Германии эти трансформации сопровождалась еще и глобальной идеологической перестройкой общества: национал-социалистическая партия с начала правления занялась активной распространением своей идеологии, которая выражалась в первую очередь в изменении структуры немецкого общества. При этом правительство Германии, придя к власти, почти сразу начало активную милитаризацию страны. Драматические события начала 1930-х гг. оказали влияние не только на судьбы отдельных ученых (миграция известных исследователей-психологов из Германии в США и другие страны), но и на состояние психологической науки в целом. Основные события в развитии психологии в предвоенный период отражены в таблице 3.

Таблица 3 – Основные события в психологическом сообществе в довоенный период

Период	США	Германия	СССР
До 1930	1929 г. – Начало Великой депрессии	1929 г. – Преобразование Общества экспериментальной психологии в Немецкое Общество психологии (далее - НОП); состав правления на 1929 г.: К. Бюлер, У. Штерн, Х. Фолькельт, Н. Аш, Д. Кац, Й. Линдворски и В. Поппельройтер	Конец 1927-начало 1928 – I съезд по педологии в Москве (принятие решения о создании Педологического Общества и журнала «Педология»); 4 мая–10 июня – Рефлексологическая дискуссия; сентябрь – конференция в Государственном рефлексологическом институте по изучению мозга им. Бехтерева в г. Ленинграде
1930-1933	1932 г. – Приход к власти Ф. Рузвельта, начало «нового курса» (борьба с экономическим кризисом; банковская реформа, реформы в сфере промышленности)	1931 г. – Уход из состава правления НОП Фолькельта и Линдворски; в 1931 году правление состояло из оставшихся пяти членов и присоединившегося к ним после ухода двух упомянутых ученых Ф. Крюгера	19 декабря 1930 г. – И.В. Сталин становится фактическим руководителем СССР; 5 января 1931 г. – Постановление ЦК ВКП (б) «О журнале «Под знаменем марксизма» (сформулированы задачи дальнейшего развития марксистско-ленинской философии, которые базировались на критике всех антимарксистских и антиленинских установок в общественных и естественных науках) 1931 г. – Реактологическая дискуссия 1932 г. – Обострение в педологическом сообществе дискуссий о вопросе наследственности (выступление Н.К. Крупской в Обществе педагогов-марксистов)

Продолжение таблицы 3.

Период	США	Германия	СССР
1933-1938	<p>1932 г. – Основание журнала «The Journal of Personality» как первого периодического издания по психологии личности;</p> <p>1933 г. – Принятие ряда мер по выходу из экономического кризиса (Закон о создании Федеральной чрезвычайной администрации помощи голодным и безработным; закон о рефинансировании фермерской задолженности; закон о восстановлении сельского хозяйства; закон о восстановлении промышленности);</p> <p>1935 г. – Сдвиг от экономических реформ в сторону социальной политики; принятие «закона Вагнера» (закона о гарантиях в системе трудовых отношений); развитие базы для создания системы профсоюзов;</p> <p>Развитие системы социального страхования – выплат пособий по безработице, по старости;</p>	<p>1933 г. – Приход А. Гитлера к власти;</p> <p>1933 г. – «Закон о восстановлении профессиональной гражданской службы» – запрет людям еврейского происхождения занимать государственные должности (последствия – увольнение и миграция многих ученых);</p> <p>1933 г. – Миграция У. Штерна, К. Левина;</p> <p>1933 г. – Новый состав правления НОП: Ф. Крюгер, В. Поппельройтер, Н. Аш и О. Клемм</p> <p>16-19 октября 1933 г. – 13-й Конгресс Немецкого общества психологии</p> <p>1934 г. – Создание Министерства науки, воспитания и народного образования (Das Reichsministerium für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung) во главе с Б. Рустом;</p> <p>1934 г. – Создание журнала военной психологии «Солдатство» («Soldatentum») (издавался с 1934-1942 г.);</p> <p>1934 г. – Миграция З. Бернфельда;</p> <p>1934 г. – Назначение А. Розенберга комиссаром фюрера по надзору за всей интеллектуальной и</p>	<p>1935 г. – Арест и расстрел И.Н. Шпильрейна</p> <p>1936 г. – Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов»; публичные призывы «покончить с психотехнической практикой»</p>

Продолжение таблицы 3.

Период	США	Германия	СССР
	<p>1936 г. – Основание Психометрического общества (Л. Л. Терстон); основание Американской ассоциации прикладной психологии</p> <p>1936 г. – Победа Рузвельта на президентских выборах, продолжение его политического курса;</p> <p>1936 г. – Основание Общества психологического изучения социальных проблем (the Society for the Psychological Study of Social Issues)</p>	<p>идеологической подготовкой и образованием НСДАП, создание нескольких организаций под общим названием «Reichsüberwachungsamt» или под эгидой отдела культурной политики (Департамент науки был под руководством Ф. Бэумлера);</p> <p>1936 г. – Основание Института психологических исследований и психотерапии в Берлине;</p> <p>1937 г. – 15 Конгресс Немецкого общества психологии;</p> <p>1938 г. – Присоединение Австрии;</p> <p>1938 г. – Миграция из Австрии К. и Ш. Бюлер, З. Фрейда</p>	

Помимо событий, произошедших в психологическом сообществе, в таблице 3 для наглядности также отражены некоторые значимые общесоциальные события для каждой страны, в частности, смена политического руководства и др., которые оказали существенное влияние на состояние психологической науки (эти события выделены серым цветом). Основные события, произошедшие в психологическом сообществе и представленные в таблице 3, последовательно будут описаны в тексте 3 главы.

3.2. Институционализация психологии в Германии и США в 1930-1940-е гг.

Важным обстоятельством при исследовании судьбы той или иной области науки является специфика ее взаимодействия с государством и общественными институтами: именно то, насколько она вписана в сеть

социальных институций, является показателем ее «легитимности», признанности со стороны государства и общества. В условиях масштабных общественных изменений для науки, с одной стороны, открывается множество возможностей в этом отношении; с другой – такие ситуации являются как серьезным вызовом для отдельных ученых, так и угрозой существования целых научных направлений. Таким образом, важным аспектом исследования развития научно-практических направлений в психологии является исследование феномена их «институционализации» в период 1930-1940-х гг., под которым мы будем понимать «...оформление отношений между субъектами-актерами в общественные институты, учреждения, сопровождающийся появлением правил взаимодействия и самоуправления» (Курочкин, 2018, с. 147). Среди основных маркеров институционализации мы будем рассматривать судьбу профессиональных сообществ, законодательные акты в отношении статуса тех или иных институций, затрагивающих профессиональное сообщество психологов, а также социально-политические факторы, повлиявшие на политику в отношении указанных аспектов. В силу естественной ограниченности возможного объема нашей работы в тексте диссертации мы, насколько это возможно, подробно остановимся на материале об истории развития психологии за рубежом, недостаточно представленном сегодня в русскоязычном дискурсе, и сфокусируемся на работах иностранных ученых, которые не были ранее переведены на русский язык.

3.2.1. Психология в Германии: отношения с властными структурами и социальный заказ

Наиболее значимую роль в становлении психологии как профессии и академической дисциплины в Германии сыграло сотрудничество психологов со структурами Вермахта, которое стало ключевым фактором для принятия в 1941 г. первого в истории немецкой психологии Положения о государственных

экзаменах, что стало важным событием в институционализации психологии в Германии.

Развитие применений психологии в военной сфере стало возможным на основе предшествующих разработок немецкой психотехники.

В современной науке понятие «психотехника» редко используется в своем первоначальном значении: содержание психотехники как области психологических исследований сегодня отражено в других сферах психологического знания – организационной, инженерной психологии и др. Однако и во время своего расцвета (в начале 20 века) в описании того, чем является «психотехника» как отдельная отрасль психологического знания также не было строгого консенсуса. Как пишет в обзорной работе об основных психологических теориях российский ученый С. Геллерштейн, психотехника в самом широком смысле определяется как «практическая психология» вообще: «Психотехника отличается от объяснительной прикладной психологии (или психодиагностики) тем, что ее задачи не ограничиваются только объяснением. Психотехника ставит перед собой чисто практические цели» (Основные течения современной психологии ... , 1930, с. 207). Одному из классиков немецкой психотехники Г. Мюнстербергу принадлежит описание этой научной области как «воздейственной психологии», так как ее целью является непосредственное влияние на те или иные стороны практической жизни. Все науки, задача которых заключается в осуществлении какого-то реального изменения, реального преобразования (одной из которых является и психотехника) относятся Мюнстербергом к категории технических (Мюнстерберг, 1924).

Ф. Гизе, менее известный русскоязычной аудитории исследователь, в работе «Теории психотехники» (Giese, 1925) фактически отождествляет психотехнику с практической психологией: на примере исторического материала приводит наиболее интересные, с его точки зрения, факты, свидетельствующие о давнишних устремлениях к постановке проблем практической психологии. В частности, в работах различных ученых и

философов прошлого (например, в учении Гете о цветах, физиогномике Лафатера, френологии Галля и др.) он видит переходный этап к научной психотехнике и практической психологии.

Поскольку вопросы выбора профессии и проблемы оптимизации труда в целом всегда были сферой, в которой заинтересованы все стороны общества – от власти до отдельных граждан - одним из важнейших направлений практической психологии и, соответственно, психотехники всегда были вопросы профессионального отбора: «Центральными задачами психотехники ... являются, как мы уже выше упоминали, профессиональный подбор и профессиональное обучение. Эти две задачи в сущности нельзя рассматривать изолированно потому, что их объединяет общая цель — создание полноценных кадров работников» (Основные течения современной психологии ... , 1930, с. 219). Именно области профессионального отбора суждено было сыграть важнейшую роль в развитии психологии как профессии и академической дисциплины в период 1930-1940-х гг. и в военный период стать основным звеном сотрудничества науки и власти в таких странах как Германия и США, в отличие от СССР, где из-за сложившихся в 1920-е гг. политических и внутринаучных условий, несмотря на развитие по всем канонам ведущих международных тенденций, психотехника вынуждена была прервать своего развитие.

Интересно, что при таком активном развитии, 1930-е гг. в развитии психотехники в Германии, как и в психотехнике СССР, ознаменовались состоянием кризиса. Истории развития психотехники в Германии подробно рассматривается, в частности, в работе Ю.Б. Плавинской под руководством Е.С. Миньковой: ее диссертация посвящена анализу психотехники в Германии (Плавинская, 2011). Она обращает внимание на сходство социально-политических и экономических условий (форсированные темпы индустриализации, потребности в повышении производительности труда, высокая степень государственной поддержки в развитии дисциплины, его прямая заинтересованность в ее результатах, потребности повышения

боеспособности армии, активизация движения за права женщин и др.), а также естественно-научных и философско-методологических предпосылок формирования психотехники в России и Германии (накопленный опыт естественно-научных разработок и экспериментальных исследований, многие из которых нашли применение к проблемам практики, влияние философии позитивизма и прагматизма и др.).

Так, после выделяемого Ю.Б. Плавинской периода «расцвета» германской психотехники, который она называет вторым «пиком» развития дисциплины (1924-1928 гг.), далее выделяется 1929-1932 гг. как время кризиса психотехники, а 1933-1934 гг. - как разрушение немецкой психотехники как самостоятельной области знания. Такой стремительный закат психотехники автор объясняет несколькими факторами, которые она также сопоставляет с судьбой советской психотехники. В первую очередь, на такое положение повлиял экономический кризис 1929 года, который затронул все сферы жизни общества и в результате которого произошло резкое снижение объемов финансирования научно-исследовательских работ. Во-вторых, некоторые современные российские исследователи сходятся во мнении, что психотехника не выполнила «социальный заказ»: в Германии это движение вызвало общественную критику, в том числе - противодействие профсоюзов, считавших профессиональный отбор одним из дополнительных средств эксплуатации трудящегося. Схожие процессы в это время протекали и в СССР: антагонизм между работодателем и работником так и не был устранен, а повышение производительности труда было достигнуто быстрее при помощи социалистического соревнования и движений ударников, а не за счет внедрения психотехнических разработок (Мироненко, 2015; Плавинская, 2011). Как заявили некоторые ученые несколько десятилетий спустя на Всесоюзном совещании по психологии труда (1957 г.), «возникновение и быстрое распространение стахановского движения привело к решению многих из тех задач, над разрешением которых бились психотехники, поэтому практические работники так легко расстались с психотехникой» (Лисина, 1957, с. 170).

В этом свете интересна судьба профессионального отбора как отдельной области немецкой психологической науки: в отличие от психотехники, которая к 1930-м гг. подошла в состоянии кризиса, именно сфера психологического отбора не только активно развивалась, но и благодаря своему практическому применению в военных структурах стала фактором, приведшим к закреплению профессионального статуса психолога на законодательном уровне и внедрению первых правил проведения экзаменов в Германии.

История сотрудничества психологов с военными государственными структурами восходит еще к периоду Первой мировой войны, во время которой, как мы отмечали ранее, были продемонстрированы возможности прикладной психологии, в частности – методов психологического отбора. Смены политических режимов и другие общественные катаклизмы приводили к неоднократной реструктуризации военных формирований в Германии межвоенного периода, однако в той или иной мере возможности психологии использовались в военном деле с начала 20 века. Так, обратимся к истории развития отношений между профессиональной психологией и вооруженными силами подробнее.

История психологии в вооруженных силах отсчитывается в Германии (и военной психологии в большинстве других стран) с Первой мировой войны, когда впервые масштабно начинают применяться психотехнические тесты на пригодность. По оценкам немецких историков, в отличие от Соединенных Штатов, где психологи использовали самые разные тесты, в том числе – тесты на интеллект у всех своих новобранцев (это почти 2 миллиона человек), в Германии военные психологи использовали только тесты сенсомоторных навыков, чтобы отобрать около 10000 человек. В большей степени это касалось таких специалистов, как водители грузовиков, пилоты самолетов и наблюдатели за полем боя (Gundlach, 1996). Так, с помощью тестов психологи измеряли такие показатели как время реакции, зрительная и слуховая проницательность, ловкость рук и т.д. Еще одним направлением работы немецких психологов в то время было обследование солдат с травмами головы.

Хотя эти попытки внести свой вклад в войну с точки зрения психологии не были централизованно организованы, определенно положительный опыт использования психологических разработок в Первой мировой войне привел к пониманию, что необходимо усовершенствовать внедрение методов отбора в дальнейшем. Так, мы можем выделить в истории сотрудничества психологии и вооруженных сил несколько периодов, каждый из которых зависел от особенностей ситуации в стране и, соответственно, повлиял на политику в отношении психологов на службе (основные этапы будут отражены в таблице 4).

1 этап. Психология в рейхсвере при Веймарской республике (лаборатория под руководством Дж. Рифферта)

Психология зарекомендовала себя как безусловно практически полезная область для нужд армии, поэтому попытки внедрить деятельность психологов в структуры психологического отбора военных кадров продолжались и после окончания войны. Поскольку после поражения Германии в Первой мировой войне по условиям Версальского договора максимальная численность немецкой армии могла составлять не более 100000 человек, в рейхсвере (так назывались вооруженные силы Веймарской республики с 1919 по 1935 г.) возникла острая необходимость определить наиболее подходящих претендентов на столь небольшое количество должностей. Так, в 1921 году в Берлине была создана психотехническая лаборатория Министерства рейхсвера под руководством Дж. Рифферта, а в сентябре 1920 г. ему было поручено создать «Единое руководство по вопросам прикладной психологии в армии» (einheitliche Bearbeitung der Fragen Der angewandten Psychologie im Heere). В 1926 г. он разработал процедуру отбора кандидатов в офицеры с групповым обсуждением и системой оценки для всех участников. Задачей психологов было, в первую очередь, создание системы объективных критериев при отборе офицеров, однако она сразу не возымела большого успеха и сопровождалась множеством трудностей: во-первых, в отличие от отбора кадров другого уровня, было сложно выработать четкие критерии для

«хорошего» офицера, что, соответственно, затрудняло диагностику способностей. Во-вторых, привлечение психологов к сфере отбора было встречено скептически со стороны военных (еще до Веймарской республики профессиональный отбор проходил по принципу «кооптации»: фактически, решение о том, кто может занять должность офицера, принимали другие офицеры).

2 этап (1931-1942 гг.) – психология при Вермахте

Второй этап в развитии психологии в вооруженных силах условно отсчитывается с 1931 г., когда Рифферт ушел в отставку, и вместо него в качестве научного руководителя центральную лабораторию возглавил М. Симонейт (вместе с Г. фон Воссом, генералом-лейтенантом), однако содержательно новый виток истории психологии в военных структурах более правомерно связывать с приходом к власти А. Гитлера. Первыми действиями национал-социалистического правительства после прихода к власти была активная милитаризация страны, которая нарушала Версальский договор: 16 марта 1935 года на основе рейхсвера создаются вооружённые силы Германии (Вермахт) и в стране вводится всеобщая обязательная воинская служба. Это ведет к очередному витку изменений в структуре Вермахта, в частности – в отношении увеличения доли военных психологов. Так, если, по данным У. Гойтера, в 1935 г. в Вооруженных силах Германии работало 69 психологов, то в 1937 г. их было уже 320, и это число продолжало расти до 1942 г. По данным, приводимым М. Симонейтом, в 1936 г. в центральной психологической лаборатории в Берлине и в 15 психологических лабораториях, прикрепленных к различным армейским корпусам, было задействовано 114 психологов и 17 офицеров, то непосредственно в начале войны сообщалось уже о 200 психологах (Banissoni, 1940). Более того, обучение и карьера военного психолога были юридически закреплены законом в октябре 1937 г. («Положение о доукомплектовании офицеров высшей службы психологии Вермахта» «Vorschriften für der Ergänzung der Beamten des höheren Dienstes der Wehrmachtpsychologie»). В положении впервые подробно описывалась сфера

деятельности психологов Вермахта и закреплялся их статус на государственном уровне, а также закреплялось основное требование к кандидату на должность военного психолога - он должен иметь степень доктора психологии, а также ряд условий, связанных со здоровьем (отсутствие дальтонизма и др). К 1937 г. было создано 6 новых испытательных центров, а в 1938 году в них работал 171 специалист-психолог.

3 этап – Вторая мировая война и роспуск структур психологического тестирования Вермахта

Летом 1941 года Вермахт начал свое наступление на Советский Союз. В декабре в битве под Москвой она потерпела свое первое крупное поражение, на которое А. Гитлер отреагировал увольнением фон Браухича и принятием на себя Верховного командования. Боевые действия и холодная зима вызвали первые тяжелые потери; к декабрю 1941 года восточная кампания уже стоила 24 % первоначальной численности (Zipfel, 1976, с. 196). Потери среди офицеров также были серьезными, и все больше сержантов получали офицерские звания (Absolon, 1971). Так, после тяжелой для немецкой армии зимы 1941 года армия страдала не только от нехватки офицеров, но и самих претендентов на офицерские должности, которые при данных обстоятельствах могли быть немедленно приняты на фронт. Психологическая диагностика, предназначенная для прогнозирования поведения в случае серьезной ситуации, стала излишней. Как пишет У. Гойтер, 19 марта 1942 г. Верховное командование армии заявило, что большой спрос на новобранцев-офицеров требует строгих мер по регистрации, единообразному обучению и надзору за всеми солдатами армии и резерва, о которых идет речь для войны и активного продвижения по службе (Geuter, 1984). В указе в качестве предварительного условия были названы действия перед лицом врага, но не квалификация или психологические тесты. Таким образом, ход войны фактически разрушил недавно созданную систему набор офицеров. Два месяца спустя, 22 мая 1942 года, был отдан приказ о расформировании армейской психологии с 1 июля, а условия приема кандидатов в офицеры были пересмотрены в тот же день.

Таблица 4 – Развитие сотрудничества психологов в вооруженных силах Германии в предвоенный и военный период (1920-1942 гг.)

События в масштабе страны	Последствия	События в немецком психологическом сообществе	Значение
1 этап – психология в период Веймарской республики, 1920-1933 гг.			
1918-1919 гг. – поражение Германии в Первой мировой войне, Версальский договор	Необходимость выработки объективных и жестких критериев отбора офицеров в новых условиях (численность немецкой армии по договору о демилитаризации Германии не должна превышать 100000 человек)	1920 г. – Единое руководство по вопросам прикладной психологии в армии (Дж. Рифферт)	Разработка и внедрение нового процесса отбора кандидатов в офицеры вооруженных сил
2 этап – расширение психологии Вермахта (1931-1942 гг.)			
Приход к власти национал-социалистической партии; «Закон о создании Вермахта» (Gesetz für den Aufbau der Wehrmacht») (1935)	Вводится всеобщая обязательная воинская служба	1931 г. – центральную лабораторию в Берлине возглавляют Генерал-лейтенант Г. фон Восс и психолог М. Симонейт; 1937 г. - Положение о доукомплектовании психологии высшего офицерского состава Вермахта («Vorschriften für die Ergänzung der Beamten des höheren Dienstes der Wehrmachtspychologie»)	Резкое увеличение доли военных психологов; Законодательное закрепление статуса психолога в Вермахте; Подробное описание деятельности психолога как сотрудника Вермахта; Создание новых испытательных центров и лабораторий; 1938 г. – открытие отделений в Австрии 1940 г. – открытие 3 отделений в Гданьске, Познани, Праге.

Продолжение таблицы 4.

События в масштабе страны	Последствия	События в немецком психологическом сообществе	Значение
1941-1942 – роспуск структур психологического тестирования Вермахта			
Первые крупные поражения армии Вермахта	Снижение потребности в системе профессионального отбора, нехватка офицерского состава	15 апреля 1942 г. приказ об отмене испытания летного состава на пригодность в Люфтваффе 01 июня 1942 - Приказ о расформировании армейской психологии	Роспуск психологических лабораторий, прекращение психологического тестирования

Таким образом, на момент начала третьего этапа – роспуска структуры психологического отбора Вермахта в 1942 году – психология Вермахта насчитывала в общей сложности более 20 отделений. Объемы отбора также были резко увеличены: если в 1935 г. было проверено 4412 кандидатов в офицеры, то в 1939 г. их число уже достигло 20639, а в 1941 году – 29929. Если в 1935 году было проверено 11157 военных более низкого уровня, то в 1939 году – 148956, а в 1941 году – всего 199473.

Важным показателем заинтересованности государства в связи Вермахта и психологии и, как следствие, внедрения изменений в университетскую систему стало принятие первых за всю историю Германии правил проведения экзаменов по психологии - DPO («Diplomprüfungsordnung», что можно перевести как положение об экзаменах, необходимых для получения диплома), которое было выпущено 1 апреля 1941 г. Основные положения документа были разработаны О. Кро, который только что был избран в качестве нового председателя общества, и М. Симонейтом, научным руководителем центральной психологической лаборатории в Берлине. Этот проект был одобрен Министерством науки, воспитания и народного образования и с точки зрения его структуры и содержания ориентировал выпускников в большей степени на знания из области практической деятельности психолога. Так, поскольку Вермахту в первую очередь нужна была качественная система профессиональной психологической диагностики, изучение характера и так

называемая «психология выражения» (немецкий вариант этого термина «ausdruckpsychologie»), а в англоязычной литературе встречающийся чаще всего как «expression psychology» восходит к работам К. Ясперса, и обозначает довольно обширную область различных, в том числе междисциплинарных теорий, в самом общем виде посвященных изучению связи между внешне фиксируемыми, физическими проявлениями человека и чертами его характера, личностными особенностями. Предметом изучения исследователей, так или иначе занимающихся психологией выражения, в разное время были такие физические проявления как почерк, мимика, жесты, особенности лица (физиогномика), а также конституционные характеристики, таких как строение тела) теперь стали отдельными экзаменационными предметами для получения среднего диплома, а психологическая диагностика - для основного диплома. Примечательно, что предметы, которые стали основным критерием для сдачи экзаменов, раньше даже не преподавались в некоторых университетах.

Внедрению программы государственного экзамена предшествовало введение новых требований к квалификации психологов Вермахта с 1937 г., которым теперь требовалось получить высшее психологическое образование, чего раньше не было. Изучение психологии можно было завершить только с университетской докторской степенью, что в некоторых университетах было невозможно даже с психологической специализацией. Для того, чтобы быть принятым на трехлетнюю подготовительную службу после окончания учебы, которая завершалась экзаменом на должность эксперта и соответствовала требованиям для работы в качестве государственного служащего психолога Вермахта, в соответствии с общим законом о гражданской службе требовался государственный экзамен. В то время государственный экзамен по психологии был единственным способом обеспечить профессиональную ориентацию психологов на определенную экспертную деятельность в армии, которая определялась карьерным положением. После начала войны руководство Вермахта в связи с особенностями военного времени и возросшими

потребностями в качественном ресурсном наполнении армии было еще более заинтересовано в том, чтобы университеты в кратчайшие сроки предоставляли выпускников-психологов, прошедших подготовку в областях, важных для работы в области военной психологии.

Однако первые попытки со стороны профессионального сообщества продвинуть идею о формальном закреплении своего статуса предпринимались и ранее. Не удивительно, что первые предложения о введении профессиональной степени для студентов-психологов пришли после Первой мировой войны именно из психотехнических кругов – в основном, действующих преподавателей университетов, которые в своей работе были ориентированы на прикладные исследования и практику: так, в 1935 г. В. Меде, представил министерству образования меморандум о сдаче специального экзамена по психологии и психотехнике для инженеров. Однако ни промышленность, для которой было достаточно иметь степень доктора инженерных наук, ни университеты, желавшие получить более широкий курс обучения, не проявили интереса к этой инициативе (Geuter, 1984, стр. 310-317, 349-351). Только развитие психологии в Вермахте сделало возможным создание коалиции представителей академической сферы для разработки правил, регулирующих требования законодательства о государственной службе для карьеры офицера Вермахта в сфере психологии (1937 г.); этот шаг вселил надежду в академических психологов на сдвиги в решении проблемы профессионального статуса психолога не только в военной сфере, но и в целом. Вскоре эти надежды оправдались: в 1940 году была создана специальная миссия из психологов разных сфер для подготовки проекта правил сдачи дипломных экзаменов.

По сведениям некоторых историков, В. Меде также выступил на 16-м конгрессе Немецкого общества психотехники в Байройте в 1938 г. с докладом о «необходимой перестройке порядка обучения психологов и его руководящих принципах» («notwendige Neuordnung des psychologischen Studiums sowie dessen Richtlinien») (Spur, Haak, 2000). Существует версия, что Меде, осознавая

возрастающее значение Вермахта для психотехники, хотел сам взять на себя инициативу по подготовке психологов и техников и критически высказался по поводу наличия экзаменов по психологии выражения и характерологии в проекте Положения и предложил заменить их на экономическую психологию и психологию в сфере производства. Хотя предложения В. Меде вновь не были приняты, Берлинский университет назначил Меде членом экзаменационной комиссии по психологии. В этом статусе Меде ходатайствовал о возможности получить степень в области психологии и для психологов на промышленных предприятиях, по крайней мере, в Высшей технической школе, и, как пишут Г. Шпур и Р. Хаак, даже лично беседовал с Рейхсминистром министерства науки, образования и народного просвещения по этому поводу. Вероятно, именно его инициатива повлияла на то, что в мае 1942 г. экзаменационные комиссии по психологии были утверждены в 19 в высших технических учебных заведениях Брауншвейга, Данцига, Дармштадта и Дрездена.

Помимо прочего в DPO (положении о предметах, обязательных для государственного экзамена), оговаривалось, что обучение психологии может официально считаться пройденным только в университете, где этот предмет ведет профессор. В результате в 1942 году во Фрайбурге, Кельне и Мюнстере были открыты новые должности непосредственно для профессоров психологии, и таким образом были полностью замещены должности профессуры, которые были вакантны после политически мотивированного ухода многих ученых, в числе которых был, например, В. Келер, чья отставка произошла еще в 1935 году, после которой он эмигрировал в США.

Такое положение дел, а также особенности военного времени, связанные с политикой правительства, заключающейся в активном привлечении психологов к работе вооруженных сил привело к тому, что профессоров психологии в немецких университетах было больше, чем когда-либо прежде.

Важной сферой развития для немецкой профессиональной психологии было также ее сотрудничество с Национал-социалистической организацией народного благосостояния (далее - NSV), которое началось с 1940 года, до

расформирования психологии Вермахта. Это сотрудничество было продиктовано еще одним важным запросом военного времени: обострением проблем нищеты, а также проблем в сфере детства и молодежи - увеличением количества детей-сирот, беспризорников, а также ростом подростковой преступности. Помимо увеличения нагрузки на социальные службы возник запрос на психологическую помощь: так, в ноябре 1939 года Немецкий институт психологических исследований и психотерапии создал свой собственный консультационный отдел (Koenig-Fachsenfeld, 1942), хотя в целом консультирование, за редкими исключениями, было все же в ведении психиатров (то есть врачей). Практические задачи консультирования для психологов заключались в том, чтобы распределить детей по домам или приемным родителям, назначить опекунов или консультировать по вопросам опеки (Hetzler, 1940, 1940a, 1942; Faust, 1944). Психологов также привлекали для предоставления экспертных показаний в суде (Thomae, 1944). Существуют сведения, что Отдел по делам молодежи этой организации также нанимал психологов в оккупированной Польше - отделение NSV было первой организацией, основанной в тылу наступающей немецкой армии. Среди обязанностей сотрудников таких центров было создание детских садов, центров дневного ухода и домов отдыха для несовершеннолетних. Однако помимо этого на NSV в Польше были возложены и другие обязанности, такие как переселение польских детей с немецкими корнями в Германию, а также их «германизация»; причастность психологов к преступлениям в отношении детей в процессе реализации этой программы сегодня остается дискуссионным вопросом, который подробно разбирает в своем фундаментальном труде У. Гейтер (Geuter, 1984); стоит только отметить, что на сегодняшний день существует достаточно мало сведений об участии психологов в деятельности NSV на оккупированных территориях, чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Таким образом, основными направлениями психологической практики периода Второй мировой войны были психологическая диагностика в военных

структурах и работа в сфере социального обеспечения. Система психологического отбора при Вермахте, которая во многом способствовала профессионализации психологии в Германии через введение Положения об экзаменах, была усовершенствована: был законодательно закреплён статус психолога в военных структурах, а также описаны его обязанности; с 1935-1942 гг. существенно увеличилось количество должностей, занимаемых психологами. Фактически, психология впервые получила количественно и структурно серьёзную сферу деятельности за пределами высших учебных заведений. Запросы военного времени актуализировали потребность в психологической помощи в сфере социального обеспечения: с 1940 г. устанавливается сотрудничество между Немецким обществом психологии и Национал-социалистической организацией народного благосостояния. Психологи активно принимают участие в организации работы по помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

Развитие психологии в изучаемый нами период позволяет сделать вывод о роли самого психологического сообщества в этом процессе. В качестве оснований для сопоставительного анализа нами были выбраны не только социально-политические процессы, детерминирующие развитие происходящих в психологической науке изменений в указанный период, но и особенности процесса профессионализации психологии в двух странах в этот период, в котором отдельное внимание обращает на себя аспект субъектности психологического сообщества. Как уже было заявлено в 1 главе, в сопоставительном анализе мы руководствовались представлениями А.Л. Журавлева и Т.П. Емельяновой о возможностях исследования больших социальных групп как субъектов (Журавлев, Емельянова, 2009): они выделяют факторы, обуславливающие изменения в уровне субъектности групп (общественно-политический строй, котором существует группа); актуальную общественную ситуацию; наличие традиции совместных действий и стойкой коллективной памяти о них; наличие системы взглядов и ценностей, внедрённых в групповое сознание.

В отношении последнего фактора - системы ценностей - группа профессиональных психологов является во многих отношениях неоднородной, однако можно отметить, что в определенные периоды для этого сообщества некоторые ценности выступали системообразующими (в американском сообществе 1930-х гг. – стремление доказать свою социальную значимость и поднять авторитет науки после экономического кризиса (о чем будет сказано в следующем пункте); для немецкого сообщества – объединение под эгидой идеи о необходимости собственной «легитимации», признания государством; в период Второй мировой войны для американских и немецких психологов – консолидация для нужд войны). Также А.Л. Журавлевым были выделены субъектные качества больших социальных групп: социальная инициативность и активность; социальная ответственность; высокая степень самоорганизации и самоуправления; развитое гражданское сознание и самосознание; относительная автономность и самодостаточность; открытость для внутригруппового и межгруппового взаимодействия.

Совокупность представлений о психологическом сообществе как субъекте позволяет сделать выводы о предпосылках, признаках и особенностях функционирования этой социальной группы в указанный период, которые в обобщенном виде представлены в таблице 5.

Таблица 5 - Характеристики и проявления субъектности профессионального сообщества в Германии

	1933-1939 гг.	1939-1942 гг.	1942-1945
Актуальная общественная ситуация	Приход к власти А. Гитлера и введение всеобщей обязательной службы, расширение вооруженных сил Германии;	Расширение Вермахта и начало Второй мировой войны, заинтересованность во внедрении системы профессионального отбора офицеров	Серьезные поражения армии Вермахта на фронте, нехватка офицерского состава

Продолжение таблицы 5.

	1933-1939 гг.	1939-1942 гг.	1942-1945 гг.
Предпосылки формирования субъектности	Появление необходимости в расширении кадров для психологического отбора в Вермахте	Появление основ для законодательного закрепления статуса психолога, консолидация профессионального сообщества как единой группы; 1941 г. – введение правил проведения экзаменов по психологии	Роспуск психологических лабораторий Вермахта и системы отбора
Проявления субъектности	1935 г. - В. Меде представил министерству образования меморандум о сдаче специального экзамена по психологии и психотехнике для инженеров; 1937 г. - создание коалиции представителей академической сферы для разработки правил, регулирующих требования законодательства о государственной службе для карьеры офицера Вермахта в сфере психологии; 1937 г. - Положение о доукомплектовании психологии высшего офицерского состава Вермахта	1939 г. - Немецкий институт психологических исследований и психотерапии создал свой собственный консультационный отдел; 1940 г. - создание специальной миссии из психологов разных сфер для подготовки проекта правил сдачи дипломных экзаменов; Инициативы отдельных психологов в сфере разработки законов о дипломных экзаменах (В. Меде); Сотрудничество с Национал-социалистической организацией народного благосостояния (работа с семьями и детьми на оккупированных территориях)	1942 г. экзаменационные комиссии по психологии были утверждены в 19 в высших технических учебных заведениях Брауншвейга, Данцига, Дармштадта и Дрездена. 1942 г. - во Фрайбурге, Кельне и Мюнстере открыты новые должности непосредственно для профессоров психологии, были полностью замещены должности профессуры, которые были вакантны после политически мотивированного ухода многих ученых
Соответствие признакам коллективной субъектности (по А.Л. Журавлеву)	Проявление инициативности и самоорганизации, проявление гражданской активности	Открытость для внутригруппового и межгруппового взаимодействия	Относительная автономность и самодостаточность

Развитие профессионального сообщества позволяет отметить, что даже в период Второй мировой войны, во время которой в связи с крупными поражениями Вермахта потребность в психологическом отборе военных кадров перестала быть столь актуальной, процесс внедрения системы экзаменов не был прекращен, и, более того, после роспуска психологических лабораторий был расширен еще и до технических ВУЗов. Профессиональное сообщество, несмотря на социально-политические условия, проявило себя как автономное самостоятельное сообщество с развитой субъектностью, которое во многом образовалось и укрепилось еще до начала войны в связи с разработкой ряда законов, закрепляющих профессиональный статус психолога.

После окончания Второй мировой войны в Европе 8 мая 1945 года Германия была оккупирована и с 1945-1949 гг. находилась в зоне военных администраций СССР, Франции, США и Великобритании. Психологическое сообщество оказалось в ситуации необходимости поиска новых форм взаимодействия с социумом и самоорганизации, формирования новой самоидентификации. Однако благодаря сформированной и уже укрепившейся в годы войны системе профессиональных структур, где был закреплён статус психолога, психологическое сообщество не утратило свои позиции. Университеты в советской, британской, американской и французской зонах оккупации постепенно возобновили обучение в течение 1945-1946 года; то же самое можно сказать и о работе в практических психологических учреждениях (Sprung, 2001). Немецкая психологическая ассоциация возобновила свою деятельность по координации работы психологов в академическом мире, а в 1946 году к ней присоединилась Организация немецких профессиональных психологов (Berufsverband Deutscher Psychologen) - ассоциация психологов, работающих в прикладных областях. В 1960 году в Бонне состоялся первый после Второй мировой войны всемирный психологический конгресс на немецкой территории: 19-й конгресс Международного союза психологических наук. Можно сказать, что правила 1941 года о выдаче дипломов не были отменены ни во время, ни после окончания Второй мировой

войны: они во многом сформировали структуру и содержание образовательных программ в Западной и Восточной Германии до начала 1960-х годов. Исследовательские программы ведущих немецких психологов 1930-х и 1940-х годов продолжались и в начале 1960-х годов, прежде всего в областях общей психологии, психологии развития, психологии личности, генетической психологии, педагогической психологии, промышленной психологии, психодиагностики, и клинической психологии.

3.2.2. Социальный заказ и отношения с властными структурами в развитии психологии в США

Несмотря на нейтралитет, о котором правительство США объявило в 1939 г., в связи с обострением ситуации в мире, уже в 1940 г. Конгресс США утвердил сумму в 3 млрд долларов на нужды армии и флота, а летом — в 6,5 млрд, в том числе 4 млрд на строительство «флота двух океанов» и увеличил поставки оружия в Великобританию. 11 марта 1941 г. был подписан закон о передаче военных материалов воюющим странам взаймы или в аренду («Ленд-лиз»), а 14 августа этого же года – подписана «Атлантическая хартия», которая знаменовала создание антигитлеровской коалиции. Хотя фактически вступление США в войну как одной из сторон конфликта произошло после нападения Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., подготовка к военным действиям и усиление военной мощи, в том числе – посредством административных преобразований в важнейших военных структурах началась уже в конце 1930-х гг.

В военный период происходила активная профессионализация и институционализация психологии не только в Германии, но и в США (Мироненко, Рафикова, 2023). Вторая мировая война принесла с собой новую волну спроса на измерительные инструменты, разработки в области профессионального отбора и психологическое консультирование, что привело к значительному росту этой области. Национальный исследовательский совет

(The National Research Council), осознав важность психологической работы в военных подразделениях, призвал психологов разных профилей к мобилизации: по оценкам американских историков, к концу войны в армии служили уже 1710 психологов, что является достаточно большим числом, поскольку в 1945 году в Американской психологической ассоциации насчитывалось всего 1012 официальных членов. В послевоенную эпоху кривая роста членства в Американской психологической ассоциации превзошла кривую роста всех других медицинских и академических областей, и в США на душу населения работало больше психологов, чем где-либо еще в мире (Gilgen, 1982).

В начале Второй мировой войны военные создали ряд организаций для сотрудничества с психологическими службами. В 1939 году в управлении генерал-адъютанта армии была создана секция тестирования персонала для разработки планов массовой классификации боеприпасов в случае войны. В то же время Национальный исследовательский совет создал Чрезвычайный комитет по психологии, который учредил несколько рабочих комитетов, в том числе Комитет по отбору и обучению обслуживающего персонала. В 1943 году этот комитет был реорганизован в Группу прикладной психологии, подразделение Национального исследовательского комитета обороны. Под руководством Ч. Брэя группа прикладной психологии спонсировала 21 крупный проект для армии и флота во время войны. Программа авиационной психологии Армейских ВВС была создана для оказания помощи в отборе и подготовке членов летного состава в 1941 году.

Одним из наиболее широко развернувшихся исследовательских направлений в США периода Второй мировой войны стала разработка и улучшение методов психологического тестирования. Так, важная роль психологов заключалась в отборе потенциальных солдат и распределении нынешних военнослужащих на подходящие должности: работая в этом направлении, психологи разработали общие классификационные тесты, позже ставшие моделью для отбора и классификации потенциальных солдат

(Mangelsdorff, 2006). Как и в Германии, военный период открыл новые возможности для психологов в области профессионального отбора. Учитывая опыт Первой мировой войны, психическое тестирование и скрининг усовершенствовались и активно применялись армией США для отбора офицеров, пилотов и экипажей подводных лодок. Развитие высокоскоростных самолетов во время Второй мировой войны требовало также квалифицированных пилотов, которые могли бы быстро научиться управлять такими сложными машинами (Katzell, Austin, 1993). Так, перед психологами была поставлена задача определения подходящего кандидата и создания инструментов отбора высококвалифицированного персонала. Результатом этого испытания стали два теста: «Тестовая батарея классификации летного состава» и «Тест общей классификации армии», целью которого было оказание помощи в отборе и классификации военного персонала (Austin, et.al ., 253). Кроме того, в 1943 году Управление стратегических служб (Office of Strategic Services), которое позже стало Центральным разведывательным управлением (Central Intelligence Agency), создало первый центр психологической оценки в Соединенных Штатах, и в течение 18 месяцев это управление оценило более 5000 кандидатов (Banks, 2006).

Правительство США достаточно быстро осознало потребность в привлечении психологов к военным нуждам не только в отношении военного состава: так, уже после бомбардировок в Перл-Харборе психологи проводили исследования того, как контролировать население и подавлять потенциальное сопротивление как на групповой, так и на индивидуальной основе (Herman, 1995, с. 26-28). Далее мы более подробно обратимся к основным государственным формированиям, созданным специально под нужды военного времени и связанным с психологическими исследованиями в США. Работа психологов, сотрудничавших с этими отделами, в особенности в сфере изучения общественного мнения зарекомендовала себя как перспективное направление, благодаря чему в дальнейшем стала возможна активная институционализация социальной психологии как отдельной области

психологической науки. Так, мы рассмотрим такие правительственные формирования как Отдел программных исследований Департамента сельского хозяйства (Division of program surveys, department of agriculture), Управления военной информации (Office of war information), Исследовательский отдел, отдел морально-психологических услуг (Research branch, morale services division).

Отдел программных исследований министерства сельского хозяйства

Представляется интересным, что одним из первых правительственных учреждений, создавших программу систематических исследований общественного мнения, был Департамент сельского хозяйства. Когда в 1939 году Бюро экономики сельского хозяйства было переименовано в Центральное агентство планирования и исследований департамента, был создан Отдел программных исследований во главе с Р. Лайкертом. С тех пор Отдел достаточно сильно расширил масштабы своей работы и применяемых процедур: позже его услугами пользовались несколькими правительственными учреждениями, которые даже не входили в состав Министерства сельского хозяйства (Skott, 1943). По свидетельствам Х. Скотта, этот отдел занимался исследованием данных об общей реакции общественности на введение крупных сельскохозяйственными программами или о такой реакции в отдельных частях страны. Иногда отдел сотрудничал с другими правительственными организациями и частными агентствами для экспериментального тестирования новых программ в небольших масштабах, прежде чем они были запущены на более масштабном уровне, таким образом предотвращая множество неэффективных решений. Также Х. Скотт пишет, что периодически отдел программных исследований занимался проверкой уровня информированности населения в отношении какого-то конкретного явления (например, уровне потребности в производстве молочных продуктов в военное время).

С точки зрения методологических оснований, работа отдела программных исследований представляла собой новый подход к

исследованию общественного мнения: хотя исследовательский аппарат сбора общественного мнения состоял из вполне стандартных, широко известных к тому времени социологических инструментов, таких как разные виды интервьюирования, использование возможностей целевой или квотной выборки, фиксированные вопросы с альтернативным ответом и др., функции, выполняемые этим отделом все же отличались от функций коммерческого опроса общественного мнения (которыми занимались разные организации, в том числе Отдел программных опросов).

Отдел выполнял работу также для одного из подразделений Управления военной информации (The United States Office of War Information - о нем речь пойдет далее) на возмездной основе с декабря 1941 по ноябрь 1942 года. В состав персонала в этот период входили более 20 психологов, наиболее известными среди которых сегодня являются Дж. Брунер, А. Кэмпбэлл, Д. Картрайт, Д. Чапман, Р. Крачфилд и др. На позициях научных консультантов, сотрудничавших с отделом, работали такие ученые как Г. Олпорт, Г. К. Коффман, К. Левин, Г. Мерфи, К. Роджерс и др.

Управление военной информации

Важнейшим и почти единственным источником сведений о работе Управления военной информации (Office of war information) является сборник из 13 статей, опубликованных в весеннем номере журнала Public Opinion Quarterly за 1943 год. Для нашей темы представляет интерес отделение Управления военной информации, в котором главным образом были представлены психологи – им являлось Бюро разведки. Оно было сформировано в декабре 1941 г. и просуществовало до реорганизации в марте 1943 года, когда многие из его функций были переданы новому Бюро специальных служб. Руководителем бюро был назначен Р.К. Кейн. Среди психологов, сотрудничавших с Бюро, были Х. П. Года, Э. Р. Хилгард, Р. П. Хиншоу, Г. Х. Хайман и Д. Кац (полный список исследователей представлен в Приложении Д). В целом деятельность этого Управления заключалась в опросах общественности по вопросам военной информации, влияющей на

участие общественности в различных военных кампаниях. Предметом их интереса были как широкие слои населения на уровне всей нации, так и исследования отдельных групп и сообществ. Консультантами Бюро разведки были такие психологи как Х. Кэнтрил из Принстонского университета, Дж. Х. Гэллап из Американского института общественного мнения, П. Ф. Лазарсфелд из Колумбийского университета и др. Также в структуре Бюро разведки был представлен Отдел специальных служб (Special Services Division), возглавляемый Л. Уорнером из Нью-Йорка, в штат которого входили Ю. Хартли и Р. Толман. Их область исследований включала изучение тем узкой направленности, таких как, например, различные непредвиденные критические ситуации, а также проведение специализированных региональных исследований. Одним из использованных методов было создание группы реагирования, которая была продолжена Бюро специальных служб. Э. Н. Барнхарт из Рид-колледжа и С. Х. Ньюман из Мичиганского государственного колледжа работали в отделе средств массовой информации, который занимался анализом прессы, радио и кино как каналов коммуникации с общественностью.

Также Управление военной информации было представлено и зарубежным филиалом: он занимался разработкой информационных программ для дружественных стран и пропагандистских программ для стран-врагов. Центральная разведывательная группа была зарубежным эквивалентом упомянутого выше Бюро разведки и основным источником информации о ситуации в зарубежных регионах. К работе этих формирований были привлечены такие психологи как Э. Р. Гатри, А. Л. Эдвардс, О. Л. Клинеберг, Х. Л. Ансбахер. В начале 1943 года в Вашингтоне в дополнение к разведывательной группе было создано Бюро исследований и анализа (Bureau of Research and Analysis) во главе с Ю. Кацем, которое позже трансформировалось в Бюро зарубежной разведки (Bureau of Overseas Intelligence). Целью этого Бюро было обеспечение систематической и упорядоченной обработки разведывательной информации, а также сбор,

анализ и сопоставление разведывательной информации для военных и политических целей. Бюро предоставляло разведданные для содействия военным операциям, предоставляя материалы на местах, и помогало региональным руководителям в формулировании политических решений. Несколько психологов были связаны с этим Бюро. Среди них Л. У. Дуб (Йельский университет), Э. Р. Хилгард, Т. М. Ньюкомб, (Мичиганский университет), С. Х. Ньюман, Х. Пик, (Рэндольф-Мэйкон колледж).

Чуть позже с привлечение сотрудников Управления военной информацией и Управления стратегических служб был создан Отдел психологической войны Верховного штаба Союзных экспедиционных сил (Psychological War Division of the Supreme Headquarters, Allied Expeditionary Forces) - совместная англо-американская организация, которой было поручено вести тактическую психологическую войну против немецких войск и недавно освобожденных стран Северо-Западной Европы во время и после Высадки в Нормандии в 1944 г. Его возглавлял генерал США Роберт А. МакКлюр (который ранее командовал Отделом психологической войны).

*Исследовательский отдел, отдел морально-психологических услуг
(Research branch, morale services division)*

Следующим государственным учреждением, связанным с военным департаментом, в котором были задействованы психологи, является Отдел «морального обеспечения» Военного министерства (ранее он назывался Отделом специальной службы). Американский исследователь С. Стоуфер пишет, что функции этого отдела сводились, во-первых, к проведению различного рода опросов; во-вторых, к проведению экспериментальных исследований (Stouffer, 1949). Так, за время работы отдела были апробированы новые методы анонимного опроса военнослужащих; исследовательский персонал провел исследования примерно в 85 лагерях сухопутных войск и военно-воздушных сил на континентальной части Соединенных Штатов и на нескольких зарубежных базах.

В исследовании другого американского психолога, который ссылается на информацию в журнале «Army Navy Journal», приводится следующий краткий отчет о работе Исследовательского отдела: «Поиск общих знаменателей между рекреационными, образовательными и информационными потребностями и предпочтениями военнослужащих является проблемой исследовательского отдела Отдела специальной службы. С помощью методов, разработанных на основе социологических исследований мирного времени, эта отрасль измеряет, чего хочет солдат, как он реагирует на свой армейский опыт, что его больше всего беспокоит и почему, и что он хотел бы, чтобы с этим было сделано. Эти исследования проводятся потому, что [более ранние исследования] показали, что отношение солдата, лежащее в основе морального духа, может быть заметно улучшено путем систематического удовлетворения его разумных желаний и потребностей. Исследования оказались настолько успешными, что, хотя они касаются в основном вопросов специальной службы, многие другие подразделения армии в настоящее время находят их полезными пособиями в решении других проблем солдат (Marquis, 1944, цит. по: «ANON., Army studies its soldiers. Army Navy Journal, 1Q43, 80, July 31»).

Таким образом, потребности общества и запросы военного времени привели к активному развитию направлений, одним из которых в США стала социальная психология.

Социальной психологии как отдельному, автономному направлению психологии в американской литературе до Второй мировой войны уделялось не так много внимания. Это можно проиллюстрировать результатами масштабной обзорной работы Дж. Брунера и Г. Оллпорта «50 лет изменений в Американской психологии», которая была опубликована в 1940 г. Эта статья была своего рода попыткой подвести итоги почти полувекового развития американской психологической мысли в ответ на обнаружившийся к 1930-м гг. кризис, в котором она оказалась. Так, исследователи проанализировали периодичку ведущих психологических журналов за каждое десятилетие, начиная с 1888 года и заканчивая 1938 годом (чтобы определить, какие

журналы можно считать «ведущими», Дж. Брунер и Дж. Оллпорт представили список из 50 американских психологических и околопсихологических периодических изданий 30 членам Американской психологической ассоциации с просьбой выставить оценки по шкале от 0 до 3, чтобы отметить «значимость каждого журнала для развития психологии как науки» (от 3 – «вклад этого журнала имеет важнейшее значение для развития психологической науки» до 0 – «не имеет значения для развития психологии как науки»). После этого для дальнейшего анализа были выбраны 14 журналов (все они получили средние оценки 1,5 или выше): *American Journal of Psychology* (1887 – год основания журнала); *Psychological Review* (1888); *Pedagogical Seminary* (1891); *Psychological Bulletin* (1904); *Journal of Abnormal and Social Psychology* (1906); *Journal of Educational Psychology* (1910); *Journal of Comparative Psychology (formerly Journal of Animal Behavior)* (1911); *Journal of Experimental Psychology* (1916); *Journal of Applied Psychology* (1917); *Journal of General Psychology* (1928); *Journal of Social Psychology* (1930); *Character and Personality* (1932); *Journal of Psychology* (1935); *Psychometrika* (1936).

На одном из этапов анализа публикаций исследователи сравнивали изменение доли исследований в каждой из выделенных ими областей в каждое десятилетие начиная с 1888 г.; при этом они выделили в качестве двух отдельных позиций категорию «исследования в области социальной психологии» и категорию «социальные проблемы». По-видимому, такое разделение было необходимо, поскольку под второй категорией подразумевалось обращение психологов в своих статьях к общественно важным проблемам (что не всегда сводилось к области социальной психологии именно методологически).

Так, в отношении категории «исследования в области социальной психологии» авторы не выявили существенных количественных изменений, однако, как пишут Дж. Брунер и Г. Оллпорт, внимательное изучение содержания самих статей показало интересный качественный сдвиг: «... в ранних исследованиях в этой области доминировала эволюционная теория,

выраженная во влиятельных работах Холла и Болдуина, в то время как последние два десятилетия [имеются в виду периоды 1918-1928 и 1928-1938 – прим. авт.] практически не показали такого влияния, а скорее отразили влияние психологии способностей и привычек, а совсем недавно - психологии влияния различных теорий культурного детерминизма» (Bruner, Allport, 1940, с. 767). Также, ссылаясь на более раннюю работу другого исследователя, Брунер и Оллпорт пишут, что «...рейтинг исследовательского интереса к социальной психологии среди членов Американской психологической ассоциации медленно повышался с восьмого места в 1918 году до пятого в 1937 году» (Там же).

Зато исследование изменений доли статей во второй категории показывает существенное снижение степени, в которой авторы обсуждают социальные проблемы в психологических периодических изданиях. Как пишут авторы, отчасти это снижение, по-видимому, связано с ужесточением требований к публикациям, которые возросли в последние годы: «... по сути, более сложно соблюдать научные требования адекватного контроля, количественной точности и соответствующей концептуализации на стыке областей социальной и прикладной психологии. В результате многие психологи, которые предпочли бы иметь дело с проблемами, близкими к жизни, считают более удобным и более благоприятным для профессиональной репутации публиковать специализированные экспериментальные статьи, соответствующие современным стандартам, а не их личным вкусам и стремлениям» (Bruner, Allport, 1940, с. 767).

Таким образом, сказать, что изучение социально-психологических проблем вообще не было сферой интересов ученых в довоенный период было бы, конечно, неверно: как пишет Д. Картрайт, раньше поле интересов персонологов и социальных психологов лежало скорее в области разработки теоретических моделей тех или иных срезов социальных отношений или в областях, где полученные знания слабо конвертировались в конкретные способы решения социально-психологических проблем. Главным поворотом

социальной психологии, совершенным во время Второй мировой войны, стало обращение ученых к изучению реальных, насущных проблем общества; общественных запросов, которые находились в актуальной повестке (Cartwright, 1948).

Так, довоенное издание «Экспериментальная социальная психология» (Murphy, Murphy, 1931), вышедшее как раз в 1939 году – незадолго до начала войны, является своеобразной чертой перелома в интересах социальной психологии. Совокупность тем, поднимаемых авторами и представленный ими исследовательский материал позволяют говорить о том, что большой интерес ученых был сосредоточен на проблемах довольно узких групп населения, в частности – студентов и школьников (возможно, это связано с проявлением и по сей день остающейся актуальной для психологии проблемы – проблемы близости и доступности изучаемой выборки и связанных с этим искажений в результатах). Проблемы изучения крупных социальных сообществ, и тем более – исследования целых популяций практически не поднимались.

Подъем социальной психологии диктовался прежде всего запросами общественной практики: условия военного времени повлияли на расширение интересов психологов, работавших в других направлениях: психофизиологов, клинических психологов, зоопсихологов и других. Поскольку многие из таких специалистов в своей работе использовали методы естественных наук, которые ассоциируются со «строгими научными», они привнесли их и в социальную психологию. Так, стало понятно, что социальные группы можно изучать в том числе и экспериментальными методами в лабораторных условиях, а происходящий в то же время прогресс в таких отраслях, как тестология, психометрика и методы профессионального отбора (который тоже является отличительной чертой американской психологии в военное время, о чем было сказано в предыдущем разделе) позволил применять количественные методы изучения больших социальных групп, вплоть до масштабов целой нации.

Так, Д. Картрайт пишет, что если Первая мировая война для американской психологии – это время расцвета психометрики, повального распространения различного рода методов психологического тестирования, то Вторая мировая война – это «звездный час» для социальной психологии и в 1947 году она кардинально отличалась от того, что она представляла из себя в 1939 году (Cartwright, 1948, с. 333). Также важным свидетельством подъема этого направления в 1940-е гг. является статья Д. Маркиса, вышедшая в 1944 г.: признавая тот факт, что во время Первой мировой войны основной вклад психологической науки в успех военных действий заключался в разработке и применении тестов (в частности, тестов на интеллект), он отмечает, что в ходе Второй мировой войны не только произошел значительный прорыв в этой области (измерение интеллекта и профессиональных способностей стало общепринятой основой отбора и классификации в вооруженных силах), но также произошел активный рост социальной психологии, которая нашла ценное применение в важнейших сферах военных действий (Marquis, 1944).

После окончания Второй мировой войны вышла большая работа коллектива авторов «The American soldier: Combat and its aftermath. (Studies in social psychology in World War II)», посвященная обзору исследований, проведенных Исследовательским отделом Отдела информации и образования Военного министерства (Stouffer и др., 1949). В качестве основных направлений работы в области социальной психологии были выделены следующие: поведение в бою, общие характеристики наземного боя, мотивация солдат наземных войск, проблемы, связанные с контролем страха в бою, проблемы замены кадров боевого состава, отношение наземных боевых войск к тыловым эшелонам и тыловому фронту, моральное состояние боевого летного состава в Воздушном корпусе, объективные факторы, связанные с моральным настроением в условиях воздушного боя, психоневротические симптомы в армии, проблемы перевооружения, система начисления баллов за передислокацию и увольнение, последствия боевых действий и др.

Хотя советская психология не является фокусом нашего исследования, обратимся к работам наших коллег, где обобщены материалы по истории этого периода в советской психологии, чтобы составить общую картину изменений, происходящем в психологическом сообществе в этот период. Уже в начале войны были эвакуированы основные исследовательские центры, а также открыто несколько новых кафедр психологии. В.А. Кольцова отмечает, что период Второй мировой войны для советской психологии характеризуется как период «единства теории, эксперимента и практики» (Кольцова, 2006): происходит мобилизация всех ресурсов психологического сообщества для борьбы с врагом, а также отмечается размывание границ между разными областями психологии и рост тенденции к междисциплинарности. Также в этот период отмечается колоссальный рост исследовательской активности: «В начале 1940-го года в Москве было всего два специализированных Ученых Совета, которые принимали к защите диссертационные исследования по психологии, а в Ленинграде – один [89, с. 42]. К концу войны ситуация существенно меняется. По сведениям А.Д.Добровой, в 1944 г. в Москве насчитывается уже 9 институтов, принимавших к защите диссертации по психологии. Из 176 диссертаций по педагогическим наукам, защищенным в 1940-1944 гг. в Москве, 33 было по психологии (т. е. почти 20 %)» (Психологическая наука в России..., 1997, с. 62–63).

Таким образом, период 1930-1940-х гг. стал временем активной институционализации для немецкой и американской психологии. В Германии это проявлялось в связях с психологией в вооруженных силах; впервые закреплён профессиональный статус психолога в Вермахте, а благодаря этому позже также введена система квалификации психологов через внедрение системы экзаменов в университете. В США к концу 1930-х гг. было создано несколько формирований для привлечения психологов к нуждам военного времени.

3.3. Развитие профессионального сообщества Германии и США

в 1930-1940-е гг.

Сводная таблица об основных событиях в жизни психологического сообщества до начала Второй мировой войны была представлена нами в начале главы. В таблице 6, представленной ниже, отражены основные изменения в профессиональном сообществе в Германии и США после 1939 г. и до окончания войны (общие социально значимые события выделены серым цветом).

Таблица 6 - Основные события в психологическом сообществе в военный период (1939-1945 гг.)

Гг.	США	Германия
1939	<p>Август 1939 г. – проведение конференции, организованной Национальным исследовательским советом (NRC); результат - создание Чрезвычайного психологического комитета (Emergency Committee in Psychology), председателем которого назначен К. Далленбах (1887-1971) из Корнельского университета;</p> <p>1939 г. – переименование Бюро экономики сельского хозяйства было в Центральное агентство планирования и исследований департамента, создание Отдела программных исследований во главе с Р. Лайкертом;</p> <p>1939 г. – инициатива Офицерского корпуса (Adjutant General's Office (AGO) по привлечению психологов для проведения психометрической экспертизы (задача - создание серии экзаменов, которые помогли бы эффективно сортировать большое количество мужчин, поступающих на службу или подлежащих призыву в Вооруженные силы.). У. Бингхем назначается председателем Комитета по классификации военного персонала (Committee on the Classification of Military Personnel). Результат работы – разработка общего классификационного</p>	<p>Ноябрь 1939 г. – создание Немецким институтом психологических исследований и психотерапии своего собственного консультационного отдела</p> <p>20 сентября 1939 г. – приказ А. Гитлера о начале программы Aktion T4, разрешающей эвтаназию (один из мед.экспертов программы - психиатр М. де Кринис)</p>

Продолжение таблицы 6.

Гг.	США	Германия
	<p>теста (the Army General Classification Test (AGCT)).</p> <p>1939 г. – привлечение психологов к работе Управления стратегической службы (OSS), (предшественник ЦРУ), основная задача – разработка тестов личных качеств</p>	
1940		<p>Июль-октябрь 1940 г. – «Битва за Англию» - воздушное сражение над Британскими островами (большие потери для Германии; последствия – ослабление психологических критериев пригодности для офицеров)</p> <p>Январь 1940 г. – А. Розенберг официально уполномочен А. Гитлером создать «Высшую школу НСДАП» в качестве элитного национал-социалистического университета</p> <p>Конец 1940 г. - установление систематического сотрудничества между НОП и NSV (Nationalsozialistische Volkswohlfahrt, NSV - Национал-социалистическая организация народного благосостояния)</p>
1941	<p>7 декабря 1941 г. – нападение Японии на Перл-Харбор; вступление США во Вторую мировую войну</p> <p>8 декабря 1941 г. – формирование Национального совета женщин-психологов (NCWP).</p> <p>Декабрь 1941 г. – создание Управления военной информации (The United States Office of War Information) и одного из его подразделений – Бюро разведки и Отдел специальных служб (Special Services Division)</p>	<p>1941 – введение в NSV (Youth Aid) консультационной формы работы (консультантами становятся именно психологи, а не врачи и психиатры). Практические задачи консультирования заключались в том, чтобы распределить детей по дет. домам или приемным родителям, назначить опекунов или консультировать по вопросам опеки.</p> <p>Март 1941 г. - открытие во Франкфурте-на-Майне Института изучения еврейского вопроса как первого отделения проекта нового университета</p>

Продолжение таблицы 6.

Гг.	США	Германия
		<p>Май 1941 г. - вступление в силу новых правил проф. военного отбора: кандидаты в офицеры из резерва могли быть приняты на службу, если они проявили себя на местах и в остальном в целом подходили; унтер-офицеры или кандидаты других рангов могли быть рекомендованы непосредственно в качестве офицеров после подтверждения своих исключительных заслуг на фронте</p> <p>22 июня 1941 г. - наступление Вермахта на Советский Союз</p> <p>3 сентября 1941 г. – издание нового приказа об ускорении специальных мер по продвижению солдат в офицерские звания</p>
1942	<p>1942 г. – обращение Федерального Правительства к Обществу Ветеранов (the Veterans Administration (VA) и Американскому управлению общественного здоровья (United States Public Health Service (USPHS)) с просьбой увеличить персонал специалистов по психическому здоровью</p>	<p>11 марта 1942 г. – указ, предписывающий процедуру отбора среди польских детей (помимо Германии филиал организации NSV вел работу в оккупированной Польше. Помимо своих обычных функций сотрудники занимались переселением польских детей с немецкими корнями в Германию, а также их «германизацией». Помимо определения расовой принадлежности ребенка проводилась также его психологическая диагностика);</p> <p>19 марта 1942 г. - Верховное командование армии заявило, что «большой спрос на новобранцев-офицеров требует строгих мер по регистрации, единообразному обучению и надзору за всеми солдатами армии и резерва, о которых идет речь для войны и активного продвижения по службе»; в качестве предварительного условия отбора новобранцев были названы заслуги перед лицом врага, но не квалификация в школе Abitur или психологические тесты</p>

Продолжение таблицы 6.

Гг.	США	Германия
		<p>15 апреля 1942 г. - приказ начальника Учебного отдела Люфтваффе прекратить тестирование летного состава на профпригодность</p> <p>22 мая 1942 г. - приказ Верховного командования о роспуске Инспекции по тестированию личного состава с 1 июля</p> <p>15 июля 1942 года – указ об отмене психологического тестирования для кандидатов в офицеры на военно-морском флоте</p> <p>Июль 1942 года – введение для всех командований специалистов по военно-идеологическому руководству</p> <p>Ноябрь 1942 г. - проведение Национал-социалистической лигой лекторов (НСД) первого Семинара по психологии (Лига была подотчетна ведомствам А. Розенберга)</p> <p>Декабрь 1942 г. – создание Национального социалистического управления офицеров</p>
1943	<p>Начало 1943 г.- создание в Вашингтоне в дополнение к разведывательной группе Бюро исследований и анализа (Bureau of Research and Analysis) во главе с Ю. Кацем, которое позже трансформировалось в Бюро зарубежной разведки (Bureau of Overseas Intelligence);</p> <p>3 марта 1943 г. – создание Отдела моральных операций Управления стратегических служб</p>	<p>31 марта 1943 года – завершение роспуска всех психологических формирований при Вермахте</p> <p>22 марта 1943 г. - указ Министерства образования о дополнении к ДРО, разрешающий дальнейший экзамен в специальной области после получения диплома.</p> <p>1943 г. - NSV планирует создать собственный институт для обеспечения научной подготовки своего персонала</p> <p>Создание на базе Марбургского института консультационного центра по вопросам образования для NSV в Касселе; Лейпцигский институт проводил консультационные курсы</p>

Продолжение таблицы 6.

Гг.	США	Германия
		<p>для NSV и помогал подбирать экспертный персонал</p> <p>Октябрь 1943 г. - совещание по вопросам применения психологии в военное время в Веймаре.</p>
1944	<p>1944 г. – создание (с привлечение сотрудников Управления военной информацией и Управления стратегических служб) Отдела психологической войны Верховного штаба Союзных экспедиционных сил (Psychological War Division of the Supreme Headquarters, Allied Expeditionary Forces) - совместной англо-американской организации, которой было поручено вести тактическую психологическую войну против немецких войск и недавно освобожденных стран Северо-Западной Европы во время и после Высадки в Нормандии в 1944 г. Его возглавлял генерал США Роберт А. МакКлюр</p>	<p>В апреле 1944 г. - предложение Министерству от НПО проекта об учреждении дополнительного образования для «психологического эксперта по почерку», предложение было отклонено</p>
1945	<p>Основание Журнала клинической психологии (The Journal of Clinical Psychology).</p>	<p>1 апреля 1945 г. - прекращение психологического отбора кандидатов в офицеры военно-морского флота</p> <p>20 сентября 1945 г. - Закон № 1 Союзного контрольного совета об отмене нацистского законодательства</p>

3.3.1. Немецкое психологическое сообщество после прихода к власти национал-социалистической партии

Период 1930-х гг. для Германии знаменуется, в первую очередь, победой национал-социалистической рабочей партии и приходом к власти А. Гитлера. Как известно, в основе политики А. Гитлера лежали намерения по фундаментальному переустройству немецкого общества, что не могло не отразиться на радикальной перестройке общественных институтов, в том

числе – научной политике и институтах образования. Таким образом, этап 1930-х гг. в судьбе психологической науки связывается прежде всего с радикальными политической трансформациями, которые оказали непосредственное влияние как на институциональные перестановки, так и на целые судьбы отдельных ученых.

В современной литературе встречается мнение, что после установления национал-социалистического режима в Германии единственной стратегией для выживания психологической науки стала ее «идеологизация»: как пишут некоторые современные историки, «интеллектуальная и моральная основа немецкой психологии была подорвана и выведена из строя жестокой идеологией режима при попустительстве влиятельных лидеров немецкой психологии» (Mandler, 2002, с. 190). При этом, однако, многие факты, в частности такие как внедрение системы сдачи экзаменов для психологов (впервые за все время существования дисциплины в Германии) позволяют говорить об активной профессионализации психологии при гитлеровском режиме (этот вопрос мы рассматривали подробнее в предыдущем пункте), а более подробное изучение стратегий взаимодействия разных психологов и целых научных направлений с властью свидетельствует о том, что концептуальная близость разработок и идей ученых идеологии национал-социализма была далеко не самым важным фактором для их процветания при гитлеровской власти.

Действительно, вопрос о взаимном сосуществовании психологии и новой власти представляется крайне сложным. Перемены в кадровом составе Немецкого психологического общества говорят о том, что наиболее значимые должности действительно перешли к лояльным новой власти членам психологического академического сообщества. Многие институты были вынуждены пройти процесс серьезных преобразований: так, в октябре 1933 г. в Лейпциге был закрыт Экспериментальный институт педагогики и психологии и вместо него был основан Педагогико-психологический институт, а Немецкая ассоциация учителей в этом же году была преобразована в

Национал-социалистическую ассоциацию учителей (Der Nationalsozialistische Lehrerbund) (1933).

Первые годы власти А. Гитлера ознаменовались потрясениями для психологического сообщества: так, 13-й конгресс Немецкого общества психологии, который был запланирован на апрель 1933 года и должен был пройти в Дрездене (в этом же году А. Гитлер приходит к власти) был перенесен на октябрь и состоялся в Лейпциге 16-19 октября. Важно отметить, что апрель был традиционным месяцем проведения Конгресса, который проходил раз в два года (Klemm, 1934).

Переносу Конгресса способствовали масштабные изменения в исполнительном совете общества. Так, 1929 году на его заседании в Вене в состав правления входили семь членов: К. Бюлер, У. Штерн, Х. Фолькельт, Н. Аш, Д. Кац, Й. Линдворски и В. Поппельройтер. Фолькельт и Линдворски покинули состав правления по неизвестным причинам, и в 1931 году правление состояло из оставшихся пяти членов и присоединившегося к ним после ухода двух упомянутых ученых Ф. Крюгера, а уже в 1933 году в правление вошли пять новых членов (О. Клемм, Дж. Хандрик, Э. Иенш, О. Кро и И. Б. Рифферт), каждый из которых выразил свою лояльность идеям и руководству национал-социалистической партии уже в начале 1933 года — В. Поппельройтер, Б. Рифферт и Х. Фолькельт даже появились на конгрессе в униформе Штурмовых отрядов – коричневой рубашке («Sturmabteilung», известные как «коричневорубашечники» — военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии). Примерно в это же время, 7 апреля 1933 года, вступил в силу Закон о восстановлении профессиональной государственной службы («Das Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums»), который помимо прочего служил цели отстранения евреев, людей еврейского происхождения и «политически нежелательных» лиц с государственной службы. К. Коффка решительно выступал против любой идеи исключения кого-либо из еврейских членов общества. Конгресс был отложен и перенесен из Дрездена в Лейпциг под

председательством Ф. Крюгера после того, как К. Коффка в итоге вынужден был покинуть состав правления, как и К. Бюлер, У. Штерн и Д. Кац (которые были евреями). Неизвестно, произошло это добровольно или в результате давления, однако после этих перестановок судьба Немецкого психологического общества сильно изменилась.

Так, состав правления Немецкого психологического общества был довольно специфичным. Его новых членов, а также ставший переломным психологический конгресс подробно анализирует в своей работе Дж. Мендлер: так, например, он пишет, что Дж. Хэндрик вообще не являлся академиком или научным сотрудником. Фактически он занимал должность высшего административного чиновника в Министерстве труда в Берлине, а в 1931 году был директором Бюро занятости («Berufsamt») в Дрездене (Mandler, 2002). В 1933 году он стал главой Общества прикладной психологии и, по-видимому, был первым правительственным чиновником, который стал членом исполнительного совета Немецкого общества психологии.

Дж. Мендлер видит прямую связь между назначением некоторых из этих людей в состав правления и их политическими взглядами и в целом пишет о беспрецедентной политизированности 13-го Конгресса Немецкого психологического общества. Так, тема Конгресса 1933 года была изменена с психологии бессознательного на «центральные вопросы современного немецкого опыта». Как свидетельствует О. Клемм, после вступительной речи министра образования земли Саксония, в которой упоминалась новая Германия и «великий психолог Адольф Гитлер» (Klemm, 1934, с. 5), с речью выступил Ф. Крюгер, в которой он выражал глубокую признательность новым лидерам нации, а Адольфа Гитлера называл «дальновидным, смелым и глубоко чутким канцлером» (Klemm, 1934, с. 36). Далее последовали доклады Л.Ф. Клаусса (о германской душе и «арийском» типе), Э. Иенша о расовой чистоте, Ф. Лерша о различных типах людей и др. Выступления членов правления в том или ином виде включали часть, в которой выказывалась дань уважения новому общественному устройству. В частности, Э. Иенш говорил о том, что новое

немецкое движение должно быть посвящено «исцелению» и дальнейшему обогащению немецкой культуры и что искоренение так называемого «контртипа» («Gegentypus»), то есть типа, противоположного чистому арийскому типу (в первую очередь здесь имелись в виду люди смешанной расы), решит задачу исцеления Германии и мира (Klemm, 1934, с. 58). В. Поппельройтер, который являлся членом национал-социалистической партии еще до 1933 года, начал свою речь с того, что психология должна служить новому государству, а затем рассказал, как уже в 1931-1932 гг. он преподавал политическую психологию на основе «Майн Кампф» (Klemm, 1934, с. 59-60). Рифферт закончил свое выступление призывом к тому, чтобы профессионалы в области немецкой психологии должны активно участвовать в развитии «новой немецкой психологии».

Важной темой докладов были и новые направления немецкой психологии: так, Ф. Крюгер и другие психологи отметили в своих выступлениях, что холистическая психология («Ganzheitspsychologie») воплощает в себе «цели новой идеологии». Хотя это направление и имеет общие корни с гештальтпсихологией, в большей степени оно восходит скорее к характерологии и уже упомянутой выше психотехнике (после ее «холистического поворота»). В контексте новой идеологии подход холистической психологии он использовался, чтобы подчеркнуть единство опыта индивида и сообщества; в холистической психологии «индивид рассматривается как часть более крупного единства (Ganzheit) - нации и социальных структур» (Mandler, 2002, с. 192).

Важным свидетельством изменений в психологическом сообществе является статья Г. Уотсона: в ней он описал трансформации немецкой психологии, которые наметились в первые годы после прихода к власти А. Гитлера. Выводы по этому вопросу Г. Уотсон основывал, в первую очередь, на своих впечатлениях от личного посещения Тринадцатого конгресса Немецкой психологической ассоциации, который состоялся в Лейпциге в октябре 1933 г. Это было первое крупное психологическое мероприятие после

нацистской революции; в целом Конгресс имел давнюю традицию и был важнейшим мероприятием среди психологов: на встречах Конгресса присутствовало около 600 участников.

Первым явным изменением, которое отметил Г. Уотсон, стало отсутствие некоторых из самых выдающихся лидеров немецкой психологической мысли: М. Вертгеймера (1880-1943), У. Штерна (1871-1938), Д. Каца (1884-1953), К. Коффки (1886-1941), А. Кронфельда (1886-1941), К. Левина и многих других. Известно, что политические преследования евреев коснулись и ведущих ученых, и так как многие председатели Ассоциации не могли продолжать, и, вследствие их вынужденного отъезда, их заменили менее известные ученые «правильного» происхождения. Описывая обстановку на Конгрессе, Г. Уотсон также не удержался и от оценочных суждений: его неприятно поразила «политизация» психологии. В качестве иллюстрации он привел известные эпизоды выступлений председателей Конгресса (их мы более подробно описываем в разделе 3.3): вступительную президентскую речь Ф. Крюгера, где он выразил свою надежду на построение «нового немецкого идеализма», рассказ Поппель-Рейтера о том, как он преподавал политическую психологию на примере «Майн кампф» А. Гитлера, доклад Э. Иенша, в котором он внес изменения в разработанную им ранее типологию, чтобы показать, что враги (евреи и парижане) были S-типа: деструктивные, дезинтегративные, настолько легко приспосабливающиеся, что у них отсутствовала вся внутренняя структура характера. Отдельно Г. Уотсон отметил, как ему было неприятно узнать о недавних нападках Э. Иенша на В. Келера из-за международных связей последнего. В конце статьи Г. Уотсон кратко описал менее известные и более нейтральные выступления отдельных психологов, которые могли бы быть интересны американскому читателю.

В качестве итогов своего исследования Г. Уотсон высказал следующее положение: несмотря на обострение политической обстановки и настораживающие тенденции в отношении судьбы отдельных ученых,

выделенные им 8 основных тенденций, которые характеризовали немецкую психологию до национал-социалистического переворота, в целом сохранятся и будут развиваться и после прихода к власти А. Гитлера. Немецкая психология по-прежнему более «качественна, более субъективна, больше озабочена целостностью, более настойчива в понимании конкретного случая, более склонна проводить типологические и характерологические исследования, более заинтересована в достижении понимания, больше озабочена школами и системами» (Watson, 1934, с. 771) - заключает Г. Уотсон. «В то время как отдельные люди и группы приходят и уходят, «объективный мир» остается относительно неизменным» - это выражение очень точно характеризует положения Уотсона в отношении перспектив немецкой психологии. «Хотя многие блестящие психологи ушли добровольно или были вынуждены уйти, эта культурная традиция, вероятно, сохранится еще много лет» (Там же).

Вопрос о связи ученых с властью является предметом дискуссий историков немецкой психологии и по сей день. Эта проблема берет начало в изменениях, происходящих в профессиональном сообществе уже в начале 1930-х гг., которые были описаны нами выше. Впрочем, лояльность к власти могла быть продиктована не только личными интересами и политическими симпатиями ученых; вероятно, многие из психологов своевременно уловили потребность нового государства в связи с различными социальными институтами, не в последнюю очередь – с наукой и, как следствие, с перспективами, которые могли в связи с этим открыться психологической науке.

По мнению некоторых историков, введение Положения об экзаменах, а также огромный спрос на психологов со стороны Вермахта единодушно приветствовался в университетской среде (Geuter, 1984). Это было закономерно, поскольку психология в университетах получила признание именно благодаря внедрению психологических разработок, в первую очередь, системы профессионального отбора в Вермахте, не говоря уже о фактическом

нивелировании проблемы занятости психологов после окончания университета. Положительное отношение к действующей власти таким образом преобладало даже в среде тех профессоров психологии, которые были далеки от практики и в основном занимались теоретическими вопросами. Неудивительно, что это привело к почти восторженным настроениям и одобрению действий действующего правительства в разгар войны в кругах университетской профессуры и в целом людей, заинтересованных в профессионализации психологии. Так, зимой 1941 года О. Кро заявил в циркуляре председателя Немецкого общества психологии, что «предпосылки для развития теперь закрыты и созданы признанные психологические профессии» и что он уверенно рассчитывает «на будущее значительное усиление научного фронта нашего предмета» (Kroh, 1941); также он сообщил об увеличении числа новых членов общества. Более того, еще до начала Второй мировой войны, в годы активной к ней подготовки и начавшегося укрепления связей армии и профессиональных психологов Ректор Лейпцигского университета, президент Немецкого общества психологии Ф. Крюгер (который был одним из тех, кто в 1933 году подписал «Заявление профессоров о поддержке Адольфа Гитлера и национал-социалистического государства») на открытии Конгресса Немецкого общества психологии в 1936 г. сказал: «тот факт, что Вермахт открыл новую карьеру для психологов, очень ценен», и назвал обсуждаемый период временем «с лучшими возможностями для продвижения, чем когда-либо еще» (Klemm, 1937, с. 16)

Поскольку большинство университетских психологов во время войны, помимо своей работы в университете, работали в психологических лабораториях при Вермахте, практически все из них занимались прикладными задачами, что оценивалось как безусловно положительный опыт не только в ретроспективе, но и уже тогда: в 1941 году О. Кро писал, что «даже самый закоренелый теоретик больше не захочет обходиться без прелести практического применения психологических разработок, испытанной во время войны» (Kroh, 1941).

3.3.2. Структура и динамика развития американского профессионального сообщества психологов

В США развитие психологии в предвоенный период происходило в ситуации масштабных назревших в обществе проблем – последствия Великой депрессии, с которыми боролось правительство в лице администрации Ф. Рузвельта, затрагивали почти все сферы жизни американского общества. Обострение проблемы безработицы, социального неравенства, бедности, социальной незащищенности и т.д. привели к переориентации курса Ф. Рузвельта с экономических реформ в сторону социальной политики (в частности, был принят «закон Вагнера» (закон о гарантиях в системе трудовых отношений)); готовилась правовая база для создания эффективной системы профсоюзов и других механизмов, которые способствовали созданию социальных гарантий для трудящихся.

В то же время, к концу 1920-х гг. в психологии стали назревать противоречия, вызванные большими ресурсными вливаниями: они обернулись своеобразным кризисом, проявившимся, во-первых, в отсутствии автономии университетов и их зависимости от своих благотворителей, и, во-вторых, в перенасыщенности рынка кадрами и нарастающими сомнениями в их полезности и качестве их знаний (в 1917 г. Американская психологическая ассоциация насчитывала 336 членов, а к 1930 г. их количество увеличилось до 1100 (Camfield, 1992; Greenwood, 2009)). К черте «Великого перелома» 1929 г. американская психология подошла в состоянии постепенно падающего авторитета и как науки, и как практики. Закономерно, что наступивший мировой экономический кризис усугубил это положение: прикладная психология подверглась критике за неспособность отвечать запросам своего времени. Вот как пишут об этом американские авторы: «<...> общественность явно охладела к прикладной психологии. Одним из критиков была Грейс Адамс, студентка Титченера. В своей статье «Упадок психологии в Америке»

(The Decline of Psychology in America), опубликованной в одном из популярных журналов, Адамс утверждала, что психология «отказалась от своих научных корней ради того, чтобы отдельные психологи могли обрести популярность и процветание» (Benjamin, 1986., с. 944 – цит. по: Шульц, Шульц, 2002). По мнению Д.П. Шульц и С.Э. Шульц, такое положение дел продолжалось вплоть до 1941 г., когда США вступили во Вторую мировую войну (Там же).

В то же время 1930х гг. в американской психологии отмечаются методологическим кризисом: в качестве описания состояния, в котором американская психология подошла к началу Второй мировой войны, можно привести слова Г. Олпорта, который на тот момент охарактеризовал ее как «эмпирическую, механистическую, номотетическую, аналитическую и операциональную» (Allport, 1940). Так, в основном, кризис был вызван осознанием неспособности бихевиористского подхода, который доминировал в американской психологии на протяжении большей части 20 века, претендовать на статус объяснительной модели для всех психологических феноменов. В 1930-х годах эти идеи стали звучать и в статьях, опубликованных в Журнале педагогической психологии, который ранее в своей политике в целом придерживался концепции Э.Л. Торндайка. Так, в 1932 году Д.Э. Филипс опубликовал критическую статью, в которой выступил с призывом к большей «терпимости» в педагогической психологии: по его мнению, с предубеждением о том, что только математически полученные знания порождают истинную науку, уже давно следовало покончить. Он завершил свое предостережение против «чрезмерного поклонения математической научной точности» тезисом о том, что «что мы должны рассматривать жизнь и знания во всей их совокупности, а не в отдельных частях» (Philips, 1932, с. 307).

В 1936 году была опубликована статья П.Ф. Валентайна «There is no Educational Psychology», где он в достаточно ироничном ключе фактически констатировал упадок «теории научения» (статья вышла все в том же Журнале

педагогической психологии, который когда-то был основным рупором для сторонников взглядов ортодоксальной теории научения). В статье описывалось, как постепенно рушился когда-то восхищенно встреченный научным сообществом (и самим автором) дизайн «S-R» теории: Валентайн вспоминает, что когда он, будучи молодым педагогом, познакомился с инструментами и тестами, разработанными представителями этой многообещающей школы, «... путаница моего дилетантского разума превратилась, как по волшебству, в упорядоченную, практичную систему. Мой энтузиазм по поводу нового просвещения был сравним только с моим удивлением его архитектурной простотой. Вскоре я во всем разобрался. «Это работает», — прагматично воскликнул я. «Следовательно, это правда!» (Valentine, 1936, с. 710). И далее, описывая свое разочарование теорией, ученый констатировал: «Психолог в образовании больше не является *deus ex machina*, которым он был раньше ... Эта возвышенная, как казалось, роль, улетучилась вместе с нашими S-R сущностями ... Психологу придется довольствоваться скромной ролью экспериментатора, собирающего и обобщающего разрозненные факты и выводы. Но, увы, удобная конструкция, безошибочные счеты, разбиты вдребезги. Дизайна «все включено» больше нет. Все идет наперекосяк. Нет никакой педагогической психологии!» (Там же, с. 712).

Однако, как уже ретроспективно оценивает В. Секстон, плюсы такого положения заключались в том, что под влиянием бихевиоризма американская психология сформировала прочную традицию экспериментальных лабораторных исследований между Первой и Второй мировыми войнами. Это дало психологии прочную основу как науке, а после Второй мировой войны также внесла ценный вклад в программируемое обучение, модификацию поведения, клиническую психологию и т.д. (Sexton, 1977).

К середине 1930-х годов среди психологов возникли значительные разногласия по поводу неспособности Американской психологической ассоциации (далее - АПА), которая являлась фактически единственным

профессиональным сообществом к тому времени, соответствовать изменениям в психологии и мире, частью которого она была. Важной вехой для психологического сообщества было ежегодное собрание АПА в 1936 г.: одна часть этой встречи была посвящена обсуждению роль психологии в решении социальных проблем, результатом чего стало основание в следующем году Общества психологического изучения социальных проблем (the Society for the Psychological Study of Social Issues, далее - SPSSI). SPSSI преследовала две основные цели: поощрять исследования тех психологических проблем, которые наиболее связаны с современной социальной, экономической и политической политикой, и помогать общественности и ее представителям понимать и использовать результаты научных исследований поведения человека в формировании социальной политики. В разное время руководителями организации были К. Левин, Г. Олпорт, Дж. Брунер и другие известные психологи. С другой стороны, создание организации с такой спецификой если и не говорит об осознании профессиональным сообществом своей социальной роли то, по крайней мере, свидетельствует о том, что вопрос о необходимости участия ученых как части социума в запросах общественной практики стал более актуальным.

Росту авторитета психологии также способствовали масштабные исследования, результаты которых в контексте актуальных общественных изменений выглядели революционно. Как мы уже упоминали, социально-экономический климат во время Великой депрессии подорвал репутацию психологов: «Нью-Йорк Таймс» и другие влиятельные издания критиковали их за то, что они преувеличивали свои способности излечивать корпоративные болезни, подчеркивая, что плохо разработанные тесты по отбору сотрудников привели к найму непродуктивных работников (Schultz, Schultz, 2015). Одним из примером таких исследования является проект, известный как «Хоторнский эксперимент», продолжавшийся с 1927 по 1932 г. под руководством Элтона Мэйо. Его результаты подчеркнули важность психологического климата в рабочей среде и роль отношения к сотрудникам, которая сказывалась на их

производительности больше, чем улучшение физических условий труда (Мауо, 1933). Другое важное исследование принадлежит К. Левину. Этот немецкий прикладной психолог эмигрировал в США в 1933 году и работал руководителем Исследовательского института стабилизации занятости в Миннесоте. Его главным вкладом стало исследование групповой динамики, удовлетворенности работой и эффективности лидерства (Lewin, 1948).

Некоторые авторы отмечают, что, в отличие от ситуации в Германии, где объективные социально-политические условия сложились таким образом, что государство было заинтересовано в привлечении психологов к проблемам военной сферы, между Первой и Второй мировыми войнами американские психологи почти не были задействованы в аналогичной сфере в своей стране (Melton, 1957; Driskell, Olmstead, 1989). Одна из наиболее вероятных причин, конечно, сводится к отсутствию потребности и запроса от другой стороны - сами военные почти не были заинтересованы в получении помощи психологов. Как пишет А. Мелтон, за весь межвоенный период «...исключениями были разработка нового и улучшенного теста общей классификации армии генерал-адъютантом армии и некоторые исследования по психомоторным отборочным тестам для пилотов воздушных судов, которые были проведены под эгидой главного хирурга армейского воздушного корпуса. Затем, когда над горизонтом нависли тучи Второй мировой войны, психологов быстро и в большом количестве набирали для проведения самых разнообразных исследовательских работ и технических приложений в интересах военных операций» (Melton, 1957, с. 741). Более того, в Американской психологической ассоциации отделение военной психологии (которая не пересекалась «промышленной» или другой областью психологии, а была автономной) было создано только в 1944 году.

В этом отношении представляет интерес развитие инициатив в сферах, которые могли бы пересекаться с военной психологией. Если в Германии развитие военной психологии восходило к психотехнике (а после ее кризиса шло в тесной связи с профессиональным отбором и характерологией), то в

США корни развития военной психологии остаются недостаточно ясными из-за отсутствия последовательной политики в отношении структуры психологических кадров при военных формированиях. Далее мы рассмотрим трансформации, происходящие в сообществе психологов в наиболее близкой к военной психологии сфере – в сфере прикладной психологии.

Важным событием стало основание Американской ассоциации прикладной психологии. На уже упомянутом нами выше конгрессе, на котором было принято решение о создании Общества психологического изучения социальных проблем, одна из групп психологов инициировала обсуждение создания новой национальной организации для продвижения интересов практикоориентированных психологов. Для выполнения этой задачи был назначен Д. Фрайер (National Committee ... , 1937). В течение года он разрабатывал устав для новой организации, которая была названа Американской ассоциацией прикладной психологии (далее - ААПП). Конституция ААПП была одобрена на собрании, проведенном в связи с собранием АПА 1937 г. в Миннеаполисе, штат Миннесота, и были разработаны планы проведения первого независимого собрания ААПП в 1938 году. В конституции было закреплено деление ассоциации на 4 секции: клиническую, консультационную, образовательную и промышленно-организационную.

Наиболее интересной в контексте нашей темы представляется работа отдела промышленной и организационной психологии ААПП (который назывался отделом «D») под руководством Г. Берта. Им были описаны критерии для вступления в сообщество: в него допускались психологи, «...которые активно занимаются применением психологии в бизнесе, промышленности, государственной службе или смежных областях ... которые имеют степень доктора психологии или эквивалентную степень в аккредитованном университете и которые, кроме того, имели по крайней мере двухлетний опыт применения психологии в бизнесе, промышленности, ...под их собственным руководством или которые были ответственны за весьма

значительный исследовательский вклад, имеющий непосредственную ценность в применении психологии в бизнесе, [и] промышленности». (Constitution of Section D... , 1939, с. 1-2)

Секция D, однако, всегда была самой малочисленной: на пике своего развития (в 1945 году) она насчитывала около 80 членов по сравнению с 410 в секции клинической психологии, 225 в сфере образования и 180 в секции консультационной психологии. В Приложении Г приведен список 52 членов секции D в 1939 году — это самый ранний список из доступных сведений об участниках.

Цели раздела D, определенные в его уставе, иллюстрируют его связь не только с профессией промышленной психологии, но и с исследовательской базой этой профессии. Секция была основана, чтобы «(а) продвигать высокие стандарты практики в применении психологии в бизнесе, промышленности, государственной службе и смежных профессиональных областях; (б) поощрять исследования и публикации в этих областях; (в) содействовать обмену информацией и опытом между ее членами; (г) для содействовать развитию новых профессиональных возможностей и (е) вносить общий вклад в развитие прикладной психологии». (American Association for Applied Psychology ..., 1940, с. 1)

Чтобы способствовать развитию профессиональных возможностей для психологов в промышленности и бизнесе, секция определила восемь проблемных областей, в которых люди были «готовы оказывать профессиональные услуги» (Reports of the AAAP, 1938, с. 80). В них обобщены такие направления, как анализ работы, подбор персонала и организационный дизайн, но более интересно (и конструктивно) ознакомиться с восемью проблемными областями, сформулированными почти 60 лет назад Бертом и его комитетом. Большинство, если не все, из этих областей являются частью современной промышленно-организационной психологии. Из отчета Комитета следует, что основными областями интереса были следующие:

1. Изучение требований к профессиям

2. Разработка и использование тестов и других научных методов при научной расстановке работников

3. Формулирование наилучших методов применения человеческих ресурсов на рабочем месте

4. Организация и систематизация учебных программ для обеспечения наиболее полного развития индивидуальных способностей

5. Определение оптимальных условий работы

6. Анализ характеристик промышленной организации для определения типов, наиболее приспособленных для обслуживания как экономических, так и социальных, и в широком смысле человеческих целей промышленной организации

7. Изучение и контроль мотивирующих сил как у работников, так и у руководства, которые влияют на производство и гармоничные отношения в производственной ситуации

8. Анализ человеческих факторов, влияющих на спрос и продажу товаров, посредством применения методов исследования рынка

Области, в которых члены Секции промышленной и организационной психологии были готовы оказывать профессиональные услуги представлены на основе данных отчета 1936 г. (Report of the Committee on Psychology in Industry ..., 1936).

Наиболее заметным достижением секции D стало создание ежегодной конференция по промышленной психологии, подготовленная для каждой из встреч АААР. Одной из особенностей первых нескольких встреч ААПП была серия публичных лекций, читаемых по вечерам и предназначенных для привлечения потенциальных клиентов прикладных психологов. На протяжении многих лет в программе раздела D были представлены такие темы, как реклама, тесты при приеме на работу, общественное мнение, профессиональный отбор, эффективность продаж и личностные качества работников (Program of the fifth annual professional conference, 1941 и др.).

После того, как Соединенные Штаты стали непосредственно участвовать во Второй мировой войне, масштабы программы значительно сократились. Министерство транспорта Министерства обороны США обратилось к ассоциациям с просьбой ограничить поездки членов на собрания, что повлияло на посещаемость некоторых членов АААР. Тем не менее, многие из тех, кто не присутствовал на собраниях военного времени, были вовлечены в военную работу. Только одно из собраний (в 1942 году) было отменено.

Благодаря опыту Первой мировой войны, американская психология была хорошо подготовлена к той роли, которую психологи могли бы сыграть во Второй мировой войне. И АПА, и ААПШ сформировали комитеты в 1939 г. по «чрезвычайному положению в стране», а к следующему году были разработаны обширные планы мобилизации психологов (Capshew, Hilgard, 1992). Неудивительно, что промышленные психологи, как в академических кругах, так и в практической деятельности, обнаружили, что их услуги крайне необходимы в военных действиях. Как мы уже писали в разделе, посвященном институционализации психологии США, успех разработок психологов во время войны оказался наиболее важной движущей силой роста прикладной психологии после войны.

В 1941 году, когда ААПШ только начала развиваться как автономная национальная организация, независимая от АПА, от Национального исследовательского совета поступил запрос, призывающий АПА, ААПШ, SPSSI и другие психологические группы организовать на благо национального благосостояния. Результатом этой просьбы стало формирование межорганизационного комитета под председательством Р. Йеркса, который впервые прошел в июне 1942 года в Вайнленде, штат Нью-Джерси. Два года спустя различные группы согласовали устав для недавно организованной АПА, которая будет состоять из нескольких подразделений, каждое из которых будет действовать с большой автономией. Различные партии, главным образом первоначальные АПА и ААПШ, утвердили новые уставы в 1945 году; в результате ААПШ исчезла как отдельная организация и

возродилась в 5 из 18 уставных подразделений новой АРА. Одним из них был отдел промышленной и организационной психологии (отдел 14).

В целом историки оценивают период Второй мировой войны как важный поворотный момент в истории Американской психологической ассоциации. АПА, которая до войны функционировала скорее как формальная организация, чьи функции сводились к изданию нескольких научных журналов и проведению ежегодного собрания, превратилась в активистскую ассоциацию с большим центральным офисом, которое представляло и служило профессиональным интересам профессии через ряд далеко идущих внутренних реформ (Carpshew, Hilgard, 1992). Психология процветала после окончания Второй мировой войны, и наибольший рост членского состава пришелся на период с 1945 по 1970 г. Этому росту способствовало несколько факторов:

Многие возвращающиеся военнотружущие увидели большую потребность в улучшении психологических услуг из первых рук во время войны. Особый интерес проявился к областям клинической и прикладной психологии.

Законопроект GI, новая учебная программа по клинической психологии Управления по делам ветеранов и создание Национального института психического здоровья способствовали повышению интереса к психологии.

Быстрый и невероятный рост членства в АПА отражал эти тенденции: по данным, размещенным на сайте АПА, членство в организации выросло на 630 % с 1945 по 1970 год (с 4183 до 30 839). (<https://www.apa.org/about/apa/archives/apa-history>).

В основном в результате Второй мировой войны психология укрепила свой статус в академической и клинической практике. Однако вопрос о судьбе психологов прикладных направлений в американской военной практике остается дискуссионным.

В частности, представляет интерес опрос, проведенный осенью 1945 г. Управлением психологического персонала (Britt, 1946). Его представители

разослали по почте в общей сложности 1710 анкет с сопроводительным письмом, объясняющим цель исследования и указывающим, что запрашиваемая фактическая информация должна основываться на статусе человека по состоянию на 1 июля 1945 года. Из 1710 человек, включенных в циркуляр, 1398 были зарегистрированы в Управлении психологического персонала (включая 140 мужчин из группы армейской программы специализированной подготовки, которые выразили заинтересованность в продолжении в психология после войны); 134 были лицами, занимающимися психологической работой, которым была выслана копия анкеты по просьбе какого-либо лица, которое уже получило ее; и 178 были дополнительными лицами, имена которых были получены из Национального реестра научных и специализированных сотрудников. В итоге всего было получено 968 заполненных анкет.

Если принять во внимание общий стаж службы, то по состоянию на 1 июля 1945 года 4 % провели на службе не менее одного года, 19 % - не менее двух лет, 52 % - не менее трех лет, а 25 % - более трех лет. На момент проведения опроса в армии служили 29 человек, а на флоте - 6, которые находились на военной службе более четырех лет.

При получении данных для этой таблицы респондентов попросили указать функции, которые они выполняли в своей психологической работе до и во время войны (таблица 7), а также основную область деятельности, в которой у них был наибольший опыт (также до и во время военной службы) (таблица 8). В таблицах 7 и 8 представлена эта информация на основе данных авторов в связи области специализации с родом службы и статусом офицера или рядового.

Таблица 7 – Профессиональные функции психологов до и во время военной службы (с разделением офицеров и других служащих), в процентах (на основе: Britt, 1946)

Основные профессиональные функции	Всего во время военной службы	Всего до военной службы	Во время службы				
			Сфера службы			Статус	
			Армия	Флот	Другое	Офицер	Другое
Администрирование или управление психологическими службами (включая надзор за исследовательскими программами)	15.4	5.6	16.4	13.2	13.2	19.5	4.8
Консультирование и другая частная практика	2.4	2.2	3.0	1.2	1.3	1.9	3.9
Проектирование, конструирование и эксплуатация аппаратов и специального оборудования (включая исследования аппарата и его использования)	1.9	2.2	1.4	3.5	1.3	1.9	1.9
Индивидуальная работа с пациентами, диагностика и консультирование (включая собеседование, индивидуальное тестирование и интерпретацию)	25.3	28.1	27.8	18.7	22.4	24.6	27.2
Маркетинговые исследования, опросы общественного мнения и исследование аудитории (включая сбор и анализ данных)	0.4	2.0	0.4	0.4		0.4	0.4
Преподавание специальной подготовки и перевоспитания	2.4	2.5	2.7	1.4	5.3	2.4	2.4
Обучение	4.0	21.3	3.1	6.8	3.9	4.4	3.0
Техническое редактирование и написание	3.3	0.8	3.4	2.7	3.9	3.0	3.9
Построение теста (включая сбор и анализ данных)	5.5	6.8	5.2	6.6	3.9	5.0	6.7
Исследования (не классифицированные в других рубриках)	7.3	12.0	7.0	8.0	6.6	6.3	9.9
Любая другая функция, не классифицированная выше	13.2	4.4	13.3	14.0	7.9	12.8	14.6
Нет ответа	13.4	5.5	11.4	17.1	22.4	12.1	16.4
Итого	968	968	983	243	38	698	268

Таблица 8 - Соотношение сферы специализации психологов до и во время военной службы (с разделением офицеров и других служащих), в процентах (на основе: Britt, 1946)

Сфера специализации	До военной службы	Во время службы					
		Военная сфера			Статус		Всего за время службы
		Армия	Флот	Другое	Офицеры	Другой статус	
Психология отклонений	9.7	12.5	7.8	13.2	12.5	9.0	11.4
Психология развития, психология детства	4.5	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
Клиническая психология, консультирование	27.5	29.4	20.9	30.3	27.6	26.5	27.3
Образование	12.3	5.1	8.9	6.6	6.4	5.0	6.0
Лабораторные исследования (включая исследования восприятия)	7.1	1.1	4.3	0.0	2.2	0.9	1.9
Психология личности и организационная психология	10.6	15.1	14.4	15.8	15.5	13.4	14.9
Физиология	3.2	0.9	2.7	2.6	1.4	1.3	1.4
Социальная психология	5.9	1.5	0.6	1.3	0.8	2.4	1.2
Статистика и конструирование тестов	9.0	9.8	9.5	5.3	9.4	9.7	9.5
Нет сферы специализации	3.7	6.0	8.9	2.6	6.1	7.8	6.6
Другое	3.3	8.6	7.0	5.3	7.9	8.4	8.0
Нет ответа	3.2	10.1	15.0	17.1	19.1	15.5	11.7
Всего	968	683	243	38	698	268	968

Таким образом, можно сказать, что профессиональный состав психологов при военных структурах был достаточно разнообразным; при этом наибольшее число психологов было закономерно задействовано в клинической психологии и консультировании (это верно вне зависимости от рода службы, офицерского или рядового статуса). Конструирование тестов при этом занимает 5 место по распространенности.

Влияние секции D ААПП на новый 14-й отдел АПА было значительным, что неудивительно, учитывая, что членский состав двух организаций был практически одинаковым. Формулировка целей отдела была изъята непосредственно из устава секции D, требования к членству были по существу теми же, и руководство секции стало руководством отдела (Benjamin, 1997).

Учитывая значительный послужной список психологов США во Второй мировой войне, нельзя отрицать, что мобилизация прикладных психологов была в значительной степени обусловлена успешной организацией, которую

ААПШ создала к 1939 г. В случае промышленной психологии организационный эффект трудно переоценить. Что касается быстрого роста промышленной психологии после Второй мировой войны, историк Дональд Наполи отмечает следующее: «военные дали психологам шанс доказать эффективность отбора, классификации и тестирования на профпригодность, и психологи успешно справились с этой задачей. Гражданские работодатели также предлагали новые возможности, которые в значительной степени возникли из-за нехватки рабочей силы, вызванной мобилизацией военного времени. Бизнес-менеджеры, страдающие от высоких показателей невыхода на работу и текучести кадров, проявили беспрецедентную заинтересованность в том, чтобы нанять подходящего работника и сохранить его довольным работой. Руководство обратилось за помощью к психологам и другим специалистам по поведению, и количество психологических тестов быстро возросло. Опросы показали, что в 1939 году только 1-4 процента предприятий использовали такие тесты; в 1947 году эта доля возросла до 50 процентов, а в 1952 году - до 75 процентов» (Napoli, 1981, с. 138).

С институциональной точки зрения использование психологии в вооруженных силах, безусловно, укрепило позиции психологии в университетах. Повышение профессионального уровня психологии через участие психологов в решении задач армии - это феномен, характерный для психологии всех стран. В США психология зарекомендовала себя еще благодаря тестовым разработкам во время Первой мировой войны, а также развитию этих методов в изучении общественного мнения в период Второй мировой войны. Американский психолог Ф. Сэмельсон даже пишет (Samelson, 1979), что использование психологии в США во время Первой мировой войны было более полезным для профессионального развития американской психологии, чем для повышения военной эффективности. Это указывает на общую проблему во взаимоотношениях между психологией и армией: изучение истории этих отношений в Германии создает впечатление, что

психологи гораздо больше стремились работать в вооруженных силах, чем наоборот; армия была нужна психологам больше, чем психологи – армии.

Отсюда вытекает еще один важный вопрос, который мы поставили ранее – вопрос о стратегиях легитимации психологами своей профессии при национал-социалистической власти. Вопрос о том, чем вообще является «национал-социалистическое мировоззрение» и можно ли изложить эту идеологию в качестве набора тезисов, остается дискуссионным. В частности, немецкий историк, специалист по периоду национал-социализма Э. Екель считает, что если не в самом национал-социализме, то, по крайней мере, в трудах и высказываниях Гитлера можно увидеть вполне связное непротиворечивое мировоззрение, которое он последовательно реализовывал в своей политике (Jäckel, 1981). В качестве двух основных столпов этого мировоззрения он называет необходимость покорения космоса и устранения евреев; также в качестве важного аспекта его мировоззрения автор называет образ истории, в котором люди и расы, а также биологические виды рассматривались как носители исторического прогресса, социальный дарвинистский взгляд на аристократическую основную идею природы – победу сильных над слабыми. Среди более варьируемых аспектов – отстаивание ценностей национализма (ценность немецкого народа), принципа лидера (ценность личности) и героизма (самосохранение народа).

Несмотря на то, что идеи тоталитаризма и фашизма в целом сводились к созданию единого общества, в котором каждый элемент от индивида до социальных институтов служил бы для его блага, отношение членов национал-социалистической партии к сфере науки также является предметом споров. В частности, по мнению одного из идеологов национал-социалистической партии А. Розенберга, точная наука и мировоззрение, идеология не только не вступали в противоречие, но и были необходимы друг другу. Эта точка зрения была реализована и в политике немецкого правительства, например, когда офис А. Розенберга, ответственный за идеологическую подготовку и воспитание НСДАП в 1942 году, назначил психолога В. Мецгера в Мюнстер с

требованием, «...чтобы он представил чистую экспериментальную работу» (Geuter, 1984a, с. 362). Что касается расовых психологических исследований, существуют свидетельства, что во время войны правительство было заинтересовано не столько в проектах разработки расовых психологических типологий и систем, сколько в эмпирических исследованиях по сравнению показателей поляков, немецких поляков и немцев в оккупированной Польше (Там же). Однако еще каких-либо свидетельств того, что партия была целенаправленно заинтересована в экспериментальных исследованиях или в исследованиях, которые служили бы основой для подкрепления расовых теорий настолько, чтобы это оформилось в виде «социального заказа» - нет. Судя по всему, среди членов партии не существовало какого-либо консенсуса в отношении того, какую область психологии или какое направление следует развивать. Это касается не только психологии, но и других сфер науки и косвенно подтверждается тем, что, согласно известным на сегодняшний день фактам, случаи увольнения научных сотрудников чаще всего подпадали под расовые мотивы, нежели под идеологические; научных сотрудников не увольняли из-за идей, которые содержались в выдвигаемых ими концепциях (Geschichte der deutschen Psychologie im 20..., 1985).

Таким образом, важным выводом из истории взаимодействия психологии и власти будет следующий тезис: национал-социалистическая система была заинтересована не столько в идеологически верной, сколько (даже прежде всего) - в практически эффективной, полезной науке. Поворот науки в интересах национал-социалистического государства, следовательно, не обязательно должен был принимать форму идеологической адаптации; он скорее заключался в том, чтобы как можно более активно развивать различные практически применимые технологии и разработки.

Можно заключить, что у областей науки, занимающихся, например, усовершенствованием различных видов оружия или исследованием методов профессионального отбора солдат, не было нужды «легитимизировать» себя, демонстрируя свое согласие с нацистской идеологией. Показателен в этом

отношении пример конкурирующих концепций ученых-физиков: так, профессиональные физики, чьи разработки оказались более применимы для нужд власти смогли добиться большего признания, в отличие от группы физиков, которые в первые годы нацистского режима громко заявили о создании проекта «немецкой физики» (Beyerchen, 1977; Mehrtens, Richter, 1980;).

Таким образом, именно практическая применимость психологических разработок в вооруженных силах, а не лояльность теоретических построений вокруг концепций и исследований в итоге способствовала профессиональному развитию этой дисциплины. Более того, вероятно, инициатива по адаптации научных концепций под новые идеологические веяния исходила от самих психологов (чаще, конечно, теоретиков). Одна из стратегий демонстрации целесообразности своих разработок заключалась в том, чтобы показать их практическую полезность; этим занимались, в основном, психологи, занятые в структурах Вермахта, но также и те, кто был представителем университетской среды.

Другая стратегия заключалась в том, чтобы представить психологию как предмет, который по своему содержанию, вопросам и результатам исследований особым образом отвечает новым политическим требованиям - национал-социалистической идеологии. Наиболее показательным примером в этом отношении является Э. Иенш (о его разработках, а также о том, как они повлияли на стереотипизацию образа немецкого психолога периода национал-социализма более подробно будет сказано в 4 главе). Среди исследований периода Второй мировой войны можно также обнаружить ряд попыток работать над предметом расовых исследований с использованием психологии. Исследования, в которых, например, показано превосходство «нордической» или «западной» расы над «восточной», очевидно, носили чисто политико-легитимизирующий характер. Также существовали эмпирические исследовательские проекты по легитимации нацистской политики; И.Б. Рифферт, например, хотел провести исследование психологии иудаизма в

Психологическом институте Берлинского университета и таким образом поставить психологию на службу новому государству (Geuter, 1984b).

«Психология должна поставить себя на службу национальному образованию, в частности, и участвовать вместе с педагогикой в сохранении и воспитании немецкого народа в боевое сообщество» - так писал президент Немецкого психологического общества О. Кро (Kroh, 1939, с. 44). Безусловно, психологи пытались включить эту тему в психологию в первую очередь для того, чтобы узаконить предмет и свои собственные исследования, например, необходимость психологических генетических исследований, и в меньшей степени для того, чтобы узаконить национал-социалистическую политику, направленную на попытки согласовать собственную теорию с элементами нацистской идеологии или хотя бы показать тождество взглядов соответствующей теории с политическим духом времени. Так, Ф. Сандер, представитель лейпцигской «холистической психологии», утверждал, что поворот немецкой психологии к холистическому мышлению в точности соответствует политическому повороту. Но он пошел еще дальше и в своем эссе добавил обоснование связи холистической психологии с законом «гештальта» и стремлению психики исключать «лишнее», неважное: так, помощью этого он оправдывал преследования евреев и их принудительную стерилизацию из-за так называемых наследственных болезней (Sander, 1937). У учителя Сандера, Феликса Крюгера, тогдашнего руководителя знаменитой лейпцигской кафедры и основателя холистической психологии, можно найти точки соприкосновения между его теорией сообщества и национал-социалистической концепцией национального сообщества (Geuter, 1985).

Фактически, направления, которым не удалось доказать свою практическую значимость (в первую очередь те, которые занимались фундаментальными, теоретическими вопросами) и направления, представители которых не готовы были заниматься идеологизацией своих концепций, вынуждены были фактически прекратить свое существование.

Ярким примером такого направления является сравнительная психология (Mironenko, Rafikova, 2020): во время войны некоторые психологи пытались доказать значимость этой дисциплины при обучении армейских собак СС (к слову, это направление было вполне успешно реализовано во время Первой мировой войны, когда О. Пфунгст был директором отдела психологических исследований Национального экспериментального и учебного института для военных и полицейских собак (Abresch, Luck, 1994)). Однако в конечном счете в демонстрации своей «полезности» больше преуспели зоологи: им удалось доказать актуальность изучения поведения животных во многом потому, что они апеллировали к общественным интересам. Так, созданное в 1936 г. «Общество психологии животных» (Deutschen Gesellschaft für Tierpsychologie) с самого начала было ориентировано на демонстрацию своей практической значимости (среди областей, на которых специализировалось общество, было разведение животных, исследование психики животных, а также применение этих результатов в области решения практических проблем (Effertz, 1937a). Первое ежегодное собрание общества было намеренно приурочено к «Зеленой неделе», сельскохозяйственной выставке в Берлине, чтобы ученые могли пообщаться с заводчиками, владельцами животных, охотниками и наездниками, которые обычно посещали подобные мероприятия (Effertz, 1937a). Эффертц ясно дал понять, что общество пользуется поддержкой различных министерств и ведомств, а также ведущих представителей научного сообщества и тех, кто работает в этой области.

При этом в специфической ситуации войны в психологии возникали и новые направления исследований. Так, хотя применение контролируемых экспериментов в армии с целью испытаний нового оружия и других предметов снаряжения не являлось новшеством, изучение морального состояния военных с помощью эксперимента в США было внедрено впервые. Также одними из активно развивающихся направлений исследований стали исследования по изучению экономического поведения мирного населения; активно развивалась и сфера психологического консультирования.

В процессе проведения подобных исследований психологи не только получали практические результаты о воздействии на психологическое состояние бойцов, но и добились определенного прогресса в разработке усовершенствованных инструментов измерения, которые в дальнейшем имели большое значение для исследований в области социальной психологии и социологии – в частности, различные модификации построения шкал опросника, исходя из практических целей (Stouffer, 1943).

Еще одним направлением работы психологов стала разработка методов воздействия на моральный дух противника. большой вклад психологов в победу над гитлеровской коалицией также состоял в изучении морально-психологического состояния противника. Психологам из упомянутого выше Отдела психологической войны Верховного штаба экспедиционных сил союзников, (Psychological War Division of the Supreme Headquarters, Allied Expeditionary Forces) фактически была дана миссия по уничтожению морального духа противника (Lerner, 1949). Они собирали данные от военнопленных, анализировали собранные разведкой вражеские документы, а также проводили анализ речей А. Гитлера. Более того, такая деятельность финансировалась не только правительством: фонд Рокфеллера финансировал два принстонских проекта, каждый из которых возглавлял известный психолог (Gary, 1991). Принстонское бюро исследований общественного мнения под руководством Х. Кэнтрилла, работало в направлении анализа европейских передач и с целью понимания специфики нацистской пропаганды среди своего населения, а Принстонский центр прослушивания, управляемый доктором Г. Уотсоном, стал частью Федеральной комиссии по связи в качестве Службы мониторинга иностранного вещания. Психологи определили 5 категорий отношения немцев к нацистскому движению, которые успешно предсказывали реакцию Германии на пропаганду союзников. Эта работа была расценена как успешная и внесшая решающий вклад в разгром немецкой армии (Lerner, 1949).

Психологи внесли значительный вклад в понимание последствий боевых действий, проведя исследование под названием «Обзор стратегических

бомбардировок» (Leighton, 1949). Используя различные методы опроса под руководством вскоре ставшего знаменитым психолога Р. Лайкерта, главный вывод заключался в том, что воздушные бомбардировки не являлись эффективными в воздействии на моральный дух противника, как предполагалось ранее, что обусловило необходимость разработать дополнительные психологические стратегии, чтобы сломить волю противника.

Психологи также руководили масштабными усилиями по поддержанию и повышению морального духа внутри страны, как гражданского, так и военного. Так, комитет национальной морали («Committee of National Morale»), в состав которого входили некоторые из самых известных психологов того времени, изучал нацистскую психологическую войну (Farago, 1941). В 1940 была проведена конференция «О психологических факторах в морали» и вскоре Чрезвычайный психологический комитет («The Emergency Committee in Psychology») создал подразделение по обороне, председателем которого стал Г. Олпорт (Dallenbach, 1946). Созданный ими масштабный опрос был использован для того, чтобы рекомендовать правительству, как объяснить населению вступление в войну, а также как управлять мнением различных слоев американского общества, в частности, таких как профсоюзы. Они также расширили свои исследования до исследования межрасовых отношений, поскольку расовые конфликты рассматривались как несовместимые с военными усилиями как в гражданском, так и в военном секторах.

Моральный дух военнослужащих был настолько важным предметом психологического исследования, что за время войны было проведено более 300 исследований, включавших 60 000 интервью. Основным результатом работы в этом направлении стал четырехтомник «Американский солдат» - в нем обобщены результаты фактически первого масштабного социально-психологического исследования, проведенного американскими психологами на такой большой выборке (Stouffer, 1949). Его результаты показали, что заботы американских солдат, в сущности, мало чем отличались от забот их немецких и японских коллег: они были обеспокоены физическим

дискомфортом, продвижением по службе и уклонением от боя. Этот вывод привел к тому, что правительство стало прикладывать усилия по информационному просвещению солдат - разъяснению им цели войны с помощью фильмов, образовательных программ, брошюр и информационных бюллетеней, некоторые из которых были написаны психологами, такими как доктор Дж. Доллард.

Одним из важнейших направлений исследований социальных психологов среди военных было изучение уникальных социальных феноменов, таких как страх и агрессия. И для Советского союза, и для США 1941 год ознаменовался фактическим вступлением во Вторую мировую войну: с нападением Германии и Японии соответственно. Однако настроения, царившие в Европе конца 1930-х годов и начало Второй мировой войны для других стран уже успели оказать влияние на тематику исследований, проводимых в пока еще не вступивших в войну странах. Одна из таких работ – «Фрустрация и агрессия», которая была опубликована в 1939 году в издательстве Йельского университета, в которой был предложен набор принципов, порождающих агрессивное поведение. Основной тезис работы, заключающийся в том, что состояние фрустрации всегда предшествует агрессии, был взят на вооружение и был принят в качестве центрального в последующих исследованиях военного времени, таких как третье ежегодное издание Общества психологических исследований социальных проблем «Человеческая природа и несокрушимый мир» (Murphy, 1945), Гарвардский буклет «Азбука поиска козла отпущения», редактором и автором предисловия которого был Г. Олпорт (The ABC's of Scapegoating ... , 1943). Полученные результаты были разработаны в экспериментальных исследованиях Дж. Френча (French, 1944) и Э. Райта (Wright, 1942). Еще одним важным феноменом, привлекавшим внимание исследователей, был феномен страха. В 1943 году вышла работа Д. Долларда «Страх в бою», где была проанализирована природа этого явления, выделены виды страха, а также

предложены практические рекомендации по снижению негативных последствий (Dollard, 1943).

Также военные нуждались в психиатрической и психологической помощи: по некоторым свидетельствам, миллионы солдат и ветеранов страдали от психических расстройств различного типа и степени тяжести, а 550000 человек, или 49% всех увольнений, были связаны с психологическими причинами (Menninger, 1948). Из-за острой нехватки психиатрического персонала психологам впервые пришлось выполнять психотерапевтические функции. Очень немногие психологи имели достаточный уровень подготовки в области психотерапии или консультирования, но во время войны многие были вынуждены взять на себя роль психотерапевтов, несмотря на их недостаточную подготовку (Herman, 1995). Так, в одной из больниц общего профиля была создана ускоренная программа обучения клинической психологии (Menninger, 1948). Потребности войны привели к созданию исследовательских и клинических областей психологии, которых не существовало до Второй мировой войны. Социальная психология и специализированные области, такие как групповая динамика, культура и личность, а также изучение межрасовых отношений, были во многом сформированы во время войны, и признание психологов в качестве психотерапевтов было во многом следствием этого сдвига (Рафикова, Мироненко, 2021a; Рафикова, 2021a). Беспрецедентная потребность в услугах по охране психического здоровья во время и после войны наряду с нехваткой психиатров привела к необходимости подготовки психологов в качестве психотерапевтов. Как в клинической, так и в исследовательской сферах вновь созданные подполя психологии должны были стать институционализированными в качестве областей изучения и вмешательства после войны.

Одним из наиболее примечательных областей исследований, проведенных на выборке мирных граждан, не участвовавших в военных действиях, были исследования в сфере изучения их экономического поведения.

Результатом объединения усилий экономистов и психологов стала опубликованная в 1942 году книга о психолого-экономической проблеме контроля инфляции, которая обобщала теоретические выводы с весьма практичными рекомендациями по этой проблеме (Katona, 1945). Позже Г. Катона проводил исследования поведения ритейлеров в ситуации ограничений военного времени, результаты которого стали ценной информацией для Управления по регулированию цен (Price Control and Business ... , 1945).

3.4. Судьба сложившихся психологических направлений и возникновение новых направлений исследований

Как мы уже отмечали ранее, к 1930-м гг. в психологии наметился кризис: в американском психологическом сообществе стало назревать понимание того факта, что до тех пор, пока избегались фундаментальные философские вопросы, очевидно, мало чего можно было ожидать от будущего образовательных исследований. Как писал Г. Рагг, «вакханалия количественных таблиц и измерений» (Rugg, 1934, с. 114) не достигла своей цели, потому что в ней отсутствовал интегративный принцип, «уникальная совокупность устоявшихся первичных концепций» (Там же, с. 117). Представляется интересным, как критика количественных измерений в исследовании процесса обучения сочеталась с критикой Г. Раггом капиталистической модели общества: «Предполагая частный капитализм, жесткий индивидуализм и конкуренцию, - писал он в 1934 году, - лидеры массовой школы внесли конкурентный климат в образование, в семью и соседство, а также в экономические и социальные организации в целом» (Там же, с. 120). В качестве одного из неизбежных негативных последствий такого устройства автор называет постоянную необходимость сравнивать детей и их успехи; по его мнению, такой подход не является адекватным, потому что в качестве критерия для сравнения берется средний показатель по возрастной

группе, который является чисто номинальной «нормой», не имеющей реального отношения ко всему многообразию возможностей каждого ребенка в отдельности.

На наш взгляд, в таком повороте присутствует и доля влияния гештальт-психологии, которая набирала популярность с 1920-х годов в Германии благодаря М. Вертгеймеру, В. Келеру и К. Коффке, которые позже были вынуждены покинуть свою страну и обосноваться в США (Henle, 1978). Политические события и связанная с ними миграция многих ведущих психологов из Германии и Австрии в США является значимой темой в современных источниках по истории психологии: традиционно середина 1930-х гг. знаменуется «смещением интеллектуального центра из Европы в США», что в основном связывается с закатом школы гештальт-психологии, а также началом новых исследований К. Левина и развитием американской социальной психологии. Однако такая точка зрения представляется недостаточно отражающим все многообразие отношений между американской и немецкой исследовательскими традициями.

Так, в своей статье Валентайн иронично пишет о влиянии гештальт-психологии на его собственное мировоззрение, а также о том, насколько серьезно она подрывает основы сложившейся американской традиции педагогической психологии: «... А потом я попал под влияние чужой пропаганды, финансируемой из Берлина. Гештальт-теория. Меня должны были предостеречь от этих идей иностранного производства. Но было уже слишком поздно. Возможно, кровь моих крепких американских предков разжижилась в моих жилах, потому что я начал поддаваться радикальной тевтонской литературе. В конце концов, мой юный разум был соблазнен некоторыми профессорами колледжа, которые преподавали американской молодежи слегка завуалированные версии подрывной доктрины. Мое падение стало полным, и я присоединился к ней. Сжигая мосты позади себя, я устремился вперед в поисках новых знаний. Потому что мне не терпелось ликвидировать пробелы в моей новой системе ... Но, увы, чем дальше я шел,

тем дальше уходил от любой системы вообще. Или, если это и была система, то такая, в которой я никогда не мог надеяться на систематизацию вещей. Ибо я обнаружил, что живое тело - это сцена ошеломляющей игры динамики организма, в которую играют скопления энергии, которые развертываются вдоль метаболических градиентов, перемещаются между областями изменяющегося потенциала и маневрируют в непостижимых паттернах. Я обнаружил, что обучение - это результат психологических чудес, называемых озарениями; интеллект - это интуитивная способность улавливать взаимосвязи фигур на местности; а поведение - это смесь свойств поля, столь же неуловимых, как проблески света в колеблемом ветром дереве. За это я заплатил утратой аккуратной, компактной, понятной системы, которая когда-то была моей методологией!» (Valentine, 1936, с. 712).

Приводя в качестве примера этот отрывок, мы не хотим сказать, что набирающая популярность в США гештальт-психология, развитию которой способствовала миграция крупных немецких ученых, выступила той самой ведущей силой, подорвавшей основания сложившейся американской психологии. «Импортированная» из Германии гештальт-теория скорее стала последней каплей, еще одним поводом, позволившим наконец профессиональному психологическому сообществу осознать состояние глубокого методологического кризиса, в который погрузилась американская психология.

В то же время события, из-за которых ведущие представители школы гештальт-психологии были вынуждены мигрировать в США, ознаменовали период сращивания научного и политического в немецком обществе. Идеи всеобщности, «тотальности», сращивания всех сфер жизни общества, слияния личного и политического, которые в крайней форме были выражены в идеологии национал-социализма, нашли отражение как на институциональном, так и на парадигматическом уровне развития психологической науки. Некогда знаменитый «Экспериментальный институт педагогики и психологии» в Лейпциге был закрыт и заменен «Педагогико-

психологическим институтом Высшей школы народного образования Лейпцига», который позже считался одним из важнейших центров научной «легитимации» идей национал-социализма (Ingenkamp, Laux, 1990). Помимо прочего, этот центр проводил исследование характеристик лидерства.

В свете политической судьбы педагогической психологии представляется важным тот факт, что в Тюбингене педагогические науки преподавал О. Кро (1887-1955). Этот профессор сменил У. Штерна, эмигрировавшего в Америку, на посту редактора «Журнала педагогической психологии» («Zeitschrift für Pädagogische Psychologie»), а позже занимал должности на кафедрах психологии и педагогики в Мюнхене (с 1938 г.) и Берлине (в 1942 г.).

О. Кро разработал учение об этапах юношеского возраста, из которого позже выросла общая концепция фаз развития человеческой эмоциональной жизни; в первую очередь, она должна была применяться в области педагогики. В своей программной статье о роли педагогической психологии О. Кро пишет, что в свете «революционного переустройства всей жизни» («revolutionärer Neugestaltung des völkischen Lebens») вопрос для этой «Geisteswissenschaft» состоит в том, чтобы проникнуть во все «институты образования и воспитания (в том числе внеклассного) ... в соответствии с идеей органически развивающейся и подлежащей формированию общей жизни индивида и народа в церкви и государстве, искусстве и науке, праве и школе» (Kroh, 1933, с. 315).

Иными словами, центральная задача педагогической психологии по О. Кро состояла в изучении процессов образования, воспитания и обучения как играющих важную роль в «воспитании народа» («völkische Erziehung») (Kroh, 1937). При такой постановке целей существенную роль должен был играть нормативный, этический компонент науки. Помимо постоянного расширения знаний о детской психологии посредством сбора эмпирического материала, перед педагогической психологией, по мнению О. Кро, должна стоять задача внести свой вклад в общую «антропологию народов» («völkische

Menschenkunde»), интерпретируя свой материал «идеологически». Наука, как органическая структура в рамках более широкого биологически-интеллектуального целого, должна была изучать проблемы, затрагивающие людей по своей сути, и раскрывать их истинную ценность. Вероятно, проект педагогической психологии О. Кро как реализации определенного идеала устройства общества, был отправной точкой для ряда идеологически окрашенных (в данном случае, национал-социалистическими идеями) статей и исследований - его влияние прослеживается в теоретико-методологических статьях Э. Иенша и В. Хише, опубликованных в том же журнале.

Э. Иенш, профессор Марбурга, который еще в 1928 году призывал к сближению «идеала» и «реальности» (Jaensch, 1928), в 1937 году писал, что практическая психология должна служить «демографической евгенике», включая «изучение типологических и расовых аспектов» («Begelschaft typologischer und rassischer Gaffspunken») (Jaensch, 1937a, с. 21). Идеи тотальности Э. Иенш видел и в интеграции всех научных областей: «... Главной особенностью психологии в новой Германской империи является то, что она больше не является изолированной областью знаний, отделенной от всех других» (Там же, с. 1). Как позже заявит В. Хише (1887-1964), между «чистой» (в смысле теоретической) и прикладной психологией не должно быть никаких различий. Потребности народа должны быть единственным ориентиром для психологии и педагогики; также, провозгласив лозунг «Немецкая наука служит немецкому народу!», В. Хише писал, что педагогическая психология по самой своей сути не может быть универсальной (в смысле интернациональной), и может быть ориентирована только на конкретные нации и культуры» (Hische, 1939). Позже положение о «культурной ориентированности» науки на «народ» приобрело более радикальное звучание: например, в работах П. Л. Кригера и Г. Пфалера в качестве центральной психологически значимой категории уже используется понятие расы (Krieger, 1937; Pfahler, 1939).

Как можно заметить, идеи о предназначении педагогической психологии, концепции «воспитания нового человека» не были новы – их высказывали и психологи до прихода к власти А. Гитлера. Однако вопрос о преемственности в развитии психолого-педагогических теорий до и после национал-социалистического переворота остается достаточно сложным. Еще большие трудности он вызывает, когда речь идет о сравнении психологии этого периода с развитием психологии в других странах: соблазн слишком прямолинейного применения истолкования социально-политической обусловленности явления подталкивает многих исследователей проводить параллели с политическими режимами, отождествляя немецкую психологию с «фашистской», а американскую – с «демократической».

Действительно, общая линия идеологии национал-социализма, с которой, в конечном итоге, была вынуждена слиться педагогическая психология Германии, задолго до прихода к власти А. Гитлера и соответствующих политических изменений была частично обусловлена, с одной стороны, увлечением поиска нормативного компонента науки, идеями всеобщности и тотальности, служения науки каким-то социальным проектам или абстрактному «социальному прогрессу», а с другой – набирающей популярность гештальт-психологии, которая, во многом оставаясь последней школой, пока еще сохраняющей связь с классической немецкой экспериментальной психологией, опиралась на принципиально новую идею целостности в самом широком смысле (в психике, личности и в конечном счете – обществе). Хотя здесь мы имеем в виду более высокий уровень абстракции, попытки прямолинейно вывести из той или иной психологической теории объяснение социального феномена тоже предпринимались: так, например, Ф. Сандер (1889-1971) (немецкий гештальт-психолог, преподаватель Йенского и Боннского университетов; С 1938 по 1945 год, а позже с 1953 года был членом правления Немецкого общества психологии), рассматривал уничтожение евреев и стерилизацию носителей «низших наследственных свойств» как применение «закона гештальта», то

есть как своего рода исключение лишнего элемента – чужака – из «гештальта народа» (Geuter, 1992, с. 167). Советский психолог Ф.Н. Шемякин (1899-1980) в своей критической статье упоминает как пример абсурда такие работы как статья Арнольда «Психофизические структуры у кур различных рас» и их общую с Э. Йеншем работу «Курятник как средство исследования и обоснования в вопросе о человеческих расах» (Шемякин, 1941).

Однако, несмотря на кажущуюся преемственность некоторых идей, многие исследователи высказывают точку зрения о том, что нацистская версия педагогической психологии была скорее разрывом с немецкой педагогической традицией, чем ее закономерным продолжением (Tenorth, 1986). Во-первых, это доказывается тем, что большое количество исследователей критиковало подобные веяния в педагогике и психологии, и их влияние не следует недооценивать; наряду с яркими сторонниками национал-социалистического режима (Э. Йенш, О. Кро, Г. Пфалер, О. Тумлирц и т.д.), были также ученые, которые оставались нейтральными или, по крайней мере, открыто не заявляли о своей политической позиции (например, А. Кислинг), а также ярые противники новой власти, многие из которых стали жертвами нацизма (Э. Бобертаг, У. Штерн, Э. Хилла, А. Фишер, О. Липманн и др.).

Во-вторых, обращаясь к проблеме преемственности психологических теорий до и после установления в Германии национал-социалистического режима, стоит обратить внимание и на другие, более общие предпосылки становления психологической науки во всем мире в более ранний период. В частности, мы считаем необходимым обратиться к интеграционным механизмам международного взаимодействия ученых начала 20 века и предпосылкам становления американской психологии, которые во многом стали основой для педагогической психологии Германии, в том числе периода национал-социализма.

Известно, что имидж американской психологии как, в первую очередь, практикоориентированной науки (что не лишено оснований) сложился еще во времена Первой мировой войны, когда исследователей захватила так

называемая «тестовая лихорадка»: после открытия широких возможностей измерительных инструментов и большого успеха их применения в сфере профессионального отбора и военных нужд, «тестовая» психология активно развивалась в самых разных областях. В частности, одним из наиболее многообещающих и популярных направлений для применения измерительных инструментов стала область изучения интеллекта: в успехах в этой области были заинтересованы представители множества сфер стремительно развивающегося американского общества, от промышленности до образования.

Однако, помимо практической пользы и богатого исследовательского потенциала, увлечение тестами измерения интеллекта не в малой степени также обуславливалось интересом исследователей к евгеническим идеям; вопреки стойких ассоциаций термина «евгеника» с концепциями превосходства одних рас над другими и, как следствие, с преступлениями национал-социалистического режима Германии, которые сложились в результате терминологической путаницы и сложной политической и социальной истории евгенических идей, впервые они появились и получили широкое распространение именно в среде интеллектуалов США конца 19-начала 20 в. (историю евгенических идей принято отсчитывать с работ Ф. Гальтона, который и ввел этот термин в научный обиход).

Так, группа психологов, впервые разработавшая и внедрившая так называемый «армейский психологический тест» во время участия США в Первой мировой войне (Р.М. Йеркс – президент Американской психологической ассоциации, сотрудничавший с Национальным научно-исследовательским советом («National Research Council»), заинтересовал высшее военное руководство идеей отбора новобранцев и позже создал комитет для разработки вариации теста Бине для этих целей, состоящий из Г. Г. Годдарда (который создал первую американскую адаптацию этого теста) и Л. М. Термана, который также работал над его редакцией), имела самое непосредственное отношение к развитию этих идей в американской науке. По

свидетельствам современных историков, Л.М. Терман считал недостаток интеллекта основной причиной «социальных патологий», таких как преступность и бедность, а Р.М. Йеркс в 1923 году писал в журнале «Atlantic Monthly», что существуют расовые различия в уровне интеллекта (Leahey, 1991, с. 229; Gould, 1981, с. 179). Однако наибольшую популярность как ученый-евгеник (а позже и как крупнейший научный фальсификатор) из этой команды исследователей имел Г.Г. Годдард: помимо прочего он занимался адаптацией шкалы Бине как эмпирического метода оценки «умственного возраста». Он также ввел в обиход греческое слово «идиот» (в англ. - «moron»), в значении «умственной отсталости» (этот термин предлагалось применять, когда речь шла о взрослых, «умственный возраст» которых был от 8-12 лет). Годдард считал, что «идиотам» следовало помешать развивать свою расу, чтобы предотвратить дальнейшее вырождение общества, а также рассматривал стерилизацию как возможное средство достижения этой цели. Сегодня знаменито его масштабное исследование «Семья Каллилак» (одноименная книга пережила несколько изданий), в котором Годдард, изучая генеалогию одной семьи со «здоровой» и «слабоумной» ветвью, пришел к выводу, что умственные признаки наследуемы (Goddard, 1912; Gould, 1981).

Хотя позже эти исследователи во многом пересмотрели свою точку зрения в отношении факторов развития интеллекта, все больше принимая во внимание влияние культуры, воспитания, образования и др., высказанные ими когда-то позиции определяли отношение американской интеллектуальной элиты к вопросу наследуемости интеллекта еще довольно долго. Результаты армейских тестов на умственные способности долгое время считались доказательством биологически обусловленных расовых различий в интеллекте. Так, американские исследователи Макдаугалл и Бригам, например, использовали этот тест для популяризации идеи интеллектуального превосходства белых и даже связали его с моральными соображениями: «доказательства ... , которые указывают очень сильно, если не доказывают окончательно, что социальное расслоение, существующее в современных

индустриальных сообществах, положительно коррелирует с соответствующим расслоением по врожденным моральным и интеллектуальным качествам» (цит. по: *Psychologische praktijken...* , 1986, с. б).

Разработки психологов и педагогов в этом направлении стали инструментом реализации различных политических интересов: как пишет С. Кюль, многие психологи настаивали на необходимости не только институциональной сегрегации, но и стерилизации, поскольку, по их словам, «наследственность играет важнейшую роль в передаче преступности, идиотизма и слабоумия» (Kühl, 1994, с. 16). Например, в 1922 году вышла книга педагога Г. Лафлина «Евгеническая стерилизация в Соединенных Штатах» (Laughlin, 1922), которая содержала предложения о том, как Соединенные Штаты могли бы извлечь выгоду из стерилизации умственно отсталых граждан, а также проект закона о стерилизации, который он призывал принять. В проекте закона Г. Лафлина о стерилизации подчеркивалась необходимость стерилизации населения, которое Г. Лафлин считал неадекватным по многим причинам, начиная от внешнего вида и заканчивая социально-экономическим статусом. Как пишут современные исследователи, этот документ оказал влияние на законодательство США 20 века о репродукции и обязательной стерилизации и был принят во внимание в 1924 году в форме Закона об ограничении иммиграции (Page, 2019). В целом многие американские политики, несмотря на критику со стороны представителей научного сообщества, охотно ссылались на так называемые научные данные тестовой психологии, чтобы оправдать и продвинуть те или иные евгенические меры.

Набрав популярность в Америке, евгенические идеи стали распространяться и на международной арене: благодаря публикациям в ведущих научных журналах того времени и контактам на международных конгрессах эти идеи стали известны и в Германии. Упомянутый выше Г. Лафлин опубликовал свои работы в Германии, а в 1936 году выпустил

английскую версию фильма «Erbkrank» («Erbkrank» - нацистский пропагандистский фильм, снятый Г. Гердесом; был одним из шести пропагандистских фильмов, снятых с 1935 по 1937 год, с целью демонизировать людей с психическими заболеваниями и умственной отсталостью), а год спустя вместе с сторонниками расовой политики Гитлера основал «Фонд пионеров» («Pioneer Fund») - американский некоммерческий фонд, созданный «для содействия научному изучению наследственности и человеческих различий» (Tucker, 2007).

В доказательство преемственности между американскими и немецкими идеями современные историки пишут: «...Лидеры немецкого движения за стерилизацию неоднократно заявляли, что их законодательство было разработано только после тщательного изучения Калифорнийского эксперимента, о котором сообщили г-н Госни и д-р Попено. По их словам, было бы невозможно осуществить такое предприятие с участием примерно 1 миллиона человек, не опираясь в значительной степени на предыдущий опыт в других местах» (Harten, 1997).

Так, 1930-е гг. знаменовались американо-германским сотрудничеством и взаимопроникновением идей в этом направлении: во времена расцвета нацизма своеобразным аналогом евгеники стала немецкая расовая гигиена. Однако, если говорить именно о немецкой педагогической психологии, свой фокус она обращала скорее на наследование психологических особенностей, а интеллектуальные способности, в отличие от американской традиции, по-видимому, имели здесь меньшее значение. Также некоторые отличия можно проследить в идеологии и глобальных целях применения евгенических программ: как предполагают немецкие историки, в США их основной целью была борьба с предполагаемым вырождением, тогда как в Германии евгеника скорее выступала опорой для доказательства превосходства арийской расы, инструментом для достижения прогресса идей «Volkskraft» («силы народа») в целом (Thieme, 1988).

Таким образом, состояние педагогики и психологии в значительной степени сформировалось в результате открытий немецких и американских исследователей (современная педагогическая психология обязана Германии своей философией образования, а Американское влияние проявилось во многих областях таких как дидактика, менеджмент образования, теории инноваций и др.). С одной стороны, немецкая и американская традиции исследований о ребенке сильно отличаются: педагогическая психология в Америке в период до Второй мировой войны была скорее экстраполяцией выводов и данных «чистой» психологии, тогда как в Германии она скорее рассматривалась как автономная наука со своими собственными определениями проблем и методами. В Америке психология, включая психологию образования, испытала сильное влияние бихевиоризма, в то время как немецкая психология, включая педагогическую психологию, основывалась на достижениях Вюрцбургской школы и гештальтпсихологии. В Америке, где исходили из линейной теории стимул-реакция, внимание в первую очередь уделялось строго «объективному» изучению внешне воспринимаемого поведения, в то время как в Германии основное внимание уделялось внутренним процессам и когнитивным структурам, лежащим в основе внешне воспринимаемого поведения. Однако при всех своих различиях психология в Германии и США испытывали взаимное влияние друг друга, что ярко выразилось в первые годы Второй мировой войны в ситуации методологического кризиса, примером чего является влияние идей евгеники и наследственности на тестирование интеллекта.

ВЫВОДЫ ПО 3 ГЛАВЕ

1. Институционализация психологии в США в 1930х- 1940х годах протекала в соответствии с закономерностями институционализации науки в либеральном западном обществе - в контексте взаимодействия профессионального сообщества с тремя основными общественными силами: государством, рынком (прежде всего, крупным капиталом) и гражданским

обществом. В этот период интересы рынка (в первую очередь, крупного капитала) и государства в США были тесно связаны, слиты, таким образом, поддержка рынка оказывалась в то же время и идеологическим запросом государства. Во время Великой депрессии, на массовые проявления недовольства населения, психологическое сообщество откликнулось вниманием к возникшим социальным проблемам и развитием американской социальной психологии. Таким образом, американская психология выполняла две функции науки по отношению к государству: а) отвечая на конкретные прикладные задачи (прежде всего, военные), б) в идеологическом оформлении общих доктринальных направлений государственной политики, что обеспечило стабильную и устойчивую институционализацию и развитие субъектности американского психологического сообщества, а также рост его международного статуса и влияния. Ситуация развития немецкой психологии была принципиально иной, чем в США. Влияние государства традиционно доминировало в Германии во всех областях общественной жизни. Еще до прихода к власти национал-социалистического правительства, государственная политика определяла развитие университетов, в частности, их финансирование, в то время как в США крупный бизнес оказывал на университеты огромное влияние через финансовые вложения. В Германии стратегия государства обусловила специфическую форму холистического поворота в психотехнике и профессиональном отборе (под «характерологическим сдвигом» подразумевается смещение акцента на изучение личностных качеств как основных предикторов портрета успешного профессионала) в начале 1920-х гг. в связи с государственной стратегией занятия Германией после экономического кризиса Первой мировой войны ниши гибкого производства более редких и более качественных товаров, в отличие от американского массового производства, где свободный рынок и активная индустриализация диктовали развитие ниши производства товаров массового потребления.

2. С приходом к власти национал-социалистов в Германии установился тоталитарный режим, так, что историю немецкой психологии времен национал-социализма А.В. Петровский называет политической историей психологии, которой присущи специфические закономерности, отличающие ее от прочих. Все области общественной жизни, в том числе, наука и культура в Германии практически полностью определялись диктатом государства, в то время как влияние рынка и гражданского общества было минимальным. Диктат государства определял здесь ход институционализации психологии как во «внешнем» взаимодействии с социальными институтами, так и в части форм интеграции и дифференциации внутри научного сообщества.

3. С приходом к власти национал-социалистов немецкое профессиональное сообщество претерпело существенные изменения. Прежде всего, изменился состав психологического сообщества (изменение состава правления Немецкого психологического общества в 1929 г.; кадровые перестановки в университетах) в результате принятия ряда законов в отношении людей еврейского происхождения и отъезда ученых из страны, а также произошли сдвиги в методологии и тематике исследований, на что повлияли угасание гештальт-психологии в связи с миграцией ученых и политика нового правительства. Были пересмотрены ценностные основания некоторых направлений исследований, так, в психологии детства и образования стали развиваться ценностные аспекты и парадигма «воспитания нового человека». Были развиты новые направления, в основном, те, которым удалось доказать свою практическую полезность – например, военная психология, психодиагностика, психология развития.

4. Важной характеристикой военного времени и в Германии, и в США стало привлечение психологов к работе в государственных военных структурах. В Германии были созданы сети психологических лабораторий в Вермахте (около 20 центров во всех формированиях – Военно-воздушных силах, на флоте и в сухопутных войсках), что способствовало закреплению

профессионального статуса психолога в Вермахте и позже введению первого положения о государственных экзаменах для психологов.

5. В США психологи были задействованы в работе Центрального агентства планирования и исследований департамента, были привлечены к профессиональному отбору военных в рамках Комитета по классификации военного персонала и к работе Управления стратегической службы, а также была создана сеть новых психологических структурных формирований (Чрезвычайного психологического комитета, Управления военной информации, Бюро исследований и анализа в рамках разведывательной группы, Отдела моральных операций в Управлении стратегических служб, а также Отдела психологической войны Верховного штаба Союзных экспедиционных сил). Также происходило развитие психологических направлений, которые были обусловлены непосредственно решением военных проблем - пропаганды, изучение поведения населения, клинической психологии, консультативной психологии. Развитие практических применений психологии в военном ведомстве было важным инструментом укрепления статуса психологии в обществе и ее легитимизации, как в Германии, так и в США.

6. В военное время в Германии особую значимость приобрели вопросы практической полезности исследований. Основными направлениями немецкой психологической практики периода Второй мировой войны были психологическая диагностика в военных структурах и работа в сфере социального обеспечения. Тем самым психология в Германии впервые получила обширную и структурно оформленную сферу практической деятельности за пределами высших учебных заведений. С 1940 г. устанавливается сотрудничество между Немецким обществом психологии и Национал-социалистической организацией народного благосостояния. Психологи активно принимают участие в организации работы по помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

7. В США основными направлениями американской психологической практики периода Второй мировой войны были психологическая диагностика в государственных военных структурах, однако, наряду с этим, как ответ на запрос гражданского общества развернулись и исследования в сфере социальной психологии, ориентированные на изучение общественного мнения, в целом возник интерес к социальной психологии, в том числе вопросы внутренней и внешней пропаганды. В специфической ситуации войны возникли новые направления исследований: в США изучение морального состояния военных с помощью эксперимента и изучение экономического поведения мирного населения. Еще одним новым направлением работы психологов стала разработка методов воздействия на моральный дух противника. Психологи руководили масштабными программами по поддержанию и повышению морального духа внутри страны, как гражданского, так и военного. Было начато изучение уникальных социальных феноменов, таких как страх и агрессия. Таким образом, потребности войны привели к созданию исследовательских и прикладных областей психологии, которых не существовало до Второй мировой войны.

8. Проявлением становления профессионального сообщества психологов как коллективного субъекта развития науки в середине 1930-х гг. в Германии и США является активность в самоорганизации сообщества психологов, что проявилось в Германии в непосредственном отношении к взаимодействию с государством: в создании системы профессиональной аттестации (введения системы сдачи экзаменов для психологов то есть, их государственной аттестации), а в США самоорганизация сообщества психологов проявилась, прежде всего, в форме создания профессиональных организаций (создание Общества психологического изучения социальных проблем, Американской ассоциации прикладной психологии, Психометрического общества: во время Второй мировой войны – создание Национального совета женщин-психологов).

9. Длительное взаимодействие психологического сообщества Германии с тоталитарным режимом обусловило то, что в период существования национал-социалистического государства немецкое профессиональное сообщество выработало специфический тип стратегий. Одна из стратегий демонстрации целесообразности своих разработок заключалась в том, чтобы показать их практическую полезность; этим занимались, в основном, психологи, занятые в структурах Вермахта. Другая стратегия заключалась в том, чтобы представить психологию как предмет, который по своему содержанию, вопросам и результатам исследований особым образом отвечает новым политическим требованиям - национал-социалистической идеологии, так, в психологии детства и образования стали развиваться ценностные аспекты и парадигма «воспитания нового человека».

10. В развитии немецкой психологии выделяется несколько переломных точек, разделяющих специфические периоды в его развитии: 1) 1929-1933 г. - изменение состава и структуры психологического сообщества и необходимость формирования новой идентичности в связи с политическими изменениями начала 1930-х гг (изменение состава правления Немецкого психологического общества в 1929 г.; отъезд многих ведущих ученых из страны; кадровые перестановки в университетах); 2) 1933-1945 гг. - укрепление профессионального сообщества вокруг появившейся возможности «легитимизации» профессии психолога (участие в инициативах по внедрению закона о профессиональных экзаменах, статусе психолога в военных структурах); 1945-1950 гг. – необходимость переориентации и перестройки идентичности (саморефлексии) сообщества в новых социально-политических условиях. Несмотря на некоторое укрепление профессионального сообщества во втором периоде, потери на первом и третьем этапе стали предпосылкой для угасания основ немецкой классической традиции. Оно было взаимосвязано с изменениями в субъектности сообщества на первом из выделенных этапов (1929-1933 гг.): структурные и кадровые перестройки в психологическом сообществе во многом были обусловлены миграцией ведущих представителей

классической немецкой традиции и отсутствием дальнейшего ее развития в рамках нового сообщества, а также политической ситуацией в результате падения национал-социалистического режима и проигрышем во Второй мировой войне.

11. С разрушением фашистской Германии в 1945 г. психология как институт в структуре этого государства перестала существовать вместе с ним, что обусловило изменения в жизни профессионального сообщества, потребовало поиска новых форм взаимодействия с социумом и самоорганизации, формирования новой самоидентификации. Однако после падения Вермахта и национал-социалистического режима психологическое сообщество смогло удержать свои позиции. После роспуска психологических лабораторий в 1943 г. процесс профессионализации в виде внедрения программы экзаменов для психологов не был остановлен, должности в университетах продолжали замещаться; однако по причине утрат во время установления, а затем гибели тоталитарного режима, психология в Германии ослабила свои позиции и после войны немецкая психология перестала ассоциироваться с особенным, целостным, самобытным направлением. Дискурс-анализ показал, что это отразилось, в частности, в том, что немецкая психология представлена в учебниках по истории психологии только как родина психологической науки и как родина научной школы гештальт-психологии; также после войны изменилась научная иерархия и преэминентность - теперь немецкие студенты и молодые ученые чаще ездили на стажировки и обучение в США, чем наоборот).

12. К концу Второй мировой войны и в послевоенный период отмечаются следующие тенденции в развитии психологической науки. В США: повышение авторитета американской психологии, увеличение финансирования из государственного сектора, развитие новых направлений исследований (социальная психология, клиническая психология, психологическое консультирование); в Германии: необходимость переориентации самоидентификации и методологических основ немецкого

психологического в связи с падением политического режима;
изолированность немецкой науки; потеря «особенной» немецкой традиции.

ГЛАВА 4. «ПОЛИТИЧЕСКАЯ» ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ 1930-1940-Х ГГ.: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

4.1. Репрезентация истории зарубежной науки в отечественной историографии

Как уже было отмечено во 2 главе, историография истории психологии является достаточно новой областью исследований; однако попытки осмысления того, как писалась история и какие факторы влияли на формирование тех или иных точек зрения предпринимаются все чаще. Стремление не только историков, но и психологов подвести некоторые итоги было характерно почти для каждой эпохи развития психологической науки, но особенно ярко оно проявляло себя во времена всевозможных кризисов (как внешних – политических и социальных, так и внутринаучных).

Одним из таких переломных моментов является период конца 1920-начала 1930 гг., отмеченный, наряду со сложной социально-экономической ситуацией в преддверии мировой войны, методологическим кризисом в мировой психологической науке. «Нет кажется ни одного современного психолога, который не начинал бы своей статьи или монографии двумя-тремя меланхолическими замечаниями о кризисе в психологии» - такими словами начинается раздел о бихевиоризме в книге «Основные течения современной психологии» (Выготский, 1930, с. 153). «Европейская психология переживает глубокий кризис. Было бы большой ошибкой изображать дело так, будто на Западе в психологии все незыблемо и спокойно, и только в Америке и СССР происходит радикальная перестройка психологии на новых началах. На самом деле радикальная перестройка происходит и в европейской психологии, но, разумеется, там кризис принимает совершенно иные формы, в зависимости от огромной исторической традиции, от господствующей идеалистической философии и еще более глубоко лежащих причин» – пишет в этом же сборнике Л.С. Выготский (Там же, с. 85).

В связи с этим начало 1930-х гг. знаменуется повышенным интересом к обзорным работам, целью которых было подведение некоторых итогов и осмысление накопленного опыта за время развития психологии. Одной из таких работ является уже упомянутый труд коллектива советских ученых «Основные течения современной психологии», вышедший в 1930 г.

Эта работа посвящена обзору основных ведущих направлений зарубежной психологии, среди которых психоанализ, бихевиоризм, эйдетика, психотехника, структурная психология. Интересно, что названия некоторые из этих направлений сегодня даже не известны широкому кругу читателей, хотя в 1930-е гг. они были крупнейшими и перспективными исследовательскими областями.

В частности, одним из таких направлений можно считать эйдетику. Эйдетика представляла собой учение о субъективных наглядных образах, наблюдающихся у детей и подростков в определенной фазе их развития, а также сохраняющихся иногда, большей частью в виде исключения, и у взрослых. Это направление получило наибольшее развитие в рамках исследований Марбургской школы, ведущими представителями которой были небезызвестные О. Кро и Э. Иенш (впоследствии их деятельность сыграет важную роль в становлении имиджа немецкой психологии периода национал-социализма). Так, исследования Марбургской школы привели ее представителей к выводу, что эйдетизм является совершенно закономерной и необходимой фазой в развитии памяти, — фазой, через которую обязательно проходят все дети. Наряду с характерологией и психотехникой эйдетика стала одним из тех направлений немецкой науки, которым суждено было прекратить свое существование или слиться с другими областями психологии в период правления А. Гитлера и Второй мировой войны. Как пишет С.А. Богданчиков, «...В 30-е гг. эйдетика трансформировалась в «интеграционную типологию» — идеологизированную, расистскую и фашистскую по своей сути, псевдонаучную концепцию, которая в гитлеровской Германии развивалась Э. Иеншем и его последователями путем «синтеза» эйдетических и национал -

социалистических идей и лозунгов, что не могло не привести вскоре к отторжению всей эйдетики мировым научным сообществом. Марбургская психологическая школа прекратила свое существование вместе с поражением нацизма во Второй мировой войне» (Богданчиков, 2001, с. 115). Ссылаясь на Ланге, он продолжает: «... «Интеграционная типология» Э. Йенша фактически стала составной частью нацистского учения о расах ... Л. Ланге прямо пишет о том, что «о Йенше и Кро известно, что они были нацистами» [58; 123]. Рассматривая научную и политическую деятельность Э. Йенша в психологии, Л. Ланге отмечает, что он «был, очевидно, главным действующим лицом в попытке инфильтрации нацистских идей в психологию, причем не только как главный издатель “Zeitschrift für Psychologie”, но и как председатель Немецкого Психологического общества в 1936–1940 гг.» [58; 130]. Л. Ланге указывает, что «школа Йенша» после его смерти распалась еще и потому, что «его ученики во время войны служили в вермахте или принимали участие в работе нацистских организаций» [58; 127]. В статье Л. Ланге также подчеркивается, что «за исключением учеников Йенша и некоторых нацистов — его протеже, в “Zeitschrift für Psychologie” нельзя найти психологов, которые пытались бы подобным образом связать психологию с нацистской идеологией. Содержательно работы Э. Йенша и его учеников были направлены на связь экспериментальной психологии восприятия и психологии личности (типологии). Странно читать, как с упрочением нацистского господства первоначально экспериментальные и типологические гипотезы Э. Йенша вырождаются в ненаучные рассуждения с фашистским и антисемитским содержанием» [58; 134]» (Там же, с. 112-113).

Нельзя сказать, что советская психология испытывала сильное влияние идей эйдетики и до периода национал-социализма (хотя С.А. Богданчиков отмечает, что эта тематика развивалась в работах таких исследователей как В.А. Артемов, П.П. Блонский, Н.Ф. Добрынин, П.Л. Загоровский, М.П. Кононова, С.В. Кравков, П.О. Эфрусси и др.). В большей степени советская психология, особенно после революции 1917 г. испытывала сильное влияние

поведенческих наук: поведение человека и животных было одним из важнейших аспектов предмета психологии. Это закономерно вызвало большую волну интереса к американскому бихевиоризму, показателем чего является тот факт, что самому Дж. Б. Уотсону было поручено написать статью «Бихевиоризм» для первого издания Большой советской энциклопедии (Уотсон, 1927). Однако бихевиоризм был не единственной западной психологической школой, привлекавшей внимание советских психологов. Во второй половине 1920-х годов растущее разочарование в механистических подходах к психологии дало о себе знать, и в своих попытках построить «подлинную марксистскую психологию» многие советские психологи испытывали искушение искать «союзников» среди западных психологов (Петровский, 1967, с. 79).

Многие психологические идеи, возникшие на Западе, были восприняты в России очень серьезно. Так, наряду с психоанализом и ранними работами Пиаже одним из главных потенциальных союзников антимеханического направления в советской психологии была гештальтпсихология. Более того, гештальтпсихология не рассматривалась как противостоящая той ветви психологии, которая определяла себя как науку о поведении. В уже упомянутом сборнике «Основные течения современной психологии» гештальт-психологии или структурной психологии, по-видимому, отводилась особая роль в будущем психологической науки. «Структурная психология пытается разрешить проблему «двух психологий» третьим способом — глубоко отличным как от дуализма Шпрангера, так и от монизма Бюлера» (Выготский, 1930, с. 85).

Важным для понимания роли гештальт-психологии в советской науке является личное взаимодействие советских психологов с немецкими гештальт-психологами. В частности, примером такого взаимодействия было участие К. Коффки во Второй «Психологической экспедиции» А. Лурии в Центральную Азию (1932). Хотя в своем кратком отчете о Первой экспедиции Лурия объявил, что к участию будут приглашены иностранные психологи

(Luria, 1931), Коффка был единственным иностранным психологом, который в итоге принял участие в этом предприятии. В рамках подготовки к экспедиции были проведены семинары в Москве и Самарканде (май/июнь 1932 г.), и Коффка прочитал лекцию на немецком языке на тему «Преодоление механистических и виталистических тенденций в современной психологии» (впоследствии опубликованную на русском языке в журнале «Психология»; Коффка, 1932). Однако сама экспедиция закончилась для К. Коффки не очень хорошо; он тяжело заболел, а также у него возникли трудности с отъездом из Узбекистана (Eisen, 1942; Narrower, 1942). Впоследствии Коффка почти не публиковал результаты исследований из этой поездки и в целом участие Коффки в экспедиции Лурии остается открытым для изучения вопросом, однако очевидно, что это сотрудничество было важной вехой в международной коммуникации ученых.

Менее известной в этом отношении является поездка К. Левина по Советскому Союзу в 1933 году. Единственная доступная информация об этом эпизоде - краткий отчет в биографии Левина, опубликованной А. Марроу (Marrow, 1977). Согласно его свидетельствам, (Там же, с. 92), в первые месяцы 1933 года Левин вернулся из Стэнфорда в Берлин через Японию, Сибирскую железную дорогу и Москву. По-видимому, Левина тоже пригласили читать лекции в Москву, но автор не сообщает, проводились эти лекции на самом деле или нет (по крайней мере, сегодня нет никаких свидетельств того, что они были опубликованы). Однако А. Марроу рассказывает, что во время своей поездки К. Левин встретился с А. Лурией и Б. Зейгарник в Москве и что они сообщили ему о следствиях прихода Гитлера к власти, который произошел как раз незадолго до того, как Левин покинул Японию. Вероятно, Левин оставался в Москве с февраля по май 1933 года; затем он вернулся в Берлин, только для того, чтобы эмигрировать через пару месяцев. Как пишет Э. Шреер, возможно, визит Левина в Советский Союз также был причиной сильного интереса к его теориям, обнаруженного в посмертно опубликованной статье Выготского об умственной отсталости (Выготский, Данюшевский, 1935). Но в целом его

визит, как и визит Коффки, произошел слишком поздно - первоначальный энтузиазм по поводу гештальтпсихологии уже уступил место критическому отношению советских психологов к западной психологии (Scheerer, 1980).

Важной средой для взаимодействия ученых всегда являлись различные научные мероприятия, конференции международного уровня. Э. Шреер пишет, что для большинства советских психологов Международные конференции по психотехнологиям представляли намного больший интерес, чем Международные конгрессы по психологии, и фактически 7-я Международная конференция по психотехнологиям, состоявшаяся в Москве 1931 г., была фактически единственной международной психологической встречей, которая проводилась в Советском Союзе до 1966 года (Там же). Гештальт-психологи, в основном, не принимали участие в этих конференциях, как и те советские психологи, которые были заинтересованы в гештальтпсихологии. Закономерно, что последние также не участвовали в конгрессах Немецкого общества психологии (тем более, что уже в начале 1930-х гг. в связи с приходом к власти А. Гитлера состав председателей Общества был сильно реформирован, о чем более подробно будет сказано в следующем разделе). Таким образом, Международные Психологические Конгрессы были фактически единственной площадкой для международного взаимодействия ученых, имеющих отношение к гештальт-школе.

Так, наиболее обширные личные контакты между советскими и западными психологами, вероятно, имели место на 9-м Международном конгрессе по психологии в Нью-Хейвене, проводившемся в 1929 г. Современные исследователи так оценивают это событие: «И все же именно IX психологический конгресс, проходивший с 1 по 7 сентября 1929 г. в Йельском университете в Нью-Хейвене, ознаменовал собой решительный поворот в международных отношениях между советскими и западными психологами: советские ученые, вне всякого сомнения с согласия руководства партии и советского правительства, делегировали на конференцию в Америку самую представительную делегацию за все время существования СССР» (Ясницкий,

2010, с. 103). Э. Шреер пишет, что в советской «делегации» было около двадцати человек, включая Выготского и Лурию (Scheerer, 1980); по свидетельствам А. Ясницкого, их было десять (автор пишет, что в конгрессе приняли участие 826 человек, из которых 104 было иностранными участниками. Советская группа, состоявшая из 10 человек, соответственно, была третьей по размеру (Ясницкий, 2010)). Поскольку на конгрессе присутствовало большинство ведущих гештальт-психологов (Д. Кац, К. Коффка, В. Келер, К. Левин и М. Вертгеймер), можно предположить, что некоторые из описанных выше совместных проектов (исследования, личные визиты), были запланированы на этом конгрессе.

Свидетельств участия советских психологов в 10-м Международном конгрессе по психологии (Копенгаген, 1932 г.) в литературе представлено уже меньше: материалы конгресса не содержат списка участников, а в сам сборник докладов из советских авторов вошел только доклад И.П. Павлова. Присутствие советских психологов в 11-м Международном конгрессе по психологии (Париж, 1937), по-видимому, было несколько более масштабным; в нем приняли участие девять человек из Советского Союза, которые были либо членами конгресса, либо выступали на нем с докладами. Однако только двое из них (Д. Узнадзе, С.В. Кравков) были психологами в строгом смысле этого слова. Присутствие некоторых гештальт-психологов (Коффка, Рубин, Дэвид и Роза Кац), вероятно, не очень много значило для них, потому что в то время гештальт-психология уже потеряла большую часть своей привлекательности для советских психологов.

Таким образом, к концу 1930-х гг. в связи с рядом политических обстоятельств контакты между советскими и немецкими психологами существенно сократились; это объяснялось и внутринаучными причинами – гештальт-психология (с представителями которой у советских ученых контакты были как раз самыми тесными) переживала стадию кризиса в связи с неопределенностью положения ее основных представителей, многие из которых были вынуждены мигрировать из Германии. Эти обстоятельства, а

также последующая Вторая мировая война отразилась на репрезентации зарубежной психологии в российском академическом дискурсе.

Особый интерес представляет русскоязычный дискурс во время Второй Мировой войны и в послевоенный период.

Сложность исследования такого этапа в истории немецкой психологической мысли, как особенности ее развития в период Третьего рейха и после его падения продиктована не столько трудностями, связанными с доступом к историческим источникам (эта проблема весьма тривиальна для историков, и тем более усугубляется, чем более далекое прошлое находится в фокусе внимания исследователя), сколько тем весьма эмоционально насыщенным информационным ореолом, который по понятным причинам до сих пор окружает все, что так или иначе связано с именем А. Гитлера. В силу этого информационного фона опасность экстраполировать ужасы преступлений правительства того времени на разработки ученых, многие из которых, тем более, активно поддерживали существующий режим и приветствовали инициативы власти, весьма велика.

«Выродки и мракобесы – эти слова очень хорошо характеризуют круги немецких психологов» (Шемякин, 1941, с. 31), – так в 1941 году напишет о своих зарубежных коллегах советский психолог Ф.Н. Шемякин. Принимая во внимание контекст, связанный с разгаром военных действий, в которых на момент 1941 года принимали участие уже все основные стороны конфликта, в том числе – и Советский Союз, и связанную с этим вполне закономерную личностную вовлеченность каждого отдельного ученого и гражданина, становится неудивительным, что на страницах ведущего научного журнала по педагогике и психологии печатается статья, начинающаяся со сравнения немецких психологов с сумасшедшими, больными прогрессивным параличом и заканчивающаяся словами о том, что они «...старательно обслуживают своего фюрера, пытаясь сделать головы немецкого народа маленькими» и что «...история сметет их лженауку так же, как сметет варваров, стоящих во главе современной Германии» (Там же, с.33).

«Вряд ли нужно доказывать, что от немецкой научной психологии, которая дала миру ряд крупнейших ученых и справедливо могла гордиться многими выдающимися открытиями, в фашистской Германии не осталось и следа» (Там же, с.26), – такое (еще не самое резкое) заявление публикует советский психолог, выстраивая свою статью вокруг разгромной критики работ Э. Енша, Ф. Ленца, О. Кро, О. Тумлирца и других психологов, которые в той или иной степени симпатизировали расовой теории в личных убеждениях, что почти у всех из них отражалось и на научной деятельности. Помимо подробного разбора несостоятельности и без того слабых доказательств превосходства нордической расы Э. Енша Шемякин упоминает и такие абсурдные работы как статья Арнольда «Психофизические структуры у кур различных рас» и их общую с Еншем работу «Курятник как средство исследования и обоснования в вопросе о человеческих расах».

Об одном из немецких психологов, прославившихся своей лояльностью национал-социалистической власти, в 1941 г. Б.М. Теплов писал следующее: «С приходом к власти Гитлера и его клики почти все действительно крупные немецкие психологи были вынуждены покинуть пределы Германии (Штерн, Катц, Вертхеймер, Левин, Коффка и многие другие). Из числа оставшихся некоторые были настолько стары, что никакого участия ни в научной, ни в общественной жизни уже не принимали (например, упомянутый выше Г.Э. Мюллер); другие старались держаться в стороне от всех острых вопросов и в своих исследованиях не выходить за пределы частных и «нейтральных» проблем; третьи, наконец, сочли возможным заявить о своем идейном сочувствии национал-социализму и в меру своих сил и возможностей стали подлаживаться к желаниям хозяев «Третьей империи», продолжая, однако, свою работу в прежнем направлении. Один лишь Енш прямо в лоб взялся за исполнение задачи – изобрести такую систему психологии, которая единственной своей целью имела бы психологическое «объяснение» и оправдание диких замыслов новых господ Германии» (Теплов, 1941, с. 66; архивный документ с отрывком статьи Б. М. Теплова «Бунт звериного

инстинкта против человеческого разума (фашистская психология Енша)» представлен в Приложении В).

Стоит ли говорить, что в условиях военного времени ученые разных стран, ведущих жесточайшую и открытую борьбу друг с другом, вряд ли могли, во-первых, сохранять беспристрастность в оценках работы своих коллег, а во-вторых, вообще владеть более или менее полной картиной происходящего; это вполне закономерно. Однако и в послевоенные годы публикации, посвященные переосмыслению этого периода в зарубежных странах, появились не сразу: это отчасти было связано как с «борьбой с космополитизмом», провозглашенной сразу после окончания войны, так и с определенной научной политикой, следствием которой была фактически интеллектуальная изоляция, так и с внутринаучными факторами, среди которых – определенная логика развития научного сообщества.

Для того чтобы проследить изменения в репрезентации мировой психологии послевоенного периода и до наших дней нами были проанализированы основные русскоязычные учебные пособия и монографии, послевоенного времени, которые представлены в Таблице 9, помещенной в приложение А. Учебные пособия являются важным историографическим материалом для анализа, поскольку они отражают в некоторой степени общепринятую точку зрения на сложившиеся ко времени написания научные направления и особенности их исторического развития. Так, по описанной в главе 2 процедуре, мы выделили список русскоязычных монографий и учебников (некоторые необходимо было отсортировать вручную). Хотя из таблицы 10 видно, что первые публикации, содержащие некоторые обобщения о периоде 1930-1940 гг., стали появляться почти сразу после окончания войны, список монографий и учебных пособий (таблица 9) позволяет сделать вывод, что обсуждаемый период в них стал описываться намного позднее. Так, в первые послевоенные десятилетия, безусловно, появилось несколько фундаментальных работ по истории психологии, однако по понятным причинам в них еще не был полностью обобщен период Второй мировой

войны. Впервые ситуация меняется в 1960-х гг.: как отмечает современный историк и историограф истории советской психологии С.А. Богданчиков, в это время происходит смена поколений исследователей (Богданчиков, 2018), которая знаменуется первыми крупными работами А.В. Петровского (Петровский, 1960): «... А. В. Петровский явился представителем нового поколения историков советской психологии. Это обстоятельство не менее важно, чем менявшиеся в стране буквально каждое десятилетие идеологические установки и фактическая принадлежность того или иного историка психологии к определенной научной школе». (Богданчиков, 2018, С. 422).

Также всплеск интереса к довоенному и военному периоду можно объяснить общим количественным ростом работ, посвященных истории советской психологии, о которых также пишет С.А. Богданчиков (при этом рост произошел не только в отношении отдельных статей, как в предшествующее десятилетие, но и коллективных монографий и сборников статей). Так, например, в монографии «Современная психология в капиталистических странах» под редакцией Е.В. Шороховой (Современная психология... , 1963) появляется отдельная глава «Военная психология», состоящая из пунктов 1. «Военная психология после двух мировых войн» и «Применение психологических методов в вооруженных силах), где содержатся сведения не только о советской, но и зарубежной психологии военного периода. В 1966 г. выходит монография М.Г. Ярошевского «История психологии», которая позже неоднократно издавалась (Ярошевский, 1966): в ней уже присутствует глава «Пути развития отечественной психологии в 20-50-е годы XX столетия». И, хотя в повествовании автор отталкивается от логики развития научных течений или идей отдельных ученых, не уделяя особого внимания отдельным периодам (так, Вторая мировая война упоминается в связи с фактами биографии отдельных ученых или постольку, поскольку описываемые разработки были связаны с нуждами войны: «В период Великой Отечественной войны Рубинштейн проявил высокое

гражданское мужество: в тяжелейших условиях ленинградской блокады он возглавил работу коллектива Педагогического института и его последующую эвакуацию» (Там же, с. 287)), обобщение этого материала было важным шагом в российской историографии по истории военного периода.

Анализ монографий и учебных пособий позволяет сказать, что впервые внимание периоду 1930-1940-х гг. уделяется только в монографии А.В. Петровского «История советской психологии» 1967 года. В ней присутствует отдельная глава «Советская психология в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны. Пути и задачи ее дальнейшего развития», где не только обобщены основные исследования указанного периода, но и, что важно, прослеживается единая линия развития психологических направлений с предпосылками, которые были заложены в 1930-е гг. Однако период 1930-1940 гг. в российской историографии до 1990 гг. по-прежнему представлен недостаточно полно: ситуация меняется лишь к 1980 гг., с фактическим началом распада социалистического общества. Так, в «Хрестоматии по истории психологии» под редакцией П.Я. Гальперина и А.Н. Ждан (Хрестоматия..., 1980) большой акцент сделан уже на зарубежные направления психологической науки; интересующий нас период отмечен главой об открытом кризисе науки до середины 30 гг. Важный перелом в историографии, в том числе, посвященной истории зарубежной психологии, произошел в 1990-х гг., что во многом было связано с падением «железного занавеса». С 1990-х гг. произошел рост учебных пособий и монографий, в том числе – переведенных на русский язык с других языков (это можно проследить в таблице 9).

В отношении содержащих сведения об интересующем нас периоде публикаций послевоенных лет, в отличие от более масштабных работ, которые мы обсуждали выше, можно сделать несколько иные выводы: они стали появляться практически сразу же после окончания войны. При этом, однако, можно сказать, что так же, как и в случае с монографиями и учебными пособиями, более комплексные исследования данного периода стали

публиковаться только в 1960-1970-х гг. (напр., Смирнов, 1975): публикации первых послевоенных десятилетий были достаточно фрагментарны и посвящены либо судьбам и деятельности отдельных ученых в 1930-1940-е гг. (в частности, непосредственно в годы войны), либо работе научных институтов (Прангишвили, 1955; Рыбников, 1954).

Анализ публикационной активности послевоенного периода также позволил сделать несколько выводов:

1. Большая часть работ о развитии отдельных направлений в психологической науке в указанный период посвящены судьбе педологии и психотехники;
2. Развитие психологии 1930-1940-х гг. часто рассматривается в контексте более широкого исторического периода (например, первая половина 20 в., «первая треть» 20 в. и т.д.);
3. В исследованиях, посвященных развитию советской психологии в период Второй мировой войны, чаще используется термин «Великая Отечественная война»
4. Активный рост сравнительных исследований или исследований, посвященных развитию психологии этого периода в других странах, происходит после 1990-х гг.

Несмотря на рост публикаций по разным направлениям истории психологии, который отмечается в последние десятилетия, в том числе – посвященных мировой психологии, в российской историографии сегодня часто транслируются определенные стереотипы (Mironenko, Rafikova, 2022). В качестве примера можно привести слова современного исследователя, который в отношении проблемы становления европейской психологии в период Второй мировой войны пишет следующее: «...в европейских университетах с многовековой историей закрывались кафедры психологии, лаборатории. Психологическая наука претерпевала существенные гонения. Психологические школы, особенно психоанализ и гештальтпсихология, активно развивавшиеся в дофашистской Германии, понесли потери в первую

очередь» (Кузьминов, 2020. С. 59), и далее: «...господствовавшая в фашистской Германии идея сверхчеловека оппонировалась многими. Однако некоторые психологи нашли эти идеи интересными для последующего изучения. Что касается Альфреда Адлера, ученика Фрейда, то он попробовал найти объяснения идеям сверхчеловека и даже предлагал свое видение проблематики. Интерес Адлера к некоторым фашистским утверждениям остается предметом дискуссии и сегодня. Увлечение Ганса Айзенка идеями нового человека с высоким интеллектом получило дальнейшее развитие в его исследованиях. Так, им были разработаны и предложены к практике тесты на IQ. Некоторые психологи находят в этом фашистский подтекст. Сам же Айзенк в своих интервью старался деликатно уходить от этой темы» (Там же, С. 60). Примечательно, что такому описанию фактически противопоставляется часть статьи, посвященная судьбе советской психологической науки в этот же период: «История развития педагогики и психологии в СССР была иной. Фашизм ворвался в СССР неожиданно. В стране происходили коренные изменения. Девизом «Все – для фронта, все – для Победы» были пронизаны все сферы общества. Практически каждый хотел быть полезным обществу, победе. Наука, образование, научные исследования в области образования, педагогики и психологии нашли свое предназначение в воспитательном и пропагандистском направлении. Психологические исследования не были приостановлены, теория и практика пополнялась новыми ситуационными данными и наблюдениями применительно к психологии личности» (Там же, с. 60).

Так, в представлении не только не имеющих к науке отношения людей, но и многих профессиональных психологов наука времен Второй мировой войны в Третьем Рейхе до сих пор связывается с ужасами геноцида. Это усугубляется тем фактом, что наследие психологии периода национал-социализма и Второй мировой войны в частности до сих пор недостаточно проанализировано и отрефлектировано даже в современной германоговорящей академической среде, не говоря уже о других историках

психологии, которые не владеют языком и имеют больше проблем с доступом к необходимым документам и литературе.

Эксплуатация образа крайне лояльных национал-социалистической власти ученых, таких как уже упомянутый Э. Енш, как «идеального прототипа немецкого психолога периода национал-социализма» удобна не только в силу того, что такие как он были более других ученых популярны в академических кругах (просто потому что зачастую занимали высокие должности в академической среде и их работы были более широко представлена в научной литературе) и даже не потому, что он представляет собой карикатурный пример слияния идеологии и науки настолько, что последняя была поставлена в полную зависимость от первой и в исполнении Енша окончательно потеряла свой облик. Енш, помимо всего прочего, судя по воспоминаниям и отрывочным сведениям его биографии, является и довольно неоднозначной личностью: опровержение результатов своего исследования от собственного же научного руководителя, недобросовестное следование технологии выполнения экспериментов, не раз публично замеченное многими своими коллегами, личные конфликты со многими исследователями, одержимость расовой теорией – все это составляет идеальный фундамент для создания образа типичного служителя кровавого режима (Geuter, 1984a).

Безусловно, ошибочным было бы акцентировать внимание на крайних, и с высоты сегодняшнего дня кажущихся порой совершенно абсурдными проявлениях слияния идеологии и науки и делать далеко идущие выводы. Это создает трудности для исследовательского поиска, о чем пишет Х. Люк, ставя проблему существующих в истории психологии стереотипов, касающихся, в том числе, и психологии военного и послевоенного периода: так, в современных источниках факт активной профессионализации немецкой психологии, которая выражалась в принятии правительством постановлений, регламентирующих статус лица, владеющего профессией психолога (к слову, это произошло в Германии намного раньше, чем во многих других странах), часто игнорируется (Люк, 2017). Проблема связи идеологии и науки и того

ореола, который возникает вокруг образа науки определенного времени в связи с политическими условиями, в которых она развивалась, является для российской психологии столь же острой: не только в зарубежной историографии, но и в работах отечественных психологов до сих пор встречается мнение о том, что после смены политического режима в 1920-х годах научная психология фактически перестала существовать: «... Примером проявления подобного профессионального самосознания является статья группы авторов [Balashova et al., 2004] о российской психологии в изданном в США значительным тиражом учебном издании «Интернациональная психология» («Handbook of International Psychology»). В этой статье сказано: «После Октябрьской революции и гражданской войны, начиная с 1920-х годов, в силу социально политических ориентаций коммунистической идеологии и диктата государственного управления развитие психологии как науки прервалось. На смену эмпирическим исследованиям и свободной научной дискуссии пришел политико-идеологический подход <...>. В силу этого, а также в результате политической и социальной изоляции Советского Союза во время “холодной войны” развитие российской психологии было задержано, так что ее называют “прерванной наукой”» [Balashova et al., 2004, p. 294]” (цит. по: Мироненко, 2015, с. 7), или была крайне идеологизирована, что для многих исследователей имплицитно воспринимается как основание для того, что к научным разработкам советской психологии можно не относиться серьезно. Так, для российских историков психологии изучение опыта немецкой психологической науки становится тем интереснее, чем больше в ней можно провести параллелей в отношении советской психологии: предлагая концепцию политической истории психологии, А.В. Петровский отмечает, что она применима в отношении наук, становление которых происходило в условиях давления государств тоталитарного и посттоталитарного типа (Петровский, 2007). На наш взгляд, таким образом, сравнительные исследования в области истории психологии и изучение опыта зарубежных коллег необходимо для осмысления истории российской науки в условиях

становления современной интеграции мировой науки (Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018).

4.2. Политическая история психологии 1930–1940-х гг. в зарубежной историографии

Одним из наиболее ярких примеров конкурирующих исторических точек зрения является историография немецкой психологии периода национал-социализма. Вопрос о положении немецкой психологии и, в особенности, о так называемой «профессионализации» этой сферы в период с начала 1930-х гг. до окончания Второй мировой войны является открытым и по сей день: и исследование данной проблемы осложнено не только и не столько отсутствием достаточного количества доступных архивных материалов. Как справедливо отмечают немецкие историки психологии, вопрос о сотрудничестве академической психологии с нацистским режимом во время Второй мировой войны представляет не только исторический интерес, но и несет в себе серьезные политические и моральные последствия (Wieser, Venetka, 2022). В данном разделе нами будут обозначены основные существующие на сегодняшний день точки зрения в отношении данного вопроса в немецкоязычной историографии, а также освещены факторы, которые повлияли на то, почему в исследовании проблемы развития немецкой психологии периода национал-социализма возникло несколько конкурирующих и так сильно отличающихся друг от друга точек зрения.

Проблема взаимного существования психологической науки в Германии и национал-социалистического режима как специфического, не только политического, но и общеисторического феномена стало особо активно освещаться в академической литературе только в последние 50 лет.

Одна из первых, и во многом до сих пор доминирующих точек зрения, существующих в историографии по этой тематике, с 1980-х годов, был выдвинут У. Гойтером (на немецком языке его работа была впервые

опубликована в 1984 году), который утверждал, что немецкая психология прошла через процесс ускоренной «профессионализации» в период национал-социализма (Geuter, 1984a). Основной гипотезой, выдвинутой У. Гойтером, было утверждение, что, несмотря на политические и расовые преследования, обрушившиеся на многих членов психологического сообщества за время правления А. Гитлера, а также масштабную миграцию многих известных психологов того времени, психологическая наука в целом извлекла из вынужденного сосуществования с национал-социалистическим режимом выгоду.

В первую очередь гипотеза У. Гойтера касается периода участия Германии во Второй мировой войне: он показывает, что немецкие психологи принимали активное участие в милитаризации страны, вносили свой вклад в идеологию расового превосходства, а психологи-практики оказывали услуги военным, военной промышленности и другим отраслям национал-социалистического государства. Стоит отметить, что с 1980-х гг. работа У. Гойтера остается фактически единственным наиболее полным историческим источником по истории немецкой психологии при национал-социализме. Его работа носит не только исторический характер, но и включает важную критику в адрес тех представителей дисциплины, которые выносили чрезмерно эмоционально окрашенные и неадекватные оценки, преуменьшая участие психологов в нацистской Германии.

На наш взгляд, рано или поздно такая работа должна была появиться: она сыграла важную роль не столько как фактически первая попытка осмысления всего объема накопленного за годы развития психологической мысли при национал-социалистической власти материала, сколько как переломный момент в сложившейся в послевоенные годы традиции оценки исторического прошлого (которая до работы У. Гойтера сводилась либо к игнорированию научным сообществом истории психологии периода национал-социализма, либо к неадекватным радикальным оценкам, при которых на не репрессированных и не уехавших из Германии психологах,

пытавшихся продолжать свою работу в новых условиях, ставилось клеймо пособников власти).

Так, в 1944 году Ф. Вятт и Х. Л. Тойбер опубликовали исследование по психологии национал-социализма, в котором они дали широкий, но в то же время довольно поверхностный обзор различных направлений развития до 1940 года (Wyatt, Teuber, 1944). В нем они выдвинули гипотезу о том, что расистские теории национал-социализма были приняты в немецкой психологии без изменений и что превосходство нордической расы считалось священной аксиомой (Там же, с. 232). Они также считали, что влияние национал-социалистической идеологии тем сильнее, чем более общая и философская была психологическая теория, выдвигаемая тем или иным автором (Там же, 230).

Разумеется, вряд ли можно считать эту работу точкой опоры для дальнейших рассуждений в силу ряда названных выше недостатков. Но проблема здесь вновь сводится к отсутствию информации: историк психологии У. Гойтер пишет, что сегодня нет возможности обратиться к материалам конференций, конгрессов и других мероприятий не только военного, но даже послевоенного времени: «в дебатах в университетах 1960-х годов о взаимосвязи между различными дисциплинами и национал-социализмом упускается из виду психология ... после войны почти ничего не обсуждалось; эти области прошлого были проигнорированы или вовсе засекречены, даже в таких формах, что в некоторых библиотеках психологических институтов отрывки из отчета о 13-м Конгрессе Немецкого общества Психологии 1933 года были уничтожены» (*Geschichte der deutschen Psychologie...*, 1985, с.173). Говоря о том, что сегодня нам катастрофически не хватает знаний об отношениях между национал-социалистической идеологией и психологией, У. Гойтер пишет, что «в лучшем случае можно найти общее представление о том, что Эриха Йенша следует рассматривать как прототип немецкого психолога, который объединил расовую теорию и психологию», добавляя, что его имя упоминается в публикациях по истории

психологии периода национал-социализма в разы чаще, чем какого-либо другого психолога (Там же).

Это замечание совершенно справедливо, как мы уже писали в разделе о российской историографии, не только для публикаций непосредственно военного времени, когда имя Енша было у всех на слуху как минимум в силу того, что этот исследователь не только отличался поразительной продуктивностью в отношении публикаций результатов своих исследований, но и в разные периоды жизни занимал ряд важных административных позиций (в том числе был председателем Немецкого общества психологии), но и для современности. Два ведущих советских психолога Б.М. Теплов и Ф.Н. Шемакин посвящают ему разгромные и весьма эмоциональные статьи, У. Гойтер пишет о нем целую главу в монографии по истории психологии, на примере его деятельности рассматривая взаимопроникновение идеологии и науки в Германии периода правления Гитлера.

На наш взгляд, причины того, почему Э. Енш стал собирательным образом для типичного немецкого психолога периода национал-социализма отчасти заключаются и в долгом замалчивании темы взаимодействия психологов с национал-социалистической властью в немецком академическом сообществе.

При столь разных подходах к пониманию роли психологической науки при национал-социализме общим для работ современных немецких историков психологии неизменно остается признание факта длительного молчания: сегодня практически каждая работа немецкоговорящего историка начинается с констатации отсутствия рефлексии по данной проблеме на протяжении многих десятилетий (Wieser, Benetka, 2022; Schönplflug, 2017). До нынешнего десятилетия в немецкой психологической литературе этого периода практически не существовало никаких дискуссий. Немецкие психологи, помимо упомянутых нами выше, не проявляли особого интереса к изучению развития психологии в этот период, не говоря уже об индивидуальном

отношении психологов к национал-социалистическому государству и его лидерах.

Причины такого существенного пробела в историческом осмыслении периода национал-социализма кроются в сложной совокупности многих факторов, не все из которых возможно установить наверняка. Однако о самом факте длительного молчания свидетельствует, как минимум, отсутствие отклика на заведомо полемическую статью Франциски Баумгартен, немецко-еврейского клинического психолога, которая эмигрировала в Швейцарию еще до 1933 г. (Baumgarten-Tramer, 1948). (пробел между публикациями, посвященными периоду психологии при национал-социализме, отражен в Таблице 10, Приложении Б). В своей публикации она в весьма резких выражениях обвиняет психологов в том, что они, по крайней мере, пассивно принимают, а во многих случаях открыто поддерживают национал-социалистический режим и подчиняются ему (она утверждала, что знает всего несколько примеров немецких психологов, которые открыто выступили против нацистского режима, среди которых - В. Келер и О. Бобертаг).

Молчание, которым была встречена эта статья (единственным ответом на обвинения Ф. Баумгартен, появившимся в печати, были две краткие заметки, каждая объемом меньше страницы, вторая из которых была написана немецким психологом, эмигрировавшим в Соединенные Штаты (von Allesch, 1950), весьма закономерно может быть интерпретировано как желание, пусть и не осознаваемое, подавить прошлую историю, и, за очень немногими и незначительными исключениями, такое отношение сохранялось почти до конца 20 века. Исключение составляет дискуссия между Ф. Мерцем и А. Веллеком. Вот как характеризует ее немецкий исследователь Й. Волльвель: «... [дискуссия] началось с относительно краткого и беглого обзора реакции психологов на национал-социализм, сделанного Мерцем, который вызвал резко критический ответ Веллека, упрекнувшего Мерца в чрезмерно избирательном перечислении психологов, которые так или иначе выступали против нацистов или пострадали от их рук. Веллек также возражал против

утверждения Мерца о том, что Лейпцигская школа «холистической психологии» [«Ganzheitspsychologie»] оказалась особенно склонной к сговору с национал-социалистическим движением; он возразил утверждениями о том, что ее лидер Феликс Крюгер, хотя изначально и симпатизировал этому движению, ранее подвергался временному запрету читать лекции, а также был вынужден досрочно уйти на пенсию из-за некоторых «положительных» отзывов в своих лекциях о евреях, таких как Бенедикт Спиноза и физик Генрих Герц. Мерц возразил кратким ответом, но аргументация была недостаточной, чтобы вызвать повышенную склонность немецких психологов того времени к самоанализу [имеется в виду рефлексия по поводу прошлого]. Последующая статья Веллека, посвященная отчету о немецких психологах, эмигрировавших из Германии в результате подъема нацизма, также не поспособствовала этому самоанализу, поскольку она была в значительной степени посвящена тому, почему другие страны ... (особенно Соединенные Штаты) «задолжали» этим эмигрантам» (Wohlwill, 1987, С. 180). В 1960-1970-х гг. эта тема в научном сообществе также фактически не поднималась. Здесь следует отметить, в какой ситуации оказались немецкие психологи после войны, которые пытались восстановить свои позиции в академической психологии, по крайней мере, у себя на родине: их потребность конкурировать за возможности академического трудоустройства (которые, очевидно, были весьма невелики во времена послевоенной разрухи), несомненно, способствовала этому молчанию и нежеланию обличать тех из своих коллег, которые различными способами поддерживали или соглашались с национал-социалистическим государством, ведь это в каком-то смысле помогало хоть немного предотвратить кризис немецкой психологической науки, которая и так пострадала из-за отъезда многих ученых из Германии.

Более того, небезосновательным будет предположить, что такая позиция ученых и практиков, по-видимому, облегчила немецким университетам задачу по восстановлению своих факультетов и академических программ без учета участия конкретных лиц в национал-социалистическом движении (хотя все

они, по-видимому, должны были пройти проверку перед союзными судами по денацификации). В этом отношении неудивительно, что такой человек, как О. Кро, возобновил свою академическую карьеру в 1949 г., получив назначение на факультет Свободного университета Берлина (О. Кро также занимал должность в одном из университетов в Восточном Берлине). Более того, «Psychologische Rundschau» посвятил О. Кро памятный целый выпуск в 1967 году: во вступительной статье подчеркивалось уважение и влияние, которых достиг ученый за время своей работы, а также выражалась благодарность за его вклад в психологию восприятия, психологию развития, психологическое консультирование и педагогику, а также за его усилия по восстановлению немецкой психологии в раннюю послевоенную эпоху. При этом ни в одной из шести газет, составлявших этот юбилейный номер, нет упоминания о О. Кро как о соавторе Э. Иенша (который был его соредктором в «Zeitschrift für Psychologie»), его деятельности в качестве редактора «Zeitschrift für Paedagogische Psychologie» и о тех темах в его статьях, которые были связаны с попытками объединить психологию с идеологией национал-социализма. Такое положение дел, вероятно, обусловлено тем, что вклад О. Кро во введение в Германии официальной процедуры дипломирования психологов расположил к нему многих представителей научного сообщества и сформировал его репутацию еще на долгие годы вперед. Однако это не единственный пример того, как немецкие университеты приветствовали бывших сторонников нацистов в своих рядах. В некоторых случаях повторное трудоустройство бывших нацистов или сочувствующих нацистам ученых немецкими университетами могло иметь место в результате законов, принятых парламентом Германии в 1951 году для обеспечения занятости лиц, нарушивших процедуру денацификации, начатую союзниками после войны (Bachof, 1965).

Так, обратиться к этой главе в истории немецкой психологии «с новым взглядом» стало возможным лишь к 1980 гг. – в это время появляется уже упомянутый выше труд У. Гойтера, а также масштабные обзорные работы К.-

Ф. Грауманна и М.Г. Эша (основные работы, знаменующие смену нарративов в отношении психологии обсуждаемого периода, представлены в Таблице 11). Этот поворот в историографии совпадает с 50-летием прихода А. Гитлера к власти: как очень метко замечает В. Шенпflug, история самоанализа немецкого психологического сообщества аналогична истории их соотечественников в целом (Schönpflug, 2017). Он имеет в виду, что социальные (и вполне материальные) физические потрясения, вызванные крахом Третьего рейха, по-видимому, мало способствовали самоанализу или подведению итогов в национальном масштабе. Для того чтобы произошло хоть сколько-нибудь масштабное осмысление прошлого, нужно было дожидаться прихода нового поколения, которое не чувствовало бы себя обремененным наследием прошлого и у которого было меньше причин «замалчивать» его. Основные положения результатов исследований историков 1980-х гг. мы описали в начале раздела – впервые было пересмотрено отношений между учеными и властью, сформулированы основные направления исследований, выдвинута гипотеза о профессионализации и институционализации психологии в период-национал-социализма.

Таблица 11 - Ключевые точки зрения в немецкоязычной историографии о психологии периода национал-социализма

Основная гипотеза	Период создания работ	Основные представители	Содержание	Аргументы
Немецкие психологи испытывали сильное влияние идеологии национал-социализма и в той или иной степени использовали идеи превосходства нордической	1940-1950-е гг.	Ф. Вятт и Х.Л. Тойбер	Деятельность немецких психологов в первые годы после падения Третьего Рейха рассматривалась через призму их тесной связи с властью; В целом первые послевоенные работы носили преимущественно обзорный характер и	Идеологизированность и политическая ангажированность исследователей в большей степени проявлялась в теоретических и философских работах; в работах практикоориентированных исследователей эта связь видна меньше

Продолжение таблицы 11.

Основная гипотеза	Период создания работ	Основные представители	Содержание	Аргументы
расы в своих работах			представляли собой попытку систематизировать исследования, накопленные в военный период;	
Гипотеза «форсированной профессионализации»	1980-е гг.	У. Гойтер, Ф. Грауманн, М.Г. Эш	Несмотря на политические и расовые преследования, а также масштабную миграцию многих известных психологов, психологическая наука активно развивалась при национал-социалистическом режиме и прошла процесс профессионализации	Внедрение в 1941 г. «Diplomprüfungsordnung» (первого в Германии положения об экзаменах, необходимых для получения диплома психолога); Активное участие немецких психологов в милитаризации страны; Вклад психологов-теоретиков в развитие идеологии расового превосходства; Участие психологов-практиков в сфере военной промышленности, деятельности структур Вермахта и других отраслях национал-социалистического государства
Пересмотр гипотезы профессионализации немецкой психологии	1990-настоящее время	В. Шенпflug	Немецкая психология в период национал-социализма понесла колоссальные потери, несмотря на временную заинтересованность власти в ее возможностях в период Второй мировой войны	Внедрение «Diplomprüfungsordnung» в большей степени было инициировано самими психологами под эгидой Немецкой психологической ассоциации, чем властью и не было обусловлено какими-либо общественными запросами, кроме запросов самого

Продолжение таблицы 11.

Основная гипотеза	Период создания работ	Основные представители	Содержание	Аргументы
				<p>профессионального сообщества; DPO было недостаточно полно и эффективно внедрено в практику из-за быстро ухудшившегося военного положения; Произошли значительные потери в отношении кадров в профессиональном сообществе (начиная от миграции ведущих ученых, заканчивая преследованием и физическим уничтожением многих из них); Произошло снижение качества преподавания и уровня научных исследований</p>
<p>Критика подхода к изучению феномена «профессионализации» психологии как к изучению исключительно институциональных, «легитимизированных» практик</p>	<p>2010-е - наст.вр .</p>	<p>М. Визер, Г. Бенетка</p>	<p>Гипотезы о профессионализации и институционализации немецкой психологии традиционно доказываются или опровергаются на материале уже институционализированных практик и не отражают реальное</p>	<p>Профессионализации нельзя судить только по участию локальном уровне, можно было бы получить больше информации о связи между академической психологией и</p>

Продолжение таблицы 11.

Основная гипотеза	Период создания работ	Основные представители	Содержание	Аргументы
			<p>положение дел о деятельности других секторов профессионального сообщества (например, участие психологов в гражданском секторе, а не только в военном; деятельность психологов-практиков (в том числе - недипломированных), а не только представителей академического сообщества)</p>	<p>другими институтами, сыгравшими важную роль в трансформации психологии во время войны, внеинституциональные практики, «периферийная» наука также сыграли важную роль в жизни сообщества психологов и его трансформации в период национал-социалистического режима; Практикующие психологи традиционно публикуются меньше, чем психологи-исследователи, что приводит к искажению репрезентации психологического сообщества и выводов об их деятельности в период национал-социализма, поэтому невозможно говорить о процессах, происходящих в психологии как науке и практике, основываясь только на наиболее доступных данных; Деятельность психологов-практиков также меньше, чем академических психологов представлена в федеральных архивах, библиотечных фондах, следовательно, при изучении развития всей отрасли необходимо в том числе использовать локальные и региональные архивы</p>

Альтернатива этой доминирующей до недавнего времени точке зрения о профессионализации появилась сравнительно недавно: в двух своих публикациях В. Шенпflug (Schönpflug, 2017, 2020) бросил вызов этому повествованию, подчеркнув потери и трудности, с которыми столкнулась дисциплина из-за подъема национал-социализма и начала войны. Основное положение критики В. Шенпфлуга заключается в том, что внедрение Постановления о выдаче дипломов 1941 года - фактически основной аргумент У. Гойтера в пользу профессионализации психологии - хоть и соответствовало политике нацистов, но в большей степени было инициировано самой группой психологов под эгидой Немецкой психологической ассоциации, чем национал-социалистической немецкой рабочей партией, правительством, военными и т.д. и не было обусловлено какими-либо общественными запросами, кроме запросов самого профессионального сообщества психологов (это должно было если не опровергнуть, то поставить под сомнение вопрос о том, насколько психология «выиграла» от сотрудничества с национал-социалистическим режимом). Более того, концепция ориентированных на практику, одобренных государством исследований (которую У. Гойтер называет основной специфической чертой немецкой психологии периода национал-социализма) была частью традиционной немецкой двойной системы академической и профессиональной квалификации и, таким образом, фактически существовала еще до 1933 года. Более того, новая учебная программа для психологов была в значительной степени не реализована из-за военного положения (которое очень быстро стало для Германии тяжелым). При этом В. Шенпflug признает, что Постановление, безусловно, было поворотным моментом в слиянии академической и профессиональной психологии в Германии, и выступило важным шагом в оформлении психологии как самостоятельной профессии, по крайней мере, в качестве нормативно-правовой базы.

Современное состояние проблемы интерпретации этого периода находится в положении открытой дискуссии: поставить точку в вопросе не представляется возможным даже не столько из-за отсутствия необходимых

документальных свидетельств, сколько из-за отсутствия перспектив восполнения этих пробелов вообще (например, сложности возникают на этапе исследования внеинституциональных практик и специалистов, задействованных в них; реальное участие психологов в гражданском секторе, а не только в военном, до сих пор является труднодоступным объектом исследования). Проблема усугубляется тем, что большинство практикующих психологов публиковались очень мало; также совершенно закономерно, что в библиотечных фондах, журналах и федеральных архивах они упоминаются гораздо реже, чем их коллеги из научно-академической сферы. То же справедливо для больших централизованных архивов армии, промышленности или НСДАП.

В одной из последних публикаций по теме состояния психологического сообщества в период национал-социализма немецкие исследователи представляют анализ кейсов, иллюстрирующих профессиональный путь трех специалистов, задействованных в разных сферах психологической практики того времени, для чего они используют региональные и личные архивы (Wieser, Benetka, 2022). В заключение работы авторы высказывают предположение, что, сосредоточившись именно на локальном уровне, можно было бы получить больше информации о связях, которые были построены между академической психологией и другими институтами, сыгравшими важную роль в трансформации психологии во время войны. Представленные кейсы, по мнению авторов, подтверждают состоятельность «микроисторического», или «регионализованного» подхода в такой сложной для исторического исследования теме как развитие психологии периода-национал-социализма.

4.3.«Американизация» историографии мировой психологии в послевоенный период

Период 1930-1940-х гг. в психологической науке расценивается историками психологии как один из наиболее важных в отношении изменения

интеллектуального ландшафта науки: такова его оценка и в американской, и в немецкой, и в российской историографии. Национал-социалистический переворот в Германии, который пришелся на этот период, стал поводом для пересмотра итогов развития психологической мысли не только ретроспективно: приход «новой эпохи» ощущался как значимая веха в развитии научного психологического сообщества и ее современниками.

Осмысление периода 1930-1940-х гг. для немецких психологов, как мы уже писали, произошло лишь спустя несколько десятилетий (о замалчивании национал-социалистического периода в развитии немецкой психологии мы писали в предыдущем разделе). При этом, по-видимому, смещение сил в психологической науке (причинами которого была, безусловно, не только миграция немецких психологов, но и беспрецедентный успех американской психологической науки во время Второй мировой войны) отразилось и на историографической традиции: впервые этот тезис выразил немецкий историк психологии Г. Бенетка, который отметил, что американизация немецкой психологии после Второй мировой войны включает в себя и американизацию историографии немецкой психологии (Benetka, 2002).

История немецкой психологии действительно является показательным примером того, как мейнстримная траектория историографии меняется вслед за реальными изменениями в научном сообществе: после Второй мировой войны, немецкая психология, которая имела богатую и давнюю традицию, и которая претендовала на статус «родины» академической психологии, переместилась из центра интеллектуальной арены на периферию, что представляло собой уникальную историческую и культурную ситуацию. В первую очередь это отразилось на исторических источниках: история немецкой психологии после 1945 г. будто вовсе перестала существовать или, как минимум, перестала быть важным предметом интереса историков.

Как пишет германо-американский психолог Т. Тео – исследователь, который имел возможность получить образование как в Германии, так и в Америке, североамериканские психологи или историки психологии, по-

видимому, мало что знают о немецкой психологии после Второй мировой войны, поскольку предполагается, что с того периода в Германии не существовало ни одной стоящей области психологии, или считается, что интерес представляют только те психологии, которые работают в русле господствующей американской психологии (Тео, 2013). Как один из основоположников такого направления как «критическая психология», Т. Тео также высказывает предположение, что эта разрабатываемая им область может быть реконструирована как уникальная «локальная», специфически «немецкая» психология; более того, он считает, что эта область психологии появилась как некоторый ответ коренных немцев на «американизацию» немецкой психологии после Второй мировой войны на фоне отличительных исторических, социальных и культурных событий.

Т. Тео сделал два наблюдения, имеющих отношение к своим академическим интересам: во-первых, то, как преподавалась история психологии, включая историю немецкой психологии, в Северной Америке, отличалось от того, как эту дисциплину преподавали в Австрии и Германии. В частности, психолог отметил, что в «американской версии» доля представленности истории и достижений немецкой психологии после 1945 года была существенно ниже, чем до этого периода. Во-вторых, на примере области психологии, которую, в частности, развивает сам Т. Тео – критической психологии – он отмечает, что форма и содержание критической психологии, возникшей после Второй мировой войны в Германии, отличались от того, с чем автор столкнулся в Соединенных Штатах или Канаде. Например, теоретической составляющей этой области уделялось гораздо больше внимания в академической немецкой критической психологии, чем в Америке, тогда как в Америке акцент делался на ее практическом применении.

В отношении второго из названных Т. Тео замечаний можно сказать, что историческая реконструкция того или иного феномена, вероятно, действительно имеет больший успех для теоретизации в рамках ее «коренной» традиции – это же касается и специфично «советской» психологии (хотя она,

безусловно, тоже не является чем-то однородным и ее составляют несколько разных направлений), которая не ограничивается исключительно географическим признаком и предполагает особую культурно-историческую и научную традицию. Однако если говорить о традиции репрезентации истории психологии в целом, было бы неверно утверждать, что какие-то историки психологии (немецкие, американские или советские) все поняли «правильно» или предоставили более точные сведения об истории психологии как дисциплины или профессии.

Более того: было бы неверно утверждать, что описание социальных по своей природе объектов, включая реконструкции истории гуманитарных наук, могут вообще претендовать на объективность. «Истории» психологии написаны с учетом конкретных перспектив, которые по разным причинам отдают предпочтение определенным агентам (имеются в виду как отдельные ученые, так и группы, институции, в конце концов, географические границы) и игнорируют других (Internationalizing the History of Psychology... , 2006). Хотя в современной историографии можно встретить примеры очень глубоких, качественно написанных трудов по истории психологии, принадлежащих перу авторов из самых разных стран, в них представлены различные версии, ракурсы и траектории развития событий. Тем не менее, накопленный историографический материал позволяет отметить некоторые тенденции, которые сложились в способах историописания в разных странах, особенно - после Второй мировой войны.

В частности, проблему различий в немецкой или североамериканской историографии психологии можно проиллюстрировать на примере роли фигуры В. Вундта. Как утверждал К. Данцигер (Danziger, 1979; 1983), В. Вундт стал отцом-основателем психологии с точки зрения североамериканской историографии; действительно, авторы большинства монографий, учебных пособий по истории психологии, как правило, связывают становление психологии именно с фигурой этого ученого. Стоит отметить, что для советской традиции истории психологии это тоже скорее верно:

формирование психологии в ведущих учебных пособиях и монографиях связывается с открытием В. Вундтом лаборатории в Лейпциге (в качестве исключения можно привести работы, авторы которых изначально задаются целью проследить историческую эволюцию психологической мысли с более ранних времен, например – со времен Античности (Ждан, 2004)).

Роль фигуры В.Вундта в немецкой и американской историографии заслуживает быть рассмотренной отдельно. Для немецкой историографии психологии фигура В.Вундта, по-видимому, вовсе не является центральной. Мы, конечно, не утверждаем, что с точки зрения немецких историков роль этого ученого в психологии науке преувеличена и переоценена, однако стоит сказать, что Вундт все-таки был лишь одним из многих деятелей, которые оказали влияние на создание психологии как академической области. Так, опираясь на свой собственный образовательный опыт, уже упомянутый выше Т. Тео указывает, что основное внимание в курсе по истории психологии уделялось И.Ф. Гербарту (1776-1841) как основателю именно «научной» психологии с его математическим подходом к психическим явлениям. А современный историк психологии Х. Гундлах (Gundlach, 2004) вообще назвал датой рождения психологии как самостоятельной дисциплины 21 августа 1824 года, когда Пруссия ввела психологию в качестве обязательного педагогического курса в своих университетах (аргумент, которым полностью пренебрегают в Северной Америке).

Более того, в рамках традиции психологии как «*geisteswissenschaftliche*», которой почти с самого своего основания пренебрегала американская психология, и с которой пыталась восстановить связь послевоенная немецкая психология с 1960-х годов, фигура В. Дильтея (1833-1911) считается почти такой же важной, как фигура В.Вундта. Проведя историографический анализ, Т. Тео пишет: «Австрийский историк психологии Г. Бенетка (Benetka, 2002) в своей «Истории психологии в 19 веке» посвятил программе Дильтея около 10% книги (на 7% меньше, чем Вундту). В немецкоязычных странах, несмотря на их двойственные оценки этой важной фигуры, Зигмунд Фрейд (1856-1939)

по-прежнему считается первопроходцем в области психологии». В книге О. Клемма (1884-1939) «История психологии» (1911) Вундт был лишь одной из фигур в гораздо более обширной сети различных подходов. Он описывал экспериментальную психологию лишь одну как отрасль среди многих других психологических подходов и начал свое обсуждение с Эрнста Генриха Вебера (1795-1878), Густава Теодора Фехнера (1801-1887), Йоханнеса Мюллера (1801-1858) и Германа Гельмгольца (1821-1894), прежде чем перешел к фигуре Вундта, а затем перешел к Карлу фон Виерордту (1818-1884), Нарзису Аху (1871-1946), Карлу Марбе (1869-1953) и другим. Вундт считается важной, но не самой значимой фигурой в этой традиции. То, что он стал такой центральной фигурой в американской историографии, можно объяснить ролью личной передачи знаний, когда американские психологи, которые учились и работали в его лаборатории, привезли его идеи и практику, несколько искаженные, обратно в США (не говоря уже о влиянии Боринга (1929))» (Там же, с. 4).

Другой фактор, благодаря которому В. Вундту уделяется больше внимания, чем остальным психологам, стоящим у истоков научной и академической психологии, связывается со спецификой американской историографии на ее начальном этапе: так, долгое время в психологической истории доминировал индивидуалистический подход в историописании, то есть изложение событий, привязанное к отдельным фигурам. В немецкой традиции истории психологии идеи, концепции или проблемы в психологии были также важны, как «первопроходцы»: так, О. Клемм посвятил большие разделы своей книги развитию психологических категорий и психологических теорий (Klemm, 1911). Л. Понграц (1948 – наст.вр.) представил историю проблем в психологии и соответствующим образом организовал свой материал, в частности, бросив вызов подходу Э. Боринга (1986-1968) к историческим проблемам (Pongratz, 1967). Что еще более важно, Л. Понграц рассматривал историю проблем в психологии как часть фундаментальных исследований в психологии, вне ее связи с областью исторической психологии.

Так или иначе, тот факт, что школе В. Вундта и другим крупным немецким ученым в американской традиции истории психологии уделяется достаточно большое внимание (по крайней мере, до середины 20 века) опровергает гипотезу о стремлении американских историков «стереть» вклад психологов других стран в психологическую науку или просто подчеркнуть превосходство американских исследователей (основные значимые события в немецкой психологии послевоенных десятилетий представлены в таблице 12).

Таблица 12 - Этапы в развитии послевоенной немецкой психологии

Период	Характеристика	Основные события
Послевоенное время (1946-1950 г.)	Сохранение преемственности с довоенной и военной традициями психологии немецкой	Сохранение позиций в университетах теми же людьми, что и в военное время (О. Кро и др.); Развитие направлений исследований, которые были популярны и в военное время (гештальт-психология, холистическая психология, характерология и др.)
1950-1960 гг.	Наращение противоречий между подходом целостного изучения личности в немецкой традиции и американским «количественным» подходом	Рост популярности программ стажировок для немецких студентов в США; Смена характера трансляции знаний; Переиздание учебников ведущих американских авторов на немецком языке Серия работ Хофштеттера (популяризация количественного подхода); его дебаты с А. Веллеком
1960-1965 гг.	Пик «американизации» немецкой психологии, обновление мейнстримных тенденций	Смена поколений, в том числе – среди преподавателей университетов; Рост публикации англоязычных работ, выполненных немецкими учеными

На наш взгляд, это, безусловно, в некоторой степени оправдано: однако обоснование такого положения дел с помощью пространного «смещения центра психологической мысли из Европы в Америку» представляется недостаточным. Так, представляет интерес более подробное изучение причин такого положения послевоенной немецкой психологии, куда входит смена направленности характера передачи личных знаний, американизация немецкой мейнстрим-психологии и ее критика, а также личные карьерные траектории.

Кратко обратимся к истории послевоенной немецкой психологии. До событий 1960-х и 1970-х гг., когда западногерманская психология прошла траекторию американизации, в первые послевоенные годы, судя по всему, американская психология не оказывала большого влияния на психологические дискуссии, и западногерманские психологи, в сущности, продолжали заниматься тем, чем занимались как в довоенное время, так и во время войны. Так, по свидетельствам П. Маттеса, гештальт-психологи (Вольфганг Мецгер, Йоханнес фон Аллеш и Эдвин Рауш) сосредоточились на экспериментальных исследованиях восприятия; психологи, придерживающиеся подхода «холистической» психологии (Ganzheitspsychologie) (Фридрих Сандер, Альберт Веллек) продолжали свои исследования в области гуманитарных наук, основываясь на идеях Эдуарда Шпрангера (1882-1963), Вильгельма Дильтея (1833-1911) и Эдмунда Гуссерля (1859-1938); характерологи (Альберт Веллек, Эрнст Кречмер, Эрих Янш, Герхард Пфалер и Эдуард Шпрангер) изучали личность с холистической точки зрения, где интерпретация и герменевтические методы рассматривались как действенные инструменты исследования (Mattes, 1985; Ash, 1995). Ранее мы уже писали о непрерывности линии немецкой психологии, только в отношении административных позиций: М.Г. Эш назвал это «поразительной преемственностью от нацистского периода» (Ash, 2006, с. 148), когда «почти все те, кто занимал профессорские должности в 1943 году, также сделали это в 1953 году» (Там же, с. 148). Позже немецкие историки пришли к выводу, что эта административная, бюрократическая непрерывность сочеталась и с непрерывностью в традиции содержания психологических исследований в конце 1950-х годов (Lück, Grünwald, Geuter, Miller, Rehtien, 1987, с. 146).

П. Маттес объясняет это тем, что психология выполняла консервативные функции в немецком обществе: «... только дифференциация социальных потребностей после 1950 года привела к дифференциации психологических подходов. Однако уже в 1953 году на конгрессе Немецкого психологического общества впервые обнаружили явные противоречия

между немецким подходом к целостному изучению личности и американским, «количественным» подходом (Mattes, 1985, с. 219). Хотя в 1955 году Альберт Веллек (1904-1972) уверенно утверждал, что не стоит ожидать дальнейшего усиления методологического влияния американской психологии, потому что «герменевтическая психология, которая воспринимается как историческая миссия в континентальной Европе, исключила бы этот односторонний подход» (Там же, с. 219-220), тем не менее, методологический спор в середине 1950-х годов ознаменовал начало конца традиционной немецкой психологии. Показательными в этом отношении можно считать дебаты между Альбертом Веллеком и Петером Хофштеттером (1913-1994): в то время как Веллек отдавал предпочтение холистическому, феноменологическому подходу к изучению личности, Хофштеттер отдавал предпочтение статистическим, факторно-аналитическим моделям (Métraux, 1985, с. 237). В 1950-х годах Хофштеттер опубликовал серию работ, в которых представил количественный, «американизированный» подход к психологии. Эта американизация в том числе произошла и на фоне передачи личных знаний: австриец П. Хофштеттер имел возможность читать лекции с 1949 по 1956 год в некоторых университетах США, где и познакомился с количественными моделями исследования личности. Когда в 1959 году он стал заведующим кафедрой в Гамбургском университете, он продолжил эту линию и стал своего рода «амбассадором» американской традиции в Германии.

Немецкие историки утверждали, что «американизация» немецкой психологии достигла своего пика между 1960 и 1965 годами, что совпало со сменой поколений и окончательным «обновлением» уже устаревших немецких традиций (Там же, с. 227): в этот период новое поколение исследователей и преподавателей получило возможность учиться и проводить исследования в Соединенных Штатах при финансовой поддержке американских академических или культурных организаций. Разумеется, многие из этих исследователей, получив образование за границей, привозили американские теории, концепции и методы обратно в Западную Германию.

Таким образом, в этот период произошел важный поворот в научных германо-американских отношениях: когда-то сложившаяся традиция преемственности научного психологического знания, его передачи от европейского центра к американскому, восходящая к лаборатории В. Вундта, куда съезжались самые крупные американские психологи, поменяла направление. Теперь США стали интеллектуальной «меккой» психологической науки, и немецкие студенты стремились получить опыт обучения именно в университетах США.

Этот переворот, хотя и в отрыве от немецкой психологии, развивает Берлайн в своей статье о феномене «колониальной науки» в отношении психологии (Berlyne, 1968). В целом явление колониальности в науке стало предметом обсуждения в литературе во второй половине 20 века – одним из первых его ввел американский историк науки Дж. Бассала (Basalla, 1967). Так, изначально этот термин был введен для обозначения своего рода формы «опеки», которую «колониальный» ученый по очереди оказывал ученым из различных других стран. Он уточнял, что этот феномен не имеет никакой необходимой связи с политической колонизацией.

Как писал канадский психолог Д. Берлайн, существует несколько мнений в отношении того, какая доля от ведущих психологов живет в Америке (он анализирует состояние на 1960-е гг.), «... но самая низкая оценка, с которой я когда-либо сталкивался, составляет 50%, и я слышал предположения, что эта доля может достигать 80%. Психологи со всего мира, и особенно из Западной Европы, стекаются в Соединенные Штаты во многом таким же образом и по тем же причинам, по которым художники стекались в Италию в семнадцатом веке и во Францию в начало двадцатого века. Некоторые приезжают на ограниченное время в рамках своего обучения. Другие находят такие условия работы в Соединенных Штатах, которые побуждают их обосноваться там на постоянной основе» (Berlyne, 1968, с. 447). Оценивая ситуацию на образовательном рынке, Д. Берлайн заключает: «Фактически, считается, что западноевропейский психолог не закончил свое обучение или не получил права авторитетно высказываться по психологическим вопросам, пока он не

проведет некоторое время в американском университете» (Там же). На наш взгляд, в качестве описания отношений между американской психологией и психологией в остальном мире сегодня такой взгляд было бы серьезным преувеличением. В нескольких странах за пределами Америки существуют вполне уважаемые учебные программы, журналы и собственные психологические общества. Тем не менее, по крайней мере, некоторые черты колониальных отношений очевидны и сегодня.

Важным аспектом в изучении мейнстрима любой науки является язык профессионального общения и публикаций. В этом отношении большой интерес представляет серия работ С. В. Ферненберга: первое из ряда его исследований, результаты которого обобщены в публикации «О количестве статей психологической тематики, опубликованных на разных языках», выпущенной в 1917 году, направлено на изучение доли различных языков в доступных психологических журналах. Он повторил свое исследование еще четыре раза, с интервалом в десять лет (последняя обзорная статья была опубликована в 1956 году). Исследование явно демонстрирует уменьшение количества публикаций на немецком языке и, как следствие, переход к английскому языку в качестве основного специализированного языка в психологии. В 1917 году С. Ферненберг пишет: «... является крайней необходимостью для изучающего психологию ... обладать поверхностным и критическим знанием немецкого и английского языков для чтения» (Fernberg, 1917, с. 150). Эта фраза в той или иной формулировке использовалась им до 1946 года включительно в качестве заключения статьи, правда, с оговоркой, что немецкий язык был более важен для восприятия старых источников, в то время как его значение для текущей и будущей литературы было неопределенным (с. 290). В заключении статьи 1956 г. он пишет: «... английский язык приобрел такое численное превосходство, что ... он [психолог] должен обладать достаточными знаниями английского языка для чтения, чтобы быть в состоянии быть в курсе достижений его науки» (Fernberg, 1956, с. 309). Библиометрические данные С. Фернберга убедительно

демонстрируют потерю значимости немецкого языка как профессионального языка в международной психологии в ходе первой половины 20-го века.

Таким образом, под американизацией понимается признание превосходства американской психологической традиции и авторитета американских психологов. Вследствие возобновившейся международной коммуникации в 1960-е гг. между Германией и США частным случаем такой американизации являлся импорт идей и методов, которые уже устоялись в Соединенных Штатах. Стоит указать, что некоторые современные историки утверждают, что термин «американизация» неадекватен для описания того, что произошло в Западной Германии, и вместо этого предлагают рассматривать происходящие процессы как проявление более общего процесса «психологизации» общества, процесса, который рано или поздно должен был произойти, просто пришел в Германию с некоторой задержкой (Ash, 2006, с. 150). Однако, как позже отметил Т. Тео, с исторической точки зрения этот аргумент должен был бы объяснить, почему психологизация немецкого общества не произошла в рамках немецких традиций, а была так сильно привязана к американскому подходу к исследованиям (Тео, 2013). Кроме того, аргумент о психологизации также не объясняет более позднее появление в Германии сильной контртрадиции в ответ на эту американизацию, и мы считаем эту позицию более обоснованной.

Реакция на «американизацию»

Так, стоит остановиться на последнем тезисе о немецкой психологической «реакции» более подробно. В 1960-х гг. американизированная немецкая психология действительно стала объектом критики для скептически настроенных по отношению к новым веяниям психологов, которые появились в период американизации в 1960-х годах в Германии. Однако эта линия критики отличалась от более ранних, еще довоенных методологических дискуссий (более подробно две философско-методологические традиции психологии в Америке и Германии мы описали в разделе, посвященном психологии образования). Так, когда представители

«новой волны» критиковали традиционную психологию после Второй мировой войны, они имели в виду в первую очередь американские теории и методы, которые стали доминирующими в немецких дискуссиях в 1960-х годах, а не классическую традицию немецкой психологии. Одним из представителей этой «реакции» был К. Хольцкамп (1927-1995). На его идеи существенное влияние оказало немецкое студенческое движение 1960-х гг. (известно, что студенческие движения и «студенческие революции» в 1960-х гг. были широко распространены по всей Европе; они были озабочены острыми социальными проблемами как на национальных, так и на международном уровнях). Так, в масштабах национальных дискуссий немецким студенчеством поднималась проблема игнорирования Германией своего нацистского прошлого; на более мелком уровне студенчество было озабочено сложившейся структурой академических кругов, которую студенты считали чрезмерно иерархизированной, ригидной и в целом устаревшей и не соответствующей веяниям современного общества. Если говорить о проблемах международного уровня, студенчество по всему миру (в том числе и в Германии) особенно волновала американская кампания во Вьетнаме, а также американский империализм, который скрывался под видом ценностей демократии. На этой волне К. Хольцкамп развивал новое направление – «критическую психологию» как возникшую в противовес «популярной», мейнстримной психологии (в первую очередь имелась в виду психология американского образца), которая обслуживает интересы правящих элит и игнорирует человеческие проблемы. Хотя критическая психология не представляла собой строго определенного и специфичного только для этой области набора подходов и методов и использовала инструментарий самых разных областей знания, ее стержнем являлся тезис о необходимости принимать во внимание социально-экономические условия существования общества и человека и отказаться от их изучения «в вакууме».

Важно отметить, что, вышеописанные процессы «американизации» и «реакции» касаются скорее западногерманской традиции (в первую очередь

эти процессы затронули университеты и психологов из Берлина и других крупных городов западной Германии; так, упомянутый К. Хольцкамп занимал должность профессора Свободного университета в Берлине): в силу специфики политических условий (разделение Германии на ФРГ и ГДР), психологическая наука в этих регионах явно имела свою специфику. Влияние мировых социально-политических процессов на судьбу научных направлений в Восточной Германии еще предстоит исследовать. Однако на данном этапе можно отметить интересный факт об историографических нарративах в отношении советской психологии. Так, в своем введении к учебнику Теплова «Психология», который был переведен с русского на немецкий язык и для внедрения в учебные программы психологов в ГДР, П.Г. Клемм критиковал отсутствие какой-либо прогрессивной литературы в советской психологии после 1945 года и утверждал, что книга Теплова была примером диалектико-материалистического взгляда на психику, поскольку она была основана на доктринах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Мичурина, Лысенко и Павлова. Переводчик утверждал, что на психологию повлияли открытия Лысенко, согласно которым были разоблачены «реакционные взгляды» Менделя; исследования Павлова, которые привели психологию к развитию «настоящему прогрессивной психологии»; и «блестящие работы Сталина», которые открыли новые пути развития изучение мышления и языка (Klemm, 1953, с. 5).

Проблема исторической рефлексии развития научного знания становится все более актуальной на современном этапе развития науки, когда ее положение все чаще осмысливается в связи с этическими проблемами и проблемами будущего всего общества. В этом ключе очень важной становится проблема интерпретации накопленного опыта: ответа в виде релятивистских концепций уже недостаточно для вызовов, которые стоят перед исторической наукой. Стоит отдельно отметить, что сегодня важнейшей частью исторического исследования является признание того, что сам процесс интерпретации исторического факта, как бы ни был далек исследователь-

историк от изучаемого события, так же подчинён многим факторам. Процесс исторического осмысления события зависит не только от доступности данных об этом событии, но и от историка как носителя социально-политических характеристик своего времени.

ВЫВОДЫ ПО 4 ГЛАВЕ

1. Имеются существенные различия в том, как представлен ход истории науки, значимость происходящих событий и ценность вклада тех или иных направлений и авторов, в зависимости от конкретных социально-культурных и политических условий и ситуации внутри научного сообщества, где создавались историографические источники. В российском научном дискурсе выделяется несколько периодов в отношении историографии 1930-1940-х гг.: в работах военного времени немецкая психология периода национал-социализма связывалась, в основном, с колоссальными потерями для немецкой науки, а также попытками оставшихся в Германии психологов «угодить» существующему режиму, что во многом обусловлено консолидацией советского общества во время военных действий. Более разностороннее и полное осмысление периода 1930-1940-х гг. происходит лишь в 1960-е гг., что можно объяснить общим ростом исследований по истории психологии, сменой поколений ученых, а также политической ситуацией начала 1960-х гг. (началом т.н. «оттепели», с которой были возобновлены процессы интеграции с зарубежной наукой и прекращена борьба с космополитизмом). Активный рост сравнительных исследований или исследований, посвященных развитию психологии периода 1930-1940-х гг. за рубежом, происходит только после 1990-х гг. после падения «железного занавеса» и развития плюрализма в отношении оценок прошлого.

2. Ключевой проблемой для немецкой историографии немецкой психологии является вопрос о ее профессионализации в период с начала 1930-х гг. до окончания Второй мировой войны. Здесь конкурируют два нарратива: 1) гипотеза «форсированной профессионализации» немецкой психологии,

которая берет начало в трудах У. Гойтера: несмотря на политические и расовые преследования, а также масштабную эмиграцию многих известных психологов - психологическая наука активно развивалась при национал-социалистическом режиме; 2) немецкая психология понесла колоссальные потери, несмотря на кажущуюся заинтересованность власти в услугах молодой науки: В. Шенпфлунг акцентирует внимание на значительных потерях в кадровом отношении, а также качестве преподавания и научных исследований. Это различие трактовок объясняется несколькими причинами: нехватка достоверных исторических свидетельств; разные подходы к пониманию самого феномена «профессионализации» науки; смена поколений исследователей (пересмотр более старых концепций и стремление их дополнить в свете современности во втором случае).

3. После Второй мировой войны, немецкая психология, которая имела богатую и давнюю традицию, и которая претендовала на статус «родины» академической психологии, переместилась из центра интеллектуальной арены на периферию. Это отразилось на историографии: история немецкой психологии после 1945 г. перестала быть важным предметом интереса историков. Смещение сил в психологической науке (причинами которого была, безусловно, не только миграция немецких психологов, но и беспрецедентный успех американской психологической науки во время Второй мировой войны) отразилось на историографической традиции: американизация немецкой психологии после Второй мировой войны включает в себя и американизацию историографии немецкой психологии. Однако, угасание интереса к немецкой психологии в американской историографии касается только психологии послевоенного времени: говорить о стремлении «стереть» всю немецкую историю психологии не представилось возможным.

4. Объяснение угасания интереса к немецкой психологии послевоенного периода в исторических источниках «смещением центра психологической мысли из Европы в Америку» представляется нам

недостаточным. Среди ряда конкретных причин такого поворота нами были выделены следующие: смена направленности образовательной традиции: уже в 1960-е гг. новое поколение молодых европейских исследователей стремилось проходить стажировки в США; американизация немецкой мейнстрим-психологии и ее критика: угасание классической немецкой традиции, рост популярности статистических моделей; а также карьерные траектории исследователей, нацеленные на работу в США.

ВЫВОДЫ

1. В современных историко-научных исследованиях развития психологии в бурном XX столетии расширяется применение системного и комплексного подходов и междисциплинарных исследований, так как история развития научного познания, теории, методологии и практики науки, взаимосвязана с жизнью науки как социального института и обусловлена сложной совокупностью факторов, среди которых внутринаучные, социально-культурные, субъектно-личностные, а также экономические, географические и другие.

2. В современной истории психологии особое внимание привлекают место и значение в развитии психологии экономического и политического факторов, влияние на развитие психологии не только государства, что традиционно было в фокусе историко-психологических исследований, но и рынка, и гражданского общества. В анализе ситуации исторического развития психологии необходимо учитывать все аспекты, принимая во внимание, что интересы государства, рынка и гражданского общества могут представлять в различных соотношениях, дополняя друг друга или противореча друг другу.

3. Наука как общественный институт представлена совокупностью реальных людей во всем многообразии их отношений с социальными институтами, в том числе – и властными структурами. В связи с этим Традиционный в прошлом взгляд на проблему науки и власти в терминах «лояльности – конфронтации» сегодня представляется односторонним и недостаточно отражающим все многообразие отношений между научным сообществом и государством и обществом. Необходимо дополнить вектор рассмотрения «лояльность – конфронтация» вектором «включенность – дистанцирование» науки с повесткой власти в области а) идеологических и б) практических задач, и по каждому из блоков задач оценивать дифференцировано.

4. В историко-научном дискурсе выделяется проблема совместимости науки и политического устройства. В работах современных историков науки (и историков психологии в том числе) рассматривается вопрос о том, какой политический режим и тип политического устройства общества в наибольшей степени способствует благоприятному развитию научного знания. В работах зарубежных историков психологии подчеркивается связь между психологией и либерально-демократическими формами правления. Можно полагать, что положение о либеральных системах как наиболее благоприятном фундаменте для развития психологического знания возникло в контексте доминирующего в зарубежном историко-психологическом дискурсе представления об американской гегемонии в производстве научного психологического знания.

5. В соответствии с концепцией институционализации науки, в развитии психологии выделяются: а) процессы взаимодействия профессионального сообщества в системе внешних социальных институтов, прежде всего, с государством, рынком и гражданским обществом - институционализация психологии как оформление статуса и роли психологов в обществе; б) процессы, происходящие внутри психологического сообщества, в которых с особой очевидностью проявляется иницирующая активность самого психологического профессионального сообщества, как коллективного субъекта деятельности.

6. Актуальными темами в современных историко-научных работах являются исследования самой природы научного сообщества и попытки осмысления роли научного сообщества в системе общественных отношений, проблемы его автономии и ответственности. В российской психологии в исследованиях научного сообщества применяется субъектный подход (М.Г. Ярошевский, А.Л. Журавлев, О.А. Артемьева и др.).

7. В рассматриваемый период интересы рынка (в первую очередь, крупного капитала) и государства в США были тесно связаны, слиты («олигополис»), таким образом, поддержка рынка оказывалась в то же время и идеологическим запросом государства. Во время Великой депрессии на

массовые проявления недовольства населения психологическое сообщество откликнулось вниманием к возникшим социальным проблемам и развитием американской социальной психологии. Таким образом, американская психология выполняла две функции науки по отношению к государству в то же время работая на рынок и гражданское общество: а) отвечая на конкретные прикладные задачи (прежде всего, военные), б) в идеологическом оформлении общих доктринальных направлений государственной политики. Это обеспечило стабильную и устойчивую институционализацию и развитие субъектности американского психологического сообщества, а также рост его международного статуса и влияния.

8. С приходом к власти национал-социалистов в Германии установился тоталитарный режим, так, что историю немецкой психологии времен национал-социализма А.В. Петровский называет политической историей психологии, которой присущи специфические закономерности, отличающие ее от прочих. Все области общественной жизни, в том числе, наука и культура в Германии практически полностью определялись диктатом государства, в то время как влияние рынка и гражданского общества было минимальным. диктат государства определял здесь ход институционализации психологии как во «внешнем» взаимодействии с социальными институтами, так и в части форм интеграции и дифференциации внутри научного сообщества.

9. С приходом к власти национал-социалистов немецкое профессиональное сообщество претерпело существенные изменения. Прежде всего, в результате принятия ряда законов в отношении людей еврейского происхождения и отъезда ученых из страны изменился состав психологического сообщества (изменение состава правления Немецкого психологического общества в 1929 г.; кадровые перестановки в университетах). Произошли сдвиги в методологии и тематике исследований (угасание гештальт-психологии в связи с миграцией ученых и кадровой политики нового правительства), были пересмотрены ценностные основания некоторых

направлений исследований – в частности, в психологии детства и образования стали развиваться ценностные аспекты и парадигма «воспитания нового человека». Развивались новые направления – например, военная психология, а также произошло угасание направлений, которым не удалось доказать свою практическую полезность в период Второй мировой войны в 1940-е гг. (прежде всего, теоретико-методологических).

10. Важной характеристикой военного времени и в Германии, и в США стало привлечение психологов к работе в государственных военных структурах. Тем самым психология в Германии впервые получила обширную и структурно оформленную сферу практической деятельности за пределами высших учебных заведений. Развитие практических применений психологии в военном ведомстве было важным инструментом укрепления статуса психологии в обществе и ее легитимизации, как в Германии, так и в США. Потребности войны привели также к созданию исследовательских и прикладных областей психологии, которых не существовало до Второй мировой войны.

11. Проявлением становления профессионального сообщества психологов как коллективного субъекта развития науки в середине 1930-х гг. в Германии и США является активность в самоорганизации сообщества психологов, что проявилось в Германии в непосредственном отношении к взаимодействию с государством: в создании системы профессиональной аттестации (введения системы сдачи экзаменов для психологов то есть, их государственной аттестации), а в США самоорганизация сообщества психологов проявилась, прежде всего, в форме создания профессиональных организаций (создание Общества психологического изучения социальных проблем, Американской ассоциации прикладной психологии, Психометрического общества: во время Второй мировой войны – создание Национального совета женщин-психологов).

12. В развитии немецкой психологии выделяется несколько переломных точек, разделяющих специфические периоды в его развитии: 1)

1929-1933 г. - изменение состава и структуры психологического сообщества и необходимость формирования новой идентичности в связи с политическими изменениями начала 1930-х гг (изменение состава правления Немецкого психологического общества в 1929 г.; отъезд многих ведущих ученых из страны; кадровые перестановки в университетах); 2) 1933-1945 гг. - укрепление профессионального сообщества вокруг появившейся возможности «легитимизации» профессии психолога (участие в инициативах по внедрению закона о профессиональных экзаменах, статусе психолога в военных структурах); 1945-1950 гг. – необходимость переориентации и перестройки идентичности (саморефлексии) сообщества в новых социально-политических условиях. Несмотря на некоторое укрепление профессионального сообщества во втором периоде, потери на первом и третьем этапе стали предпосылкой для угасания основ немецкой классической традиции. Оно было взаимосвязано с изменениями в субъектности сообщества на первом из выделенных этапов (1929-1933 гг.): структурные и кадровые перестройки в психологическом сообществе во многом были обусловлены миграцией ведущих представителей классической немецкой традиции и отсутствием дальнейшего ее развития в рамках нового сообщества, а также политической ситуацией в результате падения национал-социалистического режима и проигрышем во Второй мировой войне.

13. История взаимоотношений между психологическим сообществом Германии с тоталитарным режимом обусловила то, что в период существования национал-социалистического государства немецкое профессиональное сообщество выработало особый тип стратегий. Одна из стратегий демонстрации целесообразности своих разработок заключалась в том, чтобы показать их практическую полезность; этим занимались, в основном, психологи, занятые в структурах Вермахта. Другая стратегия заключалась в том, чтобы представить психологию как предмет, который по своему содержанию, вопросам и результатам исследований особым образом отвечает новым политическим требованиям - национал-социалистической

идеологии, так, в психологии детства и образования стали развиваться ценностные аспекты и парадигма «воспитания нового человека».

14. С разрушением фашистской Германии в 1945 г. психология как институт в структуре этого государства перестала существовать вместе с ним, что обусловило радикальные изменения в жизни профессионального сообщества, потребовало поиска новых форм взаимодействия с социумом и самоорганизации, формирования новой самоидентификации. Однако после падения Вермахта и национал-социалистического режима психологическое сообщество не развалилось. После роспуска психологических лабораторий в 1943 г. процесс профессионализации в виде внедрения программы экзаменов для психологов не был остановлен, должности в университетах продолжали замещаться; однако по причине утрат во время установления, а затем гибели тоталитарного режима, психология в Германии ослабила свои позиции и после войны немецкая психология перестала ассоциироваться с особенным, целостным, самобытным направлением. Дискурс-анализ показал, что это отразилось, в частности, в том, что немецкая психология представлена в учебниках по истории психологии только как родина психологической науки и как родина научной школы гештальт-психологии; также после войны изменилась научная иерархия и преемственность - теперь немецкие студенты и молодые ученые чаще ездили на стажировки и обучение в США, чем наоборот).

15. К концу Второй мировой войны и в послевоенный период отмечаются следующие тенденции в развитии психологической науки. В США: повышение авторитета американской психологии, увеличение финансирования из государственного сектора, развитие новых направлений исследований (социальная психология, клиническая психология, психологическое консультирование); в Германии: необходимость переориентации самоидентификации и методологических основ немецкого психологического в связи с падением политического режима; изолированность немецкой науки; потеря «особенной» немецкой традиции.

16. Имеются существенные различия в том, как представлен ход истории науки, значимость происходящих событий и ценность вклада тех или иных направлений и авторов, в зависимости от конкретных социально-культурных и политических условий и ситуации внутри научного сообщества, где создавались историографические источники. Так, в российском научном дискурсе военного периода немецкая психология периода национал-социализма связывалась, в основном, с колоссальными потерями для немецкой науки, а также попытками оставшихся в Германии психологов «угодить» существующему режиму. В современной науке ключевой проблемой для немецкой историографии немецкой психологии остается вопрос о ее профессионализации в период с начала 1930-х гг. до окончания Второй мировой войны. Здесь конкурируют два нарратива: 1) гипотеза «форсированной профессионализации» немецкой психологии, которая берет начало в трудах У. Гойтера: несмотря на политические и расовые преследования, а также масштабную эмиграцию многих известных психологов - психологическая наука активно развивалась при национал-социалистическом режиме; 2) немецкая психология понесла колоссальные потери, несмотря на кажущуюся заинтересованность власти в услугах молодой науки: В. Шенпфлунг акцентирует внимание на значительных потерях в кадровом отношении, а также качестве преподавания и научных исследований. Это различие трактовок объясняется несколькими причинами: нехватка достоверных исторических свидетельств; разные подходы к пониманию самого феномена «профессионализации» науки; смена поколений исследователей (пересмотр более старых концепций и стремление их дополнить в свете современности во втором случае).

17. Показаны изменения в историографии психологии, посвященной периоду 1930-1940 гг., которые были обусловлены трансформациями социально-политического контекста, а также изменениями в самой науке, во время которых создавались историографические источники. Одним из

проявлений таких изменений является «американизация» историографии, в особенности, в отношении истории немецкой психологии. На это влияют, в первую очередь, смена поколений исследователей и тенденция к «пересмотру» предшествующих концепций; смена политического контекста (достаточное количество времени, прошедшего со времени описываемых событий; ослабление политического давления); смена научной парадигмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках диссертационного исследования была поставлена цель выявить особенности и сопоставить процессы развития психологии в Германии и США в период 1930-1940-х гг. Полученные результаты и сформулированные выводы позволяют утверждать, что данная цель достигнута.

Анализ теоретико-методологических основ проблемы социальной детерминации развития научно-практических течений психологии позволил сделать вывод, что наиболее активно эта проблема развивается в рамках направления отечественной психологии науки, где особое внимание уделяется уровням и структуре социальной детерминации. Научное сообщество выступает важным субъектом отношений между наукой и властью и, которое, является неоднородным образованием, представленным совокупностью реальных людей, что требует более глубокого осмысления роли ученых как носителей разных поведенческих стратегий и практик во всем многообразии их отношений с социальными институтами.

Тенденции исторической науки, такие как междисциплинарность, внимание к социально ориентированному историописанию, проблематизация концепции «исторического факта» требуют комплексного подхода к историко-психологическому исследованию с использованием общенаучных методов.

Основными научно-практическими направлениями, в наибольшей степени отражающими основные общемировые и локальные тенденции психологической науки в период 1930-1940-х гг., являются психология образования, психология в сфере труда и психология в сфере социального обеспечения. На трансформации в этих направлениях повлияли экономические факторы, сложившиеся еще в начале 1920-х гг., такие как изменение структуры экономики, экономический кризис 1929 г. (развитие холистической психологии в Германии, кризис психотехники в Германии;

формирование запроса к научному сообществу как субъекту социальной ответственности; формирование явления «социального заказа»); внутринаучные факторы (методологический кризис 1930 гг.); политические факторы (приход А. Гитлера к власти в Германии, с которыми были связаны усиление идей тоталитаризма, сращивания всех сфер жизни общества, слияния личного и политического; приход к власти Ф. Рузвельта в США, знаменующий ряд мер по борьбе с экономическим кризисом и ростом внимания к социальным проблемам); фактор общественных потрясений, таких как Вторая мировая война (усиление тенденций междисциплинарности, мобилизация ресурсов научного сообщества, единство теории и практики, активное развитие направлений, которые удовлетворяли запросам военного времени и тактике ведения войны с точки зрения правительства того или иного государства. В США и Германии был сделан акцент на превентивных мерах ведения боя и сохранении кадрового состава, с чем был связан рост разработок из области психотехники и профессионального отбора. Интересно, что в СССР – в соответствии с концепцией тотальной мобилизации человеческих ресурсов для борьбы с врагом – помимо активного развития клинической психологии, напротив, развивались исследования, посвященные повышению морального духа личного состава, изучению личностных качеств бойцов и исследованию феномена героизма (сфера психотехники и профессионального отбора после 1930-х гг. так и не была восстановлена в период Второй мировой войны), однако сопоставление этих аспектов с советской психологией этого периода требует дополнительного исследования.

В методологическом отношении примененный в ходе исследования анализ репрезентации определенного периода в развитии науки может быть использован и к другим периодам, а также отдельным феноменам (школам, подходам, направлениям, отдельным карьерным траекториям) в истории психологии. В канон современных тенденций изучения психического практически в любом ракурсе (будь то, например, когнитивистика или, тем более, социальная психология) входит учет историко-культурной

обусловленности того или иного психологического феномена. Однако на наш взгляд, историческая составляющая в психологическом исследовании является сегодня недооцененной. На наш взгляд, сегодня важно прийти к осознанию того, что любое психологическое знание является сферой влияния истории психологии. Мало того, что психолог в своей работе всегда имеет дело в первую очередь с историческим материалом (и это касается не только совершаемого психологами исторического экскурса в изучаемую ими проблему, который является неотъемлемым этапом того или иного исследования, но и работы с любыми материалами, которые были получены в результате непосредственного исследования и интерпретируется психологами в определенном ключе), но и, что более важно, любой исследователь, так или иначе соприкасающийся с психологической областью знания, является актором, субъектом истории психологии. Поэтому развитие субъектного подхода, внимание к научному сообществу как актору социальных и научных изменений сегодня заслуживают намного большего внимания, чем они имеют сегодня.

Говоря о полученных результатах и выводах с практической точки зрения, стоит отметить, что материалы проведенного исследования могут служить фундаментом для расширения базы данных по истории российской и зарубежной психологии указанного периода, а также подготовки соответствующих монографий, статей, учебных пособий и справочной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алеврас Н.Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений / Н. Н. Алеврас // Мир историка: историографический сборник. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2017. – С. 100-121.
2. Алексеенко И.С. Историографическое направление историко-психологического знания / И.С. Алексеенко // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – №3.
3. Алексеенко И.С. Развитие отечественной историографии как направления историко-психологического знания в XX веке / И.С. Алексеенко // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. – 2016. – С. 19-27.
4. Андреева Г.М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. — Издание второе, перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 288 с.
5. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений / Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2001.
6. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
7. Антинази А. Энциклопедия социологии. 2009 // [Электронный ресурс]: URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm>. – 2018.
8. Артемьева О.А. К вопросу о социальной биографии педологии в России / О.А. Артемьева // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2010. – №3.
9. Артемьева О.А. Отечественная психология на переломе: уровневая субъектная концепция социально-психологической детерминации

развития психологии: монография / О.А. Артемьева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – 382 с.

10. Артемьева О. А. Научное сообщество как субъект научной деятельности / О.А. Артемьева // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – №. 5. – С. 95-103.

11. Артемьева О.А. Социальные условия развития советской практической психологии в 1920-1930 гг. / О.А. Артемьева // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. – 2016. – С. 145-150.

12. Байфорд Э. Загробная жизнь «науки» педологии: к вопросу о значении «научных движений» (и их история) для современной педагогики / Э. Байфорд // Преподаватель. XXI век. – 2013. – № 1. – С. 43–54.

13. Балашов Е.М. Педология в России в первой трети XX века / Е.М. Балашов. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 192 с.

14. Барабанщиков А.В. Советская психология в годы Великой Отечественной войны / А.В. Барабанщиков // Вопросы психологии. – 1985. – №. 2.

15. Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России / Л.Г. Бескровный. – М.: АН СССР, 1957.

16. Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии / редкол.: А. В. Брушлинский (пред.) и др.; изд. подгот. В. А. Кольцова, М. В. Муленкова; отв. ред. тома Е. А. Будилова, Е. И. Степанова; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1994. — 398.

17. Битянова М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. Учебное пособие, 2-е изд. / М.Р. Битянова. – М.: Аспект Пресс, 2007. — 363 с.

18. Богданчиков С.А. Почему был уволен ГИ Челпанов / С.А. Богданчиков // Вопросы психологии. – 1996. – №. 1. – С. 85-96.

19. Богданчиков С.А. Научно-организационная деятельность Г.И. Челпанова / С.А. Богданчиков // Вопросы психологии. – 1998. – №. 2. – С. 126-135.
20. Богданчиков С.А. Судьба эйдетики в советской психологии / С.А. Богданчиков // Вопросы психологии. – 2001. – №. 2. – С. 110-118.
21. Богданчиков С.А. Основные направления и течения в отечественной психологии 1920-х гг. / С.А. Богданчиков // Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1. – №. 2. – С. 21-30.
22. Богданчиков С.А. Советская психология накануне 1936 года / С.А. Богданчиков // Вопросы психологии. – 2008. – №. 1. – С. 156-164.
23. Богданчиков С.А. Современные авторы о научных школах в советской психологии 1920–1930-х гг. / С.А. Богданчиков // Методология и история психологии. – 2009. – Т. 4. – № 2. – С. 7–31.
24. Богданчиков С.А. Советская психология 1920-1930-х годов глазами ее основателей: от многообразия к единству / С.А. Богданчиков // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2011. – Т. 4. – №. 2. – С. 88-99.
25. Богданчиков С.А. Происхождение марксистской психологии: дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов / С.А. Богданчиков. – Directmedia, 2015.
26. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. Учебное пособие для вузов / В.А. Бодров. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 511 с.
27. Борисова А.М. Исследование праздничной культуры: историко-психологический подход / А.М. Борисова // Пензенский психологический вестник. – 2020. – №. 2. – С. 116-129.
28. Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. – М.: Пер Сэ, 2002. – С. 9–34.
29. Будилова Е.А. Философские проблемы в советской психологии / Е.А. Будилова. – М.: Наука, 1972. – 336 с.

30. Бен-Дэвид Д. Роль ученого в обществе / Д.Бэн-Дэвид. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 344 с.
31. Вакарев Е.С. Академическая психология Германии в период Первой мировой войны / Е.С. Вакарев // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – №. 4. – С. 225-234.
32. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / П. Вен. – М.: Научный мир, 2003. – 393 с.
33. Вундт В. Миф и религия / В. Вундт. – СПб., Брокгауз-Ефрон, 1910.
34. Выготский Л.С. и др. Основные течения современной психологии / Л. С. Выготский, С. Г. Геллерштейн, Б. А. Фингерт, М. Л. Ширвиндт. М.–Л.: Госиздат. – 1930. – 264 с.
35. Выготский Л.С., Данюшевский И.И. Проблема умственной отсталости. Умственно отсталый ребенок / Л.С. Выготский, И.И. Данюшевский. – М.: Учпедгиз. 1935.
36. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Гл. ред. А. В. Запорожец. М.: Педагогика, 1982—1984. – Т. 4: Детская психология / под. ред. Д. Б. Эльконина. – 433 с.
37. Гайдар К.М. Систематизация свойств группового субъекта // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Институт психологии РАН, 2012. – С. 456–462.
38. Гельмонт А.М. Дети и политика / А.М. Гельмонт // Педология. – 1929. – № 4. – С. 595–611.
39. Гизе Ф. Практические работы по психотехнике / Ф. Гизе. – Л., 1926. – 182 с.
40. Гизе Ф. Психоанализ и психотехника / Ф. Гизе. – Л.: Современник, 1926. – 56 с.
41. Гизе Ф. Психоанализ. Практические работы по психотехнике / Ф. Гизе. – Л., 1926. – 190 с.

42. Горшков Е.А. Экспериментальное оформление социальной психологии в США как самостоятельной дисциплины в конце XIX первой четверти XX вв. / Е.А. Горшков // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – №. 7(19). – С. 225-227.

43. Горшков Е.А. Первый социально-психологический эксперимент Нормана Триплетта / Е.А. Горшков // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – №. 4(23). – С. 173-175.

44. Горшков Е.А. Истоки и предпосылки возникновения американской социальной психологии в конце XIX-начале XX века / Е.А. Горшков // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – №. 4. – С. 102-111.

45. Горшков Е.А. Определение предметной области социальной психологии на этапе ее становления в США / Е.А. Горшков // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – №. 2. – С. 78-86.

46. Данто А. Аналитическая философия истории / Артур С. Данто. – М.: Идея–Пресс, 2002. – 289 с.

47. Дейнека О.С. Экономико-психологические последствия политики переходного периода / О.С. Дейнека // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций. – СПб. – 2000. – С. 442-474.

48. Дейнека О.С. Экономическая психология (статус, развитие, образовательные перспективы) / О.С. Дейнека // Национальный психологический журнал. – 2006. – №. 1 (1). – С. 110-114.

49. Денисов С.Ф., Денисова Л.В. Научное сообщество и его формы (часть 1) / С.Ф. Денисов, Л.В. Денисова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2007а. – №2.

50. Денисов С.Ф., Денисова Л.В. Научное сообщество и его формы (часть 2) / С.Ф. Денисов, Л.В. Денисова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2007б. – №3.

51. Дзюра А.И. Непонятая и «репрессированная» наука, или о драме развития отечественной психологии в 20-30 гг. XX века (взгляд с

методологических позиций «ноосферного реализма») / А.И. Дзюра // Вестник Академии знаний. – 2012. – №2.

52. Дмитриев С.В., Загrevская А.И. Историко-психологический анализ онтодидактики как философской основы современного образования / С.В. Дмитриев, А.И. Загrevская // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 424. – С. 179–186.

53. Долгова Е.А. Советское научное сообщество в 1918-1934 гг.: социальный, институциональный, публичный аспекты: дисс. ... д-ра истор. наук. / Спец.: 07.00.02. – Москва, 2019.

54. Донцов А.И. К проблеме целостности субъекта коллективной деятельности / А.И. Донцов // Вопросы психологии. – 1979. – № 3. – С. 25–34.

55. Донцов А.И., Дубовская Е.М., Улановская И.М. Разработка критериев анализа совместной деятельности / А.И. Донцов, Е.М. Дубовская, И.М. Улановская // Вопросы психологии. – 1998. – № 2. – С. 61–71.

56. Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней / А.Н. Ждан. – Академический проспект, 2004. – 576 с.

57. Журавлев А.Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В. Н. Дружинин. – М.: Академический проект, 2000. – С. 133–151.

58. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы / А.Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – № 5. – С. 72–80.

59. Журавлев А.Л., Мироненко И.А., Юревич А.В. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы / А.Л. Журавлев, И.А. Мироненко, А.В. Юревич // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39. – №. 2. – С. 58-71.

60. Журавлев А.Л., Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований / А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник // Материалы

всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня-02 июля 2016 г. – 2016. – С. 7-15.

61. Залкинд А.Б. Педология в СССР / А.Б. Залкинд. – М.: Работник просвещения, 1929. – 82 с.

62. Зубов В.А. Из истории мировой науки: Избранные труды 1921-1963 / В.П. Зубов; сост., вступ. Ст. М.В. Зубовой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 632 с.

63. Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века) / Отв. ред. А.А. Касьян. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 288 с.

64. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т «Открытое о-во». – М., 1998. – 701 с.

65. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская; отв. ред. М.Ф. Румянцева. – М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.

66. Каменский Е.Г., Черкашин М.Д., Самойлова Т.А. Научное сообщество как субъект инновационных изменений / Е.Г. Каменский, М.Д. Черкашин, Т.А. Самойлова // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 76-83.

67. Караяни А.Г. Психология в США в годы Второй мировой войны / А.Г. Караяни // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 2. – С. 110-117.

68. Карпенко Л.А. Вклад А. В. Петровского и его научной школы в развитие социальной психологии, психологии личности, теории и истории психологии / Л.А. Карпенко // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2014. – №3. – С. 85-110.

69. Карцев В.П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований / В.П. Карцев. – М.: Наука, 1984.

70. Киселева Е.Л. Чистка государственного аппарата 1929-1932 годов / Е.Л. Киселев // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 96-110.
71. Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права / М.М. Ковалевский. – М.: тип. Ф.Б. Миллера, 1880.
72. Койре А. Очерки истории философской мысли. Влияние философских концепций на развитие научных теорий / Пер. с французского Я.А. Ляткера. Общая ред. и предисловие А. П. Юшкевича / А. Койре. – «Прогресс», 1985.
73. Кольцова В.А., Носкова О.Г., Олейник Ю.Н. И.Н. Шпильрейн и советская психотехника / В.А. Кольцова, О.Г. Носкова, Ю.Н. Олейник // Психологический журнал. – 1990. – Т. 11. – № 2. – С. 111-133.
74. Кольцова В. А. Теоретико-методологические основы историко-психологического исследования: автореф.дисс. ... докт.псих.наук. – М.: Институт психологии РАН, 2004.
75. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Психологи в годы Великой Отечественной войны: подвиг на века / В.А. Кольцова Ю.Н. Олейник // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – №. 2. – С. 41-50.
76. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) / В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. – М.: Московский гуманитарный университет, Институт психологии РАН, 2006. – 360 с.
77. Кольцова В.А. Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки / В.А. Кольцова // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – №. 2. – С. 5-18.
78. Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии / В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
79. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Опыт развития психологической науки в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): актуальность и задачи исследования / В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник // Опыт решения

психологических задач в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – 2016. – С. 3-8.

80. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Становление экспериментального подхода в отечественной психологии конца XIX–начала XX века, Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова, Институт психологии РАН, Москва, 2017а. – С. 245-252.

81. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Отечественная экспериментальная психология: история формирования, особенности развития, место в профессиональной подготовке специалиста / В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник // Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе. – 2017б. – С. 9-16.

82. Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Советская и немецкая психологии в годы II Мировой войны: теоретико-методологические и прикладные аспекты развития // От истоков к современности: 130 лет Московскому психологическому обществу: материалы юбил. конф. 2017в. С. 227–247.

83. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психология в годы Великой Отечественной войны: единство теории, эксперимента и практики / В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2018. – Т. 25. – С. 51-58.

84. Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. По архивным материалам / Сб. статей; сост. М.Э. Маликова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 492 с.

85. Корнетов Г.Б., Романов А.А., Салов А.И. Педагогика первой трети XX века: монография / Г.Б. Корнетов, А.А. Романов, А.И. Салов. – М.: АСОУ, 2012. – 120 с.

86. Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю., Махалин А.И. Роль власти и государственных деятелей в становлении и развитии психотехнического образования в СССР в 1920-1930-е гг. / А.А. Костригин, Н.Ю. Стоюхина // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – №. 4 (115). – С. 80-88.

87. Коффка К. Преодоление механистических и виталистических течений в современной психологии / К. Коффка // Психология. – 1932. – 5(3). – С. 59-69.
88. Кривонос Ю.И. Институт истории науки и техники: тридцатые громовые, роковые... / Ю.И. Кривонос // Вопросы истории естествознания и техники. – 2002. – № 1. – С. 42–75.
89. Кром М.М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие / М.М. Кром. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. – 248 с.
90. Кроче Б. Теория и история историографии / Б. Кроче. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 192 с.
91. Кузьмин В.П. Системный подход в современном научном познании / В.П. Кузьмин // Вопросы философии. – 1980. – Т. 1.
92. Кузьмин В.П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода / В.П. Кузьмин // Психологический журнал. – 1982. – Т. 3. – №. 3. – С. 3–14.
93. Кузьминов Н.Н. Положение Европейской и советской психологии и педагогики во время Второй мировой войны: сложности и достижения / Н.Н. Кузьминов // Среднее профессиональное образование. – 2020. – № 4(296). – С. 59-62.
94. Куш М. Победителю достается все: Философия жизни и триумф феноменологии / М. Куш // Логос. – 2004. – №. 3-4. – С. 171-204.
95. Лебедев С.А. Пересборка эпистемологического / С.А. Лебедев // Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 61–62.
96. Лейбин В.М. Репрессированный психоанализ: Фрейд, Троцкий, Сталин / В.М. Лейбин // Психоаналитический вестник. – 1991. – №. 1. – С. 32-55.
97. Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание / В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. - 358 с.

98. Лисина М.И. Совещание по психологии труда / М.И. Лисина // Вопросы психологии. – 1957. – № 3. – С. 165–172.
99. Лихи Т. История современной психологии: Пер. с англ. / Т. Лихи. – 3. изд. – СПб. [и др.]: Питер, 2003. – 446 с.
100. Логинова Н.А. Шарлотта Бюлер–представитель гуманистической психологии / Н.А. Логинова // Вопросы психологии. – 1980. – № 1. – С. 154-158.
101. Логинова Н.А., Семенов В.Е. Биографический метод и контент-анализ / Н.А. Логинова, В.Е. Семенов // Методологические и методические проблемы контент-анализа. М.: Наука, 1973. – С. 132
102. Логинова Н.А. Социальное мышление личности в контексте исторического времени / Н.А. Логинова // Мир психологии. – 2002. – № 3. – С. 191-196.
103. Логинова Н.А. Искажение истории психологии / Н.А. Логинова // Мат. конф. «История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук». – 2022. – С. 140-141.
104. Лурия А.Р. Фрагмент письма А. Р. Лурия к Л. С. Выготскому / А.Р. Лурия // Вопросы психологии. – 2002 (1931). – № 4. – С. 19-20.
105. Лурия А.Р. Пути советской психологии за 15 лет / А.Р. Лурия // Советская психоневрология. – 1933. – 9(1). – С. 25-35.
106. Люк Х. Групповые процессы в научных исследованиях (на примере «Топологической группы» Курта Левина): пер. с немецк. / Х. Люк // Методология и история психологии. – 2010а. – Т.5. – №3. – С. 77-89.
107. Люк Х. Неизвестный Курт Левин: пер. с немецк. / Х. Люк // Школьный психолог. – 2010б. – № 20(474). – С. 34-35.
108. Люк Х. История психологии: пер. с немецк. / Х. Люк. – М.: Научный мир, 2012. – 272 с.
109. Люк Х. История психологии: методология и методы / Х. Люк // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – №. 5. – С. 194-203.

110. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Последняя осень советской психотехники / В.А. Мазиллов, Н.Ю. Стоюхина // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 2. – №. 4. – С. 223-236.

111. Мазиллов В.А. Актуальные методологические проблемы истории психологии / В.А. Мазиллов // Историческая преемственность в отечественной психологии. – 2019. – С. 97-108.

112. Мазиллов В.А. Судьба научной психологии в XXI столетии: время и бремя выбора / В.А. Мазиллов // Методология современной психологии. – 2022. – №. 15. – С. 220-234.

113. Маловичко С.И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева. Московский государственный областной гуманитарный институт. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2013. – 252 с.

114. Маловичко С. И. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Мир историка: историографический сборник. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2017. – С. 77-99.

115. Маршалл С.Л.А. Американцы в бою // Офицер вооруженных сил: пер. с англ. М: МО РФ, 1992.

116. Марцинковская Т.Д. История психологии / Т.Д. Марцинковская // М.: Академия, 2004.

117. Медушевская О.М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений / О.М.Медушевская // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18-19 апр. 2002 г. – М.: РГГУ, 2002. – С. 20-36.

118. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.

119. Медушевская О.М. Эмпирическая реальность исторического мира / О.М. Медушевская // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. — 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. — М.: РГГУ, 2008. — Ч. 1. — С. 24-34.
120. Мерлин В. К эволюции социального мировоззрения у детей / В. Мерлин // Педология. — 1928. — № 4. — С. 541–557.
121. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. — М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2006. — 873 с.
122. Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: межвузовский тематический сборник / отв. ред. М.В. Нечкина. — Калинин: КГУ, 1980. — 141 с.
123. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособ. / Л.А.Микешина. — М.: Прогресс-традиция; Московский психолого-социальный институт; Флинта, 2005. — 464 с.
124. Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. — Омск : ОГУ, 2011. — Вып. 7.— 500 с.
125. Мироненко И.А. Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? // Вопросы психологии. — 2008. — № 4. — С. 119-127.
126. Мироненко И.А. Российская психология в пространстве мировой науки / И.А. Мироненко. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 304 с.
127. Мироненко И.А., Журавлев А.Л. Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека / И.А. Мироненко, А.Л. Журавлев // Психологический журнал. — 2019. — Том 40. — № 6. — С. 87-98.
128. Мироненко И.А. Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии / И.А. Мироненко // М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. — 406с.

129. Мироненко И.А., Рафикова В.А. Институционализация психологии в Германии и США в 1930х-1940х годах: сопоставительный анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2023. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 158-180.

130. Можаяева Г.В. Русская историография второй половины XVIII века : опыт историко-лингвистического анализа / Можаяева Г.В., Мишанкина Н.А. // Гуманитарная информатика : открытый междисциплинарный электрон. журн. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Томск [Б. и., б. д.]. – Вып. 3. – Режим доступа: http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/3/moz_mish.htm#.

131. Никольская А.А. А.П. Нечаев: Жизненный и творческий путь / А.А. Никольская // Вопросы психологии. – 1997. – № 2. – С. 100-111.

132. Носкова О.Г. Педология и прикладная психология в России первой трети XX века / О.Г. Носкова // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42. – №. 6. – С. 83-91.

133. Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) / А.П. Огурцов // Философские исследования. – 1993. – Т. 3. – С. 12-59.

134. Ожиганова Г.В. История психологии: концептуальные подходы и методы исследования / Г.В. Ожиганова // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 3. – С. 5-16

135. Олейник Ю.Н. Периодизация истории психологии: проблемы и перспективы / Ю.Н. Олейник // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. – №. 2. – С. 25-32.

136. Омельчанко Е.В. Становление детской психологии в Германии (конец XIX начало XX века) / Е.В. Омельчанко // Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена. – 2007. – Т. 19. – №. 45.

137. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М.Н. Голубевой / Х. Ортега-и-Гассет. – Минск: БГУ, 2005. – 104 с.

138. Основы теоретической психологии / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – М.: ИНФРА-М, 1998.
139. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б.Д. Парыгин // Спб.: ИГУП. – 1999. – 592 с.
140. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Истоки и перспективы / Под ред. А.С. Запесоцкого / Б.Д. Парыгин. – Спб.: СПбГУП, 2010. – 536 с.
141. Пельц Д., Эндрюс Ф. Ученые в организациях: Об оптимальных условиях для исследований и разработок: пер. с англ./ под общ. Ред. Д.М. Гвишиани, С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского / Д. Пельц, Ф. Эндрюс. – М.: Прогресс, 1973. – 471 с.
142. Петровский А.В. История советской психологии. Формирование основ психологической науки / А.В. Петровский. – М.: Просвещение, 1967. – 367 с.
143. Петровский А.В. Психология и время / А.В. Петровский. – Питер, 2007.
144. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева / Ч.С. Пирс. – М.: Логос, 2000.
145. Плавинская Ю.Б. Становление и развитие психотехники в Германии в первой трети XX века: дисс.... канд. психол. наук. / Ю.Б. Плавинская. Санкт-Петербург, – 2011.
146. Плавинская Ю.Б. Юридическая психология в Германии: история и современность / Ю.Б. Плавинская // Мир педагогики и психологии. – №9 (26). – 2018. – С. 87-104.
147. Плавинская Ю.Б. Психология коррупции: опыт Германии / Ю.Б. Плавинская // Мир педагогики и психологии. – 2019. – №. 9. – С. 144-150.
148. Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Социальный капитал как условие продуктивности организации / Л.Г. Почебут, Д.С. Безносков // Психология в системе социально-производственных отношений: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Красноярск, 17 апреля 2020 года. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2020. – С. 61-64.

149. Почебут Л.Г., Газогарева Е.Н. Малые социальные группы / Л.Г. Почебут, Е.Н. Газогарева // Социальная психология. Традиции и современность. Под общ. Ред. А. Л. Свенцицкого, С. Д. Гуриевой. – 2020. – С. 97-109.

150. Почебут Л. Г., Мейжис И. А. Социальная психология / Л.Г. Почебут, И.А. Мейжис // СПб.: Издательский дом «Питер», 2021.

151. Рабб Т.К. Развитие квантификации в историческом исследовании / Т.К. Рабб // Количественные методы в советской и американской историографии. – М. 1983.

152. Рафикова В.А. Применение исторической психологии в историко-психологических исследованиях на примере периода Второй мировой войны / В.А. Рафикова // Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитонов, Е. Н. Холондович. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. – С. 106-120. doi: 10.38098/thry.2020.25.72.000

153. Рафикова В.А., Мироненко И.А. Развитие социальной психологии в США в период Второй мировой войны и судьба российской школы социальной психологии / В.А. Рафикова, И.А. Мироненко // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2021а. – Т. 6. – № 3 (23). – С. 246-271.

154. Рафикова В. А., Мироненко И. А. Актуальные тенденции методологии истории психологии в свете философско-методологических проблем историографии / В.А. Рафикова, И.А. Мироненко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 2021б. – Т. 11. – Вып. 4. – С. 312–325. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.402>

155. Рафикова В.А. Социально-политические факторы развития психологической науки в СССР и США перед Второй мировой войной:

сравнительный анализ / В.А. Рафикова // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2021а. – Т. 6. – № 2 (22). – С. 244-270. DOI (CrossRef): 10.38098/ipran.sep_2021_22_2_10

156. Рафикова В. А., Мироненко И. А. «Политическая история» психологии детства в Германии периода национал-социализма // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 4. – С. 352–375. DOI 10.35231/18186653_2022_4_352

157. Рафикова В.А. Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2023. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 243-269.

158. Реактологическая дискуссия в Психологическом институте // Вопросы психологии. – 1994. – № 2. – С. 21-31.

159. Резолюция педологической секции I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека // Педология. – 1930. – № 3. – С. 341–343.

160. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

161. Репрессированная наука. Вып. 2 / под ред. М. Г. Ярошевского; ред.-сост. А. И. Мелуа. – СПб.: Наука, 1994. – 319 с.

162. Решер Н. Пирс, Поппер и методологический поворот // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / пер. с англ. Д. Г. Ла-хути. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 210-221.

163. Рождественский Д.С. Психоанализ культуры и проблемы общества / Д.С. Рождественский // Вестник психоанализа. – 2002. – №. 2.

164. Ромадина Т.И. Компаративный метод в контексте междисциплинарного синтеза: опыт исследований М. Блока / Т.И. Ромадина // Известия БГУ. – 2007. – №2. – С.132–135.

165. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Издательство: Питер, 2002. – 720 с.
166. Румянцев Н.Е. Педология (наука о детях), её возникновение, развитие и отношение к педагогике / Н.Е. Румянцева. - СПб.: Изд-во О. Богдановой, 1910. – 81 с.
167. Румянцева М.Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна / М.Ф. Румянцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2006. – №. 2 (6). – С. 5-17.
168. Рыбников Н. Биографический метод в психологии / Н. Рыбников // Психология и дети. – 1917. – № 6-8. – С. 1–14.
169. Рыбников Н. Техника школьных психологических опытов / Н. Рыбников. – СПб.: Типография П.П. Сойкина. – 21 с.
170. Савельева И.М. Теория исторического знания: учеб. пособ. / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – СПб.: Алетейя. Историческая книга, 2007. – 523 с.
171. Свенцицкий А. Л. Социальная психология: учебник / А.Л. Свенцицкий // М.: ТК Велби, изд-во Проспект. – 2004. – 336 с.
172. Синёва О.В. Социальная детерминация развития научно-практических течений отечественной психологии в первой половине XX столетия: дисс. ... канд.псих.наук. / Синева О.В. – Иркутск, Изд-во «ИГУ. – 2017.
173. Славко Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. – М.: Наука, 1981. – 160 с.
174. Смит Р. История психологии: пер. с англ./ Р. Смит. – М.: Академия, 2008. – 416 с.
175. Степин В.С. От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) / В.С. Степин. – М.: Изд-во «Наука», 1990.
176. Степин В.С. Философия науки и техники: Учебное пособие / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. М.: Гардарика, 1996а. – 400 с.

177. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика / В.С. Степин. – М.: Б.и., 1996б. – 175 с.
178. Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
179. Степин В.С. Философия и методология науки / В.С. Степин. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. – 716 с.
180. Стоюхина Н.Ю. Некоторые вопросы о ликвидации психотехники / Н.Ю. Стоюхина // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2014а. – Т. 20. – С. 1216–1220.
181. Стоюхина Н.Ю. Социально-политическое воздействие на детей: из истории педологических исследований / Н.Ю. Стоюхина // Психолого-педагогический поиск. – 2014б. – №. 4.
182. Стоюхина Н.Ю. Психотехники в 1936 г.: новые факты / Н.Ю. Стоюхина // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области Академия социального управления, 2018. – №. 2. – С. 525-536.
183. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. – 576 с.
184. Теплов Б.М. Бунт звериного инстинкта против человеческого разума / Б.М. Теплов // Советская педагогика. – 1941. – № 11–12 – С. 66–70.
185. Токвиль А. Демократия в Америке: пер. с франц./предисл. Гарольда Дж. Ласки / А. Токвиль. – М.: Прогресс, 1992.
186. Торкунов А.В. Образование как инструмент «Мягкой силы» во внешней политике России / А.В. Торкунов // Вестник МГИМО. – 2012. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-instrument-myagkoj-sily-vo-vneshney-politike-rossii> (дата обращения: 01.10.2022).
187. Трошихин В.В., Гуков Д. А., Филенко Л. П. Нормы и ценности научного сообщества в системе социально-экономических отношений / В.В.

Трошихин, Д.А. Гуков, Л.П. Филенко // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2014. – №. 4. – С. 104-114.

188. Труды Второго Всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1909 г. Отчет / Сост. М.И. Коновров. – СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1910. – 401 с.

189. Труды Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1906 г. (31 мая - 4 июня). Отчет / Сост. М.И. Коновров. – СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1906. – 280 с.

190. Тумлирц О. Единство психологии и его значение для теории переходного возраста // Педология юности: сб. статей / пер. Г. Аркина; под ред. И. Арямова. М.–Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1931. – С. 172–190.

191. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Хейден Уайт. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 528 с.

192. Умрихин В.В. «Начало конца» поведенческой психологии в СССР / В.В. Умрихин // Репрессированная наука. – Л.: Наука, 1991. – С. 136–145.

193. Уотсон Дж. Бихэвиоризм. Большая советская энциклопедия. Том 6: Бессарабия - Больм / Гл.ред. О.Ю. Шмидт. – М.: АО «Советская энциклопедия», 1927. – С. 434-443.

194. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Л. Флек. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

195. Фуко М. Археология знания / пер. с фр.; общ. ред Бр. Левченко. К.: Ника-Центр. – 1996.

196. Халанчук Л.Л. Научно-техническое сообщество как субъект познавательной и инженерной деятельности: дисс. ... канд. филос. наук. Томск, 1986.

197. Холл С. Наука о дитяти (педология) и ее отношение к воспитанию / С. Холл // Собрание статей по педологии и педагогике. – М.: Московское книгоиздательство, 1912. – С. 1–26.

198. Холтон Дж. Тематический анализ науки / Дж. Холтон. – М.: «Прогресс», 1981. – 384 с.
199. Челпанов Г.И. О прикладной психологии в Германии и Америке / Г.И. Челпанов // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. – 2021. – Т. 6. – № 1. – С. 184-216. [Вопросы философии и психологии. 1912. Год XXIII. Кн. V (115). С. 399-434]
200. Шварцман П.Я., Кузнецова И.В. Педология // Репрессированная наука. Выпуск II / Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И.Мелуа. – СПб.: Наука, 1994. – С. 121-139.
201. Шемякин Ф.Н. Бандиты и человеконенавистники в роли ученых психологов / Ф.Н. Шемякин // Советская педагогика. – 1941. – № 9. – С. 26-33.
202. Шихатов П.И. Экономика Германии 1920-1930 годов XX века. Пауза между войнами / П.И. Шихатов // Вестник МИЭП. – 2012. – №2 (7). – С. 25-37
203. Шкуратов В.А. Историческая психология / В.А. Шкуратов. – М.: Смысл. – 1997.
204. Шмидт С.О. О некоторых общих проблемах истории исторической науки / С.О. Шмидт // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. – Калинин. – 1980. – С. 109-117.
205. Штейнгауз С. Городской институт детской психологии и экспериментальной педагогики имени Н.В. Якунина в Одессе // Психология и дети. – 1917. – № 6–8. – С. 191–194.
206. Шульц Д., Шульц С. История современной психологии - направления и научные школы / Д. Шульц, С. Шульц. – Издательство «Евразия», 1998.
207. Эванс Р. Третий Рейх: дни войны. 1939–1945 / Р. Эванс. – М.: Астрель, 2011.
208. Эткин А. Эрос невозможного: История психоанализа в России / А. Эткин. – Meduza, 1993.

209. Юдин Г. Иллюзия научного сообщества / Г. Юдин // Социологическое обозрение. – 2010. – №3. – С. 57-84.
210. Юревич А.В. Социальная психология науки / А.В. Юревич. – СПб: Изд-во РГХИ, 2001. – 352 с.
211. Юревич А.В. Методология и социология психологии / А.В. Юревич // М.: Институт психологии РАН, 2010.
212. Якименко Ю.Н. Из истории «чисток аппарата»: Академия художественных наук в 1929-1932 гг. / Ю.Н. Якименко // Новый исторический вестник. – 2005. – № 12. – С. 150–162.
213. Янченко Т.В. Развитие педологии в России в начале XX века / Т.В. Янченко // Актуальные вопросы современной науки. – 2013. – №30.
214. Ярошевский М.Г. Трехаспектность науки и проблемы научной школы // Социально-психологические проблемы науки / под ред. М. Г. Ярошевского. – М.: Наука, 1973. – С. 174–184.
215. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки / М.Г. Ярошевский. – 2-е изд. М.: Политиздат, 1974а. – 447 с.
216. Ярошевский М.Г. Структура научной деятельности / М.Г. Ярошевский // Вопросы философии. – 1974б. – № 11. – С. 97–109.
217. Ярошевский М.Г. Принцип детерминизма и логика развития научного познания / М.Г. Ярошевский // Вопросы философии. – 1976. – № 10. – С. 43–54.
218. Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа / под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. – М., 1977. – С. 7–97.
219. Ярошевский М.Г. И.М. Сеченов и психология активности / М.Г. Ярошевский // Вопросы психологии. – 1979а. – № 4. – С. 91–107.
220. Ярошевский М.Г. О генезисе субъекта научного познания / М.Г. Ярошевский // Вопросы философии. – 1979б. – № 6. – С. 68–80.

221. Ярошевский М.Г. Сеченов и мировая психологическая мысль / М.Г. Ярошевский. М.: Наука, 1981.
222. Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии / М.Г. Ярошевский. – СПб.: Междунар. фонд истории науки, 1993. – 301 с.
223. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь / М.Г. Ярошевский // Вопросы психологии. – 1995. – № 4. – С. 5–18.
224. Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века. Учебное пособие. / М.Г. Ярошевский. – М.: Академия, 1996.
225. Ярошевский М. Г. Психологическое познание как деятельность // Основы теоретической психологии / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – М.: ИНФРА-М, 1998. – С. 25–97.
226. Ясницкий А. Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920–30-х гг / А. Ясницкий // Вопросы психологии. – 2010. – Т. 3. – С. 101–112.
227. Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы) / И. Яхот // Вопросы философии. – 1991а. – № 9. – С. 44–68.
228. Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы) / И. Яхот // Вопросы философии. – 1991б. – № 10. – С. 72–138.
229. Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы) / И. Яхот // Вопросы философии. – 1991в. – № 11. – С. 72–115.
230. A Companion to Digital Humanities / S. Schreibman, R. Siemens and J. Unsworth, eds. – Maiden, MA: Blackwell Publishing, 2004. – 640 p.
231. Abresch J., Luck, H. E. Der kluge Hans, Oskar Pfungst und die Hirnrinde / In: H. Gundlach (Ed.), Arbeiten zur Psychologiegeschichte. – Göttingen, Germany: Hogrefe. – 1994. – P. 83–94.
232. Allport G. The psychologist's frame of reference / G. Allport // Psychological Bulletin. – 1940. – 37. – P. 1–28.

233. American Association for Applied Psychology. (1940, January). Walter Van Dyke Bingham Papers (Bulletin No. 3). Pittsburgh, P A: Carnegie Mellon University Library.
234. Anderson I. History and Computing / I. Anderson. – Making History. Institute of Historical Research. London, 2008.
235. Ash M. G. Experimental psychology in Germany before 1914: Aspects of an identity crisis / M.G. Ash // Psychological Research. – 1980. – 42. – P. 75–86.
236. Ash M.G., Geuter U. Geschichte der deutschen Psychologie im 20. Jahrhundert / M. Ash, U. Geuter // Westdeutscher Verlag. – 1985. doi.org/10.1007/978-3-322-89828-9
237. Ash M.G. Gestalt Psychology in German Culture, 1890–1967: Holism and the Quest for Objectivity / M.G. Ash. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
238. Ash M.G. Psychological thought and practice in German-speaking Europe, 1900 –1960 / M.G. Ash // Physis Rivista Internazionale Di Storia Della Scienza. – 2006. – XLIII. – P. 133–155.
239. Back K. W. The proper scope of social psychology / K.W. Back // Social Forces. – 1963, 41(4). – P. 368-376.
240. Bachof O. Die „Entnazifizierung“ / In: A. Flitner (Hg.). Deutsches Geistesleben und Nationalsozialismus. Eine Vortragsreihe der Universität Tübingen mit einem Nachwort von Hermann Diem. Tübingen: Wunderlich. – 1965. – C. 195-216.
241. Bakan D. Political factors in the development of American psychology / D. Bakan // Annals of the New York Academy of Sciences. – 1977. – № 291. – P. 222–232.
242. Ballstaedt S.P., Mandl H., Schnotz W., Tergan S.O. Texte verstehen — Texte gestalten / S.P. Ballstaedt, H. Mandl, W. Schnotz, S.O. Tegrán. – München: Urban & Schwarzenberg, 1981.

243. Banks L.M. The History of Special Operations Psychological Selection / In: A. D. Mangelsdorff (Ed.), *Psychology in the service of national security*. – 2006. – P. 83–95. <https://doi.org/10.1037/11470-006>
244. Basalla G. *The Spread of Western Science* / G. Basalla // *Science*. – 1967. – V. 156(3775). – P. 611–622. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/1721413>.
245. Baumgarten-Tramer F. German psychologists and recent events / F. Baumgarten // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1948. – № 43(4). – P. 452–465. <https://doi.org/10.1037/h0062777>
246. Becker J., Lißmann H-J. Inhaltsanalyse. Kritik einer sozialwissenschaftlichen Methode // *Arbeitspapiere für politische Soziologie*. – 1973. – P. 39-79.
247. Benedict R. *An Anthropologist at Work: Writings of Ruth Benedict* / Ed. Margaret Mead. Boston: Houghton Mifflin Company, 1959.
248. Benetka G., Kienreich W. Hochschulpsychologie in der Ostmark: Das Wiener Psychologische Institut / G. Benetka, W. Kienreich // In K. Fallend, B. Handlbauer, & W. Kienreich (Eds.), *Der Einmarsch in die Psyche*. – 1989. – P. 147–167.
249. Benetka G. «Dienstbare Psychologie»: Besetzungspolitik, Arbeitsschwerpunkte und Studienbedingungen in der «Ostmark» / G. Benetka // *Psychologie Und Gesellschaftskritik*. – 1992. – 16(1). – P. 43–81.
250. Benetka G. *Denkstile der Psychologie: Das 19. Jahrhundert* / G. Benetka // Wien, Austria: WUV Universitätsverlag, 2002.
251. Berelson B. *Content analysis in communication research* / B. Berelson. – New York: The Free Press, 1952.
252. Berger P.L., Luckmann T. *The social construction of reality* / P.L. Berger, T. Luckmann. – New York: Doubleday, 1967.
253. Berlyne D.E. American and European psychology / D.E. Berlyne // *American Psychologist*. – 1968. – № 23(6). – P. 447–452. <https://doi.org/10.1037/h0026431>

254. Bernfeld S. Der soziale Ort und seine Bedeutung für Neurose, Verwahrlosung und Pädagogik / S. Bernfeld // *Imago*. – 1929. – T. 15. – №. 3-4. – C. 299-312.

255. Bernfeld S. Die psychoanalytische Psychologie des Kleinkindes / S. Bernfeld // *Zeitschrift für psychoanalytische Pädagogik*. – 1934. – T. 8. – №. 1-2. – C. 5-16.

256. Beyerchen A.D. Scientists under Hitler: Politics and the Physics Community in the Third Reich / A.D. Beyerchen. – New Haven/London: Yale University Press, 1977.

257. Boas F. Race, language and culture / F. Boas. – New York, Macmillan, 1940.

258. Bohan J.S. Social Constructionism and Contextual History: An Expanded Approach to the History of Psychology / J.S. Bohan // *Teaching of Psychology*. – 1990. – № 17(2). – P. 82–89.

259. Boring E.G. A history of experimental psychology / E.G. Boring. – New York: The Century Company, 1929.

260. Boulaine J. Histoire des pédologues et de la science des sols / J. Boulaine. – 1989. – Paris: INRA.

261. Brock A. Imageless thought or stimulus error? The social construction of private experience / In: W. R. Woodward and R. S. Cohen (Eds.), *World views and scientific discipline formation: Science studies in the German Democratic Republic*. – Dordrecht: Kluwer. – 1991. – P. 97–106.

262. Brozek J., Pongratz L. J. *Historiography of Modern Psychology* / J. Brozek, L.J. Pongratz. – Toronto: CJ Hogrefe, 1980.

263. Bruner J.S., Allport G.W. Fifty years of change in American psychology / J.S. Bruner, G.W. Allport // *Psychological Bulletin*. – 1940. – № 37. – P. 757–776.

264. Buss A.R. The emerging field of the sociology of psychological knowledge / A.R. Buss // *American Psychologist*. – 1975. – № 30. – P. 988–1002.

265. Bühler C. Das Seelenleben des Jugendlichen / C. Bühler. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1975.

266. Camfield T.M. The American Psychological Association and World War I: 1914 to 1919 / In: R.B. Evans, V.S. Sexton, T.C. Cadwallader (Eds.). The American Psychological Association: A historical perspective. – 1992. – P. 91-118.

267. Capshew J. H., Hilgard E. R. The power of service: World War II and professional reform in the American Psychological Association / In R. B. Evans, V. S. Sexton, & T. C. Cadwallader (Eds.), The American Psychological Association: A historical perspective (pp. 149–175). American Psychological Association, 1992. <https://doi.org/10.1037/10111-006>.

268. Cartwright D. Contemporary social psychology in historical perspective / D. Cartwright // Social Psychology Quarterly. – 1979. – № 42(1). – P. 82-93.

269. Clifford G.J. Psychology and the Science of Education: Selective writings of Edward L. Thorndike / G.J. Clifford. – New York, 1962.

270. Cocks G. The Self as Project: Politics and the Human Sciences || Sick Heil: Self and Illness in Nazi Germany / G. Cocks // Osiris. – 2007. – 22(1). – P. 93–115. doi:10.1086/521744

271. Cohen D. Digital history: the raw and the cooked / D. Cohen // Rethinking History. – June, 2004. – Vol. 8. – № 2. – P. 337–340.

272. Cohen D.J., Rosenzweig R. Digital History: A Guide to Gathering, Preserving, and Presenting the Past on the Web / D.J. Cohen, R. Rosenzweig. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006.

273. Cohen D., etc. Interchange: The Promise of Digital History // Journal of American History. – Sep 2008. – Vol. 95. – № 2. – P. 452–491.

274. Collier D., Brady H.E., Seawright J. Toward an Alternative View of Methodology: Sources of Leverage in Causal Inference / In: H. E. Brady and D. Collier (eds.) Rethinking Social Inquiry. Diverse Tools, Shared Standards, Boulder: Rowman and Littlefield, 2004.

275. Dalgaard T., Hutchings N.J., Porter J.R. Agroecology, scaling and interdisciplinarity / T. Dalgaard, N.J. Hutchings, J.R. Porter // *Agriculture, Ecosystems and Environment*. – 2003, 100 (1). – P. 39–51.
276. Dallenbach K. The emergency committee in psychology, National Research Council / K. Dallenbach // *American Journal of Psychology*. – 1946. – № 59. – P. 496–582.
277. Danziger K. The positivist repudiation of Wundt / K. Danziger // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. – 1979. – № 15. – P. 205–230. doi:10.1002/1520-6696
278. Danziger K. Origins and basic principles of Wundt's *Völkerpsychologie* / K. Danziger // *British Journal of Social Psychology*. – 1983. – № 22. – P. 303–313.
279. Danziger K. Does the history of psychology have a future? // *Theory & Psychology*. – 1994. – T. 4. – №. 4. – P. 467-484.
280. Danziger K. *Naming the mind: How psychology found its language* / K. Danziger. – Sage Publications, Inc., 1997.
281. *Defining Digital Humanities: A Reader* / M. Terras, J. Nyhan, E. Vanhoutte (eds.). – Ashgate Publishing, 2013. – 331 p.
282. Denzin N.K., Lincoln Y.S. (Eds.) *Handbook of qualitative research* (3rd ed.) / N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.). Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.
283. Depaepe M., Hellemans M., Leirman W. *Pedagogiek* / In: P. De Meester et al., eds., *Wetenschapnu en morgen*. – Leuven, 1989. – P. 233-246.
284. Depaepe M. Differences and similarities in the development of educational psychology in Germany and the United States before 1945 / M. Depaepe // *Paedagogica historica*. – 1997. – T. 33. – №. 1. – P. 69-97.
285. Deuchler G. *Möglichkeiten und Grenzen der experimentellen Pädagogik* / G. Deuchler // *Langensalza*. – 1926. – P. 14–20.
286. Dewsbury D.A. *Comparative psychology and ethology* / D.A. Dewsbury // *American Psychologist*. —1992a. — № 47. — P. 208–215.

287. Dewsbury D.A. Triumph and tribulation in the history of American comparative psychology / D.A. Dewsbury // *Journal of Comparative Psychology*. – 1992b. – № 106. – P. 3–19.

288. Dewsbury D.A. Rhetoric strategies in the presentation of ethology and comparative psychology in magazines after World War II / D.A. Dewsbury // *Science in Context*. – 1997. – №10. – P. 267–286.

289. Dolch J. Erziehung und Erziehungswissenschaft in Deutschland und Deutschösterreich von 1900 bis 1930. – *Wiss. Buchges.*, 1968.

290. Dollard J., and others. *Frustration and Aggression* / J. Dollard. – New Haven: Yale Univ. Press, 1939.

291. Dudek P. William Stern und das Projekt 'Jugendkunde' / P. Dudek // *Zeitschrift für Pädagogik*. – 1990. – № 35. – P. 153-174.

292. Dumont K., Louw J. The International Union of Psychological Science and the politics of membership: Psychological associations in South Africa and the German Democratic Republic / K. Dumont, J. Louw // *History of Psychology*. – 2001. – 4. – P. 388– 404.

293. Effertz J. Bericht u'ber die Gru'ndung der Deutschen Gesellschaft fu' r Tierpsychologie / J. Effertz // *Zeitschrift fu' r Tierpsychologie*. – 1937a. – №1. – P. 1–3.

294. Effertz J. Bericht u'ber die Gru'ndung der Deutschen Gesellschaft fu' r Tierpsychologie /J. Effertz // *Zeitschrift fu' r Tierpsychologie*. – 1937b. – 1. – P. 1–3.

295. Ehrenstein W. H., Spillmann L., Sarris V. Gestalt issues in modern neuroscience / W.H. Ehrenstein, L. Spillmann, V. Sarris // *Axiomathes*. – 2003. – № 13. – P. 433–458.

296. Eisen W. Kurt Koffka, 1886 – 1941 / W. Eisen // *British Journal of Psychology*. – 1942. – **33**. – P.69–76

297. Ember M. The Logic of Comparative Research / M. Ember // *Behavior Science Research*. – 1991. – Vol. 25. – P. 143–53.

298. Ember C. Cross-Cultural Research / In: D. Levinson, M. Ember (eds.), *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. 1996. – Vol. I. – Holt, New York, NY.
299. Emisch H. *Ludwig Edinger—Hirnanatomie und Psychologie* / H. Emisch. – Stuttgart, Germany: Gustav Fischer, 1991.
300. Farago L. (Ed.). *German psychological warfare* / L. Farago. — New York: Committee on National Morale, 1941.
301. Faust F., Ueber Organisationsformen und Arbeitsweisen in der Erziehungsberatung. *Zeitschrift für Kinderforschung*, 1944. – № 50. – P. 34-44.
302. Fischer A. Die Lage der Pädagogik in der Gegenwart / A. Fischer // *Zeitschrift für Pädagogische Psychologie*. – 1911. – № 12. – P. 83-88.
303. Fischer A. Über Begriff und Aufgabe der pädagogischen Psychologie / A. Fischer // *Zeitschrift für Pädagogik*. – 1917. – № 18. – P. 109-118.
304. Fischer B.A. Maltreatment of People With Serious Mental Illness in the Early 20th Century / B.A. Fischer // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. – 2012. – № 200(12). – P. 1096–1100. doi:10.1097/nmd.0b013e318275d391
305. Frischeisen-Köhler M. Grenzen der experimentellen Methode / M. Frischeisen-Köhler // *Pädagogische Blätter*. – 1918. – 48. – (reprinted in Id., *Philosophie und Pädagogik* (Weinheim, 1962). – P. 110–150.
306. French J. R. P. Retraining an autocratic leader / J.R.P. French // *Journal of Abnormal & Social Psychology*. – 1944. – № 39. – P. 224-237.
307. Fritz R. *The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890–1933* / R. Fritz. – Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1969.
308. Gary B. Mass communication research, the Rockefeller Foundation, and the imperatives of war 1943–1945 / B. Garry // *Research Reports from the Rockefeller Archive Center*. – Tarrytown, NY: Rockefeller Archive Center, 1991.
309. Geertz C. *Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture. The Interpretation of Culture: Selected Essays* / C. Geertz. – New York: Basic Books, 1973.

310. Gengerelli J.A. The dichotomy of science and philosophy / J.A. Gengerelli // *Psychological Review*. – 1937. – № 44(2). – P. 117–137. <https://doi.org/10.1037/h0059744>.
311. George A.L. Quantitative and qualitative approaches to content analysis / In: Ithiel de Sola Pool (Ed.), *Trends in content analysis*. – Urbana, IL: University of Illinois Press, 1959. – P. 7-32.
312. Gerbner G. (Eds.) *Analysis of communication content: Developments in scientific theories and computer techniques* / G. Gerbner, O. Holsti, K. Krippendorff, W.J. Paisley, Ph.J. Stone. – New York, NY: Wiley, 1969.
313. Gergen K.J. Social Psychology as History / K.L. Gergen // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1973. – Vol. 26. – №. 2. – P. 309-320.
314. Gergen K.J. *Realities and relationships: Soundings in social construction* / K.J. Gergen. – Harvard University Press, 1994.
315. Gergen K.J. Social psychology as social construction: The emerging vision // In: C. McCarty & A. Haslam (Eds.), *The message of social psychology: Perspectives on mind in society*. Oxford: Blackwell. – 1997. – P. 113-128.
316. Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays* / A. Gerschenkron. – Cambridge, MA: Belknap Press, 1966.
317. *Geschichte der deutschen Psychologie im 20* / Mitchell G. Ash; Ulfried Geuter (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985.
318. Geuter U. Der Leipziger Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie 1933 / U. Geuter // *Psychologie Und Gesellschaftskritik*. – 1979. – № 3(4). – P. 6–25.
319. Geuter U. Institutionelle und professionelle Schranken der Nachkriegsauseinandersetzung über die Psychologie im Nationalsozialismus / U. Geuter // *Psychologie Und Gesellschaftskritik*. – 1980a. – № 4(1–2). – P. 5–39.
320. Geuter U. Die Zerstörung wissenschaftlicher Vernunft / U. Geuter // *Psychologie Heute*. – 1980b. – №7(4). – P. 35–43.

321. Geuter U. Der Nationalsozialismus und die Entwicklung der deutschen Psychologie. Bericht über den 33 / U. Geuter // Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Psychologie. –1983. – P. 99–106.

322. Geuter U. Die Professionalisierung der deutschen Psychologie im Nationalsozialismus / U. Geuter. – Frankfurt: Suhrkamp, 1984a.

323. Geuter U. «Gleichschaltung» von oben? Universitätspolitische Strategien und Verhaltensweisen in der Psychologie während des Nationalsozialismus / U. Geuter // Psychologische Rundschau. 1984b. – 35(4). – P. 198–213.

324. Geuter U. (Ed.). Daten zur Geschichte der deutschen Psychologie. Psychologische Institute, Fachgesellschaften, Fachzeitschriften und Serien, Biographien, Emigranten 1879–1945 (Bd. 1) / U. Geuter. – Göttingen, Germany: Hogrefe, 1986.

325. Geuter U. Das Institut für Arbeitspsychologie und Arbeitspädagogik der Deutschen Arbeitsfront. Eine Forschungsnotiz / U. Geuter // Zeitschrift Für Sozialgeschichte Des 20. und 21. Jahrhunderts. 1987. – 1(1). – P. 87–95.

326. Geuter U. The Professionalization of Psychology in Nazi Germany / U. Geuter. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

327. Giese F. Theorie der Psychotechnik / F. Giese. – Braunschweig: F. Vieweg und Sohn, 1925. – 180 p.

328. Giese F. Methoden der Wirtschaftspsychologie / F. Giese. – Berlin–Wien: Urban und Schwarzenberg, 1927. – 631 p.

329. Graumann C.F. History as multiple reconstruction: Of mainstreams, tributaries, and undercurrents / C.F. Graumann // In: G. R. Semin & B. Krahe (Eds.), Issues in contemporary German social psychology. London: Sage. – 1987. – P. 1–15.

330. Graumann C.F. Introduction to a history of social psychology / C.F. Graumann // In: M. Hewstone, W. Stroebe, J. P. Codol, & G. M. Stephenson (Eds.), Introduction to social psychology. A European perspective. Oxford: Blackwell, 1988. – P. 3–19.

331. Graumann C.F. Gestalt in social psychology / C.F. Grauman // Psychological research. –1989. – 51(2). – P. 75-80.

332. Gregor T.A., Tuzin D. Comparing Gender in Amazonia and Melanesia: A Theoretical Orientation / In: Gender in Amazonia and Melanesia. An Exploration of the Comparative Method, edited by Thomas A. Gregor and Donald Tuzin, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2001. – P. 1–16.

333. Grusin R. The Dark Side of Digital Humanities: Dispatches from Two Recent MLA Conventions / R. Grusin // Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies. – 2014. – Vol. 25. – No. 1. – P. 79–92.

334. Geuter U. The professionalization of psychology in Nazi Germany (R. Holmes, Trans.) / U. Geuter. – Cambridge University Press, 1992. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511666872>

335. Glaser B.G., Strauss A.L. The discovery of grounded theory / B.G. Glaser, A.L. Strauss. – Chicago, IL: Aldine. – 1967.

336. Gilgen A. R. American psychology since World War II: A profile of the discipline / A.R. Gilgen. – Greenwood Pub Group, 1982.

337. Gilgen A., Gilgen C.K., Koltsova V.A., Oleinik Yu.N. Soviet and American Psychology during World War II (Contributions in Psychology.) / A. Gilgen, C.K. Gilgen, V.A. Koltsova, Yu. N. Oleinik // Westport, Conn/London: Greenwood Press, 1997.

338. Gobo G. The renaissance of qualitative methods / G. Gobo // Forum: Qualitative Social Research. – 2005. – № 6(3). – Art. 42, <http://dx.doi.org/10.17169/fqs- 6.3.5>

339. Goddard H.H. The Kallikak Family: A Study in the Heredity of Feeble-Mindedness / H.H. Goddard. – New York: Macmillan, 1912.

340. Gould S.J. The mismeasure of man / S.J. Gould. – New York: WW Nyrton, 1981.

341. Greene J. C., Caracelli V. J. Defining and describing the paradigm issue in mixed-method evaluation / In J. C. Greene and V. J. Caracelli (Eds.), Advances

in mixed-method evaluation: The challenges and benefits of integrating diverse paradigms. – San Francisco: Jossey-Bass. – 1997. – № 74. – P. 5-17.

342. Greene J. C., Caracelli, V. J., Graham, W.F. Toward a conceptual framework for mixed-method evaluation designs / J.C. Greene, V.J. Caracelli, W.F. Graham // *Educational Evaluation and Policy Analysis*. – 1989. – № 11. – P. 255-274.

343. Greenwood J.D. A conceptual history of psychology / J.D. Greenwood. – N.Y.: McGraw-Hill, 2009.

344. Gundlach H. The Hipp chronoscope as totem pole and the formation of a new tribe—Applied psychology, psychotechnics and rationality / H. Gundlach // *Teorie & Modelli*. – 1996. – T. 1. – №. 1. – C. 65-85.

345. Gundlach H. Reine Psychologie, angewandte Psychologie und die Institutionalisierung der Psychologie / H. Gundlach // *Zeitschrift für Psychologie*. – 2004. – № 212. – P. 183–199. doi:10.1026/0044-3409.212.4.183

346. Hammel E.A. The Comparative Method in Anthropological Perspective / E.A. Hammel // *Comparative Studies in Society and History*. – 1980. – № 22. – P. 145-155.

347. Hammersley M., Atkinson P. What is ethnography? / In: M. Hammersley, P. Atkinson (Eds.), *Ethnography: Principles and practice* (3rd ed.). – London: Routledge, 2007. – P.1-20.

348. Harrington A. Reenchanted Science: Holism in German Culture from Wilhelm II to Hitler / A. Harrington. – Princeton: Princeton University Press, 1999.

349. Harris B. Whatever happened to little Albert? / B. Harris // *American Psychologist*. –1979. – 34(2). – P. 151–160.

350. Harris B. When and why did Laurel Furumoto become a historian of psychology? / B. Harris // *History of Psychology*. – 2020. – 23(3). – P. 281–282.

351. Harrower M. Kurt Koffka, 1886 – 1941 / M. Harrower // *American Journal of Psychology*. – 1942. – 55. – P. 278–281.

352. Harten H.C. Pädagogik und Eugenik im 'Rassenhygienischen' Diskurs vor 1933 / H.C. Harten // *Paedagogica Historica*. – 1997. – № 32.

353. Haupt H.-G. Comparative History. International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / Editors-in-Chief: Niel J. Smelser and Paul B. Baltes. Amsterdam and New York. – 2001. – Vol. 4. – P. 2397-2403.
354. Henle M. One Man Against the Nazis - Wolfgang Köhler / M. Henle // American Psychologist. – 1978. – 33. – P. 939-944.
355. Herman E. The romance of American psychology: Political culture in the age of experts / E. Herman. – University of California Press, 1995.
356. Herrmann U. Die Rolle der Psychologie in der Entwicklung der modernen Erziehungswissenschaft / U. Hermann // in H. Balmer, ed.. Die Psychologie des 20. Jahrhunderts. – Zürich. – 1976. – Vol. I, 1020.
357. Hetzer H. Aufgaben der Erziehungsberatung der NSV-Jugendhilfe. National-sozialistischer Volksdienst, 1940, 7, pp. 236-42.
358. Hetzer H. Die Erziehungsberatung als Mittel der NSV-Jugendhilfe," Deutsche Jugendhilfe, 1940a, 32 (Issue 3/4), pp. 33-9.
359. Hetzer H. Der Einsatz des Psychologen in der Erziehungsberatung der NSV-Jugendhilfe. Die Ärztin, 1942, 18, pp. 171-5.
360. Heßdörfer F. Die Gleichheit des Vergleichs. Pädagogische Gleichheitsfiguren zwischen Ökonomie und Politik / F. Heßdörfer // Jacques Rancière: Pädagogische Lektüren. – Springer VS, Wiesbaden, 2019. – C. 113-133.
361. Hildebrandt H. Zur Bedeutung des Begriffs der 'Alltagspsychologie' in Theorie und Geschichte der Psychologie: eine psychologiegeschichtliche Studie anhand der Krise der Psychologie in der Weimarer Republik / H. Hildebrandt. – Ph.D. diss. – University of Oldenbourg, Germany, 1989.
362. Hilgard E.R. Psychological factors in the restoration of the civilian economy / E.R. Hilgard // Journal of Consulting Psychology. – 1946. – 10(1), – P. 15–22.
363. Hische W. Psychologische Pädagogik. Zur (notwendigen) Neuformung des Verhältnisses zwischen Psychologie und Pädagogik / W. Hische // Zeitschrift für Pädagogische Psychologie. – 1939. – 40.

364. Hofstätter P. Einführung / P. Hofstätter // In Deutsche Wehrmachtpsychologie 1914–1945. – 1985. – P. 7–12.
365. Hollinger D.A. Free enterprise and free inquiry: The emergence of laissez-faire communitarianism in the ideology of science in the United States / D.A. Hollinger // *New Literary History*. – 1990. – T. 21. – №. 4. – C. 897-919.
366. Holsti O.R. Content Analysis / In: G.Lindzey, E.Aronson (Eds.), *The Handbook of Social Psychology* (2nd ed.). – Vol.II, New Delhi: Amerind Publishing Co. – 1968. – P. 596-692.
367. Holsti O.R. Content analysis for the social sciences and humanities / O.R. Holsti. – London: Addison-Wesley publishing company, 1969.
368. Holton G. *The Scientific Imagination: Case Studies* / G. Holton // Cambridge, Cambridge University Press. – 1978.
369. Horst G. Faktor Mensch im Krieg / G. Horst // *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. – 1996, 19(2-3). – P. 131–143.
370. Howard G.S. The role of values in the science of psychology / G.S. Howard // *American Psychologist*. – 1985. – 40. – P. 255–265.
371. Hsieh H.-F., Shannon S. E. Three approaches to qualitative content analysis / H.-F. Hsieh, S.E. Shannon // *Qualitative Health Research*. – 2005. – 15(9). – P. 1277-1288.
372. Hullfish H.G. *Aspects of Thorndike's Psychology in their Relation to Educational Theory and Practice* / H.G. Hullfish // Columbus, 1926.
373. Iggers G. *A Global History of Modern Historiography* / Georg G. Iggers and Q. Edward Wang with contributions from Supriya Mukherjee. – Harlow, England: Pearson Education Ltd, 2008. – 448 p.
374. Ingenkamp K., Laux H. *Geschichte der Pädagogischen Diagnostik*, vol. II: H. Laux, *Pädagogische Diagnostik im Nationalsozialismus 1933-1945* / K. Ingenkamp, H. Laux. – Weinheim, 1990.
375. *Internationalizing the History of Psychology* / edited by André, Jr. Brock, New York University Press, 2006.

376. Jaeger S., Staeuble I. Die Psychotechnik und ihre gesellschaftlichen Entwicklungsbedingungen / S. Jaeger, I. Staeuble // Die Psychologie des 20. Jahrhunderts. – Zurich: Kindler. – 1981. – Vol. 13.

377. Jaensch E.R. Über den Aufbau der Wahrnehmungswelt und ihre Struktur im Jugendalter / E.R. Jaensch. – Leipzig, 1923.

378. Jaensch E.R. Die Eidetik und die typologische Forschungsmethode: in ihrer Bedeutung für die Jugendpsychologie und Pädagogik, für die allgemeine Psychologie und die Psychophysiologie der menschlichen Persönlichkeit; mit besonderer Berücksichtigung der grundlegenden Fragen und der Untersuchungsmethodik / E.R. Jaensch // Leipzig: Quelle & Meyer. – 1925. – 89 p.

379. Jaensch E.R. Neue Wege der Erziehungslehre und Jugendkunde / Jaensch E.R. – Erfurt, 1928.

380. Jaensch E.R. Golden Jubilee Volume 1887-1937. Wege und Ziele der Psychologie in Deutschland / E.R. Jaensch // The American Journal of Psychology. – 1937a. – 50(1-4). – P. 1–22. doi:10.2307/1416617

381. Jaensch E.R. Zur Neugestaltung des deutschen Studententums und der Hochschule / E.R. Jaensch // Leipzig: Barth. – 1937b. – 89 p.

382. Jaensch E.R. Wege und Ziele der Psychologie in Deutschland / E. R. Jaensch // Zeitschrift für Pädagogik. – 1938. – 39.

383. Jaensch E.R., Hentze R. Grundgesetze der Jugendentwicklung. Erkenntnisse der Jugendanthropologie / E.R. Jaensch // Leipzig: A. Barth. – 1939. – 214 p.

384. Jaraus K.H. The perils of professionalization: Lawyers, teachers, and engineers in Nazi Germany / K.H. Jaraus // German Studies Review. – 1986. – 9. – P. 107–137. <http://dx.doi.org/10.2307/1429103>

385. Joravsky D. Russian psychology: a critical history / D. Joravsky. – Oxford: Blackwell, 1989. – 583 p.

386. Jäckel E. Hitler's world view: A blueprint for power / E. Jäckel. – Harvard University Press, 1981.

387. Jüttemann G. Historische Psychologie und die Entwicklung der Menschheit: Die Perspektive einer Fundamentaltheorie / G. Jüttemann // Erwägen, Wissen, Ethik. – 2011. – № 22. – P. 3–16.
388. Jüttemann G., Sonntag M., Wulf C. Die Seele: Ihre Geschichte im Abendland / G. Jüttemann, M. Sonntag, C. Wulf. – Weinheim, Germany: Psychologie Verlags Union, 1991.
389. Kalampalikis N., Delovee S., Petard J.-P. Historical spaces of social psychology // History of the Human Sciences. – 2006. – V. 19. – P. 23-43.
390. Katona G. War Without Inflation / G. Katona. – New York: Columbia Univ. Press, 1945
391. Kerlinger F.H. Foundations of Behavioral Research: Educational and Psychological Inquiry, New York: Holt, Rinehart & Winston, 1964.
392. Kießling A. Entwicklungstendenzen der pädagogischen Psychologie / A. Kießling // Zeitschrift für Pädagogik. – 1929. – 30. – P. 1–9.
393. Kirshenbaum M. What Is «Digital Humanities», and Why Are They Saying Such Terrible Things about It? / M. Kirshenbaum // Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies. – 2014. – Vol. 25. – No. 1. – P. 46–63.
394. Klee E. Das Personenlexikon zum Dritten Reich. Wer war was vor und nach 1945 / E. Klee // Auflage. Frankfurt am Main: Fischer, 2005.
395. Klemm O. Geschichte der Psychologie / O. Klemm. – Leipzig: Teubner, 1911.
396. Klemm O. (Ed.). Bericht u'ber den XIII. Kongress der Deutschen Gesellschaft fu'r Psychologie (16.–19. Oktober 1933) Jena, Germany: Gustav Fischer, 1934.
397. Klemm O. (Ed.). Psychologie des Gemeinschaftslebens—Bericht u'ber den XIV. Kongress der Deutschen Gesellschaft fu'r Psychologie (22.–26. Mai 1934). Jena, Germany: Gustav Fischer, 1935.
398. Klemm O. (Ed.). Gefu'hl und Wille—Bericht u'ber den XV. Kongress der Deutschen Gesellschaft fu'r Psychologie (5.–8. Juli 1936). Jena, Germany: Gustav Fischer, 1937.

399. Klemm O. (Ed.). Charakter und Erziehung—Bericht u`ber den XVI. Kongress der Deutschen Gesellschaft fu`r Psychologie (2.–4. Juli 1938). Leipzig, Germany: Johann Ambrosius Barth, 1939.
400. Klemm P.G. Vorwort / In B. M. Teplow (Ed.), Psychologie, Berlin, Germany: Volk und Wissen. – 1953. – P. 5–8.
401. Knauer A. Das normative Moment in der pädagogischen Psychologie / A. Knauer. – Langensalza, 1934.
402. Koenig-Fachsenfeld O. Freiin von. Erziehungshilfe. Zentralblatt für Psychotherapie. – 1942. – №14. – P. 25-34.
403. Kozulin A. Psychology in Utopia. Toward a Social History of Soviet Psychology / A. Kozulin. – London. – 1984. – 186 p.
404. Kracauer S. The challenge of qualitative content analysis / S. Kracauer. – Public Opinion Quarterly. – 1952. – 16(4). – P. 631-642.
405. Krieger P.L. Rasse, Rhythmus und Schreibinnervation bei Jugendlichen und Erwachsenen / P.L. Krieger // Zeitschrift für Pädagogische Psychologie. – 1937. – 38. – P. 13–31.
406. Krippendorff K. Content analysis: An introduction to its methodology / K. Krippendorff. – Beverly Hills, CA: Sage. – 1980.
407. Krippendorff K. Content analysis: An introduction to its methodology (2nd ed.) / K. Krippendorff. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2004.
408. Kroh O. Die Aufgabe der pädagogischen Psychologie und ihre Stellung in der Gegenwart / O. Kroh // Zeitschrift für Pädagogik. – 1933. – № 34. – P. 305-327.
409. Kroh O. Pädagogische Psychologie im Dienste völkischer Erziehung / O. Kroh // Zeitschrift für Pädagogische Psychologie. – 1937. – № 38. – P. 1–13.
410. Kroh O. Zur Frage der Anwendung in der Psychologie / O. Kroh // Zeitschrift für Pädagogik. – 1938. – № 39. – P. 4–13.
411. Kroh O. Ein bedeutsamer Fortschritt in der deutschen Psychology / O. Kroh // Zeitschrift Für Psychologie. – 1941. – № 151(1–4). – P. 1–32.

412. Kroh O. Zum Ausbau der Prüfungsordnung für Diplom-Psychologen / O. Kroh // Zeitschrift Für Psychologie. – 1943. – № 155(1–2). – P. 1–15.
413. Kuckartz U. Qualitative text analysis: A guide to methods, practice & using software / U. Kuckartz. – London: Sage, 2014.
414. Kühl S. The Nazi-connection: American racism and German national socialism / S. Kühl. – Oxford, 1994.
415. Kühl S. The Nazi connection: Eugenics, American racism, and German national socialism / S. Kühl. – Oxford University Press, 2002.
416. Lasswell H.D., Leites N. Language of politics / H.D. Lasswell, N. Leites. – Cambridge: MIT Press, 1965.
417. Laughlin H.H Eugenical Sterilization in the United States / Laughlin H.H. // Chicago: Psychopathic Laboratory of the Municipal Court of Chicago, 1922.
418. Leahey T.H. A History of Modern Psychology / T.H. Leahey. – Prentice Hall, 1991. – 406 p.
419. Leary D.E. The historical foundation of Herbart's mathematization of psychology / D.E. Leary // Journal of the History the Behavioral Sciences. – 1980. – 16(2). – P. 150–163.
420. Leighton A. Human relations in a changing world: Observations on the use of the social sciences / A. Leighton. – New York: Dutton, 1949.
421. Lerner D. Sykewar: Psychological warfare against Germany, D-Day to VE-Day / D. Lerner. – New York: George W. Stewart, 1949.
422. Lewis O. Comparisons in Cultural Anthropology / In: Readings in Cross-Cultural Methodology, ed. F. W. Moore. New Haven, 1971. – P. 50-85.
423. Lipmann O., Stern W. Forschung und Unterricht in der Jugendkunde / O. Lipmann, W. Stern // Leipzig, 1912.
424. Liu A. The Meaning of the Digital Humanities / A. Liu // PMLA – 2013. – Vol. 128. – No. 2. – P. 409–423
425. Longino H.E. Can there be a feminist science? (Working Paper No. 163) / H.E. Longino. – Wellesley, MA: Wellesley College Center for Research on Women, 1986.

426. Luria A.R. Psychologische Expedition nach Mittelasien / A.R. Luria // Zeitschrift für angewandte Psychologie. – 1931. – T. 40. – C. 551-552.
427. Lück H.E. Geschichte der Psychologie. Strömungen, Schulen, Entwicklungen / H.E. Lück. Stuttgart: Kohlhammer, 1991.
428. Lück H.E., Miller R. (Ed.). Illustrierte Geschichte der Psychologie / H.E. Lück, R. Miller. – München: Quintessenz, 1993.
429. Lück H.E., Grünwald H., Geuter U., Miller R., Rehtien W. Sozialgeschichte der Psychologie: Eine Einführung / Opladen, Germany: Leske and Budrich 1987. doi:10.1007/978-3-322- 97189-0
430. MacBean J.R. Sex and Politics: Wilhelm Reich, World Revolution, and Makavejev's WR / J.R. MacBean // Film Quarterly. – 1972. – 25(3). – P. 2–13. doi:10.2307/1211516
431. Mandler G. Psychologists and the National Socialist access to power / G. Mandler // History of Psychology. – 2002. – 5(2). – P. 190–200. doi:10.1037/1093-4510.5.2.190
432. Mangelsdorff A.D. (Ed.). Psychology in the service of national security / A.D. Mangelsdorff. – American Psychological Association, 2006. <https://doi.org/10.1037/11470-000>
433. Manicas P.T. A History and Philosophy of the Social Sciences / P.T. Manicas. – Oxford: Basil Blackwell, 1987.
434. Mann M. Socio-Logic / M. Mann // Sociology. – 1981. – 15(4). – P. 544-550. <https://doi.org/10.1177/003803858101500410>
435. Marquis D.G. Social psychologists in national war agencies / D.G. Marquis // Psychological Bulletin. – 1944. – № 41(2). – P. 115–126. doi:10.1037/h0056072.
436. Marrow A.I. Kurt Lewin — Leben und Werk / A.I. Marrow // Stuttgart: Klett, 1977.
437. Mattes P. Psychologie im westlichen Nachkriegsdeutschland: Fachliche Kontinuität und gesellschaftliche Restauration. In: M. G. Ash, U. Geuter

- (Eds.), *Geschichte der deutschen Psychologie im 20. Jahrhundert*, 1985. P. 201–224.
– Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
438. McCarty W. *Humanities Computing* / W. McCarty // *Encyclopedia of Library and Information Science*. – NY: Marcel Dekker, 2003. – P. 1224–1235.
439. Métraux A. *Der Methodenstreit und die Amerikanisierung der Psychologie in der Bundesrepublik 1950–1970* / In M. G. Ash & U. Geuter (Hrsg.), *Geschichte der deutschen Psychologie im 20. Jahrhundert*. – Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag, 1985. – P. 225–251.
440. Menninger K. *Psychiatry in a troubled world: Yesterday's war and today's challenge* / K. Menninger. – New York: Macmillan, 1948.
441. Mehrtens H., Richter S. *Naturwissenschaft, Technik und NS-Ideologie: Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte des Dritten Reichs* / H. Mehrtens, S. Richter. – Suhrkamp, 1980.
442. Murphy G. (Ed.) *Human Nature and Enduring Peace* / G. Murphy. – Boston: Houghton Mifflin, 1945.
443. Merton R.K. *The sociology of knowledge and mass communications* / In Robert K. Merton (Ed.), *Social theory and social structure*. New York, NY: The Free Press. – 1968. – P. 487-501.
444. Merz F. *Amerikanische und deutsche Psychologie* / F. Merz // *Psychologie Und Praxis*. – 1960. – 4(1–4). – P. 78–91.
445. Merz F. *Deutsche Psychologie und Nationalsozialismus: Eine Erwiderung* / F. Merz // *Psychologie und Praxis*. – 1961. – P. 32-34.
446. Meskill D. *Characterological Psychology and the German Political Economy in the Weimar Period (1919-1933)* / D. Meskill // *History of Psychology*. – 2004. – 7(1). – P. 3-19.
447. Métraux A. *Der Methodenstreit und die Amerikanisierung der Psychologie in der Bundesrepublik 1950–1970* / In: *Geschichte der deutschen Psychologie im 20. Jahrhundert*. – VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1985. – P. 225-251.

448. Meumann E. Zur Einführung / E. Meumann // Archiv für gesamte Psychologie. – 1903. – 1. – P. 1-18.
449. Meumann E. Der Bund für Schulreform / E. Meumann // Zeitschrift für Experimentelle Pädagogik. – 1910. – 10. – P. 56– 70.
450. Meumann E. Experimentelle Pädagogik und Schulreform / E. Meumann // Zeitschrift für Pädagogische Psychologie. – 1911a. – 12. – P. 1–13.
451. Meumann E. Vorlesungen zur Einführung in die Experimentelle Pädagogik und ihre psychologischen Grundlagen (Bd. 1, zweite Auflage) / E. Meumann. – Leipzig: Engelmann, 1911b.
452. Meumann E. Institut für Jugendkunde / E. Meumann // Pädagogische Reform. – 1912. – №26-27.
453. Meumann E. Vorlesungen zur Einführung in die Experimentelle Pädagogik und ihre psychologischen Grundlagen (Bd. 2, zweite Auflage) / E. Meumann. – Leipzig: Engelmann, 1913.
454. Meumann E. Referat über Forschungsinstitut und Universität in ihren Beziehungen zum Kolonialinstitut / E. Meumann // In: Staatsarchiv Hamburg, Bürgerschaft I, Ausbau des Kolonialinstituts, Anlage 2 zum Sitzungsprotokoll. – Vol. 22. – 1. – 1914a.
455. Meumann E. System der Ästhetik (Wissenschaft und Bildung 124) / E. Meumann // Leipzig: Quelle und Meyer, 1914b.
456. Meumann E. Vorlesungen zur Einführung in die Experimentelle Pädagogik und ihre psychologischen Grundlagen (Bd. 3) / E. Meumann. – Leipzig: Engelmann, 1914p.
457. Mironenko I.A., Proskuriakova E., Rafikova V.A., Kozlova Y., Simonovich A., Proshina A., Danina E. Walking in St. Petersburg-Vienna Walks Continued / I. A. Mironenko, E. Proskuriakova, V. Rafikova [et al.] // Human Arenas. – 2020. – Vol. 3, No. 2. – P. 190-213. – DOI 10.1007/s42087-019-00076-8.
458. Mironenko, I. A., Rafikova V.A. Concerning the history of comparative psychology in Russia / I. A. Mironenko, V. A. Rafikova // Vestnik of Saint

Petersburg University. Psychology. – 2020. – Vol. 10. – № 1. – P. 61-72. – DOI 10.21638/spbu16.2020.105.

459. Mironenko I.A., Rafikova V.A. Pavlov in Russian contemporary psychological discourse // In: One Dog Is Enough: Ivan P. Pavlov's Contributions to Idiographic Science / A volume in the series: Yearbook of Idiographic Science. Editor(s): Sergio Salvatore, University of Salento. Jaan Valsiner, Niels Bohr Professor of Cultural Psychology, Aalborg University. Charlotte, NC: Information Age Publishers). – 2022. – P. 105-128.

460. Moers M. Psychologische Fragen zum Einsatz der Frau in die industrielle Arbeit / M. Moers // Industrielle Psychotechnik. – 1942. – № 19(1–2). – P. 1–8.

461. Moghaddam F.M., Taylor D.M. Psychology in the developing world: An evaluation through the concepts of “dual perception” and “parallel growth” / F.M. Moghaddam, D.M. Taylor // American Psychologist. – 1985. – 40. – P. 1144–1146.

462. Moghaddam F.M., Taylor D.M. What constitutes an “appropriate psychology” for the developing world? / F.M. Moghaddam, D.M. Taylor // International Journal of Psychology. – 1986. – 24. – P. 253–267.

463. Moghaddam F.M. Modulative and generative orientations in psychology: Implications for psychology in the Third World / F.M. Moghaddam // Journal of Social Issues. – 1990. – № 56. – P. 21–41.

464. Moghaddam F.M. Social psychology / F.M. Moghaddam. – New York: Freeman., 1998.

465. Moghaddam F.M. The individual and society: A cultural integration / F.M. Moghaddam. – New York : Worth., 2002.

466. Moghaddam F.M. Great ideas in psychology: A cultural and historical introduction / F. M. Moghaddam. – Oxford: Oneworld, 2005.

467. Moghaddam F.M., Lee N. The Process of Universalizing Psychology in the Three Worlds / In: Internationalizing the history of psychology / edited by Adrian C. Brock. – 2006. – P. 163-182.

468. Morgan D.L. Qualitative content analysis: A guide to paths not taken / D.L. Morgan // *Qualitative Health Research*. – 1993. – 3(1). – P. 112-121.
469. Moses J. Rihoux B., Kittel B. Mapping political methodology: reflections on a european perspective / J. Moses, B. Rihoux, B. Kittel // *European Political Science*. – 2005. – 4(1). – P. 55–68. doi:10.1057/palgrave.eps.2210006
470. Murdock G.P. Comparative data on the division of labor by sex / G.P. Murdock // *Social forces*. – 1937. – T. 15. – №. 4. – C. 551-553.
471. Murphy G., Murphy L. B. Experimental social psychology / G. Murphy, L.B. Murphy. Harper, – 1931.
472. Nachmias D. Nachmias C. Content analysis / In: *Research methods in the social sciences*. UK: Edward Arnold, 1976. – P. 132-139.
473. Napoli D. S. Architects of adjustment: The history of the psychological profession in the United States. Port Washington, NY: Kennikat Press. 1981.
474. O'Donnell J.M. The Origins of Behaviourism / J.M. O'Donnel. – N.Y.: New York University Press, 1985.
475. Page J.M. State-Sponsored Injustice: The Case of Eugenic Sterilization / J.M. Page // *Social Theory and Practice*. – 2019. – V. 45. – № 1. – P. 75–101.
476. Paoletti J.B. Content Analysis: Its Application to the Study of the History of Costume / J.B. Paoletti // *Clothing and Textiles Research Journal*. – 1982, 1(1). – P. 14–17. doi:10.1177/0887302X8200100103
477. Pfahler G. Rasse und Erziehung / G. Pfahler // *Zeitschrift für Pudegische Psychologie*. – 1939.
478. Philips D.E. Wat is Scientific? / D.E. Philips // *Journal of Educational Psychology*. – 1932. – 20. – P. 299–308.
479. Pickren W. Tension and opportunity in post-World War II American psychology / W. Pickren // *History of Psychology*. – 2007. – T. 10. – №. 3. – P. 279-299.
480. Polanyi M. The growth of thought in society / M. Polanyi // *Economica*. New Series. – 1941. – Vol. 8. – № 32. – P. 428-456.

481. Polanyi M. Self-government of science (Address to the Manchester Literary and Philosophical Society February, 1942) / Polanyi M. // The logic of liberty. – Chicago: University of Chicago Press, 1951. – P. 149-167.
482. Polanyi M. Personal knowledge: towards a post-critical philosophy / M. Polanyi. – London: Routledge & Kegan Paul, 1962.
483. Polanyi M. The Republic of Science: its political and economic theory / M. Polanyi // Minerva. – 1962. – Vol. 1. – № 1. – P. 54-73.
484. Pongratz L.J. Problemgeschichte der Psychologie / L.J. Pongratz. – Bern: Francke, 1967.
485. Pool I. Trends in content analysis today: A summary / In: Ithiel de Sola Pool (Ed.), Trends in content analysis Urbana, IL: University of Illinois Press, 1959. – P.189-233.
486. Price Control and Business. – Bloomington: Principia Press, 1945
487. Program of the third annual professional conference and business meeting of the American Association for Applied Psychology // Journal of Consulting Psychology. – 1939. – 3. – P. 182-190.
488. Program of the fourth annual professional conference and business meeting of the American Association for Applied Psychology // Journal of Consulting Psychology. 1940. – 4. – P. 151-160.
489. Program of the fifth annual professional conference and business meeting of the American Association for Applied Psychology // Journal of Consulting Psychology. 1941. – 5. – P.197-204.
490. Psychologische praktijken. Een Twintigste-eeuwse geschiedenis // Edited by J. van Ginneken; J. Jansz. – The Hague: Vuga, 1986. – 269 pp.
491. Prasad B.D. et al. Qualitative Content Analysis: Why is it Still a Path Less Taken? / B.D. Prasad // Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research. – 2019. – T. 20. – №. 3.
492. Probst P. Ernst Meumann als Begründer der empirischen Psychologie in Hamburg / P. Probst // Psychologie und Geschichte. – 1989. – T. 1. – №. 2.

493. Radcliffe-Brown A. R. The comparative method in social anthropology / A.R. Radcliffe-Brown // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. – 1951. – T. 81. – №. 1/2. – P. 15-22.
494. Report of the Committee on Psychology in Industry. (1936, May 9). Washington, DC: American Psychological Association Archives, Library of Congress, Manuscript Division.
495. Reports of the AAAP // *Journal of Consulting Psychology*. – 1938. – 2. – P. 77-82.
496. Rice J.M. Scientific Management in Education / J.M. Rice. – New York-Philadelphia, 1913
497. Rice C.E. History of psychology 1900-2000: Uncertain Genesis / C.E. Rice // *American Psychologist*. – 2000. – 55(5). – P. 488-491. DOI: 10.1037/0003-066X.55.5.488.
498. Richter M. Comparative Political Analysis in Montesquieu and Tocqueville / M. Richter // *Comparative Politics*. – 1969. – 1. – P. 129-160.
499. Riekel A. Die probleme der lehrerbildung / A. Riekel. – Springer, 1925.
500. Ringer F.K. The decline of the German mandarins. The German academic community, 1890–1933 / F.K. Ringer. – Cambridge, Mass.: Harvard Univ Press, 1969.
501. Robinson D.N. An intellectual history of psychology / D.N. Robinson. – University of Wisconsin Press, 1995.
502. Rock R.T. Thorndike's Contribution to the Psychology of Learning / R.T. Rock // *Teachers College Record*. – 1940. – 6. – P. 751-761.
503. Rohrs H. Die Pädagogik Aloys Fischers. Versuch einer systematischen Darstellung seines wissenschaftlichen Gesamtwerkes / H. Rohrs // *Ratingen*. – 1953. – P. 24-30.
504. Rosa A., Huertas J.A., Blanco F. Metodología para la historia de la psicología / A. Rosa, J.A. Huertas, F. Blanco // Madrid: Alianza, 1996.
505. Roscoe P. The Comparative Method / P. Roscoe // *Religion Compass*. – 2008. – 2(4). – P. 734-753. doi:10.1111/j.1749-8171.2008.00093.x

506. Rose N. *Inventing ourselves: Psychology, power and personhood* / N. Rose. – New York: Cambridge University Press, 1996.
507. Rose N. *Governing the soul: The shaping of the private self* (2nd ed.) / N. Rose. – London: Routledge, 1999.
508. Roth H. *Die realistische Wendung in der pädagogischen Forschung* / H. Roth // *Neue Sammlung*. – 1962. – 2. – P. 481-490.
509. Rugg H.O. *After Three Decades of Scientific Method in Education* / H.O. Rugg // *Teachers College Record*. – 1934. – 36(2). – P. 111-122.
510. Saler B. *Comparison: some suggestions for improving the inevitable* / B. Saler // *Numen*. – 2001. – T. 48. – №. 3. – C. 267-275.
511. Samelson F. *History, origin myth and ideology: "Discovery" of social psychology* / F. Samelson // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. – 1974. – 4(2). – P. 217–231.
512. Samelson F. *J. B. Watson's Little Albert, Cyril Burt's twins, and the need for a critical science* / F. Samelson // *American Psychologist*. – 1980. – 35(7). – P. 619–625.
513. Samelson F. *Putting psychology on the map: Ideology and intelligence testing* / In: A. R. Buss (Ed.), *Psychology in social context*. – New York, NY: Irvington. – 1979. – P. 103–168.
514. Samuels A. *National Psychology, National Socialism, and Analytical Psychology: Reflections on Jung and anti-semitism Part I* / A. Samuels // *Journal of Analytical Psychology*. – 1992. – T. 37. – №. 1. – C. 3-28.
515. Sander F. *Deutsche Psychologie und Nationalsozialistische Weltanschauung* / F. Sander // *Nationalsozialistisches Bildungswesen*. – 1937. – 2. – P. 641–649.
516. Sarason S.B. *American psychology and schools: A critique* / S.B. Sarason // *American Journal of Community Psychology*. – 2003. – T. 32. – №. 1-2. – C. 99-106.
517. Scheerer E. *Gestalt psychology in the Soviet Union* / E. Scheerer // *Psychological Research*. – 1980. – T. 41. – №. 2. – C. 113-132.

518. Schreier M. Qualitative content analysis in practice / M. Schreier. – London: Sage, 2012.
519. Schreier M. Qualitative content analysis / U. Flick (Ed.), The Sage handbook of qualitative data analysis / M. Schreier. – London: Sage. – 2014. – P. 170-183.
520. Schönpflug W. Prä- und postmoderne Aspekte der Kritischen Psychologie / W. Schönpflug // Psychologie & Geschichte. – 1995. – 7(1). – P. 79–84.
521. Schönpflug W., Brauns H. Psychologie an der Freien Universität Berlin / W. Schönpflug, H. Brauns // In L. Sprung & W. Schönpflug (Eds.), Zur Geschichte der Psychologie in Berlin. – 2003. – P. 429–449.
522. Schönpflug W. Selbstdarstellung / W. Schönpflug // In K. -H. Renner & H. Lück (Eds.), Psychologie in Selbstdarstellungen. Pabst Science Publishers. – 2007. – P. 220–232.
523. Schönpflug W. Deutsche Psychologie in Zeiten zweier Diktaturen: Instrumentalisierung von Wissenschaft durch Politik oder Instrumentalisierung von Politik durch Wissenschaftler? / W. Schönpflug // In T. Herrmann & W. Zeidler (Eds.), Psychologen in autoritären Systemen. – 2012. – P. 319–334.
524. Schönpflug W. Professional psychology in Germany, National Socialism, and the Second World War / W. Schönpflug // History of Psychology. – 2017. – 20(4). – P. 387–407. <https://doi.org/10.1037/hop0000065>
525. Schönpflug W. Professionalisierung der Psychologie im Dritten Reich: Aufschwung oder Sackgasse? / W. Schönpflug // In M. Wieser (Ed.), Psychologie im Nationalsozialismus. – 2020. – P. 73–87.
526. Sexton V.S. American psychology and philosophy, 1876–1976: Alienation and reconciliation/ V.S. Sexton // The Journal of General Psychology. – 1978. – T. 99. – №. 1. – C. 3-18.
527. Shils E. The scientific community: thoughts after Hamburg / E. Shils // Bulletin of the Atomic Scientists. – 1954. – May. – P. 151-155.

528. Sigerist H.E. Science and Democracy / H.E. Sigerist // Science and Society. – 1938. – Vol. 2.

529. Simoneit M. Vom Werden der deutschen Wehrnachtpsychologie: Ein geschichtlicher Ruckblick / M. Simoneit // Wehrpsychologische Mitteilungen. – January. – 1940. – P.1-60.

530. Simonton D.K. Leaders of American psychology, 1879–1967: Career development, creative output, and professional achievement / D.K. Simonton // Journal of Personality and Social Psychology. – 1992. – T. 62. – №. 1. – C. 5-17.

531. Skott H.E. Attitude research in the Department of Agriculture / Skott H.E. // Publ. 0-pin. Quart. – 1943. – 7. – P. 280-292.

532. Smelser N.J. Comparative Methods in the Social Sciences and Essays in Sociological Explanation / N.J. Smelser. – London, 1976.

533. Spranger E. Grundgedanken der geisteswissenschaftlichen Psychologie / E. Spranger // Die Erziehung. – 1934. – 9. – P. 209-223.

534. Sprinz D.F., Wolinsky-Nahmias Y. Models, Numbers, and Cases: Methods for Studying International Relations / D.F. Sprinz, Y. Wolinsky-Nahmias. – Ann Arbor (Mich.): University of Michigan press, 2004.

535. Sprung L. History of modern psychology in Germany in 19th-and 20th-century thought and society / L. Sprung // International Journal of Psychology. – 2001. – T. 36. – №. 6. – C. 364-376.

536. Stan L. Content analysis / In: Albert J. Mills, Gabrielle Durepos & Elden Wiebe (Eds.), Encyclopedia of case study research. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2010. – P. 225-229.

537. Stern W. Die Jugendkunde als Kulturforderung, mit besonderer Berücksichtigung des Begabungsproblems / W. Stern. – Quelle & Meyer, 1916.

538. Stern W. Zur Psychologie der reifenden Jugend. Kritische und methodische Betrachtungen / W. Stern // Zeitschrift für Pädagogik. —1927. — 28. —P. 1-10.

539. Stocking G. On the limits of 'presentism' and 'historicism' in the historiography of the behavioral sciences / G. Stocking // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. —1965. —1(3). — P. 211-218.

540. Stone P.J., Dunphy D.C., Smith, M.S., Ogilvie D.M. The general inquirer: A computer approach to content analysis / P.J. Stone, D.C. Dunphy, M.S. Smith, D.M. Ogilvie. —Cambridge, MA: MIT Press, 1966.

541. Storey W.K. (ed.) *Scientific Aspects of European Expansion* / W.K. Storey. —Aldershot: Variorum, 1996.

542. Stouffer S.A., ed. *The American soldier: Combat and its aftermath. (Studies in social psychology in World War II)* / S.A. Stouffer, A.A. Lumsdaine, M.H. Lumsdaine, R.M. Williams, M.B. Smith, I.L. Janis, S.A. Star, L.S. Cottrell. — Princeton University Press, 1949.

543. Tabor J. *Kunst und Diktatur: Architektur, Bildhauerei und Malerei in Österreich, Deutschland, Italien und der Sowjetunion, 1922–1956* / J. Tabor. — Baden: Verlag Grasl, 1994.

544. Tanner A.E. *Experimental Didactics in the Children's Institute* / A.E. Tanner // *Pedagogical Seminary*. — 1910. — № 17. — P. 204-212.

545. Tenorth H.E. *Deutsche Erziehungswissenschaft 1930 bis 1945. Aspekte ihres Strukturwandels* / H.E. Tenorth // *Zeitschrift für Pädagogik*. — 1986. — 32.

546. Tenorth H.E. «Unnötig und unerwünscht» - Siegfried Bernfeld und die Universitäts- pädagogik // in: R. Hörster, B. Müller, eds., *Jugend, Erziehung und Psychoanalyse. Zur Sozialpädagogik Siegfried Bernfelds* / Neuwied-Berlin, 1992. — P. 23-40.

547. Teo T. *Backlash against American psychology: An indigenous reconstruction of the history of German critical psychology* / T. Teo // *History of Psychology*. — 2013. — 16(1). — P. 1–18. doi:10.1037/a0030286

548. Tesch R. *Qualitative research: Analysis types and software tools* / R. Tesch. — London: The Falmer Press. — 1990.

549. *The ABC's of Scapegoating* / Harvard University, Department of Psychology. — Chicago: Central Y.M.C.A. College, 1943.

550. Toomela A. Culture of Science: Strange History of the Methodological Thinking in Psychology / A. Toomela // Integrative psychological and behavioral science. – 2007. – № 41. – P. 6–20. doi:10.1007/s12124-007-9004-0.

551. Thaller M. Automation on Parnassus. CLIO – A databank oriented system for historians M. Thaller // Historical Social Research. – 1980. – Vol. 15. – P. 40–65.

552. Thaller M. Kleio 4. Ein Datenbanksystem. – St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, 1992. – 302 p. – (Halbgraue Reihe zur Historischen Fachinformatik, Serie B Softwarebeschreibungen / Series B – Software descriptions, Band 1).

553. Thieme F. Rassentheorien zwischen Mythos und Tabu: der Beitrag der Sozialwissenschaft zur Entstehung und Wirkung der Rassenideologie in Deutschland // Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 1988. – T. 171.

554. Thorndike E.L. Adolescence; its Psychology and its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education / E.L. Thorndike // Science. – 1904. – T. 20. – №. 500. – P. 142-145.

555. Thorndike E.L. The functions of mental states / In: E. L. Thorndike, The elements of psychology. – 1905. – P. 111–119. <https://doi.org/10.1037/10881-008>

556. Thorndike E.L. What is 'Scientific'? / In: Fifth Yearbook of the National Society for the Study of Education (N.S.S.E.). Bloomington, 1906. – Vol. I. – P. 81-82.

557. Thorndike E.L. Educational Psychology. Vol. 2. The psychology of learning / E.L. Thorndike. – Teachers college, Columbia university, 1913. – T. 2.

558. Thorndike E.L. The Nature, Purpose and General Methods of Measurements in Educational Products / In: Seventeenth Yearbook of the N.S.S.E. – Bloomington, 1918. – Vol. II.

559. Thorndike E.L. Measurement in education / In: G. M. Whipple (Ed.), Intelligence tests and their use: The twenty-first yearbook of the National

Society for the Study of Education. – Public School Publishing Co. – 1922. – P. 1–9. <https://doi.org/10.1037/11013-001>

560. Travers R.M.W. How Research Has Changed American Schools: A history from 1840 to the present / R.M.W. Travers. – Kalamazoo, 1983.

561. Tucker W.H. The Funding of Scientific Racism: Wickliffe Draper and the Pioneer Fund / W.H. Tucker. – University of Illinois Press, 2007.

562. Tumlirz O. Einführung in die Jugendkunde: mit besonderer Berücksichtigung der experimentell-pädagogischen Forschungen. Bd. 1. / O. Tumlirz // Graz: J. Klinkhardt. – 1920. – 262 p.

563. Tumlirz O. Probleme und Zukunftsfragen der Jugendkunde / O. Tumlirz // Wien: Österr. Bundesverl. f. Unterricht, Wissenschaft und Kunst. – 1925. – 48 p.

564. Tumlirz O. Die geistige Entwicklung des Jugendlichen. 2., verb. / O. Tumlirz // Aufl. Leipzig: Klinkhardt. VIII. – 1927. – 304 p.

565. Tumlirz O. Die Einheit der Psychologie und ihre Bedeutung für die Theorie der Reifejahre / O. Tumlirz // Zeitschrift für Pädagogische Psychologie. – 1928. – №. 10.

566. Tumlirz O. Pädagogische Psychologie / O. Tumlirz. – Leipzig, 1930

567. Tumlirz O. Jugendpsychologie der Gegenwart / O. Tumlirz // Berlin: Junker und Dünnhaupt. – 1933. – 97 p.

568. Tumlirz O. Anthropologische Psychologie/ O. Tumlirz // Berlin: Junker und Dünnhaupt. – 1939. – 539 p.

569. Tumlirz O. Abriss der Jugendkunde und Charakterkunde / O. Tumlirz. – Leipzig. – 1940. – 119 p.

570. Valsiner J. A guided science: history of psychology in the mirror of its making / J. Valsiner. Routledge, 2012.

571. Valentine P.F. There is no Educational Psychology / P.F. Valentine // Journal of Educational Psychology. – 1936. – 27. – P. 711-712.

572. Van Dijk T. A. Multidisciplinary CDA: A plea for diversity / T.A. Van Dijk // *Methods of critical discourse analysis*. – 2001. – № 1. – P. 95–120. DOI: 10.4135/9780857028020.d7

573. Vaughn-Blount K., Rutherford A., Baker D., Johnson D.; *History's Mysteries Demystified: Becoming a Psychologist–Historian* / K. Vaughn-Blount, A. Rutherford, D. Baker, D. Johnson // *The American Journal of Psychology*. – 2009. – 122 (1). – P. 117–129. doi: <https://doi.org/10.2307/27784381>

574. von Allesch J. German psychologists and national socialism / J. von Allesch // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1950. – 45(2). <https://doi.org/10.1037/h0053748>

575. Wagner J. *Die wissenschaftsmethodischen Richtungen der gegenwärtigen Pädagogik* / J. Wagner. – Erfurt: Stenger, 1928.

576. Watson G. Psychology in Germany and Austria / G. Watson // *Psychological Bulletin*. – 1934. – 31(10). – P. 755–776. doi:10.1037/h0069919

577. Watson R.I. The history of psychology: A neglected area / R.I. Watson // *American Psychologist*. – 1960. – 15(4). – P. 251–255. <https://doi.org/10.1037/h0044284>

578. Watson R.I. The history of psychology as a specialty: A personal view of its first 15 years / R.I. Watson // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. – 1975. – 11. – P. 5–14.

579. Wellek A. *Deutsche Psychologie und Nationalsozialismus* / A. Wellek // *Psychologie Und Praxis*. – 1960. – 4. – P. 177–182.

580. Wettersten J.R. The historiography of scientific psychology: A critical study / J.R. Wettersten // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. – 1975. – 11(2). – P. 157–171.

581. White A.D. *A History of the Warfare of Science with Theology* / A.D. White. – N.Y.: D. Appleton and Company, 1896.

582. Wieser M. *Von Erziehung statt Strafe zur Stählung des Charakters: Psychotechnik und Erbbiologie in den österreichischen Bundesanstalten für*

Erziehungsbedürftige, 1929–1945 / M. Wieser // Österreichische Zeitschrift Für Geschichtswissenschaften. – 2019. – 30(1). – P. 192–215.

583. Wieser M. Zur Geschichte der angewandten Psychologie in der «Ostmark» / In M. Wieser (Ed.), Psychologie im Nationalsozialismus. – 2020. – P. 167–193.

584. Wieser M. Deutsche Seelenheilkunde «und die Erfindung des» behandelnden Psychologen. Zum Verhältnis von Psychologie und Psychotherapie im Nationalsozialismus / M. Wieser // Psychologische Rundschau. – 2021. – 72(3). – P. 181–191. <https://doi.org/10.1026/0033-3042/a000544>

585. Wieser M., Benetka G. Psychology in national socialism: The question of “professionalization” and the case of the “Ostmark” / M. Wieser, G. Benetka // History of Psychology. – 2022. <https://doi.org/10.1037/hop0000211>

586. Wilensky H.L. The professionalization of everyone? / H.L. Wilensky // American Journal of Sociology. – 1964. – 70(2). – P. 137–158. <https://doi.org/10.1086/223790>

587. Wimmer R.D., Dominick J.R. An introduction to mass media research / R.D. Wimmer, J.R. Dominik // California: Wadsworth. – 1994.

588. Wohlwill J. F. German psychological journals under National Socialism: a history of contrasting paths / J.F. Wohlwill // Journal of the History of the Behavioral Sciences. – 1987. – T. 23. – №. 2. – C. 169-185.

589. Wright E. Constructiveness of play as affected by group organization and frustration / E. Wright // Charact. & Person. – 1942. – 11. – P. 40-49.

590. Wyatt F., Teuber H.L. German psychology under the Nazi system: 1933-1940. / F. Wyatt, H.L. Teuber // Psychological Review. – 1944. – 51(4). – P. 229–247.

Приложение А. Таблица 9 – Основные монографии и учебники по истории психологии (за 1945-1990 гг.)

Годы	Название работы	Содержание
1945-1960	Ананьев Б. Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков: монография. М.: ОГИЗ, 1947 168 с.	Фактически относится к искомому периоду, но содержит материал только про начало 20 в .
	Психологическая наука в СССР: в 2-х тт. / Ред. колл.: Б.Г. Ананьев, Г.С. Костюк, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Н.А. Менчинская, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, Ф.Н. Шемакин. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959-1960. Т. I. – 600 с. Т. II. – 656 с.	Появляется раздел об исследованиях в период Великой Отечественной войны
	Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 354 с.	Небольшой раздел, посвященный истории; история периода 1930-1940-х гг. не акцентируется
1960	Современная психология в капиталистических странах / Отв. ред. Е.В. Шорохова. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 406 с.	Появляется отдельная глава «Военная психология», состоящая из пунктов 1. «Военная психология после двух мировых войн» и «Применение психологических методов в вооруженных силах)
	Петровский А.В. На подступах к марксистской психологии // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 239. Вопросы теории и истории психологии. – М., 1964.	История периода 1930-1940-х гг. не акцентируется
	Ярошевский М.Г. История психологии. – М.: Мысль, 1966. – 565 с.	Глава «б. Пути развития отечественной психологии в 20-50-е годы XX столетия» (в повествовании автор отталкивается от логики развития научных течений или идей отдельных ученых, не уделяя особого внимания отдельным периодам; Вторая мировая война упоминается в связи с фактами биографии отдельных ученых или постольку, поскольку описываемые разработки были связаны с нуждами войны)

Продолжение таблицы 9.

Годы	Название работы	Содержание
	1967 г. А.В. Петровский «История советской психологии»	Отдельная глава «Советская психология в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны. Пути и задачи ее дальнейшего развития»; Можно говорить, что впервые отдельное внимание уделяется этому периоду здесь
	Роговин М.С. Введение в психологию. (Одобрено Министерством высшего и среднего специального образования в качестве пособия для студентов, специализирующихся в области психологии). – М.: Высшая школа, 1969. – 383 с.	Широкий экскурс в историю (и проблемы ее написания), но отдельно о ВМВ или исследованиях в этот период нет информации
1970	Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. – М.: Политиздат, 1971. – 368 с.	Построена, отталкиваясь от научных направлений, нет акцента на истории
	Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972	Есть раздел «Советская психологическая наука в 1931-1946 гг»; впервые объединяется период 1930-1940-х гг.
	Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1974. – 447 с.	Переиздание
	Смирнов А.А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. – М.: Педагогика, 1975. – 352 с.	Отдельная глава, посвященная советской психологии в период Великой Отечественной войны
	Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – 2-е изд. / Отв. ред. Е.В. Шорохова. – М.: Педагогика, 1976. – 416 с.	Переиздание
	Ярошевский М.Г. История психологии. 2-е, перераб. изд. – М.: Мысль, 1976. – 463 с.	Переиздание
	Гальперин П.Я. Введение в психологию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 150 с.	Почти нет исторического аспекта

Продолжение таблицы 9.

Годы	Название работы	Содержание
	Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980	Большой акцент на зарубежные направления; про указанный период – глава об открытом кризисе науки до середины 30 гг.
1980	Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. – М.: Педагогика, 1984. – 272 с.	Отдельно период 1930-х гг. или период ВМВ не выделяется
	Ярошевский М.Г. История психологии. – 3-е, дораб. изд. – М.: Мысль, 1985. – 575 с.	Переиздание

Приложение Б. Таблица 10 – Работы послевоенного периода, в которых
содержится репрезентация периода 1930-1940 гг.

	Германия	США	Россия
1946-1960	Baumgarten-Tramer F. German psychologists and recent events / F. Baumgarten // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1948. – 43(4). – P. 452–465. https://doi.org/10.1037/h0062777	Wyatt F., Teuber H.L. German psychology under the Nazi system: 1933-1940. / F. Wyatt, H.L. Teuber // Psychological Review. – 1944. – 51(4). – P. 229–247. Dallenbach K. The emergency committee in psychology, National Research Council / K. Dallenbach // American Journal of Psychology. – 1946. – 59. – P. 496–582.	Рыбников Н.А. К истории психологии (обзор диссертаций) // Советская педагогика. 1954 № 6. С. 150-153. Прангишвили А.С. Научная работа в Институте психологии. Д. Н. Узнадзе АН Грузинской ССР // Вопросы психологии. 1955 № С. 122-125. Смирнов А.А. Советская психология за 40 лет // Вопросы психологии. 1957 № 5. С. 9-56.
1960-1970	Diem H., Flitner A. Deutsches Geistesleben und Nationalsozialismus: Eine Vortragsreihe der Universität Tübingen. Tübingen: Wunderlich. – 1965.	Clifford G.J. Psychology and the Science of Education: Selective writings of Edward L. Thorndike / G.J. Clifford. – New York, 1962.	Смирнов А.А. К 50-летию советской психологии // Вопросы психологии. 1967. № 5. С. 13-37.
1970-1980	Geuter U. Der Leipziger Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie 1933 / U. Geuter // Psychologie Und Gesellschaftskritik. –1979. – 3(4). – P. 6–25.	Beyerchen A.D. Scientists under Hitler: Politics and the Physics Community in the Third Reich / A.D. Beyerchen. – New Haven/London: Yale University Press, 1977. Cartwright D. Contemporary social psychology in historical perspective / D. Cartwright // Social Psychology Quarterly. – 1979. – 42(1). – P. 82-93.	Смирнов А.А. Советские психологи обороне Родины в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 13-30. Смирнов А.А. Советские психологи в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. 1975. № 4. С. 124-126.

Продолжение таблицы 10.

	Германия	США	Россия
	<p>Geuter U. Institutionelle und professionelle Schranken der Nachkriegsauseinandersetzung über die Psychologie im Nationalsozialismus / U. Geuter // Psychologie Und Gesellschaftskritik. – 1980a. – 4(1–2). – P. 5–39.</p>		<p>Ряд номеров журнала «Вопросы психологии» в 1987 г. – статьи о развитии психологической науки в Белорусской ССР, Молдавской ССР, Литовской ССР, Эстонской ССР, Латвийской ССР, Советской Грузии, Украинской ССР и других союзных республиках</p> <p>Роменец В.А. Научная, педагогическая и общественная деятельность С.Л. Рубинштейна на Украине // Методология и история психологии. Экономическая психология и психология хозяйственного управления. Тезисы докладов к VII съезду Общества психологов СССР. – М., 1989. – С. 81-82.</p> <p>Роменец В.А. О научной, педагогической и общественной деятельности С.Л. Рубинштейна на Украине // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. – М.: Наука, 1989. – С. 103-113.</p>

Продолжение таблицы 10.

	Германия	США	Россия
1981-1990	Geuter U. Der Nationalsozialismus und die Entwicklung der deutschen Psychologie. Bericht über den 33 / U. Geuter // Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Psychologie. –1983. – P. 99–106.	Gilgen A. R. American psychology since World War II: A profile of the discipline / A.R. Gilgen. – Greenwood Pub Group, 1982.	
	Geuter U. Die Professionalisierung der deutschen Psychologie im Nationalsozialismus / U. Geuter. – Frankfurt: Suhrkamp, 1984. Geuter U. «Gleichschaltung» von oben? Universitätspolitische Strategien und Verhaltensweisen in der Psychologie während des Nationalsozialismus / U. Geuter // Psychologische Rundschau. 1984b. – 35(4). – P. 198–213.		
	Geuter U. «Gleichschaltung» von oben? Universitätspolitische Strategien und Verhaltensweisen in der Psychologie während des Nationalsozialismus / U. Geuter // Psychologische Rundschau. 1984. – 35(4). – P. 198–213.		
	Ash M.G., Geuter U. Geschichte der deutschen Psychologie im 20. Jahrhundert / M. Ash, U. Geuter // Westdeutscher Verlag. – 1985. doi.org/10.1007/978-3-322-89828-9		Барабанщиков А.В. Советская психология в годы Великой Отечественной войны / А.В. Барабанщиков // Вопросы психологии. – 1985. – №. 2.

Продолжение таблицы 10.

	Германия	США	Россия
	Geuter U. (Ed.). Daten zur Geschichte der deutschen Psychologie. Psychologische Institute, Fachgesellschaften, Fachzeitschriften und Serien, Biographien, Emigranten 1879–1945 (Bd. 1) / U. Geuter. – Go ttingen, Germany: Hogrefe, 1986.		А.В. Петровский в опубликованной в 1988 г. в «Психологическом журнале» статье «Непрочитанные страницы истории психологии – тридцатые годы
	Benetka G., Kienreich W. Hochschulpsychologie in der Ostmark: Das Wiener Psychologische Institut / G. Benetka, W. Kienreich // In K. Fallend, B. Handlbauer, & W. Kienreich (Eds.), Der Einmarsch in die Psyche. – 1989. – P. 147–167.		
1990-2000	Laux H. Pädagogische Diagnostik im Nationalsozialismus 1933-1945 / K. Ingenkamp, H. Laux. – Weinheim, 1990.		Кольцова В.А., Носкова О.Г., Олейник Ю.Н. И.Н. Шпильрейн и советская психотехника / В.А. Кольцова, О.Г. Носкова, Ю.Н. Олейник // Психологический журнал. – 1990. – Т. 11. – № 2. – С. 111-133.
			Лейбин В.М. Репрессированный психоанализ: Фрейд, Троцкий, Сталин / В.М. Лейбин // Психоаналитический вестник. – 1991. – №. 1. – С. 32-55.
	Tenorth H.E. «Unnötig und unerwünscht» - Siegfried Bernfeld und die Universitätspädagogik // in: R. Hörster, B. Müller, eds., Jugend, Erziehung und Psychoanalyse. Zur Sozialpädagogik Siegfried Bernfelds / Neuwied-Berlin, 1992. – P. 23-40.	Simonton D.K. Leaders of American psychology, 1879–1967: Career development, creative output, and professional achievement / D.K. Simonton // Journal of Personality and Social Psychology. – 1992. – Т. 62. – №. 1. – С. 5-17. Samuels A. National Psychology, National Socialism, and Analytical Psychology: Reflections	

Продолжение таблицы 10.

	Германия	США	Россия
		on Jung and anti-semitism Part I / A. Samuels //Journal of Analytical Psychology. – 1992. – Т. 37. – №. 1. – С. 3-28.	
			Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России / А. Эткинд. – Meduza, 1993.
	Kühl S. The Nazi-connection: American racism and German national socialism / S. Kühl. – Oxford, 1994.		Репрессированная наука. Вып. 2 / под ред. М. Г. Ярошевского ; ред.-сост. А. И. Мелуа. – СПб.: Наука, 1994. – 319 с. Реактологическая дискуссия в Психологическом институте // Вопросы психологии. – 1994. – № 2. – С. 21-31.
	Ash M.G. Gestalt Psychology in German Culture, 1890–1967: Holism and the Quest for Objectivity / M.G. Ash. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.	Herman E. The romance of American psychology: Political culture in the age of experts / E. Herman. – University of California Press, 1995.	Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь / М.Г. Ярошевский // Вопросы психологии. – 1995. – № 4. – С. 5–18
	Harten H.C. Pädagogik und Eugenik im 'Rassenhygienischen' Diskurs vor 1933 / H.C. Harten // Paedagogica Historica. – 1997. – 32.	Gilgen A., Gilgen C.K., Koltsova V.A., Oleinik Yu.N. Soviet and American Psychology during World War II (Contributions in Psychology.) / A. Gilgen, C.K. Gilgen, V.A. Koltsova, Yu. N. Oleinik // Westport, Conn/London: Greenwood Press, 1997.	
		Depaepe M. Differences and similarities in the development of educational psychology in Germany and the United States before 1945 / M. Depaepe // Paedagogica historica. – 1997. – Т. 33. – №. 1. – P. 69-97.	

Продолжение таблицы 10.

	Германия	США	Россия
		Harrington A. Reenchanted Science: Holism in German Culture from Wilhelm II to Hitler / A. Harrington. – Princeton: Princeton University Press, 1999.	
2000-2010		Rice C.E. History of psychology 1900-2000: Uncertain Genesis / C.E. Rice // American Psychologist. – 2000. – 55(5). – P. 488-491. DOI: 10.1037/0003-066X.55.5.488.	
	Sprung L. History of modern psychology in Germany in 19th-and 20th-century thought and society / L. Sprung // International Journal of Psychology. – 2001. – Т. 36. – №. 6. – С. 364-376.		Богданчиков С.А. Судьба эйдетики в советской психологии / С.А. Богданчиков // Вопросы психологии. – 2001. – №. 2. – С. 110-118.
	Kühl S. The Nazi connection: Eugenics, American racism, and German national socialism / S. Kühl. – Oxford University Press, 2002.		Караяни А.Г. Психология в США в годы Второй мировой войны / А.Г. Караяни // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 2. – С. 110-117.
	Gundlach H. Reine Psychologie, angewandte Psychologie und die Institutionalisierung der Psychologie / H. Gundlach // Zeitschrift für Psychologie. – 2004. – 212. – P. 183-199.	Meskill D. Characterological Psychology and the German Political Economy in the Weimar Period (1919-1933) / D. Meskill // History of Psychology. – 2004. – 7(1). – P. 3-19.	
			Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Психологи в годы Великой Отечественной войны: подвиг на века / В.А. Кольцова Ю.Н. Олейник // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – №. 2. – С. 41-50.

Продолжение таблицы 10.

	Германия	США	Россия
	Ash M.G. Psychological thought and practice in German-speaking Europe, 1900 –1960 / M.G. Ash // Physis Rivista Internazionale Di Storia Della Scienza. – 2006. – XLIII. – P. 133–155.	Banks L.M. The History of Special Operations Psychological Selection / In: A. D. Mangelsdorff (Ed.), Psychology in the service of national security. – 2006. – P. 83–95. https://doi.org/10.1037/1470-006	Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). / В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. – Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский гуманитарный университет», 2006.
		Pickren W. Tension and opportunity in post-World War II American psychology / W. Pickren // History of Psychology. – 2007. – Т. 10. – №. 3. – С. 279-299.	
			Богданчиков С.А. Советская психология накануне 1936 года / С.А. Богданчиков // Вопросы психологии. – 2008. – №. 1. – С. 156-164. Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века) / Отв. ред. А.А. Касьян. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 288 с.
			Богданчиков С.А. Современные авторы о научных школах в советской психологии 1920–1930-х гг. / С.А. Богданчиков // Методология и история психологии. – 2009. – Т. 4. – № 2. – С. 7–31. Горшков Е.А. Экспериментальное оформление социальной психологии в США как самостоятельной дисциплины в конце XIX первой четверти XX вв. / Е.А. Горшков // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – №. 7(19). С. 225-227.

Продолжение таблицы 10.

	Германия	США	Россия
	<p>Ash M.G. (et al.) Psychoanalyse in totalitären und autoritären Regimes (Psychoanalysis in totalitarian and authoritarian Regimes) (Alleiniger Herausgeber/sole editor). Frankfurt am Main: Brandes & Apsel, 2010.</p> <p>Ash M.G. (et al.) Geisteswissenschaften im Nationalsozialismus. Das Beispiel der Universität Wien (Humanities under Nazism: The Case of the University of Vienna) (Erster Herausgeber/First editor, with Wolfram Nieß and Ramon Pils). Göttingen: V&R-uipress, Vienna University Press, 2010.</p>		<p>Артемьева О.А. К вопросу о социальной биографии педологии в России / О.А. Артемьева // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2010. – №3.</p> <p>Люк Х. Групповые процессы в научных исследованиях (на примере «Топологической группы» Курта Левина): пер. с немецк. / Х. Люк // Методология и история психологии. – 2010. – Т.5. – №3. – С. 77-89.</p> <p>Ясницкий А. Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920–30-х гг / А. Ясницкий // Вопросы психологии. – 2010. – Т. 3. – С. 101-112.</p>
2011 - 2022			<p>Богданчиков С.А. Советская психология 1920-1930-х годов глазами ее основателей: от многообразия к единству/ С.А. Богданчиков //Теоретическая и экспериментальная психология. – 2011. – Т. 4. – №. 2.</p> <p>Плавинская Ю.Б. Становление и развитие психотехники в Германии в первой трети XX века: дисс.... канд. психол. наук. / Ю.Б. Плавинская. Санкт-Петербург, – 2011.</p>
	<p>Ash M.G. (et al.) Materialien zur Geschichte der Psychoanalyse in Wien nach 1938 (Materials on the History of Psychoanalysis in Vienna 1938-1945). Frankfurt am Main: Brandes & Apsel, 2012.</p>		

Продолжение таблицы 10.

	Германия	США	Россия
	Herrmann T., Zeidler W. Psychologen in autoritären Systemen. Frankfurt: Peter Lang. 2012.		<p>Артемьева О.А. Отечественная психология на переломе: уровневая субъектная концепция социально-психологической детерминации развития психологии: монография / О.А. Артемьева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – 382 с.</p> <p>Балашов Е.М. Педология в России в первой трети XX века / Е.М. Балашов. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 192 с.</p> <p>Дзюра А.И. Непонятая и «репрессированная» наука, или о драме развития отечественной психологии в 20-30 гг. XX века (взгляд с методологических позиций «ноосферного реализма») / А.И. Дзюра // Вестник Академии знаний. – 2012. – №2.</p> <p>Люк Х. История психологии: пер. с немецк. / Х. Люк. – М.: Научный мир, 2012. – 272 с.</p>
	Teo T. Backlash against American psychology: An indigenous reconstruction of the history of German critical psychology / T. Teo // History of Psychology. – 2013. – 16(1). – P. 1–18. doi:10.1037/a0030286		Янченко Т.В. Развитие педологии в России в начале XX века / Т.В. Янченко // Актуальные вопросы современной науки. – 2013. – №30.

Продолжение таблицы 10.

	Германия	США	Россия
			<p>Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Последняя осень советской психотехники / В.А. Мазиллов, Н.Ю. Стоюхина // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 2. – №. 4. – С. 223-236.</p> <p>Стоюхина Н.Ю. Некоторые вопросы о ликвидации психотехники / Н.Ю. Стоюхина // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2014. – №. Т20. – С. 1216–1220.</p> <p>Стоюхина Н.Ю. Социально-политическое воздействие на детей: из истории педологических исследований / Н.Ю. Стоюхина // Психолого-педагогический поиск. – 2014. – №. 4.</p>
			<p>Артемьева О. А. Научное сообщество как субъект научной деятельности / О.А. Артемьева // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – №. 5. – С. 95-103.</p> <p>Ждан А. Н. Фундаментальная наука и практика в советской психологии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2015. – №. 2. – С. 4-14.</p> <p>Горшков Е.А. Определение предметной области социальной психологии на этапе ее становления в США / Е.А. Горшков // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – №. 2. – С. 78-86.</p>

Продолжение таблицы 10.

	Германия	США	Россия
			<p>Артемьева О.А. Социальные условия развития советской практической психологии в 1920-1930 гг. / О.А. Артемьева // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. – 2016. – С. 145-150.</p> <p>Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. / Н.Ю. Стоюхина. – Scientific magazine Kontsep, 2016.</p> <p>Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Опыт развития психологической науки в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): актуальность и задачи исследования / В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник // Опыт решения психологических задач в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – 2016. – С. 3-8.</p>
	<p>Schönflug W. Professional psychology in Germany, National Socialism, and the Second World War / W. Schönflug // History of Psychology. – 2017. – 20(4). – P. 387–407. https://doi.org/10.1037/hop0000065</p>		<p>Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Советская и немецкая психологии в годы II Мировой войны: теоретико-методологические и прикладные аспекты развития // От истоков к современности: 130 лет Московскому психологическому обществу: материалы юбил. конф. 2017. С. 227–247.</p> <p>Синёва О.В. Социальная детерминация развития научно-практических течений отечественной психологии в первой половине XX столетия: дисс. ... канд.псих.наук. / Синева О.В. – Иркутск, Изд-во «ИГУ». – 2017.</p>

Продолжение таблицы 10.

	Германия	США	Россия
			<p>Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психология в годы Великой Отечественной войны: единство теории, эксперимента и практики / В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2018. – Т. 25. – С. 51-58.</p> <p>Плавинская Ю.Б. Юридическая психология в Германии: история и современность / Ю.Б. Плавинская // Мир педагогики и психологии. – №9 (26). – 2018. – С. 87-104.</p> <p>Стоюхина Н.Ю. Психотехники в 1936 г.: новые факты / Н.Ю. Стоюхина // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области Академия социального управления, 2018. – №. 2. – С. 525-536.</p>
	<p>Wieser M. Von Erziehung statt Strafe zur Stählung des Charakters: Psychotechnik und Erbbiologie in den österreichischen Bundesanstalten für Erziehungsbedürftige, 1929–1945 / M. Wieser // Österreichische Zeitschrift Für Geschichtswissenschaften. – 2019. – 30(1). – P. 192–215.</p>		<p>Плавинская Ю.Б. Психология коррупции: опыт Германии / Ю.Б. Плавинская // Мир педагогики и психологии. – 2019. – №. 9. – С. 144-150.</p>

Продолжение таблицы 10.

	Германия	США	Россия
	<p>Schönpflug W. Professionalisierung der Psychologie im Dritten Reich: Aufschwung oder Sackgasse? / W. Schönpflug // In M. Wieser (Ed.), Psychologie im Nationalsozialismus. – 2020. – P. 73–87.</p> <p>Wieser M. Zur Geschichte der angewandten Psychologie in der «Ostmark» / In M. Wieser (Ed.), Psychologie im Nationalsozialismus. – 2020. – P. 167–193.</p>		<p>Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю., Махалин А.И. Роль власти и государственных деятелей в становлении и развитии психотехнического образования в СССР в 1920-1930-е гг. / А.А. Костригин, Н.Ю. Стоюхина // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – №. 4 (115). – С. 80-88.</p> <p>Кузьминов Н.Н. Положение Европейской и советской психологии и педагогики во время Второй мировой войны: сложности и достижения / Н.Н. Кузьминов // Среднее профессиональное образование. – 2020. – № 4(296). – С. 59-62.</p>
	<p>Wieser M. Deutsche Seelenheilkunde «und die Erfindung des» behandelnden Psychologen. Zum Verhältnis von Psychologie und Psychotherapie im Nationalsozialismus / M. Wieser // Psychologische Rundschau. – 2021. – 72(3). – P. 181–191.</p>		<p>Носкова О.Г. Педология и прикладная психология в России первой трети XX века / О.Г. Носкова // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42. – №. 6. – С. 83-91.</p>
	<p>Wieser M., Benetka G. Psychology in national socialism: The question of “professionalization” and the case of the “Ostmark” / M. Wieser, G. Benetka // History of Psychology. – 2022.</p>		

Приложение В. Фрагмент статьи Б.М. Теплова «Бунт звериного инстинкта против человеческого разума»

ПСИХОЛОГИЯ

Проф. Б. М. ТЕПЛОВ

БУНТ ЗВЕРИНОГО ИНСТИНКТА ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

(Фанатическая психология Енина)

ЖЕ В ПОМОЩЬ ПРИШЛО Мар-
бург профессор психологии
Эрик Енин. Немного он был
ученым заместительного по-
следователя Р. Ф. Миллера,
одного из лучших представи-
телей «зеленой» линии герман-
ской психологии. Смыслу отдавая Енин
большой активностью и скрупулезно не
устраивало много планов, но делал он был
к изобретательности, вследствие чего
постоянно придумывал разного рода теор-
ии, претензии на оригинальное и
совершенно оригинальное решение труд-
ных и спорных проблем. К сожалению,
теория эта не получала признания, и при-
чина этого была очень проста: фанатиче-
ская база этих теорий находилась у всех
размышляющих даже специалистов японские
сомники. Был экспериментатор, Енин от-
личался большим догматизмом, и иногда
и неодолимостью. Когда он выдвигал
одну из самых претенциозных своих
теорий — теорию о суживаемости интел-
лекта контраста и контрастности, суровый
учитель его, Миллер, почитно выслушал
с категорическим опровержением этого
подлинно изобретенного своего бенин-
говского, причем учитель его в шутку,
появившейся с подполком: в рекламной фор-
мале Енин обменял местами числитель и
знаменатель.

Также было Енину переменить так
к себе суждения, но еще тяжелее было
то, разоблачая понятия Енина, обнару-
жить контроль и контрастность. Миллер
горячо занимал теорию контрастности,
выдвинутой другим его учеником, сватов-
ником Енина, Давидом Катцем. Такую же
было отношение к труду Катца и Енина
и со стороны всей мировой психологиче-
ской общественности. Работы Катца, дей-
ствительно заслуживающие крупный вклад в
науку, имели большой и заслуженный
успех, чего никак нельзя было сказать о
идеях его проработки.

И во время Катца стоял попереки
Енина. Чего сказать, например, та шумная
интервенция Катца, которая выдала на язык
бурные бурлесковые психологов, образова-
вших школу так называемой «контрастности».

Но вот появлялся гадюка сразу, одним
ударом, переменить положение. Стало только
приступить к опровержению: и тут вре-

мя заучивать, врать, цинично-догмати-
стической интриги. В случае успеха фанати-
ского переворота привлекать всевозмож-
ные статьи во главе всей отменной
интеллигентии и уничтожать своих соперни-
ков, некоторые из которых имели и тому
же осторожность не принадлежать к
числу исторических архаизмов. В случае
неуспеха... На чем собственно основан
Енин? Своим репутацией? Здесь теперь
было ничего: она и без того была ничто-
го.

Енин на этот шаг решился, и его ожи-
дал блестящий успех. Почти все лица,
стоявшие на его пути к славе, были по-
гребены на фронте Германии, а сам он
был предоставлен сферею немецкой
психологии. К тому же он получил все
возможные подспорья и удобства, а в это
время приобрел характер подлин-
ной графомании. За 7 лет, протекавших от
фанатического переворота до его сверже-
ния, Енин изобрел совершенно бесчисленное
количество теорий и статей, в которых с
упорством маниака или дьявола повста-
ло против все оные и те же подлинники.

Такова краткая история жизни челове-
ка, взявшего на себя тяжелейшую и посто-
янную миссию изобрести фанатическую
психологию.

С приходом к власти Гитлера и его
линии почти все действительно крупные
научные исследования были вынуждены по-
кинуть пределы Германии (Штерн, Кант,
Вергеймер, Ливин, Коффа и многие дру-
гие). Не числа оставшихся исследовате-
лей настолько малы, что никакого участия
они в науке, ни в общественной жизни
уже не принимали (например, упомяну-
тый выше Р. Ф. Миллер); другие старались
держаться и в стороне от всех острых во-
просов и в своих исследованиях не вклю-
чать за пределы человека и «нейтраль-
ных» проблем; третьи, наоборот, стали
возможным занятием о всем и всяком, всту-
паясь на национал-социализму и в меду
своих сил и возможностей стали подлаки-
ваться к режиму хозяев «Крестьян импе-
рии», продолжая, однако, свою работу в
прежнем направлении. Очень мало Енин
справе с тем явился на немецкие земли
— психологию новую систему психоло-
гии, которая единственной своей целью
имела бы всеобщее «облагодетель-

Приложение Г. Список членов секции промышленной и организационной психологии Американской ассоциации прикладной психологии (с 1939 г.)

Paul S. Achilles
Roger M. Bellows
Marion A. Bills
Walter V. Bingham
Homer G. Bishop
Harold W. Burn
Harry R. DeSilva
Henry N. DeWick
Beatrice J. Dvorak
Harold A. Edgerton
Theodore W. Forbes
Douglas H. Fryer
Harold V. Gaskill
Edward B. Greene
C. Frederick Hansen
Harry W. Hepner
Robert Hoppock
John G. Jenkins
Harry M. Johnson
Forrest A. Kingsbury
Arthur W. Kornhauser
Paul F. Lazarsfeld
Rensis Likert
Henry C. Link
Howard P. Longstaff
Lillian J. Martin
Robert N. McMurry

Bruce V. Moore
Lawrence J. O'Rourke
JayL.Otis
Richard H. Paynter
Albert T. Poffenberger
Millicent Pond
Hermann H. Remmers
Marion W . Richardson
Elmer B. Royer
P. Vernon Scheldt
Morton A . Seidenfeld
Agnes A. Sharp
Carroll L. Shartle
Kinsley R. Smith
Frank N . Stanton
Daniel Starch
Edward K. Strong, Jr.
Lorin A. Thompson, Jr.
Herbert A.Toops
Marion R. Trabue
Morris S. Viteles
Albeit Walton
Frederic R. Wickert
Louise R. Witmer
Joseph U. Yarborough

Приложение Д. Список исследователей, сотрудничавших с Управлением
военной информации

Frieda Bayroff (Mrs. R. C. Tryon)

J. S. Bruner, Princeton University

Angus Campbell, Northwestern University

Charles F. Cannell, Ohio State University

Dorwin Cartwright, Iowa Child Welfare Research Station

Dwight Chapman, Bennington College

Kenneth E. Clark, University of Minnesota

Bernard J. Covner, Ohio State University

Richard S. Crutchfield, Swarthmore College

Douglas G. Ellson, University of Mississippi

Burton R. Fisher, Yale University

Rosalind Gould, Bank Street School, New York

Ernest R. Hilgard, Stanford University

Herbert H. Hyman, Columbia University

Sara Jane Holtzberg, Columbia University

Daniel Katz, Brooklyn College

I. Krechevsky, New American Publications, Chicago

Wilma Lloyd, Institute of Child Welfare, University of California, Berkeley

Nathene Loveland

Robert B. MacLeod, Swarthmore College

Eleanor Maccoby

Sydney Roslow, New York State Education Department

M. Josephine Schlatter, Institute of Child Welfare, Berkeley

Jerome M. Seidman, Brooklyn College

Jane A. Shepherd, Federal Security Agency, Washington

Ruth Tolman, Los Angeles, California

Mildred Werner

Saint-Petersburg University

Manuscript copyright

Rafikova Veronika Aydarovna

**DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGY IN GERMANY AND THE USA
IN THE PERIOD 1930-1940-s.**

Scientific specialty 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

Thesis for the degree of Candidate of Psychological Sciences

Translation from Russian

Scientific Adviser

Doctor of Psychology

I. A. Mironenko

Saint-Petersburg

2023

CONTENT

INTRODUCTION.....	32525
CHAPTER 1. DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGY AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC ANALYSIS: DETERMINANTS AND ASPECTS	339
1.1.Socio-cultural factors determining the development of psychological science.....	339
1.2. Political factors determining psychology: the problem of science and power	349
1.3. The scientific community as a subject of the historical process	365
CONCLUSIONS ON CHAPTER 1.....	377
CHAPTER 2. METHODOLOGY AND METHODS OF HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL RESEARCH	381
2.1. Theoretical and methodological foundations of historical and psychological research.....	381
2.2. Procedure for studying the development of psychological science in Germany and the United States in the 1930s and 1940s.....	384
CHAPTER 3. THE INSTITUTIONALIZATION OF GERMAN AND AMERICAN PSYCHOLOGY AND THE DEVELOPMENT OF THE PROFESSIONAL COMMUNITY.....	390
3.1. Prerequisites and conditions for the development of psychology in the prewar and war period.	390
3.1.1. The State of German and American Psychology at the Beginning of the 1930s.....	390
3.1.2. Economic and socio-political situation in the 1930s-1940s	409
3.2. Institutionalization of psychology in Germany and the USA in the 1930s-1940s.....	416
3.2.1. Psychology in Germany: relations with power structures and social order	416
3.2.2. Social order and relations with power structures in the development of psychology in the USA.....	431
3.3. The development of the professional community in Germany and the USA in the 1930s-1940s.....	442
3.3.1. The German psychological community after the rise to power of the National Socialist Party	446
3.3.2. The structure and dynamics of the development of the American professional community of psychologists.....	452
3.4. The fate of established psychological trends and the emergence of new areas of research	472
CONCLUSIONS ON CHAPTER 3.....	482
CHAPTER 4. "POLITICAL" HISTORY OF PSYCHOLOGY IN THE 1930-1940S: PROBLEMS OF INTERPRETATION	488
4.1. Representation of the history of foreign science in domestic historiography	488

4.2. Political history of psychology in the 1930s–1940s in foreign historiography	502
4.3. "Americanization" of the historiography of world psychology in the post-war period.....	513
CONCLUSIONS ON CHAPTER 4.....	525
FINDINGS	528
CONCLUSION.....	535
BIBLIOGRAPHY	538
Appendix A. Table 9 - Main monographs and textbooks on the history of psychology (for 1945-1990).....	594
Appendix B. Table 10 - Works of the post-war period, which contain a representation of the period 1930-1940.	596
Appendix C. Fragment of an article by B.M. Teplov "The revolt of the animal instinct against the human mind"	609
Appendix D. List of Members of the Industrial and Organizational Psychology Section of the American Association for Applied Psychology (since 1939)	610
Appendix E. List of researchers who collaborated with the Office of War Information	612

INTRODUCTION

The history of the development of psychological science during the 20th century includes a number of turning points: it concerns both crises caused by immanent factors of the development of science, and crises resulting from general socio-cultural upheavals. Science as a social institute is dependent on the socio-cultural transformations taking place in society: in all countries where the formation of psychology as an academic discipline and a profession took place, changes occurred due to the change of political regimes and economic crises, mobilization of resources of the scientific community in the periods of world wars, etc. One of the most revealing periods in the history of national and foreign psychology in this respect is the period of 1930-1940s: this is a time of many "breaking points" for the psychological community, such as the need to evaluate and comprehend the experience and results of the development of scientific schools and approaches that originated as early as the late 19th century; and the perspective of formation of a scientific community of psychologists as a subject capable (and due?) to respond to the demands of public practice, which are especially acute in times of social upheaval, responding to the demands of public practice.

The development of psychology between the 1930s and 1940s, especially - the period of World War II - is the subject of interest for many both domestic and foreign researchers: The scholarly literature presents a number of large-scale historical studies examining the developments of scientists in various countries during this time (Benetka, 1992; Geuter, 1979, 1980a, 1980b, 1983, 1984a, 1984b, Herrmann, 1976; Jaraus, 1986; Kozulin, 1984; Schönflug, 2012, 2017, 2020; Wieser, 2021; Wieser, Benetka, 2022; Drumshchikov, 1985; Koltsova, Oleinik, 2006, 2016, 2018; Kuzminov, 2020; Stoyukhina, 2018). There are several joint studies of this period by Russian and foreign authors (Gilgen, Gilgen, Koltsova, Oleinik, 1997), but still underdeveloped in the literature is the problem of presenting a holistic picture of the development of directions of psychology in the period 1930-

1940s, which would simultaneously reflect similar and different trends of transformation of psychology in different countries, depending on socio-cultural factors determining them.

The central event of the period 1930-1940s in the history of world psychology is the shift of the "center" of psychological research from Germany, which is considered the birthplace of psychology, to the United States (Yaroshevsky, 1996; Martsinkovskaya, 2004). This implied not only a change in the geography of psychology, the migration of researchers from Germany to the United States, and an increase in the status of American training centers and publication sites relative to German and generally European ones. With the shift of the "center" to the USA, the character of the Western mainstream of psychology has changed. The so-called German tradition, with its inherent integrity of approach to studying the subject, attention to individual cases, developed methodology of qualitative research, has been replaced by the so-called American tradition, in which extensive use of statistical models, practice-oriented and applied research is typical (Toomela, 2007; Valsiner, 2012). The leading position of the American tradition in international psychology was not questioned by anyone until the last decades of the twentieth century (Danziger, 1994; Zhuravlev, Mironenko, Jurevich, 2018; Mironenko, 2019).

Germany and the United States were the leading centers of development of international psychology until the early 1930s, and it was in the period of the 1930s and 1940s that important changes in the nature of the connections of the scientific community of these countries occurred, which significantly impacted the development of international science of the twentieth century. To date, however, there are few studies in the literature that provide a comparative analysis of developments in these two countries. In the field of historical-psychological research, works focusing on individual countries, periods, trends, aspects, and personalities predominate. The narrowly defined subject of such works provides them with depth and substance. However, without questioning the importance of this kind of research, we see the need to address historical processes that are not limited to a narrow

geographical framework, but are related to the development of world science as a holistic organism, which it is.

As a basis for the analysis of the psychology development in the two countries including a variety of academic schools and applied fields, we took socio-political processes determining the development of changes occurring in psychology in the specified period and characteristics of the process of institutionalization of psychology in the two countries during this period.

The process of institutionalization of the scientific community includes two aspects: a) interaction of the scientific psychological community with "external" social institutes (state, market and civil society, first of all) and b) activity of the community manifested "inside", within the processes of self-organization of the community.

An important feature in the studies of such turning points in the development of psychology as the period of the 1930s and 1940s is the way they are presented in historiographical sources: turning points in history always cause a lot of controversy among researchers and scientific schools, as a result of which the same period is presented by different, sometimes competing points of view. The history of psychology as a field of interdisciplinary study has been actively developing in recent decades and, according to trends in historical science in general, there is an increased interest in social history in the field today (Dolgova, 2019). In relation to the period under discussion, several stable points of view have emerged to date, among which there are those that are almost non-controversial in the scientific community (e.g., the "shift of the intellectual center from Europe to America" after World War II), and those represented by sometimes contradictory evaluations (the problem of professionalization of German psychology during National Socialism, the problem of continuity of the basis for scientific and practical directions before and after World War II, the influence of the "socialist" and "socialist" perspectives, etc.). Each of these points of view was formed due to certain conditions, such as sociopolitical situation, state of scientific community, disclosure of previously unknown historical facts, etc., and requires special attention within the framework

of historical and psychological research, since it is a result and manifestation of socio-cultural determinacy of science development in general.

The object of the study: the development of psychology in Germany and the USA in the period of 1930-1940s.

Subject of the study: processes of institutionalization of psychology in Germany and the USA in the 1930s-1940s.

The aim of the research: to reveal the peculiarities and to compare the processes of institutionalization of psychology in Germany and the USA in the period of 1930-1940s.

Achievement of the set goal implies a sequential solution of a number of tasks:

- 1) To form the source base of historical and psychological research;
- 2) To reveal factors determining the development of psychology in Germany and the USA in the 1930s-1940s (first of all, sociocultural and sociopolitical factors);
- 3) To characterize and compare the specific features of the development of psychology in Germany and the USA in the 1930s-1940s, and to present the processes of development of different trends of psychology in the two countries in a unified framework of institutionalization;
- 4) To identify, investigate and compare different points of view of the considered period of science development in historiography.

As methodological basis of research specific scientific principles of historical and psychological research were used: the principle of periodization and continuity in the development of psychological knowledge (B.G. Ananyev, E.A. Budilova, P.Y. Galperin, A.N. Zhdan, B.M. Teplov, M.G. Yaroshevsky, D. Schultz and S.E. Schultz, Yu.N. Oleynik et al.), the principle of unity of the logical and the historical (E.A. Budilova), the principle of unity of collective and individual creativity in the development of psychological knowledge (V.A. Koltsova, Yu.N. Oleynik) and ideas of historiographical analysis as part of historical and psychological research (V.A. Koltsova, S.A. Bogdanchikov, I.S. Alekseenko).

The application of these principles in the situation of modern development of humanitarian science, is mediated by the principles of methodological liberalism (A.V. Yurevich), communicative methodology (V.A. Mazilov), methodological additionality (N.L. Smirnova), cognitive pluralism (I.D. Kovalchenko), which now replace epistemological monism, stating the need for synthesis of diverse philosophical and theoretical approaches and methods, establishment of mutual understanding between different trends of thought. A methodological guideline of our research is V.A. Koltsova's concept of methodological foundations of history of psychology, which implements the strategy of complex multilevel research, explanation and interpretation of the phenomena which are based on the assumption of the decisive role of the ontological nature of the subject and object of research in relation to the question of method: "The object of history of psychology, being ideal by its nature, cannot be, like material phenomena, subjected to physical dissection, analytical analysis and methodological analysis. Historical and psychological research is necessarily a historiographical study based on sources from which we draw information about the past: "The consequence of this is that many statements are disputable and controversial; in historiography there are many alternative, sometimes diametrically opposed, pictures of psychological science's past and present state, discrepancy in assessments of its achievements, place and role of certain scientific schools, currents and trends in psychology, contributions of various psychological schools and trends, and the role of theologians" (Ibid., p. 323-324).

The source base of the research was formed by the following documents:

- historiographical works from 1930-2021 in Russian, English, and German, presenting the state of Soviet, German, and American psychology of the period under study and containing evidence of the main characteristics of the social determinism of the development of scientific and practical currents;
- Biographical articles about the leading representatives of scientific and practical currents;
- Materials from the Lomonosov Moscow State University Research Library;

- Products of scientific activities of leading representatives of scientific and practical currents in Russian, English and German languages: collections of scientific papers, publications in periodicals, materials of scientific congresses and conferences, translated editions, scientific reviews, doctoral dissertations, works of monographic and educational and methodological character.

Scientific novelty

- The historical-psychological study has expanded and supplemented knowledge about the development of psychology in the United States and Germany during the period 1930-1940 and about this period in the development of world psychology in general. The analysis of historical sources in German and English, which were not previously presented in the Russian-language discourse, has been carried out and is included in the work;

- We have expanded and supplemented information on the processes of "shifting the center of psychology" from Germany to the USA and of interrelation and mutual influence of German and American psychologists during this period;

- For the first time a comparative analysis of the development of psychology in the two countries has been carried out on the basis of a framework of institutionalization, considered in the context of its two aspects: "internal" self-organization and self-regulation of the professional community and "external" processes of interaction of the community with social institutes (state, market and civil society);

- For the first time, the views of Russian researchers on collective subjectivity of the professional community in the context of socio-political determination have been applied as the basis for a comparative analysis of psychological development in the two countries during this period;

- The notions of collective subjectivity of the professional community (A.L. Zhuravlev, O.A. Artemyeva) were expanded and supplemented. The forms and strategies of manifestation of subjectivity during the study period were assessed;

- We have expanded and supplemented knowledge on the changes in the historiography of psychology due to its "Americanization", which resulted from the shift of the scientific "mainstream" of psychology from Europe to the USA in the post-war period;

- For the first time, the peculiarities of the representation of psychology of the 1930s-1940s in the English, German, and Russian-language scientific literature were investigated, analyzed, and compared; key competing and complementary points of view in historiography were identified and compared.

Hypotheses of the study:

1) The application of the subject-activity approach and the analysis of the scientific community as a collective subject of activity will expand and supplement the understanding of the mechanisms and forms of influence of socio-political factors in a comparative analysis of the development of psychology in countries with various forms of government and ideology.

2) The application of the framework of the characteristics of the institutionalization of psychology will reveal the general and specific patterns of development of the international professional community in Germany and the USA in the 1930-1940s, determine the intra- and extra-scientific determinants and aspects of the shift of the "center" of psychology from Germany to the USA.

Theoretical Significance of the Work

The dissertation expands and supplements the concepts of intra- and extra-scientific determination of the development of international psychology in the period of 1930-1940s and the processes of institutionalization during the period under study. New data on the development of German psychology in the period of National Socialism and American psychology, the prerequisites, common and different trends of development are presented. The conducted comparative analysis of the processes of professionalization in the two countries is important with regard to the lack of representation of studies on general trends and patterns of development of foreign psychology in Europe and America, while already by the middle of the 20th century, close links between the USA and Germany were formed. The paper presents a

comparative analysis of the features of the development of psychology in Germany and the U.S. in a historically significant period of dynamic changes in the "landscape" of world psychological science, the shift of the "center" of psychological thought between the two countries, from Europe to America.

The factors determining the development of psychological theory and practice - internal, political and economic in the two countries - are analyzed. The history of psychology in the USA and Germany in 1930-1940s is assessed in the frame of institutionalization of the discipline including the variety of its branches by way of highlighting two aspects of the processes of institutionalization: relating with state structures and subjective activity of the professional community. For the first time a comparative analysis is performed on the basis of this theoretical framework. As a result of this work, a comparative analysis of the processes of institutionalization in two countries is presented for the first time.

The notions of collective subjectivity of the professional community have been expanded and supplemented, the forms and strategies of initiation activity of the professional community in self-organization and in interaction with the state have been assessed.

The diversity and the subsequent changes of views on the period of 1930-1940-ies in the historiographic works of Russian, American and German researchers of the war, post-war period and the modern period are revealed and analyzed, including the phenomenon of "Americanization" of the post-war historiography, previously not described in the Russian language discourse.

Possibilities of Practical Use

Methodological and methodological apparatus, tested on the empirical material, may be used for studying the development of scientific disciplines of humanitarian and natural-science character. It seems possible to use the received knowledge about regularities of social conditioning of development of scientific and practical currents of domestic and foreign psychology while elaborating state programs of stimulation of fundamental and applied psychological researches as well as while elaborating educational programs for students of psychology.

Points for Thesis Defense:

1. The use of a systematic and integrated approach in interdisciplinary studies of the development of the theory, methodology and practice of psychology, which are inextricably linked with the life of science as a social institute, requires an extended consideration of the influence of economic and political factors. The traditional view of the problem of science and power in terms of the subjective categories of "loyalty - tension" is necessary to supplement with a more objective vector "involvement - distancing" in the field of both ideological and practical tasks of the government agenda.

2. The subjective approach developed in Russian psychology, ideas about collective subjectivity, its signs, manifestations and levels (M.G. Yaroshevsky, A.L. Zhuravlev, O.A. Artemyeva, etc.), can serve as a framework for a comparative study of the development of scientific communities in all the variety of processes of its self-organization and relations with key social institutions (state, market, civil society).

3. Representation of the processes of institutionalization of psychology in Germany and the USA in two aspects, including: a) the processes of interaction of the professional community in the system of external social institutions, primarily with the state, the market and civil society; b) the processes of self-organization within the psychological community, with special attention to those processes in which the initiating activity of the psychological professional community itself as a collective subject of activity is most clearly manifested - allows for a comparative analysis of the processes of development of psychology in the two countries.

4. In contrast to the United States, where in the period under review the interests of the market (primarily big capital) and the state were closely linked and, thus, market support was at the same time an ideological demand of the state, in the context of "political history" (A. V. Petrovsky) of German psychology in the times of National Socialism, the dictate of the state determined the course of the institutionalization of psychology both in the "external" interaction with social institutions, and in terms of forms of self-organization within the scientific

community. During the existence of the National Socialist state, the German professional community developed a specific type of strategies that demonstrated the high involvement of the discipline in the government's agenda in the field of: practical implementations (mainly in state military structures, where German psychology for the first time obtained an extensive and structurally formalized sphere of practical activity outside higher educational institutions, which significantly strengthened its status); b) the idea of psychology as a science that, in its content, problems addressed and results of research, meets the National Socialist ideology (for example, value aspects and the paradigm of “upbrining a new personality” began to develop in the psychology of childhood and education).

5. In the professional community of the USA and Germany, different aspects and signs of subjectivity were manifested. The formation of the professional community of psychologists as a collective entity in Germany proceeded differently than in the United States: here the collective entity, first of all, directly interacted with the state, participating in the creation of a system of professional certification. In the United States, the formation of the collective subjectivity of the psychological community manifested itself as a self-organization of the community of psychologists, primarily in the form of the creation of professional organizations (the creation of the Society for the Psychological Study of Social Problems, the American Association of Applied Psychology, the Psychometric Society: during World War II - the creation of the National Council of Women Psychologists).

6. The application of the subjective approach made it possible to map several turning points in the development of German psychology that demarcate specific periods in the development of the professional community: 1) 1929-1933 - a change in the composition and structure of the psychological community and the need to form self-identification in connection with the political changes of the early 1930s gg. (as a result of the adoption of a number of laws regarding people of Jewish origin and the departure of scientists from the country, the composition of the psychological community has changed (changes in the composition of the board of the German Psychological Society in 1929 and 1931; personnel changes in

universities); 2) 1933-1945. – strengthening the professional community around the emerging opportunity to “legitimize” the profession of a psychologist (participation in initiatives to introduce the law on professional examinations, the status of a psychologist in military structures); 3) 1945-1950 – the need to reorient and restructure the self-identification (self-reflection) of the community in the new socio-political conditions, which required the search for new forms of interaction with society, including not only the state, but also the market and civil society, and self-organization, the formation of a new self-identification.

7. The situation of the need to adapt to the ideology of National Socialism, completely rejected in the post-war world development, caused irreparable damage to German psychology, despite some success in solving practical problems in the military industry, so that subsequently German psychology lost the status of a special, integral, original trend in world science. Thus, in textbooks on the history of psychology, Germany is presented only as the birthplace of psychology and of the scientific school of Gestalt psychology, and the development of German psychology in the post-war period is not highlighted. The success of American psychology and its dominance in world science in the post-war period is due not only to the fact that it developed in a situation where the demands of state ideology and the market were in close connection and unity, but, above all, to the fact that American psychology responded to the emerging request of civil society, which became the main actor of post-war world development.

8. In historiography, there are significant differences in how the course of the history of psychological science is presented, the significance of ongoing events and the value of the contribution of certain areas and authors, depending on the specific socio-cultural and political conditions and the situation within the scientific community where historiographic sources were created. Thus, in the Russian scientific discourse of the war period, German psychology of the period of National Socialism was associated mainly with enormous losses for German science, as well as attempts by psychologists who remained in Germany to “please” the existing regime. In modern German historiography, however, the interpretation of

institutionalization in the period of National Socialism (forced professionalization vs losses for German psychology) remains a key and debatable problem.

The validity of the results is ensured by a comprehensive theoretical elaboration of the research problem and a sufficient volume of historical sources.

Approbation of the research results

The main provisions and results of the study were presented at the International Scientific Conference "Ananyevsky readings - 2020. Psychology of performance: achievements and development prospects (in honor of the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945)" (St. Petersburg, 2020, 2021, 2022), International scientific and practical conference of young scientists "Psychology of the XXI century: methodology of psychological science and practice" (St. Petersburg, 2020), XVI All-Russian Parygin scientific and practical conference (with international participation) "Problems of social psychology and social work" (St. Petersburg, 2021), the Second International Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science "Science as a Public Good", (St. Petersburg, 2020), All-Russian (with international participation) scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists "Problems of Theory and Practice of Modern Psychology" (Irkutsk, 2021, 2022), International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists "Lomonosov-2021" (Moscow, 2021), Annual International Conference of the Society "European society for the history of the human sciences" (Berlin, 2021, 2022), the All-Russian Conference "History of Russian and World Psychological Thought: Knowing the Past, Analyzing the Present, Predicting the Future" (VII Moscow Meetings on the History of Psychology) (Moscow, 2021, 2022), 32nd International Psychological Congress (Prague, 2021) 54th Annual Conference of the Cheiron Society (International Society for the History of Behavioral and Social Sciences), (2022), All-Russian Psychological Forum (Congress of the Russian Psychological Society) (Yekaterinburg 2022).

As a result of the work, 10 scientific articles were published, of which: 2 in journals indexed in the Scopus / Web of Science databases and 7 published in

journals recommended by the Higher Attestation Commission (VAK) (K-1), of which 1 in a journal indexed in the Scopus database, and 3 in journals recommended by the Higher Attestation Commission in the specialties in which the dissertation is covered.

1. Mironenko, I. A., Rafikova V.A. Concerning the history of comparative psychology in Russia / I. A. Mironenko, V. A. Rafikova // Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. – 2020. – Vol. 10. – No. 1. – P. 61-72. – DOI 10.21638/spbu16.2020.105.
2. Rafikova V.A., Mironenko I.A. Aktual'nye tendencii metodologii istorii psihologii v svete filosofsko-metodologicheskikh problem istoriografii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya. – 2021. – T. 11. – № 4. – S. 312-325.
3. Rafikova V.A. Primenenie istoricheskoy psihologii v istoriko-psihologicheskikh issledovaniyah na primere perioda Vtoroj mirovoj vojny // Istoricheskaya psihologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Ser. «Metodologiya, istoriya i teoriya psihologii» Moskva, 2020. – S. 106-119.
4. Mironenko I.A., Proskuriakova E., Rafikova V.A., Kozlova Y., Simonovich A., Proshina A., Danina E. Walking in St. Petersburg-Vienna Walks Continued / I. A. Mironenko, E. Proskuriakova, V. Rafikova [et al.] // Human Arenas. – 2020. – Vol. 3. – No. 2. – P. 190-213. – DOI 10.1007/s42087-019-00076-8
5. Rafikova V.A. Social'no-politicheskie faktory razvitiya psihologicheskoy nauki v SSSR i SSHA pered Vtoroj mirovoj vojnoj: sravnitel'nyj analiz // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. – 2021. – Tom 6. – № 2 (22). – S. 244-270. DOI: 10.38098/ipran.sep_2021_22_2_10
6. Rafikova V.A., Mironenko I.A. Razvitie social'noj psihologii v SSHA v period Vtoroj mirovoj vojny i sud'ba rossijskoj shkoly social'noj psihologii // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. – 2021. – T. 6. – № 3 (23). – S. 246-271.

7. Rafikova V.A., Mironenko I.A. Pavlov in Russian contemporary Psychological discourse // One Dog Is Enough: Ivan P. Pavlov's Contributions to Idiographic Science / Editor(s): S. Salvatore, J. Valsiner. Charlotte, NC: Information Age Publishers, 2022 (глава в коллективной монографии). P. 105-128.
8. Rafikova V.A., Mironenko I.A. «Politicheskaya istoriya» psihologii detstva v Germanii perioda nacional-socializma // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. – 2022. – № 4. – S. 352–375. DOI 10.35231/18186653_2022_4_352
9. Rafikova V.A. Nekotorye problemy metodologii istorii psihologii v svete filosofii istoriografii // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. – 2023. – T. 8. – № 2 (30). – S. 243-269.
10. Mironenko I.A., Rafikova V.A. Institucionalizaciya psihologii v Germanii i SSHA v 1930h-1940h godah: sopostavitel'nyj analiz // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. – T. 8. – № 2 (30). – S. 158-180.

This dissertation was prepared within the framework of the following RFBR grants:

1. No. 20-313-90004: "The Development of Russian and Foreign Psychology of Personality in the Thousand Nine Thirties - Thousand Nine Forties: A Comparative Analysis".

2. № 20-013-00260: "National and local schools of psychology in the context of global socio-cultural trends: problems and prospects".

Structure: the dissertation consists of an introduction, four chapters, conclusions, conclusion, a list of references consisting of 590 sources (including 230 in English, 131 in German, 229 in Russian), 5 appendices. The paper contains 12 tables. The total volume of the thesis is 322 pages, including 18 pages of appendices.

CHAPTER 1. DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGY AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC ANALYSIS: DETERMINANTS AND ASPECTS

The problem of the relationship between the development of science as scientific knowledge and the functioning of science as a social institution has been relevant since the emergence of science itself and, in the broadest sense, goes back to the works of ancient philosophers who tried to comprehend the process of cognition as such. On the one hand, the desire of scientists, philosophers, and in general any actors of the cognitive process to describe their own activities is dictated not only by research interest, but also by the desire to optimize their work, to make it more productive. On the other hand, the whole history of science as a social institution shows how closely this area is connected with social, political, cultural and other conditions; therefore, the work of a scientist is in itself a product of the intersection of the characteristics of a cultural-historical era. As noted by V.A. Lektorsky, from the point of view of this approach, “the individual subject of cognition itself arises only insofar as it is included in a certain objective system of relations with other subjects and “masters social methods of activity. In other words, the process of cognition is possible only under the condition that it uses standards that are of a socio-cultural nature ... ”(Lektorsky, 1980, p. 58). Thus, knowledge about the factors and mechanisms of determining the process of cognition and the functioning of science as a system of social relations is the most important aspect of the study of intellectual history, in particular, the history of a particular scientific sphere and scientific community.

1.1.Socio-cultural factors determining the development of psychological science

Of particular importance in the context of the period 1930-1940s. in the development of psychology has a socio-cultural determination: as M.G. Yaroshevsky, who singled out the social, logical (cognitive) and personal-psychological aspects of the analysis of science, at the level of studying social factors,

one can trace how connections are built between the individual and society, “sending its economic, political, ideological and other requests to science” (Fundamentals of Theoretical psychology..., 1998, p. 31).

The problem of the conditionality of one or another subject of research interest by environmental factors (political, economic, environmental, etc.) is extremely complex, primarily because the phenomenon under study is always an integral part of this environment; it is impossible to accurately trace the contribution of each of the factors of influence, since their separation from the phenomenon under study is always very arbitrary. Moreover, the analysis of the social conditionality of certain phenomena in the history of science occurs retrospectively, without the possibility of setting up an experiment, and is most aggravated when it comes to such conditional and arbitrary phenomena as science.

Nevertheless, despite the complexity of the task, researchers do not abandon attempts to study the social determination of the phenomenon. After all, the above reasons, which, on the one hand, represent a big methodological problem for the researcher, on the other hand, make it necessary to study the factors that determine science, since science is a product of social life, and to explore its development in isolation from the “natural environment” her habitation would be simply impractical. Science scientists, philosophers and methodologists of science, trying to explore the genesis of science primarily as a social phenomenon in a broad sense, or, using the terms of J. Holton (Holton, 1981), as a translation of relatively stable structures - “themes”, which, re-emerging due to historical development, entail a restructuring of the thematic, subject field of science, in their theoretical constructions, in one way or another, rely on the cultural and historical foundations of science.

The growing attention to the context, to the conditions that allowed this or that phenomenon to exist in a form accessible to the observer, can be traced in many areas of humanitarian knowledge: as one of the leading Russian philosophers and historians of science V.P. Zubov, “... the history of science today has not only firmly stood on its feet as a specific branch of historical knowledge, but has come close to solving large problems of a synthetic nature. It is not limited to a mere recording of

discoveries, or a purely biographical approach to studying them. Nor is it content with a purely logical analysis of the connections between theories and concepts of different historical epochs. Each phenomenon in the history of science is considered inextricably linked with the conditions that gave rise to it, made possible the very discovery and its practical application. Increasing attention is paid to the relationship between the development of individual scientific disciplines” (Zubov, 2006, p. 458).

As one of the most important components of the system of foundations of science, it is customary to single out philosophical foundations, which, in turn, are inevitably associated with the picture of the world that is relevant for a particular society (Stepin, 2015). As V.S. Stepin, “the development of philosophical foundations is a necessary prerequisite for the expansion of science into other subject areas” (Ibid., p. 337) and is the link that not only belongs to the internal structure of science, but also determines its connection with culture.

The problem of the connection between philosophical foundations and the evolution of scientific discoveries goes back to the works of one of the first historians and philosophers of science, A.Koyre: “... the history of scientific thought teaches us... that: a) scientific thought has never been completely separated from philosophical thought; b) great scientific revolutions have always been determined by a catastrophe or a change in philosophical concepts” (Koyre, 1985, p. 14). Speaking of the development of the "natural" sciences (which, in our opinion, is quite true for the humanities as well), he adds that scientific thought has never developed in a vacuum; “... this development has always taken place within the framework of certain ideas, fundamental principles endowed with axiomatic evidence, which, as a rule, were considered to belong to philosophy proper” (Ibid., p. 15).

The history of the development of science as a social phenomenon is given much attention not only in the works of philosophers and historians of science, but also in the works of sociologists and social psychologists. So, for example, domestic authors note that the socio-psychological approach to the problem of cognition in general, including scientific cognition, involves addressing the problem of its social

conditioning, which leads to the inevitable fact of recognizing the social origin of the cognition process: "... when cognizing the phenomena of the social the world is always given a social context - a real social situation in which a person lives and acts. The most important condition for adequate knowledge in this case is the relationship between the content of knowledge, changes in it and changes in the world. The emphasis on this side of the issue was made precisely in social psychology" (Andreeva, 2000, p. 52). And, further: "The means of developing ... shared representations, values is communication. Social cognition, arising in the course of interaction, implies a mandatory communicative process, i.e. a process of constant exchange of information" (Ibid., p. 54). Thus, it can be noted that the key role in the process of emergence and development of knowledge in this approach is given to communication and social interaction.

For psychological science, the problem of social determination of its development is one of the most important: due to the specifics of the subject being studied, which in one way or another concerns the study of a person in all the diversity of his manifestations in the environment, the emergence of certain ideas, turning points in the perspective of psychologists' research is inextricably linked with transformations taking place in society. As the American researcher, historian of psychology T. Leahy writes, "... science is a public institution with certain needs and tasks within a larger society, and scientists are people socialized in a given culture and thirsting for success in a certain social environment", – writes the author (Leahy, 2003, p. 72). In the work of other researchers in the history of psychology, it is also rightly noted that "psychology does not develop in a vacuum; it is part of a larger culture and is therefore subject not only to internal influences, but also to external ones, which also shape its character and trends. Understanding the history of psychology involves considering the context in which this science was born and developed, that is, the ideas that dominated science at different times (*Zeitgeist*, or the intellectual "zeitgeist"), as well as social, economic and political forces ... "(Schultz, Schulz, 1998, pp. 25-26).

A number of works by the American social psychologist K.J. Gergen (Gergen, 1973, 1994, 1997) are devoted to the problem of the social conditioning of scientific knowledge in a somewhat different vein. Based on the position of K.Beck, who considered science as a communicative system in which scientific theories are ways of decoding initially neutral messages received by a scientist from the object of his research (for a psychologist, this is almost always his subject), on the one hand, and ways of transmitting information and results of his research to others. members of the scientific community and members of society as a whole, on the other hand (the success of this decoding, that is, the "sharpness", simplicity and consistency of a scientific theory, depends on how useful its results will be for a wide range of people) (Back, 1963), he raises the issue of double-conditioning decoding. So, in contrast to the natural sciences, where the state of the object of study is unchanged in different periods of time, the specifics of the social sciences are such that knowledge of the described phenomenon already changes these phenomena in itself; thus, the process of scientific description of a phenomenon can never actually be final - the spread of psychological knowledge changes the patterns of behavior on which this knowledge is based.

One of the most promising areas of knowledge in the light of studying the problems of social determination of science is the social psychology of science, the foundations of which, in particular, were laid by Russian researchers. Thus, the problem of the development of the process of cognition and its dependence on various determinants is most fully disclosed in the works of the Russian scientist and the largest historian of psychology M.G. Yaroshevsky. The classification of science development factors proposed by him, including personal, intrascientific (cognitive) and social aspects of the study of science, is still used in science of science and philosophy of science (Fundamentals of Theoretical Psychology ..., 1998, p. 25-97). Thus, the social determination of science as a social phenomenon can be defined as the dependence of scientific activity and its results on social influence on the micro-society and personality of the scientist. At the same time, however, M.G. Yaroshevsky notes that it is necessary to avoid identifying the scientific-social and

social aspects of the analysis of science: "... the scientific-social should not be confused with the social in the broad sense of the word. If the first is only one of the aspects of science as a subsystem, then the second means the general socio-historical determination of all aspects of the development of this subsystem, therefore, not only scientific and social (forms and processes of communication between scientists, scientific organizations, etc.), but also - no less - subject-logical and personal-psychological" (Yaroshevsky, 1974a, p. 38). The logical aspects of the development of science are reflected in those invariant dynamic structures that determine and regulate the work of the researcher's thought, and personal aspects, in turn, include creative activity specific to an individual researcher, the results of which affect the development of scientific knowledge.

However, the level of social factors in the development of science also, in turn, seems to be multidimensional: for example, in the work of A.V. Yurevich (Yurevich, 2001), the problem of social determination of science develops in the context of the isolation of micro- and macrocium. The first level of the development of science reflects the inclusion of the individual in small groups, how she builds relationships at the interpersonal level, while the macro level describes more global social networks into which the researcher is embedded. In addition to highlighting the levels of macro- and micro-society, A.V. Yurevich offers his own concept, which develops ideas about the determination of science and scientific knowledge: for example, he names the following as aspects of socio-psychological determination:

- Intrapersonal;
- Personal;
- Small group level,
- Level of organization,
- The level of the scientific community;
- The level of society.

Each of the selected levels of A.V. Yurevich reveals in detail through several aspects that make up a single system of socio-psychological determination of science. Thus, the intrapersonal level of determination is represented by the following

elements: intrapersonal knowledge (a kind of "intuition" of a scientist, his accumulated knowledge); forms of representation of this knowledge (characteristic for a particular scientist ways of thinking, ways of representing knowledge - metaphors, images, etc.); intrapersonal organization of the process of cognition, types of "insight"; individual "natural logic", accumulating the experience of building logical connections; features of intrapersonal internalization of social relations. When analyzing science as a system determined by a combination of certain factors-products of social relations, researchers often turn to systemic and integrated approaches. The essence of an integrated approach in the context of science of science, from the point of view of V.A. Koltsova, "... consists in the study of the phenomenon under consideration as a multidimensional one, in the identification and study of its various aspects through the use of content-conceptual and organizational-methodological capabilities of a complex of scientific disciplines, i.e. implementation of an interdisciplinary strategy" (Koltsova, 2004, p. 26). The systemic approach is to study the phenomenon under study in its entirety, in all the variety of relationships between its constituent elements (Kuzmin, 1982).

Despite the growing trend in academic discourse towards interdisciplinarity, which characterizes the current stage of development of science, the specificity of each of the areas of humanitarian knowledge dictates the need to study the features of the influence of social, cultural, political and other factors in the context of a particular scientific field. Each of the areas of science is represented by a separate, relatively isolated scientific community, a system of institutes, departments and laboratories, which imposes certain specifics on the evolution of knowledge within each of the scientific areas. The understanding of this fact prompted philosophers and historians of science to turn to the peculiarities of the determination of certain areas of knowledge: for example, a series of works by V.A. Koltsova. She proposed a multi-level system for determining psychological knowledge from the point of view of a systematic approach. Thus, psychological cognition is considered as a complexly organized process of formation and development of knowledge about mental reality, which is characterized by the following features:

“• multidimensionality (logical-objective, socio-historical, personalistic, procedural-dynamic aspects);

• multidimensionality (measured and evaluated by the products of cognitive activity and events of scientific life; by the contribution of an individual scientist, research teams, schools, regions, supporters of a particular approach to the development of psychological thought; by the nature of historical continuity and variability in the development of psychological thought and ways of its conceptualization ; according to the ratio of the studied historical stage of psychological knowledge with previous periods, with the psychological thought of its time, with the modern system of knowledge, with the prospects for the future development of psychology; according to the cognitive, practical and moral and spiritual effect, the level of use of historical and psychological knowledge in psychological theory and practice by the nature of their involvement in the cognitive and communicative structures of science);

• multilevelness (includes scientific and non-scientific knowledge, which, in turn, is differentiated into worldly psychological ideas, psychological knowledge, developing in line with art, mythology and religion);

• systemic determination (depending on a combination of factors - intrascientific, socio-cultural, subject-personal, prerequisites - the previous state of knowledge, the level of psychological culture of society and conditions - situational and subjective, determining the dynamics and direction of development of knowledge);

• involvement in broader structures: in systems of psychological knowledge and science in general, in culture and social life with its diverse subsystems (ideological, social, political, economic)” (Koltsova, 2004, p. 10).

In the "Intellectual History of Psychology" D. Robinson writes that psychology is one of the areas of scientific knowledge that is most sensitive to socio-political metamorphoses: the author connects this with the inevitable for all, especially the humanities, human sciences, the social context of basic scientific ideas (Robinson, 1995). The problem of the connection between the development of

scientific knowledge and socio-political factors becomes especially urgent in the light of studying the practical areas of psychology: as the British historian of science R. Smith (Smith, 2008) practice is one of the determining factors influencing the appearance of a particular scientific industry, convincingly proving this by the example of the dependence of the development trajectory of American psychology on the demand that was formed by the American government and society as a whole in the field of education, adaptation policy in relation to migrants and the search for new ways to increase labor productivity in large enterprises, as a result of which, in particular, new effective methods of personnel management were required. In the light of the problem of the role of the scientific community as a collective subject of scientific knowledge in Soviet psychology, socio-psychological factors are studied by O.A. Artemyeva (Artemyeva, 2012, 2015). She emphasizes that "sociality" is not an external factor in the development of science, but an immanent characteristic of scientific knowledge. However, the phenomenon of the scientific community as a subject of the development of science will be considered in more detail in the next paragraph.

In an attempt to analyze the determinism of science as a holistic phenomenon or individual scientific theories, researchers are increasingly focusing on identifying individual factors, for example, economic, cultural, political, geographical, and others. Although their demarcation is very conditional, it makes sense, at least, in order to avoid methodological confusion when studying different layers of the activity of human communities. So, for example, it is advisable to single out economic as a factor determining the development of science, which is done by D.P. Schultz and S.E. Schultz, exploring the history of modern psychology and drawing attention to the growth in spending on psychological research in the United States. D. Meskill also points out the need to take into account the political and economic situation in the study of the development of psychological science: the popularity of character studies and the formation of a whole direction that combines studies of both the internal determinants of personality and its manifestations in the external environment, in Germany in the 1920s, the author connects with the growing need

of large companies for highly qualified workers who have not so much certain narrow professional skills as such qualities as responsibility, learning ability, hard work (Meskill, 2004).

Some authors also point to the geographical determination of scientific knowledge, which, in turn, is inextricably linked with the social conditions of a particular area. The importance of the geographical factor in a more detailed consideration of the line of development of such a science as psychology cannot be ignored: a number of authors note that in many humanities and social sciences, the discussion of a particular discovery is often associated with the place of discovery of a particular idea or work of the circle of scientists who developed it - for example, the Vienna Circle, the Austrian School, etc. (Kalampalikis, Delovee, Petard, 2006). However, of particular interest in the light of the spread of the "social history" approach is the study of political factors in the development of science and, in particular, psychology.

Thus, the problem of socio-cultural determination of science and various forms of cognition in a broader sense is relevant for many areas of knowledge - philosophy, history, sociology, social psychology. Despite the fact that the problem of finding the factors of determining the social phenomenon that is science is quite complex (since science itself is part of the environment and it is difficult to separate it from other factors of social relations), modern researchers are actively developing the methodological apparatus of this problem. An important role in the study of the factors of determination of scientific knowledge belongs to domestic psychologists: for example, they proposed concepts about the levels of socio-cultural and socio-psychological determination, about the structure of scientific knowledge, features of the process of cognition and other aspects of the problem of determining science. Today, on the basis of specific historical material, research is being carried out on the relationship of science with certain aspects of social relations - social, cultural, political, economic, etc. political determination: both domestic and foreign psychological science is of interest from the point of view of the dependence of its transformations on significant political events, turning points, and ways of

interacting with political institutions. The next section of our work will be devoted to this aspect of the determination of science.

1.2. Political factors determining psychology: the problem of science and power

When discussing the nature of the impact of social changes on the emergence of scientific ideas, it is impossible to ignore such an important and controversial factor as political transformations taking place both in the international arena and in local communities. On the one hand, political changes as a determining factor imply the study of several inextricably linked areas at once, such as economics, geography, etc. On the other hand, this is still a rather specific layer of the life of human communities that requires a special approach to study and which is not limited to a set of economic measures of a particular state or a series of legislative acts of its government. The difficulty of studying the influence of the political factor on the development of science in a broad sense lies, first of all, in the absence of strict logic and consistency between the philosophical foundations of a particular ideology, the declared goals, the course of the government and real political actions, and often their inconsistency. Nevertheless, attempts to study the influence of the political factor in the development of scientific knowledge often turn out to be very productive - such a perspective of consideration allows us to understand a lot about the specifics of the functioning of the system of relations between the policy of a particular state and science, in particular, through such a phenomenon as a social order.

One of the first to pay attention to the political factor in the determination of psychology as a science was E.A. Budilova - back in the 1970s, she wrote about the period of the formation of the "new psychology" in connection with theoretical discussions that were an indicator of the struggle "against the remnants of the bourgeois and reformist ideology and with the intra-party struggle against opposition groups" (Budilova, 1972, p. 24). However, a more active understanding of the role of political and ideological influence in the development of science took place after

the global turning point - the change of the political regime in the 1990s. Thus, the title of the collection published in the early 1990s "Repressed Science" (in the words of M.G. Yaroshevsky) is already more critical and evaluative (Repressed Science ..., 1991, 1994).

Monograph "Ideology and Science" by a team of Russian historians and philosophers of science under the leadership of A.A. Kasyan, published in the late 2000s, is one of the attempts not only under the auspices of the main theme - the connection between science and politics - to combine disparate information about the discussions of the mid-20th century in various fields of knowledge, such as philosophy, biology, physics, mathematics, linguistics and others, but also to analyze the main prejudices and stereotypes that developed in the academic environment in the post-perestroika period regarding the relationship between the state ideology and Soviet science, and whether they can generally be characterized so unambiguously. The monograph is also interesting in that one of its sections is devoted to the physiology of higher nervous activity and psychology. In the chapter of the same name, the authors consider the period mainly of the middle of the 20th century and are largely associated with the famous event for the world of psychology, biology and science in general - the "Pavlovian session" of 1950 and the subsequent tightening of the conditions for the existence of Russian psychological science: "Starting from 1947, in Five years have passed in national history, characterized by the close attention of the Soviet leadership to science. One gets the impression that this campaign was a review of the scientific potential of the country, the tasks of which were to identify effective scientific directions, cleanse from Western influences and develop optimal forms of interaction between science and government, science and practice "(Ideology and Science ..., 2008, p. 143) .In the last 20-30 years, the sphere of interest of historians of psychology has been expanding: researchers are increasingly paying attention not only to periods that are firmly associated in the mass consciousness with obvious forms of merging scientific and political (for example, the already mentioned consequences of the "Pavlov session" or the actual destruction of pedology and psychotechnics in the

1930s in connection with the resolution “On Pedological Perversions in the System of the People’s Commissariat of Education”), but also for the entire period of the development of psychology in its connection with the socio-political situation. So, S.A. Bogdanchikov actively explores such a period in the development of Soviet psychology as the 1920s, dispelling many stereotypes, in particular, regarding the ideologically motivated resignation of G.I. Chelpanov (Bogdanchikov, 1998, 2011, 2015); also the attention of researchers is attracted by the history of psychology during the Second World War (Barabanshchikov, 1985; Koltsova, Oleynik, 2005, 2006, 2016, 2018); Recently, historians of psychology have more often turned to the study of pre-revolutionary trends in psychology, including the development of the experimental method in Russian science, etc. (Koltsova, Oleynik, 2016, 2017a, 2017b).

Periodization of the development of Russian psychology in Russian historiography

So, today in the historiography of Russian psychology there is a fairly complete picture of the main stages in the development of psychological science, although the question of the grounds for distinguishing certain periods is always debatable. In particular, the leading methodologist and historian of psychology V.A. Koltsova proposed a periodization of the main turning points in the history of Soviet psychology 1) 1917 - mid-1941; 2) mid-1941-1945; 3) 1946-1962; 4) 1963-1991; 5) 1992-present (Koltsova, 2008).

This periodization is an example of reflecting the dependence of “the history of psychology on practical and ideological tasks determined by society” (Artemyeva, 2012, p. 39). Thus, the first stage is characterized by the development of Soviet psychology in the conditions of political transformations, expressed, first of all, in the complex relationship between the ideological course of the government and psychological science, which is in search of its methodological foundations, which was forced to adapt to the situation of the consequences of the 1917 revolution, as well as in years of the "Great Break" - after 1929. Among the characteristics of the psychology of this period, V.A. Koltsova also names the orientation towards

practical problems, the isolation of Soviet psychology from the world mainstream, the actual destruction of entire areas, such as religious and philosophical psychology, psychoanalysis, and, in general, the rupture of ties with pre-revolutionary trends in psychology. The second stage in the development of psychology falls on the years of the participation of the Soviet Union in World War II and is characterized by the unity of theory, experiment and practice, the strengthening of interdisciplinary ties, and the weakening of state control. This stage in the history of the development of Soviet psychological science is the subject of separate works by V.A. Koltsova, many - in collaboration with Yu.N. Oleynik (Koltsova, Oleynik, 2006; 2016; 2018). The stage after the end of the war, including 1946-1962, V.A. Koltsova connects with the time when, despite the strengthening of totalitarian tendencies and ideological pressure on science, psychology was able to defend its status as an autonomous branch of scientific knowledge. The next period until the turning point of the 1990s is characterized by relative stability and the strengthening of ties between psychology and related sciences, and the last stage, which continues today, is the time to search for new foundations due to the lack of methodological unity that was in Soviet psychology, discussions, pluralism of opinions and reflections on connections with foreign psychology.

In such an approach to the study of the periods of development of psychological science, a close connection with the main social upheavals is seen - for example, one of the selected periods in terms of time frame practically corresponds to the period of the USSR's participation in World War II, the last stage corresponds to the time of the change of political regime, etc.

It is interesting, however, that the pre-war period in the interpretation of V.A. Koltsov includes a rather lengthy stage, beginning with the revolution, and includes a rather heterogeneous history of the formation of psychological science in the Soviet Union; a more detailed periodization of the development of psychology at the beginning of the 20th century is offered by O.V. Sineva: the pre-revolutionary turning point is characterized by the author as a period of emergence of tendencies towards the institutionalization of psychological currents, which ends in 1920;

further, the author singles out a decade in the history of the development of domestic psychology, in which active institutionalization and methodological self-determination of psychological science takes place (1921-1930); the next stage is associated with the tendencies of deinstitutionalization of Soviet psychology and ends in 1936, and from 1937 to the 1950s are characterized by a period of its latent development (Sineva, 2017). Thus, the periodization of the development of scientific and practical trends, proposed by O.V. Sineva, is already less tied to the dates of the main political events (in particular, due to the fact that the focus of the researcher is on a shorter period of time), but the allocation of stages, of course, inevitably follows from the consequences of socio-political transformations.

Special attention deserves the interpretation of the stages of development of domestic psychology, proposed by O.A. Artemyeva: the researcher considers Russian psychological science through the prism of the formation of a collective subject and links its development with the events of "social history". So, O.A. Artemyeva identifies the most important events that influenced the development of psychology, both at the level of society (the revolution of 1905-1907, the First World War, the October Revolution, the Civil War (1918-1921), the NEP period (1921-1928), the assassination of Kirov (1934), the years of the "great terror" and "Yezhovshchina" (1936-1938) and the Great Patriotic War), and at the level of the scientific community (the expulsion of the scientific intelligentsia in the early 1920s, the reactological discussion (1930), the resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks "On pedological perversions in the system of People's Commissariat of Education" of 1936) (Artemyeva, 2012).

Based on these significant socio-political and intra-scientific processes, O.A. Artemyeva identifies the following periods in the development of the main directions and currents of Russian psychology at the beginning of the 20th century:

1. 1901-1904 - this period is associated with the formation of Russian psychology, the search for its methodological foundations, the formation of psychology as an autonomous scientific discipline;

2. 1905-1917 - this period includes revolutionary and war years; social transformations directly influenced the content of psychological research; there is a spread of psychological views, the active development of scientific activity and international cooperation, the foundation of the largest institutes and laboratories in Russia;

3. 1918-1920 - the growth of state support for psychology under the new government;

4. 1921-1928 - the period of the "new economic policy" and the active development of applied areas of psychology - pedology and psychotechnics;

5. 1929–1st half of 1936 - the period after the "year of the great turning point", the victory of I.V. Stalin in the intra-party struggle, the definition of new guidelines for the development of Soviet science, the persecution of individual scientists;

6. 2nd half of 1936–1st half of 1941 - tightening of mass repressions; interruption in the development of applied areas of knowledge, reorientation of psychologists from practice to theory;

7. 2nd half of 1941–1st half of 1945 - the years of the Great Patriotic War, the mobilization of the forces of the scientific community to fight the enemy, the growth of psychological research, the "unity of theory, experiment and practice" (V.A. Koltsova), the transition to interdisciplinarity;

8. 2nd half 1945 - 1950 - post-war restoration of all spheres of society; strengthening ideological control, laying the foundations for the fight against "cosmopolitanism". Political history of psychology

One of the leading Russian researchers dealing with the problem of the political and social history of psychology is A.V. Petrovsky. In the last years of his life, after publishing a very impressive number of works devoted to the problems of the history, theory, methodology of psychology, the author somewhat shifts the emphasis and develops new conceptual approaches to the analysis of the development of psychology as a field of scientific knowledge, proposing, in particular, the concept of the political history of psychology. With the help of this concept, A.V. Petrovsky analyzes not only the movement of psychological thought

in Russia as a whole, but also explores the history of its individual areas, which in the context of national history have a very specific fate, showing a direct connection with the political history of Russia - pedagogy and psychotechnics. The work "Psychology and Time", which was the last work of A.V. Petrovsky before his death, is interesting not only from the point of view of the proposed concept, but also from the point of view of the material, the author of which was actually an eyewitness and participant in many of the events described in the book. The opportunistic, bureaucratic, ideological pressure on psychologists exerted by the authorities in various periods of Russian history, the fundamental transformations of the 1990s, which entailed a paradigm turn in psychology and its actual "rediscovery" as a necessary for society, highly demanded practical activity, are shown here not just as factual material, but also analyzed by a person who was directly involved in the events presented. At the same time, however, offering to pay attention to the political aspect of the history of psychology, A.V. Petrovsky notes that such an optics is suitable only for states of a totalitarian and post-totalitarian type, for example, for the Soviet Union or National Socialist Germany (Petrovsky, 2007).

The interest of scientists in the study of political factors in the development of psychology seems natural also due to the fact that the time of global political transformations, caused by the emergence of major projects of social order, such as socialism, nationalism, various forms of liberalism, the formation of fundamentally new political ideologies and attempts to implement them in life fell on the end of the 19th and the entire 20th century, which coincided with the time of the formation of psychology as an independent scientific branch, at least expressed in the first attempts to institutionalize it (the emergence of separate laboratories, the introduction of psychology courses at universities, etc.). Psychology, as a relatively new field of scientific knowledge that needs support, and as a branch, the subject of which is related to the peculiarities of the manifestations of the human psyche in the process of constant interaction with society, could not but become, like philosophy, an instrument in the attempts of interested persons to substantiate the foundation of their own actions. in the political field. In this regard, in the works of many

researchers on the history of science, a parallel is drawn between the development of both the entire psychology and some of its branches and social transformations taking place in individual states. So, A.M. Etkind connects the crisis of the psychoanalytic tradition in Russia, which had just begun to take shape at the beginning of the 20th century, with the political failures of L.D. Trotsky (Etkind, 1993). Wrestling I.V. Stalin with "Trotskyist propaganda" is also associated with the extinction of the psychoanalytic trend in Russia and another researcher - V.M. Leibin (Leibin, 1991). The grounds for the eradication of the ideas of psychoanalysis from psychological science are seen by the author not only in the direct personal connections of the still dangerous political opponent I.V. Stalin with leading theorists and practitioners of this area of psychology; the very essence of the psychoanalytic doctrine (at least in the form in which it was interpreted by the authorities of that time) was seen as contrary to communist ideals (in the light of which, it is quite remarkable that in Europe around the same time, it was formed and was very popular Freudo-Marxism).

The system of factors that influenced the fate of the psychoanalytic movement in Russia was also studied by D.S. Christmas. However, as the main reason for the collapse of psychoanalysis in Russia in the late 1920s, the author names, first of all, its inability to integrate into the established cultural and scientific tradition, its isolation from experimental research, and the connection of the fate of psychoanalysis only with Stalinist repressions, which is often noted by foreign colleagues - researchers of the history of the psychoanalytic movement in Russia, considers it rather a rough generalization (Rozhdestvensky, 2002).

Psychoanalysis as a whole is a unique phenomenon in the sense that it is one of the currents in psychological science that is very sensitive to cultural, political and other social changes. The very essence of the psychoanalytic current lies in the study of the human psyche as a structure that is constantly in connection with social requirements and transforms under their influence; moreover, a deep study of the cultural characteristics of human communities, in particular myths, form the basis of the ideas of leading psychoanalytic theorists such as K.G. Jung.

A vivid example illustrating the connection between theories describing social relations and ideas regarding the functioning of the human psyche are the works of one of Freud's students, W. Reich. Reich, unlike other followers of Freud, with whom he had disagreements on certain theoretical issues, in particular those relating to the study of sexuality, continued the line of his mentor, paying great attention to the libido component and, moreover, drew attention to the enormous importance child and adolescent sexuality in personality development. One American scholar writes about it this way: "It seems that the catalyst for the study of the relationship between sex and politics was the recognition of the fact that the repression by parents of the naturally developing sexuality in their children has the effect of fixing in the character structure the individualistic, authoritarian and repressive principle on which class society. In other words, Reich saw the family's patriarchal authoritarian structure and its taboo on childhood sexuality as an extremely effective ideological weapon that served to perpetuate and reinforce at an unconscious level" (MacBean, 1972, p. 3).

The history of psychoanalysis in Russia, like many other areas of psychological science, is of great interest as material for the study of the scientific community within certain political conditions. That is why the Soviet period in the development of Russian science also attracts the attention of foreign researchers: this period in the development of psychology, naturally, is of interest to foreign colleagues for its uniqueness in relation to the conditions for the development of scientific knowledge in a totalitarian state.

Thus, the work of A. Kozulin (Kozulin, 1984) is devoted to the problem of ideological pressure, the phenomenon of social order in science. The main idea of his research is that one of the fundamental motives of Soviet psychology was the desire to help build a new society and create a "new Soviet man": while the pursuit of a utopian ideal often led to both desired results and tragic mistakes. On the example of ups and downs in the fate of leading Soviet scientists, such as A.N. Leontiev and A.R. Luria, and on the example of the fate of such figures as P.P.

Blonsky, he shows how the researchers had to adjust their theoretical position in accordance with the vicissitudes of the decisions of the Communist Party.

We see the need to present the evolution of philosophical views on the phenomenon of the political as the basis of scientific activity, as well as to address the views of researchers on the problem of the most “favorable” conditions for the development of scientific knowledge.

The problem of compatibility of science and political order

The problem of the organic coexistence of science and the political system was outlined in detail back in the middle of the 20th century by the sociologist and philosopher of science R. Merton: “... the study of the ethos of modern science is nothing more than a limited introduction to a larger problem: the problem of comparative study of the institutional structure of science. Although the detailed monographs that collect the necessary comparative material are few and scattered, they provide some basis for accepting the preliminary assumption that "science is given the opportunity to develop in a democratic order integrated with the ethos of science into a single whole." This does not mean that the pursuit of science is limited to democracies alone. To a certain extent, science was supported by a variety of social structures. Suffice it to recall that the Accademia del Cimento enjoyed the support of two Medicis, that Charles II deserves historical attention with his consent to the establishment of the Royal Society of London and the support of the Greenwich Observatory, that the Academia emie des Sciences was established under the auspices of Louis XIV (on the advice of Colbert), that Frederick I , succumbing to the persuasion of Leibniz, took over the Berlin Academy and that the St. Petersburg Academy of Sciences was established by Peter the Great ... But such historical facts by no means imply an accidental connection between science and social structure. There is one more question - about the proportional ratio of scientific achievements and scientific potential. Science develops, of course, in different social structures, but which of them provides the institutional context for the greatest completeness of its development? (Merton, 2006, p. 769).

The question posed by the philosopher is of interest to researchers even today: in the works of modern historians of science (including historians of psychology) there are attempts to trace, both in the form of reasoning and with the involvement of some formal indicators, which political regime and type of political structure of society is most conducive to favorable development of scientific knowledge.

It seems quite reasonable to state that the statements of thinkers - philosophers and historians of science - regarding the most "fertile soil" for the development of scientific knowledge are closely connected with the ideas prevailing for their era about the conditional "success" of these types of political structure. As an example, let us cite several statements of thinkers of different eras. So, in the middle of the 19th century, Alexis de Tocqueville, in his famous treatise *Democracy in America*, writes the following: "The future will show whether this rare and fruitful passion [for science] can be born and develop with the same ease in a democracy during aristocratic rule. As for me personally, I hardly believe in it" (Tocqueville, 1992, p. 342). At the same time, almost a century later, the physician and leading historian of medicine G. E. Sigerist wrote the following: "it is impossible to establish a simple causal relationship between democracy and science and argue that a democratic society alone is capable of providing the necessary ground for the development of science. At the same time, it cannot be a mere accident that science flourished precisely in democratic epochs" (Sigerist, 1938, p. 291).

The problem of the political determination of science has also touched professional psychological discourse. As a science that is most "sensitive" to social challenges, and also has great potential for extracting "tools to manage" society from the results of its research, psychology could not help but be out of the context of the problem of interaction between scientific and political. Certainly, since its emergence in Europe in the second half of the 19th century, psychology has developed under virtually all political systems that have existed in various parts of the world - in the democracies of Western Europe and North America, in Nazi Germany, and also in the former Soviet Union. Thus, there is no doubt that psychology can and does exist under various governments, but the question remains

whether it is "compatible" with any of them, whether there is any political regime that is the most "fertile ground" for this to flourish. Sciences.

Thus, N. Rose asks the question of "compatibility" of psychology and one or another political system: in some of his works he develops the idea that psychological science is especially compatible with what he calls "liberal democracy". Based on the ideas of M. Foucault, N. Rose believes that the liberal democracies of the West are alien to the direct, undisguised exercise of political power and, accordingly, the use of overly straightforward instruments of influence (for example, such as coercive measures), which is why to implement the will of the government more indirect methods of control have to be applied to the population. And in contemporary liberal democracies, what Rose calls the "psychological disciplines"—psychology, psychiatry, and psychoanalysis—play an important role in "mind control." ed.] (Rose, 1999).

In one of his works, N. Rose names three main forms of connection between psychology and liberal democratic forms of government: rationality, confidentiality and autonomy. Thus, he writes: "... firstly, in liberal democratic societies, the exercise of power over citizens becomes legitimate to the extent that it claims to be a rational basis ... Secondly, the liberal democratic problem of governance depends on the creation of "private" spaces outside the formal framework of the powers of public authority ... Thirdly, the liberal-democratic problematics of governance are autonomized: they seek to govern by creating a kind of regulated autonomy for social actors. The modern liberal self is "obliged to be free, to interpret all aspects of one's life as the result of choices made from a multitude of options" (Rose, 1996, pp. 99-100). Although Rose speaks primarily of the liberal democratic societies of the West, he also touches on the former socialist countries of the East: "... it seems that as the apparatus of the party and the plan are dismantled, other forms of power are being born, other ways of shaping and directing the choice of these recently liberated people... Perhaps we will find that the transition to a market economy and political pluralism will require, as its necessary consequence, not only the import of the material technologies of liberal democracy, but also their human technologies -

the engineers of the human soul, who are the other side of what we have become call freedom” (Ibid., p. 100).

These statements by N. Rose, however, naturally provoked criticism in the academic community. For example, E. Brock objected that, firstly, Rose's propositions simply do not correspond to reality - the history of psychology shows that this discipline flourished beautifully in the GDR (Brock, 1991). Secondly, referring to K. Danziger, E. Brock notes that the connection established by Rose is a classic correlation problem: if all examples are taken from the category of cases in which two signs coincide, then one can never be sure that there really exists between them direct connection and that their connection is not caused by some hidden, unexplored factor. However clear the connection between psychological practices and certain forms of social regulation may seem, there is always the possibility that this connection is simply an accidental result of their general dependence on circumstances that have escaped close attention.

From the reasoning of E. Brock, the conclusion follows that the fact that most of the world's psychologists live under liberal democratic regimes cannot mean that there is any significant connection between psychology and liberal democracy. “In the same way, I could note,” writes E. Brock, “that most of the psychologists of the world live in a temperate climate. This will include North America, Europe and Japan. There are fewer psychologists in the Southern Hemisphere, but this can be explained by the fact that temperate zones are much smaller on the continents of the Southern Hemisphere. It is no coincidence, however, that temperate southern hemisphere countries such as Argentina, South Africa, and Australia have more psychologists than tropical countries to the north. As with the theory of liberal democracy, I can happily admit that there is a certain psychology in these countries, but this does not change the basic fact that most of the world's psychologists live in temperate zones. I do not want to seriously argue that a temperate climate contributes to the spread of psychology, despite the strong connection between them. I just want to show how the argument works. It may be objected that the link between psychology and liberal democracy is more plausible than the link between

psychology and temperate climates, and this is undoubtedly true. Perhaps a more convincing way to question this claim is to consider situations in which psychology and liberal democracy do not coexist. There are many countries with liberal democratic systems of government where psychology does not exist to any significant degree. Some of these are India, Turkey, the Philippines, South Korea and Japan” (Internationalizing..., 2006, p. 155).

So, today there are no convincing grounds to assert that certain political or social conditions guarantee the development and dissemination of psychological science, as well as the fact that some of them are incomparable with psychology. As a possible reason that led Rose to his ideas about the existence of a connection between the political regime and the prevalence of psychological science, E. Brock suggests that psychology is often associated with the constellation of beliefs that is commonly called "modernity": "... here I have in mind belief in the value of economic development, industrialization, rationality, science and technology. Where these beliefs exist, a “modern” psychology is likely to emerge, whether or not the government is liberal democratic” (Internationalizing..., 2006, p. 159).

In our opinion, the position about liberal systems as the most favorable foundation for the development of psychological knowledge could also arise due to the problem that has already become traditional for historians of psychology - the problem of Western European hegemony in the field of scientific achievements. Modern historians of psychology ask about the prosperity of science under this or that political system in a slightly different way - in the context of the question of American hegemony in the production of scientific knowledge. Interestingly, in this sense, the central question posed back in the 19th century - about the relationship between science and democracy and the existence of the latter as a necessary condition for the favorable development of scientific knowledge - resonates with the topical questions posed by researchers today, since, in fact, modern America is most often cited as an example of the implementation of the democratic type of social organization in the countries of the first world. For many decades, historians of psychology have been mainly interested in Northwestern Europe and North America.

The work of the above-mentioned N. Rose also focuses heavily on the UK and the United States.

Thus, in a monograph devoted to the state of modern psychological science (primarily in the context of globalization trends), the problem of the dominance of the United States of America in the field of production of this knowledge is raised. The authors of the monograph note that the percentage of those people who, engaged in this discipline, live and work in the United States, is rapidly declining, and therefore, in modern realities, it becomes impossible to ignore developments in the field of psychology outside the United States (Internationalizing the History of Psychology ..., 2006) .

E. Brock, criticizing the American monopoly on the production of psychological knowledge, writes that the rules for including / excluding this or that work in the world history of psychology can be formulated as follows: “Rule No. 1: If your work has not had a serious impact on American psychology, no matter how influential it hasn't been anywhere else, it doesn't count... Rule #2: If your work has had a major impact on American psychology, even if its influence has been limited or absent elsewhere, that's an important part of the history of psychology... Rule #3: Asia, Africa , Latin America and Oceania do not exist” (Ibid., pp. 3-4).

To date, there is a fairly large amount of literature devoted to the problem of US hegemony in science; in particular, critical literature on the relationship between colonial expansion and science is gaining popularity (Storey, 1996). One of the lines of such criticism is revealed in the works of F. Moghaddam, who argues that “psychological science and the history told about this science served both external and internal colonialism, supporting inter-group power inequality in both international and national contexts” (Moghaddam, Lee, 1990, p. 165). Developing the problem of the so-called scientific colonialism, F.Moghaddam uses market terminology to refer to the "export" of scientific knowledge from the industrial hegemony to the Third World: "... Just as McDonald's and Pizza Hut were exported to the rest of the world, so was Western psychology exported (Ibid., p. 169).

Thus, the psychologist observes that at the international level, much of the psychology that dominates most African, Asian and Latin American societies reflects the needs and values of Western powers (Moghaddam, 1990). At the national level, this psychology is imported through pro-Western Third World elites, and the imported psychology largely remains within the modern sector and serves the elite rather than the majority of the population living in the traditional sector of the economy and society (Moghaddam and Taylor, 1985; 1986). The author sees the reasons for such hegemony in two trends that have prevailed throughout the history of psychology in the 20th century: the dominance of causal models over normative and persistent striving for the universalization of psychology (Moghaddam, 2002). The first trend, indicated by the author, is based on the consideration of psychology through the prism of the natural sciences and the position that human thoughts and actions are causally determined by factors that are the same for all mankind, and not under the influence of cultural conditions that can differ significantly in societies; at a certain point, it received great development due to the desire to build psychology in the image of the natural sciences and subsequently reflected on the specifics of American psychology.

In our opinion, one of the most important reasons for the current state of psychological science in Europe and the United States is the consequences of the Second World War. It is known that many scientists were forced to migrate to America due to political circumstances; moreover, despite the originality of the tradition of American psychology, many scientists were influenced by European colleagues at the beginning of the 20th century, when they were trained in the laboratory of W. Wundt. The period before the Second World War is an important stage in the development of psychology, which influenced the face of all modern science. That is why we consider it important to trace the prerequisites for the formation of the main directions of psychology in the political and social aspect in the 1930s. and its formation in wartime.

1.3. The scientific community as a subject of the historical process

The most important stage in the study of the problem of the determination of scientific knowledge is the search for the essential foundations of the concept of science as a whole. The definition of what is meant by science in general, how the concepts of scientific knowledge and scientific institutions are related, and what determinants are the engine of their development, inevitably leads researchers to the key factor, without which the existence of science as a social institution is impossible - the scientific community. This is emphasized in many modern approaches to the definition of science: "... science as a social institution is a sphere of orderly relations between people based on the stable organization of their activities, and such orderliness and organization is carried out through the normative-value regulation of interpersonal interactions" (Troshikhin, Gukov, Filenko, 2014, p. 104).

The problem of finding factors that determine one or another path of development of science, in particular, the problem of "science and power", is the leitmotif of research on Soviet psychology: it is natural that many of these studies describe Soviet science as a "repressed" science, thus presenting it as something impersonal, subjectless and abstract. However, in one of the latest large-scale works devoted to the study of the Soviet scientific community, a somewhat different assumption is put forward: loyalty - to a lesser extent. The study showed that during the period under study, the scientific community did not demonstrate ideological (communist) homogeneity. The degree of influence of the ideological factor on the passage of academic careers by scientists and their position in the scientific hierarchy was not as significant as it was traditionally estimated in historiography" (Dolgova, 2019, p. 18). In our opinion, this actualizes the need to address the study of the scientific community as a set of real people in all the diversity of their relations with the authorities, as well as the products of these people's activities in the context of interaction with other social institutions, and not as an abstract "science". Domestic researcher G. Yudin believes that the task of the philosophers of science "... should be to clarify the modus operandi of the scientific community using as a guiding

thread the idea that science is impossible without the scientific community. In this case, of course, this does not mean the study of its social structure, but the identification of how it sets the mode of existence of science” (Yudin, 2010, p. 68). D. Ben-David notes that the role of the scientific community both in science as a social institution and in culture as a whole is inevitably associated with public demand, which requires its study in connection with a number of social, political and cultural determinants, which is especially important in the light of our research (Ben-David, 2014). Thus, in this section, we will analyze the main approaches to describing the phenomenon of the scientific community and related concepts, such as "collective subject", "group subject", "subject of innovation activity" and substantiate the role of the scientific community as a leading factor in the development of science.

The very concept of "scientific community" can be used in several contexts, but in the most general sense, it comes down to a way of self-defining a certain community of people who in one way or another relate themselves to the production of scientific knowledge. It seems interesting, however, that this concept entered the academic discourse not so long ago: for example, the concept of “thinking collective” similar in meaning was proposed by L. Fleck in the middle of the 20th century, who was one of the first to draw attention to the fact that this phenomenon is not reducible to a simple community of people. He wrote that each of the members of such a “thinking collective” is at least endowed with a certain style of thinking, “... which almost always has an absolutely coercive effect on his thinking, in spite of which nothing can even be conceived” (Fleck, 1999, p. 66). Thus, the scientific community, ultimately, is always represented by a set of real people, but is not limited to them.

However, among the researchers whose works were devoted to the problems of the philosophy of science and the scientific community, in particular, M. Polanyi and R. Merton are better known in the academic environment, who almost simultaneously used the term "scientific community" in their works. Thus, in the works of R. Merton, the problem of the ethos of science received the greatest development. R. Merton considered science from several positions:

1. As a set of methods by which knowledge is certified,
2. As the accumulated stock of knowledge resulting from the application of these methods;
3. As "a set of cultural values and mores that govern those activities that are called scientific" (Merton, 2006, p. 768);
4. As a combination of the above components.

R. Merton devotes the section "Science and Society" of his fundamental work "Social Theory and Social Structure" to the study of science and the scientific community from the standpoint of the third approach. The author begins his analysis by drawing attention to the prerequisites that led to the need for self-determination of the scientific community as a separate autonomous entity: "An attacked institution must re-evaluate its foundations, reformulate its goals, and find its rational justification. The crisis calls for self-esteem," writes R. Merton, adding in the notes to what was written: "... Since it was written in 1942, it has become obvious that the shock caused by the atomic explosion over Hiroshima has already led a much larger number of scientists to awareness of the social consequences of their scientific work" (Ibid., p. 767). However, in addition to the problem of social responsibility of scientists for the results of their activities, there were a number of reasons that served as an impetus for the scientific community to comprehend itself as a subject of public life: growing by the 1940s. unspoken demands and expectations from the scientific community, the apogee of which was the merging of scientific and political (which will be discussed in subsequent sections), which was most clearly seen in the example of industrial countries that tried to put science at the service of the state, especially during the Second World War. world war (Hollinger, 1990). The problem of the inseparability of ethos and intellectual activity is not new: attention to the moral and ethical component as an integral characteristic of the scientific community can be traced back in the works of J. Ortega y Gasset. Raising the problem of the mission of the university, he drew attention to the responsibility of representatives of intellectual collectives (Ortega y Gasset, 2005).

According to R. Merton, however, the scientific community is, first of all, some organizational structure that ensures the optimal development of science and is able to regulate itself. As G. Yudin notes, "...for Merton, the issue of social conditions that ensure the autonomy of the scientific community has become of decisive importance, because such conditions, from his point of view, should be most favorable to the development of science. And although the problem of the autonomy of science was discussed in most detail by Merton in his early works [7, p.754-757], his subsequent analysis of the value and motivational structure of science made sense only in connection with a general idea of the place of science in society" (Yudin, 2010, p. 66).

In his works "Self-government of science" (Polanyi, 1951) and "The Republic of Science: its political and economic theory" (Polanyi, 1962), M. Polanyi comes to the conclusion that it is necessary to separate science from politics, giving it greater autonomy and building self-regulation mechanisms through the cooperation of members of the scientific community. Like R. Merton, M. Polanyi, although he speaks of the independence of the scientific community and the need for its de-ideologization, does not question the fact that science should benefit society: he only notes that regulations and state control enslave the scientist as a free creator, in essence, maintaining the same view of the scientific community as a tool for achieving the public good. As domestic researchers rightly point out, "... in fact, for Polanyi the requirement of science for practical use is largely indisputable: the assertion that it is unacceptable to force science to pursue goals external to it is inextricably linked with the confidence that it is precisely the absence of coercion that ultimately account and leads to the most socially useful results" (Yudin, 2010, p. 64).

The apogee of the development of this point of view was the discussion about the social role of science in society: for example, in July 1953, the International Congress "Science and Freedom" was held in Hamburg, in which more than 100 scientists from 19 countries took part. To prepare the congress, a special committee for cultural freedom was organized under the leadership of the already mentioned

Professor M. Polanyi and Dr. A. Weisberg, an Austrian physicist who at that time lived in England. The American sociologist E. Shils wrote about this event in detail: “The theme of the Congress was “Science and Freedom”. It was intended to draw the attention of the whole world to the damage done to science by totalitarianism. But the participants in the Conference wisely sought to use the critique of the oppression of science to contribute to clarifying our own assessment of the freedom of science and the conditions for maintaining it. The goal of those who organized the Conference was not only to denounce the oppression and distortion of science in the Soviet Union, but also to make Western scientists think about what the demand for freedom to search for truth entails” (Shils, 1954, p. 151).

The program was based on an unspoken agenda aimed at a comprehensive consideration of:

- a) the structure of the autonomous scientific community;
- b) the institutional prerequisites for scientific freedom, especially with regard to the way universities and research are financially supported;
- c) methodological preconditions for freedom in science, i.e. the concept of science underlying our demand for freedom of scientific activity;
- d) ideological (political and moral) grounds for the demands of freedom in science.

The results of the work of the congress, as E. Shils show that the participants reached a consensus in understanding the need to recognize intellectual freedom and, in particular, the concept of an autonomous scientific community as a value. “There was general agreement that the tradition of science consists not only in assumptions and current hypotheses and its codified procedures – the professional spirit of the scientist was seen as a vital element, both rigid and fragile, without which scientific work cannot continue” (Ibid., p. 154).

However, the introduction of the concept of the scientific community into philosophical and sociological discourse has been developed in a different view of the nature of the scientific community: the problematization of this discourse is not only a way to raise the question of the role of science in society, social responsibility

for the results of its activities; another reading of the scientific community is that the "thinking collective" or community of scientists is the only factor that generally certifies the reality of science and scientific knowledge. The scientific community is the horizon of scientific research, the condition for its existence: such a view of the scientific community goes back to the works of G. Peirce, who, although he did not use this term, considered the community of scientists as a supra-individual reality (Peirce, 2000). This line of reasoning about the scientific community is revealed in his work by G. Yudin, who sees in the work of M. Polanyi "Republic of Scientists" a reference to the idea of "Respublica literaria", dating back to antiquity: "... being a scientist is determined primarily by an orientation towards some supra-individual reality. This reality today is the scientific community. It is it that performs the function of a real transhistorical subject of cognition, which is in search of truth - "infinity" is commensurate with it as a time interval that is necessary to achieve truth. As for the individual research worker, his activity is justified and determined by the simple fact that he belongs to the scientific community, i.e., is included in the substratum of this community" (Yudin, 2010, p. 59).

Such a view allows us to speak of the scientific community not just as a subject in the sense of its endowment with responsibility as one of the actors in the chain "society-state-science", but also as a necessary condition for the existence of science in general, as its framework. In this regard, it seems important to analyze approaches to the problem of subjectivity of the scientific community and subjectivity in general.

The problem of the autonomy of science, its essential characteristics in the context of the role of the scientific community in the development of scientific knowledge, it seems possible to characterize as the problem of the "subjectivity" of the scientific community: the subjective approach as a whole today is a promising approach to the study of social phenomena and, as the researchers note, "...on the modern scientific stage is characterized by the expansion and concretization of ideas about the features and patterns of organization and functioning of the collective subject" (Artemyeva, 2015, p. 100).

The works of modern authors directly emphasize the subjectivity of the scientific community as an agent of knowledge production: “The scientific community is the subject of scientific activity, on the basis of which science is formed as a social institution” (Denisov, Denisova, 2007a, p. 30). Also, the scientific community is defined as “a self-organizing, autonomous association of scientists acting as the subject of scientific activity” (Denisov, Denisova, 2007b, p. 39). An appeal to the problem of the role of collective subjects in the development of science can be noted even in the works of science scholars, psychologists of science D. Peltz and F. Andrews: “modern science, due to a number of circumstances, is increasingly becoming a group science in the sense that it is no longer individual scientists, but their teams (small groups) that act as original subjects of creativity” (Peltz, Andrews, 1973, p. 8) . The importance of singling out the scientific community as a subject, and not an individual scientist, on the results of whose work, at first glance, the production of new knowledge depends, is justified as follows:

1. Work on the increment of new knowledge is in fact always of a collective nature (any researcher is affiliated with one or another laboratory, research institute, educational institution, where he, being in a community of colleagues, or a university, where he, communicating with colleagues, exchanges experience ideas, knowledge). In modern realities, a researcher is forced to be associated with one or another formal institution (not only in order to have everything necessary for engaging in scientific activities, but also in order to be able to publish the results of his work). As the authors rightly remark, “... the time of lone scientists working in home laboratories-workshops has irretrievably gone” (Ibid., p. 30).

2. The researcher cannot be divorced from the results of the scientific activity of his predecessors (even if he develops a fundamentally new topic, he is always limited by the framework of a certain discourse that was formed as a result of the work of many generations of scientists and philosophers by previous ones). In this sense, each new scientific product can be considered the result of the work of thousands of researchers who are indirectly related to it.

3. Each scientist is forced to rely on a number of norms and rules that have developed before him: the very understanding of what science and the scientific method are, the peculiarities of the ethos of science - all this is the result of the activities of many generations of scientists and the peculiarities of the development of society in general.

4. Knowledge as the end product of the activity of scientific agents, which is offered to society as something valuable in itself, or in the form of some technology, innovation, tool, is developed only as a result of the work of several participants in a large-scale and lengthy process to develop, formalize and implement this knowledge. One scientist is not able to offer society the result of his work or implement it: often he needs several other people even in order for the results of his work to become available to a certain circle of people (in the form of publication in a scientific publication).

The key role in the study of the scientific community as a subject of science is the concept of "collective subject" or "group subject". The foundations for the study of collectives in Russia were laid by V.M. Bekhterev in the concept of collective reflexology. Based on the postulate that the development of the individual is impossible without the influence of the collective (Bekhterev, 1994), the scientist singled out the search for common patterns of development of collectives as the task of collective reflexology. Team

Considered by V.M. Bekhterev "as something whole, as a "collective personality", having its own individuality, depending on the characteristics of its constituent persons" (Ibid., p. 6). As a backbone feature of the team, he singled out, first of all, the community of interests and tasks of the people who make up the team; they are also given a characteristic of different social groups, and their classification is proposed, the basis of which is the level of organization of the group, the direction activity, the degree of commonality of interests of its constituent members. So, based on these indicators, V.M. Bekhterev singles out organized and unorganized teams, as well as teams that differ in their level of cohesion (Ibid.). The roots of the modern use of the concepts of "collective subject", "group subject", "community as

a subject" (which, in our opinion, are more often used synonymously in the academic literature with various reservations) go back to attempts to apply the subjective approach to the study of the collective, some of which we propose to consider further.

The foundations of the subjective approach in its application to the phenomenon of the scientific team can be traced in the works of M.G. Yaroshevsky, who theorized the concept of "subject of scientific knowledge". In accordance with the concept of M.G. Yaroshevsky, scientific activity is proposed to be considered as a system of its three components: subject-logical, scientific-social and personal-psychological: "... the subject-logical aspect of science represents the meaningful forms of organization of the research process as a special intellectual activity. The scientific and social aspect is expressed in the dependence of the dynamics of these forms on the macro- and micro-social factors of creativity. In the personal-psychological aspect, there is a unique synthesis of cognitive (cognitive) and social, due to the peculiarities of the individual development of the scientist, the ontogeny of his work, style of thinking, level of claims "(Yaroshevsky, 1981, p. 129). The scientific community in this sense is presented as the level of the subject of cognition along with others, such as society, the scientific and social circle, the micro-society, the personality of the scientist (Yaroshevsky, 1979b). The scientific community as a subject is distinguished by a common language, rules in relation to the objects under study and the individuals who make it up. M.G. Yaroshevsky emphasizes that the individual subject is determined, first of all, by the community to which he belongs: scientific teams (some of which can be considered scientific schools) performed "... the great mission of the guardian and translator of social experience. An individual thinker is a product of this community. She constitutes him, and not he, as an independent unit, unites with others for its organization" (Ibid., p. 70).

The problem of the relationship between the individual and society as the most important factor in the development of scientific knowledge is developed in the works of another domestic scientist, V.P. Kartsev, who relies on the concept of M.G. Yaroshevsky. So, among the levels of the subject of scientific work V.P. Kartsev proposes to single out society, the scientific community, the "microsociety" of the

scientist and the personality of the scientist (Kartsev, 1984). The author delimits the areas of study of the social determination of scientific knowledge: the area of socio-psychological research, for which he assigns the micro-society of a scientist; the field of sociology is the scientific community; and the field of philosophy - society.

The problem of the scientific team within the framework of the subjective approach has been developed in the works of modern researchers. A number of works performed in such optics are due to Academician A.L. Zhuravlev.

In the context of our topic, the ideas of A.L. Zhuravlev and T.P. Emelyanova about the possibilities of studying large social groups as subjects (Zhuravlev, Emelyanova, 2009): they highlight the factors that determine changes in the level of subjectness of groups (the socio-political system in which the group exists); current social situation; the existence of a tradition of joint actions and a persistent collective memory of them; the presence of a system of views and values embedded in the group consciousness.

Also A.L. Zhuravlev singled out the subjective qualities of large social groups:

- Social initiative and activity;
- Social responsibility;
- High degree of self-organization and self-management;
- Developed civic consciousness and self-awareness;
- Relative autonomy and self-sufficiency;
- Openness to intragroup and intergroup interaction (Ibid., 2009).

Based on the features described, the author also proposes to single out a typology of collective subjects, but in this case he refuses such a typology approach, where each feature corresponds to a certain type: this is impossible, since all the properties of a collective subject are interconnected and the presence of one of them implies the presence of another. Thus, the author distinguishes the following types of a collective subject: "... the first type of a collective subject, based on interconnectedness, is characterized by one leading feature (the first one); the second - based on joint activity - is characterized by two features (both the first and the

second); the third one presupposes the expression of all three features simultaneously (if we are talking about natural groups)” (Ibid., p. 77).

The author also identifies several levels of subjectivity of the team.

1) the level of potential subjectivity (subjectivity as the interconnectedness and interdependence of a set of individuals), based on elementary forms of interconnectedness;

2) the level of actual subjectivity or real subjectivity (subjectivity as a joint activity);

3) the level of reflective subjectivity or developed subjectivity.

The concept of “group subject” was also developed in the work of K.M.Gaydar (Gaydar, 2012). The researcher notes that “a group subject is the most complex social system; its properties are not, firstly, adjacent, and secondly, single-order” (Ibid., p. 461). To analyze the concept of a group subject, the author proposes to distinguish the following levels:

- Philosophical and psychological. At this level, a number of distinctive characteristics are distinguished that reveal its essence, qualities, for example, activity, sociality, amateur performance.

- Specific psychological. This level "...requires its study as a social system, and hence the identification and characterization of its systemic properties" (Ibid., p. 458). Among these properties, auto distinguishes integrity, structure, hierarchy, the ability for self-organization and self-development.

- Differential-psychological. This level involves the allocation of such properties that reveal the qualitative certainty of the group subject in a particular area of life. The author notes that “... the group realizes its subjectivity in the areas of joint activity, communication, relationships, behavior, cognition, self-knowledge, etc. The study of the group as a subject at the differential psychological level admits that, being such in one sphere of activity, it may not at the same time manifest its subjectivity in any other” (Ibid., 2012, p. 460).

The concept of "collective subject of activity" is developed in the works of O.A. Artemyeva, who, having studied the formation of the psychological

community as a subject of science on extensive historical material, proposed a level subjective concept of the socio-psychological determination of psychology as the formation and development of a collective subject of scientific activity. In particular, the researcher singled out the stages of pre-subjectivity, the emerging and developed collective subject of scientific activity. For each of the stages of the formation of a collective subject, it is proposed to single out the following criteria:

1. At the stage of pre-subjectivity, the community is characterized by integrity as the interconnectedness and interdependence of its members, as well as by the fact that the activities of the collective are of social significance;

2. The collective as a “becoming subject” is distinguished by objectivity and hierarchy;

3. The community as a developed subject is characterized by reflexivity, the ability for self-organization and self-development. Having applied this level concept to the formation of the Soviet scientific psychological community, the author concludes that the community of domestic psychologists was at the stage of pre-subjectivity twice: “... in the pre-revolutionary period of the development of domestic and international scientific communication and in the post-revolutionary period of discussions about the possibilities of building a Marxist psychology” (Artemyeva, 2015, p. 101). The stage of the emerging collective subject, according to the author, was reached in the 1930s. thanks to the introduction of a systematic scientific policy, and the stage of a developed subject - in the 1940s, which later allowed the psychological community, despite the repression against leading scientists representing pedology and psychotechnics, to defend its status during the "Pavlovian session": "... the psychological community has shown itself to be a responsible subject of scientific activity, capable not only of successfully solving socially significant problems, but also of transforming the social situation in the development of science,” writes O.A. Artemyeva (Ibid., pp. 101-102).

A somewhat different view of the scientific community also deserves attention: domestic researchers propose to consider it as a “subject of innovative processes” (Kamensky, Cherkashin, Samoilova, 2011). A prerequisite for looking at the

participants in public life, first of all, as agents of change is the position that the current stage of the development of society (called the information society) differs from the previous (industrial) one in relation to innovation processes. According to the authors, the foundation for the development of the information society is "... not only the application of individual inventions and engineering solutions, but also the formation of an innovative environment" (Ibid., p. 76).

Thus, we can conclude that the phenomenon of the scientific community today is an important part of the reflection of historians and philosophers of science. On the one hand, the question of the ethos of science raised by philosophers and sociologists in the middle of the 20th century and the focus of the study of the scientific community as an autonomous entity, with its boundaries, area of responsibility and the problem of the place and role in the system of other public institutions, does not lose relevance. However, on the other hand, the "subjectivity" of the scientific community does not imply its "homogeneity": the scientific community is always represented by a set of real people as carriers of different socio-cultural and ideological values and career trajectories; in our opinion, this should be taken into account when studying the problem of "science and power", which in modern academic discourse is often reduced to the dichotomy of "interaction/confrontation", and at the level of the career trajectory of individual scientists is described in terms of "loyalty/resistance" to the "regime ". Thus, the diversity of the phenomenon of the scientific community must be taken into account even at the broadest level of generalization.

CONCLUSIONS ON CHAPTER 1

The analysis of the literature allows us to formulate a number of general conclusions:

1. The history of the development of scientific knowledge, theory, methodology and practice of science is interconnected with the life of science as a social institution and is due to a complex combination of factors, including intra-

scientific, socio-cultural, subject-personal, as well as economic, geographical and others, which determines the use in modern historical and scientific research of systemic and integrated approaches, interdisciplinary research.

2. In the modern history of psychology, special attention is drawn to the place and importance in the development of psychology of economic and political factors, the influence on the development of psychology not only of the state, which has traditionally been the focus of historical and psychological research, but also of the market and civil society. In analyzing the situation of the historical development of psychology, it is necessary to take into account all aspects, taking into account that the interests of the state, the market and civil society can be presented in various proportions, complementing or contradicting each other.

3. Periods of methodological breaks in psychological science, the extinction or development of new areas of research, often coincide with periods of political and economic upheavals that change the life of science as a social institution. The variants of periodization of the development of psychology proposed in the literature (periodizations by V.A. Koltsova, O.A. Artemyeva, O.V. Sineva, etc.) are based mainly on the moments of political transformations.

4. One of the most important for studying the socio-cultural determination of the development of science is the political factor. Important in this respect is the concept of "political history of psychology" by A.V. Petrovsky, according to which the dictate of the state plays a special role in the development of psychological science in countries with a totalitarian regime. The difficulty of studying the influence of politics on the development of science lies, first of all, in the absence of a strict connection and consistency between the philosophical foundations of a particular ideology, the declared goals, the course of the government and real political actions, and often their inconsistency.

5. Science as a social institution is represented by a set of real people in all the variety of their relations with other social institutions, including power structures. In this regard, the traditional view of the problem of science and power in the past in terms of "loyalty - confrontation", which is widely represented in the scientific

literature, today seems one-sided and does not adequately reflect the diversity of relations between the scientific community and the state and society. It is necessary to supplement the vector of consideration "loyalty - confrontation" with the vector "involvement - distancing" of science with the agenda of power in the field of a) ideological and b) practical tasks, and assess differently for each of the blocks of tasks.

6. In the historical and scientific discourse, the problem of the compatibility of science and the political system will stand out. In the works of modern historians of science (including historians of psychology), the question of which political regime and type of political structure of society is most conducive to the favorable development of scientific knowledge is considered. In the works of foreign historians of psychology, the connection between psychology and liberal democratic forms of government is emphasized. It can be assumed that the position about liberal systems as the most favorable foundation for the development of psychological knowledge arose in the context of the idea of American hegemony in the production of scientific psychological knowledge that dominates in foreign historical and psychological discourse.

7. Actual topics in modern historical and scientific works are studies of the very nature of the scientific community and attempts to comprehend the role of the scientific community in the system of social relations, the problems of its autonomy and responsibility. In Russian psychology, a subjective approach is used in the research of the scientific community (M.G. Yaroshevsky, A.L. Zhuravlev, O.A. Artemyeva, K.M. Gaydar, E.G. Kamensky, etc.).

8. A.L. Zhuravlev distinguishes for a collective subject (which is the scientific community) types and features by which a group can be characterized as a subject, as well as levels of subjectivity - potential, real and reflective, and the corresponding types of collective subjects. An important place in the system of signs of subjectivity is occupied by community self-reflection and the ability to act together.

9. In the works of O.A. Artemyeva, the concept of a "collective subject of activity" is used and developed in relation to the scientific community itself. She

proposed a classification of the levels of its consideration, from scientific groups to the scientific community as a whole, determined the mechanisms of socio-psychological determination of the development of science, and clarified the system of signs and criteria for the subjectivity of teams in the field of science. O.A. Artemyeva defines the professional community as a developed subject based on the criterion of possessing reflexivity and the ability of the community to self-organize and self-develop.

10. In accordance with the concept of the institutionalization of science, in the development of psychology, the following are distinguished: a) the processes of interaction of the professional community in the system of external social institutions, primarily with the state, the market and civil society - the institutionalization of psychology as a formalization of the status and role of psychologists in society; b) the processes taking place within the psychological community, in which the initiating activity of the psychological professional community itself, as a collective subject of activity, is manifested with particular obviousness.

CHAPTER 2. METHODOLOGY AND METHODS OF HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL RESEARCH

2.1. Theoretical and methodological foundations of historical and psychological research

The totality of philosophical and methodological positions that form the basis of this study and presented by us in the first chapter dictates the need for a closer examination of such an aspect of historical knowledge about the development of psychological science as its representation in historiographic sources. Based on the understanding of the text as actually the only accessible historical “fact” (more on this will be discussed in paragraph 2.3), an important part of the study of the specifics of the development of science as a social institution is the study of the representation of this aspect in the scientific works of philosophers, historians and psychologists (Rafikova, Mironenko, 2021b; Rafikova, 2023).

Like any period in history, not only the history of science, the period of the development of psychological science during World War II is not unambiguously assessed in the works of modern historians of science and historians of psychology. To date, there are several competing points of view that claim to be a holistic description of the mechanisms of development of psychology in countries that are the main agents of intellectual life in the late 19th and early 20th centuries, as well as offering their own views on various factors that influenced the change in the landscape in the psychological scientific community of the mid-20th century. In our opinion, today there is a need not only to comprehend the accumulated knowledge regarding the achievements of psychologists from different countries in the period 1930-1940, but also to reflect on what factors determined the emergence of such different points of view on the interpretation of this heritage in the post-war historiographic sources.

One of the first attempts at a comprehensive theoretical substantiation of historiographic research in psychology belongs to V.A. Koltsov. In her fundamental work “History of Psychology: Problems of Methodology”, she writes that historiography can be understood in a broad and narrow sense: in the first case, historiography involves an analysis of sources reflecting the history of the development of a problem or branch of knowledge, or an analysis of works performed in some areas of knowledge limited to a certain historical period. In a narrower sense, “...understanding historiography presupposes the limitation of historiographical research to historical and psychological works proper. With this interpretation, historiography appears as the history of the study of historical and psychological knowledge. With regard to psychology, this manifests itself in the following way: the object of historiography moves from works on psychology, in general, to works devoted to the historical analysis of the development of psychology, and historiography is understood as the study of the dynamics of the development of historical and psychological knowledge” (Koltsova, 2008, p. 221). So, as a working definition in our study, the definition of I.S. Alekseenko, which, among other things, based on the approach of V.A. Koltsov today is developing a methodological apparatus for the historiography of the history of psychology: “... a branch of psychological science, the object of which is historical and psychological knowledge itself in its formation and development, and the tasks are analysis, generalization, systematization and evaluation of various approaches, theories, ideas accumulated in the field of history psychology both at the present stage of its development and in historical retrospect” (Alekseenko, 2016, p. 19).

Based on the theoretical developments of V.A. Koltsova, I.S. Alekseenko identifies the following “tasks of the historiographical study of the history of psychology:

1. Identification of the general state, patterns, stages and directions of development of historical and scientific research in a long historical retrospective or in a certain period of time;

2. Description of the problematic field of historical and psychological research and identification of directions for their further development;
3. Consideration of the theoretical and methodological foundations and features of conceptual approaches in the works of historians of psychology;
4. Disclosure of the connection of historical and psychological knowledge with socio-cultural trends and socio-historical conditions, with the "psychological culture" of society;
5. Determining the contribution of the history of psychology to the development of general psychological knowledge, to the worldview and the system of scientific values of the professional psychological community, to general cultural processes” (Alekseenko, 2011, p. 237).

The desire for a holistic, comprehensive study of social phenomena, including such as the development of science in a historical perspective, requires the researcher to use a number of research tools. The object of our study is the development of psychological science in the period of 1930-1940s. - is considered primarily as a dynamic process in its dependence on environmental factors, because, as rightly noted by V.A. Koltsova, “...historical research excludes the isolated study of any phenomenon as contradicting the nature of the reality it investigates — a person and society in the system of their complex and multifaceted relations with the world” (Koltsova, 2008, p. 427). That is why we consider it necessary to study not only the main events of this period and their determination, but also to present those points of view that have developed to date, describing it in historical and psychological works, which, in turn, have also undergone significant changes throughout the existence of the historiography of psychology. . So, for these purposes, in our study, the possibilities of critical discus analysis were used, the content of which will be described in this paragraph.

2.2. Procedure for studying the development of psychological science in Germany and the United States in the 1930s and 1940s

The first step in our research was the formation of a source base. The following documents formed the basis of our study:

- Review historiographical works of 1930–2021, presenting the state of Soviet, German and American psychology of the period under study and containing evidence of the main characteristics of the social determination of the development of scientific and practical trends;
- Biographical articles about leading representatives of scientific and practical trends;
- Materials from the Fund of the Scientific Library of Moscow State University named after M.V. Lomonosov);
- Products of scientific activity of leading representatives of scientific and practical trends in Russian, English and German: collections of scientific papers, publications in periodicals, materials of scientific congresses and conferences, translated publications, scientific reviews, doctoral dissertations, monographic and educational-methodical works. The basis of our study is the analysis of sources relating directly to the period of 1930-1940s and post-war publications containing representations of the development of psychology in this period.

The search for sources was carried out using several databases and the final "manual" selection. We performed an analysis of publications in different languages (English, German and Russian) with subsequent comparison. In accordance with the concept of a historiographic source described in Chapter 2, the following criteria for searching for relevant sources were identified:

1. Written by a psychologist, historian, historian of psychology, or historian of science;
2. Contains a representation of the period in question (1930-1940) or was published in the period 1930-1940.

To search for works in Russian, we used the Google Scholar database. The search was carried out on the following keywords: “Second World War”, “Great Patriotic War” (this query was added because a preliminary analysis of the literature on the history of Soviet psychology showed that this name is also quite often mentioned in connection with the specified period), “1930 ”, “1940” (At the request of “Second World War, OR Great Patriotic War OR 1930 OR 1940 "History of Psychology""); 467 sources were found in the results. Since the search for the specified expressions in some cases gave irrelevant results, the next step was the manual selection of sources for compliance with the specified criteria.

To search for works by German authors, we used the PubPsych database (<https://www.pubpsych.de>). The system includes searching databases such as PSYINDEX, PASCAL, ISOC-Psicología, MEDLINE, PsychOpen, PsychData, etc.). We considered this database to be appropriate for our research purposes, since it is a search portal for international psychological publications of international databases with a European orientation, in particular, it provides the ability to search for works by German authors (written in both German and English).

A preliminary review of the German-language literature on the history of psychology led to the conclusion that the period of the 1930s-1940s. in the history of German psychology is often called "the psychology of the period of National Socialism" (even if this period is not stated in the title of the work, the word "National Socialism" is often mentioned in articles as a synonym for the period of the reign of A. Hitler and the period of the Second World War in particular), therefore, in addition to positions that include the mention of dates and the words “World War II”, we also searched for “National Socialism”. Thus, the request included the following items: Geschichte der psychologie AND Nationalsozialismus OR 1933 OR 1945 OR Zweiter Weltkrieg. Since the PubPsych database is limited to certain specifics, the search turned up a significantly lower number of papers (203).

The PsycARTICLES database was used to search for works in English. Since this is the most extensive database of those selected, it was necessary to specify more precise criteria for searching for sources; so the request included the following

parameters: "second world war or wwii or world war ii or world war 1939-1945 or world war 2 or world war two AND history of psychology"; period: 1946-2022 After limiting the search by sources (scientific journals, books, reviews and conference papers), the search gave 2602 results, and after limiting the topic "psychology" - 57. Further search was carried out manually, since not all positions were also relevant to our query. Post-war publications about the period of the 1930s–1940s. are presented in table 10, placed in Appendix B.

We separately considered post-war works in which the authors were scientists from two or more countries (Germany, USA, Russia). The comparative analysis carried out showed that the joint studies of German and American scientists (in particular, those devoted to the period of World War II) are presented to a greater extent than the works of Russian researchers with foreign colleagues (in Table 10 they are marked in yellow). It should be noted that joint research is not always of a comparative nature: in particular, the works of the American historian M. Ash and the German historian W. Geuter (Ash, Geuter, 1985, 2010a, 2010b) are devoted to the history of only German psychology in this period). In fact, the only example of a comparative study devoted to the period of the 1930s-1940s, which was also carried out by scientists from different countries, is the joint work of Russian and American historians of psychology "Soviet and American Psychology during World War II" (Gilgen, Gilgen, Koltsova and Oleynik, 1997). This study is an important step towards international communication in this direction. The main thesis of this work is that, despite the differences between American and Soviet psychology in the period preceding the war, they "functioned more or less the same in similar conditions of crisis" (Ibid., p. 2). This thesis follows from the authors' assumption that the ideological pressure that science was subjected to in the Soviet Union in the prewar period was weakened (and even actually removed) during the period of general mobilization. As a result, according to the authors, the psychology in the Soviet Union during the war period was based on "common sense", focused on the needs of wartime and the practical needs of defense, and not on ideological requirements. As common features of Soviet and American psychology, the authors

single out a general rise in psychological science, an increase in the share of applied research, and the introduction of new organizational forms for the functioning of psychology. The ideological component of American psychological science, however, is given much less attention; the authors also acknowledge that the thesis “all areas of psychological research were strengthened by the war” (Ibid., p. 188), which was true in the context of the psychological science of the United States, requires a deeper study in line with Soviet psychology.

The tradition of comparative historical and psychological research is still underdeveloped: it is influenced both by the problems associated with the international interaction of historians (language barrier, difficulties in accessing information resources of other countries, the political situation), and other factors, such as insufficient the amount of accumulated historical material for comparison, the difficulty in interpreting it, etc (Mironenko, Proskuriakova, Rafikova et.al., 2020).

Comparative research in the history of psychology today is mainly limited to the search for general patterns of development of certain scientific areas in different countries. However, the mutual influence of schools and approaches developing in different countries in the pre-war and war period, such as educational psychology, social psychology, problems of psychological selection and psychotechnics, as well as philosophical, methodological prerequisites for the formation of these areas of psychological science and their connection, remains insufficiently studied. with the ideological component of the political regimes of different countries.

We have chosen critical discourse analysis as the main method of our research (Van Dijk, 2001).

Unlike the more traditional method of content analysis, discourse analysis does not consist in counting the mentions of individual units (concepts) in texts, but in a qualitative analysis of the context of discussion of key discourse topics. Our choice of the method is due to the large volume of analyzed texts and the fact that these texts are written not only in Russian, but also in English and were also written at different times by representatives of various schools and trends. The procedure

used for discourse analysis consisted in dividing the texts into fragments corresponding to the key themes of the discourse. These key themes were partly outlined in advance, in accordance with the accepted framework of the analysis, and partly identified already in the process of text analysis itself.

Thus, observation units are presented not as a set of quantitative indicators of the representation of certain units in the text (as in traditional quantitative content analysis), but through qualitative characteristics in close connection with the context in which these units are presented.

As a result of the analysis, we identified a number of conceptual fragments (“themes”):

First of all, separate Time periods within our period act as such “themes”:

- by the beginning of 1930;
- pre-war period (1930-1939);
- war period (1939-1945));
- post-war period (1945-);

Important “themes” highlighted in our analysis were

- Germany,
- USA;

The chosen frame of the study suggested highlighting the characteristics of Institutionalization and manifestations of the activity of the professional community as themes:

- within the community - professional organizations, initiatives of individual psychologists;
- external activity of the community in relation to other social institutions (first of all, the state, the market, civil society).

In the process of working with texts in our study, topics related to the development of certain branches of psychology were identified:

- psychology of childhood and education,
- labor psychology,
- military psychology,

- social Psychology

• clinical and medical psychology. This part of the discourse was not considered by us in the framework of this study, since in this part the discourse significantly intersects with another, medical, it turned out to be impossible to take into account the latter in the framework of our work due to natural volume limitations.

In the process of work, scientific traditions emerged as separate topics:

- German,
- American.

The procedure of critical discourse analysis implies the allocation (if necessary) of more specific codes - "keys" for conceptual topics. Thus, the topic "American tradition" is represented by the following keys: statistical models, quantitative methods, behavioral approach; "German tradition": experimental psychology, qualitative approach, Gestalt psychology, descriptive models. Based on the study, Chapter 3 presents an analysis of the development of psychology in Germany and the United States during the period under review.

Chapter 4 additionally presents an analysis of the identified features of the representation of this stage in the development of psychology in historiographic sources of different times and different schools.

CHAPTER 3. THE INSTITUTIONALIZATION OF GERMAN AND AMERICAN PSYCHOLOGY AND THE DEVELOPMENT OF THE PROFESSIONAL COMMUNITY

3.1. Prerequisites and conditions for the development of psychology in the prewar and war period.

3.1.1. The State of German and American Psychology at the Beginning of the 1930s.

The prerequisites for the development of psychology in the 1930s and 1940s were laid in the state in which science approached the beginning of this period. Let us consider successively these premises in the field of institutionalization of psychology, the development of theory and methodology, and practical applications.

The development of psychology as an independent science today is strongly associated with Germany: the date of its foundation is considered to be the opening of the first department of psychology at the University of Leipzig in 1875 by W. Wundt. , founded a new laboratory in Würzburg. Soon Külpe surrounded himself with a number of young psychologists, the so-called Würzburg School, in particular N. Ach (1871-1946), K. Buhler (1879-1963), E. Dürr (1878-1913), K. Marbe (1869-1953) and H. J. Watt (1879-1925). However, the predicament of Germany after the First World War somewhat halted the growth of psychology as an academic discipline, which, however, did not affect the active development of research activities. Philosopher M. Kusch describes the current situation in scientific and student life in the following way: "... Feelings of helplessness, impotence and pessimism intensified due to the disastrous living conditions in which the academic community found itself during the Weimar Republic. Savings were swept away by inflation, most university teachers lived in poverty, travel became a luxury, and even libraries did not have the funds to buy the most necessary textbooks and magazines. In 1923, at the peak of inflation, the University of Freiburg fired 35 percent of its

teaching staff. At the same time, however, the number of students increased enormously. The number of students in German universities increased from 61,000 in 1914 to 72,000 in 1918, and to 112,000 in 1923. It is clear that the students suffered even more than their teachers, while their career prospects were even worse. The concept of "academic proletariat" was not only widespread, but also adequately described the situation of this period" (Kush, 2004, p. 179).

At the same time, in the first decades of the 20th century in America, the institutional development of psychology, on the contrary, proceeded at a faster pace (Greenwood, 2009; Rice, 2000): the American intellectual elite, having picked up a new promising area of research, actively established foreign ties and adopted the experience of German scientists. However, the rapid growth of psychological science in the United States in the late XIX early XX centuries. owes not only to the interest of researchers in the development of a new industry. First of all, it is associated with the colossal subsidies of large capitalists in this area. One of the foreign historians of science writes that some of the largest American universities founded in the late 19th century were in fact the product of American business, and the emerging social science disciplines were "to an unhealthy degree products of American capitalism" (Greenwood, 2009, p. 353 - cited in Manicas, 1987). Thus, Cornell University was founded in 1865 as a result of the will of Ezra Cornell (1807-1874), a businessman who insisted on tight control of all administrative matters at the university (Greenwood, 2009). And Andrew D. White (1832-1918), the first president of Cornell University, was a proponent of a secular, scientific approach (which at that time, in contrast to religious influence, was almost identical with each other) to education. He strongly opposed the influence of religion on education and, in particular, universities, and in 1896 even published a book entitled "The history of the war of science with theology in the Christian world" (White, 1896). White introduced a new "liberal arts" curriculum that was no longer limited to the "classical" and fundamental disciplines of the time, but also included the natural and social sciences (including psychology), literature, art, and history.

One of those who most actively contributed to the growth of the institutionalization of psychology in the United States was C. Eliot (1834-1926), who was appointed president of Harvard in 1869. Without rejecting the merits of a basic classical education, he also recognized the need to introduce those academic specialties that would meet requirements of an actively developing industrial society. He expanded the curriculum and introduced the idea of an elective system, very innovative for its time, as opposed to the old and more rigid system of compulsory courses. Aware of the fact that the academic market was becoming increasingly competitive, Eliot increased the salaries of teachers and encouraged various innovations in the curriculum: for example, the famous W. James course on physiological psychology was introduced into it, and measures were taken to increase the number of students that attracted along with the need for increased funding (O'Donnell, 1985).

The already mentioned academic competition that unfolded at the end of the 19th century gained global proportions, among other things, as a result of the founding of Johns Hopkins University in 1876 according to the will of the Baltimore financier J. Hopkins. At the behest of the business trustees, Daniel Coit Gilman (1831-1908), Hopkins' first president, created from scratch a national center for research and graduate education, focused on science and promoting secular ideals. Gilman attracted faculty to the new university, introducing a lighter teaching load and generous financial support for research, as well as innovations in the form of attracting graduate students through scholarships (at the same university in 1884 G. Stanley Hall (1844-1924) will create the first doctoral program in psychology in America). Thus, universities were forced to compete with each other, constantly updating and revising their curricula, thereby creating "prerequisites for the development of American psychology as a research science and academic profession" (O'Donnell, 1985, p. 115).

As a result, by 1892 in the USA by the end of the 19th century. a wide network of professional organizations and academic journals was formed: by 1904. there were 49 laboratories, 169 members of the American Psychological Association, and

62 institutions offering three or more courses in psychology. The rapid growth of psychology in the United States is due to several reasons: while aspiring psychologists in Germany and Britain had to compete with rather skeptical philosophers (who were reluctant to share their spheres of influence with young science) and conservative administrations, the American intellectual elite generally welcomed the development of such a new developing industry, like psychology, since at that time it was associated primarily with experimental work, which gives quite specific practical results that could be applied, first of all, in the business sphere. This naturally attracted the attention of pragmatically oriented large capitalists (whose class was formed in the early twentieth century in connection with the rapid economic and industrial growth in the United States), who provided generous material support to psychological laboratories and university departments. Thus, in the first third of the 20th century, both in Germany and in the United States and throughout the world, important steps were taken towards the institutionalization of psychology as a science, practice and academic discipline; not the last role in this process was played by the ability of a new actively developing field to meet public demands: in addition to the interest of large capitalists in a new actively developing industry, the development of developments in the field of psychological testing and their application in military industry already during the First World War (which will be discussed in more detail below). During the period 1930-1940s. The ability of psychological science and practice to respond to social demands has not only become a factor that has led to an increase in its authority, but also played a role in its professionalization and institutionalization. To describe these processes on the basis of data on the status of a psychologist, changes at the level of legislative acts, as well as transformations in professional communities is one of the main tasks of our work.

An important phenomenon in the development of the theory, methodology and practice of psychology was the so-called holistic turn. Mid 1920s in many countries was marked by the rejection of many applied and theoretical psychologists from the elemental approach and the transition to a holistic study of personality, as

well as the emergence of the concept of “character” in the field of research interest. However, according to modern researchers, nowhere was the turn to character so sudden and thorough as in Germany (Meskill, 2004). One of the most influential and well-known Russian-speaking audiences in this regard (and one of the few that, at the same time, did not break with experimental methods) was Gestalt psychology. However, such a turn was reflected both in the formation of fundamentally new areas of knowledge (such as characterology), and as in the multitude of new approaches in already existing branches (in particular, psychotechnics).

Today there is no consensus among historians of psychology regarding attempts to explain such transformations in German science. A number of works have offered a variety of explanations for the origin and nature of the "characterological turn" in German, in particular, and applied psychology. In a large-scale work devoted to the analysis of the social and cultural conditions for the development of German psychological thought, F. Ringer argued that the growing interest in characterology can be represented as a kind of "defensive reaction" of humanistically oriented scientists (representatives of the classical "geisteswissenschaftliche" science, many of whom negatively assessed the collapse of the German Empire and the transition to the Republic and were generally wary of the new political course), who opposed the weakening of the vertical of state power, defended the values of the hierarchical structure and the strengthening of geisteswissenschaftliche, as opposed to the growing popularity of American trends, which consisted in the policy of "massovization", the forced development of industry, the development of capitalist society and technological innovation (Ringer, 1969).

On the other hand, such researchers as Z. Jaeger and J. Steible, leading representatives of the neo-Marxist critical school of psychology, which gained prominence in Germany in the 1970s, proposed to consider these transformations in German science as directly related to economic factors. Characterology, in their opinion, acted as a necessary compensatory mechanism, a way to smooth out the problems that were exposed after forced industrialization: for example, at one time,

psychotechnics (as professional selection) helped German industry to select the most qualified workers to restore the German economy after the First World War. The work, built on the principle of "assembly line", mechanical activity led to the burnout of workers and the emergence of a problem that is central in the Marxist paradigm - the problem of "alienation from labor": then there was a need to study the psychological aspect of the work process in order to increase the efficiency of workers, which led to a holistic turn (Jaeger and Staeuble, 1981).

The German researcher H. Hildebrandt adheres to a similar position: having supported the general thesis of Z. Jaeger and I. Steible about the compensatory nature of characterological psychology, he also hypothesized that the demand for practically applicable knowledge in a number of areas - pedagogy, law, psychiatry, business - not only led to new forms of applied psychology, but also forced theoretical psychology itself, which in its original appearance ignored issues of complex thinking, motivation and behavior, moved in this direction, turned to issues that required a more holistic approach (even if sometimes this came at the cost of abandoning experimental methods (Hildebrandt, 1989).

Thus, the hypothesis of the growth of psychotechnical testing of basic abilities, combined with increased mechanization and characterological turn as a subsequent strategy for eliminating emerging alienation, seemed to be satisfactory. Nevertheless, as W. Geuter, who studied the problem of professionalization of psychological science in Germany, wrote, that the relationship of characterology with "real economic and social events in Germany ... has not yet been explored" (Geuter, 1992, pp. 85-89).

In explaining the holistic turn, another direction can be distinguished - the cultural approach. Thus, the work of E. Harrington "Enchanted Science: Holism in German Culture from Wilhelm II to Hitler" is of great interest in this regard. According to the author, the roots of the growing popularity of holistic theories not only in psychology, but also in the natural sciences lie, firstly, in scientific discoveries about living developing systems, and secondly, and more importantly, in the widespread by the 1920s dissatisfaction with the "soulless" mechanistic

philosophy. This can explain both the growth of various holistic concepts and the emergence of Gestalt psychology. Moreover, according to the author, by the end of the 1920s, characterology became especially convenient for explaining various kinds of theories and racial differences, which we will discuss later (Harrington, 1999).

In his work "Gestalt psychology in German culture" M.G. Ash writes that in the 1920s. "...many alternative psychologies have emerged to address the problems of today's youth, sexuality, character or personality diagnostics" (Ash, 1995, p. 204), emphasizing that the search for practical significance has played a central role in such diversity. Finally, Ash proposes to distinguish between two periods of the German history of psychology, suggesting that only after the Second World War, due to the "professionalization of society", the emphasis in psychology shifted from issues of subjectivity to "technological manipulation and control."

Unlike many works in the history of psychology, which emphasize the importance of cultural or political context, D. Meskill's work explains the turn to characterology, personality and motivation in terms of the political program for strengthening national security and the evolving production strategies of German industry. The central thesis of D. Meskill is that the main role in the emergence of new approaches to issues of professional selection was played by the turn of German industry towards flexible high-quality production, which, in turn, occurred due to economic processes in mass production in the 1920s. in America. In 1924-1925, a discussion developed among German industrial and union leaders visiting the Ford plant in Highland Park and other places of mass production: on the one hand, German industry would clearly have to adopt some American technological and organizational innovations. On the other hand, given completely different initial conditions (smaller market, fewer natural resources, the specific organization of the labor force, the post-war situation), German industry had to follow its own course. Thus, familiarity with the practice of mass production of cheap goods in America stimulated German industry from the mid-1920s to carve out a niche for a flexible producer of higher quality goods. The impact of the new German production strategy

on the psychology of professional selection, according to Meskill, was colossal. In fact, autonomy and self-control were now the main important characteristics of the skilled "new type" worker: he had to be able to work without supervision, solve unforeseen technical problems on his own, and maintain high standards of quality in his work in the absence of external pressure. Since it has now become important for companies—and therefore the Employment Bureau—to distinguish such character traits among potential candidates, the turn to characterology by psychologists working with the Employment Bureau was a natural step in this direction (Meskill, 2004). Obviously, the post-war situation also played an important role in all the factors listed above: after the First World War, which brought millions of dead and wounded, and also after the conclusion of an extremely unfavorable peace treaty for Germany, which deprived the country of important territories and natural resources and imposed a financial burden for decades forward, representatives of various political parties were united by the realization of an important point: the preservation of the German nation depends on the preservation of its only remaining resource - human capital. This led to the creation of the concept of "Menschenoekonomie" ("human economy", "economics of human resources"), which received the support of influential segments of the population (in particular, trade unions), or at least did not meet with their great resistance (here we are talking about more about employers). So, in the 1920s. a government program was launched, including the creation of various state bodies for centralized control over the labor market, which D. Meskill also wrote about. Moreover, the presence of a large number of unskilled workers influenced the increase in employee turnover rates in the early and mid-1920s, which was not economically feasible for the conditions in which most enterprises operated and required a revision of the principles of organization of production and a new approach to assessing workers. At the same time, such a specialty as a psychologist at an industrial enterprise appeared (Plavinskaya, 2011).

Thus, changes in the German economy after the First World War led to a shift in the approach to professional selection in enterprises: for an effective worker, certain qualities of character became more important, which led to a holistic turn in

this area. This played an important role during the development of psychological selection cooperation in the military structures of Germany in the 1930s-1940s after A. Hitler came to power and changes in military policy.

One of the important practical areas, psychologists were involved, was the sphere of education and upbringing.

One of the instruments of "legitimate", institutionalized influence of political elites on the general population has always been the institution of education. In the context of the problems of domestic and foreign policy of a particular state, modern authors call it the most important mechanism for implementing the policy of "soft power" along with the achievements of culture, art and science (Torkunov, 2012).

The institutional prerequisites for the formation of research interest in childhood problems in a separate scientific direction in Germany developed by the end of the 19th century - for example, in 1896 in Jena (Germany) the journal *Die Kinderfehinkle* began to be published for the first time, and in 1899 the General German Association was formed there. children's research ("Allgemeiner deutscher Verein für Kinderforschung"). Also in 1899, the Association of Child Psychology ("Verein für Kinderpsychologie") was established in Berlin, and the Journal of Educational Psychology "Zeitschrift für Pädagogische Psychologie" subordinate to it, which would subsequently have a significant impact on the development of German educational psychology. Thus, on the eve of the First World War, the infrastructure for experimental research of children and young people in Germany was relatively well developed compared to most other European countries (Dudek, 1990). According to German researchers of that period, by 1912 there were at least 25 journals, 8 monographs and 37 different institutions and associations in the field, which in general terms could be described as "Childhood Studies" ("Jugendkunde") (Lipmann, Stern, 1912). According to later studies, in the period 1880-1914. 21 periodicals and 29 associations were created in the same field (Herrmann, 1976). Table 1 presents the main aspects of the development of educational psychology in the German and American traditions.

Table 1 - The development of educational psychology in the USA and Germany in the late 19th and early 20th centuries

	Germany	USA
Main Representatives	V. A. Lay (1862-1926) E. Meymann (1862-1915); M. Frischeizen-Kohler (1878-1923) A. Fischer (1880-1937) A. Rykiel (1897-1967) O. Tumlirts (1890-1957) S. Buhler (1893-1974) Z. Bernfeld (1892-1953) E. Spranger (1882-1963) W. Stern (1971-1938) A. Freud (1895-1982) G. Roth (1906-1983)	J. M. Rice (1857-1934) E.L. Thorndike (1874-1949) L.M. Terman (1877-1956) K.L. Hull (1884-1952) D. Dewey (1859-1952) K. Levin (1890-1947) B. S. Bloom (1913-1999) RU. Tyler (1902-1994) J. S. Bruner (1915-2016) R.M. Gagne (1916-2002) E. J. Bowlby (1907-1990)
Major periodicals	«Die Kinderfehinkle» (1886) Journal of Educational Psychology «Zeitschrift für Pädagogische Psychologie» (1899) Journal of Experimental Pedagogy «Die Experimentelle Pädagogik» (1905) Journal of Educational Psychology and Journal of Experimental Pedagogy merged into new Journal of Educational Psychology and Experimental Pedagogy (Zeitschrift für pädagogische Psychologie und experimentelle Pädagogik) (1911)	The Pedagogical Seminary (1891), in 1924 was renamed in The Pedagogical Seminary and Journal of Genetic Psychology; The Journal of Educational Psychology (1910); Review of Educational Research (1931)
Major professional organizations and institutions	Leipzig Association of Teachers (1846); German Teachers Association (Der Deutsche Lehrerverein) (1871); General German Association for Children's Research («Allgemeiner deutscher Verein für Kinderforschung») (1899); Association of Child Psychology («Verein für Kinderpsychologie») (1899), Berlin; Institute for Experimental Pedagogy and Psychology at the Leipzig Teachers' Association (1906); Pedagogical-Psychological Institute, Munich (1910); Pedagogical-Psychological Laboratory at the National Academy of Teachers (1913); Institute for the Study of Youth, Hamburg (1913);	First permanent chair in education "Professorship of Philosophy and Education" at Iowa State University (1873) Department of Science and the Art of Teaching at the University of Michigan (1879) Department of Pedagogy at the University of Washington (1881) Faculties at North Carolina and Johns Hopkins University (1884) Department of Pedagogy, Indiana University, Educational Psychology course called "Applied Psychology" (1886) Columbia Teachers College (1888) The course "The Development of the Mind of the Child" was held at the University of Minnesota (1893)

Table 1 continuation

	Germany	USA
Major professional organizations and institutions	Vienna Psychological Institute (1922) (served as an advanced training institute for folk and civil school teachers); Pedagogical Institute of the city of Vienna (1923); The Experimental Institute of Pedagogy and Psychology in Leipzig was closed, and the Pedagogical-Psychological Institute was founded in its place (October 1933); The German Teachers' Association is transformed into the National Socialist Teachers' Association (Der Nationalsozialistische Lehrerbund) (1933)	Course "Educational Psychology" at Stanford in 1897 (1897) Proprietary School of Education at the University of Chicago (1900) Establishment of a teacher training college at the University of Nebraska with a list of departments, including Educational Psychology (1901-1902) (in 1922 - Department of Educational Psychology and Measurements) American Educational Research Association (1916) Educational Psychology added as one of 18 divisions of the American Psychological Association (1944)

Early personality development research was heavily influenced by the most significant, mainstream tradition in German psychology at the time, experimental psychology. So, in 1905, the journal *Die Experimentelle Pädagogik* was founded, which marked the beginning of the formation of a whole direction of experimental pedagogy, the foundation of which was laid by V. A. Lay (1862-1926) and E. Meymann (1862-1915) (former assistant to V. Wundt) (at the same time, in 1911, E. Meymann also published in the *Zeitschrift für Pädagogische Psychologie*, which indicates that the lines of development of traditional child psychology and experimental pedagogy in Germany intersected already before the First World War). This mutual influence later led to a large-scale methodological conflict in educational psychology.

Within the framework of "pure" academic pedagogy and educational psychology, preference has traditionally been given to the so-called hermeneutic tradition in approaches to the study of childhood problems (the so-called "geisteswissenschaft"), which developed in close connection with philosophy. After the First World War, a kind of confrontation between two traditions - experimental

pedagogy and pedagogical-hermeneutical direction, took on new forms: in connection with the defeat in the war, Germany was almost completely isolated from international communication: more and more researchers in the field of childhood psychology immersed themselves in the pedagogical tradition, which manifested itself in "departure from the Naturwissenschaft" and more and more "immersion in metaphysics" (Dolch, 1968, p. 6). In addition, in 1915 the experimental school in Germany lost its most important supporter, E. Meumann (he died in 1915 in Hamburg (Probst, 1989)); According to some more recent estimates, contact with international - primarily American - researchers who were engaged in developments in the field of empirical educational research was restored only in the 1960s (Roth, 1962).

One of the opponents of the experimental direction was M. Frischeisen-Köhler (1878-1923). In his 1918 work, the philosopher and theorist of educational psychology stated that real educational problems go far beyond the possibilities offered by the experimental approach. The experiment as a "creation of the natural scientific spirit" tried to "maintain the appearance of natural scientific accuracy where the requirements for the foundations of natural knowledge have long been forgotten" (Frischeisen-Köhler, 1918, p. 139). In this sense, the humanities (in the classical sense) sciences would be more heuristic for the study of learning problems.

A similar view on the nature of educational psychology as a scientific field was expressed by the German teacher and psychologist A. Fischer (1880-1937). According to A. Fischer, pedagogy, both in itself and in relation to its declared goals, has a philosophical nature, and empirical methods studies can only be applied to it in close connection with their philosophical foundations (Fischer, 1911).

The view of the future of this branch that dominates in German psychology was reflected in the keynote article by A. Fischer, published in 1917 in the already mentioned *Journal of Educational Psychology*: educational psychology according to A. Fischer should not unconditionally "work" on all real cases, and also develop methods that would be applicable to absolutely all practical cases; it should reflect the totality of knowledge about the diversity of the process of becoming a person,

its main feature should be its "insight" ("verstehen") (Fischer, 1917). So, in fact, the role of educational psychology according to A. Fischer was reduced to an analysis of the psychological aspect of pedagogy: this can be seen in the example of topics that the researcher proposed to consider as the main subject of attention in this area, for example, the development of a "psychology of space" (how a child perceives the space of a house, school, class, etc.), "time psychology" (how the child spends time at school, in the classroom, at different times of the year, for example, on vacation), "community psychology" (how the child feels in a peer group, in which in a youth association, in a summer camp team, etc.).

However, advances in experimental psychology had a major impact on educational psychology in the interwar period. After the rehabilitation of former co-editor E. Meymann V.A. Lay in 1924 (Depaepe, 1989), the range of topics in the *Journal of Educational Psychology* expanded somewhat; also more versatile discussions became possible regarding the nature of the very subject of educational psychology. So, a significant milestone in the development of discussions about the foundations of educational psychology is the article by A. Kissling (a teacher at one of the pedagogical academies in Frankfurt), published in 1929: he wrote that at present there are five areas of research in psychology (many of which are based on. At that time, they had already taken shape as completely independent psychological schools), each of which can be useful for psychological and pedagogical research, and at the same time, indicates one or another limitation of the experimental approach (Kießling, 1929). Among them - 1) Gestalt direction; 2) biological direction; 3) the current, which the author calls "werttendenz" (from German "wert" - value, respectively, "werttendenz" can be translated as "axiological", "cultural" turn, cultural psychology); 4) "Deutungstendenz" (an analogue of which in Russian is the hermeneutic tradition); 5) individual psychology.

Also, one of the first who drew attention to the importance of new trends in psychological and pedagogical research from a theoretical point of view was G. Deuchler (Deuchler, 1926). In his opinion, it is necessary to divide educational psychology into the psychology of education (*Psychologie der Erziehung*) and the

psychology of education (Psychologie der Erziehung). In this sense, the concept of education as such ("Bildungskonzept") is understood as "the realization of being, the formation of being and the filling of the psychological personality"; therefore, it should be viewed as an "ideal idea" and not approached "empirically". Similar views were shared by A. Rickel with his "Psychology of Relationships" ("ideelle Einstellung") and J. Wagner, who also wanted to create a space in educational psychology for the psychology of education ("Bildungsgeist") (Rickel, 1925; Wagner, 1928).

More widespread in terms of adherents and influence on academic discourse was U. Stern's personalistically directed field of childhood science ("Jugendkunde"), developed by him in Hamburg (Stern, 1927; Dudek, 1990). This area of research originated as an attempt to overcome the duality between "interpretive" psychology ("geisteswissenschaftliche") and explanatory psychology ("naturwissenschaftliche"): W. Stern was critical of both the classical humanitarian branch of psychology, which minimized the research component, and the then popular psychoanalytic theory.

W. Stern tried to support his concept of the psychology of childhood and adolescence with numerous empirical studies in the field of intelligence and talent, and thus laid the foundation for differential psychology. It is important to note that he considered this area of science as the most important link in the "vaterländische Menschenökonomie" (domestic human economy). So, in 1916, W. Stern wrote that every human ability that a person brings with him into this world, no matter how small it may be, carries with it some obligation to other members of society; each person is obliged to develop this ability and make the best use of it for "general purposes". The spiritual national heritage is always based on the abilities of everyone who shares the commonality of the nation; each member of the society has "an obligation to unearth this treasure and make it fruitful for the progress of national life" (Stern 1916, p. 282; cited in Heßdörfer, p. 128). In this regard, he looked with some admiration to the Americans, who, thanks to their pragmatic philosophy of life, which he had become acquainted with on a study trip in 1909, consistently succeeded in adapting to the demands of Western culture.

Another view of what educational psychology should become was proposed by the Vienna School under the leadership of S. Buhler (1893-1974) (Bühler, 1975). Although influenced by behavioral ideas, this Austrian researcher developed a "psychology of maturation" that was, at its core, clearly a reaction to the physiological-science tradition (although not completely repudiated). Central to her theory was the concept of biological maturation, which proceeds in accordance with immanent and sex-specific patterns and on the basis of which it is possible to distinguish a number of specific psychological phases that a person goes through in the process of life. It can be said that partly her concept of describing the stages of human life was based on the ideas of S. Hall (1844-1924), especially since the diaries of children and youth formed the empirical basis of this concept.

The idea of phases of maturation and development is also found in the so-called "character psychology" of O. Tumlrirts, who understood development as the "conquest" of the inner world by building an individual's own value system, successfully integrating both inner motivations and objective values of the outer world. Educational psychology, according to O. Tumlrirts, was an interdisciplinary science, located at the intersection of psychology and pedagogy, and its main goal was to identify individual differences between children, as well as the characteristics of the relationship between a child and an adult; thus, in many ways, the field was dependent on characterology, psychoanalysis, and "individual psychology" (Tumlrirtz, 1930). Attempts were also made to create a science of childhood as a completely "geisteswissenschaftliche": psychoanalysis as the basis of psychological and sociological studies of childhood and adolescence became the basis of the concept of Z. Bernfeld (1892-1953) (Bernfeld, 1929, 1934; Tenorth, 1992), and in the concept "Psychology of adolescence" ("Psychologie des Jugendalters") by E. Spranger (1882-1963), who acted as a theoretical and methodological alternative to experimental psychology, conceived the development of children and adolescents as social maturation, as "growing" into the objective and normative spirit of a historically defined cultural period (Spranger, 1934).

Thus, following A. Knauer, who in his work of 1934 systematized the main achievements in the field of educational psychology over the previous decades, we can conclude that educational psychology in Germany has become less practice-oriented and more theoretical (Knauer, 1934). In fact, the classical hermeneutic tradition of pedagogy and psychology has defended its status by pushing back the tradition of experimental research; moreover, it greatly strengthened its normative, ethical component: it was assumed that such a holistic approach to educational psychology, primarily as a “psychology of pedagogy”, would lead to a holistic understanding of the development of the child and his formation as a future personality (Rafikova, Mironenko, 2022).

By the 1930s on the one hand, the theoretical foundations for educational psychology were formed as a separate, autonomous field of psychology, which stood out from the interdisciplinary field of research on childhood and adolescence. At the same time, during its formation from the end of the 19th century to the 1930s. in German educational psychology there were some methodological shifts: by the beginning of the 1930s. it has become less practice-oriented and more theoretical; more and more researchers in the field of childhood psychology immersed themselves in a pedagogical tradition that manifested itself in a "departure from the Naturwissenschaft" and an increasing "immersion in metaphysics". The evolution of educational psychology, however, was quite heterogeneous in other countries, which in the late 19th and early 20th centuries were the leading intellectual centers in the field of psychology; In many ways, the history of the formation of this area outside the European world has shown its specificity, which reflects both the history of the development of the entire industry and the influence of certain socio-cultural factors. Thus, research in the field of the psychology of learning and education in the United States, as well as in Germany, proved to be promising as early as the end of the 19th century; The beginning of "child study" was laid by S. Hall, who studied in Germany in the 1880s (in particular, under the guidance of W. Wundt). In 1888, after completing a professorship program in psychology and education at Johns Hopkins University in Baltimore, he became president of the newly founded Clark University

in Massachusetts. Almost immediately after his appointment, he founded the Institute of Child Psychology, which later also took up the study of experimental didactics (Tanner, 1910), and in 1891, The Pedagogical Seminary, which in 1924 was renamed "The Pedagogical Seminary and Journal of Genetic Psychology". Interestingly, in the historical literature, the name of S. Hall is often associated with the beginning of the formation of pedology as a scientific direction in general (in particular, for example, in Soviet historiography (Noskova, 2021)).

Speaking about the philosophical and methodological premises of educational psychology, which in the German tradition manifested themselves in two directions, it is worth saying that American psychology (not only the psychology of childhood and adolescence) is strongly associated with the empirical tradition (although not in the sense in which it was meant in German discourse - in Germany, "empirical" research meant primarily experimental research). Thus, in American psychology and education, the empirical tradition was already firmly established by the end of the 19th century, and at the end of the 20th century it led to the emergence of the first forms of "objective" scientific research in psychology (Travers, 1983). J. M. Rice (1857-1934) of Philadelphia, for example, examined, albeit on very elementary tests, the performance of schoolchildren in spelling, arithmetic, and language learning in a sample of more than 100,000 students (Rice, 1913). Rice's influence was also recognized by E.L.Thorndike (1874-1949) is one of the most famous behavioral psychologists, who founded the theory of learning, which was later destined to become the subject of great debate.

Based on his animal experiments at Columbia University College of Education in New York, he developed a "connectionist learning theory" which he later extrapolated to the field of human cognition. He considered the process of "learning" as a connection between a situation and a reaction, the strength of which is estimated by the probability of a reaction to a stimulus. The connection that existed between the situation and the reaction, in his opinion, can be strengthened by exercise (the law of exercise) and the affect that the reaction produces (the law of affect) (Rock, 1939).

In his book *The Psychology of Education*, which was first published in 1903, E.L. Thorndike sought, among other things, to apply general psychological ideas to the field of education and training (Thorndike, 1905). It can be said that, along with other works (Thorndike, 1904), this book marked the beginning of a particular style of research that continued to dominate all international educational psychology until the end of the Second World War. In the United States, the work of representatives of this "school of thought" was mainly published in the *Journal of Educational Psychology* ("The Journal of Educational Psychology"), which was founded in 1910.

In fact, educational psychology for E.L. Thorndike and supporters of his theory was reduced to applied psychology; he himself characterized this field as "the knowledge of human nature which psychology offers to students of educational theory" (Thorndike, 1913, p. 1). In essence, pedagogy, with this approach, was simply one of the areas of application of knowledge obtained with the help of scientific psychological research. In particular, they could be applied in the following aspects: firstly, general knowledge about the psychological functioning of a person - his instincts, habits, memory, attention, interests, intelligence, etc. - which had to be included in the framework of education; secondly, more specific knowledge about the feelings, thoughts and behavior of the child at various stages of his development; thirdly, according to E.L. Thorndike, from psychology one can get more specific knowledge for teaching children certain subjects, as well as for the teaching methods used; fourthly, in the future it is necessary to develop a kind of "dynamic" psychology, in which laws and regularities could appear that are also applicable to learning and teaching in schools.

Methodologically, E.L. Thorndike took a position shared by the most radical wing of the behaviorists of the time: following the paradigm of late nineteenth-century classical positivism, E.L. Thorndike had great respect for the "exact" sciences. This is confirmed not only by his predilection for "facts" (Thorndike, 1906), but also by his belief in the great possibilities of using quantitative methods in psychology. He firmly defended the position that "objective" measurements within the humanities are not only possible but necessary (Thorndike, 1918). Moreover, as

the scientist wrote, the use of measuring methods in psychology should not necessarily conflict with the existential nature of human existence. As E.L. Thorndike, mothers who weigh their children thereby dislike them less, and the development of quantitative methods in botany also did not lead to the fact that mankind began to treat flowers with less love than before (Thorndike, 1922).

Thus, the involvement of psychology in education in the American tradition occurred primarily at the level of the introduction of various kinds of measuring instruments, as well as the application of the results of psychological research in the field of education and training. Following the experimental tradition, which was founded in Germany by the previously mentioned E. Moymann, and which his followers later tried to develop, E.L. Thorndike initially believed that defining the goals of education was beyond the scope of the scientific method. The issue of values, norms, ideals of science, in a word, its ethical component, in his opinion, should be the subject of interest of philosophers, religious and political leaders, but not scientists. At the same time, however, the personal worldview of E.L. Thorndike included an unconditional faith in science as the basis of social progress. E.L. Thorndike viewed science as "a panacea for all the ills of human society" (Clifford, 1962, p. 4), implying that science should be applied (in the sense that its achievements should be used to manage the life of society). Despite the apparent inconsistency of the position regarding the ideological component of science, the worldview of E.L. Thorndike, in the end, did not go beyond his personal views (unlike, for example, W. Stern): at least, he did not introduce a declarative normative, ethical component directly into scientific work and the process of scientific research.

The dominance of the approach to learning proposed by radical behaviorists, however, did not last long in the United States either: by the end of the 1920s and the beginning of the 1930s. in the academic community, criticism of quantitative approaches and the theoretical foundations of associationism, connectionism, and behaviorism began to sound more and more often. One of the first psychologists who, already in the mid-twenties, questioned the prevailing (though, of course, largely relative) consensus regarding the applicability of the stimulus-response

model was H. G. Hullfish (1894-1962). In Thorndike's *Aspects of Psychology*, published in 1926, he stated that what education really amounts to goes beyond connectionism and, ultimately, any pattern of behavior (Hullfish, 1926). Also H.G. Hullfish stated that human behavior and higher cognitive processes cannot be put on the same level as the mechanical habits that have been identified in experimental studies with animals.

Thus, in the first third of the 20th century, there was an active formation of the American and German traditions in educational psychology. Educational psychology in the United States was closely related to learning theory; German gradually transformed from experimental to "humanitarian", and also became the subject of comprehension by psychologists in the context of public policy.

3.1.2. Economic and socio-political situation in the 1930s-1940s

Early 1930s was marked by a period of severe shocks for many countries - in 1929. The Great Depression began, an economic crisis that affected many areas of American and European society.

The most important and influential on the development of public life and science as a social institution in the early 1930s. there were social consequences of the crisis, such as a strong increase in unemployment and mass discontent, as well as political reshuffles that led to serious changes in society (in 1930 I.V. Stalin became the de facto leader of the USSR; in 1933 F. Roosevelt, in 1933 - A. Hitler in Germany). The change of political leadership in all countries is accompanied by serious transformations in society - for example, F. Roosevelt declares his main political task to overcome the economic crisis and during his first two presidential terms (after 1933 and after 1936), one way or another varying his policy, does not deviate from it: first, Roosevelt introduces a "banking" reform and a series of reforms in the industrial sector (the law creating the Federal Emergency Administration for the Relief of the Hungry and the Unemployed; the law to refinance farm debt; the law to restore agriculture; the law to restore industry) , and

after reorientation to the social sphere in the mid-1930s. adopts a law on guarantees in the system of labor relations, as well as a number of measures to create a system of trade unions and a system of social insurance - the payment of unemployment benefits, old age. The coming to power of the National Socialist Workers' Party, headed by A.Hitler also marks the transition to a new era for Germany: in addition to a series of measures taken by the government to restore the economy after the Great Depression that affected the country, the law adopted in 1933 on the restoration of the professional civil service, or the "Law on professional civil servants", was important for German society. - a ban on people of Jewish origin from holding public office, which led to the dismissal, including many scientists.

Early 1930s marked by mass discontent in the USSR: taken in the late 1920s. the course towards accelerated industrialization and collectivization leads to mass starvation and a deep economic crisis. In addition to the restructuring of the economy and attempts to solve the problem of food hunger and other social problems, the mid-1930s are characterized by increased political persecution and the period of the "Great Terror". At the same time, after the National Socialists came to power, international tension escalated: A. Hitler withdraws from the League of Nations and refuses to participate in the Geneva Convention on Disarmament; there is an active militarization not only in Germany, but also later - in the USSR, the USA and other European countries. Table 2 presents the most significant socio-political events and transformations during this period (including for comparison, we included the USSR here).

Table 2 - The main socio-political events of the pre-war period

Period	Germany	USA	Soviet Union
Until 1929	1924-1929 –"golden twenties", the relative growth of the economy and prosperity after the defeat in the First World War and the need to pay reparations	Strong economic growth and mass production, improving the purchasing power of the population and general welfare	1927 – Anglo-Soviet conflict, the threat of war with Great Britain; result - building up the country's defense capability Course towards collectivization

Table 2 continuation

Period	Germany	USA	Soviet Union
1929-1932	World economic crisis; strong rise in unemployment; strikes and protests	1932 – protest of veterans ("Army of soldiers' allowance"); the shooting of the hunger march in Detroit; Mass unemployment	Course towards accelerated industrialization and collectivization; Large-scale popular discontent; Mass famine; Non-aggression pact with Poland
1933-1938	1933 - The coming to power of the National Socialist Workers' Party, headed by A. Hitler; 1933 - Withdrawal from the League of Nations, refusal to participate in the Geneva Convention on Disarmament; active militarization of the country; 1934 - Signing with Poland of the Declaration on the non-use of force; 1936 - Rapprochement with Italy, occupation of the zone demilitarized following the results of the First World War; 1936 - The conclusion of the Anti-Comintern Pact with Japan; 1938 - Declaration of non-aggression with Great Britain ("Munich Agreement")	1933 - F. Roosevelt came to power, the beginning of the "new course" (taking a number of measures to overcome the economic crisis); 1935 - Roosevelt's policy shift from economic reforms towards the social sphere; the adoption of the "Wagner Law" (the law on guarantees in the system of labor relations); development of base for creation of system of trade unions; development of the social insurance system - payment of unemployment benefits, old age benefits; 1936 - Roosevelt's victory in the presidential election, the continuation of the political course; 1938 - The Fair Labor Act is an American legislative act passed by the US Congress during the New Deal period (establishing the right to a minimum wage and introducing the concept of "overtime pay")	September 15, 1934 - entry into the League of Nations 1937 - The beginning of the "Great Terror" - the period of the most extensive political repression

So, for the USA and Germany, the beginning of the 1930s. was associated with large-scale social restructuring: the governments of both countries that came to power at the beginning of the decade were faced with the need not only to overcome the economic crisis, but also to reduce social tension, including through the introduction of a system for protecting the rights of workers. In Germany, these transformations were also accompanied by a global ideological restructuring of society: from the beginning of the government, the National Socialist Party began to actively spread its ideology, which was expressed primarily in a change in the structure of German society. At the same time, the German government, having come to power, almost immediately began an active militarization of the country. Dramatic events of the early 1930s. influenced not only the fate of individual scientists (migration of well-known psychologists from Germany to the United States and other countries), but also the state of psychological science as a whole. The main events in the development of psychology in the prewar period are reflected in Table 3.

Table 3 - Major events in the psychological community in the pre-war period

Period	USA	Germany	Soviet Union
Until 1930	1929 - The Great Depression begins	1929 - Transformation of the Society for Experimental Psychology into the German Society for Psychology (GSP); composition of the board in 1929: K. Bühler, U. Stern, H. Volkelt, N. Asch, D. Katz, J. Lindvorski and W. Poppelreuther	End of 1927-beginning of 1928 - I congress on pedology in Moscow (decision on the creation of the Pedological Society and the journal "Pedology"); May 4-June 10 - Reflexological discussion; September - conference at the State Reflexological Institute for the Study of the Brain in Leningrad

Table 3 continuation

Period	USA	Germany	Soviet Union
1930-1933	1932 - The coming to power of F. Roosevelt, the beginning of the "new course" (the fight against the economic crisis; banking reform, industrial reforms)	1931 - Volkelt and Lindvorsky leave the board of the GSP; in 1931, the board consisted of the remaining five members and F. Kruger, who joined them after the departure of the two scientists mentioned	December 19, 1930 - I.V. Stalin becomes the de facto leader of the USSR; January 5, 1931 - Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks "On the journal "Under the Banner of Marxism" (tasks for the further development of Marxist-Leninist philosophy were formulated, which were based on criticism of all anti-Marxist and anti-Leninist attitudes in the social and natural sciences) 1931 - Reactological discussion 1932 - Aggravation in the pedological community of discussions about the issue of heredity (speech by N.K. Krupskaya in the Society of Marxist Pedagogues)
1933-1938	1932 Founding of The Journal of Personality as the first periodical on personality psychology; 1933 - Adoption of a series of measures to overcome the economic crisis (Act to create a Federal Emergency Administration for the Relief of the Hungry and Unemployed; an act to refinance farm debt; an act to restore agriculture; an act to restore industry);	1933 - A. Hitler's coming to power; 1933 - "Law for the Restoration of the Professional Civil Service" - prohibition of people of Jewish origin from holding public office (consequences - the dismissal and migration of many scientists); 1933 - Migration of W. Stern, K. Levin; 1933 - New composition of the board of the GSP: F. Krüger, W.	1935 - Arrest and execution of I.N. Spielrein 1936 - Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks "On pedological perversions in the system of the People's Commissariat of Education"; public calls to "do away with psychotechnical practice"

Table 3 continuation

Period	USA	Germany	Soviet Union
1933 - 1938	<p>1935 - Shift from economic reforms towards social policy; the adoption of the "Wagner Law" (the law on guarantees in the system of labor relations); development of base for creation of system of trade unions;</p> <p>Development of the social insurance system - payment of unemployment benefits, old age benefits;</p> <p>1936 - Founding of the Psychometric Society (L. L. Thurston); founding of the American Association for Applied Psychology</p> <p>1936 - Roosevelt's victory in the presidential election, the continuation of his political course;</p> <p>1936 - Founding of the Society for the Psychological Study of Social Issues)</p>	<p>Poppelreuther, N. Asch and O. Klemm</p> <p>October 16-19, 1933 - 13th Congress of the German Society for Psychology</p> <p>1934 - Creation of the Ministry of Science, Education and Public Education (Das Reichsministerium für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung) headed by B. Rust;</p> <p>1934 - Creation of the journal of military psychology ("Soldatentum") (published from 1934-1942);</p> <p>1934 - Migration of Z. Bernfeld;</p> <p>1934 - Appointment of A. Rosenberg as Fuhrer's Commissioner for supervision of all intellectual and ideological training and education of the NSDAP, the creation of several organizations under the general name "Reichsüberwachungsamt" or under the auspices of the department of cultural policy (the Department of Science was under the leadership of F. Beumler);</p> <p>1936 - Founding of the Institute for Psychological Research and Psychotherapy in Berlin;</p> <p>1937 - 15th Congress of the German Society for Psychology;</p> <p>1938 - Accession of Austria;</p> <p>1938 - Migration from Austria K. and S. Buhler, S. Freud</p>	<p>1935 - Arrest and execution of I.N. Spielrein</p> <p>1936 - Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks "On pedagogical perversions in the system of the People's Commissariat of Education"; public calls to "do away with psychotechnical practice"</p>

In addition to the events that took place in the psychological community, for clarity, Table 3 also reflects some significant general social events for each country, in particular, the change of political leadership, etc., which had a significant impact on the state of psychological science (these events are highlighted in gray). The main events that have taken place in the psychological community and are presented in Table 3 will be sequentially described in the text of Chapter 3.

An important circumstance in the study of the fate of a particular field of science is the specificity of its interaction with the state and public institutions: the extent to which it is inscribed in the network of social institutions is an indicator of its "legitimacy", recognition by the state and society. In the conditions of large-scale social changes for science, on the one hand, many opportunities open up in this regard; on the other hand, such situations are both a serious challenge for individual scientists and a threat to the existence of entire scientific areas. Thus, an important aspect of the study of the development of scientific and practical areas in psychology is the study of the phenomenon of their "institutionalization" in the period of the 1930-1940s, by which we will understand "... the formalization of relations between subjects-actors in public institutions, institutions, accompanied by the emergence of rules for interaction and self-government" (Kurochkin, 2018, p. 147). Among the main markers of institutionalization, we will consider the fate of professional communities, legislative acts regarding the status of certain institutions affecting the professional community of psychologists, as well as socio-political factors that influenced the policy in relation to these aspects. Due to the natural limitation of the possible volume of our work in the text of the thesis, we will, as far as possible, dwell in detail on the material on the history of the development of psychology abroad, which is insufficiently represented today in the Russian-language discourse, and focus on the works of foreign scientists who have not been previously translated into Russian.

3.2. Institutionalization of psychology in Germany and the USA in the 1930s-1940s.

3.2.1. Psychology in Germany: relations with power structures and social order

The most significant role in the development of psychology as a profession and academic discipline in Germany was played by the cooperation of psychologists with the structures of the Wehrmacht, which became a key factor in the adoption in 1941 of the first Regulation on state examinations in the history of German psychology, which was an important event in the institutionalization of psychology in Germany.

The development of the applications of psychology in the military sphere became possible on the basis of the previous developments of German psychotechnics.

In modern science, the concept of "psychotechnics" is rarely used in its original meaning: the content of psychotechnics as a field of psychological research is today reflected in other areas of psychological knowledge - organizational, engineering psychology, etc. However, during its heyday (at the beginning of the 20th century) in the description of that What is "psychotechnics" as a separate branch of psychological knowledge also did not have a strict consensus. As the Russian scientist S. Gellerstein writes in a review work on the main psychological theories, psychotechnics in the broadest sense is defined as "practical psychology" in general: "Psychotechnics differs from explanatory applied psychology (or psychodiagnostics) in that its tasks are not limited to explanation. Psychotechnics sets itself purely practical goals "(Basic Currents of Modern Psychology ..., 1930, p. 207). One of the classics of German psychotechnics, G. Münsterberg, describes this scientific field as "impact psychology", since its goal is to directly influence certain aspects of practical life. All the sciences whose task is to carry out some real change, a real transformation (one of which is psychotechnics) are categorized by Munsterberg as technical (Munsterberg, 1924).

F. Giese, a researcher less known to the Russian-speaking audience, in his *Theory of Psychotechnics* (Giese, 1925) actually identifies psychotechnics with practical psychology: using historical material as an example, he cites the most interesting, from his point of view, facts that testify to long-standing aspirations to formulate problems of practical psychology. In particular, in the works of various scientists and philosophers of the past (for example, in Goethe's teaching on colors, Lavater's physiognomy, Gall's phrenology, etc.), he sees a transitional stage to scientific psychotechnics and practical psychology.

Since the issues of choosing a profession and the problems of optimizing labor in general have always been an area in which all parties of society are interested - from authorities to individual citizens - one of the most important areas of practical psychology and, accordingly, psychotechnics has always been questions of professional selection: "The central tasks of psychotechnics ... are, as we mentioned above, professional selection and vocational training. These two tasks, in essence, cannot be considered in isolation, because they are united by a common goal - the creation of a full-fledged cadre of workers" (*Basic Currents of Modern Psychology ...*, 1930, p. 219). It was the field of professional selection that was destined to play the most important role in the development of psychology as a profession and academic discipline in the period of the 1930s and 1940s. and during the war period to become the main link in the cooperation of science and power in countries such as Germany and the United States, in contrast to the USSR, where, due to the prevailing in the 1920s. political and intra-scientific conditions, despite the development of leading international trends according to all the canons, psychotechnics was forced to interrupt its development.

Interestingly, with such active development, the 1930s. in the development of psychotechnics in Germany, as well as in the psychotechnics of the USSR, were marked by a state of crisis. The history of the development of psychotechnics in Germany is considered in detail, in particular, in the work of Yu.B. Plavinskaya under the direction of E.S. Minkova: her dissertation is devoted to the analysis of psychotechnics in Germany (Plavinskaya, 2011). She draws attention to the

similarity of socio-political and economic conditions (forced pace of industrialization, the need to increase labor productivity, a high degree of state support in the development of discipline, its direct interest in its results, the need to increase the combat effectiveness of the army, the intensification of the movement for women's rights, etc.), as well as the natural scientific and philosophical and methodological prerequisites for the formation of psychotechnics in Russia and Germany (the accumulated experience of natural scientific developments and experimental research, many of which have found application to practical problems, the influence of the philosophy of positivism and pragmatism, etc.).

So, after Yu.B. Plavinskaya during the "flourishing" period of German psychotechnics, which she calls the second "peak" of the development of the discipline (1924-1928), further stands out 1929-1932. as the time of the crisis of psychotechnics, and 1933-1934. - as the destruction of German psychotechnics as an independent field of knowledge. The author explains such a rapid decline of psychotechnics by several factors, which she also compares with the fate of Soviet psychotechnics. First of all, this situation was affected by the economic crisis of 1929, which affected all spheres of society and as a result of which there was a sharp decrease in the volume of research funding. Secondly, some modern Russian researchers agree that psychotechnics did not fulfill the "social order": in Germany, this movement caused public criticism, including opposition from trade unions, who considered professional selection one of the additional means of exploiting the worker. Similar processes were taking place in the USSR at that time: the antagonism between the employer and the worker was not eliminated, and the increase in labor productivity was achieved faster with the help of socialist competition and shock movements, and not through the introduction of psychotechnical developments (Mironenko, 2015; Plavinskaya, 2011). As some scientists stated several decades later at the All-Union Conference on Labor Psychology (1957), "the emergence and rapid spread of the Stakhanovist movement led to the solution of many of those problems that psychotechnicians struggled to

solve, which is why practical workers parted with psychotechnics so easily” (Lisina, 1957, p. 170).

In this light, the fate of professional selection as a separate area of German psychological science is interesting: in contrast to psychotechnics, which by the 1930s. approached in a state of crisis, it was the sphere of psychological selection that not only actively developed, but also, thanks to its practical application in military structures, became a factor that led to the consolidation of the professional status of a psychologist at the legislative level and the introduction of the first rules for conducting exams in Germany.

The history of cooperation between psychologists and military state structures dates back to the period of the First World War, during which, as we noted earlier, the possibilities of applied psychology were demonstrated, in particular, the methods of psychological selection. Changes in political regimes and other social upheavals led to repeated restructuring of military formations in Germany during the interwar period, however, to one degree or another, the possibilities of psychology have been used in military affairs since the beginning of the 20th century. So, let us turn to the history of the development of relations between professional psychology and the armed forces in more detail.

The history of psychology in the armed forces dates back in Germany (and military psychology in most other countries) to the First World War, when psychotechnical fitness tests first began to be used on a large scale. German historians estimate that, unlike in the United States, where psychologists used a wide variety of tests, including intelligence tests on all of their recruits (nearly 2 million), in Germany military psychologists used only tests of sensorimotor skills to select about 10,000 people. This was especially true for professionals such as truck drivers, aircraft pilots, and battlefield observers (Gundlach, 1996). So, with the help of tests, psychologists measured such indicators as reaction time, visual and auditory insight, manual dexterity, etc. Another area of work for German psychologists at that time was the examination of soldiers with head injuries. Although these attempts to contribute to the war from a psychological point of view were not centrally

organized, the distinctly positive experience with the use of psychological developments in the First World War led to the realization that it was necessary to improve the implementation of selection methods in the future. Thus, we can distinguish several periods in the history of cooperation between psychology and the armed forces, each of which depended on the specifics of the situation in the country and, accordingly, influenced the policy towards psychologists in the service (the main stages will be reflected in Table 4).

Stage 1. Psychology in the Reichswehr under the Weimar Republic (laboratory under the direction of J. Riffert)

Psychology has proven itself to be an undoubtedly practical area for the needs of the army, therefore, attempts to introduce the activities of psychologists into the structures of the psychological selection of military personnel continued after the end of the war. Since after the defeat of Germany in World War I, under the terms of the Treaty of Versailles, the maximum size of the German army could be no more than 100,000 people, there was an urgent need in the Reichswehr (as the armed forces of the Weimar Republic from 1919 to 1935 were called) to determine the most suitable applicants for such a small number posts. So, in 1921, a psychotechnical laboratory of the Ministry of the Reichswehr was created in Berlin under the leadership of J. Riffert, and in September 1920 he was instructed to create a “Unified Guide to Applied Psychology in the Army” (einheitliche Bearbeitung der Fragen Der angewandten Psychologie im Heere). In 1926, he developed a procedure for the selection of officer candidates with a group discussion and an evaluation system for all participants. The task of psychologists was, first of all, to create a system of objective criteria in the selection of officers, but it did not immediately have great success and was accompanied by many difficulties: firstly, unlike the selection of personnel at a different level, it was difficult to develop clear criteria for a “good” officer , which, accordingly, made it difficult to diagnose abilities. Secondly, the involvement of psychologists in the field of selection was met with skepticism on the part of the military (even before the Weimar Republic, professional selection

was based on the principle of “co-optation”: in fact, other officers made the decision on who could take the position of an officer).

Stage 2 (1931-1942) - psychology under the Wehrmacht

The second stage in the development of psychology in the armed forces is conditionally counted from 1931, when Riffert resigned, and instead of him, M. Simoneit (together with G. von Voss, lieutenant general) headed the central laboratory as scientific director, but the content is new it is more legitimate to link the turn of the history of psychology in military structures with the coming to power of A. Hitler. The first actions of the National Socialist government after coming to power was the active militarization of the country, which violated the Treaty of Versailles: on March 16, 1935, the German armed forces (Wehrmacht) were created on the basis of the Reichswehr and universal compulsory military service was introduced in the country. This leads to another round of changes in the structure of the Wehrmacht, in particular with regard to an increase in the proportion of military psychologists. So, if, according to W. Geuter, in 1935 69 psychologists worked in the German Armed Forces, then in 1937 there were already 320 of them, and this number continued to grow until 1942. According to the data cited by M. Simoneit, in 1936, in the central psychological laboratory in Berlin and in 15 psychological laboratories attached to various army corps, 114 psychologists and 17 officers were involved, then immediately at the beginning of the war, 200 psychologists were already reported (Banisconi, 1940). Moreover, the training and career of a military psychologist were legally enshrined in October 1937 (“Regulations on the Recruitment of Officers of the Higher Psychological Service of the Wehrmacht” “Vorschriften für der Ergänzung der Beamten des höheren Dienstes der Wehrmachtpsychologie”). The regulation for the first time described in detail the scope of activities of Wehrmacht psychologists and fixed their status at the state level, and also fixed the main requirement for a candidate for the position of a military psychologist - he must have a doctorate in psychology, as well as a number of conditions related to health (lack of color blindness, etc.). By 1937, 6 new test centers were established, and in 1938, 171 psychologists worked in them.

Stage 3 - World War II and the dissolution of the psychological testing structures of the Wehrmacht

In the summer of 1941, the Wehrmacht began its attack on the Soviet Union. In December, in the Battle of Moscow, she suffered her first major defeat, to which A. Hitler reacted by dismissing von Brauchitsch and taking over the High Command. The fighting and the cold winter caused the first heavy casualties; by December 1941, the eastern campaign was already worth 24% of the original strength (Zipfel, 1976, p. 196). Losses among officers were also severe, and more and more sergeants received officer ranks (Absolon, 1971). So, after the hard winter of 1941 for the German army, the army suffered not only from a shortage of officers, but also from the applicants for officer positions themselves, who, under the circumstances, could immediately be taken to the front. Psychological diagnostics, designed to predict behavior in the event of a serious situation, has become redundant. As W. Goiter writes, March 19, 1942 The Army High Command has stated that the high demand for officer recruits requires strict registration, uniform training and supervision of all army and reserve soldiers in question for war and active promotion (Geuter, 1984). The decree listed action in the face of the enemy as a prerequisite, but not qualifications or psychological tests. Thus, the course of the war actually destroyed the newly established system of recruiting officers. Two months later, on May 22, 1942, the order was given to disband the Army Psychology effective July 1, and the conditions for the admission of officer candidates were revised on the same day.

Table 4 - The development of cooperation between psychologists in the German armed forces in the pre-war and war period (1920-1942)

Events on a national scale	Consequences	Developments in the German Psychological Society	Importance
Stage 1 - psychology during the Weimar Republic, 1920-1933			
1918-1919 - Defeat of Germany in World War I, Treaty of Versailles	The need to develop objective and strict criteria for the selection of officers in the new conditions (the size of the German army under the agreement on the	1920 - Unified Guide to Applied Psychology in the Army (J. Riffert)	Development and implementation of a new selection process for candidates for officers of the armed forces

Table 4 continuation.

Events on a national scale	Consequences	Developments in the German Psychological Society	Importance
	demilitarization of Germany should not exceed 100,000 people)		
Stage 2 - the expansion of the psychology of the Wehrmacht (1931-1942)			
The coming to power of the National Socialist Party; "The Law on the Creation of the Wehrmacht" (Gesetz für den Aufbau der Wehrmacht») (1935)	Compulsory military service introduced	1931 - the central laboratory in Berlin is headed by Lieutenant-General G. von Voss and psychologist M. Simoneit; 1937 - Regulations on the additional staffing of the psychology of the highest officers of the Wehrmacht («Vorschriften für die Ergänzung der Beamten des höheren Dienstes der Wehrmachtpsychologie»)	A sharp increase in the proportion of military psychologists; Legislative consolidation of the status of a psychologist in the Wehrmacht; A detailed description of the activities of a psychologist as an employee of the Wehrmacht; Creation of new testing centers and laboratories; 1938 - opening of branches in Austria 1940 - opening of 3 branches in Gdansk, Poznan, Prague.
1941-1942 - the dissolution of the psychological testing structures of the Wehrmacht			
The first major defeats of the Wehrmacht army	Decreased need for a professional selection system, lack of officers	April 15, 1942 order canceling the test of flight personnel for fitness in the Luftwaffe June 01, 1942 - Order to disband the army psychology	Dissolution of psychological laboratories, termination of psychological testing

Thus, at the beginning of the third stage - the dissolution of the psychological selection structure of the Wehrmacht in 1942 - the psychology of the Wehrmacht had a total of more than 20 departments. The volume of selection was also sharply increased: if in 1935 4412 candidate officers were tested, then in 1939 their number

had already reached 20639, and in 1941 - 29929. If in 1935 11157 military officers of a lower level were tested, then in 1939 - 148956, and in 1941 - only 199473.

An important indicator of the state's interest in the connection between the Wehrmacht and psychology and, as a result, the introduction of changes in the university system was the adoption of the first in the history of Germany rules for exams in psychology - DPO ("Diplomprüfungsordnung", which can be translated as a regulation on exams required to obtain a diploma), which was issued on April 1, 1941. The main provisions of the document were developed by O. Kro, who had just been elected as the new chairman of the society, and M. Simoneit, scientific director of the central psychological laboratory in Berlin. This project was approved by the Ministry of Science, Education and Public Education and, in terms of its structure and content, oriented graduates to a greater extent on knowledge from the field of practical activity of a psychologist. So, since the Wehrmacht first of all needed a high-quality system of professional psychological diagnostics, the study of character and the so-called "psychology of expression" (the German version of this term "ausdruckpsychologie", and in the English literature most often found as "expression psychology" goes back to the works of K. Jaspers, and denotes a rather extensive area of various, including interdisciplinary theories, in the most general form devoted to the study of the relationship between externally fixed, physical manifestations of a person and his character traits, personal characteristics. time there were such physical manifestations as handwriting, facial expressions, gestures, facial features (physiognomy), as well as constitutional characteristics, such as body structure) have now become separate examination subjects for obtaining a secondary diploma, and psychological diagnostics for the main diploma. It is noteworthy that the subjects that have become the main criterion for passing exams were not even taught at some universities before.

The introduction of the state examination program was preceded by the introduction of new qualification requirements for Wehrmacht psychologists from 1937, who were now required to obtain a higher psychological education, which was not the case before. The study of psychology could only be completed with a

university doctorate, which was impossible at some universities even with a specialization in psychology. In order to be admitted to the three-year preparatory service after graduation, which ended with an examination for the position of an expert and met the requirements for work as a civil servant of a Wehrmacht psychologist, a state examination was required in accordance with the general civil service law. At that time, the state examination in psychology was the only way to ensure the professional orientation of psychologists for a certain expert activity in the army, which was determined by career position. After the outbreak of the war, the leadership of the Wehrmacht, in connection with the peculiarities of wartime and the increased need for high-quality resource filling of the army, was even more interested in universities providing psychologist graduates trained in areas important for work in the field of military psychology as soon as possible.

However, the first attempts on the part of the professional community to promote the idea of formally fixing one's status were made earlier. It is not surprising that the first proposals for the introduction of a professional degree for psychology students came after the First World War precisely from psychotechnical circles - mainly active university professors who were oriented towards applied research and practice in their work: for example, in 1935. Mede, submitted to the Ministry of Education a memorandum on passing a special exam in psychology and psychotechnics for engineers. However, neither industry, for which a Ph.D. was sufficient, nor universities, which wanted a broader curriculum, showed interest in this initiative (Geuter, 1984, pp. 310-317, 349-351). Only the development of psychology in the Wehrmacht made possible the formation of a coalition of representatives of the academic sphere to develop rules governing the requirements of civil service legislation for a career of a Wehrmacht officer in the field of psychology (1937); this step gave hope to academic psychologists for progress in solving the problem of the professional status of a psychologist not only in the military sphere, but in general. Soon these hopes were justified: in 1940, a special mission was created from psychologists from various fields to prepare a draft of the rules for passing graduation exams.

According to some historians, W. Mede also spoke at the 16th Congress of the German Society for Psychotechnics in Bayreuth in 1938 with a report on "the necessary restructuring of the training of psychologists and its guidelines" ("notwendige Neuordnung des psychologischen Studiums sowie dessen Richtlinien") (Spur, Haak, 2000). There is a version that Mede, realizing the growing importance of the Wehrmacht for psychotechnics, wanted to take the initiative in training psychologists and technicians himself and spoke critically about the presence of exams in the psychology of expression and characterology in the draft Regulations and proposed replacing them with economic psychology and psychology in the field production. Although V. Mede's proposals were again not accepted, the University of Berlin appointed Mede a member of the psychology examination committee. In this status, Mede applied for the possibility of obtaining a degree in psychology and for industrial psychologists, at least at the Technische Hochschule, and, according to G. Spoor and R. Haack, even personally spoke with the Reich Minister of the Ministry of Science, Education and public education on this matter. Probably, it was his initiative that influenced the fact that in May 1942 examination boards in psychology were approved at 19 in the higher technical educational institutions of Braunschweig, Danzig, Darmstadt and Dresden.

Among other things, the DPO (Regulations on Subjects Compulsory for the State Examination) stipulated that psychology training can only be officially considered completed at the university where this subject is taught by a professor. As a result, in 1942 in Freiburg, Cologne and Münster, new positions were opened directly for professors of psychology, and thus the positions of professorships that were vacant after the politically motivated departure of many scientists were completely replaced, among which was, for example, W. Köhler, whose resignation occurred as early as 1935, after which he emigrated to the United States.

This state of affairs, and the wartime peculiarities associated with the government's policy of actively recruiting psychologists into the work of the armed forces, meant that there were more psychology professors at German universities than ever before.

An important area of development for German professional psychology was also its cooperation with the National Socialist Organization for People's Welfare (hereinafter - NSV), which began in 1940, before the dissolution of Wehrmacht psychology. This cooperation was dictated by another important wartime demand: the aggravation of poverty, as well as problems in the field of childhood and youth - an increase in the number of orphans, homeless children, as well as an increase in juvenile delinquency. In addition to increasing the burden on social services, there was a demand for psychological help: for example, in November 1939, the German Institute for Psychological Research and Psychotherapy created its own consulting department (Koenig-Fachsenfeld, 1942), although in general, counseling, with rare exceptions, was still in run by psychiatrists (that is, doctors). The practical tasks of counseling for psychologists were to place children in homes or foster parents, appoint guardians, or advise on matters of guardianship (Hetzer, 1940, 1940a, 1942; Faust, 1944). Psychologists were also called upon to provide expert testimony in court (Thomae, 1944). There is evidence that the youth department of this organization also hired psychologists in occupied Poland - the NSV branch was the first organization founded in the rear of the advancing German army. Among the duties of the employees of such centers was the establishment of kindergartens, day care centers and rest homes for minors. However, in addition to this, other duties were assigned to the NSV in Poland, such as the resettlement of Polish children with German roots in Germany, as well as their "Germanization"; the involvement of psychologists in crimes against children in the process of implementing this program remains a debatable issue today, which is analyzed in detail in his fundamental work by U. Geuter (Geuter, 1984); it should only be noted that today there is little information about the participation of psychologists in the activities of the NSV in the occupied territories to confirm or refute this hypothesis.

Thus, the main areas of psychological practice during the Second World War were psychological diagnostics in military structures and work in the field of social security. The psychological selection system under the Wehrmacht, which largely contributed to the professionalization of psychology in Germany through the

introduction of the Examination Regulations, was improved: the status of a psychologist in military structures was legally fixed, and his duties were described; from 1935-1942 The number of positions held by psychologists has increased significantly. In fact, psychology for the first time received a quantitatively and structurally serious field of activity outside of higher educational institutions. Wartime demands actualized the need for psychological assistance in the field of social security: since 1940, cooperation has been established between the German Society for Psychology and the National Socialist Organization for People's Welfare. Psychologists are actively involved in organizing work to help orphans and children left without parental care.

The development of psychology in the period we are studying allows us to draw a conclusion about the role of the psychological community itself in this process. As the basis for a comparative analysis, we chose not only the socio-political processes that determine the development of the changes taking place in psychological science in the specified period, but also the features of the process of professionalization of psychology in the two countries during this period, in which the aspect of the subjectivity of psychological communities. As already stated in Chapter 1, in a comparative analysis, we were guided by the ideas of A.L. Zhuravlev and T.P. Emelyanova about the possibilities of studying large social groups as subjects (Zhuravlev, Emelyanova, 2009): they highlight the factors that determine changes in the level of subjectness of groups (the socio-political system in which the group exists); current social situation; the existence of a tradition of joint actions and a persistent collective memory of them; the presence of a system of views and values embedded in the group consciousness.

With regard to the last factor - the system of values - the group of professional psychologists is in many respects heterogeneous, however, it can be noted that at certain periods for this community some values acted as system-forming ones (in the American community of the 1930s.- the desire to prove their social significance and raise the authority of science after the economic crisis (which will be discussed in the next paragraph); for the German community - unification under the auspices

of the idea of the need for their own "legitimation", recognition by the state; during the Second World War for American and German psychologists - consolidation for the needs of the war).

Also A.L. Zhuravlev singled out the subjective qualities of large social groups: social initiative and activity; Social responsibility; a high degree of self-organization and self-government; developed civic consciousness and self-awareness; relative autonomy and self-sufficiency; openness to intragroup and intergroup interaction.

The totality of ideas about the psychological community as a subject allows us to draw conclusions about the prerequisites, signs and features of the functioning of this social group in the specified period, which are summarized in Table 5.

Table 5 - Characteristics and manifestations of the subjectivity of the professional community in Germany

Years	1933-1939	1939-1942	1942-1945
Current social situation	The coming to power of A. Hitler and the introduction of universal compulsory service, the expansion of the armed forces of Germany;	Expansion of the Wehrmacht and the beginning of World War II, interest in introducing a system of professional selection of officers	Serious defeats of the Wehrmacht army at the front, lack of officers
Prerequisites for the formation of subjectivity	The emergence of the need to expand personnel for psychological selection in the Wehrmacht	The emergence of the foundations for legislative consolidation of the status of a psychologist, the consolidation of the professional community as a single group; 1941 - introduction of rules for exams in psychology	Dissolution of the psychological laboratories of the Wehrmacht and the selection system
Manifestations of subjectivity	1935 - V. Mede submitted to the Ministry of Education a memorandum on passing a special exam in psychology and psychotechnics for engineers;	1939 - The German Institute for Psychological Research and Psychotherapy set up its own consulting department; 1940 - the creation of a special mission of	In 1942 examination boards in psychology were approved in 19 higher technical educational institutions in Braunschweig, Danzig, Darmstadt and Dresden.

Table 5 continuation

Years	1933-1939	1939-1942	1942-1945
	1937 - Creation of a coalition of representatives of the academic sphere to develop rules governing the requirements of civil service legislation for a Wehrmacht officer's career in the field of psychology; 1937 - Regulations on the additional staffing of the psychology of the highest officers of the Wehrmacht	psychologists from various fields to prepare a draft of the rules for passing diploma exams; Initiatives of individual psychologists in the development of laws on diploma examinations (W. Moede); Cooperation with the National Socialist People's Welfare Organization (work with families and children in the occupied territories)	1942 - new positions were opened in Freiburg, Cologne and Münster directly for professors of psychology, professorship positions that were vacant after the politically motivated departure of many scientists were completely replaced
Compliance with the signs of collective subjectivity (according to A.L. Zhuravlev)	The manifestation of initiative and self-organization, the manifestation of civic activity	Openness to intragroup and intergroup interaction	Relative autonomy and self-sufficiency

The development of the professional community allows us to note that even during the Second World War, during which, due to the major defeats of the Wehrmacht, the need for psychological selection of military personnel ceased to be so relevant, the process of introducing the exam system was not stopped, and, moreover, after the dissolution of psychological laboratories was also expanded to technical universities. The professional community, despite the socio-political conditions, showed itself as an autonomous independent community with a developed subjectivity, which was largely formed and strengthened even before the start of the war in connection with the development of a number of laws that consolidated the professional status of a psychologist.

After the end of World War II in Europe on May 8, 1945, Germany was occupied and from 1945-1949. was in the zone of military administrations of the

USSR, France, USA and Great Britain. The psychological community found itself in a situation where it was necessary to search for new forms of interaction with society and self-organization, the formation of a new self-identification. However, thanks to the system of professional structures formed and already strengthened during the war years, where the status of a psychologist was fixed, the psychological community did not lose its position. Universities in the Soviet, British, American and French zones of occupation gradually resumed teaching during 1945-1946; the same can be said about work in practical psychological institutions (Sprung, 2001). The German Psychological Association resumed its activities in coordinating the work of psychologists in the academic world, and in 1946 it was joined by the Organization of German Occupational Psychologists (Berufsverband Deutscher Psychologen), an association of psychologists working in applied fields. In 1960, Bonn hosted the first worldwide psychological congress on German soil since the Second World War: the 19th Congress of the International Union of Psychological Sciences. It can be said that the 1941 diploma rules were not abolished either during or after the end of World War II: they largely shaped the structure and content of educational programs in West and East Germany until the early 1960s. The research programs of the leading German psychologists of the 1930s and 1940s continued into the early 1960s, primarily in the fields of general psychology, developmental psychology, personality psychology, genetic psychology, educational psychology, industrial psychology, psychodiagnostics, and clinical psychology.

3.2.2. Social order and relations with power structures in the development of psychology in the USA

Despite the neutrality that the US government announced in 1939, due to the aggravation of the situation in the world, already in 1940 the US Congress approved an amount of 3 billion dollars for the needs of the army and navy, and in the summer - 6.5 billion, including 4 billion for the construction of the "fleet of two oceans" and increased the supply of weapons to the UK. March 11, 1941 a law was signed on the

transfer of military materials to warring countries on loan or for rent (“Lend-Lease”), and on August 14 of the same year, the “Atlantic Charter” was signed, which marked the creation of the anti-Hitler coalition. Although the United States actually entered the war as one of the parties to the conflict after the Japanese attack on Pearl Harbor on December 7, 1941, preparations for military operations and the strengthening of military power, including through administrative changes in the most important military structures, began already at the end of 1930-s.

During the war period, active professionalization and institutionalization of psychology took place not only in Germany, but also in the USA (Mironenko, Rafikova, 2023). The Second World War brought with it a new wave of demand for measuring instruments, developments in the field of professional selection and psychological counseling, which led to a significant growth in this field. The National Research Council, realizing the importance of psychological work in military units, called on psychologists of various profiles to mobilize: according to American historians, by the end of the war, 1,710 psychologists were already serving in the army, which is quite a large number, since in 1945 The American Psychological Association had only 1012 official members. In the postwar era, the growth curve of the American Psychological Association's membership surpassed that of all other medical and academic fields, and more psychologists worked per capita in the US than anywhere else in the world (Gilgen, 1982).

At the beginning of World War II, the military created a number of organizations to cooperate with the psychological services. In 1939, a Personnel Testing Section was set up in the Office of the Adjutant General of the Army to develop plans for the mass classification of ammunition in the event of war. At the same time, the National Research Council created an Emergency Committee on Psychology, which set up several working committees, including the Committee for the Selection and Training of Service Personnel. In 1943, this committee was reorganized into the Applied Psychology Group, a division of the National Defense Research Committee. Under the leadership of C. Bray, the applied psychology group sponsored 21 major projects for the army and navy during the war. The Air Force

Aviation Psychology Program was established to assist in the selection and training of aircrew members in 1941.

One of the most widely developed research areas in the United States during the Second World War was the development and improvement of psychological testing methods. Thus, an important role of psychologists was in the selection of potential soldiers and the distribution of current military personnel to suitable positions: working in this direction, psychologists developed general classification tests, which later became a model for the selection and classification of potential soldiers (Mangelsdorff, 2006). As in Germany, the war period opened up new opportunities for psychologists in the field of professional selection. Taking into account the experience of the First World War, mental testing and screening were improved and actively used by the US Army for the selection of officers, pilots and crews of submarines. The development of high-speed aircraft during World War II also required skilled pilots who could quickly learn to fly such complex machines (Katzell and Austin, 1993). So, psychologists were given the task of identifying a suitable candidate and creating tools for selecting highly qualified personnel. This test resulted in two tests, the "Airman Classification Test Battery" and the "Army General Classification Test", the purpose of which was to assist in the selection and classification of military personnel (Austin, et.al., 253). In addition, in 1943, the Office of Strategic Services, which later became the Central Intelligence Agency, established the first psychological evaluation center in the United States, and over 5,000 candidates were evaluated by the Office within 18 months (Banks, 2006).

The US government quickly realized the need to involve psychologists in military needs, not only in relation to military personnel: for example, already after the bombings at Pearl Harbor, psychologists conducted research on how to control the population and suppress potential resistance both on a group and on an individual basis (Herman, 1995, pp. 26-28). Next, we will turn in more detail to the main state formations created specifically for the needs of wartime and associated with psychological research in the United States. The work of psychologists who collaborated with these departments, especially in the field of public opinion

research, proved to be a promising direction, thanks to which the active institutionalization of social psychology as a separate field of psychological science became possible in the future. Thus, we will consider such government formations as the Division of program surveys, department of agriculture, Office of war information, Research branch, morale services division).

Program Research Division, Department of Agriculture

It is interesting that one of the first government agencies to establish a program of systematic public opinion research was the Department of Agriculture. When the Bureau of Agricultural Economics was renamed the Department's Central Planning and Research Agency in 1939, the Department of Program Research was created, headed by R. Likert. Since then, the Department has greatly expanded the scope of its work and applied procedures: later its services were used by several government agencies that were not even part of the Department of Agriculture (Skott, 1943). According to H. Scott, this department was engaged in the study of data on the general reaction of the public to the introduction of large agricultural programs or on such a reaction in certain parts of the country. On occasion, the department collaborated with other government organizations and private agencies to pilot new programs on a small scale before they were launched on a larger scale, thus preventing many ineffective solutions. H. Scott also writes that from time to time the department of program research was engaged in checking the level of awareness of the population in relation to a particular phenomenon (for example, the level of demand for the production of dairy products in wartime). From the point of view of methodological grounds, the work of the program research department represented a new approach to public opinion research: although the research apparatus for collecting public opinion consisted of quite standard sociological tools widely known by that time, such as various types of interviews, the use of targeted or quota sampling, fixed questions with alternative answers, etc., the functions performed by this department were still different from the functions of commercial public opinion polling (which were carried out by different organizations, including the Program Polls Department).

The department also performed work for one of the units of the Office of War Information (The United States Office of War Information - we will discuss it later) on a reimbursable basis from December 1941 to November 1942. The staff during this period included more than 20 psychologists, the most famous among which today are J. Bruner, A. Campbell, D. Cartwright, D. Chapman, R. Cruchfield, and others. scientists such as G. Allport, G. K. Koffman, K. Levin, G. Murphy, K. Rogers and others.

Office of Military Information

The most important and almost the only source of information about the work of the Office of war information (Office of war information) is a collection of 13 articles published in the spring issue of the Public Opinion Quarterly for 1943. For our topic, of interest is the branch of the Office of Military Information, in which psychologists were mainly represented - this was the Bureau of Intelligence. It was formed in December 1941 and lasted until a reorganization in March 1943, when many of its functions were taken over by the new Bureau of Special Services. R.K. was appointed head of the bureau. Kane. Psychologists who collaborated with the Bureau included H. P. Godet, E. R. Hilgard, R. P. Hinshaw, G. H. Hyman, and D. Katz (see Appendix D for a complete list of researchers). In general, the activities of this Directorate consisted of polling the public on military information affecting public participation in various military campaigns. The subject of their interest was both the general population at the level of the entire nation, and the study of individual groups and communities. The Intelligence Bureau consultants were such psychologists as H. Cantril from Princeton University, J. H. Gallup from the American Institute of Public Opinion, P. F. Lazarsfeld from Columbia University, and others. The Special Services Division was also represented in the structure of the Intelligence Bureau, headed by L. Warner from New York, whose staff included Y. Hartley and R. Tolman. Their research area included the study of narrowly focused topics, such as various unforeseen critical situations, as well as specialized regional studies. One of the methods used was the creation of a response team, which was continued by the Bureau of Special Services. E. N. Barnhart of Reed College

and S. H. Newman of Michigan State College worked in the media department, which analyzed the press, radio, and film as channels of communication with the public.

The Office of Military Information was also represented by a foreign branch: it was engaged in the development of information programs for friendly countries and propaganda programs for enemy countries. The Central Intelligence Group was the foreign equivalent of the Bureau of Intelligence mentioned above and the main source of information about the situation in foreign regions. Such psychologists as E. R. Guthrie, A. L. Edwards, O. L. Klineberg, H. L. Ansbacher were involved in the work of these formations. At the beginning of 1943, in addition to the intelligence group, the Bureau of Research and Analysis (Bureau of Research and Analysis) headed by Y. Katz was created in Washington, which later transformed into the Bureau of Foreign Intelligence (Bureau of Overseas Intelligence). The purpose of this Bureau was to ensure the systematic and orderly processing of intelligence information, as well as the collection, analysis and comparison of intelligence information for military and political purposes. The bureau provided intelligence to support military operations by providing inputs on the ground and assisted regional leaders in formulating policy decisions. Several psychologists were associated with this Bureau. Among them are L. W. Dub (Yale University), E. R. Hilgard, T. M. Newcomb, (University of Michigan), S. H. Newman, H. Pick, (Randolph-Macon College). A little later, with the involvement of employees of the Office of Military Information and the Office of Strategic Services, the Psychological War Division of the Supreme Headquarters, Allied Expeditionary Forces was created - a joint Anglo-American organization tasked with conducting tactical psychological warfare against German troops and the newly liberated countries of Northwest Europe during and after the Normandy Landings in 1944. It was led by US General Robert A. McClure (who had previously commanded the Psychic Warfare Division).

Research department, department of moral and psychological services
(Research branch, morale services division)

The next government agency affiliated with the War Department in which psychologists have been involved is the "Moral Support" Division of the War Department (previously known as the Special Service Division). The American researcher S. Stouffer writes that the functions of this department were, firstly, to conduct various kinds of surveys; secondly, to conduct experimental studies (Stouffer, 1949). So, during the work of the department, new methods of anonymous polling of military personnel were tested; research personnel conducted research at approximately 85 Army and Air Force camps on the continental United States and at several overseas bases.

In a study by another American psychologist who cites information in the Army Navy Journal, the following summary of the work of the Research Division is given: "Finding common denominators between the recreational, educational and information needs and preferences of military personnel is the problem of the research department of the Special Service Division. Using methods developed from peacetime sociological research, this industry measures what a soldier wants, how he reacts to his military experience, what worries him most and why, and what he would like to see done with it. These studies are carried out because [earlier studies] have shown that the soldier's attitude, which is the basis of morale, can be markedly improved by the systematic satisfaction of his reasonable desires and needs. Research has been so successful that, although it deals mainly with special service issues, many other units of the army now find them useful tools in solving other problems of soldiers (Marquis, 1944, cited in: "ANON., Army studies its soldiers. Army Navy Journal, 1Q43, 80, July 31").

Thus, the needs of society and the demands of wartime led to the active development of areas, one of which in the United States was social psychology.

Social psychology, as a separate, autonomous branch of psychology, received little attention in American literature before World War II. This can be illustrated by the results of a large-scale review work by J. Bruner and G. Allport's "50 Years of Change in American Psychology", which was published in 1940. This article was a kind of attempt to sum up almost half a century of development of American

psychological thought in response to the emerging by the 1930s. the crisis she is in. Thus, the researchers analyzed the periodicals of the leading psychological journals for each decade, from 1888 to 1938 (to determine which journals can be considered "leading", J. Bruner and J. Allport presented a list of 50 American psychological and near-psychological periodicals of 30 members of the American Psychological Association with a request to rate on a scale of 0 to 3 to indicate "the significance of each journal for the development of psychology as a science" (from 3 - "the contribution of this journal is essential to the development of psychological science" to 0 - "does not matter for the development of psychology as a science") After that, 14 journals were selected for further analysis (all of them received average grades of 1.5 or higher): American Journal of Psychology (1887 - the year the journal was founded); Psychological Review (1888); Pedagogical Seminary (1891) Psychological Bulletin (1904) Journal of Abnormal and Social Psychology (1906) Journal of Educational Psychology (1910) Journal of Comparative Psychology (formerly Journal of Animal Behavior) (1911); Journal of Experimental Psychology (1916); Journal of Applied Psychology (1917); Journal of General Psychology (1928); Journal of Social Psychology (1930); Character and Personality (1932); Journal of Psychology (1935); Psychometrics (1936).

At one stage of the analysis of publications, the researchers compared the change in the share of research in each of the areas they identified in each decade since 1888; at the same time, they singled out the category "research in the field of social psychology" and the category "social problems" as two separate positions. Apparently, such a division was necessary, since the second category implied the appeal of psychologists in their articles to socially important problems (which was not always reduced to the field of social psychology precisely methodologically).

So, in relation to the category "research in the field of social psychology", the authors did not reveal significant quantitative changes, however, as J. Bruner and G. Allport write, a careful study of the content of the articles themselves showed an interesting qualitative shift: "... early research in this area was dominated by evolutionary theory, expressed in the influential works of Hall and Baldwin, while

the last two decades [meaning the periods 1918-1928 and 1928-1938 - approx. ed.] showed little or no such influence, but rather reflected the influence of the psychology of abilities and habits, and more recently, the psychology of the influence of various theories of cultural determinism” (Bruner, Allport, 1940, p. 767). Also, referring to earlier work by another researcher, Bruner and Allport write that “... the ranking of research interest in social psychology among members of the American Psychological Association slowly rose from eighth place in 1918 to fifth place in 1937” (Ibid.). On the other hand, a study of changes in the share of articles in the second category shows a significant decrease in the degree to which authors discuss social problems in psychological periodicals. As the authors write, part of this decline seems to be due to the tightening of publication requirements that have increased in recent years: “...in fact, it is more difficult to meet the scientific requirements of adequate control, quantitative accuracy and appropriate conceptualization at the intersection of the fields of social and applied psychology. As a result, many psychologists who would prefer to deal with problems close to life find it more convenient and more favorable to their professional reputation to publish specialized experimental papers that meet modern standards rather than their personal tastes and aspirations” (Bruner, Allport, 1940, p. 767).

Thus, to say that the study of socio-psychological problems was not at all the sphere of interest of scientists in the pre-war period would, of course, be wrong: as D. Cartwright writes, earlier the field of interest of personologists and social psychologists lay rather in the field of developing theoretical models of certain sections of social relations or in areas where the acquired knowledge was poorly converted into specific ways of solving socio-psychological problems. The main turn of social psychology, accomplished during the Second World War, was the appeal of scientists to the study of real, pressing problems of society; public requests that were on the current agenda (Cartwright, 1948).

Thus, the pre-war edition of *Experimental Social Psychology* (Murphy, Murphy, 1931), which appeared just in 1939, shortly before the outbreak of the war, is a kind of turning point in the interests of social psychology. The totality of the

topics raised by the authors and the research material presented by them allow us to say that the great interest of scientists was focused on the problems of rather narrow groups of the population, in particular, students and schoolchildren (perhaps this is due to the manifestation of the problem that remains relevant for psychology to this day). – problems of proximity and accessibility of the studied sample and related distortions in the results). The problems of studying large social communities, and even more so, studies of entire populations were practically not raised.

The rise of social psychology was dictated primarily by the demands of social practice: wartime conditions influenced the expansion of the interests of psychologists working in other areas: psychophysicists, clinical psychologists, zoopsychologists, and others. Since many of these specialists used in their work the methods of the natural sciences, which are associated with "strictly scientific", they brought them to social psychology. Thus, it became clear that social groups can be studied, among other things, by experimental methods in the laboratory, and the progress taking place at the same time in such areas as testology, psychometrics and professional selection methods (which is also a hallmark of American psychology in wartime , as discussed in the previous section) allowed the use of quantitative methods for studying large social groups, up to the scale of an entire nation.

So, D. Cartwright writes that if the First World War for American psychology was the heyday of psychometrics, the wholesale distribution of various kinds of psychological testing methods, then the Second World War was a "finest hour" for social psychology, and in 1947 it was radically different from what she was like in 1939 (Cartwright, 1948, p. 333). Also important evidence of the rise of this trend in the 1940s. is an article by D. Marquis, published in 1944: recognizing the fact that during the First World War the main contribution of psychological science to the success of military operations was the development and application of tests (in particular, intelligence tests), he notes that in During the Second World War, not only did significant breakthroughs occur in this area (the measurement of intelligence and professional ability became the accepted basis of selection and classification in the armed forces), but there was also an active growth in social

psychology, which found valuable application in the most important areas of warfare (Marquis, 1944).

After the end of World War II, a large work of the team of authors “The American soldier: Combat and its aftermath. (Studies in social psychology in World War II), a review of research conducted by the Research Section of the Information and Education Division of the War Department (Stouffer et al., 1949). The following were identified as the main areas of work in the field of social psychology: behavior in battle, general characteristics of ground combat, motivation of soldiers of ground troops, problems associated with controlling fear in battle, problems of replacing combat personnel, the ratio of ground combat troops to rear echelons and the rear front, the morale of combat flight personnel in the Air Corps, objective factors associated with the morale in air combat, psychoneurotic symptoms in the army, rearmament problems, the system for scoring points for redeployment and dismissal, the consequences of hostilities, etc.

Although Soviet psychology is not the focus of our research, let us turn to the works of our colleagues, which summarize materials on the history of this period in Soviet psychology in order to form a general picture of the changes taking place in the psychological community during this period. Already at the beginning of the war, the main research centers were evacuated, and several new departments of psychology were opened. V.A.Koltsova notes that the period of World War II for Soviet psychology is characterized as a period of “unity of theory, experiment and practice” (Koltsova, 2006): all the resources of the psychological community are mobilized to fight the enemy, and there is also a blurring of boundaries between different areas of psychology and growth tendencies towards interdisciplinarity. Also during this period, there was a colossal increase in research activity: “At the beginning of 1940, there were only two specialized Academic Councils in Moscow that accepted dissertation research in psychology for defense, and one in Leningrad [89, p. 42]. By the end of the war, the situation changed significantly. According to A.D. Dobrova, in 1944 there were already 9 institutes in Moscow that accepted dissertations in psychology for defense. Of the 176 dissertations in pedagogical

sciences defended in 1940-1944. in Moscow, 33 were in psychology (i.e., almost 20%)”(Psychological Science in Russia ..., 1997, pp. 62–63).

Thus, the period of 1930-1940s. became a time of active institutionalization for German and American psychology. In Germany this manifested itself in links with psychology in the armed forces; for the first time, the professional status of a psychologist was fixed in the Wehrmacht, and thanks to this, a system for the qualification of psychologists was later introduced through the introduction of an examination system at the university. in the United States by the end of the 1930s. several formations were created to attract psychologists to the needs of wartime.

3.3. The development of the professional community in Germany and the USA in the 1930s-1940s.

A summary table of the main events in the life of the psychological community before the outbreak of World War II was presented by us at the beginning of the chapter. Table 6 below reflects the main changes in the professional community in Germany and the United States after 1939 until the end of the war (general socially significant events are highlighted in grey).

Table 6 - Major events in the psychological community during the war period (1939-1945)

Year	USA	Germany
1939	<p>August 1939 - a conference organized by the National Research Council (NRC); the result is the creation of the Emergency Committee in Psychology, chaired by K. Dallenbach (1887-1971) from Cornell University;</p> <p>1939 - the Bureau of Agricultural Economics was renamed into the Central Agency for Planning and Research of the Department, the Department of Program Research was created, headed by R. Likert;</p> <p>1939 - Adjutant General's Office (AGO) initiative to recruit psychologists to conduct a psychometric examination (the task is to</p>	<p>November 1939 - Establishment of the German Institute for Psychological Research and Psychotherapy of its own consulting department</p> <p>September 20, 1939 - A. Hitler's order to start the Aktion T4 program, which allows euthanasia (one of the medical experts of the program is psychiatrist M. de Crinis)</p>

Table 6 continuation.

Year	USA	Germany
	<p>create a series of examinations that would help to effectively sort a large number of men entering the service or subject to conscription in the Armed Forces.). Bingham is appointed Chairman of the Committee on the Classification of Military Personnel, resulting in the development of the Army General Classification Test (AGCT).</p> <p>1939 - the involvement of psychologists in the work of the Office of Strategic Services (OSS), (the predecessor of the CIA), the main task is the development of personality tests</p>	
1940		<p>July-October 1940 - "Battle of England" - air battle over the British Isles (great losses for Germany; consequences - weakening of psychological fitness criteria for officers)</p> <p>January 1940 - A. Rosenberg is officially authorized by A. Hitler to create the "NSDAP Higher School" as an elite National Socialist University</p> <p>Late 1940 - establishment of systematic cooperation between the NOP and the NSV (Nationalsozialistische Volkswohlfahrt, NSV - National Socialist People's Welfare Organization)</p>
1941	<p>December 7, 1941 - Japanese attack on Pearl Harbor; US entry into World War II</p> <p>December 8, 1941 - Formation of the National Council of Women Psychologists (NCWP).</p> <p>December 1941 - Establishment of The United States Office of War Information and one of its divisions, the Bureau of Intelligence and the Special Services Division</p>	<p>1941 - introduction to the NSV (Youth Aid) of a consulting form of work (it is psychologists who become consultants, not doctors and psychiatrists). Practical tasks of counseling were to place children in orphanages or foster parents, appoint guardians or advise on guardianship issues.</p> <p>March 1941 - Opening of the Institute for the Study of the Jewish Question in Frankfurt am Main as the first branch of the new university project</p> <p>May 1941 - entry into force of the new rules of prof. military selection: officer candidates from the reserve could be accepted for service if they proved</p>

Table 6 continuation.

Year	USA	Germany
1941		<p>themselves in places and otherwise were generally suitable; non-commissioned officers or candidates of other ranks could be recommended directly as officers after confirming their exceptional merits at the front</p> <p>June 22, 1941 - Wehrmacht attack on the Soviet Union</p> <p>September 3, 1941 - issuance of a new order to accelerate special measures to promote soldiers to officer ranks</p>
1942	Federal Government Appeals to the Veterans Administration (VA) and the United States Public Health Service (USPHS) to Increase the Staff of Mental Health Professionals	<p>March 11, 1942 - Decree prescribing the selection procedure among Polish children (in addition to Germany, a branch of the NSV organization carried out work in occupied Poland. In addition to their usual functions, employees were engaged in the resettlement of Polish children with German roots in Germany, as well as their "Germanization". In addition to determining the child's race, his psychological diagnosis was also carried out);</p> <p>March 19, 1942 - The Army High Command stated that "great demand for recruit officers requires strict measures for the registration, uniform training and supervision of all soldiers of the army and reserve in question for the war and active promotion"; merit in the face of the enemy was cited as a prerequisite for selecting recruits, but not qualifications at the Abitur school or psychological tests</p> <p>April 15, 1942 - order of the head of the Luftwaffe Training Department stop testing flight personnel for aptitude</p> <p>May 22, 1942 - Order of the High Command to dissolve the Personnel Testing Inspectorate from July 1</p> <p>July 15, 1942 - decree abolishing psychological testing for officer candidates in the navy</p>

Table 6 continuation.

Year	USA	Germany
1942		<p data-bbox="922 259 1471 365">July 1942 - the introduction for all commands of specialists in military-ideological leadership</p> <p data-bbox="922 409 1471 584">November 1942 - the National Socialist League of Lecturers (NSD) held the first Psychology Seminar (the League was accountable to the departments of A. Rosenberg)</p> <p data-bbox="922 629 1471 685">December 1942 - Creation of the National Socialist Office of Officers</p>
1943	<p data-bbox="331 701 900 987">The beginning of 1943 - the creation in Washington, in addition to the intelligence group, of the Bureau of Research and Analysis (Bureau of Research and Analysis), headed by Y. Katz, which later transformed into the Bureau of Foreign Intelligence (Bureau of Overseas Intelligence);</p> <p data-bbox="331 1032 900 1137">March 3, 1943 - Establishment of the Morale Operations Division of the Office of Strategic Services</p>	<p data-bbox="922 701 1471 806">March 31, 1943 - completion of the dissolution of all psychological formations under the Wehrmacht</p> <p data-bbox="922 851 1471 987">March 22, 1943 - Decree of the Ministry of Education supplementing the DPO allowing further examination in a special field after graduation.</p> <p data-bbox="922 1032 1471 1137">1943 - NSV plans to establish its own institute to provide scientific training to its staff</p> <p data-bbox="922 1137 1471 1323">Establishment of an educational advisory center for NSV in Kassel on the basis of the Marburg Institute; The Leipzig Institute conducted consulting courses for the NSV and helped to recruit expert staff</p> <p data-bbox="922 1357 1471 1462">October 1943 - a meeting on the application of psychology in wartime in Weimar.</p>
1944	<p data-bbox="331 1473 900 1933">1944 - creation (with the involvement of employees of the Office of Military Information and the Office of Strategic Services) of the Psychological War Division of the Supreme Headquarters, Allied Expeditionary Forces - a joint Anglo-American organization tasked with conducting tactical psychological warfare against German forces and the newly liberated countries of Northwest Europe during and after the Normandy Landings in 1944. It was led by US General Robert A. McClure</p>	<p data-bbox="922 1473 1471 1648">In April 1944 - a proposal to the Ministry from an GSP project to establish additional education for a "psychological expert in handwriting", the proposal was rejected</p>
1945	<p data-bbox="331 1955 900 2022">Founding of The Journal of Clinical Psychology.</p>	<p data-bbox="922 1955 1471 2051">April 1, 1945 - termination of psychological selection naval officer candidates</p>

Table 6 continuation.

Year	USA	Germany
1945		September 20, 1945 - Law No. 1 of the Allied Control Council to repeal Nazi legislation

3.3.1. The German psychological community after the rise to power of the National Socialist Party

1930s period for Germany it is marked, first of all, by the victory of the National Socialist Workers' Party and the coming to power of A. Hitler. As is known, A. Hitler's policy was based on intentions for a fundamental reorganization of German society, which could not but affect the radical restructuring of public institutions, including scientific policy and educational institutions. Thus, the stage of the 1930s. in the fate of psychological science, it is associated primarily with radical political transformations, which had a direct impact both on institutional rearrangements and on the whole fate of individual scientists.

In modern literature, there is an opinion that after the establishment of the National Socialist regime in Germany, the only strategy for the survival of psychological science was its “ideologization”: as some modern historians write, “the intellectual and moral foundation of German psychology was undermined and disabled by the cruel ideology of the regime under connivance of influential leaders of German psychology” (Mandler, 2002, p. 190). At the same time, however, many facts, in particular, such as the introduction of an examination system for psychologists (for the first time since the existence of the discipline in Germany) allow us to speak about the active professionalization of psychology under the Hitler regime (we considered this issue in more detail in the previous paragraph), and more A detailed study of the strategies of interaction between different psychologists and entire scientific areas with the authorities indicates that the conceptual similarity of the developments and ideas of scientists to the ideology of National Socialism was by no means the most important factor for their prosperity under Hitler's rule.

Indeed, the question of the mutual coexistence of psychology and the new government seems extremely complex. Changes in the personnel of the German Psychological Society indicate that the most significant positions have indeed passed to members of the psychological academic community loyal to the new government. Many institutions were forced to undergo a process of serious transformation: for example, in October 1933, the Experimental Institute of Pedagogy and Psychology was closed in Leipzig and the Pedagogical-Psychological Institute was founded instead, and the German Teachers Association was transformed into the National Socialist Association in the same year teachers (Der Nationalsozialistische Lehrerbund) (1933).

The first years of A. Hitler's power were marked by upheavals for the psychological community: for example, the 13th Congress of the German Society for Psychology, which was scheduled for April 1933 and was to be held in Dresden (in the same year A. Hitler comes to power) was postponed to October and took place in Leipzig on October 16-19. It is important to note that April was the traditional month of the biennial Congress (Klemm, 1934).

The postponement of the Congress was facilitated by large-scale changes in the executive board of the society. So, in 1929, at its meeting in Vienna, the board included seven members: K. Buhler, U. Stern, H. Volkelt, N. Asch, D. Katz, J. Lindvorski and W. Poppelreuther. Volkelt and Lindvorsky left the board for unknown reasons, and in 1931 the board consisted of the remaining five members and F. Krüger, who joined them after the departure of the two scientists mentioned, and already in 1933 five new members joined the board (O. Klemm, J. Handrik, E. Jensch, O. Kro and J. B. Riffert), each of whom expressed his loyalty to the ideas and leadership of the National Socialist Party already at the beginning of 1933 - W. Poppelreuther, B. Riffert and H. Volkelt even appeared at the congress in the uniform of the Stormtroopers - a brown shirt ("Sturmabteilung", known as the "brownshirts" - the paramilitary formations of the National Socialist German Workers' Party). Around the same time, on April 7, 1933, the Law for the Restoration of the Professional Civil Service ("Das Gesetz zur Wiederherstellung des

Berufsbeamtentums”) came into force, which, among other things, served the purpose of removing Jews, people of Jewish origin and “politically undesirable” persons from the public services. K. Koffka resolutely opposed any idea of exclusion of any of the Jewish members of society. The congress was postponed and moved from Dresden to Leipzig under the chairmanship of F. Krüger after K. Koffka was eventually forced to leave the board, as were K. Bühler, W. Stern and D. Katz (who were all Jews). It is not known whether this happened voluntarily or as a result of pressure, but after these rearrangements, the fate of the German Psychological Society changed greatly.

Thus, the composition of the board of the German Psychological Society was quite specific. G. Mandler analyzes in detail its new members, as well as the psychological congress that has become a turning point in his work: for example, he writes that J. Hendrick was not an academician or researcher at all. In fact, he held a senior administrative position in the Ministry of Labor in Berlin, and in 1931 he was director of the Employment Office ("Berufsamt") in Dresden (Mandler, 2002). In 1933 he became head of the Society for Applied Psychology and appears to have been the first government official to become a member of the executive board of the German Society for Psychology.

G. Mandler sees a direct connection between the appointment of some of these people to the board and their political views, and generally writes about the unprecedented politicization of the 13th Congress of the German Psychological Society. Thus, the theme of the 1933 Congress was changed from the psychology of the unconscious to "the central questions of modern German experience." As O. Klemm testifies, after the opening speech of the Minister of Education of the State of Saxony, in which the new Germany and the “great psychologist Adolf Hitler” were mentioned (Klemm, 1934, p. 5), F. Krüger delivered a speech in which he expressed deep gratitude to the new leaders of the nation, and called Adolf Hitler "a far-sighted, courageous and deeply sensitive chancellor" (Klemm, 1934, p. 36). This was followed by reports by L.F. Klaus (about the German soul and the “Aryan” type), E. Jaensch about racial purity, F. Lersch about different types of people, etc.

The speeches of the board members in one form or another included a part in which they paid tribute to the new social order. In particular, E. Jaensch spoke about the fact that the new German movement should be dedicated to the “healing” and further enrichment of German culture and that the eradication of the so-called “countertype” (“Gegentypus”), that is, the type opposite to the pure Aryan type (primarily the turn here meant people of mixed race), will solve the problem of healing Germany and the world (Klemm, 1934, p. 58). W. Poppelreuther, who was a member of the National Socialist Party even before 1933, began his speech with the fact that psychology should serve the new state, and then told how already in 1931-1932 he taught political psychology on the basis of *Mein Kampf* (Klemm, 1934, pp. 59-60). Riffert ended his speech with a call for professionals in the field of German psychology to actively participate in the development of a "new German psychology".

New directions of German psychology were also an important topic of the reports: for example, F. Kruger and other psychologists noted in their speeches that holistic psychology (“Ganzheitspsychologie”) embodies “the goals of the new ideology”. Although this direction has common roots with Gestalt psychology, to a greater extent it goes back more to characterology and the psychotechnics already mentioned above (after its “holistic turn”). In the context of the new ideology, the approach of holistic psychology was used to emphasize the unity of the experience of the individual and the community; in holistic psychology, "the individual is seen as part of a larger unity (Ganzheit) - the nation and social structures" (Mandler, 2002, p. 192).

An important evidence of changes in the psychological community is the article by G. Watson: in it he described the transformations of German psychology that were outlined in the first years after A. Hitler came to power. G. Watson based his conclusions on this issue, first of all, on his personal impressions of a personal visit to the Thirteenth Congress of the German Psychological Association, which took place in Leipzig in October 1933. This was the first major psychological event after the Nazi revolution; in general, the Congress had a long tradition and was the

most important event among psychologists: about 600 participants attended the meetings of the Congress.

The first clear change noted by G. Watson was the absence of some of the most prominent leaders of German psychological thought: M. Wertheimer (1880-1943), W. Stern (1871-1938), D. Katz (1884-1953), K. Koffka (1886-1941), A. Kronfeld (1886-1941), K. Levin and many others. It is known that the political persecution of the Jews also affected the leading scientists, and since many of the chairmen of the Association could not continue, and, due to their forced departure, they were replaced by lesser known scientists of the "correct" origin. Describing the situation at the Congress, G. Watson also could not resist making value judgments: he was unpleasantly struck by the "politicization" of psychology. As an illustration, he cited well-known episodes of the speeches of the Presidents of the Congress (we describe them in more detail in Section 3.3): F. Kruger's opening presidential speech, where he expressed his hope for building a "new German idealism", Poppel-Reiter's story about how he taught political psychology on the example of "Mein Kampf" by A. Hitler, a report by E. Jaensch, in which he made changes to the typology he developed earlier to show that the enemies (Jews and Parisians) were S-type: destructive, disintegrative, so easily accommodating that they lacked all of the inner character structure. Separately, G. Watson noted how unpleasant it was for him to learn about E. Jaensch's recent attacks on V. Koehler because of the latter's international relations. At the end of the article, G. Watson briefly described the less well-known and more neutral speeches of individual psychologists that might be of interest to the American reader. As a result of his research, G. Watson expressed the following position: despite the aggravation of the political situation and alarming trends regarding the fate of individual scientists, the 8 main trends that he identified that characterized German psychology before the National Socialist takeover will generally remain and will develop after coming to power of A. Hitler. German psychology is still more "qualitative, more subjective, more concerned with integrity, more insistent on understanding the particular case, more inclined to pursue typological and characterological studies, more interested in achieving

understanding, more concerned with schools and systems" (Watson, 1934, p. 771) - concludes G. Watson. "While individuals and groups come and go, the 'objective world' remains relatively unchanged" - this expression very accurately characterizes Watson's position regarding the prospects of German psychology. "While many brilliant psychologists left voluntarily or were forced to leave, this cultural tradition is likely to continue for many years to come" (Ibid.).

The question of the connection between scientists and power is the subject of discussion among historians of German psychology to this day. This problem originates in the changes taking place in the professional community already in the early 1930s, which we have described above. However, loyalty to the authorities could be dictated not only by the personal interests and political sympathies of scientists; probably, many of the psychologists timely grasped the need for a new state in connection with various social institutions, not least with science and, as a result, with the prospects that could open up in connection with psychological science.

According to some historians, the introduction of the Examination Regulations, as well as the huge demand for psychologists from the Wehrmacht, was unanimously welcomed by the university environment (Geuter, 1984). This was natural, since psychology at universities gained recognition precisely due to the introduction of psychological developments, primarily the system of professional selection in the Wehrmacht, not to mention the actual leveling of the problem of employment of psychologists after graduation. A positive attitude towards the current government thus prevailed even among those psychology professors who were far from practice and mainly dealt with theoretical issues. Not surprisingly, this led to an almost enthusiastic mood and approval of the actions of the current government in the midst of the war in the circles of university professors and, in general, people interested in the professionalization of psychology. Thus, in the winter of 1941, O. Kroh stated in a circular from the chairman of the German Society for Psychology that "the prerequisites for development are now closed and recognized psychological professions have been created" and that he confidently

expects “a significant strengthening of the scientific front of our subject in the future” (Kroh, 1941); he also reported an increase in the number of new members of the society. Moreover, even before the start of the Second World War, during the years of active preparation for it and the beginning of the strengthening of ties between the army and professional psychologists, the rector of the University of Leipzig, president of the German Society for Psychology F.Krüger (who was one of those who in 1933 signed the Professors' Declaration of Support for Adolf Hitler and the National Socialist State) said at the opening of the Congress of the German Society for Psychology in 1936: "The fact that the Wehrmacht opened a new career for psychologists , is very valuable,” and called the period under discussion a time “with better opportunities for advancement than ever before” (Klemm, 1937, p. 16)

Since the majority of university psychologists during the war, in addition to their work at the university, worked in psychological laboratories under the Wehrmacht, almost all of them were engaged in applied tasks, which was assessed as an unconditionally positive experience not only in retrospect, but even then: in 1941, O. Kroh wrote that "even the most hardened theorist will no longer want to do without the charm of the practical application of psychological developments experienced during the war" (Kroh, 1941).

3.3.2. The structure and dynamics of the development of the American professional community of psychologists

In the United States, the development of psychology in the pre-war period took place in a situation of large-scale urgent problems in society - the consequences of the Great Depression, which the government in the person of the F. Roosevelt administration fought, affected almost all spheres of life in American society. Aggravation of the problem of unemployment, social inequality, poverty, social insecurity, etc. led to a reorientation of the course of F.Roosevelt from economic reforms towards social policy (in particular, the “Wagner Law” (the law on guarantees in the labor relations system) was adopted); a legal framework was being

prepared for creating an effective system of trade unions and other mechanisms that contributed to the creation of social guarantees for workers.

At the same time, by the end of the 1920s. contradictions began to brew in psychology caused by large resource injections: they turned into a kind of crisis, manifested, firstly, in the lack of autonomy of universities and their dependence on their benefactors, and, secondly, in the oversaturation of the market with personnel and growing doubts about their usefulness and as their knowledge (in 1917, the American Psychological Association had 336 members, and by 1930 their number had increased to 1,100 (Camfield, 1992; Greenwood, 2009)). American psychology approached the “Great Break” of 1929 in a state of gradually declining authority both as a science and as a practice. Naturally, the onset of the global economic crisis exacerbated this situation: applied psychology was criticized for its inability to meet the demands of its time. Here is how American authors write about it: “<...> the public has clearly lost interest in applied psychology. Grace Adams, a student of Titchener, was one of the critics. In her article *The Decline of Psychology in America*, published in a popular journal, Adams argued that psychology had "given up its scientific roots in order that individual psychologists might find popularity and prosperity" (Benjamin , 1986., p. 944 - cited in: Schultz, Schultz, 2002). According to D.P. Schultz and S.E. Schultz, this state of affairs continued until 1941, when the United States entered World War II (Ibid.).

At the same time in the 1930sin American psychology are marked by a methodological crisis: as a description of the state in which American psychology approached the beginning of World War II, one can cite the words of G. Allport, who at that time characterized it as “empirical, mechanistic, nomothetic, analytical and operational” (Allport , 1940). So, basically, the crisis was caused by the realization of the inability of the behavioral approach, which dominated American psychology for most of the 20th century, to claim the status of an explanatory model for all psychological phenomena. In the 1930s, these ideas began to sound in articles published in the *Journal of Educational Psychology*, which earlier in its policy generally adhered to the concept of E.L. Thorndike. So, in 1932 D.E. Phillips

published a critical article in which he called for greater "tolerance" in educational psychology: in his opinion, the prejudice that only mathematically obtained knowledge gives rise to true science should have been done away with long ago. He concluded his caution against "an excessive worship of mathematical scientific precision" with the thesis that "that we must consider life and knowledge in their totality, and not in separate parts" (Philips, 1932, p. 307).

In 1936, an article by P.F. Valentine "There is no Educational Psychology", where he, in a rather ironic manner, actually stated the decline of "learning theory" (the article was published in the same *Journal of Educational Psychology*, which was once the main mouthpiece for supporters of the views of orthodox learning theory). The article described how the design of the "S-R" theory, once admired by the scientific community (and the author himself), gradually collapsed: Valentine recalls that when he, as a young teacher, became acquainted with the tools and tests developed by representatives of this promising school, "... the confusion of my dilettante mind turned, as if by magic, into an orderly, practical system. My enthusiasm for the new enlightenment was matched only by my surprise at its architectural simplicity. I soon figured everything out. "It works," I exclaimed pragmatically. "Therefore, it's true!" (Valentine, 1936, p. 710). And further, describing his disappointment with the theory, the scientist stated: "The psychologist in education is no longer the *deus ex machina* that he used to be ... This lofty, as it seemed, role has disappeared along with our S-R entities ... The psychologist will have to be content with the modest role of an experimenter, collecting and summarizing disparate facts and conclusions. But, alas, a convenient design, unmistakable scores, are smashed to smithereens. The all inclusive design is no more. Everything is going wrong. There is no educational psychology!" (Ibid., p. 712).

However, as V. Sexton already retrospectively assesses, the advantages of this situation were that, under the influence of behaviorism, American psychology formed a strong tradition of experimental laboratory research between the First and Second World Wars. This gave psychology a solid foundation as a science, and after

World War II also made valuable contributions to programmed learning, behavior modification, clinical psychology, and more. (Sexton, 1977).

By the mid-1930s, considerable controversy arose among psychologists over the inability of the American Psychological Association (APA), which was virtually the only professional community at that time, to keep pace with changes in psychology and the world of which it was a part. An important milestone for the psychological community was the annual meeting of the APA in 1936: one part of this meeting was devoted to a discussion of the role of psychology in solving social problems, which resulted in the founding of the Society for the Psychological Study of Social Issues the following year. , hereinafter - SPSSI). The SPSSI had two main goals: to encourage research into those psychological problems that are most relevant to contemporary social, economic, and political policy, and to help the public and its members understand and use the results of scientific research on human behavior in the formation of social policy. At various times, the leaders of the organization were K. Levin, G. Allport, J. Bruner and other well-known psychologists. On the other hand, the creation of an organization with such specifics, if it does not mean that the professional community is aware of its social role, then at least indicates that the issue of the need for the participation of scientists as part of society in the demands of social practice has become more relevant.

The growth of the authority of psychology was also facilitated by large-scale research, the results of which, in the context of current social changes, looked revolutionary. As we have already mentioned, the socio-economic climate during the Great Depression damaged the reputation of psychologists: The New York Times and other influential publications criticized them for exaggerating their ability to cure corporate diseases, emphasizing that poorly designed employee selection tests led to the hiring of unproductive workers (Schultz, Schultz, 2015). One example of such research is the project known as the Hawthorne Experiment, which ran from 1927 to 1932 under the direction of Elton Mayo. His results emphasized the importance of the psychological climate in the work environment and the role of attitudes towards employees, which affected their productivity more than improving

the physical working conditions (Mayo, 1933). Another important study belongs to K. Lewin. This German applied psychologist emigrated to the United States in 1933 and served as director of the Employment Stabilization Research Institute in Minnesota. His main contribution was the study of group dynamics, job satisfaction and leadership effectiveness (Lewin, 1948).

Some authors note that, unlike the situation in Germany, where the objective socio-political conditions developed in such a way that the state was interested in attracting psychologists to the problems of the military sphere, between the First and Second World Wars, American psychologists were almost not involved in a similar field. in their own country (Melton, 1957; Driskell and Olmstead, 1989). One of the most likely reasons, of course, comes down to the lack of need and request from the other side - the military themselves were almost not interested in getting the help of psychologists. As A. Melton writes, for the entire interwar period "... the exceptions were the development of a new and improved test of the general classification of the army by the adjutant general of the army and some research on psychomotor screening tests for aircraft pilots, which were conducted under the auspices of the chief surgeon of the army air corps. Then, as the clouds of World War II hung over the horizon, psychologists were quickly recruited in large numbers to carry out a wide variety of research and technical applications in the interests of military operations" (Melton, 1957, p. 741). Moreover, in the American Psychological Association, the department of military psychology (which did not overlap with the "industrial" or other field of psychology, but was autonomous) was created only in 1944.

In this regard, it is of interest to develop initiatives in areas that could intersect with military psychology. If in Germany the development of military psychology went back to psychotechnics (and after its crisis it went in close connection with professional selection and characterology), then in the USA the roots of the development of military psychology remain insufficiently clear due to the lack of a consistent policy regarding the structure of psychological personnel in military formations. Next, we will consider the transformations taking place in the

community of psychologists in the field closest to military psychology - in the field of applied psychology.

An important event was the founding of the American Association for Applied Psychology. At the congress we have already mentioned above, at which a decision was made to create a Society for the Psychological Study of Social Problems, one of the groups of psychologists initiated discussions on the creation of a new national organization to promote the interests of practice-oriented psychologists. D. Fryer was appointed to carry out this task (National Committee ..., 1937). During the year, he developed the charter for the new organization, which was named the American Association for Applied Psychology (hereinafter - AAAP). The AAAP constitution was approved at a meeting held in conjunction with the 1937 APA meeting in Minneapolis, Minnesota, and plans were made for the first independent AAAP meeting in 1938. The constitution fixed the division of the association into 4 sections: clinical, consulting, educational and industrial-organizational.

The most interesting in the context of our topic is the work of the department of industrial and organizational psychology of the AAAP (which was called the department "D") under the direction of G. Burt. He described the criteria for entry into the community: it allowed psychologists "... who are actively involved in the application of psychology in business, industry, public service or related fields ... who have a doctorate in psychology or an equivalent degree from an accredited university and who, in addition have had at least two years of experience in the application of psychology to business, industry, ... under their own direction, or who have been responsible for highly significant research contributions of immediate value in the application of psychology to business, [and] industry." (Constitution of Section D..., 1939, pp. 1-2)

Section D, however, has always been the smallest: at its peak (in 1945) it had about 80 members, compared to 410 in the clinical psychology section, 225 in education, and 180 in the counseling psychology section. Appendix D lists the 52 members of Section D in 1939, the earliest list of members available.

The objectives of Section D, as defined in its bylaws, illustrate its connection not only to the profession of industrial psychology, but also to the research base of that profession. The Section was founded to “(a) promote high standards of practice in the application of psychology to business, industry, public service and allied professional fields; (b) encourage research and publication in these areas; (c) to promote the exchange of information and experience among its members; (d) to promote the development of new professional opportunities; and (e) to make a general contribution to the development of applied psychology.” (American Association for Applied Psychology ..., 1940, p. 1)

To promote the development of professional opportunities for psychologists in industry and business, the section identified eight problem areas in which people were "willing to provide professional services" (Reports of the AAAP, 1938, p. 80). They summarize areas such as job analysis, recruitment, and organizational design, but it's more interesting (and constructive) to look at the eight problem areas articulated almost 60 years ago by Burt and his committee. Most, if not all, of these areas are part of modern industrial-organizational psychology. It appears from the Committee's report that the main areas of interest were as follows:

1. Studying the requirements for professions
2. Development and use of tests and other scientific methods in the scientific placement of workers
3. Formulate the best practices for the use of human resources in the workplace
4. Organization and systematization of training programs to ensure the most complete development of individual abilities
5. Determination of optimal working conditions
6. Analysis of the characteristics of an industrial organization to determine the types best suited to serve both the economic and social, and broadly human, goals of an industrial organization

7. The study and control of the motivating forces of both employees and management that affect production and harmonious relations in a production situation

8. Analysis of human factors affecting the demand and sale of goods through the application of market research methods

Areas in which members of the Industrial and Organizational Psychology Section were willing to provide professional services are presented on the basis of data from a 1936 report (Report of the Committee on Psychology in Industry ..., 1936).

Section D's most notable achievement was the creation of an annual industrial psychology conference prepared for each of the AAAP meetings. One of the features of the first few AAAP meetings was a series of public lectures given in the evenings, designed to attract potential clients of applied psychologists. Over the years, the Section D program has featured such topics as advertising, employment tests, public opinion, professional selection, sales performance, and employee personalities (Program of the fifth annual professional conference, 1941, etc.).

After the United States became directly involved in World War II, the scale of the program was significantly reduced. The U.S. Department of Defense Department of Transportation asked associations to restrict members' travel to meetings, which affected the attendance of some AAAP members. However, many of those who did not attend the wartime meetings were involved in war work. Only one of the meetings (in 1942) was cancelled.

Through the experience of World War I, American psychology was well prepared for the role that psychologists could play in World War II. Both the APA and the AAFP formed committees in 1939 under a "national emergency", and by the following year, extensive plans were made to mobilize psychologists (Capshew and Hilgard, 1992). Not surprisingly, industrial psychologists, both in academia and in practice, have found their services sorely needed in the war effort. As we wrote in the section on the institutionalization of US psychology, the success of the

development of psychologists during the war turned out to be the most important driving force behind the growth of applied psychology after the war.

In 1941, when the AAFP was just beginning to develop as an autonomous national organization independent of the APAA, a request came from the National Research Council calling on the APAA, AAFP, SPSSI, and other psychological groups to organize for the benefit of the national welfare. The result of this request was the formation of an interorganizational committee chaired by R. Yerkes, which first met in June 1942 in Vineland, New Jersey. Two years later, various groups agreed on a charter for the newly organized APA, which would consist of several divisions, each of which would operate with great autonomy. Various parties, mainly the original APA and AAFP, adopted new statutes in 1945; as a result, the AAPP disappeared as a separate organization and was resurrected in 5 of the 18 statutory divisions of the new APA. One of them was the Department of Industrial and Organizational Psychology (Department 14).

In general, historians regard the period of World War II as an important turning point in the history of the American Psychological Association. The APA, which before the war had functioned more as a formal organization whose function was limited to publishing a few scientific journals and holding an annual meeting, became an activist association with a large central office that represented and served the professional interests of the profession through a series of far-reaching internal reforms (Capshe, Hilgard, 1992). Psychology flourished after the end of World War II, with the largest growth in membership occurring between 1945 and 1970. Several factors contributed to this growth:

Many returning military personnel saw a great need for improved psychological services firsthand during the war. Particular interest was shown in the areas of clinical and applied psychology.

The GI bill, the new Veterans Affairs Administration clinical psychology curriculum, and the creation of the National Institute of Mental Health contributed to increasing interest in psychology.

The rapid and incredible growth of the APA's membership reflected these trends: according to the APA's website, membership increased by 630% from 1945 to 1970 (from 4,183 to 30,839). (<https://www.apa.org/about/apa/archives/apa-history>).

Mainly as a result of World War II, psychology solidified its status in academic and clinical practice. However, the question of the fate of applied psychologists in American military practice remains debatable. In particular, of interest is a survey conducted in the autumn of 1945 by the Office of Psychological Personnel (Britt, 1946). Its representatives mailed out a total of 1,710 questionnaires with a cover letter explaining the purpose of the study and stating that the requested factual information should be based on the person's status as of July 1, 1945. Of the 1,710 people included in the circular, 1,398 were registered with the Office of Psychological Personnel (including 140 men from the Army Specialized Training Program group who expressed an interest in continuing in psychology after the war); 134 were psychological workers who were sent a copy of the questionnaire at the request of someone who had already received it; and 178 were additional individuals whose names were obtained from the National Register of Scientific and Specialized Associates. As a result, a total of 968 completed questionnaires were received.

If we take into account the total length of service, then as of July 1, 1945, 4% spent at least one year in the service, 19% - at least two years, 52% - at least three years, and 25% - more than three years. At the time of the survey, 29 people served in the army, and 6 in the navy, who had been in military service for more than four years.

When obtaining data for this table, respondents were asked to indicate the functions they performed in their psychological work before and during the war (table 7), as well as the main field of activity in which they had the most experience (also before and during military service) (table 8). Tables 7 and 8 present this information based on the data of the authors in connection with the field of specialization with the type of service and the status of an officer or private.

Table 7 - Professional functions of psychologists before and during military service (with a division of officers and other employees), in percent (based on: Britt, 1946)

Core professional features	Total during military service	Total until military service	During military service					
			Sphere			Status		
			Army	Navy	Other	Officer	Other	
Administration or management of psychological services (including oversight of research programs)	15.4	5.6	16.4	13.2	13.2	19.5	4.8	
Counseling and other private practice	2.4	2.2	3.0	1.2	1.3	1.9	3.9	
Design, construction and operation of apparatus and special equipment (including research of the device and its use)	1.9	2.2	1.4	3.5	1.3	1.9	1.9	
Individual work with patients, diagnostics and counseling (including interview, individual testing and interpretation)	25.3	28.1	27.8	18.7	22.4	24.6	27.2	
Marketing research, opinion polls and audience research (including collection and data analysis)	0.4	2.0	0.4	0.4		0.4	0.4	
Teaching special training and re-education	2.4	2.5	2.7	1.4	5.3	2.4	2.4	
Education	4.0	21.3	3.1	6.8	3.9	4.4	3.0	
Technical editing and writing	3.3	0.8	3.4	2.7	3.9	3.0	3.9	
Test construction (including collection and data analysis)	5.5	6.8	5.2	6.6	3.9	5.0	6.7	
Studies (not elsewhere classified)	7.3	12.0	7.0	8.0	6.6	6.3	9.9	
Any other function not classified above	13.2	4.4	13.3	14.0	7.9	12.8	14.6	
No answer	13.4	5.5	11.4	17.1	22.4	12.1	16.4	
Total	968	968	983	243	38	698	268	

Table 8 - The ratio of the field of specialization of psychologists before and during military service (with a division of officers and other employees), in percent (based on: Britt, 1946)

Area of specialization	Until military service	During military service					
		Military area			Status		Total during military service
		Army	Navy	Other	Officers	Other status	
Psychology of deviations	9.7	12.5	7.8	13.2	12.5	9.0	11.4
Developmental psychology, childhood psychology	4.5	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
Clinical psychology, counseling	27.5	29.4	20.9	30.3	27.6	26.5	27.3
Education	12.3	5.1	8.9	6.6	6.4	5.0	6.0
Laboratory studies (including perception studies)	7.1	1.1	4.3	0.0	2.2	0.9	1.9
Psychology of personality and organizational psychology	10.6	15.1	14.4	15.8	15.5	13.4	14.9
Physiology	3.2	0.9	2.7	2.6	1.4	1.3	1.4
Social Psychology	5.9	1.5	0.6	1.3	0.8	2.4	1.2
Statistics and Test Design	9.0	9.8	9.5	5.3	9.4	9.7	9.5
No area of specialization	3.7	6.0	8.9	2.6	6.1	7.8	6.6
Other	3.3	8.6	7.0	5.3	7.9	8.4	8.0
No answer	3.2	10.1	15.0	17.1	19.1	15.5	11.7
Total	968	683	243	38	698	268	968

Thus, we can say that the professional composition of psychologists in military structures was quite diverse; at the same time, the largest number of psychologists was naturally involved in clinical psychology and counseling (this is true regardless of the type of service, officer or enlisted status). At the same time, test design ranks 5th in terms of prevalence.

The influence of Section D of the AAAP on the new 14th Division of the AAAP was significant, which is not surprising given that the membership of the two organizations was almost the same. The statement of department goals was removed directly from the section D charter, the membership requirements were essentially the same, and section leadership became department leadership (Benjamin, 1997).

Given the significant track record of US psychologists in World War II, it cannot be denied that the mobilization of applied psychologists was largely due to the successful organization that the AAPP had established by 1939. In the case of industrial psychology, the organizational effect cannot be overestimated. Concerning the rapid growth of industrial psychology after World War II, historian Donald Napoli notes the following: “The military gave psychologists a chance to prove the effectiveness of selection, classification, and aptitude testing, and psychologists have successfully coped with this task. Civilian employers also offered new opportunities, largely due to labor shortages caused by wartime mobilization. Business managers, suffering from high rates of absenteeism and employee turnover, have shown unprecedented interest in hiring the right employee and keeping them satisfied with the job. Management turned to psychologists and other behavioral specialists for help, and the number of psychological tests increased rapidly. Surveys showed that in 1939 only 1-4 percent of businesses used such tests; in 1947 this proportion increased to 50 percent, and in 1952 to 75 percent” (Napoli, 1981, p. 138).

From an institutional point of view, the use of psychology in the military has certainly strengthened the position of psychology in universities. Raising the professional level of psychology through the participation of psychologists in solving the problems of the army is a phenomenon characteristic of the psychology of all countries. In the United States, psychology has established itself through test development during the First World War, as well as the development of these methods in the study of public opinion during the Second World War. The American psychologist F. Samelson even writes (Samelson, 1979) that the use of psychology in the United States during World War I was more useful for the professional development of American psychology than for military effectiveness. This points to a general problem in the relationship between psychology and the army: a study of the history of this relationship in Germany gives the impression that psychologists were much more eager to work in the armed forces than vice versa; the psychologists needed the army more than the armies needed the psychologists. From this follows

another important question that we raised earlier - the question of the strategies of legitimization by psychologists of their profession under the National Socialist regime. The question of what the "National Socialist worldview" is in general and whether this ideology can be stated as a set of theses remains debatable. In particular, the German historian, specialist in the period of National Socialism E. Eckel believes that if not in National Socialism itself, then at least in the works and statements of Hitler one can see a completely coherent, consistent worldview, which he consistently implemented in his politics (Jäckel, 1981). As the two main pillars of this worldview, he names the need to conquer space and eliminate the Jews; Also, as an important aspect of his worldview, the author names the image of history in which people and races, as well as biological species were considered as carriers of historical progress, the social Darwinist view of the aristocratic basic idea of nature - the victory of the strong over the weak. Among the more varied aspects are the upholding of the values of nationalism (the value of the German people), the principle of leadership (the value of the individual) and heroism (the self-preservation of the people).

Despite the fact that the ideas of totalitarianism and fascism as a whole boiled down to the creation of a single society in which every element from the individual to social institutions would serve for his good, the attitude of members of the National Socialist Party towards the field of science is also a matter of controversy. In particular, according to one of the ideologists of the National Socialist Party A. Rosenberg, exact science and worldview, ideology not only did not conflict, but were necessary to each other. This point of view was also implemented in the policy of the German government, for example, when the office of A. Rosenberg, responsible for the ideological training and education of the NSDAP in 1942, appointed the psychologist W. Metzger to Münster with the requirement "... that he submit a pure experimental work" (Geuter, 1984a, p. 362). With regard to racial psychological research, there is evidence that during the war the government was not so much interested in projects to develop racial psychological typologies and systems, but in empirical research comparing the performance of Poles, German

Poles and Germans in occupied Poland (Ibid.). However, there is no further evidence that the party was purposefully interested in experimental research or in research that would serve as a basis for reinforcing racial theories so that it took shape in the form of a "social order" - no. Apparently, there was no consensus among party members as to which area of psychology or which direction should be developed. This applies not only to psychology, but also to other areas of science and is indirectly confirmed by the fact that, according to the facts known today, cases of dismissal of scientific employees most often fell under racial motives rather than ideological ones; researchers were not fired because of the ideas contained in their concepts (Geschichte der deutschen Psychologie im 20..., 1985).

Thus, the following thesis will be an important conclusion from the history of the interaction between psychology and power: the National Socialist system was interested not so much in ideologically correct science as (even above all) in practically effective, useful science. The turn of science in the interests of the National Socialist state, therefore, did not have to take the form of ideological adaptation; rather, it was to actively develop various practically applicable technologies and developments as much as possible.

It can be concluded that the fields of science involved, for example, in the improvement of various types of weapons or the study of methods for the professional selection of soldiers, had no need to "legitimize" themselves by demonstrating their agreement with Nazi ideology. Indicative in this regard is the example of competing concepts of physicists: for example, professional physicists, whose developments turned out to be more applicable to the needs of the authorities, were able to achieve greater recognition, in contrast to a group of physicists who, in the early years of the Nazi regime, loudly announced the creation of a "German physics" project. (Beyerchen, 1977; Mehrtens and Richter, 1980;). Thus, it was the practical applicability of psychological developments in the military, and not the loyalty of theoretical constructions around concepts and research, that ultimately contributed to the professional development of this discipline. Moreover, it is likely that the initiative to adapt scientific concepts to new ideological trends came from

the psychologists themselves (more often, of course, theorists). One of the strategies for demonstrating the feasibility of their developments was to show their practical usefulness; this was done mainly by psychologists employed in the structures of the Wehrmacht, but also by those who were representatives of the university environment.

Another strategy was to present psychology as a subject that in its content, questions and research results in a special way meets the new political requirements - the National Socialist ideology. The most illustrative example in this regard is E. Jaensch (his developments, as well as how they influenced the stereotyping of the image of the German psychologist of the period of National Socialism, will be discussed in more detail in Chapter 4). Among the studies of the period of the Second World War one can also find a number of attempts to work on the subject of racial studies using psychology. Studies that, for example, show the superiority of the "Nordic" or "Western" race over the "Eastern" obviously had a purely political legitimizing character. There were also empirical research projects to legitimize Nazi policies; I.B. Riffert, for example, wanted to conduct research on the psychology of Judaism at the Psychological Institute of the University of Berlin and thus put psychology at the service of the new state (Geuter, 1984b).

“Psychology must put itself at the service of national education, in particular, and participate, together with pedagogy, in the preservation and education of the German people in a fighting community,” wrote O. Kroh, president of the German Psychological Society (Kroh, 1939, p. 44). To be sure, psychologists tried to include the topic in psychology primarily to legitimize the subject and their own research, such as the need for psychological genetic research, and to a lesser extent to legitimize National Socialist policies aimed at trying to harmonize their own theory with elements of Nazi ideology, or at least show the identity of the views of the relevant theory with the political spirit of the times. Thus, F. Sander, a representative of the Leipzig “holistic psychology”, argued that the turn of German psychology towards holistic thinking exactly corresponds to the political turn. But he went even further and in his essay added a justification for the connection of holistic

psychology with the law of "Gestalt" and the desire of the psyche to exclude "superfluous", unimportant things: for example, with this he justified the persecution of Jews and their forced sterilization due to the so-called hereditary diseases (Sander, 1937). Sander's teacher, Felix Krüger, then head of the famous Leipzig chair and founder of holistic psychology, can find points of contact between his community theory and the National Socialist concept of the national community (Geuter, 1985).

In fact, the directions that failed to prove their practical significance (primarily those that dealt with fundamental, theoretical issues) and the directions whose representatives were not ready to engage in the ideologization of their concepts were forced to actually cease to exist. A striking example of this direction is comparative psychology (Mironenko, Rafikova, 2020): during the war, some psychologists tried to prove the importance of this discipline in training SS army dogs (by the way, this direction was quite successfully implemented during the First World War, when O. Pfungst was director of the psychological research department of the National Experimental and a training institute for military and police dogs (Abresch and Luck, 1994)). Ultimately, however, zoologists were more successful in demonstrating their "usefulness": they were able to prove the relevance of the study of animal behavior largely because they appealed to the public interest. Thus, the "Society for Animal Psychology" (Deutschen Gesellschaft für Tierpsychologie), founded in 1936, was from the very beginning oriented towards demonstrating its practical significance (among the areas in which the society specialized were animal breeding, the study of the psyche of animals, as well as the application of these results in practical problem solving (Effertz, 1937a)). The society's first annual meeting was deliberately timed to coincide with "Green Week", an agricultural exhibition in Berlin, so that scientists could interact with breeders, animal owners, hunters, and equestrians who usually attended such events (Effertz, 1937a). Effertz made it clear that the society enjoys the support of various ministries and departments, as well as leading representatives of the scientific community and those who work in this field.

At the same time, in the specific situation of war in psychology, new directions of research arose. So, although the use of controlled experiments in the army to test

new weapons and other items of equipment was not an innovation, studying the morale of the military through an experiment in the United States was introduced for the first time. Also, one of the actively developing areas of research has become research on the study of the economic behavior of the civilian population; The field of psychological counseling also developed rapidly.

In the process of conducting such studies, psychologists not only received practical results on the impact on the psychological state of fighters, but also made some progress in the development of improved measurement tools, which later were of great importance for research in the field of social psychology and sociology - in particular, various modifications of the construction questionnaire scales based on practical purposes (Stouffer, 1943).

Another direction of work of psychologists was the development of methods for influencing the morale of the enemy. a great contribution of psychologists to the victory over the Nazi coalition also consisted in studying the moral and psychological state of the enemy. Psychologists from the Psychological War Division of the Supreme Headquarters (Allied Expeditionary Forces) mentioned above were actually given the mission of destroying enemy morale (Lerner, 1949). They collected data from prisoners of war, analyzed enemy documents collected by intelligence, and also analyzed the speeches of A. Hitler. Moreover, such activities were funded not only by the government: the Rockefeller Foundation funded two Princeton projects, each headed by a well-known psychologist (Gary, 1991). The Princeton Public Opinion Research Bureau, under the direction of H. Cantrill, worked towards analyzing European transmissions and with the aim of understanding the specifics of Nazi propaganda among its population, and the Princeton Listening Center, managed by Dr. G. Watson, became part of the Federal Communications Commission as the Foreign Affairs Monitoring Service. broadcasting. Psychologists have identified 5 categories of German attitudes towards the Nazi movement that successfully predicted Germany's reaction to Allied propaganda. This work was regarded as a success and a decisive contribution to the defeat of the German army (Lerner, 1949). Psychologists have made a significant

contribution to understanding the consequences of warfare with a study called Strategic Bombing Review (Leighton, 1949). Using various methods of questioning under the guidance of the soon-to-be-famous psychologist R. Likert, the main conclusion was that aerial bombardments were not effective in influencing enemy morale, as previously assumed, which necessitated the development of additional psychological strategies to break the will of the enemy.

Psychologists also led a massive effort to maintain and boost morale within the country, both civilian and military. Thus, the Committee of National Morale (Committee of National Morale), which included some of the most famous psychologists of the time, studied Nazi psychological warfare (Farago, 1941). In 1940, a conference was held on "Psychological Factors in Morality" and soon the Emergency Committee in Psychology created a defense unit, chaired by G. Allport (Dallenbach, 1946). The massive survey they created was used to recommend to the government how to explain the entry into the war to the population, as well as how to control the opinion of various sections of American society, in particular, such as labor unions. They also expanded their research into that of race relations, as racial conflicts were seen as incompatible with the war effort in both the civilian and military sectors.

The morale of the military was such an important subject of psychological research that more than 300 studies were conducted during the war, including 60,000 interviews. The main result of work in this direction was the four-volume "American Soldier" - it summarizes the results of what is actually the first large-scale socio-psychological study conducted by American psychologists on such a large sample (Stouffer, 1949). His results showed that the concerns of American soldiers were, in essence, not much different from those of their German and Japanese counterparts: they were concerned with physical discomfort, promotion, and avoiding combat. This finding led to a government effort to educate soldiers about the purpose of war through films, educational programs, pamphlets, and newsletters, some of which were written by psychologists such as Dr. J. Dollard.

One of the most important areas of research for social psychologists among the military has been the study of unique social phenomena such as fear and aggression. For both the Soviet Union and the United States, 1941 was marked by the actual entry into World War II: with the attack of Germany and Japan, respectively. However, the mood that prevailed in Europe in the late 1930s and the outbreak of World War II for other countries had already influenced the topics of research conducted in countries that had not yet entered the war. One such work is *Frustration and Aggression*, which was published in 1939 by Yale University Press, which proposed a set of principles that give rise to aggressive behavior. The main thesis of the work, that a state of frustration always precedes aggression, was adopted and adopted as the centerpiece of subsequent wartime research, such as the third annual edition of the Society for the Psychological Study of Social Problems, *Human Nature and the Enduring World* (Murphy, 1945), the Harvard booklet "The ABC of Scapegoating", the editor and author of the preface of which was G. Allport (*The ABC's of Scapegoating ...*, 1943). The results obtained were developed in experimental studies by J. French (French, 1944) and E. Wright (Wright, 1942). Another important phenomenon that attracted the attention of researchers was the phenomenon of fear. In 1943, D. Dollard's work "Fear in Combat" was published, where the nature of this phenomenon was analyzed, types of fear were identified, and practical recommendations were proposed to reduce negative consequences (Dollard, 1943).

The military also needed psychiatric and psychological help: according to some reports, millions of soldiers and veterans suffered from mental disorders of various types and degrees of severity, and 550,000 people, or 49% of all dismissals, were for psychological reasons (Menninger, 1948). Due to an acute shortage of psychiatric staff, psychologists had to perform psychotherapeutic functions for the first time. Very few psychologists had a sufficient level of training in psychotherapy or counseling, but during the war many were forced to take on the role of psychotherapists despite their insufficient training (Herman, 1995). For example, an accelerated clinical psychology training program was established in a general

hospital (Menninger, 1948). The needs of the war led to the creation of research and clinical areas of psychology that did not exist before World War II. Social psychology and specialized fields such as group dynamics, culture and personality, and the study of race relations were largely shaped during the war, and the acceptance of psychologists as psychotherapists was largely a consequence of this shift (Rafikova, Mironenko, 2021a; Rafikova, 2021a). The unprecedented need for mental health services during and after the war, along with a shortage of psychiatrists, led to the need to train psychologists as psychotherapists. In both the clinical and research fields, the newly established subfields of psychology were to become institutionalized as fields of study and intervention after the war.

One of the most notable areas of research conducted on a sample of civilians who did not participate in hostilities was research into the study of their economic behavior. The combined efforts of economists and psychologists resulted in a book published in 1942 on the psychological and economic problem of inflation control, which summarized theoretical conclusions with very practical recommendations on this problem (Katona, 1945). Later, G. Katona conducted research on the behavior of retailers in a situation of wartime restrictions, the results of which became valuable information for the Price Control Administration (*Price Control and Business ...*, 1945).

3.4. The fate of established psychological trends and the emergence of new areas of research

As we noted earlier, by the 1930s. there was a crisis in psychology: there was a growing realization in the American psychological community that as long as fundamental philosophical questions were avoided, there was apparently little to be expected from the future of educational research. As G. Rugg wrote, “the orgy of quantitative tables and measurements” (Rugg, 1934, p. 114) did not achieve its goal, because it lacked an integrative principle, “a unique set of established primary concepts” (Ibid., p. 117) . It is interesting how the criticism of quantitative

measurements in the study of the learning process was combined with the criticism of G. Rugg of the capitalist model of society: “By assuming private capitalism, rigid individualism and competition,” he wrote in 1934, “the leaders of the mass school introduced a competitive climate into education, into the family and neighborhood, and into economic and social organizations in general” (Ibid. , p. 120). As one of the inevitable negative consequences of such a device, the author calls the constant need to compare children and their progress; in his opinion, this approach is not adequate, because the average indicator for the age group is taken as a criterion for comparison, which is a purely nominal “norm” that has no real relation to the whole variety of opportunities for each child individually.

In our opinion, in this turn there is also a share of the influence of Gestalt psychology, which has been gaining popularity since the 1920s in Germany thanks to M. Wertheimer, W. Koehler and K. Koffka, who were later forced to leave their country and settle in the USA (Henle, 1978). Political events and the associated migration of many leading psychologists from Germany and Austria to the United States is a significant topic in modern sources on the history of psychology: traditionally, the mid-1930s. is marked by the “shift of the intellectual center from Europe to the USA”, which is mainly associated with the decline of the school of Gestalt psychology, as well as the beginning of new research by K. Levin and the development of American social psychology. However, such a narrative does not seem to adequately reflect the diversity of relationships between the American and German research traditions.

So, in his article, Valentine ironically writes about the influence of Gestalt psychology on his own worldview, as well as how seriously it undermines the foundations of the established American tradition of educational psychology: “... And then I fell under the influence of someone else's propaganda, financed from Berlin. Gestalt theory. I should have been warned against these ideas of foreign production. But it was already too late. Perhaps the blood of my robust American ancestors thinned in my veins because I began to succumb to radical Teutonic literature. After all, my youthful mind was seduced by some college professors who

were teaching American youth thinly veiled versions of a subversive doctrine. My fall was complete and I joined her. Burning the bridges behind me, I rushed forward in search of new knowledge. Because I was itching to close the gaps in my new system... But alas, the further I went, the further I went from any system at all. Or, if it was a system, it was one in which I could never hope to systematize things. For I have discovered that the living body is the scene of a mind-boggling play of organismal dynamics played by agglomerations of energy that unfold along metabolic gradients, move between regions of changing potential, and maneuver in incomprehensible patterns. I have found that learning is the result of psychological miracles called insights; intelligence is the intuitive ability to grasp the relationships of figures on the ground; and behavior is a mixture of properties of the field, as elusive as glimpses of light in a tree swayed by the wind. I paid for this with the loss of a neat, compact, understandable system that was once my methodology!" (Valentine, 1936, p. 712).

By citing this passage as an example, we do not want to say that the growing popularity in the United States of Gestalt psychology, which was promoted by the migration of prominent German scientists, acted as the leading force that undermined the foundations of the established American psychology. "Imported" from Germany, Gestalt theory rather became the last straw, another reason that finally allowed the professional psychological community to realize the state of a deep methodological crisis in which American psychology plunged.

At the same time, the events that forced the leading representatives of the Gestalt psychology school to migrate to the United States marked a period of merging of scientific and political in German society. The ideas of universality, "totality", the merging of all spheres of social life, the fusion of the personal and the political, which were expressed in the extreme form in the ideology of National Socialism, were reflected both at the institutional and paradigmatic levels of the development of psychological science. The once famous "Experimental Institute of Pedagogy and Psychology" in Leipzig was closed and replaced by the "Pedagogical-Psychological Institute of the Leipzig Higher School of Public Education", which

was later considered one of the most important centers of scientific "legitimization" of the ideas of National Socialism (Ingenkamp, Laux, 1990). Among other things, this center conducted research on the characteristics of leadership.

In the light of the political fate of pedagogical psychology, it seems important that O. Kro (1887-1955) taught pedagogical sciences in Tübingen. This professor replaced W. Stern, who emigrated to America, as editor of the *Journal of Educational Psychology* (*Zeitschrift für Pädagogische Psychologie*), and later held positions in the departments of psychology and pedagogy in Munich (since 1938) and Berlin (in 1942). G.).

O. Kro developed the doctrine of the stages of adolescence, from which later grew the general concept of the phases of development of human emotional life; first of all, it was to be applied in the field of pedagogy. In his keynote article on the role of educational psychology, O. Kro writes that in the light of the "revolutionary reorganization of all life" ("revolutionärer Neugestaltung des vöhlen Lebens"), the question for this "Geisteswissenschaft" is to penetrate into all "institutions of education and upbringing (including extra-curricular) ... in accordance with the idea of an organically developing and shaping common life of the individual and the people in church and state, art and science, law and school" (Kroh, 1933, p. 315).

In other words, the central task of educational psychology according to O. Kroh was to study the processes of education, upbringing and learning as playing an important role in the "education of the people" ("völkische Erziehung") (Kroh, 1937). With such a setting of goals, the normative, ethical component of science should have played a significant role. In addition to the constant expansion of knowledge about child psychology through the collection of empirical material, before educational psychology, according to O. Kroh, the task should be to contribute to the general "anthropology of peoples" ("völkische Menschenkunde"), interpreting his material "ideologically". Science, as an organic structure within the wider biological-intellectual whole, had to study the problems that affect people at their core and reveal their true value. Probably, the project of educational psychology by O. Kroh as the realization of a certain ideal of social organization was the starting

point for a number of ideologically colored (in this case, National Socialist ideas) articles and studies - its influence can be traced in the theoretical and methodological articles of E. Jaensch and V. Hische, published in the same journal.

E. Jaensch, professor of Marburg, who as early as 1928 called for the convergence of the "ideal" and "reality" (Jaensch, 1928), wrote in 1937 that practical psychology should serve "demographic eugenics", including "the study of typological and racial aspects" ("Begelschaft typologischer und rassischer Gaffspunken") (Jaensch, 1937a, p. 21). E. Jaensch also saw the ideas of totality in the integration of all scientific fields: "... The main feature of psychology in the new German Empire is that it is no longer an isolated field of knowledge, separated from all others" (Ibid., p. 1). As W. Hische (1887-1964) later stated, there should be no difference between "pure" (in the sense of theoretical) and applied psychology. The needs of the people should be the only guideline for psychology and pedagogy; also, proclaiming the slogan "German science serves the German people!", W. Hische wrote that educational psychology by its very nature cannot be universal (in the sense of international), and can only be oriented towards specific nations and cultures" (Hische, 1939). Later, the position about the "cultural orientation" of science to the "people" acquired a more radical sound: for example, in the works of P. L. Krieger and G. Pfahler, the concept of race is already used as a central psychologically significant category (Krieger, 1937; Pfahler, 1939).

As you can see, the ideas about the purpose of educational psychology, the concept of "educating a new person" were not new - they were also expressed by psychologists before A. Hitler came to power. However, the question of continuity in the development of psychological and pedagogical theories before and after the National Socialist revolution remains rather complicated. It causes even greater difficulties when it comes to comparing the psychology of this period with the development of psychology in other countries: the temptation of too straightforward application of the interpretation of the socio-political conditionality of the phenomenon prompts many researchers to draw parallels with political regimes, identifying German psychology with "fascist", and American - with "democratic".

Indeed, the general line of the ideology of National Socialism, with which, in the end, the pedagogical psychology of Germany was forced to merge, long before A. Hitler came to power and the corresponding political changes, was partly due, on the one hand, to the passion for the search for a normative component of science, ideas universality and totality, the service of science to some social projects or abstract "social progress", and on the other hand, the growing popularity of Gestalt psychology, which, in many respects remaining the last school that still retains a connection with classical German experimental psychology, relied on a fundamentally new the idea of integrity in the broadest sense (in the psyche, personality and, ultimately, society). Although here we mean a higher level of abstraction, attempts to straightforwardly derive an explanation of a social phenomenon from one or another psychological theory have also been made: for example, F. Sander (1889-1971) (German Gestalt psychologist, teacher at the Jena and Bonn universities; From 1938 to 1945, and later from 1953 he was a member of the board of the German Society for Psychology), considered the extermination of Jews and the sterilization of carriers of "lower hereditary properties" as an application of the "Gestalt law", that is, as a kind of exclusion of an extra element - a stranger - from " the gestalt of the people" (Geuter, 1992, p. 167). Soviet psychologist F.N. Shemyakin (1899-1980) in his critical article mentions as an example of absurdity such works as Arnold's article "Psychophysical Structures in Chickens of Different Races" and their joint work with E. Jensch "The Chicken Coop as a Means of Research and Justification in the Question of Human Races" (Shemyakin , 1941). However, despite the apparent continuity of some ideas, many researchers express the point of view that the Nazi version of educational psychology was more a break with the German pedagogical tradition than its natural continuation (Tenorth, 1986). Firstly, this is proved by the fact that a large number of researchers criticized such trends in pedagogy and psychology, and their influence should not be underestimated; along with ardent supporters of the National Socialist regime (E. Jaensch, O. Kro, G. Pfaler, O. Tumlrirts, etc.), there were also scientists who remained neutral or at least did not openly declare their political positions (for

example, A. Kissling), as well as ardent opponents of the new government, many of whom became victims of Nazism (E. Bobertag, W. Stern, E. Hilla, A. Fischer, O. Lipmann and others).

Secondly, turning to the problem of the continuity of psychological theories before and after the establishment of the National Socialist regime in Germany, it is worth paying attention to other, more general prerequisites for the formation of psychological science throughout the world in an earlier period. In particular, we consider it necessary to turn to the integration mechanisms of international interaction between scientists of the early 20th century and the prerequisites for the formation of American psychology, which largely became the basis for educational psychology in Germany, including the period of National Socialism.

It is known that the image of American psychology as, first of all, a practice-oriented science (which is not without reason) was formed during the First World War, when researchers were seized by the so-called "test fever": after the discovery of the wide possibilities of measuring instruments and the great success of their application in the field of professional selection and military needs, "test" psychology was actively developed in various fields. In particular, one of the most promising and popular areas for the application of measurement tools has become the field of intelligence: success in this area has attracted representatives of many areas of the rapidly developing American society, from industry to education. However, in addition to practical benefits and a rich research potential, the interest in tests for measuring intelligence was also determined to a large extent by the interest of researchers in eugenic ideas; despite the persistent associations of the term "eugenics" with the concepts of the superiority of some races over others and, as a result, with the crimes of the National Socialist regime in Germany, which developed as a result of terminological confusion and the complex political and social history of eugenic ideas, they first appeared and became widespread precisely among US intellectuals of the late 19th and early 20th centuries (the history of eugenic ideas is usually counted from the works of F. Galton, who introduced this term into scientific use).

Thus, a group of psychologists who first developed and implemented the so-called "army psychological test" during the US participation in the First World War (R. M. Yerkes - President of the American Psychological Association, collaborating with the National Research Council ("National Research Council") , interested senior military officials in the idea of selecting recruits, and later created a committee to develop a variation of the Binet test for this purpose, consisting of H. G. Goddard (who created the first American adaptation of this test) and L. M. Terman, who also worked on his revision), was most directly related to the development of these ideas in American science. According to modern historians, L.M. Terman considered the lack of intelligence to be the main cause of "social pathologies" such as crime and poverty, and R.M.Yerkes wrote in the Atlantic Monthly in 1923 that there were racial differences in intelligence (Leahey, 1991, p. 229; Gould, 1981, p. 179). However, G.G. Goddard: among other things, he was engaged in the adaptation of the Binet scale as an empirical method for assessing "mental age". He also introduced the Greek word "idiot" (in English - "moron"), in the meaning of "mental retardation" (this term was proposed to be used when it was about adults whose "mental age" was from 8-12 years old) . Goddard believed that "idiots" should have been prevented from developing their race in order to prevent further degeneration of society, and also saw sterilization as a possible means to that end. Today, his large-scale study "The Callilac Family" (the book of the same name went through several editions) is famous, in which Goddard, studying the genealogy of one family with a "healthy" and "feeble-minded" branch, came to the conclusion that mental traits are heritable (Goddard, 1912; Gould, 1981).

Although later these researchers largely revised their point of view regarding the factors of intelligence development, increasingly taking into account the influence of culture, upbringing, education, etc., the positions they once expressed determined the attitude of the American intellectual elite to the issue of heritability of intelligence for quite a long time. Army intelligence test scores have long been considered evidence of biologically determined race differences in intelligence. Thus, the American researchers McDougall and Brigham, for example, used this test

to popularize the idea of the intellectual superiority of whites and even associated it with moral considerations: “evidence ... that indicates very strongly, if not conclusively, that the social stratification that exists in modern industrial communities, positively correlates with the corresponding stratification in terms of innate moral and intellectual qualities ”(cited in: *Psychologische praktijken ...*, 1986, p. 6).

The developments of psychologists and educators in this direction have become a tool for the implementation of various political interests: as S. Köhl writes, many psychologists insisted on the need not only for institutional segregation, but also for sterilization, since, according to them, “heredity plays a crucial role in the transmission of crime, idiocy and dementia” (Kühl, 1994, p. 16). For example, in 1922 a book by teacher G. Laughlin's "Eugenic Sterilization in the United States" (Laughlin, 1922), which contained suggestions on how the United States could benefit from the sterilization of mentally retarded citizens, as well as a draft law on sterilization, which he called for. G. Laughlin's draft law on sterilization emphasized the need to sterilize the population, which G. Laughlin considered inadequate for many reasons, ranging from appearance to socioeconomic status. As modern scholars write, this document influenced 20th-century US legislation on reproduction and compulsory sterilization and was taken into account in 1924 in the form of the Immigration Restriction Act (Page, 2019). In general, many American politicians, despite criticism from members of the scientific community, have been willing to invoke the so-called scientific evidence of test psychology to justify and promote this or that eugenics measure.

Having gained popularity in America, eugenic ideas began to spread in the international arena: thanks to publications in the leading scientific journals of the time and contacts at international congresses, these ideas became known in Germany. G. Laughlin, mentioned above, published his works in Germany, and in 1936 he released the English version of the film “Erbkrank” (“Erbkrank” is a Nazi propaganda film shot by G. Gerdes; was one of six propaganda films made from 1935 to 1937, to demonize people with mental illness and mental retardation), and a

year later, together with supporters of Hitler's racial politics, he founded the Pioneer Fund (Pioneer Fund) - an American non-profit foundation created "to promote the scientific study of heredity and human differences" (Tucker , 2007).

In proof of the continuity between American and German ideas, modern historians write: “.. The leaders of the German sterilization movement have repeatedly stated that their legislation was developed only after careful study of the California experiment, which was reported by Mr. Gosney and Dr. Popeno. It would not have been possible, they said, to carry out such an undertaking involving some 1 million people without drawing heavily on previous experience elsewhere” (Harten, 1997). Yes, 1930s. were marked by American-German cooperation and the interpenetration of ideas in this direction: during the heyday of Nazism, German racial hygiene became a kind of analogue of eugenics. However, if we talk specifically about German educational psychology, it turned its focus rather on the inheritance of psychological characteristics, and intellectual abilities, in contrast to the American tradition, apparently had less importance here. Also, some differences can be traced in the ideology and global goals of the application of eugenics programs: as German historians suggest, in the USA their main goal was to fight against alleged degeneration, while in Germany eugenics rather acted as a support for proving the superiority of the Aryan race, a tool for achieving the progress of ideas " Volkskraft" ("strength of the people") in general (Thieme, 1988).

Thus, the state of pedagogy and psychology was largely formed as a result of the discoveries of German and American researchers (modern educational psychology owes its philosophy of education to Germany, and American influence manifested itself in many areas such as didactics, education management, innovation theories, etc.). On the one hand, the German and American traditions of research on the child are very different: educational psychology in America in the period before World War II was more of an extrapolation of the findings and data of "pure" psychology, while in Germany it was more seen as an autonomous science with its own definitions of problems. and methods. In America, psychology, including educational psychology, was strongly influenced by behaviorism, while German

psychology, including educational psychology, was based on the achievements of the Würzburg School and Gestalt psychology. In America, based on linear stimulus-response theory, attention was primarily given to a strictly "objective" study of externally perceived behavior, while in Germany the main attention was paid to the internal processes and cognitive structures that underlie externally perceived behavior. However, for all their differences, psychology in Germany and the United States experienced mutual influence of each other, which was clearly expressed in the early years of World War II in a situation of methodological crisis, an example of which is the influence of the ideas of eugenics and heredity on intelligence testing.

CONCLUSIONS ON CHAPTER 3

1. The institutionalization of psychology in the United States in the 1930s-1940s proceeded in accordance with the laws of the institutionalization of science in a liberal Western society - in the context of the interaction of the professional community with three main social forces: the state, the market (primarily big capital) and civil society. During this period, the interests of the market (first of all, big capital) and the state in the United States were closely connected, merged, thus, market support turned out to be at the same time the ideological demand of the state. During the Great Depression, the psychological community responded to mass manifestations of public discontent with attention to emerging social problems and the development of American social psychology. Thus, American psychology performed two functions of science in relation to the state: a) responding to specific applied tasks (primarily military), b) in the ideological formulation of the general doctrinal directions of state policy, which ensured a stable and sustainable institutionalization and development of the subjectivity of the American psychological community, as well as the growth of its international status and influence. The situation in the development of German psychology was fundamentally different than in the United States. The influence of the state has traditionally dominated in Germany in all areas of public life. Even before the

National Socialist government came to power, state policy determined the development of universities, in particular their funding, while in the United States big business had a huge impact on universities through financial investments. In Germany, the strategy of the state led to a specific form of a holistic turn in psychotechnics and professional selection (under the "characterological shift" is meant a shift in the emphasis on the study of personal qualities as the main predictors of the portrait of a successful professional) in the early 1920s. In connection with the government strategy of occupying Germany after the economic crisis of the First World War, the niche of flexible production of rarer and higher quality goods, in contrast to American mass production, where the free market and active industrialization dictated the development of a niche for the production of mass consumer goods.

2. With the coming to power of the National Socialists in Germany, a totalitarian regime was established, so that the history of German psychology during the time of National Socialism A.V. Petrovsky calls the political history of psychology, which has specific patterns that distinguish it from others. All areas of public life, including science and culture in Germany, were almost completely determined by the dictates of the state, while the influence of the market and civil society was minimal. The dictates of the state here determined the course of the institutionalization of psychology both in the "external" interaction with social institutions, and in terms of forms of integration and differentiation within the scientific community.

3. With the coming to power of the National Socialists, the German professional community has undergone significant changes. First of all, the composition of the psychological community has changed (change in the composition of the board of the German Psychological Society in 1929; personnel changes in universities) as a result of the adoption of a number of laws regarding people of Jewish origin and the departure of scientists from the country, as well as shifts in methodology and research topics, which was influenced by the extinction of Gestalt psychology in connection with the migration of scientists and the policy

of the new government. The value foundations of some areas of research were revised, for example, in the psychology of childhood and education, value aspects and the paradigm of "educating a new person" began to develop. New directions were developed, mainly those that managed to prove their practical usefulness - for example, military psychology, psychodiagnostics, developmental psychology.

4. An important characteristic of wartime in both Germany and the United States was the involvement of psychologists in government military structures. In Germany, networks of psychological laboratories were created in the Wehrmacht (about 20 centers in all formations - the Air Force, the Navy and the Army), which contributed to the consolidation of the professional status of a psychologist in the Wehrmacht and later the introduction of the first regulation on state examinations for psychologists.

5. In the United States, psychologists were involved in the work of the Central Agency for Planning and Research of the department, were involved in the professional selection of the military within the Committee for the Classification of Military Personnel and in the work of the Office of Strategic Service, and a network of new psychological structural formations was created (Extraordinary Psychological Committee, Office of the Military information, the Bureau of Research and Analysis within the Intelligence Group, the Morale Operations Division in the Office of Strategic Services, and the Psychological Warfare Division of the Allied Expeditionary Force Supreme Headquarters). There was also a development of psychological trends that were directly conditioned by the solution of military problems - propaganda, the study of the behavior of the population, clinical psychology, and counseling psychology. The development of practical applications of psychology in the military department was an important tool for strengthening the status of psychology in society and its legitimization, both in Germany and in the United States.

6. In wartime in Germany, questions of the practical usefulness of research acquired special significance. The main areas of German psychological practice during the Second World War were psychological diagnostics in military structures

and work in the field of social security. Thus, psychology in Germany for the first time received an extensive and structurally formalized sphere of practical activity outside of higher educational institutions. Since 1940, cooperation has been established between the German Society for Psychology and the National Socialist Organization for People's Welfare. Psychologists are actively involved in organizing work to help orphans and children left without parental care.

7. In the United States, the main areas of American psychological practice during the Second World War were psychological diagnostics in state military structures, however, along with this, as a response to the request of civil society, research in the field of social psychology, focused on the study of public opinion, in general, emerged interest in social psychology, including issues of internal and external propaganda. In the specific situation of the war, new lines of research emerged: in the USA, the study of the morale of the military through experiment and the study of the economic behavior of the civilian population. Another new direction in the work of psychologists was the development of methods for influencing the morale of the enemy. Psychologists led large-scale programs to maintain and improve morale within the country, both civilian and military. The study of unique social phenomena such as fear and aggression was initiated. Thus, the needs of the war led to the creation of research and applied areas of psychology that did not exist before World War II.

8. A manifestation of the formation of the professional community of psychologists as a collective subject of the development of science in the mid-1930s. In Germany and the USA, there is activity in the self-organization of the community of psychologists, which manifested itself in Germany in direct relation to interaction with the state: in the creation of a system of professional certification (the introduction of an exam system for psychologists, that is, their state certification), and in the USA, the self-organization of the community of psychologists manifested itself, primarily in the form of the creation of professional organizations (the creation of the Society for the Psychological Study of Social Problems, the American Association of Applied Psychology, the Psychometric

Society: during World War II, the creation of the National Council of Women Psychologists).

9. The long-term interaction of the German psychological community with the totalitarian regime led to the fact that during the existence of the National Socialist state, the German professional community developed a specific type of strategy. One of the strategies for demonstrating the feasibility of their developments was to show their practical usefulness; this was done mainly by psychologists employed in the structures of the Wehrmacht. Another strategy was to present psychology as a subject that, in its content, questions and research results, in a special way meets the new political requirements - the National Socialist ideology, so, in the psychology of childhood and education, value aspects and the paradigm of "educating a new person" began to develop. "

10. In the development of German psychology, there are several turning points that separate specific periods in its development: 1) 1929-1933.- change in the composition and structure of the psychological community and the need to form a new identity in connection with the political changes of the early 1930s (change in the composition of the board of the German Psychological Society in 1929; departure of many leading scientists from the country; personnel changes in universities); 2) 1933-1945 - strengthening the professional community around the emerging opportunity to "legitimize" the profession of a psychologist (participation in initiatives to introduce the law on professional examinations, the status of a psychologist in military structures); 1945-1950 - the need for reorientation and restructuring of the identity (self-reflection) of the community in the new socio-political conditions. Despite some strengthening of the professional community in the second period, losses in the first and third stages became a prerequisite for the extinction of the foundations of the German classical tradition. It was interconnected with changes in the subjectivity of the community at the first of the identified stages (1929-1933): structural and personnel changes in the psychological community were largely due to the migration of the leading representatives of the classical German tradition and the lack of its further development within the new community, as well

as political situation as a result of the fall of the National Socialist regime and the loss in World War II.

11. With the destruction of fascist Germany in 1945, psychology as an institution in the structure of this state ceased to exist along with it, which led to changes in the life of the professional community, required the search for new forms of interaction with society and self-organization, the formation of a new self-identification. However, after the fall of the Wehrmacht and the National Socialist regime, the psychological community was able to hold its ground. After the dissolution of the psychological laboratories in 1943, the process of professionalization in the form of the introduction of an examination program for psychologists was not stopped, positions at universities continued to be filled; however, due to losses during the establishment and then the death of the totalitarian regime, psychology in Germany weakened its position and after the war, German psychology ceased to be associated with a special, integral, original direction. Discourse analysis showed that this was reflected, in particular, in the fact that German psychology is presented in textbooks on the history of psychology only as the birthplace of psychological science and as the birthplace of the scientific school of Gestalt psychology; also after the war, the scientific hierarchy and continuity changed - now German students and young scientists more often went on internships and studies in the United States than vice versa).

12. By the end of the Second World War and in the post-war period, the following trends in the development of psychological science were noted. In the USA: increasing the authority of American psychology, increasing funding from the public sector, developing new areas of research (social psychology, clinical psychology, psychological counseling); in Germany: the need to reorient the self-identification and methodological foundations of the German psychological in connection with the fall of the political regime; the isolation of German science; loss of the "special" German tradition.

CHAPTER 4. "POLITICAL" HISTORY OF PSYCHOLOGY IN THE 1930-1940S: PROBLEMS OF INTERPRETATION

4.1. Representation of the history of foreign science in domestic historiography

As noted in Chapter 2, the historiography of the history of psychology is a relatively new area of research; however, attempts to comprehend how history was written and what factors influenced the formation of certain narratives are being made more and more often. The desire of not only historians, but also psychologists to draw some conclusions was characteristic of almost every era in the development of psychological science, but it manifested itself especially clearly in times of various crises (both external - political and social, as well as internal scientific ones).

One of these turning points is the period of the late 1920s and early 1930s, marked, along with the difficult socio-economic situation on the eve of the World War, by a methodological crisis in world psychological science. "It seems that there is not a single modern psychologist who would not begin his article or monograph with two or three melancholy remarks about the crisis in psychology" - these are the words that begin the section on behaviorism in the book "The Main Currents of Modern Psychology" (Vygotsky, 1930, p. 153). "European psychology is going through a deep crisis. It would be a big mistake to portray things as if in the West everything in psychology is unshakable and calm, and only in America and the USSR is a radical restructuring of psychology taking place on new principles. In fact, a radical restructuring is also taking place in European psychology, but, of course, there the crisis takes on completely different forms, depending on the huge historical tradition, on the prevailing idealistic philosophy, and even more deeply rooted causes," writes L. WITH. Vygotsky (Ibid., p. 85).

In this regard, the beginning of the 1930s. is marked by an increased interest in review papers, the purpose of which was to sum up some results and comprehend the accumulated experience during the development of psychology. One of these

works is the already mentioned work of a group of Soviet scientists "The Main Trends in Modern Psychology", published in 1930.

This work is devoted to an overview of the main leading areas of foreign psychology, including psychoanalysis, behaviorism, eidetics, psychotechnics, and structural psychology. It is interesting that the names of some of these areas are not even known to a wide range of readers today, although in the 1930s. they were the largest and most promising research areas.

In particular, eidetics can be considered one of these areas. Eidetics was a doctrine of subjective visual images observed in children and adolescents in a certain phase of their development, and also sometimes preserved, mostly as an exception, in adults. This direction was most developed within the framework of the studies of the Marburg School, the leading representatives of which were the notorious O. Kro and E. Jaensch (subsequently, their activities will play an important role in the formation of the image of German psychology during the period of National Socialism). Thus, the studies of the Marburg school led its representatives to the conclusion that eidetism is a completely natural and necessary phase in the development of memory, a phase through which all children necessarily pass. Along with characterology and psychotechnics, eidetics became one of those areas of German science that were destined to cease to exist or merge with other areas of psychology during the reign of A. Hitler and the Second World War. As S.A. Bogdanchikov, "... In the 30s. eidetics was transformed into an "integration typology" - an ideological, racist and fascist in essence, pseudo-scientific concept, which in Hitler's Germany was developed by E. Jaensch and his followers through the "synthesis" of eidetic and national - socialist ideas and slogans, which could not but lead to the rejection of all eidetics by the world scientific community. The Marburg psychological school ceased to exist together with the defeat of Nazism in World War II" (Bogdanchikov, 2001, p. 115). Referring to Lange, he continues: "... E. Jaensch's "integration typology" actually became an integral part of the Nazi doctrine of races ... L. Lange directly writes that "it is known about Jaensch and Kro that they were Nazis" [58; 123]. Considering the scientific and political activities of

E. Jaensch in psychology, L. Lange notes that he “was obviously the main character in the attempt to infiltrate Nazi ideas into psychology, not only as the main publisher of *Zeitschrift für Psychologie*, but also as chairman German Psychological Society in 1936-1940. [58; 130]. L. Lange points out that the “Jaensch school” fell apart after his death also because “his students served in the Wehrmacht during the war or took part in the work of Nazi organizations” [58; 127]. L. Lange’s article also emphasizes that “with the exception of Jaensch’s students and some Nazi protégés, one cannot find psychologists in the *Zeitschrift für Psychologie* who would try to link psychology with Nazi ideology in this way. In terms of content, the work of E. Jaensch and his students was aimed at the connection between the experimental psychology of perception and the psychology of personality (typology). It is strange to read how, with the strengthening of Nazi domination, the initially experimental and typological hypotheses of E. Jaensch degenerate into unscientific arguments with fascist and anti-Semitic content” [58; 134]” (Ibid., pp. 112-113).

It cannot be said that Soviet psychology was strongly influenced by the ideas of eidetics even before the period of National Socialism (although S.A. Bogdanchikov notes that this topic developed in the work of such researchers as V.A.Artemov, P.P. Blonsky, N.F. Dobrynin, P.L. Zagorovsky, M.P. Kononova, S.V. Kravkov, P.O. Ephrussi and others). To a greater extent, Soviet psychology, especially after the revolution of 1917, was strongly influenced by the behavioral sciences: human and animal behavior was one of the most important aspects of the subject of psychology. This naturally aroused a great wave of interest in American behaviorism, an indication of which is the fact that J. B. Watson himself was commissioned to write the article "Behaviorism" for the first edition of the Great Soviet Encyclopedia (Watson, 1927). However, behaviorism was not the only Western psychological school that attracted the attention of Soviet psychologists. In the second half of the 1920s, growing disillusionment with mechanistic approaches to psychology made itself felt, and in their attempts to build a "genuine Marxist psychology", many Soviet psychologists were tempted to look for "allies" among Western psychologists (Petrovsky, 1967, p. 79) .

Many psychological ideas that originated in the West were taken very seriously in Russia. Thus, along with psychoanalysis and the early works of Piaget, one of the main potential allies of the anti-mechanical trend in Soviet psychology was Gestalt psychology. Moreover, Gestalt psychology was not seen as opposed to the branch of psychology that defined itself as the science of behavior. In the collection *Main Currents of Modern Psychology* already mentioned, Gestalt psychology or structural psychology seems to have a special role to play in the future of psychological science. "Structural psychology tries to solve the problem of "two psychologies" in a third way, which is profoundly different from both Spranger's dualism and Buhler's monism" (Vygotsky, 1930, p. 85).

Important for understanding the role of Gestalt psychology in Soviet science is the personal interaction of Soviet psychologists with German Gestalt psychologists. In particular, the participation of K. Koffka in the Second "Psychological Expedition" of A. Luria to Central Asia (1932) was an example of such interaction. Although Luria announced in his brief account of the First Expedition that foreign psychologists would be invited to participate (Luria, 1931), Koffka was the only foreign psychologist who ended up taking part in the undertaking. In preparation for the expedition, seminars were held in Moscow and Samarkand (May/June 1932), and Koffka delivered a lecture in German on "Overcoming the Mechanistic and Vitalistic Tendencies in Modern Psychology" (subsequently published in Russian in the journal *Psychology* "; Koffka, 1932). However, the expedition itself did not end very well for K. Koffka; he fell seriously ill and also had difficulty leaving Uzbekistan (Eisen, 1942; Harrower, 1942). Subsequently, Koffka almost did not publish the results of research from this trip and, in general, Koffka's participation in the Luria expedition remains an open question, but it is obvious that this cooperation was an important milestone in the international communication of scientists.

Less well-known in this regard is K. Levin's trip to the Soviet Union in 1933. The only information available about this episode is a brief account in Levin's biography published by A. Marrow (Marrow, 1977). According to his testimony

(Ibid., p. 92), in the first months of 1933 Levin returned from Stanford to Berlin via Japan, the Siberian Railway and Moscow. Apparently, Levin was also invited to lecture in Moscow, but the author does not say whether these lectures were actually held or not (at least today there is no evidence that they were published). However, A. Marrow says that during his trip K. Levin met with A. Luria and B. Zeigarnik in Moscow and that they informed him about the consequences of Hitler's coming to power, which occurred just shortly before Levin left Japan. Probably Levin remained in Moscow from February to May 1933; he then returned to Berlin, only to emigrate a couple of months later. As writes E. Schreer, perhaps Levin's visit to the Soviet Union was also the cause of the strong interest in his theories, as found in Vygotsky's posthumously published article on mental retardation (Vygotsky, Danyushevsky, 1935). But on the whole, his visit, like Koffka's, came too late - the initial enthusiasm for Gestalt psychology had already given way to a critical attitude of Soviet psychologists towards Western psychology (Scheerer, 1980).

An important environment for the interaction of scientists has always been various scientific events, international conferences. E. Schreer writes that for the majority of Soviet psychologists, the International Conferences on Psychotechnologies were of much greater interest than the International Congresses on Psychology, and in fact the 7th International Conference on Psychotechnologies, held in Moscow in 1931, was in fact the only international psychological meeting that was carried out in the Soviet Union until 1966 (Ibid.). Gestalt psychologists generally did not take part in these conferences, nor did those Soviet psychologists who were interested in Gestalt psychology. It is natural that the latter also did not participate in the congresses of the German Society for Psychology (especially since already in the early 1930s, in connection with the coming to power of A. Hitler, the composition of the chairmen of the Society was greatly reformed, which will be discussed in more detail in the next section.). Thus, the International Psychological Congresses were in fact the only platform for international interaction of scientists related to the Gestalt school.

Thus, the most extensive personal contacts between Soviet and Western psychologists probably took place at the 9th International Congress on Psychology in New Haven, held in 1929. Modern researchers assess this event as follows: “And yet it was the IX Psychological Congress, held from 1 to 7 September 1929 at Yale University in New Haven, marked a decisive turn in international relations between Soviet and Western psychologists: Soviet scientists, no doubt with the consent of the leadership of the party and the Soviet government, delegated to the conference in America the most representative delegation for the entire existence of the USSR” (Yasnitsky, 2010, p. 103). E. Schreer writes that there were about twenty people in the Soviet “delegation”, including Vygotsky and Luria (Scheerer, 1980); according to A. Yasnitsky, there were ten of them (the author writes that 826 people took part in the congress, of which 104 were foreign participants. The Soviet group, which consisted of 10 people, respectively, was the third largest (Yasnitsky, 2010)). Since most of the leading Gestalt psychologists (D. Katz, K. Koffka, W. Köhler, K. Levin and M. Wertheimer) attended the congress, it can be assumed that some of the joint projects described above (research, personal visits) were planned at this congress.

There is already less evidence of the participation of Soviet psychologists in the 10th International Congress on Psychology (Copenhagen, 1932): the materials of the congress do not contain a list of participants, and the collection of reports from Soviet authors included only the report of I.P. Pavlova. The presence of Soviet psychologists at the 11th International Congress of Psychology (Paris, 1937) seems to have been somewhat larger; it was attended by nine people from the Soviet Union, who were either members of the congress or made presentations at it. However, only two of them (D. Uznadze, S.V. Kravkov) were psychologists in the strict sense of the word. The presence of some Gestalt psychologists (Koffka, Rubin, David and Rosa Katz) probably did not mean much to them, because at that time Gestalt psychology had already lost much of its appeal to Soviet psychologists.

Thus, by the end of the 1930s. due to a number of political circumstances, contacts between Soviet and German psychologists were significantly reduced; this was also explained by intra-scientific reasons - Gestalt psychology (with

representatives of which Soviet scientists had just the closest contacts) was going through a stage of crisis due to the uncertainty of the position of its main representatives, many of whom were forced to migrate from Germany. These circumstances, as well as the subsequent World War II, affected the representation of foreign psychology in Russian academic discourse.

Of particular interest is the Russian-language discourse during the Second World War and in the post-war period.

The complexity of studying such a stage in the history of German psychological thought, as the features of its development during the Third Reich and after its fall, is dictated not so much by the difficulties associated with access to historical sources (this problem is very trivial for historians, and is all the more aggravated, the more distant past is the focus of the researcher's attention), but rather the very emotionally saturated informational halo that, for obvious reasons, still surrounds everything that is somehow connected with the name of A. Hitler. Due to this information background, the danger of extrapolating the horrors of the crimes of the government of that time to the developments of scientists, many of whom, all the more, actively supported the existing regime and welcomed the initiatives of the authorities, is very high.

“Geeks and obscurantists – these words very well characterize the circles of German psychologists” (Shemyakin, 1941, p. 31), – this is how the Soviet psychologist F.N. Shemyakin. Taking into account the context associated with the height of hostilities, in which at the time of 1941 all the main parties to the conflict, including the Soviet Union, took part, and the quite natural personal involvement of each individual scientist and citizen associated with this, it becomes unsurprising that that on the pages of the leading scientific journal on pedagogy and psychology, an article is published that begins with a comparison of German psychologists with crazy people with progressive paralysis and ends with the words that they “... diligently serve their Fuhrer, trying to make the heads of the German people small” and that “... history will sweep away their pseudoscience just as it will sweep away the barbarians who are at the head of modern Germany” (Ibid., p. 33).

“It is hardly necessary to prove that there was not a trace left of German scientific psychology, which gave the world a number of leading scientists and could rightly be proud of many outstanding discoveries” (Ibid., p. 26), - such (not yet the sharpest) the statement is published by a Soviet psychologist, building his article around a devastating criticism of the works of E. Jaensch, F. Lenz, O. Kro, O. Tumlirts and other psychologists who, to one degree or another, sympathized with racial theory in personal beliefs, which almost all of them they were reflected in scientific activity. In addition to a detailed analysis of the failure of the already weak evidence of the superiority of the Nordic race, E.Jaensch Shemyakin also mentions such absurd works as Arnold's article "Psychophysical structures in chickens of various races" and their joint work with Jaensch "The chicken coop as a means of research and justification in the question of human races."

About one of the German psychologists, famous for their loyalty to the National Socialist authorities, in 1941 B.M. Teplov wrote the following: “With the coming to power of Hitler and his clique, almost all really great German psychologists were forced to leave Germany (Stern, Katz, Wertheimer, Levin, Koffka and many others). Of those who remained, some were so old that they no longer took any part in either scientific or public life (for example, G.E. Muller, mentioned above); others tried to keep aloof from all acute issues and in their research not to go beyond private and "neutral" problems; still others, finally, found it possible to declare their ideological sympathy for National Socialism and, to the best of their ability and ability, began to adapt to the desires of the owners of the "Third Empire", continuing, however, their work in the same direction. Only Ensich took up the task straight ahead: to invent a system of psychology whose sole purpose would be to psychologically “explain” and justify the wild designs of the new masters of Germany” (Teplov, 1941, p. 66; archival document with an excerpt from an article by B. M. Teplova "Rebellion of the animal instinct against the human mind (fascist psychology of Jaensch)" is presented in Appendix B).

Needless to say, in wartime conditions, scientists from different countries, waging a fierce and open struggle with each other, could hardly, firstly, maintain

impartiality in assessing the work of their colleagues, and secondly, in general, have a more or less complete picture what is happening; this is quite natural. However, even in the post-war years, publications devoted to rethinking this period in foreign countries did not appear immediately: this was partly due to both the “struggle against cosmopolitanism” proclaimed immediately after the end of the war, and a certain scientific policy, the result of which was actually intellectual isolation. , and with internal scientific factors, among which is a certain logic of the development of the scientific community.

In order to trace the changes in the representation of the world psychology of the post-war period and up to the present day, we have analyzed the main Russian-language textbooks and monographs of the post-war period, which are presented in Table 9, placed in Appendix A. Textbooks are an important historiographic material for analysis, since they reflect to some extent the generally accepted point of view on the scientific trends that had developed at the time of writing and the features of their historical development. So, according to the procedure described in Chapter 2, we selected a list of Russian-language monographs and textbooks (some had to be sorted manually). Although Table 10 shows that the first publications containing some generalizations about the period 1930-1940 began to appear almost immediately after the end of the war, the list of monographs and textbooks (Table 9) allows us to conclude that the period under discussion began to be described in them much more later. Thus, in the first post-war decades, of course, several fundamental works on the history of psychology appeared, but for obvious reasons, they did not yet fully generalize the period of the Second World War. The situation changed for the first time in the 1960s: as the modern historian and historiographer of the history of Soviet psychology S.A. Bogdanchikov, at this time there is a change of generations of researchers (Bogdanchikov, 2018), which is marked by the first major works of A.V. Petrovsky (Petrovsky, 1960): “... A. V. Petrovsky was a representative of a new generation of historians of Soviet psychology. This circumstance is no less important than the ideological attitudes that have changed literally every decade in

the country and the actual affiliation of one or another historian of psychology to a particular scientific school. (Bogdanchikov, 2018, p. 422).

Also, the surge of interest in the pre-war and war period can be explained by the general quantitative growth of works devoted to the history of Soviet psychology, which S.A. also writes about. Bogdanchikov (at the same time, the growth occurred not only in relation to individual articles, as in the previous decade, but also in collective monographs and collections of articles). So, for example, in the monograph "Modern Psychology in the Capitalist Countries" edited by E.V. Shorokhova (Modern psychology ..., 1963), a separate chapter "Military psychology" appears, consisting of paragraphs 1. "Military psychology after two world wars" and "Application of psychological methods in the armed forces), which contains information not only about Soviet, but also foreign psychology of the war period. In 1966, a monograph by M.G. Yaroshevsky "History of Psychology", which was later repeatedly published (Yaroshevsky, 1966): it already contains the chapter "The Ways of Development of Domestic Psychology in the 20-50s of the XX century." And, although in the narrative the author starts from the logic of the development of scientific trends or the ideas of individual scientists, without paying special attention to individual periods (for example, the Second World War is mentioned in connection with the facts of the biography of individual scientists or insofar as the developments described were related to the needs of the war: " During the Great Patriotic War, Rubinstein showed great civic courage: in the most difficult conditions of the Leningrad blockade, he led the work of the staff of the Pedagogical Institute and its subsequent evacuation" (Ibid., p.287)), the generalization of this material was an important step in Russian historiography on the history of the war period.

An analysis of monographs and textbooks allows us to say that for the first time attention to the period of the 1930-1940s. is given only in the monograph by A.V. Petrovsky "History of Soviet psychology" 1967. It contains a separate chapter "Soviet psychology in the prewar years and during the Great Patriotic War. Ways and tasks of its further development", which not only summarizes the main studies

of this period, but also, importantly, traces a single line in the development of psychological trends with the prerequisites that were laid down in the 1930s. However, the period 1930-1940. in Russian historiography until the 1990s. is still not fully represented: the situation changes only by the 1980s, with the actual beginning of the collapse of the socialist society. So, in the Reader on the History of Psychology, edited by P.Ya. Galperin and A.N. Zhdan (*Chrestomathia ...*, 1980) has already placed great emphasis on foreign areas of psychological science; the period of interest to us is marked by a chapter on the open crisis of science until the mid-30s. An important turning point in historiography, including that devoted to the history of foreign psychology, occurred in the 1990s, which was largely due to the fall of the Iron Curtain. Since the 1990s there has been an increase in textbooks and monographs, including those translated into Russian from other languages (this can be seen in Table 9).

Concerning the publications of the post-war years containing information about the period of interest to us, in contrast to the larger-scale works that we discussed above, we can draw somewhat different conclusions: they began to appear almost immediately after the end of the war. At the same time, however, it can be said that, just as in the case of monographs and textbooks, more comprehensive studies of this period began to be published only in the 1960s-1970s. (e.g., Smirnov, 1975): the publications of the first post-war decades were quite fragmentary and devoted either to the fates and activities of individual scientists in the 1930s-1940s. (in particular, directly during the war years), or the work of scientific institutes (Prangishvili, 1955; Rybnikov, 1954).

An analysis of the publication activity of the post-war period also made it possible to draw several conclusions:

1. Most of the works on the development of individual trends in psychological science in the indicated period are devoted to the fate of pedology and psychotechnics;

2. The development of psychology in the 1930s-1940s often viewed in the context of a wider historical period (for example, the first half of the 20th century, the "first third" of the 20th century, etc.);

3. In studies devoted to the development of Soviet psychology during the Second World War, the term "Great Patriotic War" is more often used.

4. An active growth in comparative research or research on the development of the psychology of this period in other countries occurs after the 1990s.

Despite the growth of publications in various areas of the history of psychology, which has been noted in recent decades, including those devoted to world psychology, certain stereotypes are often broadcast in Russian historiography today (Mironenko, Rafikova, 2022). As an example, we can cite the words of a modern researcher who, regarding the problem of the formation of European psychology during the Second World War, writes the following: "... departments of psychology and laboratories were closed in European universities with a long history. Psychological science has undergone significant persecution. Psychological schools, especially psychoanalysis and Gestalt psychology, which were actively developing in pre-fascist Germany, suffered losses in the first place" (Kuzminov, 2020, p. 59), and further: "... the idea of the superman that prevailed in fascist Germany was opposed by many. However, some psychologists have found these ideas interesting for further study. As for Alfred Adler, a student of Freud, he tried to find explanations for the ideas of the superman and even offered his own vision of the problem. Adler's interest in some of the fascist claims remains a subject of debate today. Hans Eysenck's fascination with the ideas of a new man with high intelligence was further developed in his research. So, he developed and proposed IQ tests for practice. Some psychologists find fascist overtones in this. Eysenck himself, in his interviews, tried to delicately avoid this topic" (Ibid., p. 60). It is noteworthy that such a description is actually opposed to the part of the article devoted to the fate of Soviet psychological science in the same period: "The history of the development of pedagogy and psychology in the USSR was different. Fascism broke into the USSR unexpectedly. The country was undergoing fundamental changes. The motto

"Everything is for the front, everything is for the Victory" permeated all spheres of society. Almost everyone wanted to be useful to society, victory. Science, education, scientific research in the field of education, pedagogy and psychology have found their purpose in the educational and propaganda direction. Psychological research was not suspended, theory and practice were replenished with new situational data and observations in relation to personality psychology" (Ibid., p. 60).

Thus, in the minds of not only people who have nothing to do with science, but also many professional psychologists, science during the Second World War in the Third Reich is still associated with the horrors of genocide. This is exacerbated by the fact that the legacy of the psychology of the period of National Socialism and the Second World War in particular is still insufficiently analyzed and reflected on even in the modern German-speaking academic environment, not to mention other historians of psychology who do not speak the language and have more problems with access to the necessary documents and literature.

The exploitation of the image of scientists extremely loyal to the National Socialist authorities, such as the already mentioned E. Jaensch, as "the ideal prototype of the German psychologist of the period of National Socialism" is convenient not only because people like him were more popular than other scientists in academic circles (simply because they often held high positions in the academic environment and their work was more widely represented in the scientific literature) and not even because he is a caricature example of the fusion of ideology and science so that the latter was made completely dependent on the former and performed by Jaensch completely lost its shape. Jaensch, among other things, judging by the memoirs and fragmentary information of his biography, is also a rather ambiguous person: refutation of the results of his research by his own supervisor, unscrupulous adherence to the technology of performing experiments, which has been publicly noticed by many of his colleagues more than once, personal conflicts with many researchers, obsession with racial theory - all this provides an ideal foundation for creating the image of a typical servant of a bloody regime (Geuter, 1984a).

Of course, it would be erroneous to focus on the extreme, and from the height of today seeming at times completely absurd manifestations of the fusion of ideology and science and to draw far-reaching conclusions. This creates difficulties for research, as H. Luke writes, posing the problem of stereotypes existing in the history of psychology, including those relating to the psychology of the war and post-war period: for example, in modern sources, the fact of the active professionalization of German psychology, which was expressed in the adoption By the government, regulations governing the status of a person who owns the profession of a psychologist (by the way, this happened in Germany much earlier than in many other countries) are often ignored (Luck, 2017). The problem of the connection between ideology and science and the halo that arises around the image of science of a certain time in connection with the political conditions in which it developed is just as acute for Russian psychology: not only in foreign historiography, but also in the works of domestic psychologists so far there is an opinion that after the change of the political regime in the 1920s, scientific psychology actually ceased to exist: "... An example of the manifestation of such professional self-consciousness is an article by a group of authors [Balashova et al. edition of the educational publication "International Psychology" ("Handbook of International Psychology"). This article says: "After the October Revolution and the Civil War, starting from the 1920s, due to the socio-political orientations of the communist ideology and the dictates of state administration, the development of psychology as a science was interrupted. Empirical research and free scientific discussion have been replaced by a political-ideological approach <...>. Because of this, and also as a result of the political and social isolation of the Soviet Union during the Cold War, the development of Russian psychology was delayed, so that it is called an "interrupted science"" [Balashova et al., 2004, p. 294]" (quoted in: Mironenko, 2015, p. 7), or was extremely ideologized, which for many researchers is implicitly perceived as a reason that the scientific developments of Soviet psychology can not be taken seriously. Thus, for Russian historians of psychology, the study of the experience of German psychological science becomes the more interesting, the more parallels can

be drawn in it in relation to Soviet psychology: offering the concept of the political history of psychology, A.V. Petrovsky notes that it is applicable to the sciences, the formation of which took place under the pressure of states of a totalitarian and post-totalitarian type (Petrovsky, 2007). In our opinion, therefore, comparative studies in the field of the history of psychology and the study of the experience of foreign colleagues are necessary to comprehend the history of Russian science in the context of the formation of modern integration of world science (Zhuravlev, Mironenko, Yurevich, 2018).

4.2. Political history of psychology in the 1930-1940s foreign historiography

One of the most striking examples of competing historical narratives is the historiography of German psychology in the National Socialist period. The question of the position of German psychology and, in particular, the so-called "professionalization" of this area in the period from the beginning of the 1930s. until the end of the Second World War is open to this day: and the study of this problem is complicated not only and not so much by the lack of a sufficient amount of available archival materials. As German historians of psychology rightly point out, the issue of collaboration between academic psychology and the Nazi regime during World War II is not only of historical interest, but also carries serious political and moral consequences (Wieser and Benetka, 2022). In this section, we will outline the main current narratives regarding this issue in German-language historiography, and also highlight the factors that influenced why, in the study of the development of the German psychology of the period of National Socialism, several competing and so very different friend of narratives.

The problem of the mutual existence of psychological science in Germany and the National Socialist regime as a specific, not only political, but also general historical phenomenon has become especially actively covered in academic literature only in the last 50 years.

One of the first, and in many ways still dominant narratives that have existed in historiography on this topic since the 1980s, was put forward by W. Geuter (his work was first published in German in 1984), who argued that the German psychology went through a process of accelerated "professionalization" during the period of National Socialism (Geuter, 1984a). The main hypothesis put forward by W. Geuter was the assertion that, despite the political and racial persecution that fell upon many members of the psychological community during the reign of A. Hitler, as well as the large-scale migration of many famous psychologists of that time, psychological science as a whole learned from the forced coexistence with the National Socialist regime benefit.

First of all, W. Geuter's hypothesis concerns the period of Germany's participation in World War II: it shows that German psychologists took an active part in the militarization of the country, contributed to the ideology of racial superiority, and practical psychologists provided services to the military, military industry and other industries national socialist state. It should be noted that since the 1980s W. Geuter's work remains in fact the single most complete historical source on the history of German psychology under National Socialism. His work is not only historical, but also includes an important critique of those in the discipline who made overly emotional and inadequate assessments, downplaying the involvement of psychologists in Nazi Germany.

In our opinion, sooner or later, such a work should have appeared: it played an important role not so much as actually the first attempt to comprehend the entire volume of material accumulated over the years of the development of psychological thought under the National Socialist regime, but as a turning point in the post-war tradition of evaluation of the historical past (which, before the work of W. Geuter, was reduced either to the scientific community ignoring the history of psychology of the period of National Socialism, or to inadequate radical assessments, in which psychologists who were not repressed and did not leave Germany, who tried to continue their work in the new conditions, were stigmatized accomplices of power).

Thus, in 1944, F. Wyatt and H. L. Teuber published a study on the psychology of National Socialism, in which they gave a broad, but at the same time rather superficial overview of the various directions of development before 1940 (Wyatt, Teuber, 1944). In it, they put forward the hypothesis that the racist theories of National Socialism were accepted in German psychology unchanged and that the superiority of the Nordic race was considered a sacred axiom (Ibid., p. 232). They also believed that the influence of the National Socialist ideology was the stronger, the more general and philosophical was the psychological theory put forward by one or another author (Ibid., 230). Of course, it is hardly possible to consider this work as a fulcrum for further reasoning due to a number of the shortcomings mentioned above. But the problem here again comes down to the lack of information: the historian of psychology W. Goyter writes that today there is no way to turn to the materials of conferences, congresses and other events, not only of the war, but even of the post-war period: “in the debates at the universities of the 1960s about the relationship between psychology is overlooked by the various disciplines and National Socialism... after the war almost nothing was discussed; these areas of the past were ignored or completely classified, even in such forms that in some libraries of psychological institutes, excerpts from the report on the 13th Congress of the German Society for Psychology in 1933 were destroyed” (Geschichte der deutschen Psychologie ..., 1985, p. 173). Speaking about the fact that today we are sorely lacking in knowledge about the relationship between National Socialist ideology and psychology, W. Geuter writes that “at best, one can find a general idea that Erich Jensch should be considered as the prototype of the German psychologist who united racial theory and psychology”, adding that his name is mentioned in publications on the history of psychology of the period of National Socialism many times more often than any other psychologist (Ibid.).

This remark is absolutely true, as we already wrote in the section on Russian historiography, not only for publications directly in the wartime, when the name of Jensch was on everyone's lips, at least due to the fact that this researcher was not only distinguished by amazing productivity in relation to the publication of the

results of his research, but also at different periods of his life held a number of important administrative positions (including being chairman of the German Society for Psychology), but also for the present. Two leading Soviet psychologists B.M. Teplov and F.N. Shemyakin devotes devastating and very emotional articles to him, U. Goiter writes a whole chapter about him in a monograph on the history of psychology, using the example of his work to consider the interpenetration of ideology and science in Germany during the reign of Hitler.

In our opinion, the reasons why E. Jensch became a collective image for a typical German psychologist of the period of National Socialism partly lie in the long silence on the topic of the interaction of psychologists with the National Socialist authorities in the German academic community.

With such different approaches to understanding the role of psychological science under National Socialism, the recognition of the fact of a long silence remains invariably common to the works of modern German historians of psychology: today, almost every work of a German-speaking historian begins with a statement of the lack of reflection on this problem for many decades (Wieser, Benetka, 2022; Schönplflug, 2017). Until the present decade, there has been virtually no discussion in the German psychological literature of this period. German psychologists, other than those we mentioned above, showed little interest in studying the development of psychology during this period, to say nothing of the individual relationship of psychologists to the National Socialist state and its leaders.

The reasons for such a significant gap in the historical understanding of the period of National Socialism lie in a complex set of many factors, not all of which can be established for certain. However, the very fact of the long silence is evidenced, at least, by the lack of response to the obviously polemical article by Franziska Baumgarten, a German-Jewish clinical psychologist who emigrated to Switzerland before 1933 (Baumgarten-Tramer, 1948). (the gap between publications devoted to the period of psychology under National Socialism is reflected in Table 10, Appendix B). In her publication, she accuses psychologists in very strong terms of at least passively accepting and in many cases openly supporting and submitting to

the National Socialist regime (she claimed to know only a few examples of German psychologists who openly opposed the Nazi regime, among them - V. Koehler and O. Bobertag).

The silence that met this article (the only response to F. Baumgarten's accusations that appeared in print were two brief notes, each less than a page in length, the second of which was written by a German psychologist who emigrated to the United States (von Allesch, 1950), very can legitimately be interpreted as a desire, however unconscious, to suppress past history, and, with very few and minor exceptions, this attitude continued until almost the end of the 20th century. The exception is the discussion between F. Merz and A. Welleck. German researcher J. Wollvel: "... [the discussion] began with a relatively brief and cursory review of the reaction of psychologists to National Socialism, made by Merz, which provoked a sharply critical response from Wellek, who reproached Merz with an overly selective enumeration of psychologists who in one way or another opposed the Nazis or suffered at their hands. Welleck also objected to Merz's assertion that the Leipzig school of "holistic psychology" ["Ganzheitspsychologie"] proved particularly prone to collusion with the National Socialist movement; he countered with allegations that its leader Felix Krüger, although initially sympathetic to the movement, had previously been subject to a temporary ban on lecturing, as well as being forced into early retirement due to some "positive" reviews in his lectures on Jews, such as Benedict Spinoza and physicist Heinrich Hertz. Merz countered with a short answer, but the argument was not sufficient to cause an increased tendency of German psychologists of the time to introspection [meaning reflection on the past]. Wellek's subsequent paper on an account of German psychologists who emigrated from Germany as a result of the rise of Nazism did not contribute to this introspection either, as it was largely about why other countries ... (especially the United States) "owed" these emigrants" (Wohlwill , 1987, p. 180). In the 1960s-1970s. this topic was not actually raised in the scientific community either. It should be noted here the situation in which German psychologists found themselves after the war, who were trying to regain their positions in academic psychology, at least

in their homeland: their need to compete for academic employment opportunities (which, obviously, were very small during the post-war devastation) undoubtedly contributed to this silence and unwillingness to denounce those of their colleagues who in various ways supported or agreed with the National Socialist state, because in a sense this helped at least a little to prevent the crisis of German psychological science, which had already suffered due to departure of many scientists from Germany.

Moreover, it is not unreasonable to assume that such a position of scientists and practitioners, apparently, made it easier for German universities to restore their faculties and academic programs without taking into account the participation of specific individuals in the National Socialist movement (although all of them, apparently, should have been tested before the allied denazification courts). In this regard, it is not surprising that a man like O. Kro resumed his academic career in 1949, receiving an appointment to the faculty of the Free University of Berlin (O. Kro also held a position at one of the universities in East Berlin). Moreover, the "Psychologische Rundschau" devoted an entire issue to O. Kropomenny in 1967: the introductory article emphasized the respect and influence that the scientist achieved during his work, and also expressed gratitude for his contribution to the psychology of perception, developmental psychology, psychological counseling and pedagogy, as well as for his efforts to rebuild German psychology in the early post-war era. At the same time, none of the six newspapers that made up this anniversary issue mentions O. Kro as a co-author of E. Jensch (who was his co-editor in the *Zeitschrift für Psychologie*), his activities as an editor of the *Zeitschrift für Paedagogische Psychologie* and about those topics in his articles that were connected with attempts to combine psychology with the ideology of National Socialism. This state of affairs is probably due to the fact that the contribution of O.Kro's introduction in Germany of an official certification procedure for psychologists endeared him to many representatives of the scientific community and formed his reputation for many years to come. However, this is not the only example of how German universities welcomed former Nazi supporters into their ranks. In some cases, the re-employment

of former Nazis or Nazi sympathizers by German universities may have taken place as a result of laws passed by the German Parliament in 1951 to ensure the employment of persons who violated the denazification procedure initiated by the Allies after the war (Bachof, 1965).

Thus, it became possible to address this chapter in the history of German psychology “with a new look” only by the 1980s. - at this time, the work of W. Goiter already mentioned above appears, as well as large-scale review works by K.-F. Graumann and M.G. Ash (the main works that mark the change of narratives in relation to the psychology of the period under discussion are presented in Table 11). This turn in historiography coincides with the 50th anniversary of A. Hitler’s coming to power: as W. Schönplflug very aptly notes, the history of self-analysis of the German psychological community is similar to the history of their compatriots as a whole (Schönplflug, 2017). What he means is that the social (and quite material) physical upheavals caused by the collapse of the Third Reich seem to have done little to introspect or draw conclusions on a national scale. In order for there to be at least a large-scale comprehension of the past, it was necessary to wait for the arrival of a new generation that would not feel burdened by the legacy of the past and who had less reason to “hush up” it. The main provisions of the results of the research of historians in the 1980s. we described at the beginning of the section - for the first time the relationship between scientists and authorities was revised, the main directions of research were formulated, a hypothesis was put forward about the professionalization and institutionalization of psychology in the period of National Socialism.

Table 11 - Main narratives in German-language historiography about the psychology of the period of National Socialism

Main hypothesis	Work creation period	Main Representatives	Content	Arguments
German psychologists were strongly influenced by the ideology of National Socialism	1940-1950-e гг.	F. Wyatt and H.L. Teuber	The activities of German psychologists in the first years after the fall of the	The ideologization and political engagement of researchers was manifested to a greater extent in theoretical and

Table 11 continuation.

Main hypothesis	Work creation period	Main Representatives	Content	Arguments
and, to one degree or another, used the ideas of the superiority of the Nordic race in their work.			Third Reich were viewed through the prism of their close connection with power; On the whole, the first post-war works were mainly of a survey nature and were an attempt to systematize the research accumulated during the war period	philosophical works; in the works of practice-oriented researchers, this connection is less visible
The hypothesis of "forced professionalization"	1980-er.	U. Geuter, F. Graumann, M.G. Ash	Despite political and racial persecution, as well as the large-scale migration of many famous psychologists, psychological science actively developed under the National Socialist regime and went through a process of professionalization.	Introduction in 1941 of the "Diplomprüfungsordnung" (the first regulation in Germany on the examinations required for a diploma in psychology); Active participation of German psychologists in the militarization of the country; The contribution of theoretical psychologists to the development of the ideology of racial superiority; Participation of psychologists-practitioners in the field of the military industry, the activities of the structures of the Wehrmacht and other sectors of the National Socialist state
Revisiting the Professionalization Hypothesis of the	1990-present	W. Schöpflug	German psychology during the period of National	The introduction of the "Diplomprüfungsordnung" was initiated to a greater extent by the

Table 11 continuation.

Main hypothesis	Work creation period	Main Representatives	Content	Arguments
German Psychology			Socialism suffered enormous losses, despite the temporary interest of the authorities in its capabilities during the Second World War	<p>psychologists themselves under the auspices of the German Psychological Association than by the authorities and was not conditioned by any public demands, except for the requests of the professional community itself;</p> <p>The introduction of the "Diplomprüfungsordnung" was initiated to a greater extent by the psychologists themselves under the auspices of the German Psychological Association than by the authorities and was not conditioned by any public demands, except for the requests of the professional community itself;</p> <p>DPO was not fully and effectively put into practice due to the rapidly deteriorating martial law;</p> <p>There have been significant losses in terms of personnel in the professional community (from the migration of leading scientists to the persecution and physical destruction of many of them);</p> <p>There has been a decline in the quality of teaching and the level of scientific research</p>
Criticism of the approach to the study of the phenomenon of	2010-e - present	Wieser M., Benetka G.	Hypotheses about the professionalization and institutionalization of German psychology are	Professionalization cannot be judged by participation alone local level, more information could be obtained on the relationship between

Table 11 continuation.

Main hypothesis	Work creation period	Main Representatives	Content	Arguments
<p>"professionalization" of psychology as the study of exclusively institutional, "legitimized" practices</p>			<p>traditionally proven or refuted on the basis of already institutionalized practices and do not reflect the real state of affairs in the activities of other sectors of the professional community (for example, participation of psychologists in the civilian sector, not just in the military; activities of practicing psychologists (including ungraduated ones), and not just representatives of the academic community)</p>	<p>academic psychology and other institutions that played an important role in the transformation of psychology during the war, non-institutional practices, "peripheral" science also played an important role in the life of the community of psychologists and its transformation during the period of the National Socialist regime; Practicing psychologists traditionally publish less than research psychologists, which leads to a distortion of the representation of the psychological community and conclusions about their activities during the period of National Socialism, so it is impossible to talk about the processes taking place in psychology as a science and practice, based only on the most available data; The activities of practicing psychologists are also less represented in federal archives and library funds than academic psychologists, therefore, when studying the development of the entire industry, it is necessary, among other things, to use local and regional archives.</p>

An alternative to this until recently dominant view of professionalization has emerged relatively recently: in two of his publications, W. Schönplflug (Schönplflug, 2017, 2020) challenged this narrative by highlighting the losses and difficulties faced by the discipline due to the rise of National Socialism and start of the war. The main point of W. Schönplflug's criticism is that the introduction of the Diploma Ordinance of 1941 - in fact, W. Geuter's main argument in favor of the professionalization of psychology - although it corresponded to the policy of the Nazis, was to a greater extent initiated by the group of psychologists themselves under the auspices of the German Psychological Association than the National Socialist German Workers' Party, the government, the military, etc. and was not conditioned by any public demands, except for the requests of the professional community of psychologists itself (this should, if not refute, then cast doubt on the question of how much psychology "gained" from cooperation with the National Socialist regime). Moreover, the concept of practice-oriented, state-approved research (which W. Geuter calls the main specific feature of German psychology during the National Socialist period) was part of the traditional German dual system of academic and professional qualifications and thus actually existed even before 1933. Moreover, the new curriculum for psychologists was largely not implemented due to martial law (which became very difficult for Germany very quickly). At the same time V. Schepflung acknowledges that the Ordinance was certainly a turning point in the merging of academic and professional psychology in Germany, and was an important step in establishing psychology as a profession in its own right, at least as a legal framework.

The current state of the problem of interpretation of this period is in the position of an open discussion: it is not possible to put an end to the issue, not so much because of the lack of necessary documentary evidence, but because of the lack of prospects for filling these gaps in general (for example, difficulties arise at the stage of studying extra-institutional practices and the specialists involved in them; the real participation of psychologists in the civilian sector, and not just in the military, is still a hard-to-reach object of research). The problem is exacerbated by

the fact that most practicing psychologists have published very little; it is also quite natural that in library collections, journals and federal archives they are mentioned much less frequently than their counterparts from the scientific and academic sphere. The same is true for the large centralized archives of the army, industry or the NSDAP.

In one of the latest publications on the state of the psychological community during the period of National Socialism, German researchers present an analysis of cases illustrating the professional path of three specialists involved in different areas of psychological practice of that time, for which they use regional and personal archives (Wieser, Benetka, 2022). In conclusion, the authors suggest that by focusing specifically on the local level, one could get more information about the connections that were built between academic psychology and other institutions that played an important role in the transformation of psychology during the war. The presented cases, according to the authors, confirm the consistency of the "microhistorical" or "regionalized" approach in such a difficult topic for historical research as the development of the psychology of the period of National Socialism.

4.3. "Americanization" of the historiography of world psychology in the post-war period

Period 1930-1940s in psychological science is regarded by historians of psychology as one of the most important in terms of changing the intellectual landscape of science: such is its assessment in American, German, and Russian historiography. The National Socialist upheaval in Germany, which took place during this period, became the reason for revising the results of the development of psychological thought not only retrospectively: the advent of the "new era" was felt as a significant milestone in the development of the scientific psychological community and its contemporaries.

Making sense of the period 1930-1940s. for German psychologists, as we already wrote, happened only several decades later (we wrote about the suppression

of the National Socialist period in the development of German psychology in the previous section). At the same time, apparently, the shift in forces in psychological science (the reasons for which, of course, were not only the migration of German psychologists, but also the unprecedented success of American psychological science during World War II) was also reflected in the historiographic tradition: this thesis was first expressed by the German historian psychology G. Benetka, who noted that the Americanization of German psychology after the Second World War also includes the Americanization of the historiography of German psychology (Benetka, 2002). The history of German psychology is indeed a telling example of how the mainstream trajectory of historiography is changing along with real changes in the scientific community: after the Second World War, German psychology, which had a rich and long tradition, and which claimed to be the "homeland" of academic psychology, moved from the center of the intellectual arena to the periphery, which represented a unique historical and cultural situation. First of all, this was reflected in historical sources: the history of German psychology after 1945 seemed to have completely ceased to exist, or at least ceased to be an important subject of interest for historians.

According to the German-American psychologist T. Theo, a researcher who had the opportunity to be educated both in Germany and in America, North American psychologists or historians of psychology seem to know little about German psychology after World War II, since it is assumed that that since that period no worthwhile field of psychology has existed in Germany, or it is believed that only those psychologies that work in line with mainstream American psychology are of interest (Teo, 2013). As one of the founders of such a direction as "critical psychology", T.Theo also suggests that this area he is developing can be reconstructed as a unique "local", specifically "German" psychology; moreover, he believes that this field of psychology emerged as some kind of native German response to the "Americanization" of German psychology after World War II against the backdrop of distinctive historical, social and cultural developments.

T. Theo made two observations related to his academic interests: first, the way the history of psychology, including the history of German psychology, was taught in North America differed from how this discipline was taught in Austria and Germany. In particular, the psychologist noted that in the "American version" the share of representation of the history and achievements of German psychology after 1945 was significantly lower than before that period. Secondly, using the example of the field of psychology, which, in particular, is being developed by T. Theo himself - critical psychology - he notes that the form and content of critical psychology that arose after the Second World War in Germany differed from what the author encountered in United States or Canada. For example, the theoretical component of this field was given much more attention in academic German critical psychology than in America, while in America the emphasis was on its practical application.

With regard to the second of the remarks mentioned by T. Teo, we can say that the historical reconstruction of a particular phenomenon, probably, really has more success for theorizing within its "root" tradition - the same applies to specifically "Soviet" psychology (although it certainly , is also not something homogeneous and consists of several different directions), which is not limited to an exclusively geographical feature and implies a special cultural, historical and scientific tradition. However, if we talk about the tradition of representing the history of psychology in general, it would be wrong to say that some historians of psychology (German, American or Soviet) understood everything "correctly" or provided more accurate information about the history of psychology as a discipline or profession.

Moreover, it would be wrong to assert that descriptions of objects that are social in nature, including reconstructions of the history of the humanities, can even claim to be objective. "Histories" of psychology are written from specific perspectives that, for various reasons, favor certain agents (meaning both individual scientists and groups, institutions, in the end, geographical boundaries) and ignore others (Internationalizing the History of Psychology ... , 2006). Although in modern

historiography one can find examples of very deep, well-written works on the history of psychology, written by authors from various countries, they present various versions, angles and trajectories of the development of events. Nevertheless, the accumulated historiographical material allows us to note some trends that have developed in the methods of historical writing in different countries, especially after the Second World War.

In particular, the problem of differences in the German or North American historiography of psychology can be illustrated by the example of the role of the figure of W. Wundt. According to K. Danziger (Danziger, 1979; 1983), W. Wundt became the founding father of psychology from the point of view of North American historiography; Indeed, the authors of most monographs and textbooks on the history of psychology, as a rule, associate the formation of psychology precisely with the figure of this scientist. It should be noted that for the Soviet tradition of the history of psychology, this is also rather true: the formation of psychology in the leading textbooks and monographs is associated with the opening of a laboratory in Leipzig by W. Wundt (as an exception, one can cite works whose authors initially set out to trace the historical evolution of psychological thought from earlier times, for example, from the time of Antiquity (Zhdan, 2004)).

The role of the figure of W. Wundt in German and American historiography deserves to be considered separately. For the German historiography of psychology, the figure of W. Wundt, apparently, is not at all central. Of course, we do not claim that from the point of view of German historians, the role of this scientist in the psychology of science is exaggerated and overestimated, but it is worth saying that Wundt was still only one of many figures who influenced the creation of psychology as an academic field. Thus, based on his own educational experience, T. Theo, already mentioned above, indicates that the main attention in the course on the history of psychology was given to I.F. Herbart (1776-1841) as the founder of "scientific" psychology with its mathematical approach to mental phenomena. And the modern historian of psychology, H. Gundlach (Gundlach, 2004), generally gave the date of birth of psychology as an independent discipline to August 21, 1824,

when Prussia introduced psychology as a compulsory pedagogical course in its universities (an argument that is completely neglected in North America).

Moreover, within the tradition of psychology as "geisteswissenschaftliche", which was neglected by American psychology almost from its inception, and with which post-war German psychology has tried to reconnect since the 1960s, the figure of W. Dilthey (1833-1911) is considered to be almost the same important as the figure of W. Wundt. After conducting a historiographic analysis, T. Theo writes: "The Austrian historian of psychology G. Benetka (Benetka, 2002) in his "History of Psychology in the 19th Century" devoted about 10% of the book to Dilthey's program (7% less than Wundt). In German-speaking countries, despite their ambivalence about this important figure, Sigmund Freud (1856-1939) is still regarded as a pioneer in the field of psychology. In O. Klemm's (1884-1939) History of Psychology (1911), Wundt was only one figure in a much larger network of different approaches. He described experimental psychology as just one branch among many other psychological approaches and began his discussion with Ernst Heinrich Weber (1795-1878), Gustav Theodor Fechner (1801-1887), Johannes Müller (1801-1858) and Hermann Helmholtz (1821-1894).) before moving on to the Wundt figure and then to Carl von Wierordt (1818-1884), Narzis Ach (1871-1946), Karl Marbe (1869-1953) and others. Wundt is considered an important but not the most significant figure in this tradition. That he became such a central figure in American historiography can be explained by the role of personal transmission, when American psychologists who studied and worked in his laboratory brought his ideas and practices, somewhat distorted, back to the United States (not to mention the influence of Boring (1929))" (Ibid., p. 4).

Another factor due to which W. Wundt is given more attention than other psychologists who are at the origins of scientific and academic psychology is associated with the specifics of American historiography at its initial stage: events tied to individual figures. In the German tradition of the history of psychology, ideas, concepts or problems in psychology were as important as "pioneers": for example, O. Klemm devoted large sections of his book to the development of psychological

categories and psychological theories (Klemm, 1911). L. Pongratz (1948 - present) presented the history of problems in psychology and organized his material accordingly, in particular challenging the approach of E. Boring (1986-1968) to historical problems (Pongratz, 1967). More importantly, L. Pongratz considered the history of problems in psychology as part of fundamental research in psychology, without its connection with the field of historical psychology.

One way or another, the fact that the school of W. Wundt and other prominent German scientists in the American tradition of the history of psychology receives quite a lot of attention (at least until the middle of the 20th century) refutes the hypothesis that American historians strive to “erase” the contribution of psychologists from other countries to psychological science, or simply emphasize the superiority of American researchers (the main significant developments in German psychology in the post-war decades are presented in Table 12).

Table 12 - Stages in the development of post-war German psychology

Period	Characteristics	Main events
Post-war period (1946-1950)	Preservation of continuity with the pre-war and military traditions of German psychology	Preservation of positions in universities by the same people as in wartime (O. Kro and others); The development of research areas that were popular in wartime (Gestalt psychology, holistic psychology, characterology, etc.)
1950-1960 гг.	Growing contradictions between the approach of a holistic study of personality in the German tradition and the American "quantitative" approach	Increasing popularity of internship programs for German students in the US; Changing the nature of knowledge translation; Reprint of textbooks by leading American authors in German Hofstetter series (popularization of the quantitative approach); his debate with A. Wellek
1960-1965 гг.	The peak of the "Americanization" of German psychology, the renewal of mainstream trends	Change of generations, including among university professors; Growth in the publication of English-language works by German scientists

In our opinion, this is certainly justified to some extent: however, substantiating this state of affairs with the help of a lengthy “shift of the center of

psychological thought from Europe to America” seems insufficient. Thus, it is of interest to study in more detail the reasons for this state of post-war German psychology, which includes a change in the direction of the nature of the transfer of personal knowledge, the Americanization of German mainstream psychology and its criticism, as well as personal career trajectories.

Let us briefly turn to the history of post-war German psychology. Until the events of the 1960s and 1970s, when West German psychology went on an Americanization trajectory, in the early post-war years, American psychology did not seem to have much influence on psychological discussions, and West German psychologists, in essence, continued to do what practiced both before the war and during the war. So, according to P. Matthes, Gestalt psychologists (Wolfgang Metzger, Johannes von Allesch and Edwin Rausch) focused on experimental studies of perception; psychologists adhering to the approach of "holistic" psychology (Ganzheitspsychologie) (Friedrich Sander, Albert Wellek) continued their research in the humanities, based on the ideas of Eduard Spranger (1882-1963), Wilhelm Dilthey (1833-1911) and Edmund Husserl (1859- 1938); characterologists (Albert Wellek, Ernst Kretschmer, Erich Jansch, Gerhard Pfahler, and Eduard Spranger) studied personality from a holistic perspective, where interpretation and hermeneutic methods were seen as powerful research tools (Matthes, 1985; Ash, 1995). Earlier we already wrote about the continuity of the line of German psychology, only in relation to administrative positions: M.G. Ash called it "a striking continuity from the Nazi period" (Ash, 2006, p. 148), when "almost all those who held professorships in 1943 also did so in 1953" (Ibid., p. 148). Later, German historians came to the conclusion that this administrative, bureaucratic continuity was also combined with the continuity in the tradition of the content of psychological research in the late 1950s (Lück, Grünwald, Geuter, Miller, Rehtien, 1987, p. 146).

P. Matthes explains this by the fact that psychology performed conservative functions in German society: "... only the differentiation of social needs after 1950 led to the differentiation of psychological approaches. However, already in 1953, at the congress of the German Psychological Society, for the first time, obvious

contradictions were revealed between the German approach to the holistic study of personality and the American, "quantitative" approach (Mattes, 1985, p. 219). Although in 1955 Albert Wellek (1904-1972) confidently argued that no further strengthening of the methodological influence of American psychology should be expected, because "hermeneutical psychology, which is perceived as a historical mission in continental Europe, would exclude this one-sided approach" (ibid., pp. 219-220), however, a methodological dispute in the mid-1950s marked the beginning of the end of traditional German psychology. The debate between Albert Wellek and Peter Hofstetter (1913-1994) can be considered indicative in this respect: while Wellek preferred a holistic, phenomenological approach to the study of personality, Hofstetter preferred statistical, factor-analytical models (Métraux, 1985, p. 237). In the 1950s, Hofstetter published a series of papers in which he presented a quantitative, "Americanized" approach to psychology. This Americanization, among other things, took place against the background of the transfer of personal knowledge: the Austrian P. Hofstetter had the opportunity to lecture from 1949 to 1956 at some US universities, where he became acquainted with quantitative models of personality research. When he became a chair at the University of Hamburg in 1959, he continued this line and became a kind of "ambassador" of the American tradition in Germany.

German historians have argued that the "Americanization" of German psychology reached its peak between 1960 and 1965, coinciding with a generational change and a final "renewal" of already obsolete German traditions (ibid., p. 227): during this period, a new generation of researchers and teachers received the opportunity to study and conduct research in the United States with the financial support of American academic or cultural organizations. Of course, many of these researchers, having been educated abroad, brought American theories, concepts, and methods back to West Germany. Thus, during this period there was an important turn in the scientific German-American relations: the once established tradition of the continuity of scientific psychological knowledge, its transfer from the European center to the American, dating back to the laboratory of W. Wundt, where the most

prominent American psychologists gathered, changed direction . Now the US had become the intellectual mecca of psychological science, and German students sought to gain experience in US universities.

This revolution, although separate from German psychology, is developed by Berlyne in his article on the phenomenon of "colonial science" in relation to psychology (Berlyne, 1968). In general, the phenomenon of colonialism in science became a subject of discussion in the literature in the second half of the 20th century - one of the first to introduce it was the American historian of science J. Basalla (Basalla, 1967). Thus, the term was originally introduced to refer to a kind of "tutorship" that a "colonial" scientist gave in turn to scientists from various other countries. He specified that this phenomenon had no necessary connection with political colonization.

As the Canadian psychologist D. Berline wrote, there are several opinions about what proportion of leading psychologists live in America (he analyzes the state for the 1960s), "... but the lowest estimate that I have ever come across is 50%, and I have heard suggestions that this proportion could be as high as 80%. Psychologists from all over the world, and especially from Western Europe, flock to the United States in much the same way and for the same reasons that artists flocked to Italy in the seventeenth century and to France in the early twentieth century. Some come for limited time as part of their training. Others find working conditions in the United States that encourage them to settle there permanently" (Berlyne, 1968, p. 447). Assessing the situation in the educational market, D. Berline concludes: "In fact, it is believed that a Western European psychologist has not completed his studies or has not received the right to speak authoritatively on psychological issues until he spends some time at an American university" (Ibid.). In our opinion, as a description of the relationship between American psychology and psychology in the rest of the world today, such a view would be a serious exaggeration. Several countries outside of America have quite respectable curricula, journals, and their own psychological societies. Nevertheless, at least some features of colonial relations are evident today.

An important aspect in studying the mainstream of any science is the language of professional communication and publications. In this regard, a series of works by S. V. Fernenberg is of great interest: the first of a series of his studies, the results of which are summarized in the publication "On the number of articles on psychological topics published in different languages", published in 1917, is aimed at studying the share of various languages in available psychological journals. He repeated his study four more times, ten years apart (the last review article was published in 1956). The study clearly demonstrates a decrease in the number of publications in German and, as a result, a shift towards English as the main specialized language in psychology. In 1917, S. Fernenberg writes: "... it is an absolute necessity for the student of psychology ... to have a superficial and critical knowledge of German and English for reading" (Fernberg, 1917, p. 150). This phrase, in one form or another, was used by him until 1946 inclusive as the conclusion of the article, however, with the reservation that the German language was more important for the perception of old sources, while its significance for current and future literature was uncertain (p. 290). In the conclusion of a 1956 article, he writes: "... the English language has acquired such a numerical superiority that ... he [the psychologist] must have sufficient knowledge of the English language to read in order to be able to keep abreast of the achievements of his science" (Fernberg, 1956 , p. 309). Bibliometric data.Fernberger convincingly demonstrate the loss of importance of German as a professional language in international psychology during the first half of the 20th century.

Thus, Americanization refers to the recognition of the superiority of the American psychological tradition and the authority of American psychologists. Due to the renewed international communication in the 1960s. between Germany and the United States, a particular case of such Americanization was the importation of ideas and methods that were already established in the United States. It is worth pointing out that some modern historians argue that the term "Americanization" is inadequate to describe what happened in West Germany, and instead propose to consider the ongoing processes as manifestations of a more general process of "psychologisation"

of society, a process that sooner or later had to happen, just arrived in Germany with some delay (Ash, 2006, p. 150). However, as T. Theo later noted, from a historical point of view, this argument should have explained why the psychologization of German society did not occur within the framework of German traditions, but was so strongly tied to the American approach to research (Teo, 2013). In addition, the psychologization argument also does not explain the later emergence in Germany of a strong counter-tradition in response to this Americanization, and we consider this position to be more justified.

Reaction to "Americanization"

So, it is worth dwelling on the last thesis about the German psychological "reaction" in more detail. In the 1960s Americanized German psychology has indeed come under fire from the skeptical psychologists that emerged during the period of Americanization in Germany in the 1960s. However, this line of criticism differed from earlier, even pre-war, methodological discussions (we described in more detail the two philosophical and methodological traditions of psychology in America and Germany in the section on the psychology of education). Thus, when the representatives of the "new wave" criticized traditional psychology after the Second World War, they had in mind primarily the American theories and methods that became dominant in German discussions in the 1960s, and not the classical tradition of German psychology. One of the representatives of this "reaction" was K. Holzkamp (1927-1995). His ideas were significantly influenced by the German student movement of the 1960s. (it is known that student movements and "student revolutions" in the 1960s were widespread throughout Europe; they were preoccupied with acute social problems both at the national and international levels). Thus, on the scale of national discussions, German students raised the problem of Germany ignoring its Nazi past; on a smaller level, students were concerned about the established structure of academia, which students considered overly hierarchical, rigid, and generally outdated and out of touch with the trends of modern society. On the international level, students around the world (including in Germany) were particularly concerned about the American campaign in Vietnam, as well as

American imperialism, which was hidden under the guise of democratic values. On this wave, K. Holzkamp developed a new direction - "critical psychology" as opposed to "popular", mainstream psychology (primarily American-style psychology), which serves the interests of the ruling elites and ignores human problems. Although critical psychology did not represent a strictly defined and specific set of approaches and methods only for this area and used the tools of various fields of knowledge, its core was the thesis about the need to take into account the socio-economic conditions of the existence of society and a person and refuse to study them "in vacuum."

It is important to note that the processes of "Americanization" and "reaction" described above relate more to the West German tradition (first of all, these processes affected universities and psychologists from Berlin and other large cities of Western Germany; for example, the aforementioned K. Holzkamp served as a professor at the Free University in Berlin): due to the specifics of political conditions (the division of Germany into the FRG and the GDR), psychological science in these regions clearly had its own specifics. The impact of global socio-political processes on the fate of scientific areas in East Germany remains to be explored. However, at this stage, one can note an interesting fact about the historiographical narratives in relation to Soviet psychology. So, in his introduction to Teplov's textbook "Psychology", which was translated from Russian into German and for implementation in the educational programs of psychologists in the GDR, P.G. Klemm criticized the absence of any progressive literature in post-1945 Soviet psychology and argued that Teplov's book was an example of a dialectical-materialist view of the psyche because it was based on the doctrines of Marx, Engels, Lenin, Stalin, Michurin, Lysenko, and Pavlov. The translator claimed that psychology was influenced by Lysenko's discoveries, according to which Mendel's "reactionary views" were exposed; Pavlov's research, which led psychology to the development of a "truly progressive psychology"; and "Stalin's brilliant work", which opened up new avenues for the development of the study of thought and language (Klemm, 1953, p. 5).

The problem of historical reflection of the development of scientific knowledge is becoming increasingly relevant at the present stage of the development of science, when its position is increasingly comprehended in connection with ethical problems and the problems of the future of the whole society. In this vein, the problem of interpreting the accumulated experience becomes very important: the answer in the form of relativistic concepts is no longer enough for the challenges that historical science faces. It is worth noting separately that today the most important part of historical research is the recognition that the very process of interpreting a historical fact, no matter how far the researcher-historian is from the event under study, is also subject to many factors. The process of historical understanding of an event depends not only on the availability of data about this event, but also on the historian as a bearer of the socio-political characteristics of his time.

CONCLUSIONS ON CHAPTER 4

1. There are significant differences in how the course of the history of science is presented, the significance of ongoing events and the value of the contribution of certain areas and authors, depending on the specific socio-cultural and political conditions and the situation within the scientific community where historiographic sources were created. In Russian scientific discourse, several periods are distinguished in relation to the historiography of the 1930s-1940s: in wartime works, German psychology of the period of National Socialism was associated mainly with colossal losses for German science, as well as attempts by psychologists who remained in Germany to “please” the existing regime, which is largely due to the consolidation of Soviet society during the hostilities. A more versatile and complete understanding of the period of 1930-1940s. occurs only in the 1960s, which can be explained by the general growth of research in the history of psychology, the change of generations of scientists, as well as the political situation of the early 1960s. (the beginning of the so-called "thaw", with which the processes of integration with foreign science were resumed and the struggle against cosmopolitanism was

stopped). The active growth of comparative studies or research on the development of psychology in the period 1930-1940s. abroad, occurs only after the 1990s. after the fall of the "Iron Curtain" and the development of pluralism in relation to assessments of the past.

2. The key problem for the German historiography of German psychology is the question of its professionalization in the period from the beginning of the 1930s. until the end of World War II. Two narratives compete here: 1) the hypothesis of "forced professionalization" of German psychology, which originates in the works of W. Geuter: despite political and racial persecution, as well as large-scale emigration of many famous psychologists, psychological science actively developed under the National Socialist regime; 2) German psychology has suffered enormous losses, despite the apparent interest of the authorities in the services of young science: W. Schönplung focuses on significant losses in terms of personnel, as well as the quality of teaching and scientific research. This difference in interpretations is due to several reasons: the lack of reliable historical evidence; different approaches to understanding the very phenomenon of "professionalization" of science; change of generations of researchers (revision of older concepts and the desire to supplement them in the light of modernity in the second case).

3. After the Second World War, German psychology, which had a rich and long tradition, and which claimed to be the "homeland" of academic psychology, moved from the center of the intellectual arena to the periphery. This was reflected in historiography: the history of German psychology after 1945 ceased to be an important subject of interest for historians. The shift in power in psychological science (which was no doubt caused not only by the migration of German psychologists, but also by the unprecedented success of American psychological science during World War II) was reflected in the historiographical tradition: the Americanization of German psychology after World War II includes the Americanization of the historiography of German psychology. However, the fading of interest in German psychology in American historiography concerns only the

psychology of the post-war period: it was not possible to talk about the desire to “erase” the entire German history of psychology.

4. The explanation of the fading of interest in German psychology of the post-war period in historical sources by the “shift of the center of psychological thought from Europe to America” seems to us insufficient. Among a number of specific reasons for such a turn, we identified the following: a change in the direction of the educational tradition: already in the 1960s. a new generation of young European researchers sought out fellowships in the US; Americanization of German mainstream psychology and its criticism: the fading of the classical German tradition, the growing popularity of statistical models; and career trajectories of researchers aimed at working in the US.

FINDINGS

1. In modern historical and scientific studies of the development of psychology in the turbulent twentieth century, the use of systemic and integrated approaches and interdisciplinary research is expanding, since the history of the development of scientific knowledge, theory, methodology and practice of science is interconnected with the life of science as a social institution and is due to a complex combination of factors, among which are intra-scientific, socio-cultural, subject-personal, as well as economic, geographical and others.

2. In the modern history of psychology, special attention is drawn to the place and importance in the development of psychology of economic and political factors, the influence on the development of psychology not only of the state, which has traditionally been the focus of historical and psychological research, but also of the market and civil society. In analyzing the situation of the historical development of psychology, it is necessary to take into account all aspects, taking into account that the interests of the state, the market and civil society can be presented in various proportions, complementing or contradicting each other.

3. Science as a social institution is represented by a set of real people in all the variety of their relations with social institutions, including power structures. In this regard, the traditional in the past view of the problem of science and power in terms of "loyalty - confrontation" today seems one-sided and does not adequately reflect the diversity of relations between the scientific community and the state and society. It is necessary to supplement the vector of consideration "loyalty - confrontation" with the vector "inclusion - distancing" of science with the agenda of power in the field of a) ideological and b) practical tasks, and assess differently for each of the blocks of tasks.

4. In the historical and scientific discourse, the problem of the compatibility of science and the political system will stand out. In the works of modern historians of science (including historians of psychology), the question of which political

regime and type of political structure of society is most conducive to the favorable development of scientific knowledge is considered. In the works of foreign historians of psychology, the connection between psychology and liberal democratic forms of government is emphasized. It can be assumed that the position about liberal systems as the most favorable foundation for the development of psychological knowledge arose in the context of the idea of American hegemony in the production of scientific psychological knowledge that dominates in foreign historical and psychological discourse.

5. In accordance with the concept of the institutionalization of science, in the development of psychology, the following are distinguished: a) the processes of interaction of the professional community in the system of external social institutions, primarily with the state, the market and civil society - the institutionalization of psychology as a formalization of the status and role of psychologists in society; b) the processes taking place within the psychological community, in which the initiating activity of the psychological professional community itself, as a collective subject of activity, is manifested with particular obviousness.

6. Actual topics in modern historical and scientific works are studies of the very nature of the scientific community and attempts to comprehend the role of the scientific community in the system of social relations, the problems of its autonomy and responsibility. In Russian psychology, a subjective approach is used in the research of the scientific community (M.G. Yaroshevsky, A.L. Zhuravlev, O.A. Artemyeva, etc.).

7. During the period under review, the interests of the market (primarily of big capital) and the state in the United States were closely connected, merged ("oligopolis"), thus, market support was at the same time an ideological demand of the state. During the Great Depression, the psychological community responded to mass manifestations of discontent among the population by paying attention to emerging social problems and developing American social psychology. Thus, American psychology performed two functions of science in relation to the state,

while at the same time working for the market and civil society: a) responding to specific applied tasks (primarily military), b) in the ideological formulation of the general doctrinal directions of state policy. This ensured a stable and sustainable institutionalization and development of the subjectivity of the American psychological community, as well as the growth of its international status and influence.

8. With the coming to power of the National Socialists in Germany, a totalitarian regime was established, so that the history of German psychology during the times of National Socialism A.V. Petrovsky calls the political history of psychology, which has specific patterns that distinguish it from others. All areas of public life, including science and culture in Germany, were almost completely determined by the dictates of the state, while the influence of the market and civil society was minimal. The dictate of the state here determined the course of the institutionalization of psychology both in the "external" interaction with social institutions, and in terms of forms of integration and differentiation within the scientific community.

9. With the coming to power of the National Socialists, the German professional community has undergone significant changes. First of all, as a result of the adoption of a number of laws regarding people of Jewish origin and the departure of scientists from the country, the composition of the psychological community changed (change in the composition of the board of the German Psychological Society in 1929; personnel changes in universities). There were shifts in the methodology and research topics (the extinction of Gestalt psychology due to the migration of scientists and the personnel policy of the new government), the value bases of some areas of research were revised - in particular, value aspects and the paradigm of "educating a new person" began to develop in the psychology of childhood and education. ". New directions developed - for example, military psychology, and there was also a extinction of directions that failed to prove their practical usefulness during the Second World War in the 1940s. (primarily theoretical and methodological).

10. An important characteristic of wartime in both Germany and the United States was the involvement of psychologists in government military structures. Thus, psychology in Germany for the first time received an extensive and structurally formalized sphere of practical activity outside of higher educational institutions. The development of practical applications of psychology in the military department was an important tool for strengthening the status of psychology in society and its legitimization, both in Germany and in the United States. The needs of the war also led to the creation of research and applied areas of psychology that did not exist before the Second World War.

11. A manifestation of the formation of the professional community of psychologists as a collective subject of the development of science in the mid-1930s. In Germany and the USA, there is activity in the self-organization of the community of psychologists, which manifested itself in Germany in direct relation to interaction with the state: in the creation of a system of professional certification (the introduction of an exam system for psychologists, that is, their state certification), and in the USA, the self-organization of the community of psychologists manifested itself, primarily in the form of the creation of professional organizations (the creation of the Society for the Psychological Study of Social Problems, the American Association of Applied Psychology, the Psychometric Society: during World War II, the creation of the National Council of Women Psychologists).

12. In the development of German psychology, there are several turning points that separate specific periods in its development: 1) 1929-1933 - a change in the composition and structure of the psychological community and the need to form a new identity in connection with the political changes of the early 1930s (board of the German Psychological Society in 1929; the departure of many leading scientists from the country; personnel changes in universities); 2) 1933-1945 - strengthening the professional community around the emerging opportunity to "legitimize" the profession of a psychologist (participation in initiatives to introduce the law on professional examinations, the status of a psychologist in military structures); 1945-1950 - the need for reorientation and restructuring of the identity (self-reflection) of

the community in the new socio-political conditions. Despite some strengthening of the professional community in the second period, losses in the first and third stages became a prerequisite for the extinction of the foundations of the German classical tradition. It was interconnected with changes in the subjectivity of the community at the first of the identified stages (1929-1933): structural and personnel changes in the psychological community were largely due to the migration of the leading representatives of the classical German tradition and the lack of its further development within the new community, as well as political situation as a result of the fall of the National Socialist regime and the loss in World War II.

13. The history of the relationship between the psychological community of Germany and the totalitarian regime led to the fact that during the existence of the National Socialist state, the German professional community developed a special type of strategy. One of the strategies for demonstrating the feasibility of their developments was to show their practical usefulness; this was done mainly by psychologists employed in the structures of the Wehrmacht. Another strategy was to present psychology as a subject that, in terms of its content, questions and research results, in a special way meets the new political requirements - the National Socialist ideology, so, in the psychology of childhood and education, value aspects and the paradigm of "educating a new person" began to develop. "

14. With the destruction of Nazi Germany in 1945 psychology as an institution in the structure of this state ceased to exist along with it, which led to radical changes in the life of the professional community, required the search for new forms of interaction with society and self-organization, the formation of a new self-identification. However, after the fall of the Wehrmacht and the National Socialist regime, the psychological community did not collapse. After the dissolution of the psychological laboratories in 1943, the process of professionalization in the form of the introduction of an examination program for psychologists was not stopped, positions at universities continued to be filled; however, due to losses during the establishment and then the death of the totalitarian regime, psychology in Germany weakened its position and after the war, German psychology ceased to be associated

with a special, integral, original direction. Discourse analysis showed that this was reflected, in particular, in the fact that German psychology is presented in textbooks on the history of psychology only as the birthplace of psychological science and as the birthplace of the scientific school of Gestalt psychology; also after the war, the scientific hierarchy and continuity changed - now German students and young scientists more often went on internships and studies in the United States than vice versa).

15. By the end of the Second World War and in the post-war period, the following trends in the development of psychological science were noted. In the USA: increasing the authority of American psychology, increasing funding from the public sector, developing new areas of research (social psychology, clinical psychology, psychological counseling); in Germany: the need to reorient the self-identification and methodological foundations of the German psychological in connection with the fall of the political regime; the isolation of German science; loss of the "special" German tradition.

16. There are significant differences in how the course of the history of science is presented, the significance of current events and the value of the contribution of certain areas and authors, depending on the specific socio-cultural and political conditions and the situation within the scientific community where historiographic sources were created. Thus, in the Russian scientific discourse of the war period, the German psychology of the period of National Socialism was associated mainly with enormous losses for German science, as well as with the attempts of the psychologists who remained in Germany to "please" the existing regime. In modern science, the key problem for the German historiography of German psychology remains the question of its professionalization in the period from the early 1930s to the early 1930s. until the end of World War II. Two narratives compete here: 1) the hypothesis of "forced professionalization" of German psychology, which originates in the works of W.Goyter: despite political and racial persecution, as well as large-scale emigration of many famous psychologists, psychological science was actively developing under the National Socialist regime; 2) German psychology has suffered

enormous losses, despite the apparent interest of the authorities in the services of young science: W. Schönplung focuses on significant losses in terms of personnel, as well as the quality of teaching and scientific research. This difference in interpretations is due to several reasons: the lack of reliable historical evidence; different approaches to understanding the very phenomenon of "professionalization" of science; change of generations of researchers (revision of older concepts and the desire to supplement them in the light of modernity in the second case).

17. The changes in the historiography of psychology devoted to the period of 1930-1940 are shown, which were due to the transformations of the socio-political context, as well as changes in science itself, during which historiographic sources were created. One of the manifestations of such changes is the "Americanization" of historiography, especially in relation to the history of German psychology. This is influenced, first of all, by the change of generations of researchers and the tendency to "revise" previous concepts; change of political context (sufficient amount of time that has passed since the events described; weakening of political pressure); scientific paradigm shift.

CONCLUSION

As part of the dissertation research, the goal was to identify the features and compare the development of psychology in Germany and the USA in the period of 1930-1940s. The results obtained and the formulated conclusions allow us to state that this goal has been achieved.

An analysis of the theoretical and methodological foundations of the problem of social determination of the development of scientific and practical trends in psychology led to the conclusion that this problem is developing most actively within the framework of the direction of domestic psychology of science, where special attention is paid to the levels and structure of social determination. The scientific community is an important subject of relations between science and power, which is a heterogeneous entity represented by a set of real people, which requires a deeper understanding of the role of scientists as carriers of different behavioral strategies and practices in all the variety of their relations with social institutions.

Trends in historical science, such as interdisciplinarity, attention to socially oriented historical writing, problematization of the concept of "historical fact" require an integrated approach to historical and psychological research using general scientific methods.

The main scientific and practical areas, which to the greatest extent reflect the main global and local trends in psychological science in the period of the 1930s-1940s, are the psychology of education, psychology in the sphere of work and psychology in the sphere of social security. Transformations in these areas were influenced by economic factors that developed in the early 1920s, such as a change in the structure of the economy, the economic crisis of 1929 (the development of holistic psychology in Germany, the crisis of psychotechnics in Germany; the formation of a request to the scientific community as a subject of social responsibility; the formation of the phenomenon of "social order"); intrascientific factors (methodological crisis of 1930); political factors (the coming of A. Hitler to power in Germany, which were associated with the strengthening of the ideas of

totalitarianism, the merging of all spheres of society, the fusion of personal and political; the coming to power of F. Roosevelt in the United States, which marks a number of measures to combat the economic crisis and growth attention to social issues) a factor of social upheavals, such as World War II (strengthening of interdisciplinarity tendencies, mobilization of resources of the scientific community, unity of theory and practice, active development of directions that satisfied the demands of wartime and tactics of warfare from the point of view of the government of a particular state. In the USA and Germany emphasis was placed on preventive measures of combat and the preservation of personnel, which was associated with the growth of developments in the field of psychotechnics and professional selection. It is interesting that in the USSR - in accordance with the concept of total mobilization of human resources to fight the enemy - in addition to the active development of clinical psychology On the contrary, studies were developed devoted to increasing the morale of personnel, studying the personal qualities of fighters and studying the phenomenon of heroism (the field of psychotechnics and professional selection after the 1930s. was never restored during the Second World War), however, a comparison of these aspects with the Soviet psychology of this period requires additional research.

Methodologically, the historiographic analysis of the representation of a certain period in the development of science applied in the course of the study can also be applied to other periods, as well as to individual phenomena (schools, approaches, directions, individual career trajectories) in the history of psychology. The canon of modern trends in the study of the mental in almost any perspective (be it, for example, cognitive science or, even more so, social psychology) includes taking into account the historical and cultural conditioning of a particular psychological phenomenon. However, in our opinion, the historical component in psychological research is underestimated today. In our opinion, today it is important to come to the realization that any psychological knowledge is a sphere of influence of the history of psychology. Not only does a psychologist in his work always deal primarily with historical material (and this applies not only to the historical

digression that psychologists make into the problem they are studying, which is an integral stage of this or that research, but also to work with any materials that have been obtained as a result of direct research and interpreted by psychologists in a certain way), but, more importantly, any researcher who in one way or another comes into contact with the psychological field of knowledge is an actor, a subject of the history of psychology. Therefore, the development of a subjective approach, attention to the scientific community as an actor of social and scientific changes today deserve much more attention than they have today.

Speaking about the results and conclusions from a practical point of view, it is worth noting that the materials of the study can serve as a foundation for expanding the database on the history of Russian and foreign psychology of the specified period, as well as preparing relevant monographs, articles, manuals and reference literature.

BIBLIOGRAPHY

1. Alevras N.N. Istochnikovedenie istoriografii i istoriograficheskij istochnik v kontekste istochnikovedcheskoj paradigmy kak povod dlya istoriograficheskikh zametok i razmyshlenij / N. N. Alevras // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik. – Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo, 2017. – S. 100-121.
2. Alekseenko I.S. Istoriograficheskoe napravlenie istoriko-psihologicheskogo znaniya / I.S. Alekseenko // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2011. – №3.
3. Alekseenko I.S. Razvitie otechestvennoj istoriografii kak napravleniya istoriko-psihologicheskogo znaniya v XX veke / I.S. Alekseenko // Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: sud'by uchenyh, dinamika idej, sodержanie koncepcij. – 2016. – S. 19-27.
4. Andreeva G.M. Psihologiya social'nogo poznaniya: Ucheb. posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij. — Izdanie vtoroe, pererab. i dop. — M.: Aspekt Press, 2000. — 288 s.
5. Andreeva G.M. Social'naya psihologiya. Uchebnik dlya vysshih uchebnyh zavedenii / G.M. Andreeva. – M.: Aspekt Press, 2001.
6. Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory / F.R. Ankersmit. – M.: Progress-Tradiciya, 2003. – 496 s.
7. Antinazi A. Enciklopediya sociologii. 2009 // [Elektronnyj resurs]: URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm>. – 2018.
8. Artem'eva O.A. K voprosu o social'noj biografii pedologii v Rossii / O.A. Artem'eva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie. – 2010. – №3.
9. Artem'eva O.A. Otechestvennaya psihologiya na perelome: urovnevaya sub"ektnaya koncepciya social'no-psihologicheskoy determinacii razvitiya psihologii: monografiya / O.A. Artem'eva. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2012. – 382 s.

10. Artem'eva O. A. Nauchnoe soobshchestvo kak sub"ekt nauchnoj deyatel'nosti / O.A. Artem'eva // Psihologicheskij zhurnal. – 2015. – T. 36. – №. 5. – S. 95-103.
11. Artem'eva O.A. Social'nye usloviya razvitiya sovetskoj prakticheskoj psihologii v 1920-1930 gg. / O.A. Artem'eva // Gumanitarnye osnovaniya social'nogo progressa: Rossiya i sovremennost'. – 2016. – S. 145-150.
12. Bajford E. Zagrobnaya zhizn' «nauki» pedologii: k voprosu o znachenii «nauchnyh dvizhenij» (i ih istoriya) dlya sovremennoj pedagogiki / E. Bajford // Prepodavatel'. HKHI vek. – 2013. – № 1. – С. 43–54.
13. Balashov E.M. Pedologiya v Rossii v pervoj treti HKH veka / E.M. Balashov. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2012. – 192 s.
14. Barabanshchikov A.V. Sovetskaya psihologiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / A.V. Barabanshchikov // Voprosy psihologii. – 1985. – №. 2.
15. Beskrovnyj L.G. Ocherki po istochnikovedeniyu voennoj istorii Rossii / L.G. Beskrovnyj. – M.: AN SSSR, 1957.
16. Bekhterev V. M. Izbrannye raboty po social'noj psihologii / redkol.: A. V. Brushlinskij (pred.) i dr.; izd. podgot. V. A. Kol'cova, M. V. Mulenkova; otv. red. toma E. A. Budilova, E. I. Stepanova; Ros. akad. nauk, In-t psihologii. — M.: Nauka, 1994. — 398.
17. Bityanova M.R. Social'naya psihologiya: nauka, praktika i obraz myslej. Uchebnoe posobie, 2-e izd. / M.R. Bityanova. – M.: Aspekt Press, 2007. — 363 s.
18. Bogdanchikov S.A. Pochemu byl uvolen GI CHelparov / S.A. Bogdanchikov // Voprosy psihologii. – 1996. – №. 1. – S. 85-96.
19. Bogdanchikov S.A. Nauchno-organizacionnaya deyatel'nost' G.I. CHelparova / S.A. Bogdanchikov // Voprosy psihologii. – 1998. – №. 2. – S. 126-135.
20. Bogdanchikov S.A. Sud'ba ejdetiki v sovetskoj psihologii / S.A. Bogdanchikov // Voprosy psihologii. – 2001. – №. 2. – S. 110-118.

21. Bogdanchikov S.A. Osnovnye napravleniya i techeniya v otechestvennoj psihologii 1920-h gg. / S.A. Bogdanchikov // Metodologiya i istoriya psihologii. – 2006. – T. 1. – №. 2. – S. 21-30.
22. Bogdanchikov S.A. Sovetskaya psihologiya nakanune 1936 goda / S.A. Bogdanchikov // Voprosy psihologii. – 2008. – №. 1. – S. 156-164.
23. Bogdanchikov S.A. Sovremennye avtory o nauchnyh shkolah v sovetskoj psihologii 1920–1930-h gg. / S.A. Bogdanchikov // Metodologiya i istoriya psihologii. – 2009. – T. 4. – №. 2. – S. 7–31.
24. Bogdanchikov S.A. Sovetskaya psihologiya 1920-1930-h godov glazami ee osnovatelej: ot mnogoobraziya k edinstvu / S.A. Bogdanchikov // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya. – 2011. – T. 4. – №. 2. – S. 88-99.
25. Bogdanchikov S.A. Proiskhozhdenie marksistskoj psihologii: diskussiya mezhdru K.N. Kornilovym i G.I. Chelpanovym v otechestvennoj psihologii 20-h godov / S.A. Bogdanchikov. – Directmedia, 2015.
26. Bodrov V.A. Psihologiya professional'noj prigodnosti. Uchebnoe posobie dlya vuzov / V.A. Bodrov. – M.: PER SE, 2001. – 511 s.
27. Borisova A.M. Issledovanie prazdnichnoj kul'tury: istoriko-psihologicheskij podhod / A.M. Borisova // Penzenskij psihologicheskij vestnik. – 2020. – №. 2. – S. 116-129.
28. Brushlinskij A.V. O kriteriyah sub"ekta // Psihologiya individual'nogo i gruppovogo sub"ekta / Pod red. A.V. Brushlinskogo, M.I. Volovikovej. – M.: Per Se, 2002. – S. 9–34.
29. Budilova E.A. Filosofskie problemy v sovetskoj psihologii / E.A. Budilova. – M.: Nauka, 1972. – 336 s.
30. Ben-Devid D. Rol' uchenogo v obshchestve / D. Ben-Devid. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 344 s.
31. Vakarev E.S. Akademicheskaya psihologiya Germanii v period Pervoj mirovoj vojny / E.S. Vakarev // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2019. – №. 4. – S. 225-234.

32. Ven P. Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii / P. Ven. – M.: Nauchnyj mir, 2003. – 393 s.
33. Vundt V. Mif i religiya / V. Vundt. – SPb., Brokgauz-Efron, 1910.
34. Vygotskij L.S. i dr. Osnovnye techeniya sovremennoj psihologii / L. S. Vygotskij, S. G. Gellershtejn, B. A. Fingert, M. L. SHirvindt. M.–L.: Gosizdat. – 1930. – 264 s.
35. Vygotskij L.S., Danyushevskij I.I. Problema umstvennoj otstalosti. Umstvenno otstalyj rebenok / L.S. Vygotskij, I.I. Danyushevskij. – M.: Uchpedgiz. 1935.
36. Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: v 6 t. / Gl. red. A. V. Zaporozhec. M.: Pedagogika, 1982—1984. – T. 4: Detskaya psihologiya / pod. red. D. B. El'konina. – 433 s.
37. Gajdar K.M. Sistematizaciya svojstv gruppovogo sub'ekta // Razvitie psihologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniya. CH. 1 / Otv. red. A.L. ZHuravlev, V.A. Kol'cova. M.: Institut psihologii RAN, 2012. – S. 456–462.
38. Gel'mont A.M. Deti i politika / A.M. Gel'mont // Pedologiya. – 1929. – № 4. – S. 595–611.
39. Gize F. Prakticheskie raboty po psihotekhnike / F. Gize. – L., 1926. – 182 s.
40. Gize F. Psihoanaliz i psihotekhnika / F. Gize. – L.: Sovremennik, 1926. – 56 s.
41. Gize F. Psihoanaliz. Prakticheskie raboty po psihotekhnike / F. Gize. – L., 1926. – 190 s.
42. Gorshkov E.A. Eksperimental'noe oformlenie social'noj psihologii v SSHA kak samostoyatel'noj discipliny v konce XIX pervoj chetverti HKH vv. / E.A. Gorshkov // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2009. – №. 7(19). – S. 225-227.
43. Gorshkov E.A. Pervyj social'no-psihologicheskij eksperiment Normana Tripleta / E.A. Gorshkov // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2010. – №. 4(23). – S. 173-175.

44. Gorshkov E.A. Istoki i predposylki vozniknoveniya amerikanskoj social'noj psihologii v konce XIX-nachale XX veka / E.A. Gorshkov // Psihologicheskij zhurnal. – 2012. – T. 33. – №. 4. – S. 102-111.
45. Gorshkov E.A. Opredelenie predmetnoj oblasti social'noj psihologii na etape ee stanovleniya v SSHA / E.A. Gorshkov // Psihologicheskij zhurnal. – 2015. – T. 36. – №. 2. – S. 78-86.
46. Danto A. Analiticheskaya filosofiya istorii / Artur S. Danto. – M.: Ideya–Press, 2002. – 289 s.
47. Dejneka O.S. Ekonomiko-psihologicheskie posledstviya politiki perekhodnogo perioda / O.S. Dejneka // Obshchestvo i politika: Sovremennye issledovaniya, poisk koncepcij. – SPb. – 2000. – S. 442-474.
48. Dejneka O.S. Ekonomicheskaya psihologiya (status, razvitie, obrazovatel'nye perspektivy) / O.S. Dejneka // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. – 2006. – №. 1 (1). – S. 110-114.
49. Denisov S.F., Denisova L.V. Nauchnoe soobshchestvo i ego formy (chast' 1) / S.F. Denisov, L.V. Denisova // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2007a. – №2.
50. Denisov S.F., Denisova L.V. Nauchnoe soobshchestvo i ego formy (chast' 2) / S.F. Denisov, L.V. Denisova // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2007b. – №3.
51. Dzyura A.I. Neponyataya i «repressirovannaya» nauka, ili o drame razvitiya otechestvennoj psihologii v 20-30 gg. HKH veka (vzglyad s metodologicheskikh pozicij «noosfernogo realizma») / A.I. Dzyura // Vestnik Akademii znaniy. – 2012. – №2.
52. Dmitriev S.V., Zagrevskaya A.I. Istoriko-psihologicheskij analiz ontodidaktiki kak filosofskoj osnovy sovremennogo obrazovaniya / S.V. Dmitriev, A.I. Zagrevskaya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 424. – S. 179–186.

53. Dolgova E.A. Sovetskoe nauchnoe soobshchestvo v 1918-1934 gg.: social'nyj, institucional'nyj, publichnyj aspekty: diss. ... d-ra istor. nauk. / Spec.: 07.00.02. – Moskva, 2019.
54. Doncov A.I. K probleme celostnosti sub"ekta kollektivnoj deyatel'nosti / A.I. Doncov // Voprosy psihologii. – 1979. – № 3. – S. 25–34.
55. Doncov A.I., Dubovskaya E.M., Ulanovskaya I.M. Razrabotka kriteriev analiza sovместnoj deyatel'nosti / A.I. Doncov, E.M. Dubovskaya, I.M. Ulanovskaya // Voprosy psihologii. – 1998. – № 2. – S. 61–71.
56. ZHDan A.N. Istoriya psihologii. Ot Antichnosti do nashih dnei / A.N. ZHDan. – Akademicheskij prospekt, 2004. – 576 s.
57. ZHuravlev A.L. Psihologicheskie osobennosti kollektivnogo sub"ekta // Problema sub"ekta v psihologicheskoi nauke / Otv. red. A.V. Brushlinskij, M.I. Volovikova, V. N. Druzhinin. – M.: Akademicheskij proekt, 2000. – S. 133–151.
58. ZHuravlev A.L. Kollektivnyj sub"ekt: osnovnye priznaki, urovni i psihologicheskie tipy / A.L. ZHuravlev // Psihologicheskij zhurnal. – 2009. – T. 30. – № 5. – S. 72–80.
59. ZHuravlev A.L., Mironenko I.A., YUrevich A.V. Psihologicheskaya nauka v global'nom mire: vyzovy i perspektivy / A.L. ZHuravlev, I.A. Mironenko, A.V. YUrevich // Psihologicheskij zhurnal. – 2018. – T. 39. – № 2. – S. 58–71.
60. ZHuravlev A.L., Kol'cova V.A., Olejnik YU.N. Izuchenie otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoi mysli: rezul'taty i perspektivy issledovanij / A.L. ZHuravlev, V.A. Kol'cova, YU.N. Olejnik // Materialy vsrossijskoj konferencii po istorii psihologii «VI Moskovskie vstrechi», 30 iyunya-02 iyulya 2016 g. – 2016. – S. 7-15.
61. Zalkind A.B. Pedologiya v SSSR / A.B. Zalkind. – M.: Rabotnik prosveshcheniya, 1929. – 82 s.
62. Zubov V.A. Iz istorii mirovoj nauki: Izbrannye trudy 1921-1963 / V.P. Zubov; sost., vstup. St. M.V. Zubovoj. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb.un-ta, 2006. – 632 s.

63. Ideologiya i nauka (diskussii sovetskikh uchenyh serediny HKH veka) / Otv. red. A.A. Kas'yan. – M.: Progress-Tradiciya, 2008. – 288 s.
64. Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii: Ucheb. posobie / I.N. Danilevskij, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya, M.F. Rumyanceva; Ros. gos. gumanit. un-t, In-t «Otkrytoe o-vo». – M., 1998. – 701 s.
65. Istochnikovedenie: ucheb. posobie / I.N. Danilevskij, D.A. Dobrovolskij, R.B. Kazakov, S.I. Malovichko, M.F. Rumyanceva, O.I. Horuzhenko, E.N. SHvejkovskaya; otv. red. M.F. Rumyanceva. – M.: Izd. dom. Vysshej shkoly ekonomiki, 2015. – 685 s.
66. Kamenskij E.G., CHerkashin M.D., Samojlova T.A. Nauchnoe soobshchestvo kak sub"ekt innovacionnyh izmenenij / E.G. Kamenskij, M.D. CHerkashin, T.A. Samojlova // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 2. – S. 76-83.
67. Karayani A.G. Psihologiya v SSHA v gody Vtoroj mirovoj vojny / A.G. Karayani // Psihologeskij zhurnal. – 2002. – T. 23. – № 2. – S. 110-117.
68. Karpenko L.A. Vklad A. V. Petrovskogo i ego nauchnoj shkoly v razvitie social'noj psihologii, psihologii lichnosti, teorii i istorii psihologii / L.A. Karpenko // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya. – 2014. – №3. – S. 85-110.
69. Karcev V.P. Social'naya psihologiya nauki i problemy istoriko-nauchnyh issledovanij / V.P. Karcev. – M.: Nauka, 1984.
70. Kiseleva E.L. CHistka gosudarstvennogo apparata 1929-1932 godov / E.L. Kiselev // Rossijskaya istoriya. – 2009. – № 1. – S. 96-110.
71. Kovalevskij M.M. Istoriko-sravnitel'nyj metod v yurisprudencii i priemy izucheniya istorii prava / M.M. Kovalevskij. – M.: tip. F.B. Millera, 1880.
72. Kojre A. Ocherki istorii filosofskoj mysli. Vliyanie filosofskih koncepcij na razvitie nauchnyh teorij / Per. s francuzskogo YA.A. Lyatkera. Obshchaya red. i predislovie A. P. YUshkevicha / A. Kojre. – «Progress», 1985.

73. Kol'cova V.A., Noskova O.G., Olejnik YU.N. I.N. SHpil'rejn i sovetskaya psihotekhnika / V.A. Kol'cova, O.G. Noskova, YU.N. Olejnik // Psihologicheskij zhurnal. – 1990. – T. 11. – № 2. – S. 111-133.
74. Kol'cova V. A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy istoriko-psihologicheskogo issledovaniya: avtoref.diss. ... dokt.psih.nauk. – M.: Institut psihologii RAN, 2004.
75. Kol'cova V.A., Olejnik YU.N. Psihologi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: podvig na veka / V.A. Kol'cova YU.N. Olejnik // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2005. – №. 2. – S. 41-50.
76. Kol'cova V.A., Olejnik YU.N. Sovetskaya psihologicheskaya nauka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945) / V.A. Kol'cova, YU.N. Olejnik. – M.: Moskovskij gumanitarnyj universitet, Institut psihologii RAN, 2006. – 360 s.
77. Kol'cova V.A. Aktual'nye problemy metodologii sovremennoj otechestvennoj psihologicheskoy nauki / V.A. Kol'cova // Psihologicheskij zhurnal. – 2007. – T. 28. – №. 2. – S. 5-18.
78. Kol'cova V.A. Istoriya psihologii: Problemy metodologii / V.A. Kol'cova. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2008.
79. Kol'cova V.A., Olejnik YU.N. Opyt razvitiya psihologicheskoy nauki v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gg.): aktual'nost' i zadachi issledovaniya / V.A. Kol'cova, YU.N. Olejnik // Opyt resheniya psihologicheskikh zadach v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gg.). – 2016. – S. 3-8.
80. Kol'cova V.A., Olejnik YU.N. Stanovlenie eksperimental'nogo podhoda v otechestvennoj psihologii konca XIX–nachala XX veka, Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoj psihologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya / Otv. red. A. L. ZHuravlyov, V. A. Kol'cova, Institut psihologii RAN, Moskva, 2017a. – S. 245-252.
81. Kol'cova V.A., Olejnik YU.N. Otechestvennaya eksperimental'naya psihologiya: istoriya formirovaniya, osobennosti razvitiya, mesto v

- professional'noj podgotovke specialista / V.A. Kol'cova, YU.N. Olejnik // Nauchnoe obespechenie psihologo-pedagogicheskoy i social'noj raboty v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme. – 2017b. – S. 9-16.
82. Kol'cova V. A., Olejnik YU. N. Sovetskaya i nemeckaya psihologii v gody II Mirovoj vojny: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty razvitiya // Ot istokov k sovremennosti: 130 let Moskovskomu psihologicheskomu obshchestvu: materialy yubil. konf. 2017v. S. 227–247.
83. Kol'cova V.A., Olejnik YU.N. Sovetskaya psihologiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: edinstvo teorii, eksperimenta i praktiki / V.A. Kol'cova, YU.N. Olejnik // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya. – 2018. – T. 25. – S. 51-58.
84. Konec institucij kul'tury dvadcatyh godov v Leningrade. Po arhivnym materialam / Sb. statej; sost. M.E. Malikova. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 492 s.
85. Kornetov G.B., Romanov A.A., Salov A.I. Pedagogika pervoj tretej HKH veka: monografiya / G.B. Kornetov, A.A. Romanov, A.I. Salov. – M.: ASOU, 2012. – 120 s.
86. Kostrigin A.A., Stoyuhina N.YU., Mahalin A.I. Rol' vlasti i gosudarstvennyh deyatelej v stanovlenii i razviii psihotekhnicheskogo obrazovaniya v SSSR v 1920-1930-e gg. / A.A. Kostrigin, N.YU. Stoyuhina // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2020. – №. 4 (115). – S. 80-88.
87. Koffka K. Preodolenie mekhanisticheskikh i vitalisticheskikh techenij v sovremennoj psihologii / K. Koffka // Psihologiya. – 1932. – 5(3). – S. 59-69.
88. Krivonosov YU.I. Institut istorii nauki i tekhniki: tridcatye gromovye, rokovye... / YU.I. Krivonosov // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. – 2002. – № 1. – S. 42–75.
89. Krom M.M. Vvedenie v istoricheskuyu komparativistiku: uchebnoe posobie / M.M. Krom. – SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta, 2015. – 248 s.
90. Kroche B. Teoriya i istoriya istoriografii / B. Kroche. – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1998. – 192 s.

91. Kuz'min V.P. Sistemnyj podhod v sovremennom nauchnom poznanii / V.P. Kuz'min // Voprosy filosofii. – 1980. – T. 1.
92. Kuz'min V.P. Istoricheskie predposylki i gnoseologicheskie osnovaniya sistemnogo podhoda / V.P. Kuz'min // Psihologicheskij zhurnal. – 1982. – T. 3. – №. 3. – S. 3–14.
93. Kuz'minov N.N. Polozhenie Evropejskoj i sovetskoj psihologii i pedagogiki vo vremya Vtoroj mirovoj vojny: slozhnosti i dostizheniya / N.N. Kuz'minov // Srednee professional'noe obrazovanie. – 2020. – № 4(296). – S. 59-62.
94. Kush M. Pobeditelyu dostaetsya vse: Filosofiya zhizni i triumf fenomenologii / M. Kush // Logos. – 2004. – №. 3-4. – S. 171-204.
95. Lebedev S.A. Peresborka epistemologicheskogo / S.A. Lebedev // Voprosy filosofii. – 2015. – № 6. – S. 61–62.
96. Lejbin V.M. Repressirovannyj psihoanaliz: Frejd, Trockij, Stalin / V.M. Lejbin // Psihoanaliticheskij vestnik. – 1991. – №. 1. – S. 32-55.
97. Lektorskij V.A. Sub"ekt. Ob"ekt. Poznanie / V.A. Lektorskij. – M.: Nauka, 1980. - 358 s.
98. Lisina M.I. Soveshchanie po psihologii truda / M.I. Lisina // Voprosy psihologii. – 1957. – № 3. – S. 165–172.
99. Lihi T. Istoriya sovremennoj psihologii: Per. s angl. / T. Lihi. – 3. izd. – SPb. [i dr.]: Piter, 2003. – 446 s.
100. Loginova N.A. SHarlotta Byuler–predstavitel' gumanisticheskoj psihologii / N.A. Loginova // Voprosy psihologii. – 1980. – № 1. – S. 154-158.
101. Loginova N.A., Semenov V.E. Biograficheskij metod i kontent-analiz / N.A. Loginova, V.E. Semenov // Metodologicheskie i metodicheskie problemy kontent-analiza. M.: Nauka, 1973. – S. 132
102. Loginova N.A. Social'noe myshlenie lichnosti v kontekste istoricheskogo vremeni / N.A. Loginova // Mir psihologii. – 2002. – № 3. – S. 191-196.

103. Loginova N.A. Iskazhenie istorii psihologii / N.A. Loginova // Mat. konf. «Istoriya, sovremennost' i perspektivy razvitiya psihologii v sisteme Rossijskoj akademii nauk». – 2022. – S. 140-141.
104. Luriya A.R. Fragment pis'ma A. R. Luriya k L. S. Vygotskomu / A.R. Luriya // Voprosy psihologii. – 2002 (1931). – № 4. – S. 19-20.
105. Luriya A.R. Puti sovetskoj psihologii za 15 let / A.R. Luriya // Sovetskaya psihonevrologiya. – 1933. – 9(1). – S. 25-35.
106. Lyuk H. Gruppovye processy v nauchnyh issledovaniyah (na primere «Topologicheskoy gruppy» Kurta Levina): per. s nemeck. / H. Lyuk // Metodologiya i istoriya psihologii. – 2010a. – T.5. – №3. – S. 77-89.
107. Lyuk H. Neizvestnyj Kurt Levin: per. s nemeck. / H. Lyuk // SHkol'nyj psiholog. – 2010b. – № 20(474). – S. 34-35.
108. Lyuk H. Istoriya psihologii: per. s nemeck. / H. Lyuk. – M.: Nauchnyj mir, 2012. – 272 s.
109. Lyuk H. Istoriya psihologii: metodologiya i metody / H. Lyuk // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2017. – №. 5. – S. 194-203.
110. Mazilov V.A., Stoyuhina N.YU. Poslednyaya osen' sovetskoj psihotekhniki / V.A. Mazilov, N.YU. Stoyuhina // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – T. 2. – №. 4. – S. 223-236.
111. Mazilov V.A. Aktual'nye metodologicheskie problemy istorii psihologii / V.A. Mazilov // Istoricheskaya preemstvennost' v otechestvennoj psihologii. – 2019. – S. 97-108.
112. Mazilov V.A. Sud'ba nauchnoj psihologii v XXI stoletii: vremya i bremya vybora / V.A. Mazilov // Metodologiya sovremennoj psihologii. – 2022. – №. 15. – S. 220-234.
113. Malovichko S.I. Istoriya kak strogaya nauka vs social'no orientirovanoe istoriopisanie / S.I. Malovichko, M.F. Rumyanceva. Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj gumanitarnyj institut. – Orekhovo-Zuevo: Gosudarstvennyj gumanitarno-tekhnologicheskij universitet, 2013. – 252 s.

114. Malovichko S. I. Istochnikovedenie istoriografii kak predmetnoe pole intellektual'noj istorii / S. I. Malovichko, M. F. Romyanceva // *Mir istorika: istoriograficheskij sbornik*. – Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo, 2017. – S. 77-99.
115. Marshall S.L.A. Amerikancy v boyu // *Oficer vooruzhennyh sil: per. s angl.* M: MO RF, 1992.
116. Marcinkovskaya T.D. Istoriya psihologii / T.D. Marcinkovskaya // M.: Akademiya, 2004.
117. Medushevskaya O.M. Istochnikovedenie i istoriografiya v prostranstve gumanitarnogo znaniya: indikator sistemnyh izmenenij / O.M. Medushevskaya // *Istochnikovedenie i istoriografiya v mire gumanitarnogo znaniya: dokl. i tez. XIV nauch. konf., Moskva, 18-19 apr. 2002 g.* – M.: RGGU, 2002. – S. 20-36.
118. Medushevskaya O.M. Teoriya i metodologiya kognitivnoj istorii / O.M. Medushevskaya. – M.: RGGU, 2008. – 358 s.
119. Medushevskaya O.M. Empiricheskaya real'nost' istoricheskogo mira / O.M. Medushevskaya // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny — istochnikovedenie — metodologiya istorii v sisteme gumanitarnogo znaniya: materialy XX mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 31 yanv. — 2 fevr. 2008 g.: v 2 ch.* – M.: RGGU, 2008. – CH. 1. – S. 24-34.
120. Merlin V. K evolyucii social'nogo mirovozzreniya u detej / V. Merlin // *Pedologiya*. – 1928. – № 4. – S. 541–557.
121. Merton R. Social'naya teoriya i social'naya struktura / R. Merton. – M.: AST, AST Moskva, Hranitel', 2006. – 873 s.
122. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki: mezhvuzovskij tematiceskij sbornik / otv. red. M.V. Nechkina. – Kalinin: KGU, 1980. – 141 s.
123. Mikeshina L.A. Filosofiya nauki: Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo

- issledovaniya: ucheb. posob. / L.A.Mikeshina. – M.: Progress-tradiciya; Moskovskij psihologo-social'nyj institut ; Flinta, 2005. – 464 s.
124. Mir istorika: istoriograficheskij sbornik / pod red. V.P. Korzun, S.P. Bychkova. – Omsk : OGU, 2011. – Vyp. 7.– 500 s.
125. Mironenko I.A. Krizis psihologii: permanentnyj i sistemnyj ili lokal'nyj? // Voprosy psihologii. – 2008. – № 4. – S. 119-127.
126. Mironenko I.A. Rossijskaya psihologiya v prostranstve mirovoj nauki / I.A. Mironenko. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2015. – 304 s.
127. Mironenko I.A., ZHuravlev A.L. Biosocial'naya problema v kontekste global'noj psihologicheskoy nauki: ob universal'nyh karakteristikah cheloveka / I.A. Mironenko, A.L. ZHuravlev // Psihologicheskij zhurnal. – 2019. – Tom 40. – № 6. – S. 87-98.
128. Mironenko I.A. Biosocial'naya problema i stanovlenie global'noj psihologii / I.A. Mironenko // M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2019. – 406s.
129. Mironenko I.A., Rafikova V.A. Institucionalizaciya psihologii v Germanii i SSHA v 1930h-1940h godah: sopostavitel'nyj analiz // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. – 2023. – T. 8. – № 2 (30). – S. 158-180.
130. Mozhaeva G.V. Russkaya istoriografiya vtoroj poloviny XVIII veka : opyt istoriko-lingvisticheskogo analiza / Mozhaeva G.V., Mishankina N.A. // Gumanitarnaya informatika : otkrytyj mezhdisciplinarnyj elektron. zhurn. [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dan. – Tomsk [B. i., b. d.]. – Vyp. 3. – Rezhim dostupa: http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/3/moz_mish.htm#.
131. Nikol'skaya A.A. A.P. Nechaev: ZHiznennyj i tvorcheskij put' / A.A. Nikol'skaya // Voprosy psihologii. – 1997. – № 2. – S. 100-111.
132. Noskova O.G. Pedologiya i prikladnaya psihologiya v Rossii pervoj treti HKH veka / O.G. Noskova // Psihologicheskij zhurnal. – 2021. – T. 42. – №. 6. – S. 83-91.

133. Ogurcov A.P. Nauchnyj diskurs: vlast' i kommunikaciya (dopolnitel'nost' dvuh tradicij) / A.P. Ogurcov // Filosofskie issledovaniya. – 1993. – T. 3. – S. 12-59.
134. Ozhiganova G.V. Istoriya psihologii: konceptual'nye podhody i metody issledovaniya / G.V. Ozhiganova // Psihologicheskij zhurnal. – 2004. – T. 25. – № 3. – S. 5-16
135. Olejnik YU.N. Periodizaciya istorii psihologii: problemy i perspektivy / YU.N. Olejnik// Metodologiya i istoriya psihologii. – 2008. – T. 3. – №. 2. – S. 25-32.
136. Omel'chanko E.V. Stanovlenie detskoj psihologii v Germanii (konec XIX nachalo XX veka) / E.V. Omel'chanko // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. AI Gercena. – 2007. – T. 19. – №. 45.
137. Ortega-i-Gasset H. Missiya universiteta / per. s isp. M.N. Golubevoj / H. Ortega-i-Gasset. – Minsk: BGU, 2005. – 104 s.
138. Osnovy teoreticheskoy psihologii / A. V. Petrovskij, M. G. YAroshevskij. – M.: INFRA-M, 1998.
139. Parygin B.D. Social'naya psihologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii / B.D. Parygin // Spb.: IGUP. – 1999. – 592 s.
140. Parygin B.D. Social'naya psihologiya. Istoki i perspektivy / Pod red. A.S. Zapesockogo / B.D. Parygin. – Spb.: SPbGUP, 2010. – 536 s.
141. Pel'c D., Endryus F. Uchenye v organizacijah: Ob optimal'nyh usloviyah dlya issledovanij i razrabotok: per. s angl./ pod obshch. Red. D.M. Gvishiani, S.R. Mikulinskogo, M.G. YAroshevskogo / D. Pel'c, F. Endryus. – M.: Progress, 1973. – 471 s.
142. Petrovskij A.V. Istoriya sovetskoj psihologii. Formirovanie osnov psihologicheskoy nauki / A.V. Petrovskij. – M.: Prosveshchenie, 1967. – 367 s.
143. Petrovskij A.V. Psihologiya i vremya / A.V. Petrovskij. – Piter, 2007.

144. Pirs CH.S. Izbrannye filosofskie proizvedeniya / per. s angl. K. Golubovich, K. CHuhrukidze, T. Dmitrieva / CH.S. Pirs. – M.: Logos, 2000.
145. Plavinskaya YU.B. Stanovlenie i razvitie psihotekhniki v Germanii v pervoj treti XX veka: diss.... kand. psihol. nauk. / YU.B. Plavinskaya. Sankt-Peterburg, – 2011.
146. Plavinskaya YU.B. YUridicheskaya psihologiya v Germanii: istoriya i sovremennost' / YU.B. Plavinskaya // Mir pedagogiki i psihologii. – №9 (26). – 2018. – S. 87-104.
147. Plavinskaya YU.B. Psihologiya korrupcii: opyt Germanii / YU.B. Plavinskaya // Mir pedagogiki i psihologii. – 2019. – №. 9. – S. 144-150.
148. Pochebut L.G., Beznosov D.S. Social'nyj kapital kak uslovie produktivnosti organizacii / L.G. Pochebut, D.S. Beznosov // Psihologiya v sisteme social'no-proizvodstvennyh otnoshenij: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnoyarsk, 17 aprelya 2020 goda. – Krasnoyarsk: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Sibirskij gosudarstvennyj universitet nauki i tekhnologij imeni akademika M.F. Reshetneva», 2020. – S. 61-64.
149. Pochebut L.G., Gazogareeva E.N. Malye social'nye gruppy / L.G. Pochebut, E.N. Gazogareeva // Social'naya psihologiya. Tradicii i sovremennost'. Pod obshch. Red. A. L. Svencickogo, S. D. Gurievoj. – 2020. – S. 97-109.
150. Pochebut L. G., Mejzhis I. A. Social'naya psihologiya / L.G. Pochebut, I.A. Mejzhis // SPb.: Izdatel'skij dom «Piter», 2021.
151. Rabb T.K. Razvitie kvantifikacii v istoricheskom issledovanii / T.K. Rabb // Kolichestvennyye metody v sovetskoj i amerikanskoj istoriografii. – M. 1983.
152. Rafikova V.A. Primenenie istoricheskoy psihologii v istoriko-psihologicheskikh issledovaniyah na primere perioda Vtoroj mirovoj vojny / V.A. Rafikova // Istoricheskaya psihologiya: proshloe, nastoyashchee,

- budushchee / Otv. red. A. L. ZHuravlev, E. V. Haritonova, E. N. Holondovich. – M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2020. – S. 106-120. doi: 10.38098/thry.2020.25.72.000
153. Rafikova V.A., Mironenko I.A. Razvitie social'noj psihologii v SSHA v period Vtoroj mirovoj vojny i sud'ba rossijskoj shkoly social'noj psihologii / V.A. Rafikova, I.A. Mironenko // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. – 2021a. – T. 6. – № 3 (23). – S. 246-271.
154. Rafikova V. A., Mironenko I. A. Aktual'nye tendencii metodologii istorii psihologii v svete filosofsko-metodologicheskikh problem istoriografii / V.A. Rafikova, I.A. Mironenko // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya, 2021b. – T. 11. – Vyp. 4. – S. 312–325. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.402>
155. Rafikova V.A. Social'no-politicheskie faktory razvitiya psihologicheskoy nauki v SSSR i SSHA pered Vtoroj mirovoj vojnoj: sravnitel'nyj analiz / V.A. Rafikova // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya, 2021a. – T. 6. – № 2 (22). – S. 244-270. DOI (CrossRef): 10.38098/ipran.sep_2021_22_2_10
156. Rafikova V. A., Mironenko I. A. «Politicheskaya istoriya» psihologii detstva v Germanii perioda nacional-socializma // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. – 2022. – № 4. – S. 352–375. DOI 10.35231/18186653_2022_4_352
157. Rafikova V.A. Nekotorye problemy metodologii istorii psihologii v svete filosofii istoriografii // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. – 2023. – T. 8. – № 2 (30). – S. 243-269.
158. Reaktologicheskaya diskussiya v Psihologicheskom institute // Voprosy psihologii. – 1994. – № 2. – S. 21-31.
159. Rezolyuciya pedologicheskoy sekcii I Vsesoyuznogo s"ezda po izucheniyu povedeniya cheloveka // Pedologiya. – 1930. – № 3. – S. 341–343.

160. Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika / L.P. Repina. – M.: Krug", 2011. – 560 s.
161. Repressirovannaya nauka. Vyp. 2 / pod red. M. G. YAroshevskogo; red.-sost. A. I. Melua. – SPb.: Nauka, 1994. – 319 s.
162. Resher N. Pirs, Popper i metodologicheskij povorot // Evolyucionnaya epistemologiya i logika social'nyh nauk: Karl Popper i ego kritiki / per. s angl. D. G. La-huti. – M.: Editorial URSS, 2000. – S. 210-221.
163. Rozhdestvenskij D.S. Psihoanaliz kul'tury i problemy obshchestva / D.S. Rozhdestvenskij // Vestnik psihoanaliza. – 2002. – №. 2.
164. Romadina T.I. Komparativnyj metod v kontekste mezhdisciplinarnogo sinteza: opyt issledovanij M. Bloka / T.I. Romadina // Izvestiya BGU. – 2007. – №2. – S.132–135.
165. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii / S.L. Rubinshtejn. – Izdatel'stvo: Piter, 2002. – 720 s.
166. Rumyancev N.E. Pedologiya (nauka o detyah), eyo vozniknovenie, razvitie i otnoshenie k pedagogike / N.E. Rumyanceva. - SPb.: Izd-vo O. Bogdanovoj, 1910. – 81 s.
167. Rumyanceva M.F. Fenomenologicheskaya koncepciya istochnikovedeniya v poznavatel'nom prostranstve postpostmoderna / M.F. Rumyanceva // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii. – 2006. – №. 2 (6). – S. 5-17.
168. Rybnikov N. Biograficheskij metod v psihologii / N. Rybnikov // Psihologiya i deti. – 1917. – № 6-8. – S. 1–14.
169. Rybnikov N. Tekhnika shkol'nyh psihologicheskikh opytov / N. Rybnikov. – SPb.: Tipografiya P.P. Sojkina. – 21 s.
170. Savel'eva I.M. Teoriya istoricheskogo znaniya: ucheb. posob. / I.M. Savel'eva, A.V. Poletaev. – SPb.: Aletejya. Istoricheskaya kniga, 2007. – 523 s.

171. Svencickij A. L. Social'naya psihologiya: uchebnik / A.L. Svencickij // M.: TK Velbi, izd-vo Prospekt. – 2004. – 336 s.
172. Sinyova O.V. Social'naya determinaciya razvitiya nauchno-prakticheskikh techenij otechestvennoj psihologii v pervoj polovine XX stoletiya: diss. ... kand.psih.nauk. / Sineva O.V. – Irkutsk, Izd-vo «IGU. – 2017.
173. Slavko T. I. Matematiko-statisticheskie metody v istoricheskikh issledovaniyah. – M.: Nauka, 1981. – 160 s.
174. Smit R. Istoriya psihologii: per. s angl./ R. Smit. – M.: Akademiya, 2008. – 416 s.
175. Stepin V.S. Ot klassicheskoy k postneklassicheskoy nauke (izmenenie osnovanij i cennostnyh orientacij) / V.S. Stepin. – M.: Izd-vo «Nauka», 1990.
176. Stepin B.C. Filosofiya nauki i tekhniki: Uchebnoe posobie / B.C. Stepin, V.G. Gorohov, M.A. Rozov. M.: Gardarika, 1996a. – 400 s.
177. Stepin B.C. Epoha peremen i scenarii budushchego. Izbrannaya social'no-filosofskaya publicistika / B.C. Stepin. – M.: B.i., 1996b. – 175 s.
178. Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie: Struktura, istoricheskaya evolyuciya / V.S. Stepin. – M.: Progress-Tradiciya, 2003. – 744 s.
179. Stepin V.S. Filosofiya i metodologiya nauki / V.S. Stepin. – M.: Akademicheskij proekt; Al'ma Mater, 2015. – 716 s.
180. Stoyuhina N.YU. Nekotorye voprosy o likvidacii psihotekhniki / N.YU. Stoyuhina // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal Koncept. – 2014a. – T. 20. – S. 1216–1220.
181. Stoyuhina N.YU. Social'no-politicheskoe vozdejstvie na detej: iz istorii pedologicheskikh issledovanij / N.YU. Stoyuhina // Psihologo-pedagogicheskij poisk. – 2014b. – №. 4.
182. Stoyuhina N.YU. Psihotekhniki v 1936 g.: novye fakty / N.YU. Stoyuhina // Konferencium ASOU: sbornik nauchnyh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferencij. – Gosudarstvennoe byudzhethoe

- obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya Moskovskoj oblasti
Akademiya social'nogo upravleniya, 2018. – №. 2. – S. 525-536.
183. Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar'
/ otv. red. A.O. CHubar'yan. M.: Akvilon, 2014. – 576 s.
184. Teplov B.M. Bunt zverinogo instinkta protiv chelovecheskogo razuma
/ B.M. Teplov // Sovetskaya pedagogika. – 1941. – № 11–12 – S. 66–70.
185. Tokvil' A. Demokratiya v Amerike: per. s franc./predisl. Garol'da Dzh.
Laski / A. Tokvil'. – M.: Progress, 1992.
186. Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument «Myagkoj sily» vo
vneshnej politike Rossii / A.V. Torkunov // Vestnik MGIMO. – 2012. – №4.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-instrument-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike-rossii> (data obrashcheniya: 01.10.2022).
187. Troshihin V.V., Gukov D. A., Filenko L. P. Normy i cennosti
nauchnogo soobshchestva v sisteme social'no-ekonomicheskikh otnoshenij /
V.V. Troshihin, D.A. Gukov, L.P. Filenko // Vestnik Belgorodskogo
universiteta kooperacii, ekonomiki i prava. – 2014. – №. 4. – S. 104-114.
188. Trudy Vtorogo Vserossijskogo s"ezda po pedagogicheskoy psihologii v
S.-Peterburge v 1909 g. Otchet / Sost. M.I. Konorov. – SPb.: Tipografiya P.P.
Sojkina, 1910. – 401 s.
189. Trudy Pervogo Vserossijskogo s"ezda po pedagogicheskoy psihologii v
S.-Peterburge v 1906 g. (31 maya - 4 iyunya). Otchet / Sost. M.I. Konorov. –
SPb.: Tipografiya P.P. Sojkina, 1906. – 280 s.
190. Tumlirc O. Edinstvo psihologii i ego znachenie dlya teorii
perekhodnogo vozrasta // Pedologiya yunosti: sb. statej / per. G. Arkina; pod
red. I. Aryamova. M.–L. : Gos. ucheb.-ped. izd-vo, 1931. – S. 172–190.
191. Uajt H. Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka /
Hejden Uajt. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2002. – 528 s.
192. Umrihin V.V. «Nachalo konca» povedencheskoj psihologii v SSSR /
V.V. Umrihin // Repressirovannaya nauka. – L.: Nauka, 1991. – S. 136–145.

193. Uotson Dzh. Bihevizorizm. Bol'shaya sovetskaya enciklopediya. Tom 6: Bessarabiya - Bol'm / Gl.red. O.YU. SHmidt. – M.: AO «Sovetskaya enciklopediya», 1927. – S. 434-443.
194. Flek L. Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva / L. Flek. – M.: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi, 1999.
195. Fuko M. Arheologiya znaniya / per. s fr.; obshch. red Br. Levchenko. K.: Nika-Centr. – 1996.
196. Halanchuk L.L. Nauchno-tekhnicheskoe soobshchestvo kak sub"ekt poznavatel'noj i inzhenernoj deyatel'nosti: diss. ... kand. filos. nauk. Tomsk, 1986.
197. Holl S. Nauka o dityati (pedologiya) i ee otnoshenie k vospitaniyu / S. Holl // Sobranie statej po pedologii i pedagogike. – M.: Moskovskoe knigoizdatel'stvo, 1912. – S. 1–26.
198. Holton Dzh. Tematicheskij analiz nauki / Dzh. Holton. – M.: «Progress», 1981. – 384 s.
199. CHelpanov G.I. O prikladnoj psihologii v Germanii i Amerike / G.I. CHelpanov // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda. – 2021. – T. 6. – № 1. – S. 184-216. [Voprosy filosofii i psihologii. 1912. God XXIII. Kn. V (115). S. 399-434]
200. SHvarcman P.YA., Kuznecova I.V. Pedologiya // Repressirovannaya nauka. Vypusk II / Red. M.G. YAroshevskij. Red.-sost. A.I.Melua. – SPb.: Nauka, 1994. – S. 121-139.
201. SHemyakin F.N. Bandity i chelovekonenavistniki v roli uchenyh psihologov / F.N. SHemyakin // Sovetskaya pedagogika. – 1941. – № 9. – S. 26-33.
202. SHihatov P.I. Ekonomika Germanii 1920-1930 godov XX veka. Pauza mezhdud vojnamy / P.I. SHihatov // Vestnik MIEP. – 2012. – №2 (7). – S. 25-37

203. SHkuratov V.A. Istoricheskaya psihologiya / V.A. SHkuratov. – M.: Smysl. – 1997.
204. SHmidt S.O. O nekotoryh obshchih problemah istorii istoricheskoy nauki / S.O. SHmidt // Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki. – Kalinin. – 1980. – S. 109-117.
205. SHtejngauz S. Gorodskoj institut detskoj psihologii i eksperimental'noj pedagogiki imeni N.V. YAkunina v Odesse // Psihologiya i deti. – 1917. – № 6–8. – S. 191–194.
206. SHul'c D., SHul'c S. Istoriya sovremennoj psihologii - napravleniya i nauchnye shkoly / D. SHul'c, S. SHul'c. – Izdatel'stvo «Evraziya», 1998.
207. Evans R. Tretij Rejh: dni vojny. 1939–1945 / R. Evans. – M.: Astrel', 2011.
208. Etkind A. Eros nevozmozhnogo: Istoriya psihoanaliza v Rossii / A. Etkind. – Meduza, 1993.
209. YUdin G. Illyuziya nauchnogo soobshchestva / G. YUdin // Sociologicheskoe obozrenie. – 2010. – №3. – S. 57-84.
210. YUrevich A.V. Social'naya psihologiya nauki / A.V. YUrevich. – SPb: Izd-vo RGHI, 2001. – 352 s.
211. YUrevich A.V. Metodologiya i sociologiya psihologii / A.V. YUrevich // M.: Institut psihologii RAN, 2010.
212. YAkimenko YU.N. Iz istorii «chistok apparata»: Akademiya hudozhestvennyh nauk v 1929-1932 gg. / YU.N. YAkimenko // Novyj istoricheskij vestnik. – 2005. – № 12. – S. 150–162.
213. YAnchenko T.V. Razvitie pedologii v Rossii v nachale HKH veka / T.V. YAnchenko // Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki. – 2013. – №30.
214. YAroshevskij M.G. Trekhaspektnost' nauki i problemy nauchnoj shkoly // Social'no-psihologicheskie problemy nauki / pod red. M. G. YAroshevskogo. – M.: Nauka, 1973. – S. 174–184.

215. YAroshevskij M.G. Psihologiya v XX stoletii. Teoreticheskie problemy razvitiya psihologicheskoy nauki / M.G. YAroshevskij. – 2-e izd. M.: Politizdat, 1974a. – 447 s.
216. YAroshevskij M.G. Struktura nauchnoj deyatel'nosti / M.G. YAroshevskij // Voprosy filosofii. – 1974b. – № 11. – S. 97–109.
217. YAroshevskij M.G. Princip determinizma i logika razvitiya nauchnogo poznaniya / M.G. YAroshevskij // Voprosy filosofii. – 1976. – № 10. – S. 43–54.
218. YAroshevskij M.G. Logika razvitiya nauki i nauchnaya shkola / pod red. S.R. Mikulinskogo, M.G. YAroshevskogo, G. Krebera, G. SHtejnera. – M., 1977. – S. 7–97.
219. YAroshevskij M.G. I.M. Sechenov i psihologiya aktivnosti / M.G. YAroshevskij // Voprosy psihologii. – 1979a. – № 4. – S. 91–107.
220. YAroshevskij M.G. O genezise sub"ekta nauchnogo poznaniya / M.G. YAroshevskij // Voprosy filosofii. – 1979b. – № 6. – S. 68–80.
221. YAroshevskij M.G. Sechenov i mirovaya psihologicheskaya mysl' / M.G. YAroshevskij. M.: Nauka, 1981.
222. YAroshevskij M.G. L.S. Vygotskij: v poiskah novoj psihologii / M.G. YAroshevskij. – SPb.: Mezhdunar. fond istorii nauki, 1993. – 301 s.
223. YAroshevskij M.G. Nauka o povedenii: russkij put' / M.G. YAroshevskij // Voprosy psihologii. – 1995. – № 4. – S. 5–18.
224. YAroshevskij M.G. Istoriya psihologii. Ot antichnosti do serediny XX veka. Uchebnoe posobie. / M.G. YAroshevskij. – M.: Akademiya, 1996.
225. YAroshevskij M. G. Psihologicheskoe poznanie kak deyatel'nost' // Osnovy teoreticheskoy psihologii / A. V. Petrovskij, M. G. YAroshevskij. – M.: INFRA-M, 1998. – S. 25–97.
226. YAsnickij A. Ob izolyacionizme sovetskoj psihologii: zarubezhnye konferencii 1920–30-h gg / A. YAsnickij // Voprosy psihologii. – 2010. – T. 3. – S. 101-112.

227. YAhot I. Podavlenie filosofii v SSSR (20–30-e gody) / I. YAhot // Voprosy filosofii. – 1991a. – № 9. – S. 44–68.
228. YAhot I. Podavlenie filosofii v SSSR (20–30-e gody) / I. YAhot // Voprosy filosofii. – 1991b. – № 10. – S. 72–138.
229. YAhot I. Podavlenie filosofii v SSSR (20–30-e gody) / I. YAhot // Voprosy filosofii. – 1991v. – № 11. – S. 72–115.
230. A Companion to Digital Humanities / S. Schreibman, R. Siemens and J. Unsworth, eds. – Maiden, MA: Blackwell Publishing, 2004. – 640 p.
231. Abresch J., Luck, H. E. Der kluge Hans, Oskar Pfungst und die Hirnrinde / In: H. Gundlach (Ed.), Arbeiten zur Psychologiegeschichte. – Göttingen, Germany: Hogrefe. – 1994. – P. 83–94.
232. Allport G. The psychologist's frame of reference / G. Allport // Psychological Bulletin. – 1940. – 37. – P. 1-28.
233. American Association for Applied Psychology. (1940, January). Walter Van Dyke Bingham Papers (Bulletin No. 3). Pittsburgh, P A: Carnegie Mellon University Library.
234. Anderson I. History and Computing / I. Anderson. – Making History. Institute of Historical Research. London, 2008.
235. Ash M. G. Experimental psychology in Germany before 1914: Aspects of an identity crisis / M.G. Ash // Psychological Research. – 1980. – 42. – P. 75–86.
236. Ash M.G., Geuter U. Geschichte der deutschen Psychologie im 20. Jahrhundert / M. Ash, U. Geuter // Westdeutscher Verlag. – 1985. doi.org/10.1007/978-3-322-89828-9
237. Ash M.G. Gestalt Psychology in German Culture, 1890–1967: Holism and the Quest for Objectivity / M.G. Ash. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
238. Ash M.G. Psychological thought and practice in German-speaking Europe, 1900 –1960 / M.G. Ash // Physis Rivista Internazionale Di Storia Della Scienza. – 2006. – XLIII. – P. 133–155.

239. Back K. W. The proper scope of social psychology / K.W. Back // Social Forces. – 1963, 41(4). – P. 368-376.
240. Bachof O. Die „Entnazifizierung“ / In: A. Flitner (Hg.). Deutsches Geistesleben und Nationalsozialismus. Eine Vortragsreihe der Universität Tübingen mit einem Nachwort von Hermann Diem. Tübingen: Wunderlich. – 1965. – C. 195-216.
241. Bakan D. Political factors in the development of American psychology / D. Bakan // Annals of the New York Academy of Sciences. – 1977. – № 291. – P. 222–232.
242. Ballstaedt S.P., Mandl H., Schnotz W., Tergan S.O. Texte verstehen — Texte gestalten / S.P. Ballstaedt, H. Mandl, W. Schnotz, S.O. Tegan. – München: Urban & Schwarzenberg, 1981.
243. Banks L.M. The History of Special Operations Psychological Selection / In: A. D. Mangelsdorff (Ed.), Psychology in the service of national security. – 2006. – P. 83–95. <https://doi.org/10.1037/11470-006>
244. Basalla G. The Spread of Western Science / G. Basalla // Science. – 1967. – V. 156(3775). – P. 611–622. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/1721413>.
245. Baumgarten-Tramer F. German psychologists and recent events / F. Baumgarten // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1948. – № 43(4). – P. 452–465. <https://doi.org/10.1037/h0062777>
246. Becker J., Lißmann H-J. Inhaltsanalyse. Kritik einer sozialwissenschaftlichen Methode // Arbeitspapiere für politische Soziologie. – 1973. – P. 39-79.
247. Benedict R. An Anthropologist at Work: Writings of Ruth Benedict / Ed. Margaret Mead. Boston: Houghton Mifflin Company, 1959.
248. Benetka G., Kienreich W. Hochschulpsychologie in der Ostmark: Das Wiener Psychologische Institut / G. Benetka, W. Kienreich // In K. Fallend, B. Handlbauer, & W. Kienreich (Eds.), Der Einmarsch in die Psyche. – 1989. – P. 147–167.

249. Benetka G. «Dienstbare Psychologie»: Besetzungspolitik, Arbeitsschwerpunkte und Studienbedingungen in der «Ostmark» / G. Benetka // *Psychologie Und Gesellschaftskritik*. – 1992. – 16(1). – P. 43–81.
250. Benetka G. Denkstile der Psychologie: Das 19. Jahrhundert / G. Benetka // Wien, Austria: WUV Universitätsverlag, 2002.
251. Berelson B. Content analysis in communication research / B. Berelson. – New York: The Free Press, 1952.
252. Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality / P.L. Berger, T. Luckmann. – New York: Doubleday, 1967.
253. Berlyne D.E. American and European psychology / D.E. Berlyne // *American Psychologist*. – 1968. – № 23(6). – P. 447–452. <https://doi.org/10.1037/h0026431>
254. Bernfeld S. Der soziale Ort und seine Bedeutung für Neurose, Verwahrlosung und Pädagogik / S. Bernfeld // *Imago*. – 1929. – T. 15. – №. 3-4. – C. 299-312.
255. Bernfeld S. Die psychoanalytische Psychologie des Kleinkindes / S. Bernfeld // *Zeitschrift für psychoanalytische Pädagogik*. – 1934. – T. 8. – №. 1-2. – C. 5-16.
256. Beyerchen A.D. Scientists under Hitler: Politics and the Physics Community in the Third Reich / A.D. Beyerchen. – New Haven/London: Yale University Press, 1977.
257. Boas F. Race, language and culture / F. Boas. – New York, Macmillan, 1940.
258. Bohan J.S. Social Constructionism and Contextual History: An Expanded Approach to the History of Psychology / J.S. Bohan // *Teaching of Psychology*. – 1990. – № 17(2). – P. 82–89.
259. Boring E.G. A history of experimental psychology / E.G. Boring. – New York: The Century Company, 1929.
260. Boulaïne J. Histoire des pédologues et de la science des sols / J. Boulaïne. – 1989. – Paris: INRA.

261. Brock A. Imageless thought or stimulus error? The social construction of private experience / In: W. R. Woodward and R. S. Cohen (Eds.), *World views and scientific discipline formation: Science studies in the German Democratic Republic*. – Dordrecht: Kluwer. – 1991. – P. 97–106.
262. Brozek J., Pongratz L. J. *Historiography of Modern Psychology* / J. Brozek, L.J. Pongratz. – Toronto: CJ Hogrefe, 1980.
263. Bruner J.S., Allport G.W. Fifty years of change in American psychology / J.S. Bruner, G.W. Allport // *Psychological Bulletin*. – 1940. – № 37. – P. 757–776.
264. Buss A.R. The emerging field of the sociology of psychological knowledge / A.R. Buss // *American Psychologist*. – 1975. – № 30. – P. 988–1002.
265. Bühler C. *Das Seelenleben des Jugendlichen* / C. Bühler. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1975.
266. Camfield T.M. The American Psychological Association and World War I: 1914 to 1919 / In: R.B. Evans, V.S. Sexton, T.C. Cadwallader (Eds.). *The American Psychological Association: A historical perspective*. – 1992. – P. 91-118.
267. Capshew J. H., Hilgard E. R. The power of service: World War II and professional reform in the American Psychological Association / In R. B. Evans, V. S. Sexton, & T. C. Cadwallader (Eds.), *The American Psychological Association: A historical perspective* (pp. 149–175). American Psychological Association, 1992. <https://doi.org/10.1037/10111-006>.
268. Cartwright D. Contemporary social psychology in historical perspective / D. Cartwright // *Social Psychology Quarterly*. – 1979. – № 42(1). – P. 82-93.
269. Clifford G.J. *Psychology and the Science of Education: Selective writings of Edward L. Thorndike* / G.J. Clifford. – New York, 1962.

270. Cocks G. The Self as Project: Politics and the Human Sciences || Sick Heil: Self and Illness in Nazi Germany / G. Cocks // *Osiris*. – 2007. – 22(1). – P. 93–115. doi:10.1086/521744
271. Cohen D. Digital history: the raw and the cooked / D. Cohen // *Rethinking History*. – June, 2004. – Vol. 8. – № 2. – P. 337–340.
272. Cohen D.J., Rosenzweig R. Digital History: A Guide to Gathering, Preserving, and Presenting the Past on the Web / D.J. Cohen, R. Rosenzweig. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006.
273. Cohen D., etc. Interchange: The Promise of Digital History // *Journal of American History*. – Sep 2008. – Vol. 95. – № 2. – P. 452–491.
274. Collier D., Brady H.E., Seawright J. Toward an Alternative View of Methodology: Sources of Leverage in Causal Inference / In: H. E. Brady and D. Collier (eds.) *Rethinking Social Inquiry. Diverse Tools, Shared Standards*, Boulder: Rowman and Littlefield, 2004.
275. Dalgaard T., Hutchings N.J., Porter J.R. Agroecology, scaling and interdisciplinarity / T. Dalgaard, N.J. Hutchings, J.R. Porter // *Agriculture, Ecosystems and Environment*. – 2003, 100 (1). – P. 39–51.
276. Dallenbach K. The emergency committee in psychology, National Research Council / K. Dallenbach // *American Journal of Psychology*. – 1946. – № 59. – P. 496–582.
277. Danziger K. The positivist repudiation of Wundt / K. Danziger // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. – 1979. – № 15. – P. 205–230. doi:10.1002/1520-6696
278. Danziger K. Origins and basic principles of Wundt's *Völkerpsychologie* / K. Danziger // *British Journal of Social Psychology*. – 1983. – № 22. – P. 303–313.
279. Danziger K. Does the history of psychology have a future? // *Theory & Psychology*. – 1994. – T. 4. – №. 4. – P. 467-484.
280. Danziger K. *Naming the mind: How psychology found its language* / K. Danziger. – Sage Publications, Inc., 1997.

281. Defining Digital Humanities: A Reader / M. Terras, J. Nyhan, E. Vanhoutte (eds.). – Ashgate Publishing, 2013. – 331 p.
282. Denzin N.K., Lincoln Y.S. (Eds.) Handbook of qualitative research (3rd ed.) / N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.). Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.
283. Depaepe M., Hellemans M., Leirman W. Pedagogiek / In: P. De Meester et al., eds., Wetenschapnu en morgen. – Leuven, 1989. – P. 233-246.
284. Depaepe M. Differences and similarities in the development of educational psychology in Germany and the United States before 1945 / M. Depaepe // Paedagogica historica. – 1997. – T. 33. – №. 1. – P. 69-97.
285. Deuchler G. Möglichkeiten und Grenzen der experimentellen Pädagogik / G. Deuchler // Langensalza. – 1926. – P. 14–20.
286. Dewsbury D.A. Comparative psychology and ethology / D.A. Dewsbury // American Psychologist. —1992a. — № 47. — P. 208–215.
287. Dewsbury D.A. Triumph and tribulation in the history of American comparative psychology / D.A. Dewsbury // Journal of Comparative Psychology. – 1992b. – № 106. – P. 3–19.
288. Dewsbury D.A. Rhetoric strategies in the presentation of ethology and comparative psychology in magazines after World War II / D.A. Dewsbury // Science in Context. – 1997. – №10. – P. 267–286.
289. Dolch J. Erziehung und Erziehungswissenschaft in Deutschland und Deutschösterreich von 1900 bis 1930. – Wiss. Buchges., 1968.
290. Dollard J., and others. Frustration and Aggression / J. Dollard. – New Haven: Yale Univ. Press, 1939.
291. Dudek P. William Stern und das Projekt 'Jugendkunde' / P. Dudek // Zeitschrift für Pädagogik. – 1990. – № 35. – P. 153-174.
292. Dumont K., Louw J. The International Union of Psychological Science and the politics of membership: Psychological associations in South Africa and the German Democratic Republic / K. Dumont, J. Louw // History of Psychology. – 2001. – 4. – P. 388– 404.

293. Effertz J. Bericht u'ber die Gru'ndung der Deutschen Gesellschaft fu'r Tierpsychologie / J. Effertz // Zeitschrift fu'r Tierpsychologie. – 1937a. – №1. – P. 1–3.
294. Effertz J. Bericht u'ber die Gru'ndung der Deutschen Gesellschaft fu'r Tierpsychologie / J. Effertz // Zeitschrift fu'r Tierpsychologie. – 1937b. – 1. – P. 1–3.
295. Ehrenstein W. H., Spillmann L., Sarris V. Gestalt issues in modern neuroscience / W.H. Ehrenstein, L. Spillmann, V. Sarris // Axiomathes. – 2003. – № 13. – P. 433–458.
296. Eisen W. Kurt Koffka, 1886 – 1941 / W. Eisen // British Journal of Psychology. – 1942. – **33**. – P.69–76
297. Ember M. The Logic of Comparative Research / M. Ember // Behavior Science Research. – 1991. – Vol. 25. – P. 143–53.
298. Ember C. Cross-Cultural Research / In: D. Levinson, M. Ember (eds.), Encyclopedia of Cultural Anthropology. 1996. – Vol. I. – Holt, New York, NY.
299. Emisch H. Ludwig Edinger—Hirnanatomie und Psychologie / H. Emisch. – Stuttgart, Germany: Gustav Fischer, 1991.
300. Farago L. (Ed.). German psychological warfare / L. Farago. — New York: Committee on National Morale, 1941.
301. Faust F., Ueber Organisationsformen und Arbeitsweisen in der Erziehungsberatung. Zeitschrift fur Kinderforschung, 1944. – № 50. – P. 34-44.
302. Fischer A. Die Lage der Pädagogik in der Gegenwart / A. Fischer // Zeitschrift für Pädagogische Psychologie. – 1911. – № 12. – P. 83-88.
303. Fischer A. Über Begriff und Aufgabe der pädagogischen Psychologie / A. Fischer // Zeitschrift für Pädagogik. – 1917. – № 18. – P. 109-118.
304. Fischer B.A. Maltreatment of People With Serious Mental Illness in the Early 20th Century / B.A. Fischer // The Journal of Nervous and Mental

- Disease. – 2012. – № 200(12). – P. 1096–1100.
doi:10.1097/nmd.0b013e318275d391
305. Frischeisen-Köhler M. Grenzen der experimentellen Methode / M. Frischeisen-Köhler // Pädagogische Blätter. – 1918. – 48. – (reprinted in Id., Philosophie und Pädagogik (Weinheim, 1962). – P. 110–150.
306. French J. R. P. Retraining an autocratic leader / J.R.P. French // Journal of Abnormal & Social Psychology. – 1944. – № 39. – P. 224-237.
307. Fritz R. The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890–1933 / R. Fritz. – Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1969.
308. Gary B. Mass communication research, the Rockefeller Foundation, and the imperatives of war 1943–1945 / B. Garry // Research Reports from the Rockefeller Archive Center. – Tarrytown, NY: Rockefeller Archive Center, 1991.
309. Geertz C. Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture. The Interpretation of Culture: Selected Essays / C. Geertz. – New York: Basic Books, 1973.
310. Gengerelli J.A. The dichotomy of science and philosophy / J.A. Gengerelli // Psychological Review. – 1937. – № 44(2). – P. 117–137. <https://doi.org/10.1037/h0059744>.
311. George A.L. Quantitative and qualitative approaches to content analysis / In: Ithiel de Sola Pool (Ed.), Trends in content analysis. – Urbana, IL: University of Illinois Press, 1959. – P. 7-32.
312. Gerbner G. (Eds.) Analysis of communication content: Developments in scientific theories and computer techniques / G. Gerbner, O. Holsti, K. Krippendorff, W.J. Paisley, Ph.J. Stone. – New York, NY: Wiley, 1969.
313. Gergen K.J. Social Psychology as History / K.L. Gergen // Journal of Personality and Social Psychology. – 1973. – Vol. 26. – № 2. – P. 309-320.
314. Gergen K.J. Realities and relationships: Soundings in social construction / K.J. Gergen. – Harvard University Press, 1994.

315. Gergen K.J. Social psychology as social construction: The emerging vision // In: C. McCarty & A. Haslam (Eds.), The message of social psychology: Perspectives on mind in society. Oxford: Blackwell. – 1997. – P. 113-128.
316. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays / A. Gerschenkron. – Cambridge, MA: Belknap Press, 1966.
317. Geschichte der deutschen Psychologie im 20 / Mitchell G. Ash; Ulfried Geuter (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985.
318. Geuter U. Der Leipziger Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie 1933 / U. Geuter // Psychologie Und Gesellschaftskritik. –1979. – № 3(4). – P. 6–25.
319. Geuter U. Institutionelle und professionelle Schranken der Nachkriegsauseinandersetzung über die Psychologie im Nationalsozialismus / U. Geuter // Psychologie Und Gesellschaftskritik. – 1980a. – № 4(1–2). – P. 5–39.
320. Geuter U. Die Zerstörung wissenschaftlicher Vernunft / U. Geuter // Psychologie Heute. – 1980b. – №7(4). – P. 35–43.
321. Geuter U. Der Nationalsozialismus und die Entwicklung der deutschen Psychologie. Bericht über den 33 / U. Geuter // Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Psychologie. –1983. – P. 99–106.
322. Geuter U. Die Professionalisierung der deutschen Psychologie im Nationalsozialismus / U. Geuter. – Frankfurt: Suhrkamp, 1984a.
323. Geuter U. «Gleichschaltung» von oben? Universitätspolitische Strategien und Verhaltensweisen in der Psychologie während des Nationalsozialismus / U. Geuter // Psychologische Rundschau. 1984b. – 35(4). – P. 198–213.
324. Geuter U. (Ed.). Daten zur Geschichte der deutschen Psychologie. Psychologische Institute, Fachgesellschaften, Fachzeitschriften und Serien, Biographien, Emigranten 1879–1945 (Bd. 1) / U. Geuter. – Go ttingen, Germany: Hogrefe, 1986.

325. Geuter U. Das Institut für Arbeitspsychologie und Arbeitspädagogik der Deutschen Arbeitsfront. Eine Forschungsnotiz / U. Geuter // *Zeitschrift Für Sozialgeschichte Des 20. und 21. Jahrhunderts*. 1987. – 1(1). – P. 87–95.
326. Geuter U. *The Professionalization of Psychology in Nazi Germany* / U. Geuter. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
327. Giese F. *Theorie der Psychotechnik* / F. Giese. – Braunschweig: F. Vieweg und Sohn, 1925. – 180 p.
328. Giese F. *Methoden der Wirtschaftspsychologie* / F. Giese. – Berlin–Wien: Urban und Schwarzenberg, 1927. – 631 p.
329. Graumann C.F. History as multiple reconstruction: Of mainstreams, tributaries, and undercurrents / C.F. Graumann // In: G. R. Semin & B. Krahe (Eds.), *Issues in contemporary German social psychology*. London: Sage. – 1987. – P. 1–15.
330. Graumann C.F. Introduction to a history of social psychology / C.F. Graumann // In: M. Hewstone, W. Stroebe, J. P. Codol, & G. M. Stephenson (Eds.), *Introduction to social psychology. A European perspective*. Oxford: Blackwell, 1988. – P. 3–19.
331. Graumann C.F. Gestalt in social psychology / C.F. Grauman // *Psychological research*. –1989. – 51(2). – P. 75-80.
332. Gregor T.A., Tuzin D. Comparing Gender in Amazonia and Melanesia: A Theoretical Orientation / In: *Gender in Amazonia and Melanesia. An Exploration of the Comparative Method*, edited by Thomas A. Gregor and Donald Tuzin, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2001. – P. 1–16.
333. Grusin R. The Dark Side of Digital Humanities: Dispatches from Two Recent MLA Conventions / R. Grusin // *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies*. – 2014. – Vol. 25. – No. 1. – P. 79–92.
334. Geuter U. *The professionalization of psychology in Nazi Germany* (R. Holmes, Trans.) / U. Geuter. – Cambridge University Press, 1992.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511666872>

335. Glaser B.G., Strauss A.L. The discovery of grounded theory / B.G. Glaser, A.L. Strauss. – Chicago, IL: Aldine. – 1967.
336. Gilgen A. R. American psychology since World War II: A profile of the discipline / A.R. Gilgen. – Greenwood Pub Group, 1982.
337. Gilgen A., Gilgen C.K., Koltsova V.A., Oleinik Yu.N. Soviet and American Psychology during World War II (Contributions in Psychology.) / A. Gilgen, C.K. Gilgen, V.A. Koltsova, Yu. N. Oleinik // Westport, Conn/London: Greenwood Press, 1997.
338. Gobo G. The renaissance of qualitative methods / G. Gobo // Forum: Qualitative Social Research. – 2005. – № 6(3). – Art. 42, <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-6.3.5>
339. Goddard H.H. The Kallikak Family: A Study in the Heredity of Feeble-Mindedness / H.H. Goddard. – New York: Macmillan, 1912.
340. Gould S.J. The mismeasure of man / S.J. Gould. – New York: WW Nyrton, 1981.
341. Greene J. C., Caracelli V. J. Defining and describing the paradigm issue in mixed-method evaluation / In J. C. Greene and V. J. Caracelli (Eds.), Advances in mixed-method evaluation: The challenges and benefits of integrating diverse paradigms. – San Francisco: Jossey-Bass. – 1997. – № 74. – P. 5-17.
342. Greene J. C., Caracelli, V. J., Graham, W.F. Toward a conceptual framework for mixed-method evaluation designs / J.C. Greene, V.J. Caracelli, W.F. Graham // Educational Evaluation and Policy Analysis. – 1989. – № 11. – P. 255-274.
343. Greenwood J.D. A conceptual history of psychology / J.D. Greenwood. – N.Y.: McGraw-Hill, 2009.
344. Gundlach H. The Hipp chronoscope as totem pole and the formation of a new tribe—Applied psychology, psychotechnics and rationality / H. Gundlach // Teorie & Modelli. – 1996. – T. 1. – №. 1. – C. 65-85.

345. Gundlach H. Reine Psychologie, angewandte Psychologie und die Institutionalisierung der Psychologie / H. Gundlach // Zeitschrift für Psychologie. – 2004. – № 212. – P. 183–199. doi:10.1026/0044-3409.212.4.183
346. Hammel E.A. The Comparative Method in Anthropological Perspective / E.A. Hammel // Comparative Studies in Society and History. – 1980. – № 22. – P. 145-155.
347. Hammersley M., Atkinson P. What is ethnography? / In: M. Hammersley, P. Atkinson (Eds.), Ethnography: Principles and practice (3rd ed.). – London: Routledge, 2007. – P.1-20.
348. Harrington A. Reenchanted Science: Holism in German Culture from Wilhelm II to Hitler / A. Harrington. – Princeton: Princeton University Press, 1999.
349. Harris B. Whatever happened to little Albert? / B. Harris // American Psychologist. –1979. – 34(2). – P. 151–160.
350. Harris B. When and why did Laurel Furumoto become a historian of psychology? / B. Harris // History of Psychology. – 2020. – 23(3). – P. 281–282.
351. Harrower M. Kurt Koffka, 1886 – 1941 / M. Harrower // American Journal of Psychology. – 1942. – 55. – P. 278–281.
352. Harten H.C. Pädagogik und Eugenik im 'Rassenhygienischen' Diskurs vor 1933 / H.C. Harten // Paedagogica Historica. – 1997. – № 32.
353. Haupt H.-G. Comparative History. International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / Editors-in-Chief: Niel J. Smelser and Paul B. Baltes. Amsterdam and New York. – 2001. – Vol. 4. – P. 2397-2403.
354. Henle M. One Man Against the Nazis - Wolfgang Köhler / M. Henle // American Psychologist. – 1978. – 33. – P. 939-944.
355. Herman E. The romance of American psychology: Political culture in the age of experts / E. Herman. – University of California Press, 1995.

356. Herrmann U. Die Rolle der Psychologie in der Entwicklung der modernen Erziehungswissenschaft / U. Hermann // in H. Balmer, ed.. Die Psychologie des 20. Jahrhunderts. – Zürich. – 1976. – Vol. I, 1020.
357. Hetzer H. Aufgaben der Erziehungsberatung der NSV-Jugendhilfe. National-sozialistischer Volksdienst, 1940, 7, pp. 236-42.
358. Hetzer H. Die Erziehungsberatung als Mittel der NSV-Jugendhilfe," Deutsche Jugendhilfe, 1940a, 32 (Issue 3/4), pp. 33-9.
359. Hetzer H. Der Einsatz des Psychologen in der Erziehungsberatung der NSV-Jugendhilfe. Die Ärztin, 1942, 18, pp. 171-5.
360. Heßdörfer F. Die Gleichheit des Vergleichs. Pädagogische Gleichheitsfiguren zwischen Ökonomie und Politik / F. Heßdörfer // Jacques Rancière: Pädagogische Lektüren. – Springer VS, Wiesbaden, 2019. – C. 113-133.
361. Hildebrandt H. Zur Bedeutung des Begriffs der 'Alltagspsychologie' in Theorie und Geschichte der Psychologie: eine psychologiegeschichtliche Studie anhand der Krise der Psychologie in der Weimarer Republik / H. Hildebrandt. – Ph.D. diss. – University of Oldenbourg, Germany, 1989.
362. Hilgard E.R. Psychological factors in the restoration of the civilian economy / E.R. Hilgard // Journal of Consulting Psychology. – 1946. – 10(1), – P. 15–22.
363. Hische W. Psychologische Pädagogik. Zur (notwendigen) Neuformung des Verhältnisses zwischen Psychologie und Pädagogik / W. Hische // Zeitschrift für Pädagogische Psychologie. – 1939. – 40.
364. Hofstätter P. Einführung / P. Hofstätter // In Deutsche Wehrmachtpsychologie 1914–1945. – 1985. – P. 7–12.
365. Hollinger D.A. Free enterprise and free inquiry: The emergence of laissez-faire communitarianism in the ideology of science in the United States / D.A. Hollinger // New Literary History. – 1990. – T. 21. – №. 4. – C. 897-919.

366. Holsti O.R. Content Analysis / In: G.Lindzey, E.Aronson (Eds.), The Handbook of Social Psychology (2nd ed.). – Vol.II, New Delhi: Amerind Publishing Co. – 1968. – P. 596-692.
367. Holsti O.R. Content analysis for the social sciences and humanities / O.R. Holsti. – London: Addison-Wesley publishing company, 1969.
368. Holton G. The Scientific Imagination: Case Studies / G. Holton // Cambridge, Cambridge University Press. – 1978.
369. Horst G. Faktor Mensch im Krieg / G. Horst // Berichte zur Wissenschaftsgeschichte. – 1996, 19(2-3). – P. 131–143.
370. Howard G.S. The role of values in the science of psychology / G.S. Howard // American Psychologist. – 1985. – 40. – P. 255–265.
371. Hsieh H.-F., Shannon S. E. Three approaches to qualitative content analysis / H.-F. Hsieh, S.E. Shannon // Qualitative Health Research. – 2005. – 15(9). – P. 1277-1288.
372. Hullfish H.G. Aspects of Thorndike's Psychology in their Relation to Educational Theory and Practice / H.G. Hullfish // Columbus, 1926.
373. Iggers G. A Global History of Modern Historiography / Georg G. Iggers and Q. Edward Wang with contributions from Supriya Mukherjee. – Harlow, England: Pearson Education Ltd, 2008. – 448 p.
374. Ingenkamp K., Laux H. Geschichte der Pädagogischen Diagnostik, vol. II: H. Laux, Pädagogische Diagnostik im Nationalsozialismus 1933-1945 / K. Ingenkamp, H. Laux. – Weinheim, 1990.
375. Internationalizing the History of Psychology / edited by André, Jr. Brock, New York University Press, 2006.
376. Jaeger S., Staeuble I. Die Psychotechnik und ihre gesellschaftlichen Entwicklungsbedingungen / S. Jaeger, I. Staeuble // Die Psychologie des 20. Jahrhunderts. – Zurich: Kindler. – 1981. – Vol. 13.
377. Jaensch E.R. Über den Aufbau der Wahrnehmungswelt und ihre Struktur im Jugendalter / E.R. Jaensch. – Leipzig, 1923.

378. Jaensch E.R. Die Eidetik und die typologische Forschungsmethode: in ihrer Bedeutung für die Jugendpsychologie und Pädagogik, für die allgemeine Psychologie und die Psychophysiologie der menschlichen Persönlichkeit; mit besonderer Berücksichtigung der grundlegenden Fragen und der Untersuchungsmethodik / E.R. Jaensch // Leipzig: Quelle & Meyer. – 1925. – 89 p.
379. Jaensch E.R. Neue Wege der Erziehungslehre und Jugendkunde / Jaensch E.R. – Erfurt, 1928.
380. Jaensch E.R. Golden Jubilee Volume 1887-1937. Wege und Ziele der Psychologie in Deutschland / E.R. Jaensch // The American Journal of Psychology. – 1937a. – 50(1-4). – P. 1–22. doi:10.2307/1416617
381. Jaensch E.R. Zur Neugestaltung des deutschen Studententums und der Hochschule / E.R. Jaensch // Leipzig: Barth. – 1937b. – 89 p.
382. Jaensch E.R. Wege und Ziele der Psychologie in Deutschland / E. R. Jaensch // Zeitschrift für Pädagogik. – 1938. – 39.
383. Jaensch E.R., Hentze R. Grundgesetze der Jugendentwicklung. Erkenntnisse der Jugendanthropologie / E.R. Jaensch // Leipzig: A. Barth. – 1939. – 214 p.
384. Jarausch K.H. The perils of professionalization: Lawyers, teachers, and engineers in Nazi Germany / K.H. Jarausch // German Studies Review. – 1986. – 9. – P. 107–137. <http://dx.doi.org/10.2307/1429103>
385. Joravsky D. Russian psychology: a critical history / D. Joravsky. – Oxford: Blackwell, 1989. – 583 p.
386. Jäckel E. Hitler's world view: A blueprint for power / E. Jäckel. – Harvard University Press, 1981.
387. Jüttemann G. Historische Psychologie und die Entwicklung der Menschheit: Die Perspektive einer Fundamentaltheorie / G. Jüttemann // Erwägen, Wissen, Ethik. – 2011. – № 22. – P. 3–16.

388. Jüttemann G., Sonntag M., Wulf C. Die Seele: Ihre Geschichte im Abendland / G. Jüttemann, M. Sonntag, C. Wulf. – Weinheim, Germany: Psychologie Verlags Union, 1991.
389. Kalampalikis N., Delovee S., Petard J.-P. Historical spaces of social psychology // *History of the Human Sciences*. – 2006. – V. 19. – P. 23-43.
390. Katona G. War Without Inflation / G. Katona. – New York: Columbia Univ. Press, 1945
391. Kerlinger F.H. Foundations of Behavioral Research: Educational and Psychological Inquiry, New York: Holt, Rinehart & Winston, 1964.
392. Kießling A. Entwicklungstendenzen der pädagogischen Psychologie / A. Kießling // *Zeitschrift für Pädagogik*. – 1929. – 30. – P. 1–9.
393. Kirshenbaum M. What Is «Digital Humanities», and Why Are They Saying Such Terrible Things about It? / M. Kirshenbaum // *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies*. – 2014. – Vol. 25. – No. 1. – P. 46–63.
394. Klee E. Das Personenlexikon zum Dritten Reich. Wer war was vor und nach 1945 / E. Klee // Auflage. Frankfurt am Main: Fischer, 2005.
395. Klemm O. Geschichte der Psychologie / O. Klemm. – Leipzig: Teubner, 1911.
396. Klemm O. (Ed.). Bericht u'ber den XIII. Kongress der Deutschen Gesellschaft fu'r Psychologie (16.–19. Oktober 1933) Jena, Germany: Gustav Fischer, 1934.
397. Klemm O. (Ed.). Psychologie des Gemeinschaftslebens—Bericht u'ber den XIV. Kongress der Deutschen Gesellschaft fu'r Psychologie (22.–26. Mai 1934). Jena, Germany: Gustav Fischer, 1935.
398. Klemm O. (Ed.). Gefu'hl und Wille—Bericht u'ber den XV. Kongress der Deutschen Gesellschaft fu'r Psychologie (5.–8. Juli 1936). Jena, Germany: Gustav Fischer, 1937.
399. Klemm O. (Ed.). Charakter und Erziehung—Bericht u'ber den XVI. Kongress der Deutschen Gesellschaft fu'r Psychologie (2.–4. Juli 1938). Leipzig, Germany: Johann Ambrosius Barth, 1939.

400. Klemm P.G. Vorwort / In B. M. Teplow (Ed.), *Psychologie*, Berlin, Germany: Volk und Wissen. – 1953. – P. 5–8.
401. Knauer A. *Das normative Moment in der pädagogischen Psychologie* / A. Knauer. – Langensalza, 1934.
402. Koenig-Fachsenfeld O. *Freiin von. Erziehungshilfe. Zentralblatt für Psychotherapie.* – 1942. – №14. – P. 25-34.
403. Kozulin A. *Psychology in Utopia. Toward a Social History of Soviet Psychology* / A. Kozulin. – London. – 1984. – 186 p.
404. Kracauer S. *The challenge of qualitative content analysis* / S. Kracauer. – *Public Opinion Quarterly.* – 1952. – 16(4). – P. 631-642.
405. Krieger P.L. *Rasse, Rhythmus und Schreibinnervation bei Jugendlichen und Erwachsenen* / P.L. Krieger // *Zeitschrift für Pädagogische Psychologie.* – 1937. – 38. – P. 13–31.
406. Krippendorff K. *Content analysis: An introduction to its methodology* / K. Krippendorff. – Beverly Hills, CA: Sage. – 1980.
407. Krippendorff K. *Content analysis: An introduction to its methodology* (2nd ed.) / K. Krippendorff. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2004.
408. Kroh O. *Die Aufgabe der pädagogischen Psychologie und ihre Stellung in der Gegenwart* / O. Kroh // *Zeitschrift für Pädagogik.* – 1933. – № 34. – P. 305-327.
- 409.** Kroh O. *Pädagogische Psychologie im Dienste völkischer Erziehung* / O. Kroh // *Zeitschrift für Pädagogische Psychologie.* – 1937. – № 38. – P. 1–13.
410. Kroh O. *Zur Frage der Anwendung in der Psychologie* / O. Kroh // *Zeitschrift für Pädagogik.* – 1938. – № 39. – P. 4–13.
411. Kroh O. *Ein bedeutsamer Fortschritt in der deutschen Psychologie* / O. Kroh // *Zeitschrift Für Psychologie.* – 1941. – № 151(1–4). – P. 1–32.
412. Kroh O. *Zum Ausbau der Prüfungsordnung für Diplom-Psychologen* / O. Kroh // *Zeitschrift Für Psychologie.* – 1943. – № 155(1–2). – P. 1–15.

413. Kuckartz U. Qualitative text analysis: A guide to methods, practice & using software / U. Kuckartz. – London: Sage, 2014.
414. Kühl S. The Nazi-connection: American racism and German national socialism / S. Kühl. – Oxford, 1994.
415. Kühl S. The Nazi connection: Eugenics, American racism, and German national socialism / S. Kühl. – Oxford University Press, 2002.
416. Lasswell H.D., Leites N. Language of politics / H.D. Lasswell, N. Leites. – Cambridge: MIT Press, 1965.
417. Laughlin H.H. Eugenic Sterilization in the United States / Laughlin H.H. // Chicago: Psychopathic Laboratory of the Municipal Court of Chicago, 1922.
418. Leahey T.H. A History of Modern Psychology / T.H. Leahey. – Prentice Hall, 1991. – 406 p.
419. Leary D.E. The historical foundation of Herbart's mathematization of psychology / D.E. Leary // Journal of the History the Behavioral Sciences. – 1980. – 16(2). – P. 150–163.
420. Leighton A. Human relations in a changing world: Observations on the use of the social sciences / A. Leighton. – New York: Dutton, 1949.
421. Lerner D. Sykewar: Psychological warfare against Germany, D-Day to VE-Day / D. Lerner. – New York: George W. Stewart, 1949.
422. Lewis O. Comparisons in Cultural Anthropology / In: Readings in Cross-Cultural Methodology, ed. F. W. Moore. New Haven, 1971. – P. 50-85.
423. Lipmann O., Stern W. Forschung und Unterricht in der Jugendkunde / O. Lipmann, W. Stern // Leipzig, 1912.
424. Liu A. The Meaning of the Digital Humanities / A. Liu // PMLA – 2013. – Vol. 128. – No. 2. – P. 409–423
425. Longino H.E. Can there be a feminist science? (Working Paper No. 163) / H.E. Longino. – Wellesley, MA: Wellesley College Center for Research on Women, 1986.

426. Luria A.R. Psychologische Expedition nach Mittelasien / A.R. Luria // Zeitschrift für angewandte Psychologie. – 1931. – T. 40. – C. 551-552.
427. Lück H.E. Geschichte der Psychologie. Strömungen, Schulen, Entwicklungen / H.E. Lück. Stuttgart: Kohlhammer, 1991.
428. Lück H.E., Miller R. (Ed.). Illustrierte Geschichte der Psychologie / H.E. Lück, R. Miller. – München: Quintessenz, 1993.
429. Lück H.E., Grünwald H., Geuter U., Miller R., Rehtien W. Sozialgeschichte der Psychologie: Eine Einführung / Opladen, Germany: Leske and Budrich 1987. doi:10.1007/978-3-322-97189-0
430. MacBean J.R. Sex and Politics: Wilhelm Reich, World Revolution, and Makavejev's WR / J.R. MacBean // Film Quarterly. – 1972. – 25(3). – P. 2–13. doi:10.2307/1211516
431. Mandler G. Psychologists and the National Socialist access to power / G. Mandler // History of Psychology. – 2002. – 5(2). – P. 190–200. doi:10.1037/1093-4510.5.2.190
432. Mangelsdorff A.D. (Ed.). Psychology in the service of national security / A.D. Mangelsdorff. – American Psychological Association, 2006. <https://doi.org/10.1037/11470-000>
433. Manicas P.T. A History and Philosophy of the Social Sciences / P.T. Manicas. – Oxford: Basil Blackwell, 1987.
434. Mann M. Socio-Logic / M. Mann // Sociology. – 1981. – 15(4). – P. 544-550. <https://doi.org/10.1177/003803858101500410>
435. Marquis D.G. Social psychologists in national war agencies / D.G. Marquis // Psychological Bulletin. – 1944. – № 41(2). – P. 115–126. doi:10.1037/h0056072.
436. Marrow A.I. Kurt Lewin — Leben und Werk / A.I. Marrow // Stuttgart: Klett, 1977.
437. Mattes P. Psychologie im westlichen Nachkriegsdeutschland: Fachliche Kontinuität und gesellschaftliche Restauration. In: M. G. Ash, U.

- Geuter (Eds.), *Geschichte der deutschen Psychologie im 20. Jahrhundert*, 1985. P. 201–224. – Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
438. McCarty W. *Humanities Computing* / W. McCarty // *Encyclopedia of Library and Information Science*. – NY: Marcel Dekker, 2003. – P. 1224–1235.
439. Métraux A. *Der Methodenstreit und die Amerikanisierung der Psychologie in der Bundesrepublik 1950–1970* / In M. G. Ash & U. Geuter (Hrsg.), *Geschichte der deutschen Psychologie im 20. Jahrhundert*. – Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag, 1985. – P. 225–251.
440. Menninger K. *Psychiatry in a troubled world: Yesterday's war and today's challenge* / K. Menninger. – New York: Macmillan, 1948.
441. Mehrtens H., Richter S. *Naturwissenschaft, Technik und NS-Ideologie: Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte des Dritten Reichs* / H. Mehrtens, S. Richter. – Suhrkamp, 1980.
442. Murphy G. (Ed.) *Human Nature and Enduring Peace* / G. Murphy. – Boston: Houghton Mifflin, 1945.
443. Merton R.K. *The sociology of knowledge and mass communications* / In Robert K. Merton (Ed.), *Social theory and social structure*. New York, NY: The Free Press. – 1968. – P. 487-501.
444. Merz F. *Amerikanische und deutsche Psychologie* / F. Merz // *Psychologie Und Praxis*. – 1960. – 4(1–4). – P. 78–91.
445. Merz F. *Deutsche Psychologie und Nationalsozialismus: Eine Erwiderung* / F. Merz // *Psychologie und Praxis*. – 1961. – P. 32-34.
446. Meskill D. *Characterological Psychology and the German Political Economy in the Weimar Period (1919-1933)* / D. Meskill // *History of Psychology*. – 2004. – 7(1). – P. 3-19.
447. Métraux A. *Der Methodenstreit und die Amerikanisierung der Psychologie in der Bundesrepublik 1950–1970* / In: *Geschichte der deutschen Psychologie im 20. Jahrhundert*. – VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1985. – P. 225-251.

448. Meumann E. Zur Einführung / E. Meumann // Archiv für gesamte Psychologie. – 1903. – 1. – P. 1-18.
449. Meumann E. Der Bund für Schulreform / E. Meumann // Zeitschrift für Experimentelle Pädagogik. – 1910. – 10. – P. 56– 70.
450. Meumann E. Experimentelle Pädagogik und Schulreform / E. Meumann // Zeitschrift für Pädagogische Psychologie. – 1911a. – 12. – P. 1– 13.
451. Meumann E. Vorlesungen zur Einführung in die Experimentelle Pädagogik und ihre psychologischen Grundlagen (Bd. 1, zweite Auflage) / E. Meumann. – Leipzig: Engelmann, 1911b.
452. Meumann E. Institut für Jugendkunde / E. Meumann // Pädagogische Reform. – 1912. – №26-27.
453. Meumann E. Vorlesungen zur Einführung in die Experimentelle Pädagogik und ihre psychologischen Grundlagen (Bd. 2, zweite Auflage) / E. Meumann. – Leipzig: Engelmann, 1913.
454. Meumann E. Referat über Forschungsinstitut und Universität in ihren Beziehungen zum Kolonialinstitut / E. Meumann // In: Staatsarchiv Hamburg, Bürgerschaft I, Ausbau des Kolonialinstituts, Anlage 2 zum Sitzungsprotokoll. – Vol. 22. – 1. – 1914a.
455. Meumann E. System der Ästhetik (Wissenschaft und Bildung 124) / E. Meumann // Leipzig: Quelle und Meyer, 1914b.
456. Meumann E. Vorlesungen zur Einführung in die Experimentelle Pädagogik und ihre psychologischen Grundlagen (Bd. 3) / E. Meumann. – Leipzig: Engelmann, 1914p.
457. Mironenko I.A., Proskuriakova E., Rafikova V.A., Kozlova Y., Simonovich A., Proshina A., Danina E. Walking in St. Petersburg-Vienna Walks Continued / I. A. Mironenko, E. Proskuriakova, V. Rafikova [et al.] // Human Arenas. – 2020. – Vol. 3, No. 2. – P. 190-213. – DOI 10.1007/s42087-019-00076-8.

458. Mironenko, I. A., Rafikova V.A. Concerning the history of comparative psychology in Russia / I. A. Mironenko, V. A. Rafikova // Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. – 2020. – Vol. 10. – № 1. – P. 61-72. – DOI 10.21638/spbu16.2020.105.
459. Mironenko I.A., Rafikova V.A. Pavlov in Russian contemporary psychological discourse // In: One Dog Is Enough: Ivan P. Pavlov's Contributions to Idiographic Science / A volume in the series: Yearbook of Idiographic Science. Editor(s): Sergio Salvatore, University of Salento. Jaan Valsiner, Niels Bohr Professor of Cultural Psychology, Aalborg University. Charlotte, NC: Information Age Publishers). – 2022. – P. 105-128.
460. Moers M. Psychologische Fragen zum Einsatz der Frau in die industrielle Arbeit / M. Moers // Industrielle Psychotechnik. – 1942. – № 19(1–2). – P. 1–8.
461. Moghaddam F.M., Taylor D.M. Psychology in the developing world: An evaluation through the concepts of “dual perception” and “parallel growth” / F.M. Moghaddam, D.M. Taylor // American Psychologist. – 1985. – 40. – P. 1144–1146.
462. Moghaddam F.M., Taylor D.M. What constitutes an “appropriate psychology” for the developing world? / F.M. Moghaddam, D.M. Taylor // International Journal of Psychology. – 1986. – 24. – P. 253–267.
463. Moghaddam F.M. Modulative and generative orientations in psychology: Implications for psychology in the Third World / F.M. Moghaddam // Journal of Social Issues. – 1990. – № 56. – P. 21–41.
464. Moghaddam F.M. Social psychology / F.M. Moghaddam. – New York: Freeman., 1998.
465. Moghaddam F.M. The individual and society: A cultural integration / F.M. Moghaddam. – New York : Worth., 2002.
466. Moghaddam F.M. Great ideas in psychology: A cultural and historical introduction / F. M. Moghaddam. – Oxford: Oneworld, 2005.

467. Moghaddam F.M., Lee N. The Process of Universalizing Psychology in the Three Worlds / In: Internationalizing the history of psychology / edited by Adrian C. Brock. – 2006. – P. 163-182.
468. Morgan D.L. Qualitative content analysis: A guide to paths not taken / D.L. Morgan // Qualitative Health Research. – 1993. – 3(1). – P. 112-121.
469. Moses J. Rihoux B., Kittel B. Mapping political methodology: reflections on a european perspective / J. Moses, B. Rihoux, B. Kittel // European Political Science. – 2005. – 4(1). – P. 55–68. doi:10.1057/palgrave.eps.2210006
470. Murdock G.P. Comparative data on the division of labor by sex / G.P. Murdock // Social forces. – 1937. – T. 15. – №. 4. – C. 551-553.
471. Murphy G., Murphy L. B. Experimental social psychology / G. Murphy, L.B. Murphy. Harper, – 1931.
472. Nachmias D. Nachmias C. Content analysis / In: Research methods in the social sciences. UK: Edward Arnold, 1976. – P. 132-139.
473. Napoli D. S. Architects of adjustment: The history of the psychological profession in the United States. Port Washington, NY: Kennikat Press. 1981.
474. O'Donnell J.M. The Origins of Behaviourism / J.M. O'Donnel. – N.Y.: New York University Press, 1985.
475. Page J.M. State-Sponsored Injustice: The Case of Eugenic Sterilization / J.M. Page // Social Theory and Practice. – 2019. – V. 45. – № 1. – P. 75–101.
476. Paoletti J.B. Content Analysis: Its Application to the Study of the History of Costume / J.B. Paoletti // Clothing and Textiles Research Journal. – 1982, 1(1). – P. 14–17. doi:10.1177/0887302X8200100103
477. Pfahler G. Rasse und Erziehung / G. Pfahler // Zeitschrift für Pudegische Psychologie. – 1939.
478. Philips D.E. Wat is Scientific? / D.E. Philips // Journal of Educational Psychology. – 1932. – 20. – P. 299–308.

479. Pickren W. Tension and opportunity in post-World War II American psychology / W. Pickren // *History of Psychology*. – 2007. – T. 10. – №. 3. – P. 279-299.
480. Polanyi M. The growth of thought in society / M. Polanyi // *Economica*. New Series. – 1941. – Vol. 8. – № 32. – P. 428-456.
481. Polanyi M. Self-government of science (Address to the Manchester Literary and Philosophical Society February, 1942) / Polanyi M. // *The logic of liberty*. – Chicago: University of Chicago Press, 1951. – P. 149-167.
482. Polanyi M. Personal knowledge: towards a post-critical philosophy / M. Polanyi. – London: Routledge & Kegan Paul, 1962.
483. Polanyi M. The Republic of Science: its political and economic theory / M. Polanyi // *Minerva*. – 1962. – Vol. 1. – № 1. – P. 54-73.
484. Pongratz L.J. *Problemgeschichte der Psychologie* / L.J. Pongratz. – Bern: Francke, 1967.
485. Pool I. Trends in content analysis today: A summary / In: Ithiel de Sola Pool (Ed.), *Trends in content analysis* Urbana, IL: University of Illinois Press, 1959. – P.189-233.
486. *Price Control and Business*. – Bloomington: Principia Press, 1945
487. Program of the third annual professional conference and business meeting of the American Association for Applied Psychology // *Journal of Consulting Psychology*. – 1939. – 3. – P. 182-190.
488. Program of the fourth annual professional conference and business meeting of the American Association for Applied Psychology // *Journal of Consulting Psychology*. 1940. – 4. – P. 151-160.
489. Program of the fifth annual professional conference and business meeting of the American Association for Applied Psychology // *Journal of Consulting Psychology*. 1941. – 5. – P.197-204.
490. *Psychologische praktijken. Een Twintigste-eeuwse geschiedenis* // Edited by J. van Ginneken; J. Jansz. – The Hague: Vuga, 1986. – 269 pp.

491. Prasad B.D. et al. Qualitative Content Analysis: Why is it Still a Path Less Taken? / B.D. Prasad // Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research. – 2019. – T. 20. – №. 3.
492. Probst P. Ernst Meumann als Begründer der empirischen Psychologie in Hamburg / P. Probst // Psychologie und Geschichte. – 1989. – T. 1. – №. 2.
493. Radcliffe-Brown A. R. The comparative method in social anthropology / A.R. Radcliffe-Brown // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. – 1951. – T. 81. – №. 1/2. – P. 15-22.
494. Report of the Committee on Psychology in Industry. (1936, May 9). Washington, DC: American Psychological Association Archives, Library of Congress, Manuscript Division.
495. Reports of the AAAP // Journal of Consulting Psychology. – 1938. – 2. – P. 77-82.
496. Rice J.M. Scientific Management in Education / J.M. Rice. – New York-Philadelphia, 1913
497. Rice C.E. History of psychology 1900-2000: Uncertain Genesis / C.E. Rice // American Psychologist. – 2000. – 55(5). – P. 488-491. DOI: 10.1037/0003-066X.55.5.488.
498. Richter M. Comparative Political Analysis in Montesquieu and Tocqueville / M. Richter // Comparative Politics. – 1969. – 1. – P. 129-160.
499. Riegel A. Die probleme der lehrerbildung / A. Riegel. – Springer, 1925.
500. Ringer F.K. The decline of the German mandarins. The German academic community, 1890–1933 / F.K. Ringer. – Cambridge, Mass.: Harvard Univ Press, 1969.
501. Robinson D.N. An intellectual history of psychology / D.N. Robinson. – University of Wisconsin Press, 1995.
502. Rock R.T. Thorndike's Contribution to the Psychology of Learning / R.T. Rock // Teachers College Record. – 1940. – 6. – P. 751-761.

503. Rohrs H. Die Pädagogik Aloys Fischers. Versuch einer systematischen Darstellung seines wissenschaftlichen Gesamtwerkes / H. Rohrs // Ratingen. – 1953. – P. 24-30.
504. Rosa A., Huertas J.A., Blanco F. Metodología para la historia de la psicología / A. Rosa, J.A. Huertas, F. Blanco // Madrid: Alianza, 1996.
505. Roscoe P. The Comparative Method / P. Roscoe // Religion Compass. – 2008. – 2(4). – P. 734-753. doi:10.1111/j.1749-8171.2008.00093.x
506. Rose N. Inventing ourselves: Psychology, power and personhood / N. Rose. – New York: Cambridge University Press, 1996.
507. Rose N. Governing the soul: The shaping of the private self (2nd ed.) / N. Rose. – London: Routledge, 1999.
508. Roth H. Die realistische Wendung in der pädagogischen Forschung / H. Roth // Neue Sammlung. – 1962. – 2. – P. 481-490.
509. Rugg H.O. After Three Decades of Scientific Method in Education / H.O. Rugg // Teachers College Record. – 1934. – 36(2). – P. 111-122.
510. Saler B. Comparison: some suggestions for improving the inevitable / B. Saler // Numen. – 2001. – T. 48. – №. 3. – C. 267-275.
511. Samelson F. History, origin myth and ideology: "Discovery" of social psychology / F. Samelson // Journal for the Theory of Social Behaviour. – 1974. – 4(2). – P. 217–231.
512. Samelson F. J. B. Watson's Little Albert, Cyril Burt's twins, and the need for a critical science / F. Samelson // American Psychologist. – 1980. – 35(7). – P. 619–625.
513. Samelson F. Putting psychology on the map: Ideology and intelligence testing / In: A. R. Buss (Ed.), Psychology in social context. – New York, NY: Irvington. – 1979. – P. 103–168.
514. Samuels A. National Psychology, National Socialism, and Analytical Psychology: Reflections on Jung and anti-semitism Part I / A. Samuels // Journal of Analytical Psychology. – 1992. – T. 37. – №. 1. – C. 3-28.

515. Sander F. Deutsche Psychologie und Nationalsozialistische Weltanschauung / F. Sander // Nationalsozialistisches Bildungswesen. – 1937. – 2. – P. 641–649.
516. Sarason S.B. American psychology and schools: A critique / S.B. Sarason // American Journal of Community Psychology. – 2003. – T. 32. – №. 1-2. – C. 99-106.
517. Scheerer E. Gestalt psychology in the Soviet Union / E. Scheerer // Psychological Research. – 1980. – T. 41. – №. 2. – C. 113-132.
518. Schreier M. Qualitative content analysis in practice / M. Schreier. – London: Sage, 2012.
519. Schreier M. Qualitative content analysis / U. Flick (Ed.), The Sage handbook of qualitative data analysis / M. Schreier. – London: Sage. – 2014. – P. 170-183.
520. Schönflug W. Prä- und postmoderne Aspekte der Kritischen Psychologie / W. Schönflug // Psychologie & Geschichte. – 1995. – 7(1). – P. 79–84.
521. Schönflug W., Brauns H. Psychologie an der Freien Universität Berlin / W. Schönflug, H. Brauns // In L. Sprung & W. Schönflug (Eds.), Zur Geschichte der Psychologie in Berlin. – 2003. – P. 429–449.
522. Schönflug W. Selbstdarstellung / W. Schönflug // In K. -H. Renner & H. Lück (Eds.), Psychologie in Selbstdarstellungen. Pabst Science Publishers. – 2007. – P. 220–232.
523. Schönflug W. Deutsche Psychologie in Zeiten zweier Diktaturen: Instrumentalisierung von Wissenschaft durch Politik oder Instrumentalisierung von Politik durch Wissenschaftler? / W. Schönflug // In T. Herrmann & W. Zeidler (Eds.), Psychologen in autoritären Systemen. – 2012. – P. 319–334.
524. Schönflug W. Professional psychology in Germany, National Socialism, and the Second World War / W. Schönflug // History of

- Psychology. – 2017. – 20(4). – P. 387–407.
<https://doi.org/10.1037/hop0000065>
525. Schönflug W. Professionalisierung der Psychologie im Dritten Reich: Aufschwung oder Sackgasse? / W. Schönflug // In M. Wieser (Ed.), *Psychologie im Nationalsozialismus*. – 2020. – P. 73–87.
526. Sexton V.S. American psychology and philosophy, 1876–1976: Alienation and reconciliation/ V.S. Sexton // *The Journal of General Psychology*. – 1978. – T. 99. – №. 1. – C. 3-18.
527. Shils E. The scientific community: thoughts after Hamburg / E. Shils // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 1954. – May. – P. 151-155.
528. Sigerist H.E. Science and Democracy / H.E. Sigerist // *Science and Society*. – 1938. – Vol. 2.
529. Simoneit M. Vom Werden der deutschen Wehrmachtpsychologie: Ein geschichtlicher Rückblick / M. Simoneit // *Wehrpsychologische Mitteilungen*. – January. – 1940. – P.1-60.
530. Simonton D.K. Leaders of American psychology, 1879–1967: Career development, creative output, and professional achievement / D.K. Simonton // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1992. – T. 62. – №. 1. – C. 5-17.
531. Skott H.E. Attitude research in the Department of Agriculture / Skott H.E. // *Publ. 0-pin. Quart.* – 1943. – 7. – P. 280-292.
532. Smelser N.J. Comparative Methods in the Social Sciences and Essays in Sociological Explanation / N.J. Smelser. – London, 1976.
533. Spranger E. Grundgedanken der geisteswissenschaftlichen Psychologie / E. Spranger // *Die Erziehung*. – 1934. – 9. – P. 209-223.
534. Sprinz D.F., Wolinsky-Nahmias Y. Models, Numbers, and Cases: Methods for Studying International Relations / D.F. Sprinz, Y. Wolinsky-Nahmias. – Ann Arbor (Mich.): University of Michigan press, 2004.

535. Sprung L. History of modern psychology in Germany in 19th-and 20th-century thought and society / L. Sprung // International Journal of Psychology. – 2001. – T. 36. – №. 6. – C. 364-376.
536. Stan L. Content analysis / In: Albert J. Mills, Gabrielle Durepos & Elden Wiebe (Eds.), Encyclopedia of case study research. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2010. – P. 225-229.
537. Stern W. Die Jugendkunde als Kulturforderung, mit besonderer Berücksichtigung des Begabungsproblems / W. Stern. – Quelle & Meyer, 1916.
538. Stern W. Zur Psychologie der reifenden Jugend. Kritische und methodische Betrachtungen / W. Stern // Zeitschrift für Pädagogik. —1927. — 28. —P. 1-10.
539. Stocking G. On the limits of 'presentism' and 'historicism' in the historiography of the behavioral sciences / G. Stocking // Journal of the History of the Behavioral Sciences. —1965. —1(3). — P. 211-218.
540. Stone P.J., Dunphy D.C., Smith, M.S., Ogilvie D.M. The general inquirer: A computer approach to content analysis / P.J. Stone, D.C. Dunphy, M.S. Smith, D.M. Ogilvie. —Cambridge, MA: MIT Press, 1966.
541. Storey W.K. (ed.) Scientific Aspects of European Expansion / W.K. Storey. —Aldershot: Variorum, 1996.
542. Stouffer S.A., ed. The American soldier: Combat and its aftermath. (Studies in social psychology in World War II) / S.A. Stouffer, A.A. Lumsdaine, M.H. Lumsdaine, R.M. Williams, M.B. Smith, I.L. Janis, S.A. Star, L.S. Cottrell. – Princeton University Press, 1949.
543. Tabor J. Kunst und Diktatur: Architektur, Bildhauerei und Malerei in Österreich, Deutschland, Italien und der Sowjetunion, 1922–1956 / J. Tabor. – Baden: Verlag Grasl, 1994.
544. Tanner A.E. Experimental Didactics in the Children's Institute / A.E. Tanner // Pedagogical Seminary. – 1910. – № 17. – P. 204-212.

545. Tenorth H.E. Deutsche Erziehungswissenschaft 1930 bis 1945. Aspekte ihres Strukturwandels / H.E. Tenorth // Zeitschrift für Pädagogik. – 1986. – 32.
546. Tenorth H.E. «Unnötig und unerwünscht» - Siegfried Bernfeld und die Universitäts- pädagogik // in: R. Hörster, B. Müller, eds., Jugend, Erziehung und Psychoanalyse. Zur Sozialpädagogik Siegfried Bernfelds / Neuwied-Berlin, 1992. – P. 23-40.
547. Teo T. Backlash against American psychology: An indigenous reconstruction of the history of German critical psychology / T. Teo // History of Psychology. – 2013. – 16(1). – P. 1–18. doi:10.1037/a0030286
548. Tesch R. Qualitative research: Analysis types and software tools / R. Tesch. – London: The Falmer Press. – 1990.
549. The ABC's of Scapegoating / Harvard University, Department of Psychology. – Chicago: Central Y.M.C.A. College, 1943.
550. Toomela A. Culture of Science: Strange History of the Methodological Thinking in Psychology / A. Toomela // Integrative psychological and behavioral science. – 2007. – № 41. – P. 6–20. doi:10.1007/s12124-007-9004-0.
551. Thaller M. Automation on Parnassus. CLIO – A databank oriented system for historians M. Thaller // Historical Social Research. – 1980. – Vol. 15. – P. 40–65.
552. Thaller M. Kleio 4. Ein Datenbanksystem. – St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, 1992. – 302 p. – (Halbgraue Reihe zur Historischen Fachinformatik, Serie B Softwarebeschreibungen / Series B – Software descriptions, Band 1).
553. Thieme F. Rassentheorien zwischen Mythos und Tabu: der Beitrag der Sozialwissenschaft zur Entstehung und Wirkung der Rassenideologie in Deutschland // Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 1988. – T. 171.

554. Thorndike E.L. Adolescence; its Psychology and its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education / E.L. Thorndike //Science. – 1904. – T. 20. – №. 500. – P. 142-145.
555. Thorndike E.L. The functions of mental states / In: E. L. Thorndike, The elements of psychology. – 1905. – P. 111–119. <https://doi.org/10.1037/10881-008>
556. Thorndike E.L. What is 'Scientific'? / In: Fifth Yearbook of the National Society for the Study of Education (N.S.S.E.). Bloomington, 1906. – Vol. I. – P. 81-82.
557. Thorndike E.L. Educational Psychology. Vol. 2. The psychology of learning / E.L. Thorndike. – Teachers college, Columbia university, 1913. – T. 2.
558. Thorndike E.L. The Nature, Purpose and General Methods of Measurements in Educational Products / In: Seventeenth Yearbook of the N.S.S.E. – Bloomington, 1918. – Vol. II.
559. Thorndike E.L. Measurement in education / In: G. M. Whipple (Ed.), Intelligence tests and their use: The twenty-first yearbook of the National Society for the Study of Education. – Public School Publishing Co. – 1922. – P. 1–9. <https://doi.org/10.1037/11013-001>
560. Travers R.M.W. How Research Has Changed American Schools: A history from 1840 to the present / R.M.W. Travers. – Kalamazoo, 1983.
561. Tucker W.H. The Funding of Scientific Racism: Wickliffe Draper and the Pioneer Fund / W.H. Tucker. – University of Illinois Press, 2007.
562. Tumlriz O. Einführung in die Jugendkunde: mit besonderer Berücksichtigung der experimentell-pädagogischen Forschungen. Bd. 1. / O. Tumlriz // Graz: J. Klinkhardt. – 1920. – 262 p.
563. Tumlriz O. Probleme und Zukunftsarbeiten der Jugendkunde / O. Tumlriz // Wien: Österr. Bundesverl. f. Unterricht, Wissenschaft und Kunst. – 1925. – 48 p.

564. Tumlriz O. Die geistige Entwicklung des Jugendlichen. 2., verb. / O. Tumlriz // Aufl. Leipzig: Klinkhardt. VIII. – 1927. – 304 p.
565. Tumlriz O. Die Einheit der Psychologie und ihre Bedeutung für die Theorie der Reifejahre / O. Tumlriz // Zeitschrift für Pädagogische Psychologie. – 1928. – №. 10.
566. Tumlriz O. Pädagogische Psychologie / O. Tumlriz. – Leipzig, 1930
567. Tumlriz O. Jugendpsychologie der Gegenwart / O. Tumlriz // Berlin: Junker und Dünnhaupt. – 1933. – 97 p.
568. Tumlriz O. Anthropologische Psychologie/ O. Tumlriz // Berlin: Junker und Dünnhaupt. – 1939. – 539 p.
569. Tumlriz O. Abriss der Jugendkunde und Charakterkunde / O. Tumlriz. – Leipzig. – 1940. – 119 p.
570. Valsiner J. A guided science: history of psychology in the mirror of its making / J. Valsiner. Routledge, 2012.
571. Valentine P.F. There is no Educational Psychology / P.F. Valentine // Journal of Educational Psychology. – 1936. – 27. – P. 711-712.
572. Van Dijk T. A. Multidisciplinary CDA: A plea for diversity / T.A. Van Dijk // Methods of critical discourse analysis. – 2001. – № 1. – P. 95–120. DOI: 10.4135/9780857028020.d7
573. Vaughn-Blount K., Rutherford A., Baker D., Johnson D.; History's Mysteries Demystified: Becoming a Psychologist–Historian / K. Vaughn-Blount, A. Rutherford, D. Baker, D. Johnson // The American Journal of Psychology. – 2009. – 122 (1). – P. 117–129. doi: <https://doi.org/10.2307/27784381>
574. von Allesch J. German psychologists and national socialism / J. von Allesch // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1950. – 45(2). <https://doi.org/10.1037/h0053748>
575. Wagner J. Die wissenschaftsmethodischen Richtungen der gegenwärtigen Pädagogik / J. Wagner. – Erfurt: Stenger, 1928.

576. Watson G. Psychology in Germany and Austria / G. Watson // Psychological Bulletin. – 1934. – 31(10). – P. 755–776. doi:10.1037/h0069919
577. Watson R.I. The history of psychology: A neglected area / R.I. Watson // American Psychologist. – 1960. – 15(4). – P. 251–255. <https://doi.org/10.1037/h0044284>
578. Watson R.I. The history of psychology as a specialty: A personal view of its first 15 years / R.I. Watson // Journal of the History of the Behavioral Sciences. – 1975. – 11. – P. 5–14.
579. Wellek A. Deutsche Psychologie und Nationalsozialismus / A. Wellek // Psychologie Und Praxis. – 1960. – 4. – P. 177–182.
580. Wettersten J.R. The historiography of scientific psychology: A critical study / J.R. Wettersten // Journal of the History of the Behavioral Sciences. – 1975. – 11(2). – P. 157–171.
581. White A.D. A History of the Warfare of Science with Theology / A.D. White. – N.Y.: D. Appleton and Company, 1896.
582. Wieser M. Von Erziehung statt Strafe zur Stählung des Charakters: Psychotechnik und Erbbiologie in den österreichischen Bundesanstalten für Erziehungsbedürftige, 1929–1945 / M. Wieser // Österreichische Zeitschrift Für Geschichtswissenschaften. – 2019. – 30(1). – P. 192–215.
583. Wieser M. Zur Geschichte der angewandten Psychologie in der «Ostmark» / In M. Wieser (Ed.), Psychologie im Nationalsozialismus. – 2020. – P. 167–193.
584. Wieser M. Deutsche Seelenheilkunde «und die Erfindung des» behandelnden Psychologen. Zum Verhältnis von Psychologie und Psychotherapie im Nationalsozialismus / M. Wieser // Psychologische Rundschau. – 2021. – 72(3). – P. 181–191. <https://doi.org/10.1026/0033-3042/a000544>
585. Wieser M., Benetka G. Psychology in national socialism: The question of “professionalization” and the case of the “Ostmark” / M. Wieser, G.

- Benetka // History of Psychology. –
2022. <https://doi.org/10.1037/hop0000211>
586. Wilensky H.L. The professionalization of everyone? / H.L. Wilensky // American Journal of Sociology. – 1964. – 70(2). – P. 137–158. <https://doi.org/10.1086/223790>
587. Wimmer R.D., Dominick J.R. An introduction to mass media research / R.D. Wimmer, J.R. Dominick // California: Wadsworth. – 1994.
588. Wohlwill J. F. German psychological journals under National Socialism: a history of contrasting paths / J.F. Wohlwill // Journal of the History of the Behavioral Sciences. – 1987. – T. 23. – №. 2. – C. 169-185.
589. Wright E. Constructiveness of play as affected by group organization and frustration / E. Wright // Charact. & Person. – 1942. – 11. – P. 40-49.
590. Wyatt F., Teuber H.L. German psychology under the Nazi system: 1933-1940. / F. Wyatt, H.L. Teuber // Psychological Review. – 1944. – 51(4). – P. 229–247.

Appendix A. Table 9 - Main monographs and textbooks on the history of psychology (for 1945-1990)

Years	Title	Content
1945-1960	Ananiev B. G. Essays on the history of Russian psychology in the 18th and 19th centuries: monograph. M.: OGIZ, 1947 168 p.	refers to the desired period, but contains material only about the beginning of the 20th century.
	Psychological science in the USSR: in 2 vols. / Ed. coll.: B.G. Ananiev, G.S. Kostyuk, A.N. Leontiev, A.R. Luria, N.A. Menchinskaya, S.L. Rubinstein, A.A. Smirnov, B.M. Teplov, F.N. Shemyakin. - M.: Publishing House of the APN of the RSFSR, 1959-1960. T. I. - 600 p. T. II. - 656 p.	A section on research during the Great Patriotic War appears
	Rubinshtein S.L. Principles and ways of development of psychology. - M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. - 354 p.	A small section on history; history of the period 1930-1940s. not accentuated
1960	Modern psychology in capitalist countries / Otv. ed. E.V. Shorokhov. - M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. - 406 p.	A separate chapter "Military psychology" appears, consisting of paragraphs 1. "Military psychology after two world wars" and "Application of psychological methods in the armed forces)
	Petrovsky A.V. On the approaches to Marxist psychology // Uchenye zapiski MGPI im. IN AND. Lenin. T. 239. Questions of the theory and history of psychology. - M., 1964.	History of the period 1930-1940s. not accentuated
	Yaroshevsky M.G. History of psychology. - M.: Thought, 1966. - 565 p.	Chapter "6. Ways of development of domestic psychology in the 20-50s of the twentieth century "(in the narrative, the author starts from the logic of the development of scientific movements or the ideas of individual scientists, without paying special attention to individual periods; The Second World War is mentioned in connection with the facts of the biography of individual scientists or insofar as since the developments described were related to the needs of the war)

Table 9 continuing.

Years	Title	Content
	1967 г. A.V. Petrovsky "History of Soviet psychology"	Separate chapter "Soviet psychology in the prewar years and during the Great Patriotic War. Ways and tasks of its further development"; We can say that for the first time special attention is paid to this period here.
	Rogovin M.S. Introduction to psychology. (Approved by the Ministry of Higher and Secondary Specialized Education as a guide for students majoring in psychology). - M.: Higher School, 1969. - 383 p.	A broad digression into history (and the problems of writing it), but there is no information about WWII or research during this period separately
1970	Yaroshevsky M.G. Psychology in the XX century. Theoretical problems of the development of psychological science. - M.: Politizdat, 1971. - 368 p.	Built based on scientific trends, no emphasis on history
	Budilova EA Philosophical problems in Soviet psychology. M., 1972	There is a section "Soviet psychological science in 1931-1946"; for the first time the period of 1930-1940s is combined.
	Yaroshevsky M.G. Psychology in the XX century. Theoretical problems of the development of psychological science. 2nd ed. - M.: Politizdat, 1974. - 447 p.	Reissue
	Smirnov A.A. Development and current state of psychological science in the USSR. - M.: Pedagogy, 1975. - 352 p.	A separate chapter on Soviet psychology during the Great Patriotic War
	Rubinshtein S.L. Problems of general psychology. - 2nd ed. / Rev. ed. E.V. Shorokhov. - M.: Pedagogy, 1976. - 416 p.	Reissue
	Yaroshevsky M.G. History of psychology. 2nd, revised. ed. - M.: Thought, 1976. - 463 p.	Reissue
	Galperin P.Ya. Introduction to psychology. - M.: Publishing House of Moscow. un-ta, 1976. - 150 p.	Almost no historical aspect
	Reader on the history of psychology / Ed. P.Ya. Galperin, A.N. Zhdan. - M.: Publishing House of Moscow. university, 1980	Great emphasis on foreign destinations; about the indicated period - a chapter on the open crisis of science until the middle of the 30s.
1980	Petrovsky A.V. Questions of history and theory of psychology: Selected works. - M.: Pedagogy, 1984. - 272 p.	Separately, the period of the 1930s. or the WWII period is not allocated
	Yaroshevsky M.G. History of psychology. - 3rd, final. ed. - M.: Thought, 1985. - 575 p.	Reissue

Appendix B. Table 10 - Works of the post-war period, which contain a representation of the period 1930-1940.

	Germany	USA	Russia
1946-1960	Baumgarten-Tramer F. German psychologists and recent events / F. Baumgarten // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1948. – 43(4). – P. 452–465. https://doi.org/10.1037/h0062777	Wyatt F., Teuber H.L. German psychology under the Nazi system: 1933-1940. / F. Wyatt, H.L. Teuber // Psychological Review. – 1944. – 51(4). – P. 229–247. Dallenbach K. The emergency committee in psychology, National Research Council / K. Dallenbach // American Journal of Psychology. – 1946. – 59. – P. 496–582.	Rybnikov N.A. On the history of psychology (review of dissertations) // Soviet Pedagogy. 1954. No. 6. P. 150-153. Prangishvili A.S. Scientific work at the Institute of Psychology. D.N. Uznadze of the Academy of Sciences of the Georgian SSR // Questions of Psychology. 1955. No. P. 122-125. Smirnov A.A. Soviet psychology for 40 years // Questions of psychology. 1957. No. 5. P. 9-56.
1960-1970	Diem H., Flitner A. Deutsches Geistesleben und Nationalsozialismus: Eine Vortragsreihe der Universität Tübingen. Tübingen: Wunderlich. – 1965.	Clifford G.J. Psychology and the Science of Education: Selective writings of Edward L. Thorndike / G.J. Clifford. – New York, 1962.	Smirnov A.A. K 50-letiyu sovetskoj psihologii // Voprosy psihologii. 1967. № 5. S. 13-37.
1970-1980	Geuter U. Der Leipziger Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie 1933 / U. Geuter // Psychologie Und Gesellschaftskritik. –1979. – 3(4). – P. 6–25.	Beyerchen A.D. Scientists under Hitler: Politics and the Physics Community in the Third Reich / A.D. Beyerchen. – New Haven/London: Yale University Press, 1977. Cartwright D. Contemporary social psychology in historical perspective / D. Cartwright // Social Psychology Quarterly. – 1979. – 42(1). – P. 82-93.	Smirnov A.A. Sovetskie psihologi oborone Rodiny v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Voprosy psihologii. 1975. № 2. S. 13-30. Smirnov A.A. Sovetskie psihologi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Voprosy psihologii. 1975. № 4. S. 124-126.

Table 10 continuing.

	Germany	USA	Russia
	Geuter U. Institutionelle und professionelle Schranken der Nachkriegsauseinandersetzung über die Psychologie im Nationalsozialismus / U. Geuter // Psychologie Und Gesellschaftskritik. – 1980a. – 4(1–2). – P. 5–39.		<p>A number of issues of the journal "Questions of Psychology" in 1987 - articles on the development of psychological science in the Byelorussian SSR, the Moldavian SSR, the Lithuanian SSR, the Estonian SSR, the Latvian SSR, Soviet Georgia, the Ukrainian SSR and other union republics</p> <p>Romenec V.A. Nauchnaya, pedagogicheskaya i obshchestvennaya deyatel'nost' S.L. Rubinshtejna na Ukraine // Metodologiya i istoriya psihologii. Ekonomicheskaya psihologiya i psihologiya hozyajstvennogo upravleniya. Tezisy dokladov k VII s"ezdu Obshchestva psihologov SSSR. – M., 1989. – S. 81-82.</p> <p>Romenec V.A. O nauchnoj, pedagogicheskoy i obshchestvennoj deyatel'nosti S.L. Rubinshtejna na Ukraine // Sergej Leonidovich Rubinshtejn: Ocherki, vospominaniya, materialy. – M.: Nauka, 1989. – S. 103-113.</p>

Table 10 continuing.

	Germany	USA	Russia
1981-1990	Geuter U. Der Nationalsozialismus und die Entwicklung der deutschen Psychologie. Bericht über den 33 / U. Geuter // Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Psychologie. –1983. – P. 99–106.	Gilgen A. R. American psychology since World War II: A profile of the discipline / A.R. Gilgen. – Greenwood Pub Group, 1982.	
	Geuter U. Die Professionalisierung der deutschen Psychologie im Nationalsozialismus / U. Geuter. – Frankfurt: Suhrkamp, 1984. Geuter U. «Gleichschaltung» von oben? Universitätspolitische Strategien und Verhaltensweisen in der Psychologie während des Nationalsozialismus / U. Geuter // Psychologische Rundschau. 1984b. – 35(4). – P. 198–213.		
	Geuter U. «Gleichschaltung» von oben? Universitätspolitische Strategien und Verhaltensweisen in der Psychologie während des Nationalsozialismus / U. Geuter // Psychologische Rundschau. 1984. – 35(4). – P. 198–213.		
	Ash M.G., Geuter U. Geschichte der deutschen Psychologie im 20. Jahrhundert / M. Ash, U. Geuter // Westdeutscher Verlag. – 1985. doi.org/10.1007/978-3-322-89828-9		Barabanshchikov A.V. Sovetskaya psihologiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / A.V. Barabanshchikov // Voprosy psihologii. – 1985. – №. 2.

Table 10 continuing.

	Germany	USA	Russia
	Geuter U. (Ed.). Daten zur Geschichte der deutschen Psychologie. Psychologische Institute, Fachgesellschaften, Fachzeitschriften und Serien, Biographien, Emigranten 1879–1945 (Bd. 1) / U. Geuter. – Göttingen, Germany: Hogrefe, 1986.		
	Benetka G., Kienreich W. Hochschulpsychologie in der Ostmark: Das Wiener Psychologische Institut / G. Benetka, W. Kienreich // In K. Fallend, B. Handlbauer, & W. Kienreich (Eds.), Der Einmarsch in die Psyche. – 1989. – P. 147–167.		
1990-2000	Laux H. Pädagogische Diagnostik im Nationalsozialismus 1933-1945 / K. Ingenkamp, H. Laux. – Weinheim, 1990.		Kol'cova V.A., Noskova O.G., Olejnik YU.N. I.N. SHpil'rejn i sovetskaya psihotekhnika / V.A. Kol'cova, O.G. Noskova, YU.N. Olejnik // Psihologicheskij zhurnal. – 1990. – T. 11. – № 2. – S. 111-133.
			Lejbin V.M. Repressirovannyj psihoanaliz: Frejd, Trockij, Stalin / V.M. Lejbin // Psihoanaliticheskij vestnik. – 1991. – № 1. – S. 32-55.
	Tenorth H.E. «Unnötig und unerwünscht» - Siegfried Bernfeld und die Universitätspädagogik // in: R. Hörster, B. Müller, eds., Jugend, Erziehung und Psychoanalyse. Zur Sozialpädagogik Siegfried Bernfelds / Neuwied-Berlin, 1992. – P. 23-40.	Simonton D.K. Leaders of American psychology, 1879–1967: Career development, creative output, and professional achievement / D.K. Simonton // Journal of Personality and Social Psychology. – 1992. – T. 62. – № 1. – C. 5-17. Samuels A. National Psychology, National Socialism, and Analytical Psychology: Reflections	

Table 10 continuing.

	Germany	USA	Russia
		on Jung and anti-semitism Part I / A. Samuels //Journal of Analytical Psychology. – 1992. – T. 37. – №. 1. – C. 3-28.	
			Etkind A. Eros nevozmozhno: Istoriya psihoanaliza v Rossii / A. Etkind. – Meduza, 1993.
	Kühl S. The Nazi-connection: American racism and German national socialism / S. Kühl. – Oxford, 1994.		Repressirovannaya nauka. Vyp. 2 / pod red. M. G. YAroshevskogo ; red.-sost. A. I. Melua. – SPb.: Nauka, 1994. – 319 s. Reaktologicheskaya diskussiya v Psihologicheskome institute // Voprosy psihologii. – 1994. – № 2. – S. 21-31.
	Ash M.G. Gestalt Psychology in German Culture, 1890–1967: Holism and the Quest for Objectivity / M.G. Ash. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.	Herman E. The romance of American psychology: Political culture in the age of experts / E. Herman. – University of California Press, 1995.	YAroshevskij M.G. Nauka o povedenii: russkij put' / M.G. YAroshevskij // Voprosy psihologii. – 1995. – № 4. – S. 5–18
	Harten H.C. Pädagogik und Eugenik im 'Rassenhygienischen' Diskurs vor 1933 / H.C. Harten // Paedagogica Historica. – 1997. – 32.	Gilgen A., Gilgen C.K., Koltsova V.A., Oleinik Yu.N. Soviet and American Psychology during World War II (Contributions in Psychology.) / A. Gilgen, C.K. Gilgen, V.A. Koltsova, Yu. N. Oleinik // Westport,Conn/London: Greenwood Press, 1997.	
		Depaepe M. Differences and similarities in the development of educational psychology in Germany and the United States before 1945 / M. Depaepe // Paedagogica historica. – 1997. – T. 33. – №. 1. – P. 69-97.	

Table 10 continuing.

	Germany	USA	Russia
		Harrington A. Reenchanted Science: Holism in German Culture from Wilhelm II to Hitler / A. Harrington. – Princeton: Princeton University Press, 1999.	
2000-2010		Rice C.E. History of psychology 1900-2000: Uncertain Genesis / C.E. Rice // American Psychologist. – 2000. – 55(5). – P. 488-491. DOI: 10.1037/0003-066X.55.5.488.	
	Sprung L. History of modern psychology in Germany in 19th-and 20th-century thought and society / L. Sprung // International Journal of Psychology. – 2001. – T. 36. – №. 6. – C. 364-376.		Bogdanchikov S.A. Sud'ba ejdetiki v sovetskoj psihologii / S.A. Bogdanchikov // Voprosy psihologii. – 2001. – №. 2. – S. 110-118.
	Kühl S. The Nazi connection: Eugenics, American racism, and German national socialism / S. Kühl. – Oxford University Press, 2002.		Karayani A.G. Psihologiya v SSHA v gody Vtoroj mirovoj vojny / A.G. Karayani // Psihologicheskij zhurnal. – 2002. – T. 23. – № 2. – S. 110-117.
	Gundlach H. Reine Psychologie, angewandte Psychologie und die Institutionalisierung der Psychologie / H. Gundlach // Zeitschrift für Psychologie. – 2004. – 212. – P. 183-199.	Meskill D. Characterological Psychology and the German Political Economy in the Weimar Period (1919-1933) / D. Meskill // History of Psychology. – 2004. – 7(1). – P. 3-19.	
			Kol'cova V.A., Olejnik YU.N. Psihologi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: podvig na veka / V.A. Kol'cova YU.N. Olejnik // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2005. – №. 2. – S. 41-50.

Table 10 continuing.

	Germany	USA	Russia
	Ash M.G. Psychological thought and practice in German-speaking Europe, 1900 –1960 / M.G. Ash // Physis Rivista Internazionale Di Storia Della Scienza. – 2006. – XLIII. – P. 133–155.	Banks L.M. The History of Special Operations Psychological Selection / In: A. D. Mangelsdorff (Ed.), Psychology in the service of national security. – 2006. – P. 83–95. https://doi.org/10.1037/1470-006	Kol'cova V.A., Olejnik YU.N. Sovetskaya psihologicheskaya nauka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945). / V.A. Kol'cova, YU.N. Olejnik. – Avtonomnaya nekommercheskaya organizaciya vysshego obrazovaniya «Moskovskij gumanitarnyj universitet», 2006.
		Pickren W. Tension and opportunity in post-World War II American psychology / W. Pickren // History of Psychology. – 2007. – T. 10. – №. 3. – C. 279-299.	
			Bogdanchikov S.A. Sovetskaya psihologiya nakanune 1936 goda / S.A. Bogdanchikov // Voprosy psihologii. – 2008. – №. 1. – S. 156-164. Ideologiya i nauka (diskussii sovetskih uchenyh serediny HKH veka) / Otv. red. A.A. Kas'yan. – M.: Progress-Tradiciya, 2008. – 288 s.
			Bogdanchikov S.A. Sovremennye avtory o nauchnyh shkolah v sovetskoj psihologii 1920–1930-h gg. / S.A. Bogdanchikov // Metodologiya i istoriya psihologii. – 2009. – T. 4. – № 2. – S. 7–31. Gorshkov E.A. Eksperimental'noe oformlenie social'noj psihologii v SSHA kak samostoyatel'noj discipliny v konce XIX pervoj chetverti HKH vv. / E.A. Gorshkov // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2009. – №. 7(19). S. 225-227.

Table 10 continuing.

	Germany	USA	Russia
	<p>Ash M.G. (et al.) Psychoanalyse in totalitären und autoritären Regimes (Psychoanalysis in totalitarian and authoritarian Regimes) (Alleiniger Herausgeber/sole editor). Frankfurt am Main: Brandes & Apsel, 2010.</p> <p>Ash M.G. (et al.) Geisteswissenschaften im Nationalsozialismus. Das Beispiel der Universität Wien (Humanities under Nazism: The Case of the University of Vienna) (Erster Herausgeber/First editor, with Wolfram Nieß and Ramon Pils). Göttingen: V&R-uipress, Vienna University Press, 2010.</p>		<p>Artem'eva O.A. K voprosu o social'noj biografii pedologii v Rossii / O.A. Artem'eva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie. – 2010. – №3.</p> <p>Lyuk H. Gruppovye processy v nauchnyh issledovaniyah (na primere «Topologicheskoy gruppy» Kurta Levina): per. s nemeck. / H. Lyuk // Metodologiya i istoriya psihologii. – 2010. – T.5. – №3. – S. 77-89.</p> <p>YAsnickij A. Ob izolyacionizme sovsckoj psihologii: zarubezhnye konferencii 1920–30-h gg / A. YAsnickij // Voprosy psihologii. – 2010. – T. 3. – S. 101-112.</p>
2011 - 2022			<p>Bogdanchikov S.A. Sovetskaya psihologiya 1920-1930-h godov glazami ee osnovatelej: ot mnogoobraziya k edinstvu/ S.A. Bogdanchikov //Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya. – 2011. – T. 4. – №. 2.</p> <p>Plavinskaya YU.B. Stanovlenie i razvitie psihotekhniki v Germanii v pervoj treti XX veka: diss.... kand. psihol. nauk. / YU.B. Plavinskaya. Sankt-Peterburg, – 2011.</p>
	<p>Ash M.G. (et al.) Materialien zur Geschichte der Psychoanalyse in Wien nach 1938 (Materials on the History of Psychoanalysis in Vienna 1938-1945). Frankfurt am Main: Brandes & Apsel, 2012.</p>		

Table 10 continuing.

	Germany	USA	Russia
	Herrmann T., Zeidler W. Psychologen in autoritären Systemen. Frankfurt: Peter Lang. 2012.		Artem'eva O.A. Otechestvennaya psihologiya na perelome: urovnevaya sub"ektnaya koncepciya social'no-psihologicheskoy determinacii razvitiya psihologii: monografiya / O.A. Artem'eva. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2012. – 382 s. Balashov E.M. Pedologiya v Rossii v pervoj treti XX veka / E.M. Balashov. – SPb.: Nestor- Istoriya, 2012. – 192 s. Dzyura A.I. Neponyataya i «repressirovannaya» nauka, ili o drame razvitiya otechestvennoj psihologii v 20-30 gg. XX veka (vzglyad s metodologicheskikh pozicij «noosfernogo realizma») / A.I. Dzyura // Vestnik Akademii znaniy. – 2012. – №2. Lyuk H. Istoriya psihologii: per. s nemeck. / H. Lyuk. – M.: Nauchnyj mir, 2012. – 272 s.
	Teo T. Backlash against American psychology: An indigenous reconstruction of the history of German critical psychology / T. Teo // History of Psychology. – 2013. – 16(1). – P. 1– 18. doi:10.1037/a00302 86		YAnchenko T.V. Razvitie pedologii v Rossii v nachale XX veka / T.V. YAnchenko // Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki. – 2013. – №30.

Table 10 continuing.

	Germany	USA	Russia
			<p>Mazilov V.A., Stoyuhina N.YU. Poslednyaya osen' sovetskoj psihotekhniki / V.A. Mazilov, N.YU. Stoyuhina // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – T. 2. – №. 4. – S. 223-236.</p> <p>Stoyuhina N.YU. Nekotorye voprosy o likvidacii psihotekhniki / N.YU. Stoyuhina // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal Koncept. – 2014. – №. T20. – S. 1216–1220.</p> <p>Stoyuhina N.YU. Social'no-politicheskoe vozdejstvie na detej: iz istorii pedologicheskikh issledovanij / N.YU. Stoyuhina // Psihologo-pedagogicheskij poisk. – 2014. – №. 4.</p>
			<p>Artem'eva O. A. Nauchnoe soobshchestvo kak sub"ekt nauchnoj deyatel'nosti / O.A. Artem'eva // Psihologicheskij zhurnal. – 2015. – T. 36. – №. 5. – S. 95-103.</p> <p>ZHDan A. N. Fundamental'naya nauka i praktika v sovetskoj psihologii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya. – 2015. – №. 2. – S. 4-14.</p> <p>Gorshkov E.A. Opredelenie predmetnoj oblasti social'noj psihologii na etape ee stanovleniya v SSHA / E.A. Gorshkov // Psihologicheskij zhurnal. – 2015. – T. 36. – №. 2. – S. 78-86.</p>

Table 10 continuing.

	Germany	USA	Russia
			<p>Artem'eva O.A. Social'nye usloviya razvitiya sovetskoj prakticheskoy psihologii v 1920-1930 gg. / O.A. Artem'eva // Gumanitarnye osnovaniya social'nogo progressa: Rossiya i sovremennost'. – 2016. – S. 145-150.</p> <p>Stoyuhina N.YU. Psihologiya vozdejstviya v sovetskoj psihotekhnike: 1920-1930-e gg. / N.YU. Stoyuhina. – Scientific magazine Kontsep, 2016.</p> <p>Kol'cova V.A., Olejnik YU.N. Opyt razvitiya psihologicheskoy nauki v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gg.): aktual'nost' i zadachi issledovaniya / V.A. Kol'cova, YU.N. Olejnik // Opyt resheniya psihologicheskikh zadach v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gg.). – 2016. – S. 3-8.</p>
	<p>Schönpflug W. Professional psychology in Germany, National Socialism, and the Second World War / W. Schönpflug // History of Psychology. – 2017. – 20(4). – P. 387–407. https://doi.org/10.1037/hop0000065</p>		<p>Kol'cova V. A., Olejnik YU. N. Sovetskaya i nemeckaya psihologii v gody II Mirovoj vojny: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty razvitiya // Ot istokov k sovremennosti: 130 let Moskovskomu psihologicheskomu obshchestvu: materialy yubil. konf. 2017. S. 227–247.</p> <p>Sinyova O.V. Social'naya determinaciya razvitiya nauchno-prakticheskikh techenij otechestvennoj psihologii v pervoj polovine XX stoletiya: diss. ... kand.psih.nauk. / Sineva O.V. – Irkutsk, Izd-vo «IGU. – 2017.</p>

Table 10 continuing.

	Germany	USA	Russia
			<p>Kol'cova V.A., Olejnik YU.N. Sovetskaya psihologiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: edinstvo teorii, eksperimenta i praktiki / V.A. Kol'cova, YU.N. Olejnik // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya. – 2018. – T. 25. – S. 51-58.</p> <p>Plavinskaya YU.B. YUridicheskaya psihologiya v Germanii: istoriya i sovremennost' / YU.B. Plavinskaya // Mir pedagogiki i psihologii. – №9 (26). – 2018. – S. 87-104.</p> <p>Stoyuhina N.YU. Psihotekhniki v 1936 g.: novye fakty / N.YU. Stoyuhina // Konferencium ASOU: sbornik nauchnyh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferencij. – Gosudarstvennoe byudzhethnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya Moskovskoj oblasti Akademiya social'nogo upravleniya, 2018. – №. 2. – S. 525-536.</p>
	<p>Wieser M. Von Erziehung statt Strafe zur Stählung des Charakters: Psychotechnik und Erbbiologie in den österreichischen Bundesanstalten für Erziehungsbedürftige, 1929–1945 / M. Wieser // Österreichische Zeitschrift Für Geschichtswissenschaften. – 2019. – 30(1). – P. 192–215.</p>		<p>Plavinskaya YU.B. Psihologiya korrupcii: opyt Germanii / YU.B. Plavinskaya // Mir pedagogiki i psihologii. – 2019. – №. 9. – S. 144-150.</p>

Table 10 continuing.

	Germany	USA	Russia
	<p>Schönpflug W. Professionalisierung der Psychologie im Dritten Reich: Aufschwung oder Sackgasse? / W. Schönpflug // In M. Wieser (Ed.), Psychologie im Nationalsozialismus. – 2020. – P. 73–87.</p> <p>Wieser M. Zur Geschichte der angewandten Psychologie in der «Ostmark» / In M. Wieser (Ed.), Psychologie im Nationalsozialismus. – 2020. – P. 167–193.</p>		<p>Kostrigin A.A., Stoyuhina N.YU., Mahalin A.I. Rol' vlasti i gosudarstvennyh deyatelej v stanovlenii i razvitii psihotekhnicheskogo obrazovaniya v SSSR v 1920-1930-e gg. / A.A. Kostrigin, N.YU. Stoyuhina // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2020. – №. 4 (115). – S. 80-88.</p> <p>Kuz'minov N.N. Polozhenie Evropejskoj i sovetskoj psihologii i pedagogiki vo vremena Vtoroj mirovoj vojny: slozhnosti i dostizheniya / N.N. Kuz'minov // Srednee professional'noe obrazovanie. – 2020. – № 4(296). – S. 59-62.</p>
	<p>Wieser M. Deutsche Seelenheilkunde «und die Erfindung des» behandelnden Psychologen. Zum Verhältnis von Psychologie und Psychotherapie im Nationalsozialismus / M. Wieser // Psychologische Rundschau. – 2021. – 72(3). – P. 181–191.</p>		<p>Noskova O.G. Pedologiya i prikladnaya psihologiya v Rossii pervoj tretej XX veka / O.G. Noskova // Psihologicheskij zhurnal. – 2021. – T. 42. – №. 6. – S. 83-91.</p>
	<p>Wieser M., Benetka G. Psychology in national socialism: The question of “professionalization” and the case of the “Ostmark” / M. Wieser, G. Benetka // History of Psychology. – 2022.</p>		

Appendix C. Fragment of an article by B.M. Teplov "The revolt of the animal instinct against the human mind"

ПСИХОЛОГИЯ

Проф. Б. М. ТЕПЛОВ

БУНТ ЗВЕРИНОГО ИНСТИНКТА ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

(Фаншистская психология Енина)

Жизнь в помешанном мире Мар-
буна профессора психологии
Эрика Енина. Невольно он был
учеником знаменитого пе-
дагога Р. М. Миллера,
одного из лучших представи-
телей человека выше терма-
нов психологии. Силою отличаясь Енин
большой активностью и склонностью не
уверять много сказать, но ленив он был
к изобретательности, вследствие чего
постоянно придумывал разного рода те-
мы, претендуя на окончательное и
исчерпывающее решение труд-
ных и спорных проблем. К окончанию
теории он не получал признания, а вы-
хода этого была одна дорога: деятель-
ная работа этих теорий вызвала у всех
близких людей специализацию задания
составить над экспериментатор, Енин от-
личался большим трудолюбием, а иногда
и изобретательностью. Когда он выде-
нул одну из самых претенциозных своих
теорий — теорию о суживаемости зако-
нов контраста и контрастности, суровый
учитель его, Миллер, почти выругал
с категоричным осуждением этого
подхода к изобретению своего бывшего
ученика, причем уличил его в ошибке,
сравнивая с подлогом: в респективной фор-
мале Енин обвинял мастера, честность и
здравый смысл.

Теплов было Енину пережить также
к себе отношение, но еще тяжелее было
то, что, разоблачая попытки Енина объ-
яснить контраст и контрастность, Миллер
горячо занимал теорию контрастности,
выдвинутой другим его учеником, сверст-
ником Енина, Давидом Катцем. Также же
было отношение к трудам Катца и Енина
и со стороны всей мировой психологи-
ческой общественности. Работы Катца, дей-
ствительно заслуживающие крупный вклад в
науку, имели большой и заслуженный
успех, чего никак нельзя было сказать о
исследованиях его ученика.

И во время Катца стоял коперек мир
Енина. Что стояло, например, та шумная
человечья жизнь, которая выдала на свет
блестящих берлинских психологов, образова-
вших школу так называемой «гештальт-п-
сихологии».

Но вот поклялась гадалька сразу, одним
ударом, изменить положение. Стало толь-
ко приходить к ограничению: и те вре-
ща

на заветные востры, психологический
статусной теории. В случае успеха фанши-
стского переворота Енинсталль психоло-
гия стала во главе всей государствен-
ной политики и управления всеми учрежде-
ниями, некоторые из которых имели в току
уже некоторую известность и принадлежали к
числу передовых армий. В случае
успеха... Но тем событиями Енинсталль
Енин? Своим руководителем? Здесь терять
было ничего: она и без того была чуж-
дой.

Енин на этот шаг решился, и его ожи-
дал блестящий успех. Путь его длин,
стоявший на его пути к славе, были не-
малые: из предков Еринсталль, а сам он
был арестованной «фюрером» немецкой
психологии. К току же он получил воз-
можность полностью реализовать свою
теорию многогранности, которая в это-
му времени приобрела характер подлин-
ной философии. За 7 лет, прошедших от
фаншистского переворота до его смерти,
Енин выстроил совершенно бесспорное
количество книг и статей, в которых с
уверенным манером он доказал доводы
по теории не один и те же положения.

Такая краткая история жизни чело-
века, великого на себя изобретения и посто-
янно изобретения фаншистскую п-
сихологию.

С приходом к власти Гитлера и его
книжки почти все действительно крупные
научные психологи были вынуждены по-
кинуть пределы Германии (Штерн, Катц,
Верхеймер, Левин, Кюффа и многие дру-
гие). Из числа оставшихся некоторые бы-
ли настолько стары, что никаких учений
ни в науку, ни в общественной жизни
уже не принимали (например, упомяну-
тый выше Р. М. Миллер); другие отказались
держаться в стороне от всех острых во-
просов и в своих исследованиях не захо-
дили за пределы частных и «нейтраль-
ных» проблем; третьи, наоборот, стали
возможным занятием о всем удобном со-
тветствии индивидуальности и в миру
своих сил и возможностей стали подлажи-
ваться к режиму козлов «Крепкой дисци-
плины», продолжая, однако, свою работу в
пределах дозволенного. Одним из них Енин
прямо в лоб вышел на психологическую за-
дачу — построить новую систему психоло-
гии, которая единственной своей целью
имела бы психологическое сотрудничество

Appendix D. List of Members of the Industrial and Organizational Psychology
Section of the American Association for Applied Psychology (since 1939)

Paul S. Achilles
Roger M. Bellows
Marion A. Bills
Walter V. Bingham
Homer G. Bishop
Harold W. Burn
Harry R. DeSilva
Henry N. DeWick
Beatrice J. Dvorak
Harold A. Edgerton
Theodore W. Forbes
Douglas H. Fryer
Harold V. Gaskill
Edward B. Greene
C. Frederick Hansen
Harry W. Hepner
Robert Hoppock
John G. Jenkins
Harry M. Johnson
Forrest A. Kingsbury
Arthur W. Kornhauser
Paul F. Lazarsfeld
Rensis Likert
Henry C. Link
Howard P. Longstaff
Lillian J. Martin
Robert N. McMurry

Bruce V. Moore
Lawrence J. O'Rourke
JayL.Otis
Richard H. Paynter
Albert T. Poffenberger
Millicent Pond
Hermann H. Remmers
Marion W . Richardson
Elmer B. Royer
P. Vernon Scheldt
Morton A . Seidenfeld
Agnes A. Sharp
Carroll L. Shartle
Kinsley R. Smith
Frank N . Stanton
Daniel Starch
Edward K. Strong, Jr.
Lorin A. Thompson, Jr.
Herbert A.Toops
Marion R. Trabue
Morris S. Viteles
Albeit Walton
Frederic R. Wickert
Louise R. Witmer
Joseph U. Yarborough

Appendix E. List of researchers who collaborated with the Office of War
Information

Frieda Bayroff (Mrs.R. C. Tryon)

J. S. Bruner, Princeton University

Angus Campbell, Northwestern University

Charles F. Cannell, Ohio State University

Dorwin Cartwright, Iowa Child Welfare Research Station

Dwight Chapman, Bennington College

Kenneth E. Clark, University of Minnesota

Bernard J. Covner, Ohio State University

Richard S. Crutchfield, Swarthmore College

Douglas G. Ellson, University of Mississippi

Burton R. Fisher, Yale University

Rosalind Gould, Bank Street School, New York

Ernest R. Hilgard, Stanford University

Herbert H. Hyman, Columbia University

Sara Jane Holtzberg, Columbia University

Daniel Katz, Brooklyn College

I. Krechevsky, New American Publications, Chicago

Wilma Lloyd, Institute of Child Welfare, University of California, Berkeley

Nathene Loveland

Robert B. MacLeod, Swarthmore College

Eleanor Maccoby

Sydney Roslow, New York State Education Department

M. Josephine Schlatter, Institute of Child Welfare, Berkeley

Jerome M. Seidman, Brooklyn College

Jane A. Shepherd, Federal Security Agency, Washington

Ruth Tolman, Los Angeles, California

Mildred Werner